

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ РУКОПИСИ:
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАРЛА МАРКСА

ТОМ ТРЕТИЙ

ОТ РИКАРДО
К ВУЛЬГАРНОЙ
ЭКОНОМИИ

Перевод С. САЛИТАН

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗИНОВЬЕВА
ЛЕНИНГРАД—1924

005

ПЯТЬ РСООН
Экземпляр
Читального зала

12-164

H

19894
N3

Предисловие.

В этой книге я предаю гласности последний том теорий прибавочной ценности Маркса.

О характере манускрипта и трудностях его издания мне уж немного остается прибавить к сказанному в предисловиях к первым двум томам.

Прежде всего я бы хотел поблагодарить, кроме уже названных там лиц, еще двух энергичных помощников, давших мне возможность проверить ряд цитат из произведений, которых здесь в Берлине нельзя было получить: один из них, профессор д-р К. Грюнберг в Вене, мне доставил важные книги из других библиотек. Далее, мой партийный друг Теодор Ротштейн в Лондоне взял на себя тяжелый труд сравнить с оригиналами в Британском музее цитаты из произведений, которые мне, несмотря на все, остались недоступными.

Из манускрипта „К критике политической экономии“ в первый том теорий прибавочной ценности входят преимущественно страницы 220—444, во второй том от 445 до 751 страницы, в третьем помещены страницы 752—1157. Только глава о Джон Стюарт Милле взята, за исключением нескольких строк в конце, из предыдущей части манускрипта, это страницы 319—345. Меньше, чем в предыдущих томах мне пришлось в этом томе собирать и переставлять разбросанные части. Это были до того немногочисленные и неважные места, что о них не стоит говорить, за исключением страниц 891—950 манускрипта, которые, как я полагал, лучше всего было отнести к концу.

Если мне пришлось меньше переставлять, зато я полагал, наоборот, что в этом томе я должен вычеркивать больше, чем в предыдущих. Именно, здесь часто встречаются рассуждения, которые прерывают ход исследования, и которые мы опять находим, часто дословно, во втором и третьем томе „Капитала“; тот же ряд мыслей иногда в самых разнообразных вариациях неоднократно повторяется. И помещенные мною в конце книги рассуждения имеются в сущности уже в третьем томе. Но они все-таки также относятся к истории теорий прибавочной ценности; кроме того в них имеются отдельные мысли, которых нет в изложении третьего тома. И рассуждения о вульгарной экономии служат логическим заключением всего произведения. Несом-

менно и Маркс закончил бы экскурсией по вульгарной экономии, если бы он зашел так далеко.

Но именно в этой части манускрипта мы находим указания на то, что Маркс видел, что по начатому пути он не пришел бы к цели, и построил новый план, тот, который имеется в „Капитале“.

На стр. 1109 манускрипта Маркс прерывает свои рассуждения о Шербулье и замечает:

„Во второй главе третьей части о „Капитале и прибыли“, где говорится об образовании всеобщей нормы прибыли, нужно иметь в виду следующее:

1. Различное органическое строение капиталов, отчасти обусловленное различием между переменным и постоянным капиталом, поскольку последнее зависит от ступени производства. Абсолютные, количественные отношения машин, сырого материала и массы труда, который приводит их в движение. Эти различия относятся к процессу труда. Нужно остановиться также на вытекающих из процесса обращения различиях между основным и оборотным капиталом, которые обуславливают различное возрастание ценности в данный период времени в различных отраслях. 2. Различия в отношении ценностей частей различных капиталов, которые не вытекают из их органического строения. Это вытекает исключительно из различия в value, особенно сырого материала, также при предположении, что он в двух различных отраслях поглощает одинаковое количество труда. 3. Разница норм прибыли в различных отраслях капиталистического производства, вытекающая из тех различий. Только для капиталов одинакового строения верно, что норма прибыли одна, и что сумма прибыли соответствует величине примененного капитала. 4. Но ко всему капиталу относится сказанное в гл. I. В капиталистическом производстве каждый капитал считается одной из частей, аликвотной частью всего капитала. Образование всеобщей нормы прибыли (конкуренция). 5. Превращение цен в цены производства. Различие между ценностью, ценой издержек и ценой производства. 6. Чтобы включить еще Рикардово: влияние общих колебаний заработной платы на всеобщую норму прибыли, и, следовательно, на цены производства“.

Здесь мы уже имеем общий план того, что теперь составляет первый и второй отдел третьей книги „Капитала“, которая рассматривает „весь процесс капиталистического производства в целом“. Маркс еще называет здесь эту книгу „Капитал и прибыль“. Ниже на несколько страниц, он уже намечает план всей книги, на 1139 странице манускрипта, при обсуждении „Textbook“ Р. Джонса. Там говорится:

„Третий отдел: „Капитал и прибыль“ разделить таким образом: 1. Превращение прибавочной ценности в прибыль. Норма прибыли в отличие от нормы прибавочной ценности. 2. Превращение прибыли в среднюю прибыль. Установление всеобщей нормы прибыли. Превращение ценностей в цены производства. 3. Теории А. Смита и Рикардо о прибыли и ценах производства. 4. Земельная рента (иллюстрация различия между ценностью и ценой производства). 5. История так называемого Рикардового закона ренты. 6. Закон падения нормы прибыли. А. Смит, Рикардо, Кэри. 7. Теории прибыли. Вопрос, не включить ли также взглядов Сисмонди и Мальтуса в теории прибавочной ценности. 8. Деление прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал. 9. Доход и его источники. Отнести сюда также вопрос об отношении процессов производства и распределения. 10. Прилив и отлив денег во всем процессе капиталистического производства. 11. Вульгарная экономия. 12. Заключение. Капитал и наемный труд“.

На следующей странице манускрипта Маркс прибавляет план первого тома:

„Первый отдел: Процесс производства капитала разделить таким образом: 1. Введение. Товар, деньги. 2. Превращение денег в капитал.

3. Абсолютная прибавочная ценность: а) Процесс труда и процесс возрастания ценности; б) Постоянный и переменный капитал; с) Абсолютная прибавочная ценность; д) Борьба за нормальный рабочий день; е) Одновременные рабочие дни (количество одновременно занятых рабочих). Сумма прибавочных ценностей и норма прибавочной ценности (величина и высота?). 4. Относительная прибавочная ценность: а) Простая кооперация; б) Разделение труда; с) Машины и т. д. 5. Комбинация абсолютной и относительной прибавочной ценности. Соотношение (пропорция) между наемным трудом и прибавочной ценностью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительный и непроизводительный труд. 6. Обратное превращение прибавочной ценности в капитал. Первоначальное накопление. Колониальная теория Уэджфильда. 7. Результат процесса производства. Изменение (change) в проявлении закона присвоения (law of appropriation) может быть изложено sub 6 или 7. 8. Теории прибавочной ценности. 9. Теории производительного труда*.

К сожалению, мне не удалось найти в манускрипте подобного плана также и для второго тома.

Во всяком случае, однако, достаточно наличности планов первого и третьего томов для доказательства того, что ко времени их составления план „Капитала“ у Маркса был уже готов во всех своих основных чертах. Тетрадь манускрипта, которая содержит 1066—1157 стр., не датирована. Предыдущая 17-ая тетрадь имеет надпись: октябрь и ноябрь 1862 г.; 19-ая датирована—январь 1863 г. Таким образом, мы можем считать декабрь 1862 г. временем составления 18-ой тетради. Тогда, за 5 лет до появления первого тома весь „Капитал“ был продуман до конца не только в общем развитии идеи, но уже в той самой планомерной системе, в какой он был опубликован.

Это несомненно вытекает уже из сопоставления приведенного здесь плана с оглавлением первого тома. Мы здесь имеем почти одно и то же. Под „изменением (change) в проявлении закона присвоения (law of appropriation)“ несомненно следует понимать мысли Маркса, развиваемые им в первом томе, как „историческую тенденцию капиталистического накопления“, которая ведет к экспроприации экспроприаторов.

Лишь два существенных различия выступают между предварительным планом и окончательной редакцией первого тома: в плане еще всюду высказывается намерение дать после изложения каждого отдельного пункта систематическое изложение истории теорий по данному вопросу, как это имело место в критике. Так, например, здесь изложение теорий прибавочной ценности и производительного труда; далее, в третьем томе, история теории ренты Рикардо, теории прибыли и цен производства Смита и Рикардо, теории падения нормы прибыли Смита, Рикардо и Кэри.

Всякий, несомненно, признает правильным, что изложение истории теорий, в конце концов, отчасти было перенесено в отдельный 4-ый том в виде связанного целого, отчасти попутно дано в отдельных подстрочных примечаниях.

Но почему Маркс отказался от своего прежнего намерения остановиться на вопросе о производительном труде в первом томе? Нельзя

допустить, что он вообще решил не останавливаться на этом вопросе в „Капитале“. Это слишком важный вопрос. Куда, однако, намеревался он перенести этот вопрос, когда он исключил его из первого тома? По этому поводу мы не можем, к сожалению, ничего сказать; мы не имеем ни малейшей точки опоры для определенного ответа.

Третий том в своей окончательной редакции еще определеннее, чем первый, соответствует предварительному плану книги. Если мы оставим в стороне вышеупомянутые экскурсии в область истории теорий ренты и прибыли, которые были предусмотрены в плане и затем отброшены, то различие между третьим томом в законченном виде и его предварительным планом заключается лишь в расположении материала. В предварительном плане изложение законов земельной ренты предшествует анализу торговой прибыли и денежного процента. В третьем томе изложение идет в обратном порядке. Первый кажется мне столь же удачным, как и второй; существенной разницы здесь нет.

Но во всяком случае план убеждает нас не только в том, что Энгельс, как издатель третьего тома, вполне исполнил намерения Маркса—это вряд ли нуждается в подтверждении—но также и в том, что изданные Энгельсом части содержат все то существенное, что Маркс предполагал сказать в третьем томе. Как ни существенны три пункта от 10-го по 12-ый, которые Маркс лишь намеревался разработать; как ни прискормно, что 9-й пункт, касающийся дохода, остался незаконченным,—то, что потеряно для нас, не представляет существенных элементов теории.

Наконец, план обоих томов должен положить конец последним отзвукам той болтовни, которая вновь появляется время от времени—что третий том представляет будто бы плод растерянности, неудавшуюся попытку выйти из тупика, куда Маркс попал в первом томе. Мы теперь знаем, что за 5 лет до появления первого тома третий был уже продуман Марксом не только в его конечных выводах, но даже в логической последовательности мыслей, в его настоящем виде. И если бы содержание второго и третьего тома „Теорий прибавочной ценности“ не дало ничего, кроме этого, они все же были бы неопределимы для понимания марксизма; они свидетельствовали бы на каждом шагу о том, что Маркс видел превосходство своей теории над теорией Рикардо как раз в том понимании разницы между ценностью и ценой производства, которое новейшие вульгарные экономисты объявляют неудачной попыткой выйти из затруднительного положения и полнейшим банкротством его теории ценности; и Маркс не только видел превосходство своей теории, но и доказал его.

Еще одно обвинение, гораздо худшее—так как оно набрасывает тень на моральный облик Карла Маркса—потеряло всякую почву под ногами с появлением этого тома; обвинение, проникшее в буржуазную экономию со времени появления книги Антона Менгера „Recht auf den

vollen Arbeitsertrag“ („Право на весь продукт труда): что Маркс будто бы заимствовал свою теорию прибавочной ценности у английских предшественников и тщательно скрывал ее источники. Правда, это обвинение было сразу же опровергнуто; оно постепенно замолкло также в немецкой литературе; но оно все еще всплывает в английской литературе.

Этот том показывает, как Маркс уже в 1862 г. самым тщательным образом отмечал и подчеркивал, что было сделано до него по вопросу о прибавочной ценности путем дальнейшего развития теории ценности Рикардо. И не от Маркса, а от злого рока, не позволившего ему закончить свое произведение, зависело то, что это исследование так поздно вышло в свет. По форме оно состоит из отрывков, но в действительности оно образует законченное целое. Маркс дает в настоящем томе все развитие теории прибавочной ценности до того пункта, от которого он сам отправляется. С Ричардом Джонсом буржуазная экономия достигает своего предела, как теория всего экономического процесса капиталистического способа производства, как беспристрастное стремление постичь его; но не как тенденциозная попытка оправдать его исторически и логически; буржуазная экономия не может подняться выше этого пункта. Историческая ситуация со времени появления чартизма лишила ее беспристрастия; да и логически она не может перешагнуть через представление Джонса о капиталистическом способе производства, как об исторической категории, поскольку она остается на почве буржуазного общества.

Дальнейший шаг вперед в теории всего процесса,—мы не говорим здесь об исследовании отдельных явлений—следующий за Джонсом, мог быть сделан лишь с точки зрения, стоящей над буржуазным обществом, возвышающейся над ним,—с точки зрения социалистической. Где кончает Ричард Джонс, там начинается Карл Маркс.

Если, однако, после чартизма, после июньского сражения и Ричарда Джонса дальнейшее развитие теоретического познания всего процесса капиталистического способа производства и тенденций его развития могло последовать лишь в социалистическом лагере, то как же объяснить, что и здесь до сих пор в основном не перешагнули через Карла Маркса, через „Капитал“ и, следовательно, через познания, достигнутые полвека тому назад? На чем же покоится громадный практический интерес к данной книге?

Около 12 лет тому назад действительно появилось в наших рядах направление, которое исходило из того воззрения, что научные теории должны-де меняться, как моды на платье, и что учение становится-де несостоятельным по одному тому, что оно достигло 50-летнего возраста.

Это направление сделало попытку перешагнуть через Маркса в высшему знанию; но в своей попытке пойти вперед оно отошло лишь назад за Маркса.

Неудачная попытка ревизионизма дать дальнейшее развитие теории яснее всего показывает, что мы еще не пошли дальше Маркса в основах политической экономии.

Как это об'яснить в эпоху постоянных переворотов в области естественных наук? Чем об'ясняется постоянство политической экономии?

Это об'ясняется отчасти личностью Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Чрезвычайно редки гиганты духа подобного рода, соединяющие в себе настолько проникновенный взгляд, такую смелость мысли и столь обширное знание с такой основательной эрудицией в специальных областях, с таким знакомством с практикой. Если подобный титан однажды овладевает какой-нибудь областью, то он долго властвует в ней, как король, сооружения которого дают работу возчикам, оставаясь в то же время нерушимыми.

Но подобного рода господство простирается лишь до пределов завоеванной области. Если она ограничивается, изменяется или совсем устраняется, благодаря новым фактам, новым методам наблюдения, которые дают фактам новое освещение, то господству прежнего властелина должен настать конец, как бы он ни был велик. Однако, в политической экономии новые факты и методы подобного рода не появлялись с тех пор, как написан „Капитал“; и на этом покоится его превосходство по настоящее время. Когда Маркс работал над своим „Капиталом“, в Англии и Франции появились уже зародыши тех явлений, которые ныне характеризуют всю экономическую жизнь,—концентрация капитала и связь промышленности с акционерными компаниями и банками.

Марксу удалось уловить уже в самом зародыше те тенденции, которые они несли в недрах своих, и таким образом все развитие последних 50 лет не сделало марксистскую теорию капитализма бессодержательной, а укрепило ее, что именно доказывается лучше всего постоянным увеличением числа сокрушителей Маркса. С такой яростью лишь с живым, силы которого боятся, борются.

К счастью для Маркса, да и для нас, он изучал капитализм в то время, когда последний, по крайней мере в Англии, уже развил все свое своеобразие значительно полнее, чем в эпоху Рикардо; Маркс изучал его в то время, когда капитализм подошел вплотную к развитию своих последних и высших форм. Ибо перешагнуть через господство акционерных компаний и банков над централизованной промышленностью капитализм не может: капитал становится здесь совершенно безличной, исключительно общественной силой.

Если 50 лет тому назад дальнейшее развитие теории капитализма было возможно лишь с точки зрения социализма, то теперь дальнейшее развитие практики социализма возможно еще лишь на пути к социализму! Но это означает иными словами, что преодоление созданной Марксом теории возможно лишь путем победоносного пре-

движения вперед указанной Марксом практики. Теоретик Маркс может быть вытеснен не каким-либо другим теоретиком, а лишь практиком-Марксом. Пока это не осуществится, он будет господствовать в теории, и его „Капитал“ останется первоисточником всего научного познания в области экономики и классическим произведением экономической теории.

Поэтому я рассматриваю издание настоящего тома не только как акт пиетета по отношению к покойному учителю, но как важное событие для научного мира и для борющегося пролетариата: достигает завершения то великое творение, которое было начато полвека тому назад произведением „К критике политической экономии“, и которое с тех пор с растущей силой определяет политическое и экономическое мышление и действие пролетарской классовой борьбы народов.

Берлин, годовщина смерти Маркса,
14 марта. 1910 г.

К. Каутский.

ОТ РИКАРДО
К ВУЛЬГАРНОЙ
ЭКОНОМИИ.

1. Томас Роберт Мальтус.

1) Ценность и прибавочная ценность.

Предметом нашего обсуждения здесь служат следующие произведения Мальтуса:

1. The Measure of value stated and illustrated, with an application of it to the alterations in the value of the English currency since 1790. Лондон 1823.

2. Definitions in Political Economy etc. Лондон, 1827. Мы должны еще остановиться на том же произведении, изданном Джоном Казеновым, Лондон 1853 г. с „notes and supplementary remarks“.

3. Principles of Political Economy etc. 2 изд. Лондон. 1836 г (1 издание 1820 г.).

4. Нужно еще принять во внимание следующее произведение одного мальтузианца (то-есть мальтузианца в противоположность рикардianцам): Outlines of Political Economy etc. Лондон. 1832.

В своем сочинении „Observations on the effects of the corn laws“ (1814) Мальтус говорит еще об А. Смита:

„Д-р Смит очевидно пришел к этому способу доказательства благодаря своей привычке рассматривать труд ¹⁾, как неподвижное мерило ценности, и хлеб, как мерило труда... Ни труд, ни какой-либо другой товар не может служить точным мерилом реальной меновой ценности; это рассматривается теперь, как одно из неопровержимейших учений политической экономии; и это действительно вытекает уже из определения меновой ценности“.

Но в своем произведении от 1820 г. „Principles of Political Economy“ он взял для своих возражений против Рикардо, это „мерило ценности“ от Смита, которым сам Смит никогда не пользуется там, где он действительно развивает свою теорию. Сам Мальтус в цитированном произведении о ренте придерживался другого определения Смита, определения ценности предмета суммой капитала (накопленного труда) и труда (непосредственного), которое требуется для производства этого предмета.

Вообще, нельзя не признать того, что как „Principles“ Мальтуса, так и два других цитированных произведения, которые должны были

---

¹⁾ Именно ценность труда.

развить их подробнее, главным образом обязаны своим возникновением зависти успехам Рикардовского произведения и попытке снова выдвигаться вперед, чего Мальтус, как ловкий плагиатор, добился мошенническим способом, до появления Рикардовского произведения. К тому же в произведении Рикардо, хотя и абстрактное еще развитие определения ценности было направлено против интересов землевладельцев и их свиты, которые Мальтус защищал еще более непосредственно, чем интересы промышленной буржуазии. При этом нельзя отрицать того, что Мальтус имел известный теоретический интерес к головоломной работе. Однако, его возражения против Рикардо — и их способ — были возможны лишь благодаря тому, что Рикардо запутался во всякого рода непоследовательностях. Во-первых, возникновение прибавочной ценности; далее, способ понимания самим Рикардо выравнивания цен производства в различных областях применения капитала, как изменения закона ценности; его постоянное смешивание прибыли и прибавочной ценности (прямое отождествление их), — со всем этим Мальтус связывает свои возражения. Мальтус не распутывает этих противоречий и *quid pro quos*, а берет их у Рикардо, чтобы, опираясь на эту путаницу, опровергнуть Рикардовский основной закон ценности и т. д. и сделать приятные его покровителям выводы.

Собственно заслуга Мальтуса в этих трех произведениях состоит в том, что он подчеркивает неравный обмен между капиталом и наемным трудом; между тем как Рикардо в действительности не доказывает, как из обмена товаров по закону ценности — но заключенному в них рабочему времени — вытекает неравный обмен между капиталом и живым трудом, между определенным количеством накопленного труда и определенным количеством непосредственного труда. Вследствие этого у Рикардо остается неясным происхождение прибавочной ценности, так как у него капитал обменивается непосредственно на труд, не на рабочую силу. Один из немногих позднейших сторонников Мальтуса, Казенов, в предисловии к вышеупомянутому произведению „Definitions etc“, отмечая это, говорит:

„Обмен товаров и распределение (заработная плата, рента, прибыль) должны рассматриваться отдельно друг от друга... Законы распределения не зависят всецело от тех законов, которые относятся к обмену“. (Предисловие VI, VII).

Это означает не что иное, как то, что отношение заработной платы и прибыли, обмен капитала и наемного труда, накопленного труда и живого труда, не совпадает непосредственно с законом обмена товаров.

Если рассматривать капитализирование денег или товара, — следовательно, не их ценность (*Wert*), а капиталистическое возрастание их ценности (*Verwertung*), — то ясно, что прибавочная ценность есть не что иное, как излишек труда (не-

оплаченный труд), которым распоряжается капитал, товар, или деньги, сверх того количества труда, которое в них ¹⁾ самих содержится. Товар покупает, кроме заключенного в нем самом количества труда, излишек труда, которого в нем не было. Этот излишек образует прибавочную ценность; от его величины зависит степень возрастания ценности. И это излишнее количество живого труда, на которое он обменивается, составляет источник прибыли. Прибыль (лучше прибавочная ценность) получается не из эквивалента овеществленного труда, который обменивается на одинаковое количество живого труда, а из части живого труда, которая присваивается при этом обмене без уплаты эквивалента; из неоплаченного труда, который присваивает себе капитал в этом кажущемся обмене. Если, следовательно, отвлечься от посредствующих звеньев этого процесса, — и Мальтус тем более имеет право отвлечься от этого, что у Рикардо эти посредствующие звенья отсутствуют, — если иметь в виду лишь фактическое содержание и результат процесса, то возрастание ценности, прибыль, превращение денег или товара в капитал получается не оттого, что товары обмениваются соответственно закону ценности, именно соответственно рабочему времени, которого они стоят; а скорее, наоборот, оттого, что товары или деньги (овеществленный труд) обмениваются на большее количество труда, чем в них содержится, чем на них затрачено. Подчеркивание этого пункта, выступающего у Рикардо тем менее ясно, что он всегда предполагает готовый продукт, который делится между капиталистом и рабочим, не останавливаясь на обмене, посредствующем процессе, который приводит к этому делению, является единственной заслугой Мальтуса в вышеуказанных произведениях. Эта заслуга отпадает оттого, что капитализирование денег или товара, следовательно, их ценность в специфической функции, как капитала, он смешивает с ценностью товара, как такового; поэтому, как увидим, он в дальнейшем изложении возвращается к бессмысленным представлениям монетарной системы — прибыль, получаемая благодаря отчуждению (Profit prop expropriation) — и вообще запутывается в самом безотрадном хаосе. Таким образом, вместо того, чтобы пойти дальше Рикардо, Мальтус старается в своем произведении отодвинуть политическую экономию назад за Рикардо, даже за Смита и физиократов.

„В данной стране, в данное время меновая ценность товара, которая состоит только из труда и прибыли, точно измеряется количеством труда, являющимся результатом накопленного и непосредственного труда, который действительно был затрачен на его производство, плюс изменяющаяся сумма прибыли на весь авансированный капитал, измеряемый трудом. Но это необходимо должно выражать то же самое количество труда, которым может распоряжаться товар“ (The Measure of value stated and illustrated, стр. 15, 16).

„Труд, которым может распоряжаться товар, есть мерило его ценности“ (I. c. стр. 61).

¹⁾ В оригинале здесь сказано „in ihr“, вместо „in ihnen“.

Прим. переводчика.

„Нигде¹⁾ еще не было установлено, что количество труда, которым распоряжается обычно товар, должно выражать и определять затраченное при его производстве количество труда плюс прибыль“ (Definitions in Political Economy etc., стр. 196. Лондон 1897 г.).

Господин Мальтус хочет сразу включить в определение ценности „прибыль“, чтобы она непосредственно вытекала из этого определения, чего нет у Рикардо. Отсюда видно, что он чувствует, в чем заключалась трудность.

Вообще, в высшей степени нелепо его отождествление ценности товара и капитализирования его. Когда товар или деньги (короче овеществленный труд) обмениваются как капитал на живой труд, они всегда обмениваются на большее количество труда, чем в них самих содержится; если, с одной стороны, сравнить товар до обмена, с другой стороны, продукт, получаемый в результате обмена с живым трудом, то оказывается, что товар обменивается на свою собственную ценность (эквивалент) плюс излишек сверх его собственной ценности, прибавочная ценность. Но нелепо поэтому говорить, что ценность товара равняется будто бы его ценности плюс излишек сверх этой ценности. Поэтому, когда товар обменивается, как товар, на другой товар, а не, как капитал, на живой труд, то он обменивается — поскольку он обменивается на эквивалент — на то же количество овеществленного труда, которое в нем содержится.

Важно, следовательно, лишь то, что по Мальтусу прибыль непосредственно уже имеется в ценности товара, и что ему ясно одно: товар всегда распоряжается большим количеством труда, чем в нем содержится:

„Именно потому, что труд, которым обычно распоряжается товар, представляет труд, действительно затраченный на его производство, плюс прибыль; именно потому мы имеем право считать его (труд) мерилом ценности. Если, следовательно, предполагается, что обычная ценность товара определяется естественными и необходимыми условиями его изготовления (supply)²⁾, то ясно, что только труд, которым он обычно может распоряжаться, является мерилом этой ценности“ (Definitions in Political Economy etc. стр. 214).

„Элементарные издержки производства: выражение, которое в точности соответствует условиям производства“ (I. с. изд. Казенова, стр. 14).

„Мерило условий производства: количество труда, на которое обменивается товар, когда он находится в своем естественном и нормальном состоянии“ (I. с. изд. Казенова, стр. 14).

„Количество труда, которым распоряжается товар, представляет точно то же количество труда, которое было затрачено на его производство, плюс прибыль на авансы; поэтому оно представляет и измеряет в действительности естественные и необходимые условия производства; те элементарные издержки производства, которые определяют ценность“ (I. с. изд. Каз. стр. 125).

„Даже когда спрос на товар не соответствует количеству другого товара, которое покупатель хочет и может дать, он все же соответствует в действительности количеству труда, которое он хочет за него дать; а именно по следующей причине: количество труда, которым товар обычно распоряжается, предста-

¹⁾ До его собственного произведения „The Measure of value etc.“.

²⁾ Эти условия представляют именно по Мальтусу, I. с. стр. 213 „накопленный и непосредственный труд, заключенный в товаре, плюс обычная прибыль на весь авансированный капитал за то время, когда он был авансирован“.

вляет в точности действительный спрос на него, так как оно в точности представляет то количество труда и прибыли, которое требуется для его производства. Когда количество труда, которым действительно распоряжается товар, отклоняется от нормального количества, то это представляет излишний или недостаточный спрос, который вытекает из преходящих причин“ (I. с. изд. Каз. стр. 135).

Мальтус и в этом прав. Условие изготовления, т.-е. производства или лучше воспроизводства товара на основе капиталистического производства, состоит в том, что он или его ценность (деньги, в которые он превращается) обменивается в процессе его производства или воспроизводства на большее количество труда, чем в нем содержится; ибо он производится только с тем, чтобы реализовать прибыль.

Например, фабрикант ситцевых изделий продал свой ситец. Условием производства нового ситца служит обмен денег—меновый ценности ситца—на большее количество труда в процессе воспроизводства ситца, чем в нем содержится или выражено в деньгах. Ибо фабрикант ситцевых изделий производит ситец, как капиталист. Что он хочет произвести, это не ситец, а прибыль. Производство ситца есть лишь средство для производства прибыли. Но что следует отсюда? В произведенном ситце содержится больше рабочего времени, больше труда, чем в авансированном ситце. Этот излишек рабочего времени, прибавочная ценность, выражается также в добавочном продукте, большем количестве ситца, по сравнению с тем, которое было обменено на труд. Таким образом, часть продукта не возмещает обмененного на труд ситца, а образует добавочный продукт, принадлежащий фабриканту. Или если будем рассматривать весь продукт, то каждый локоть ситца содержит аликвотную часть, или его ценность содержит аликвотную часть, за которую не платят эквивалента, которая представляет неоплаченный труд.

Если, следовательно, фабрикант продает локоть ситца по его ценности, то-есть, если он его обменивает на деньги или товар, в котором содержится одинаковое количество рабочего времени, то он реализует такую сумму денег или получает такое количество товара, которое ему ничего не стоит; ибо он продает ситец не по тому рабочему времени, за которое он заплатил, а по тому рабочему времени, которое в нем содержится; а за часть этого рабочего времени он не заплатил.

В ситце содержится, например, рабочее время, равное 12 шиллингам. Из них он заплатил лишь 8 шиллингов. Он продает товар за 12 шиллингов, когда он его продает по его ценности; он выигрывает, следовательно, 4 шиллинга. Что же касается покупателя, то он платит, согласно предположению, во всяком случае, только ценность ситца. То-есть он дает сумму денег, в которой содержится столько же рабочего времени, как и в ситце. Здесь возможны три случая. Покупатель является капиталистом. Деньги (то-есть ценность товара), которые он платит, также содержат часть неоплаченного труда. Если, следовательно,

один продает неоплаченный труд, то другой покупает на неоплаченный труд. Каждый реализует неоплаченный труд, один как продавец, другой как покупатель. Или покупатель является самостоятельным производителем. Он получает таким образом эквивалент за эквивалент. Оплачен ли труд, который продавец продает ему в товаре, или нет, это его несколько не касается. Он получает столько овеществленного труда, сколько он даст. Или, наконец, он является наемным рабочим. И в этом случае он получает, как всякий другой покупатель, при предположении, что товар продается по своей ценности, эквивалент в товаре за свои деньги. Он получает столько овеществленного труда в товаре, сколько он дает деньгами. Но за деньги, составляющие его заработную плату, он дал больше труда, чем содержится в деньгах. Он, следовательно, заплатил за деньги больше их ценности; он таким образом заплатил также за эквивалент денег, за ситец, больше его ценности. Поэтому издержки для него, как покупателя, больше, чем для продавца всякого товара, хотя в товаре он получает эквивалент за свои деньги; но в деньгах он не получил эквивалента за свой труд; отданный им труд представляет, наоборот, больше, чем эквивалент. Таким образом, исключительно рабочий заплатил за все товары, даже когда он их покупает по их ценности, выше их ценности, так как он купил общий эквивалент за труд, деньги, выше их ценности. От этого не получает [особого] выигрыша тот, кто продает товар рабочему. Последний платит ему не больше всякого другого покупателя, ценность труда. Капиталист, который продает рабочему произведенный последним товар, получает, конечно, прибыль в этой продаже, но ту же прибыль, которую он реализует при всяком другом покупателе. Что касается этого рабочего, то прибыль капиталиста получается не оттого, что он ему продает товар выше его ценности, а оттого, что перед этим, действительно, в процессе производства, он купил его у рабочего ниже его ценности.

Подобно тому как Мальтус превращает капитализирование товара в его ценность, он, оставаясь последовательным, превращает всех покупателей в наемных рабочих, то-есть заставляет их всех давать капиталисту в обмен вместо товара непосредственный труд; и все они, по Мальтусу, отдают ему больше труда, чем содержится в товаре; меж тем как его прибыль, наоборот, получается оттого, что он продает весь заключенный в товаре труд, в то время как он заплатил лишь за часть заключенного в товаре труда. Таким образом, у Рикардо трудность [получается оттого], что закон обмена товаров не объясняет непосредственно обмена между капиталом и наемным трудом; невидимому, скорее ему противоречит; а Мальтус разрешает проблему тем, что превращает покупку (обмен) товаров в обмен между капиталом и наемным трудом. Чего Мальтус не понимает, это разницы между всей суммой труда, заключенного в товаре, и содержащимся

в нем количеством оплаченного труда. Именно эта разница служит источником прибыли. Но далее Мальтус необходимо приходит к объяснению прибыли тем, что продавец продает товар не только выше цены, которой он ему стоит (и это делает капиталист), но выше той цены, которой он стоит; таким образом, он возвращается к вульгарному взгляду на прибыль, получаемой путем отчуждения; поэтому у него прибавочная ценность получается оттого, что продавец продает товар выше его ценности (то-есть за большее количество рабочего времени, чем в нем содержится). То, что он таким образом выигрывает, как продавец товара, он теряет, как покупатель другого товара; и абсолютно непонятно, какая должна „получиться прибыль“ от такого всеобщего номинального повышения цен. Именно как общество en masse должно от этого разбогатеть; как от этого может получиться настоящая прибавочная ценность. Это нелепое бессмысленное представление.

А. Смит, как мы видели, наивно высказывает все противоречащие элементы, и таким образом он становится источником, исходным пунктом для диаметрально противоположных взглядов. Опираясь на эти положения, господин Мальтус делает приводящую к путанице, но покоящуюся на правильном чутье и сознании неразрешенной трудности попытку дать новую теорию в противоположность Рикардо и говорить о „первом месте“. Переход от этой попытки к бессмысленному вульгарному пониманию совершается таким образом:

Что касается капитализирования товара, т.-е. его обмена на живой производительный труд—то он распоряжается кроме заключенного в нем самом рабочего времени—в эквиваленте, который воспроизводит рабочий—прибавочным рабочим временем, которое служит источником прибыли. Но если мы перенесем это возрастание ценности товара на его ценность, то каждый покупатель товара должен относиться к нему, как рабочий; т.-е., кроме заключенного в нем количества труда, он должен при покупке давать взамен добавочное количество труда. Так как кроме рабочих остальные покупатели не относятся к товару, как рабочие (даже там, где рабочий выступает только как покупатель товара, сохраняется, как мы видели, старое основное различие), то нужно полагать, что они дают непосредственно не больше труда, чем содержится в товаре, а ценность, в которой содержится больше труда, что означает то же самое. Посредством этого [количества] „добавочного труда, или, что означает то же самое, ценности большего количества труда“, совершается переход. В действительности, следовательно, дело сводится к следующему: ценность товара состоит в ценности, которую за нее платит покупатель, и эта ценность равняется эквиваленту (ценности) товара плюс излишек сверх этой ценности, прибавочная ценность. Следовательно, вульгарное понимание Прибыль состоит в том, что товар продается дороже, чем покупается. Покупатель

покупает его за большее количество труда, или овеществленного труда, чем он стоит продавцу.

Но если покупатель сам [является] капиталистом, продавцом товаров, и его деньги—его капитал—представляет только проданный товар, то из этого вытекало бы только, что оба [покупатель и продавец] продают друг другу свои товары слишком дорого, и таким образом надувают друг друга—и надувают в такой степени, как если бы оба они реализовали лишь общую норму прибыли. Откуда, следовательно, должны получиться покупатели, которые уплачивают капиталисту то количество труда, которое равняется заключенному в его товаре труду плюс его прибыль? Например. Товар стоит продавцу 10 шиллингов. Он его продает за 12 шиллингов. Он распоряжается посредством него трудом не только на 10 шиллингов, а на 2 шиллинга больше. Но покупатель также продает свой товар, стоящий 10 шиллингов, за 12 шиллингов. Каждый теряет таким образом, как покупатель, то, что он выиграл, как продавец. Единственное исключение составляет рабочий класс. Ибо, так как цена продукта повышается сверх цены его издержек, то они могут обратно купить лишь часть продукта, и таким образом, другая часть продукта, или цена этой другой части образует прибыль для капиталиста. Но так как прибыль получается именно оттого, что рабочие могут купить обратно лишь часть продукта, то класс капиталистов никогда не может реализовать своей прибыли благодаря спросу рабочих; никогда не может реализовать ее благодаря тому, что он обменивает весь продукт на заработную плату; а скорее благодаря тому, что он обменивает всю заработную плату только на часть продукта. Следовательно, необходим другой спрос и необходимы другие покупатели, помимо самих рабочих, иначе не было бы прибыли. Откуда они берутся? Если они сами капиталисты, сами продавцы, то получается вышеуказанное самонадувательство класса капиталистов; они номинально повышают друг для друга цену своих товаров, и каждый выигрывает, как продавец, то, что он теряет, как покупатель. Таким образом [по Мальтусу] необходимы покупатели, которые не являются продавцами, чтобы капиталист [мог] реализовать свою прибыль, „продавать“ товары „по их ценности“. Отсюда необходимость существования землевладельцев, пенсионеров, владельцев синекур, попов и т. д., включая их лакеев и прихвостней. Каким образом эти „покупатели“ приобретают покупательные средства—как они раньше должны еще взять у капиталиста часть его продукта без эквивалента, чтобы на взятое, таким образом, купить обратно меньше эквивалента—этого господин Мальтус не развивает. Во всяком случае отсюда вытекают его разглагольствования о возможно большем увеличении непродуцируемых классов, чтобы продавцы находили рынок, спрос на свой товар. И таким образом получается далее, что памфлетист народонаселения проповедует, как усло-

вие производства, постоянное чрезмерное потребление и присвоение бездельниками возможно большей доли годового продукта. Это необходимо вытекает из теории. Это оправдывается далее еще тем, что капитал служит представителем влечения к абстрактному богатству, влечения к увеличению ценности, что, однако, может быть реализовано благодаря классу покупателей, служащих представителями влечения к растратам, потреблению, мотовству; именно благодаря непроизводительным классам, которые являются покупателями, не будучи продавцами. На этой основе между мальтузианцами и рикардianцами [завязался] великолепный спор в двадцатых годах (время от 1820 до 1830 года вообще представляет выдающуюся метафизическую эпоху в английской политической экономии). Рикардianцы, так же как и мальтузианцы, считают необходимым, чтобы рабочий не получал сам [всего] своего продукта, а чтобы часть его доставалась капиталисту; чтобы он, рабочий, имел стимул к производству, и чтобы таким образом был обеспечен рост богатства. Но они неистовствуют по поводу взгляда мальтузианцев, что землевладельцы, владельцы государственных и церковных синекур и целое стадо праздных клиентов (*retainers*) сначала должны себе присвоить часть продукта капиталистов без эквивалента, совершенно так же, как капиталист поступает с рабочим, чтобы потом откупить [у капиталиста] с прибылью на эти самые их собственные товары. Хотя рикардianцы говорят то же самое относительно рабочих. Чтобы росло накопление, следовательно, и спрос на труд, рабочий должен из своего собственного продукта уступить даром возможно больше капиталисту, чтобы этот последний опять превратил в капитал полученный таким образом чистый доход. Также аргументируют и мальтузианцы. У промышленных капиталистов нужно возможно больше брать даром в виде ренты, налогов и т. д., чтобы они могли снова продать с прибылью своим „партнерам“ в далеко не полюбовной сделке. Рабочий не должен брать себе своего собственного продукта, чтобы не терять стимула к труду, говорят рикардianцы вместе с мальтузианцами. Промышленный капиталист должен часть своего продукта уступать потребляющим только классам — *fruges consumere pati* — чтобы эти последние на невыгодных условиях снова обменяли с ним то, что им было уступлено. Иначе капиталист потерял бы стимул к производству, который состоит именно в том, что он получает большую прибыль, продает свой товар гораздо выше его ценности. Мы потом вернемся к этой комической борьбе. Сначала [еще несколько цитат] в доказательство того, что Мальтус приходит к совершенно ординарному представлению.

„Как бы ни было велико число меновых актов, через которые должны проходить товары, отправляют ли производители их в Китай, или они их продают там, где они были произведены. — Вопрос, достигают ли товары соответствующей цены, зависит исключительно от того, могут ли производители воспроизвести свои капиталы с обычной прибылью; так что они в состоянии с успехом про-

должать свое дело. Но что представляют собой их капиталы? Это, как говорит А. Смит, орудия, которыми работают, обрабатываемые материалы и средства для управления необходимым количеством труда" (Definitions, изд. Казенова, стр. 70).

И это, полагает он, есть весь труд, затраченный на товар.

Прибыль есть излишек сверх труда, затраченного таким образом на производство товара; следовательно, в действительности линия номинальная прибавка к цене издержек товара. И чтобы не оставалось никакого сомнения относительно его взгляда, он ссылается на полковника Торренса „On the Production of Wealth“ (6 глава, стр. 379), для подтверждения своей мысли: „Действительный спрос состоит в способности и склонности потребителей ¹⁾ дать за товар в непосредственном или посредственном обмене большую часть всех составных частей капитала, по сравнению с тем, что стоило их производство“ (Definitions, изд. Казенова, стр. 70).

И сам господин Казенов, издатель, апологет и комментатор „Definitions“ Мальтуса говорит:

„Прибыль не зависит от отношения, в каком товары обмениваются друг на друга ²⁾ (так как при всякой высоте прибыли может существовать одно и то же отношение); но она зависит от отношения между ценой и заработной платой или суммой денег, требуемой для покрытия издержек производства: это отношение, во всяком случае, определяется тем, насколько жертва, которую приносит покупатель или количество (worth) труда, которое он отдает, чтобы получить товар,—превышает затраты, которых он стоил производителю, доставившему его на рынок“ (L. с. изд. Каз., стр. 46).

Чтобы достичь этих прекрасных результатов, Мальтус должен был проделать большую теоретическую подготовительную работу. Прежде всего, [принимая] одну часть учения А. Смита—ценность товара равна количеству труда, которым товар распоряжается, или который его покупает или на который он обменивается—необходимо было устранить возражения, сделанные самим А. Смитом и его последователями, а также и Мальтусом против того положения, что ценность может быть мерилом ценности.

Сочинение: „The Measure of value stated and illustrated“ (Лондон, 1823) является истинным образцом слабоумия, казуистически лавирующего среди собственной внутренней неразберихи. Его беспомощное и тяжеловесное изложение оставляет у беспристрастного и недостаточно подготовленного читателя впечатление, что трудность понять путаницу, как нечто ясное, кроется будто бы не в противоре-

¹⁾ Противоположность между покупателем и продавцом становится противоположностью между потребителем и производителем.

²⁾ Именно, если бы рассматривался лишь обмен товаров между капиталистами, то теория Мальтуса оказалась бы абсурдной, раз нет обмена с рабочими, которые не располагают никакими товарами для обмена с капиталистами, кроме труда; просто как обоюдная прибавка к цене, номинальная прибавка к цене своих товаров. Поэтому необходимо было отвлечься от товарного обмена, лица, не производящие ни к а к и х товаров, должны обменивать деньги.

речи между путаницей и ясностью, но в недостатке понимания со стороны читателя.

Мальтус прежде всего уничтожил Рикардово разграничение между „ценностью труда“ и „количеством труда“, и из того, что у Смита стояло рядом, оставил одну только ошибочную часть.

„Любое количество труда должно иметь ту же самую ценность, как и заработная плата, которая им распоряжается, или на которую обменивается труд“ (The Measure of value stated and illustrated, стр. 5).

Цель этой фразы заключается в отождествлении выражения— количество труда и ценность труда. Сама по себе эта фраза выражает простую тавтологию, абсурдное общее место. Так как заработная плата или то, на что оно (данное количество труда) обменивается, составляет ценность этого количества труда, то является тавтологией утверждение: ценность определенного количества труда равняется той заработной плате или тому количеству денег либо товаров, на которое обменивается этот труд. Это означает другими словами не что иное, как—меновая ценность определенного количества труда равна его меновой ценности, иначе называемой заработной платой. Но не говоря о том, что не труд обменивается непосредственно на заработную плату, а рабочая сила; благодаря этому смешению становится возможной бессмыслица; не говоря уже об этом, из вышесказанного отнюдь не следует, что определенное количество труда равно количеству труда, заключенному в заработной плате, или в деньгах, или в товарах, в которых выражается заработная плата. Если рабочий работает 12 часов и получает продукт 6 часов (его заработная плата), то этот продукт 6-часового труда составляет ценность (именно заработную плату, обмениваемый на нее товар) за 12 часов труда. Отсюда не следует, что 6-ти часовой труд равен 12-ти часовому; или что товар, в котором представлено 6 часов, равен товару, заключающему в себе 12 часов; не следует, что ценность заработной платы равна ценности продукта, в котором выражается труд. Отсюда лишь следует, что ценность труда (так как она определяется ценностью рабочей силы, но не выполненным этой силой трудом), ценность определенного количества труда содержит меньше труда, чем оно покупает; что поэтому ценность товара, в котором выражается купленный труд, значительно отличается от ценности тех товаров, на которые данное количество труда было куплено, или которые распоряжаются этим трудом. Господин Мальтус делает обратный вывод. Так как ценность данного количества труда равна его ценности, то по его мнению следует, что ценность, в которой выражается это количество труда, равна ценности заработной платы. Отсюда следует далее, что непосредственный труд (следовательно, за вычетом средств производства), который заключается, содержится в товаре, не создает ценности больше той, которая была за него уплачена; что он лишь воспроизводит ценность заработной платы.

Уже из этого само собой вытекает, что прибыль не может быть объяснена, раз ценность товаров определяется заключенным в них трудом; что она, наоборот, должна быть выведена из другого источника; предполагается именно, что ценность товара должна включать прибыль, реализуемую товаром. Ибо затраченный на него труд состоит, во-первых, из труда, заключенного в изношенной и потому, вновь появляющейся в ценности продукта машины; во-вторых, из труда, заключенного в потребленном сыром материале; оба эти элемента не увеличивают, конечно, заключенного в них до производства товара труда, благодаря тому, что они становятся элементами производства нового товара. Остается, следовательно, в-третьих, труд, заключенный в заработной плате, который был обменян на живой труд. Последний, однако, по Мальтусу не превышает овеществленного труда, на который он выменивается. Отсюда следует, что если бы ценность товара определялась заключенным в нем трудом, то он не доставлял бы прибыли. Если же он дает прибыль, то это излишек цены товара сверх заключенного в нем труда. Таким образом, чтобы товар продан был по своей ценности (которая включает прибыль), он должен распоряжаться количеством труда, равным затраченному на него труду, плюс излишек труда, который выражает прибыль, реализуемую при продаже товара.

Далее, чтобы труд, не количество требуемого для производства труда, а труд, как товар, мог служить мерилom ценностей, Мальтус утверждает, что „ценность труда постоянна“ (*The Measure of value etc.*, стр. 29, прим.). Здесь нет ничего оригинального, это перифраза и дальнейшее развитие положения А. Смита в 1 книге, 6 главе.

„Можно сказать, что везде и во всякое время одинаковые количества труда имеют для рабочего одинаковую ценность. В нормальном состоянии здоровья, сил и бодрости (spirits) он всегда должен отдавать одинаковую часть досуга, свободы, счастья. Цена, которую он платит, всегда должна оставаться той же, каково бы ни было количество товаров, которые он за это получает. Из них он может купить большее, или меньшее количество; но изменяется ценность этих товаров, а не ценность покупаемого труда. Везде и повсюду дорого то, что трудно получить, или производство чего стоит много труда, и дешево, что может быть получено легко или с небольшим количеством труда. Следовательно, только труд, ценность которого никогда не изменяется, является конечным и действительным масштабом, которым ценность всех товаров может всегда и повсюду измеряться и сравниваться“.

Далее [сюда относится] открытие Мальтуса, которым он так гордится, и о котором он говорит, что он его впервые сделал; именно что ценность равняется количеству труда, заключенного в товаре, плюс количество труда, представляющего прибыль. Это открытие также, очевидно, представляет очень просто соединение двух положений Смита (Мальтус никогда не перестает быть плагиатом):

„Реальная ценность всех различных составных частей цены измеряется количеством труда, который может купить или которым может распоряжаться каждая из этих частей. Труд служит мерилom ценности не только той части цены, которая выражена в труде, но и той, которая выражена в ренте, также в прибыли“ (1. с. 1 книга, 6 глава).

Мальтус говорит следующее:

„Если повышается спрос на труд, то более высокая заработная плата получается не вследствие повышения ценности труда, а вследствие падения ценности продукта, на который обменивается труд. В случае излишка труда более низкая заработная плата объясняется возрастанием ценности продуктов, а не падением ценности труда“ (The Measure of value etc., стр. 35, cf. стр. 33, 34).

Приведем то место, где Бэли очень хорошо высмеивает доказательство Мальтуса, что ценность труда остается будто бы неизменной [При этом нужно заметить, что] дальнейшее изложение Мальтуса не касается Смита:

„Таким же образом можно было бы доказать относительно каждого предмета, что он имеет неизменную ценность; например, относительно 10 локтей сукна: ибо даем ли мы 5 фунтов стерлингов или 10 фунтов за эти 10 локтей, сумма всегда будет равняться по ценности сукну, за которое она заплачена; или, другими словами, по отношению к сукну она всегда будет обладать неизменной ценностью. Но то, что дается за вещь неизменной ценности, само должно быть неизменным; эти 10 локтей сукна должны, следовательно, обладать неизменной ценностью. Если мы считаем, что заработная плата имеет неизменную ценность, так как она, хотя и изменяется в величине, всегда располагается одинаковым количеством труда, то это не более верно, чем когда мы полагаем, что сумма, которую нужно уплатить за шляпу, имеет неизменную ценность, так как она всегда покупает шляпу, хотя и один раз дороже, другой раз дешевле“ (A critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of value etc., стр. 145, 146, 147. Лондон 1825).

В том же произведении Бэли очень едко высмеивает нелепые, претендующие на глубокомыслие таблицы с вычислениями, где Мальтус „иллюстрирует“ свое мерило ценности. В своих „Definitions in Political Economy“, где Мальтус выражает свой гнев по поводу сарказма Бэли, он, между прочим, пытается таким образом доказать неизменную ценность труда: „Значительная группа товаров, как сырые продукты, имеет тенденцию возрастать с прогрессом общества, по сравнению с трудом; между тем как другая группа товаров, продукты индустрии, имеет тенденцию падать. Таким образом мы близки к истине, когда говорим, что в среднем масса товаров, которая распоряжается данным количеством труда в одной и той же стране, не должна была бы значительно изменяться в течение многих столетий“ (Definitions etc., стр. 206. Лондон 1827).

Ценность труда никогда будто бы не изменяется, а изменяется лишь ценность товара, который я за него получаю. Предположим, что один раз заработная плата = 2 шиллингам за рабочий день, другой раз она = 1 шиллингу. В первом случае капиталист дает вдвое больше шиллингов за то же рабочее время, чем во втором. Но во втором случае рабочий дает вдвое больше труда за тот же продукт, чем в первом; ибо во втором случае он дает целый рабочий день за 1 шиллинг, а в первом лишь половину. Но господин Мальтус полагает, что капиталист дает за один и тот же труд то больше, то меньше шиллингов. Он не видит, что рабочий совершенно также дает больше или меньше труда за определенный продукт.

„Отдать больше продукта за данное количество труда или получить больше труда за данное количество продукта, это для него (Мальтуса) одно и то же. И все же нужно было бы полагать, что это две противоположные вещи“ (Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to value and to demand and supply. Лондон 1821, стр. 52).

Уже раньше читаем в этом произведении:

„Господин Мальтус говорит: „В данном месте и в данное время различные количества дневного труда, которыми распоряжаются различные товары, будут в точности соответствовать своим различным меновым ценностям и оборот“ . Если это относится к труду, то оно относится также ко всякой другой вещи“ (I. c., стр. 49).

„Деньги служат очень хорошим мерилом ценности в данное время и в данном месте... Но оно (положение Мальтуса), повидимому, неверно по отношению к труду. Труд не является мерилом даже для данного времени и данного места. Возьмем такое количество хлеба, которое в данном месте в данное время равняется по ценности определенному бриллианту; будут ли хлеб и бриллиант, выраженные в деньгах, распоряжаться одинаковыми количествами труда? Тому, кто это отрицает, возразят, что бриллиант покупает деньги, посредством которых будут распоряжаться таким же количеством труда... Масштаб нисколько не помогает, так как его нельзя применить, не пользуясь для проверки его другим масштабом, который он ведь должен был вытеснить. Мы только можем заключить, что хлеб и бриллиант распоряжаются одинаковым количеством труда, так как они имеют одинаковую ценность, выраженную в деньгах. Но нам предлагали сделать вывод, что две вещи имеют будто бы одинаковую ценность, потому что они распоряжаются одинаковым количеством труда“ (I. c., стр. 49, 50).

Совершенно правильно в этих „Observations“ сказано, что труд, как мерило ценности, в том смысле, как его здесь понимает Мальтус, согласно с одним взглядом А. Смита, точно так же служил бы мерилом ценности, как и всякий другой товар; и что он не выполнял бы этой роли так хорошо, как деньги. Вообще здесь речь шла бы только о мериле ценностей в том смысле, как деньги служат мерилом ценности.

Вообще мерило ценностей (в смысле денег) никогда не делает товары соизмеримыми: см. часть I, стр. 45 моего произведения [Zur Kritik der politischen Ökonomie]. (Рус. перев. под ред. А. А. Мануилова 1896 г. Стр. 42). „Наоборот, лишь соизмеримость товаров, как овеществленного рабочего времени, делает золото деньгами“. Как ценности, товары являются единством, простыми выражениями одного и того же единства, общественного труда. Мерило ценности (деньги) предполагает их, как ценности, и требуется лишь для выражения и определения величины этой ценности. Мерило ценности товаров требуется для превращения ценностей в цены; оно уже предполагает ценность.

Также великолепно, как „неизменную ценность труда“, Мальтус доказывает, что возрастание денежных цен заработной платы должно вызвать общее возрастание денежных цен товаров. „Когда происходит общее повышение заработной платы, выраженной в деньгах, то ценность денег соответственно падает; и когда ценность денег падает... всегда поднимаются товарные цены“ (Definitions, стр. 34).

Когда ценность денег в сравнении с трудом понизилась, то нужно именно доказать, что ценность всех товаров возрасла в сравнении с деньгами, или что ценность денег, измеряемая не трудом, а другими товарами [понизилась]. А Мальтус в своем доказательстве этого положения принимает его (это же положение), как предпосылку.

Полемику против Рикардова определения ценности Мальтус берет всецело из впервые установленных самим Рикардо положений; именно из положений об изменениях меновых ценностей товаров, которые, независимо от заключенного в них труда, объясняются различиями в строении капитала, вытекающими из процесса обращения капитала—различное отношение оборотного и основного капитала, различная степень долговечности примененного основного капитала, различные периоды обращения оборотного капитала. Короче, тем, что Рикардо смешивает цену производства с ценностью; выравнивая цен производства, которые не зависят от количества труда, затраченного в отдельных отраслях производства, он рассматривает как изменения самой ценности; и таким образом он опрокидывает весь принцип. Мальтус берет эти самим Рикардо подчеркнутые и им лишь открытые противоречия при определении ценности рабочим временем не для того, чтобы их разрешить, а для того, чтобы вернуться к совершенно бессмысленным представлениям, и чтобы высказыванье противоречивых явлений, их перевод на язык, выдать за их разрешение. Этот же метод мы встречаем в разложении Рикардовой школы или у Милля и Мак Кэллока: путем болтовни, путем схоластически-нелепых определений и различений они стараются непосредственно согласовать противоречащие явления с общим законом, чтобы устранить их посредством резонирования; однако, при этом исчезает самая основа. Положения, где Мальтус приводит против Рикардо тот материал, который сам Рикардо дал ему против закона ценности, состоят в следующем:

„А. Смит замечает, что хлеб созревает в один год, а мясо, наоборот, в 4—5 лет. Поэтому если мы сравниваем два количества хлеба и мяса, которые имеют одинаковую меновую ценность, то несомненно, что при прибыли в 15 процентов на затраченный на производство мяса капитал, разница в три или четыре добавочных года, совершенно независимо от других соображений, приводит к тому, что эти два продукта будут иметь одинаковую ценность, хотя в одном из них заключено гораздо меньшее количество труда, чем в другом. Таким образом, мы можем иметь два товара одинаковой меновой ценности, меж тем как накопленный и непосредственный труд в одном на 40 или 50 процентов меньше, чем в другом. Это наблюдается ежедневно в стране на многих важных товарах; и если бы прибыль понизилась с 15 до 8 процентов, то ценность мяса по сравнению с хлебом понизилась бы более, чем на 20 процентов“ (The Measure of value stated etc., стр. 10, 11).

Капитал состоит из товаров, и большая часть входящих в него или составляющих его товаров имеет ценность (следовательно, меновую ценность в обычном смысле), которая не состоит ни из накопленного, ни из живого труда, а из чисто номинальной прибавки [к] цеп-

ности, — поскольку мы рассматриваем только этот особый товар, — обусловленной прибавлением средней прибыли. Поэтому Мальтус говорит:

„Труд не является единственным элементом, который входит в производство капитала (worked up in capital). (Definitions in Political Economy, изд. Каз. стр. 29). „Что такое издержки производства?... Количество труда, которое отчасти непосредственно затрачивается на производство товаров, отчасти содержится в потребленных при их производстве орудиях, плюс то количество, которое соответствует обычной прибыли на авансированный капитал за время авансирования“ (I. с., стр. 74, 75).

„По той же причине господин Милль очень заблуждается, называя капитал накопленным трудом. Его можно было бы назвать, вероятно, накопленным трудом плюс прибыль, но несомненно не исключительно накопленным трудом, если мы не решим называть прибыль трудом“ (I. с., стр. 60, 61).

Совершенно ошибочно утверждение, что ценности товаров регулируются будто бы или определяются необходимыми для их производства количествами труда и капитала. Совершенно правильно, наоборот, утверждение, что они определяются количеством труда и прибыли, требуемых для их производства“ (I. с., стр. 129).

По этому поводу Казенов замечает, прим. стр. 130:

„Против выражения: труд и прибыль можно возразить, что это не соответственные понятия, так как труд есть фактор, а прибыль результат; одно является причиной, другое следствием. Поэтому господин Сензор взял для этого выражение: труд и воздержание... В действительности нужно признать, что прибыль создается не воздержанием, а производительным применением капитала“.

Сензор именно говорит:

„Кто превращает свои доходы в капитал, тот воздерживается от удовольствий, которые доставило бы ему их израсходование“.

Великолепное объяснение. Ценность товара состоит из заключенного в нем труда плюс прибыль; из труда, который в нем содержится, и который в нем не содержится; но за него нужно заплатить.

Дальнейшая полемика Мальтуса против Рикардо:

„Утверждение Рикардо, что соответственно тому, как повышается заработная плата, падает прибыль, может быть верно лишь при предположении, что товары, на которые затрачено одно и то же количество труда, всегда имеют одинаковую ценность; предположение, которое верно едва ли в одном случае из пятисот; и именно не по случайным и временным причинам, а по естественному и необходимому положению вещей: в прогрессе цивилизации и техники имеется такая тенденция, что увеличивается количество примененного основного капитала и разница в периодах обращения оборотного капитала“ (Defin., стр. 31, 32).

То же можно найти на 54 стр. издания Казенова, где Мальтус говорит дословно: Рикардово мерило ценности искажает естественное положение вещей, так как „в прогрессе цивилизации и техники имеется такая тенденция, что увеличивается количество примененного основного капитала и разница в периодах обращения оборотного капитала“.

„Господин Рикардо признает значительные исключения из этого правила; но при исследовании случаев, относящихся к его исключениям, то-есть, тех, когда количества примененного основного капитала имеют различную величину и различную продолжительность существования, и когда периоды обращения примененного оборотного капитала не одинаковы, — тогда мы находим, что эти случаи так многочисленны, что правило должно считаться исключением, и исключение правилом“ (I. с., изд. Каз., стр. 50).

Мальтус, согласно вышеуказанному, также определяет ценность, как:

„Оценку товара, основанную на его издержках для покупателя, или на жертве, которую он должен принести, чтобы приобрести его; жертва эта измеряется количеством труда, которое он отдает в обмен на товар, и ли, что означает то же самое, трудом, которым он (этот товар) распоряжается“ (Defin., изд. Каз., стр. 8, 9).

Казенов указывает также на следующее различие между Мальтусом и Рикардо:

„Господин Рикардо вместе с А. Смитом считал труд действительным мерилom и здержек; но он берет его лишь для издержек производства... его можно принимать также за мерило издержек покупателя“ (I. с., стр. 56).

Другими словами: ценность товара равняется сумме денег, которую должен заплатить покупатель, и эта сумма денег лучше всего определяется количеством простого труда, которое может быть на нее куплено ¹⁾.

Но чем определяется сумма денег, об этом, конечно, не говорится. Это самое обычное представление о вещи, какое встречаем в обыденной жизни. Простая тривиальность, высокопарно выраженная. Это означает другими словами не что иное, как: цена производства и ценность тождественны; смешение, которое у А. Смита и еще более у Рикардо противоречит их действительному пониманию; но Мальтус возводит это в закон. Это представление о ценности погрязшего в конкуренции и знающего только ее видимость филистера конкуренции. Чем же определяется цена производства? Величиной авансированного капитала плюс прибыль. А чем определяется прибыль? Откуда берется его фонд? Откуда получается прибавочный продукт, в котором выражается эта прибавочная ценность? Если речь идет лишь о номинальном повышении денежной цены, то нет ничего легче повышения ценности товаров. А чем определяется ценность авансированного капитала? Ценностью заключенного в нем труда, говорит Мальтус. А чем определяется эта последняя? Ценностью товаров, в которых выражается заработная плата. А ценность этих товаров? Ценностью труда плюс прибыль. Итак, мы не выходим из порочного круга. Если предположить, что, действительно, рабочему платят ценность его труда, т.-е. товары (или сумма денег), которые составляют его заработную плату, равняются будто бы ценности (сумме денег) товаров, в которых реализуется его труд; так что, когда он получает 100 талеров заработной платы, он прибавляет также ценность в 100 талеров к сырому материалу и т. д., короче, к авансированному капиталу,—то прибыль может состоять лишь из прибавки, которую продавец делает при продаже, сверх действительной ценности товара. Это делают все

¹⁾ Мальтус предполагает существование прибыли, чтобы потом измерять ее ценность внешним мерилom. Он не касается вопроса об ее возникновении и внутренней возможности.

продавцы. Таким образом, поскольку капиталисты обмениваются между собой, никто из них не реализует ничего от этой прибавки; и меньше всего это создает добавочный фонд, откуда они могут черпать свои доходы. Только капиталисты, товары которых входят в потребление рабочего класса, будут получать действительную, а не воображаемую прибыль, так как они обратно продают рабочим товар дороже, чем они его у них купили. Товар, который они купили у рабочих за 100 талеров, они им обратно продадут за 110. Т.-е., они им продадут обратно $\frac{10}{11}$ продукта, и $\frac{1}{11}$ они оставят себе. Но что это означает, если не то, что из 11 часов, которые, например, затратил рабочий, ему уплачивается лишь 10, ему дается лишь продукт 10 часов, а 1 час или продукт его достается капиталисту без эквивалента? Что это, следовательно, означает, если не то, что—по отношению к рабочему классу—прибыль получается оттого, что часть своего труда они отдают даром капиталистам; что, следовательно, „количество [затраченного] труда“ не означает того же самого, что „ценность [затраченного] труда“? Но другие капиталисты получают прибыль только в воображении, так как они не имели этой возможности.

Как плохо Мальтус понял первые положения Рикардо; как он абсолютно не понимает, что прибыль возможна не благодаря прибавке к цене,—прекрасно доказывает, между прочим, следующее положение:

„Если мы предположим, что первые товары непосредственно производятся и потребляются и могут быть результатом только труда; и что поэтому их ценность определяется количеством этого труда,—то совершенно невозможно допустить, что такие товары применяются в производстве других товаров, как капитал, не лишая капиталиста возможности употребить свой авансированный капитал в течение определенного периода времени и не доставляя ему за это вознаграждения в виде прибыли. В начальных стадиях развития общества, когда этот авансированный труд наблюдается сравнительно редко, это вознаграждение является высоким, и оно значительно влияет на ценность этих товаров, вследствие высокой нормы прибыли. В позднейших стадиях общественного развития, прибыль сильно влияет на ценность капитала и товаров, так как здесь сумма примененного основного капитала увеличилась; и для значительной части авансированного оборотного капитала удлинен период времени, по истечении которого она возвращается капиталисту из выручки. В обоих случаях норма, по которой обмениваются товары, находится в зависимости от меняющейся высоты прибыли“ (Defin. изд. Каз. стр. 60).

Определение относительной заработной платы представляет одну из величайших заслуг Рикардо. Дело в том, что ценность заработной платы (а потому также и прибыли) абсолютно зависит от части рабочего дня, который рабочий тратит на самого себя (для производства или воспроизводства своей заработной платы), по сравнению с той частью его времени, которая принадлежит капиталисту. Это очень важно для экономической науки; в действительности это лишь другое выражение для правильной теории трудовой ценности. Это важно далее для социального отношения обоих классов. Мальтус чует здесь что-то неладное и должен поэтому привести свои возражения:

„Я не встречал ни одного автора, до господина Рикардо, который употреблял бы выражение „заработная плата“ или „реальная заработная плата“ в таком смысле, в котором имеется отношение ¹⁾. Прибыль, конечно, заключает в себе отношение; и норма прибыли всегда справедливо определялась, как определенный процент ценности авансированного капитала (advances) ²⁾. Но до сих пор вообще определяли возрастание или падение заработной платы, независимо от отношения, в каком она может стоять ко всему продукту, полученному благодаря определенному количеству труда; а по большому или меньшему количеству определенного продукта, получаемого рабочим; или по тому, может ли такой продукт в большей или меньшей степени соответствовать нашим потребностям и удовольствиям“ (Defin, стр. 29, 30. Лондон 1827).

Так как при капиталистическом производстве меновая ценность — увеличение меновой ценности — является непосредственной целью, то важно знать, как ее измерять? Так как ценность авансированного капитала выражается в деньгах (действительных или счетных деньгах), то степень этого увеличения измеряется денежной величиной самого капитала, и за масштаб принимается капитал (сумма денег) определенной величины — 100.

„Прибыль на капитал“, говорит Мальтус „состоит в разнице между ценностью авансированного капитала и ценой, которую имеет товар, когда он продается и потребляется“ (Defin in Polit. Ec., стр. 241. Лондон 1827).

2) Переменный капитал и накопление.

„Под доходом подразумевается то, что затрачивается на сохранение жизни и на удовольствия; а под капиталом то, что затрачивается для получения прибыли“ (Defin., стр. 86, Лондон 1827). Рабочий и слуга представляют два орудия, которыми пользуются для совершенно различных целей; один должен помогать приобретать богатство; другой должен помогать потреблять богатство“ (i. с. стр. 94).

Накопление. „Никакой политико-эконом нашего времени не может понимать под сбережением простое накопление денег; но если отвлечься от этого бездушного и неинтересного дела, тогда применение этого выражения по отношению к естественному богатству мыслимо только там, где речь идет об обозначении другого применения сбережений; это последнее основано на существенном различии между разными видами труда, получаемыми благодаря сбережениям“ (Principles of Political Economy, 1 изд. стр. 32; 2 изд. 1836, стр. 38, 39).

„Накопление капитала есть применение части дохода в виде капитала. Поэтому капитал может расти без увеличения наличного имущества (stock) или богатства“ (Defin. изд. Каз. стр. 11).

„Если среди работающих классов страны, которая живет главным образом промышленностью и торговлей, достигают значительных размеров предупредительные меры в браке, то она может от этого пострадать“ (Principles of Political Economy 2 изд., стр. 215).

Так говорит проповедник борьбы с перенаселением.

„Нужда в предметах первой необходимости есть то, что главным образом побуждает работающие классы производить предметы роскоши; если этот сти-

¹⁾ Рикардо говорит о ценности заработной платы, которая действительно также является соответствующей ей частью продукта.

²⁾ Что Мальтус понимает под „ценностью авансированного капитала“, очень трудно сказать; ему самому сказать это даже невозможно. По его мнению, ценность товара равняется заключенному в нем авансированному капиталу плюс прибыль. Но так как авансированный капитал состоит из непосредственного труда и кроме того из товаров, то ценность авансированного капитала равняется заключенному в нем авансированному капиталу плюс прибыль. Таким образом, прибыль равна прибыли на авансированный капитал плюс прибыль. И так in infinitum.

мул устранен или ослаблен, так что жизненные потребности могут быть удовлетворены при очень небольшой затрате труда, то мы имеем все основания полагать, что не больше, а меньше времени будет затрачено на производство предметов комфорта и удовольствия" (*Principles of Political Economy*, 2 изд., стр. 334).

Но важнее всего для теоретика перенаселения следующее положение:

"Из природы народонаселения вытекает, что увеличение числа рабочих сил, вследствие особого спроса на них, может появиться на рынке лишь в 16 или 18-летний период времени. Превращение дохода в капитал путем сбережения может однако происходить гораздо быстрее; всегда возможно, что фонд для содержания рабочих растет в стране быстрее самого населения" (1. с. стр. 319, 320).

Казенов правильно замечает:

"Если капитал употребляется для авансирования рабочему его заработка, то это ничего не прибавляет к фонду для содержания рабочего; а только определенная часть уже имеющегося фонда употребляется в целях производства" (*Defin.* стр. 22. Прим.).

Постоянный и переменный капитал:

"Накопленный труд¹⁾ есть труд, затраченный на создание сырых материалов и орудий, которые употребляются при производстве других товаров" (*Defin.*, изд. Каз., стр. 15).

"Та часть заключенного в товарах труда, которая была затрачена на создание необходимого для их производства капитала, должна называться накопленным трудом, в отличие от непосредственного труда, который применяет последний капиталист" (1. с. стр. 28).

Во всяком случае очень важно установить это различие. У Мальтуса оно однако ни к чему не приводит. Он делает попытку представить прибавочную ценность или по крайней мере ее норму (что он впрочем, всегда смешивает с прибылью и нормой прибыли), как отношение к переменному капиталу, к той части капитала, которая затрачена на непосредственный труд. Но это выходит по-детски и иначе не может быть при его понимании ценности. Он говорит в своих "*Principles of Political Economy*":

"Предположим, что капитал затрачен только на заработную плату: 100 ф. ст. израсходовано, допустим, на непосредственный труд. Если выручка в конце года составляет 110, 120, или 130 ф. ст., то ясно, что во всяком случае прибыль будет определяться отношением ценности всего продукта к той части его, которая требуется для оплаты примененного труда. Если ценность продукта на рынке равняется 110, то $\frac{10}{11}$ его требуется для уплаты рабочим, и прибыль составляет 10 процентов. Если ценность продукта 120, то часть, служащая для оплаты труда, составляет $\frac{10}{12}$, и прибыль 20 процентов; если она равна 130, то часть для уплаты рабочим равна $\frac{10}{13}$, и прибыль 30 процентам".

Теперь предположим, что капиталист затрачивает не только на труд.

"Капиталист ждет одинаковой прибыли от всех частей капитала, который он затрачивает. Предположим, четверть авансированного капитала затрачена в виде заработной платы на непосредственный труд, три четверти на накопленный труд и прибыль плюс все остальные расходы, как рента, налоги и т. д. В этом случае четверть ценности полученного продукта плюс соответственная прибыль замечает ту часть капитала, которая

¹⁾ Следовало бы собственно сказать: овеществленный труд.

была затрачена на оплату примененного труда, а остальные три четверти замещают вместе с остатком прибыли все его остальные затраты. Тогда совершенно верно, что прибыль капиталиста изменяется вместе с ценностью этой четверти его продукта в сравнении с количеством примененного труда. Или другими словами, что прибыль определяется отношением ценности продукта (вместо: ценности этой четверти продукта. Прим. перев.) к той части его, которая служит для оплаты примененного труда. Например, сельский хозяин затрачивает в земледелии 2000 ф. ст.; из них 1500 на семена, содержание лошадей, изнашивание его основного капитала, проценты на его основной и оборотный капитал, ренту, десятину, подати и т. д.; и 500 ф. ст. на непосредственный труд; и в конце года получено, предположим, 2400 ф. ст. Ясно, что прибыль сельского хозяина составит тогда 400 на 2000 ф. ст. или 20 процентов. И так же ясно, что если мы возьмем четверть ценности продукта, именно 600 ф. ст., и сравним с суммой, которая была израсходована на заработную плату, на непосредственный труд, то в результате получится точно та же норма прибыли¹⁾ (I. с. стр. 287, 288).

Мальтус впадает здесь в лорд-дендруаризм. Сознывая, что прибавочная ценность, следовательно, прибыль, находится в определенном отношении к переменному капиталу, затраченному на заработную плату, он хочет доказать, что „прибыль определяется отношением ценности продукта к той части его, которая служила для оплаты примененного труда“. Сначала он поступает правильно, предполагая, что весь капитал состоит из переменного капитала, из затраченного на заработную плату капитала. В этом случае действительно прибыль и прибавочная ценность тождественны. Но и в этом случае он ограничивается совершенно нелепым рассуждением. Если затраченный капитал составляет 100 и прибыль 10 процентов, то ценность продукта равна 110, прибыль образует $\frac{1}{10}$ затраченного капитала (то-есть 10 процентов на него) и $\frac{1}{11}$ ценности всего продукта, куда входит и ее собственная ценность. Она образует, следовательно, $\frac{1}{11}$ ценности всего продукта, а авансированный капитал составляет $\frac{10}{11}$ этого продукта. Что 10 процентов прибыли по отношению к ценности всего продукта могут быть выражены таким образом, что часть его, не содержащая прибыли, равняется $\frac{10}{11}$ всего продукта; или что продукт в 110, который заключает в себе 10 процентов прибыли, содержит затрату в $\frac{10}{11}$, на которую и получена эта прибыль,—это блестящее математическое рассуждение так его забавляет, что то же вычисление он повторяет на других примерах с 20, 30 процентами прибыли и т. д. До сих пор мы имеем только еще тавтологию. Прибыль есть процентная часть затраченного капитала; ценность¹⁾ всего продукта содержит ценность прибыли; и затраченный капитал есть ценность всего продукта минус ценность прибыли. Следовательно, $110 - 10 = 100$. Но 100 составляет $\frac{10}{11}$ от 110. Однако, пойдем дальше.

Возьмем капитал, который состоит не только из переменного, но также из постоянного капитала. „Капиталист ждет одинаковой прибыли на все части капитала, которые он вкладывает“. Это, правда, противоречит только-что сделанному утверждению, что прибыль (это

¹⁾ В оригинале написано „ценностей“ (описка). Прим. перев.

должно означать прибавочную ценность) определяется отношением к капиталу, затраченному на заработную плату. Но какое это имеет значение! Мальтус не такой человек, чтобы противоречить „ожиданиям“ или представлениям „капиталиста“. Однако далее он побивает рекорд.

Возьмем капитал в 2000 ф. ст., из которых три четверти или 1500 ф. ст. составляют постоянный капитал, четверть или 500 ф. ст. переменный капитал. Прибыль составляет 20 процентов. Тогда прибыль составляет 400, а ценность продукта равняется $2000 + 400 = 2400$. Возьмем четверть всего продукта; она равняется 600; четверть затраченного капитала равна 500, равна части его, затраченной на заработную плату; и 100, четверть прибыли, равна части прибыли, приходящейся на эту заработную плату. И это должно доказывать, „что прибыль капиталиста изменяется вместе с ценностью этой четверти его продукта в сравнении с количеством примененного труда“. Это означает только то, что прибыль данной процентной нормы, например, в 20 процентов, на данный капитал, образует прибыль в 20 процентов на каждую алиевотную часть этого капитала—тавтология. Но это абсолютно нисколько не доказывает определенного, особого специфического отношения этой прибыли к части капитала, затраченной на заработную плату. Если я возьму вместо $(\frac{1}{4})$, как сделал господин Мальтус, $\frac{1}{24}$ всего продукта, следовательно, 100 (из 2400), то эти 100 ф. ст. содержат (такой же процент прибыли, как 2400), или $\frac{1}{6}$ из них составляет прибыль. Капитал был бы $83\frac{1}{3}$ и прибыль $16\frac{2}{3}$. Если бы, например, эти $83\frac{1}{3}$ равнялись лошади, которая применена в производстве, то было бы доказано по способу Мальтуса, что прибыль меняется вместе с ценностью лошади или $\frac{1}{28\frac{1}{5}}$ всего продукта.

Такое убожество Мальтуса обнаруживается лучше всего там, где он становится на собственные ноги и не является плагиатором Тоунсанда, Андерсона и других. Существенно важным (независимо от того, что характерно для этого человека) является чутье, что прибавочная ценность должна вычисляться на часть капитала, затраченную на заработную плату.

При данной норме прибыли, вся прибыль, сумма прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Но накопление тогда определяется той частью этой суммы, которая снова превращается в капитал. Однако эта часть равняется всему продукту минус потребленный капиталистом доход; поэтому она будет зависеть не только от ценности этой суммы, а от дешевизны товаров, которые капиталист может на это купить; отчасти от дешевизны товаров, которые входят в его потребление, его доход; отчасти от дешевизны товаров, которые входят в постоянный капитал. Так как предполагается, что норма прибыли дана, то и заработная плата, согласно предположению, дана.

3. Перепроизводство и чрезмерное потребление.

Из теории ценности Мальтуса вытекает учение о необходимости все растущего непроизводительного потребления, которое так энергично проповедывал этот теоретик перенаселения (вследствие недостатка жизненных средств). Ценность товара равняется ценности авансированного материала, машин и т. д. плюс сумма заключенного в нем непосредственного труда, что у Мальтуса равно ценности заключенной в нем заработной платы плюс прибыль на эти затраты соответственно общей норме прибыли. Эта номинальная прибавка к цене образует прибыль и является предпосылкой предложения ¹⁾, то-есть воспроизводства товара. Эти элементы образуют цену для покупателя, в отличие от цены для производителя; и цена для покупателя есть реальная ценность товара. Теперь спрашивается, как эта цена должна быть реализована? Кто должен ее платить? И из какого фонда она должна быть уплачена?

У Мальтуса мы должны различать следующее (что он упустил из виду). Часть капиталистов производит товары, которые непосредственно входят в потребление рабочего; другая часть производит товары, которые или входят в это потребление лишь косвенным образом; именно поскольку они входят, как сырой материал, машины и т. д., в необходимый для производства жизненных средств капитал; или она производит товары, которые совершенно не входят в потребление рабочего, так как они входят только в доход не-рабочих.

Сначала, следовательно, остановимся на капиталистах, которые производят предметы, входящие в потребление рабочих. Они являются не только покупателями труда, но и продавцами рабочим их собственного продукта. Если количество труда, которое прибавляет рабочий, стоит 100 талеров, то капиталист ему платит 100 талеров. И это единственная ценность, которую прибавляет к сырому материалу и т. д. купленный им труд. Рабочий получает, таким образом, ценность своего труда и отдает капиталисту только эквивалент за эту ценность. Но хотя номинально рабочий получает ценность своего труда, он в действительности получает меньшее количество товаров, чем он произвел. Он получает обратно фактически лишь часть своего овеществленного в продукте труда. Именно, предположим для простоты, как это сам Мальтус часто делает, что капитал состоит только из вложенного в заработную плату капитала. Если 100 талеров авансированы рабочим для производства товара—и эти 100 талеров составляют ценность купленного труда и единственную ценность, которую он прибавляет к продукту,—то капиталист однако продает этот товар за 110 тале-

¹⁾ В оригинале „Zufuhr“—подвоз; мы везде так будем переводить это слово. Прим. перев.

ров, и рабочий на 100 талеров может обратно купить лишь $\frac{10}{11}$ продукта; остается капиталисту $\frac{1}{11}$, ценность в 10 талеров или сумма прибавочного продукта, в котором выражается эта прибавочная ценность в 10 талеров. Если капиталист продает за 120, то рабочий получает лишь $\frac{10}{12}$, а капиталист $\frac{2}{12}$ продукта и его ценности. Если он продает за 130 (30 процентов), то рабочий получает только $\frac{10}{13}$ и капиталист $\frac{3}{13}$ продукта. Если он получает 50 процентов, следовательно, продает за 150, то рабочий получает $\frac{2}{3}$, капиталист $\frac{1}{3}$ продукта. Чем выше цена, по которой он продает, тем меньше доля рабочего, тем больше его (капиталиста) собственная доля в ценности продукта, следовательно, также в количестве продукта. Тем меньшую часть ценности или продукта рабочий может обратно купить с ценностью своего труда. Дело нисколько не меняется оттого, что кроме переменного капитала авансирован еще постоянный капитал; например, кроме этих 100 талеров на заработную плату, также еще 100 на сырой материал и т. д. В этом случае, если норма прибыли равна 10, капиталист продает товар за 220.

Здесь у класса капиталистов *A*, который производит предметы, входящие непосредственно в потребление рабочих—жизненные средства—мы имеем, следовательно, случай, где номинальной прибавкой к цене—нормальной прибавкой прибыли к цене авансированного капитала—действительно создается прибавочный фонд для капиталиста; ибо таким окольным путем он возвращает рабочему лишь часть продукта; а часть он берет себе. Но этот результат получается не оттого, что он продает рабочему весь продукт по повышенной ценности, а оттого, что именно вздорожание продукта лишает рабочего возможности на этот заработок обратно купить весь продукт; оно только позволяет ему купить часть продукта. Понятно поэтому, что спроса рабочего никогда не может быть достаточно для того, чтобы реализовать излишек покупной цены сверх цены издержек (*Kostenpreis*)—следовательно, прибыль и „ценность“ товара. Наоборот, фонд прибыли имеется лишь потому, что на свой заработок рабочий не в состоянии обратно откупить свой собственный продукт; следовательно, оттого что его спрос не соответствует предложению. Таким образом, капиталист *A* имеет определенное количество товара определенной ценности, в данном случае 20 талеров, которые ему не нужны для замещения капитала; часть этих денег он может затратить, как доход, а часть может употребить для накопления. *Nota bene*: насколько он обладает этим фондом, это зависит от сделанной им прибавки в ценности сверх цены издержек,—прибавки, определяющей отношение, в каком весь продукт делится между капиталистом и рабочим.

Перейдем теперь к классу капиталистов *B*, который доставляет сырой материал, машины и т. д., короче постоянный капитал классу *A*. Класс *B* может продавать только классу *A*, так как он не может

обратно продавать их собственные товары рабочим, которым нечего делать с капиталом (сырым материалом, машинами и т. д.); он также не может продавать капиталистам, которые производят предметы роскоши (все, что не [является] жизненными средствами, не входит в обычное потребление рабочего класса), или таким капиталистам, которые производят требуемый для производства предметов роскоши постоянный капитал.

Мы видим, что в авансированном капитале имеется 100 для постоянного капитала. Фабрикант этого постоянного капитала произвел его при норме прибыли в 10 процентов с ценой издержек $90^{10/11}$, но продает его за 100 ($90^{10/11} : 9^{1/11} = 100 : 10$). Он, следовательно, получает прибыль за счет класса *A*. И он получает поэтому из его продукта свои 100, а не $90^{10/11}$ только, с которыми он, предположим, покупает непосредственный труд. *B* получает свою прибыль вовсе не благодаря своим рабочим; им он не может обратно продать за 100 их продукта ценностью в $90^{10/11}$, которого они вообще у него не покупают. Но у капиталиста *B* рабочие находятся в таком же положении, как у капиталиста *A*. За $90^{10/11}$ они получают количество товаров, которое лишь номинально имеет ценность в $90^{10/11}$, так как каждая часть продукта *A* равномерно повышена в цене; или каждая часть его ценности представляет, соответственно прибавленной прибыли, меньшую часть продукта.

Однако, эта прибавка может продолжаться лишь до определенного пункта, так как рабочий должен получить достаточно товара, чтобы жить и быть в состоянии воспроизводить свою рабочую силу. Если бы капиталист прибавил 100 процентов, и если бы он продал товар, который стоит 200, за 400, то рабочий мог бы купить обратно лишь $1/4$ продукта (если он получает 100). И если ему нужна на жизнь половина продукта, то капиталист должен был бы платить ему 200. Он, следовательно, себе оставил бы лишь 100 (100 составляет постоянный капитал и 200 заработную плату). Таким образом, получилось бы то же самое, как если бы он продал за 300 и т. д.

Свой фонд прибыли *B* получает не непосредственно благодаря своим рабочим, а благодаря продаже классу *A*. Продукт класса *A* не только служит для реализации его прибыли, но образует его собственный фонд прибыли. Ясно, что *A* не может реализовать полученной благодаря рабочим прибыли путем продажи классу *B*, и что *B* также мало представляет достаточный спрос на его продукт (чтобы продать его по его ценности), как его собственные рабочие. Здесь, наоборот, уже происходит обратное действие. Чем больше прибыли прибавляет *A*, тем больше по сравнению с долей его рабочих та часть всего продукта, которую он присваивает себе и берет у *B*.

Соответственно прибавке, сделанной *A*, делает прибавку и *B* *B* платит своим рабочим попрежнему $90^{10/11}$, хотя они получают на

это меньше товара. Но если *A* берет 20 процентов вместо 10, он тоже берет 20 процентов вместо 10 и продает за $109\frac{1}{11}$, а не за 100. Таким образом увеличивается эта часть затрат для *A*.

A и *B* можно даже рассматривать, как один класс (*B* относится к издержкам *A*, и чем больше *A* должен платить *D* из всего продукта, тем меньше ему остается). Из всего капитала *D* принадлежит $90\frac{10}{11}$, а *A* 100. Они затрачивают вместе $190\frac{10}{11}$ и получают прибыли $19\frac{1}{11}$. *D* никак не может обратно купить у *A* больше, чем на 100, включая его прибыль в $9\frac{1}{11}$. Оба вместе имеют, как сказано, доход в $19\frac{1}{11}$.

Что же касается классов *C* и *D*, причем *C* это те капиталисты, которые производят необходимый для производства предметов роскоши постоянный капитал, а *D* те, которые непосредственно производят предметы роскоши, то прежде всего ясно, что непосредственный спрос для *C* создается только классом *D*. *D* является покупателем *C*. И *C* может реализовать прибыль только тем, что он продает *D* свой товар слишком дорого, благодаря номинальной прибавке сверх его цены издержек. *D* должен платить *C* больше, чем необходимо, чтобы *C* восстановил все составные части своих товаров. *D* в свою очередь прибавляет прибыль отчасти к затратам, сделанным *C*, отчасти на капитал, который *D* непосредственно затратил на заработную плату. Часть прибыли, которую *C* получает от *D*, он может затратить на покупку части товаров *D*; хотя он не может затратить таким образом всей прибыли, так как ему нужны также жизненные средства для себя самого, не только для рабочих, для которых он выменивает реализованный с *D* капитал. Во-первых, реализация товара *C* зависит непосредственно от продажи его классу *D*; во-вторых, если эта продажа совершилась, то спрос, обусловленный прибылью класса *C*, так же мало может реализовать ценность товара, который продает *D*, как спрос *D* для *A*. Прибыль класса *C* получена при продаже классу *D*, и если *C* затрачивает эту прибыль на товар *D*, а не на другие товары, то ведь его спрос никогда не может быть больше прибыли, полученной им благодаря *D*. Она всегда должна быть гораздо меньше капитала *C*, всего его спроса, и она никогда не служит источником прибыли для *D* (в лучшем случае, если *D* несколько надувает *C* прибавкой к товарам, которые он ему продает), так как получаемая классом *C* прибыль непосредственно переходит к нему из кармана *D*. Далее ясно, что, поскольку капиталисты, безразлично, будет ли это класс *C*, или класс *D*—внутри каждого класса—взаимно пролают друг другу свои товары, никто из них ничего не выигрывает или никто не реализует прибыли. Один из них *M* продает *N* за 110 товар, который стоит лишь 100; но то же делает *N* по отношению к *M*. Каждый обладает после обмена, как и до обмена, таким количеством товара, цена издержек (*Kostenpreis*) которого равна 100.

Каждый получает на 110 только товар, который стоит 100. Обусловленная прибавкой власть его над товаром другого не больше той власти, какую получает этот последний над его товаром. И что касается ценности, то получилось бы то же самое, как если бы каждый, *M* и *N*, не обменивая своего товара, доставил бы себе удовольствие тем, что окрестил его 110, вместо 100.

Далее ясно, что номинальная прибавочная ценность в *D* (так как здесь включается *C*) не представляет реального прибавочного продукта. То, что рабочий на 100 талеров, вследствие прибавки со стороны *A*, получает меньше жизненных средств, может быть прежде всего безразлично для *D*. Он должен попрежнему затратить 100, чтобы дать работу определенному числу рабочих. Он платит рабочим ценность их труда, и далее они ничего не прибавляют к продукту; они дают ему лишь эквивалент. Излишек сверх этого эквивалента он может получить только при продаже третьим лицам, которым он продает свой товар выше цены его издержек (*Kostenpreis*).

В действительности [*D*, например], владелец зеркальной фабрики, имеет в своем продукте столько же прибавочной ценности и прибавочного продукта, как [*A*, например], арендатор [в сельском хозяйстве]. Ибо продукт содержит неоплаченный труд (прибавочную ценность), и этот неоплаченный труд так же выражается в продукте, как и оплаченный. Он выражается в прибавочном продукте. Часть зеркал ему ничего не стоит, хотя она имеет ценность, так как в ней заключен труд, так же, как и в части зеркал, которая замещает авансированный капитал. Эта прибавочная ценность в прибавочном продукте существует до продажи зеркал и не [создается] только этой продажей. Если бы, наоборот, рабочий в непосредственном труде дал только эквивалент за накопленный труд, который он получает в виде заработной платы, то не было бы ни прибавочного продукта, ни соответствующей ему прибавочной ценности. Но у Мальтуса, у которого рабочий дает только эквивалент, дело обстоит иначе.

Ясно, что класс *D* (включая *C*) не может создать себе искусственно прибавочного фонда таким же способом, как класс *A*; именно тем, что он продает рабочим обратно их товары дороже, чем он их купил у них, и таким образом присваивает себе часть всего продукта по замещении затраченного капитала. Ибо рабочие не являются покупателями для товара *D*. Прибавочный фонд капиталистов *D* не может также получиться благодаря их продаже или обмену товаров между собой. Следовательно, это осуществимо лишь благодаря продаже их продукта классу *A* или *B*. Так как товар, ценность которого равна 100, они продают за 110, то на 100 *A* может купить лишь $\frac{10}{11}$ их продукта; они оставляют себе $\frac{1}{11}$, и эту часть своих товаров они могут потребить сами или обменять на товары своего собственного класса *D*.

Для всех капиталистов, которые не производят непосредственно жизненных средств, которые, следовательно, не продают обратно рабочим самой большой или значительной части своих товаров, дело обстоит таким образом. Их постоянный капитал равняется, предположим, 100. Если капиталист платит далее 100 в виде заработной платы, то он платит рабочим ценность их труда. Рабочие к ценности [постоянного капитала], равной 100, прибавляют еще 100, и таким образом вся ценность (цена издержек, *Kostenpreis*) продукта составляет 200. Откуда же получается прибыль? Капиталист продает товар, который стоит 200, за 220, если средняя норма прибыли равна 10 процентам. Если он действительно продает товар за 220, то ясно, что 200 достаточно для его воспроизводства, 100 для расходов на сырой материал и т. д., 100 на заработную плату, и 20 он вкладывает в карман: и он их может издержать, как доход, или использовать их для накопления капитала.

Но кому он продает товар на 10 процентов выше его „ценности производства“, которая, по Мальтусу, отличается от „продажной ценности“ или действительной ценности, так что в действительности прибыль равняется разнице между ценностью производства и продажной ценностью, равна продажной ценности минус ценность производства? Путем обменов или продаж этих капиталистов между собой они не могут реализовать прибыли. Если *M* продает *N* товары, ценность которых равна 200, за 210, то *N* сыграл такую же шутку с *M*. Оттого, что эти товары меняют руки, не изменяется ни их ценность, ни их количество. То количество товара, которое раньше находилось в руках *M*, теперь находится в руках *N* и *vice versa*. Что теперь означает 110 то, что раньше означало 100, это несколько не изменяет дела. Покупательная способность ни *M*, ни *N* несколько не изменилась.

Но рабочим эти капиталисты, согласно предположению, не могут продать своих товаров. Они должны их, следовательно, продать капиталистам, которые производят жизненные средства. Эти последние действительно обладают настоящим прибавочным фондом благодаря своему обмену с рабочими. Им действительно создание номинальной прибавочной ценности доставило прибавочный продукт. И это единственный прибавочный фонд, который до сих пор существует. Он должен получиться для других капиталистов лишь благодаря тому, что они продают свои товары выше их ценности производства (*Produktionswert*) тем владельцам прибавочного фонда.

Что касается капиталистов, которые производят необходимый для производства жизненных средств постоянный капитал, то мы уже видели, что производитель жизненных средств необходимо должен у них покупать. Эти покупки входят в его издержки производства. Чем выше его прибыль, тем дороже те затраты, к которым прибавлена данная

норма прибыли. Если A получает 20 процентов при продаже вместо 10, то производитель его постоянного капитала прибавляет также 20 процентов вместо 10. И он хочет вместо 100 за $90^{10/11}$ уже $109^{1/11}$, или круглым счетом 110; так что ценность (вернее: издержки производства. Прим. перев.) продукта теперь равна 210, а 20 процентов на них равняется 42, и ценность (der Wert) всего продукта теперь равна 252. Из них рабочий получает 100. Капиталист получает теперь больше $1/11$ всего продукта в виде прибыли; а раньше, когда он продавал за 220, лишь $1/11$. Количество продукта осталось то же, но часть, достоящаяся капиталисту, увеличилась по ценности и количеству.

Что же касается других капиталистов, которые не производят ни жизненных средств, ни капитала, входящего в производство этих жизненных средств, то они могут получить прибыль только путем продажи первым двум классам. Если последние получают 20 процентов, то первые получают не меньше.

Но [обмен] первого класса капиталистов значительно отличается от обмена между обоими классами капиталистов. Первый [благодаря обмену] с рабочими создал действительный прибавочный фонд жизненных средств, прибавочный продукт, [которым эти капиталисты свободно могут распоряжаться], так что они могут брать отсюда часть для накопления, часть затратить [как доход], или на жизненные средства, или на предметы роскоши. Прибавочная ценность представляет здесь в действительности прибавочный труд и прибавочный продукт, хотя это достигается неуклюже, окольным путем подема цен. Предположим, ценность продукта рабочих, которые производят жизненные средства, действительно равняется 100. Но так как $10/11$ его достаточно для заработной платы, то капиталист может затратить $90^{10/11}$, на что он получает $9^{1/11}$ прибыли. Но если он, воображая, что ценность труда и количество труда будто бы тождественны, платит рабочим 100 ф. ст., и если он продает им за 110, то он получает попрежнему $1/11$ продукта. Что последний теперь стоит 10 ф. ст. вместо $9^{1/11}$, это не представляет для него выигрыша, так как он теперь авансировал, вместо $90^{10/11}$ капитала, 100.

Но что касается других классов капиталистов, то на их стороне нет никакого реального прибавочного продукта, нет ничего, что выражало бы прибавочное рабочее время. Продукт труда в 100 они продают за 110, и только благодаря прибавке к цене этот капитал должен превратиться в капитал плюс доход.

Как же обстоит дело теперь, как выразился бы лорд Дэндреари, между этими обоими классами капиталистов?

Производители жизненных средств продают продукт ¹⁾ ценностью в 100 за 110 (так как они платят 100 заработной платы вместо $90^{10/11}$).

¹⁾ В оригинале описка: „прибавочный продукт“; а нужно „продукт“, т. е. прибавочный продукт здесь гораздо меньше 100. Прим. перев.

Но они являются единственными, в руках которых имеется прибавочный продукт. Если другие продают им продукт ценностью в 100 также за 110, то они действительно замещают свой капитал с прибылью. Почему? Так как жизненных средств ценностью в 100 им достаточно для уплаты рабочим; они, следовательно, 10 оставляют себе. Или лучше, так как они в действительности получают жизненные средства ценностью в 100, но из них $\frac{10}{11}$ достаточно для уплаты их рабочим, ибо они находятся тогда в таком же положении, как капиталисты *A* и *B*. Последние, наоборот, получают такое количество продукта, в котором выражается ценность в 100. Что номинально он стоит 110, это не дает им ни одной полушки; количественно, как потребительная ценность, это не представляет большего количества, чем произведено в течение того рабочего времени, которое содержится в 100 ф. ст.; и кроме капитала в 100, они этим продуктом не могут заместить еще нового капитала в 10. Это было бы возможно только при перепродаже. Хотя оба они продают друг другу за 110 то, что стоит 100, однако только в руках второго класса 100 играет роль 110. Другой класс в действительности получил за ценность в 110 лишь ценность в 100. И он продает свой прибавочный продукт по более высокой цене только потому, что он заплатил за входящие в его доход предметы выше их ценности. В действительности однако прибавочная ценность, которую реализует второй класс, соответствует только его участию в реализованном первым классом прибавочном продукте, так как сам он не создает прибавочного продукта.

При этом вздорожании предметов роскоши Мальтус встает вспоминает, что накопление и воздержание от затрат является ближайшей целью капиталистического производства. Таким образом класс капиталистов *A* при такой невыгодной сделке, при которой он снова теряет часть выжатых из рабочих плодов, сократит свой спрос на предметы роскоши. Но если он это делает и больше накапливает, то понижается платежеспособный спрос—рынок для его жизненных средств, рынок, который не может быть создан в полном объеме спросом рабочих и производителей постоянного капитала [*A*]. Вследствие этого понижилась бы цена жизненных средств; однако только благодаря повышению этой цены—номинальному увеличению ее—класс капиталистов *A* извлекает из рабочих свою прибавочную ценность—и именно соответственно этой прибавке. Если бы цена понижилась со 120 до 110, то его прибавочный продукт (и его прибавочная ценность) понижилась бы с $\frac{2}{12}$ до $\frac{1}{11}$. И вместе с тем сократился бы рынок, спрос для производителей предметов роскоши в еще большей степени. Первый класс продает в обмене со вторым настоящий прибавочный продукт, после того как его капитал уже замещен. Второй, наоборот, продает только свой капитал, чтобы посредством этой сделки превратить капитал в капитал плюс прибыль. Таким образом, все производство поддерживается (и именно его прира-

щение) в здор о ж а н и е м ж и з н е н н ы х с р е д с т в ; п о с л е д н е м у о д н а к о о п я т ь - т а к и с о о т в е т с т в о в а л а б ы т а к а я ц е н а п р е д м е т о в р о с к о ш и , к о т о р а я б ы л а б ы о б р а т н о п р о п о р ц и о н а л ь н а д е й с т в и т е л ь н о м у к о л и ч е с т в у э т и х с а м ы х п р о д у к т о в . К л а с с II п р и э т о м о б м е н е т а к ж е н е в ы и г р ы в а е т , о т т о г о ч т о о н п р о д а е т з а 110 т о , ч т о с т о и т 100 . И б о о н в д е й с т в и т е л ь н о с т и п о л у ч а е т о б р а т н о 110 , к о т о р ы е т а к ж е с т о я т л и ш ь 100 . Н о э т и 100 (в ж и з н е н н ы х с р е д с т в а х) з а м е щ а ю т к а п и т а л п л ю с п р и б ы л ь , м е ж т е м к а к т е 100 т о л ь к о н а з ы в а ю т с я 110 . С л е д о в а т е л ь н о [э т о] с в е л о с ь б ы к т о м у , ч т о к л a c c I п о л у ч а е т п р е д м е т ы р о с к о ш и ц е н н о с т ь ю в 100 . О н п о к у п а е т н а 110 п р е д м е т ы р о с к о ш и ц е н н о с т ь ю в 100 . Н о д л я д р у г о г о [к л a c c a] э т и 110 и м е ю т ц е н н о с т ь в 110 , т а к к а к о н п л а т и т 100 з а т р у д (з а м е щ а е т с в о й к а п и т а л) и п о л у ч а е т т а к и м о б р а з о м 10 в в и д е и з л и ш к а .

Как вообще должна получиться прибыль от того, что обменивающиеся стороны продают друг другу свои товары так, что они равномерно повышают их цены, в одинаковой степени надувают друг друга, это трудно понять.

Этому злу можно было бы помочь, если бы, помимо обмена одного класса капиталистов с их рабочими и обмена различных классов капиталистов между собой,—прибавился еще третий класс покупателей—*deus ex machina*; класс, который платил бы за товары по их номинальной цене, не продавая также в свою очередь, не повторяя шутки в свою очередь; следовательно, класс, который проделывал бы $D-T$, не $D-T-D$; класс, который покупает, не продавая. В этом случае капиталисты реализовали бы прибыль не благодаря обмену своих товаров между собой, а во-первых, благодаря обмену с рабочими; тем, что они обратно продают рабочим часть всего продукта за те же самые деньги, на которые они купили у них весь продукт (за вычетом постоянного капитала); во-вторых, благодаря той части жизненных средств и предметов роскоши, которая продается третьей группе покупателей. Так как эти последние платят 110 за 100, не продавая также 100 за 110, то действительно, не только номинально, была бы реализована прибыль в 10 процентов. Прибыль получилась бы двояким способом; тем, что из всего продукта возможно меньше продавали бы обратно рабочим и возможно больше продавали бы третьему классу, который платит наличными деньгами, не продавая сам; покупает для потребления. Но покупатели, которые не являются одновременно продавцами, должны быть потребителями, которые не являются одновременно производителями — не производителями и потребителями; и этот класс непр o и з в о д и т е л ь н ы х п о т р е б и т е л е й у Мальтуса разрешает коллизию. Но эти непр o и з в о д и т е л ь н ы е п о т р е б и т е л и д о л ж н ы т а к ж е б ы т ь п л а т е ж е - с п о с о б н ы м и п o t р e б и т e л я м и , д о л ж н ы с о з д а в а т ь н а с т о я щ и й с п р о с ; т е х с у м м ц е н н о с т е й , к о т о р ы м и о н и о б л а д а ю т , и к o t o р ы е o н и т р а т я т e ж е г о д н о , д o л ж н о б ы т ь д o c т а т o ч н о д л я у п л а т ы н е т o л ь к о ц e н н o c т и

производства товаров, которые они покупают и потребляют, но кроме того, и номинальной прибавки прибыли, прибавочной ценности, разницы между продажной ценностью (Verkaufswert) и ценностью производства (Productionswert). Этот класс будет представлять в обществе потребление ради потребления, как класс капиталистов производство ради производства; один класс представляет „страсть к расходованию“, другой „страсть к накоплению“ (Principles of Political Economy, 2 изд. стр. 326). Стремление к накоплению поддерживается в классе капиталистов тем, что их выручка всегда больше их затрат; а прибыль ведь служит стимулом накопления. Несмотря на это ревностное накопление их, они не доходят до перепроизводства; или же перепроизводство получается незначительное; ибо непроизводительные потребители не только образуют огромный отводный канал для выброшенных на рынок продуктов, но и сами не выбрасывают на рынок никаких продуктов; следовательно, сколько бы их ни было, они создают не конкуренцию для капиталистов, а наоборот, спрос без предложения, и таким образом уничтожают перевес предложения над спросом на стороне капиталистов.

Но откуда получают ежегодные платежные средства этого класса? Это прежде всего землевладельцы, которые присваивают себе большую часть ценности годового продукта в виде ренты и таким образом взятые ими у капиталистов деньги снова затрачивают на потребление произведенных капиталистами товаров; когда они покупают эти товары, их надувают. Эти землевладельцы не должны сами производить, и обычно они не производят. Важно, что поскольку они тратят деньги на покупку труда, они имеют не производительных рабочих, а только прихлебателей, помогающих прожить их богатство, слуг, которые поддерживают высокую цену жизненных средств, так как они их покупают, не помогая увеличивать предложение этих или каких-либо других товаров. Но ренты этих землевладельцев недостаточно для создания „достаточного спроса“. Необходимы искусственные средства, а именно: высокие налоги, масса владельцев государственных и церковных sinecur, большие армии, пенсионеры, десятина для попов, значительный национальный долг и от времени до времени дорогие стоящие войны. Таковы „целебные средства“ (Principles of Political Economy, стр. 408 и след.).

Таким образом, третий класс, который привлечен Мальтусом, как „целебное средство“, покупает, не продавая, и потребляет, не производя; сначала он получает значительную часть ценности годового продукта, не платя; он обогащает производителей тем, что последние должны им сначала отпустить даром деньги для покупки их товаров, — и потом снова взять себе эти деньги, продавая им свои товары выше их ценности, или получая от них обратно больше ценности в деньгах, чем они им дают в товарах. И эта сделка повторяется ежегодно.

Выводы Мальтуса из его основной теории ценности сделаны совершенно правильно, но эта теория удивительным образом соответствовала также его цели, апологии существующего в Англии положения вещей; мы имеем в виду: лэндлордизм, „государство и церковь“, пенсионеров, сборщиков податей, десятины, национальный долг, биржевых мажлаков, полицейских, попов и лакеев („national expenditure“) — всем этим рикардянцы боролись, как с бесполезными, отжившими, убыточными и вредными явлениями буржуазного производства. Рикардо безусловно защищает буржуазное производство, поскольку оно [означает] беспрепятственное развитие социальных производительных сил, не заботясь о судьбе тех, на ком держится производство, будь то капиталисты или рабочие. Он признавал историческую правомерность и необходимость этой ступени развития. Насколько у него отсутствовало историческое понимание прошлого, настолько же он живет переходящим историческим моментом своего времени. Мальтус также хочет возможно свободного развития капиталистического производства, поскольку только нищета его главного представителя, работающих классов, является условием этого развития; но в то же время оно должно приспособиться к „потребностям потребления“ аристократии и ее свиты в государстве и церкви; оно должно одновременно служить материальной основой для устарелых претензий представителей интересов, унаследованных от феодализма и абсолютной монархии. Мальтус стоит за буржуазное производство, поскольку оно не революционно, не является историческим моментом, а создает лишь более широкое и более удобное материальное основание для „старого“ общества.

С одной стороны, следовательно, рабочий класс, согласно принципу народонаселения, всегда является слишком многочисленным в сравнении с определенными для него средствами существования, — перенаселение вследствие недостаточного производства; далее мы имеем класс капиталистов, который, благодаря этому принципу народонаселения, всегда может продать рабочим их собственный продукт по таким ценам, что они получают его столько, сколько необходимо, чтобы душа удержалась в теле; далее имеется очень большая часть общества, состоящая из паразитов, роскошествующих трутней, отчасти господ, отчасти рабов, которые берут себе бесплатно значительную часть богатства, отчасти в виде ренты, отчасти по политическим основаниям, от класса капиталистов, за товары которых они однако платят сверх их ценности деньгами, взятыми у тех же капиталистов; класс капиталистов толкает к производству стремление к накоплению, непроизводительные группы в экономическом отношении являются лишь представителями стремления к потреблению, к расточительности. И это является единственным средством спасения от перепроизводства, которое существует одновременно с перенаселением в сравнении с производством. Как лучшее целебное средство для того и другого [рекомендуется] чрезмерное по-

требление классов, стоящих вне производства. Несоответствие между рабочим населением и производством устраняется тем, что часть продукта с'едается непроизводителями, лентяями. Нарушение равновесия, вызванное перепроизводством капиталистов, устраняется благодаря чрезмерному потреблению расточительных богачей.

Мы видели, как детски слаб, тривиален, бессодержателен Мальтус там, где он, опираясь на слабую сторону А. Смита, пытается дать теорию, опровергающую теорию, которую дал Рикардо, опираясь на сильную сторону А. Смита. Едва ли имеется более комическое усилие немощности, чем сочинение Мальтуса о ценности. Но лишь только он приходит к практическим выводам и таким образом снова касается области, где он выступает, как экономический Abraham a Santa Clara, он вполне в своей сфере. Однако и здесь он остается верен себе, этот плагиатор от природы. Кто бы сразу поверил, что „Principles of Political Economy“ Мальтуса представляют лишь мальтуанизированный перевод работы Сисмонди „Nouveaux Principes de l'économie politique“? И все же это так. Работа Сисмонди вышла в 1819 г. Через год вышла в свет Мальтусова английская карриатура ее. Как раньше у Таунзенда и Андерсона, так теперь у Сисмонди он нашел теоретическое обоснование для одного из своих неуклюжих экономических памфлетов, при чем ему встали пригодились еще заученные им из „Principles“ Рикардо новые теории.

Выступая в лице Рикардо против тенденции капиталистического производства, революционной по отношению к старому обществу, Мальтус с верным поповским инстинктом взял у Сисмонди лишь то, что является реакционным по отношению к капиталистическому производству, по отношению к современному буржуазному обществу.

Я здесь исключаю Сисмонди из моего исторического обзора, так как критика его взглядов относится к части, которой я могу заняться лишь после этой работы, к реальному движению капитала (конкуренция и кредит).

Что Мальтус берет взгляды Сисмонди, видно уже из названия одной главы его сочинения „Principles of Political Economy“, 2 изд.: „О необходимости согласования производительных сил со средствами распределения для обеспечения постоянного увеличения богатства“. Там сказано:

„Одни производительные силы, какой бы степени они ни достигли, еще не обеспечивают создавая соответствующей степени богатства. Очевидно требуется еще нечто другое, для полного использования этих сил. Это действительный и неограниченный спрос на все то, что производится. И достижению этой цели больше всего способствует, повидимому, такое распределение продуктов и такое приспособление этих продуктов к потребностям тех, кто является их потребителями, что меновая ценность всей массы постоянно увеличивается“ (Principles of Political Economy, 2 изд., стр. 361).

Далее следующее место также напоминает нам Сисмонди и направлено против Рикардо:

„Богатство страны зависит отчасти от количества продуктов, создаваемых ее трудом, и отчасти от приспособления этого количества к потребностям и имущественному состоянию наличного населения; это приспособление и должно придать ему (количеству продуктов) ценность. Богатство несомненно не определяется только одним из этих факторов. Но теснее всего, вероятно, богатство и ценность связаны в необходимости последней для производства первого“ (I с., стр. 301).

Это специально направлено против Рикардо, Political Economy, 20 глава, „Ценность и богатство, их отличительные свойства“.

Рикардо говорит там между прочим:

„Ценность существенно отличается от богатства, ибо ценность зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства“ (I с., стр. 320) (Рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 181) ¹⁾.

Богатство не зависит от ценности: Человек богат или беден в зависимости от количества средств существования и предметов роскоши, находящихся в его распоряжении... Смешением понятий ценности и богатства объясняется утверждение, что богатство будто бы может быть увеличено посредством уменьшения количества товаров, т. е. жизненных средств и предметов удовольствия. Если бы ценность была масштабом богатства, то этого нельзя было бы отрицать, так как ценность товаров повышается, благодаря их редкости; но если Адам Смит прав, если богатство заключается в жизненных средствах и предметах удовольствия, то оно не может быть увеличено посредством уменьшения их количества“ (I с., стр. 323, 324. Рус. пер. под ред. Ряз., стр. 183, 184).

Другими словами, Рикардо здесь говорит: богатство состоит лишь из потребительных ценностей. Он превращает буржуазное производство в простое производство для потребительной ценности: очень хороший взгляд на способ производства, управляемый меновой ценностью. Специфическую форму буржуазного богатства он рассматривает лишь, как нечто формальное, не затрагивающее его содержания. Поэтому также он отрицает противоречия буржуазного производства, обнаруживающиеся в кризисах. Отсюда его совершенно неправильное понимание денег. Поэтому он в процессе производства капитала совершенно не принимает в соображение процесса обращения, поскольку он включает в себе метаморфозу товаров, необходимость превращения капитала в деньги. Во всяком случае никто не развил лучше и определеннее, чем он, что буржуазное производство не является производством богатства для производителей (как он неоднократно называет рабочих); следовательно, производство буржуазного богатства есть нечто совершенно отличное от производства „изобилия“ „жизненных средств и предметов удовольствия“ для лиц, которые их производят; а это последнее ведь должно было бы иметь место, если бы производство было лишь средством для удовлетворения потребностей про-

1) Впрочем, ценность может также возрастать вместе с „легкостью производства“. Предположим, что в стране население увеличивается с одного миллиона человек до шести миллионов. Прежний миллион работал, допустим, двенадцать часов. Шесть миллионов так развили производительность труда, что каждый в течение шести часов производит столько же. Тогда богатство возросло бы в шесть раз, и ценность увеличилась бы втрое согласно собственным взглядам Рикардо.

изводителей; производством, управляемым только потребительной ценностью. Меж тем тот же Рикардо говорит:

„Если бы мы жили в одном из параллелограммов господина Оуэна, и все наши продукты находились бы в нашем общем распоряжении, тогда никто не мог бы страдать от избытка; но пока общество существует в таком виде, как теперь, избыток часто будет пагубным для производителей, и редкость будет для них выгодна“ (On Protection to Agriculture 4 изд., стр. 21. Лондон 1822).

Рикардо рассматривает буржуазное, еще определеннее капиталистическое производство, как абсолютную форму производства; следовательно, его определенные формы производственных отношений нигде не должны находиться в противоречии или сковывать цель производства — изобилие, что заключает в себе как массу потребительных ценностей, так и их разнообразие; они с своей стороны обуславливают опять-таки значительное развитие человека, как производителя, всестороннее развитие его производительных сил. И здесь он впадает в комическое противоречие. Когда мы говорим о ценности и богатстве, мы должны иметь в виду лишь общество в целом. Но если мы говорим о капитале и работе, то само собой разумеется, что „валовой доход“ существует лишь для того, чтобы создавать „чистый доход“. Перед чем он преклоняется в буржуазном производстве, это то, что его определенные формы позволяют — по сравнению с другими формами производства — беспрепятственное развитие производительных сил. Где они перестают это делать, или где выступают противоречия, в которых они это делают, он отрицает противоречия или, вернее, в другой форме сам констатирует противоречие, рассматривая богатство как таковое — сумму потребительных ценностей — как нечто, существующее само по себе, без отношения к производителям, как ultima Thule.

Сисмонди чувствует, что капиталистическое производство находится в противоречии с самим собой; что его формы, его производственные отношения, с одной стороны, толкают к беспрепятственному развитию производительных сил и богатства; что эти отношения, с другой стороны, являются условными; что их противоречия потребительной ценности и меновой ценности, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем большие размеры, чем больше развиты производительные силы. Он тут сознает основное противоречие. Беспрепятственное развитие производительных сил и увеличение богатства, которое в то же время состоит из товаров, должно быть посеребрено, с одной стороны; с другой стороны, как основа, ограничение массы производителей до необходимых средств существования. Поэтому у него кризисы представляют не, как у Рикардо, случайности, а существенные выражения имманентных противоречий на большой скале и в определенные периоды. Тут он все колеблется: нужно ли государству задерживать произво-

тельные силы, чтобы привести их в соответствие с производственными отношениями, или производственные отношения, чтобы привести их в соответствие с производительными силами? При этом он часто ищет спасения в прошлом; он становится *laudator temporis acti* и хотел бы также ослабить противоречия путем установления правильного отношения между доходом и капиталом, или между распределением и производством, не понимая, что отношения распределения представляют лишь производственные отношения *sub alia specie*. Он метко отмечает противоречия буржуазного производства, но он их не понимает, и поэтому не понимает также процесса их разрешения. Но в основе у него в действительности имеется сознание, что развитым в недрах капиталистического общества производительным силам, материальным и социальным условиям создания богатства должны соответствовать новые формы присвоения этого богатства; что буржуазные формы являются лишь формами переходными, полными противоречий, в которых богатство всегда получает противоречивую форму и в то же время везде выступает, как его противоположность. Это богатство, которое всегда имеет своей предпосылкой бедность, и развивается, лишь развивая эту последнюю.

Мы уже видели, в какой красивой форме Мальтус присваивает себе взгляды Сисмонди. В утрированной и еще более отвратительной форме находим теорию Мальтуса в сочинении Томаса Чамерса (*Professor of Divinity*): *On Political Economy in Connection with the Moral State and Moral Prospects of Society*: 2 изд. Лондон 1832. Здесь не только теоретически больше выступает поповский элемент, но и практически член государственной церкви, который „экономически“ защищает ее существование и всю совокупность учреждений, с которыми эта церковь стоит и падает.

Вышеупомянутые полсжения Мальтуса относительно рабочих таковы:

„Потребление и спрос, зависящий от рабочих, занятых производительным трудом, сам по себе никогда не может служить мотивом для накопления и применения капитала“ (*Principles of Political Economy*, 2 изд., стр. 315).

„Никакой сельский хозяин не возьмет на себя труда надзора за работой десяти добавочных лиц только лишь потому, что тогда весь его продукт будет продан на рынке за более высокую цену, причем это увеличение цены в точности будет равно тому, что он уплатил добавочным рабочим. В предшествовавшем отношении спроса и предложения товара, о котором идет речь, или в его цене должно было наступить раньше, чем вызванный новыми рабочими спрос и независимо от него, нечто такое, что оправдывает применение добавочного количества рабочих в его производстве“ (I. c., стр. 312).

„Так как сильное увеличение потребления работающих классов должно значительно повысить издержки производства, то это должно понизить прибыль и тем самым ослабить или уничтожить мотив к накоплению, прежде чем сельское хозяйство, промышленность и торговля достигли значительной степени развития“ (I. c. стр. 405).

„Недостаток средств существования главным образом заставляет рабочие классы производить предметы роскоши; если бы эта причина была устранена или очень ослаблена, так что средства существования могли бы приобретаться небольшим трудом, тогда мы имеем полное основание полагать, что производству предметов роскоши было бы посвящено не больше, а меньше времени“ (I. c., стр. 334).

Мальтус не заинтересован в том, чтобы скрыть противоречия буржуазного производства; наоборот, ему интересно их подчеркнуть, с одной стороны, чтобы доказать необходимость нищеты работающих классов (она необходима для этого способа производства); с другой стороны, чтобы доказать капиталистам, что откормленное духовенство и штат государственных служащих нужны для того, чтобы создать им необходимый спрос. Таким образом он также доказывает, что „для постоянного увеличения богатства“ недостаточно ни роста населения, ни накопления капитала (I. с., стр. 319, 320), ни плодородия почвы (I. с. стр. 399), ни „сокращающих работу изобретений“, ни расширения „внешних рынков“ (I. с. стр. 352, 359).

„Оба фактора, рабочие и капитал, могут существовать в избытке, по сравнению с возможностью выгодного применения их“ (I. с. стр. 414 прим.).

Таким образом он, выступая против Рикардианцев, подчеркивает возможность общего перепроизводства. Главные положения, которые он при этом выдвигает, состоят в следующем:

„Спрос всегда определяется ценностью, а предложение количеством“ (Principles of Political Economy, стр. 316, прим.).

На этой странице Мальтус развивает ту мысль, что товары обмениваются не только на товары, но и на производительный труд и личные услуги, и в сравнении с этими последними, как и с деньгами, может существовать общий избыток товаров (I. с.).

„Предложение всегда должно находиться в соответствии с количеством и спрос с ценностью“ (Definitions in Political Economy, ed. Caz., стр. 65).

„Ясно“, говорит Джемс Милль, „что все то, что человек произвел и не хочет оставить для своего собственного потребления, составляет запас, который он может выменять на другие товары. Его средства и его желание купить, другими словами, его спрос в точности соответствует тому, что он произвел и не намерен потреблять сам“. Ясно, что его средства для покупки других товаров находятся в соответствии не с количеством товаров, которые он сам произвел и хочет отдать, а с их меновой ценностью. А если меновая ценность товара не находится в соответствии с его количеством, то неверно, что спрос и предложение каждого индивидуума всегда будто бы взаимно покрываются“ (I. с., стр. 65 ср. Definitions etc. Лондон 1827, стр. 47 до 49).

„Если бы спрос каждого индивидуума равнялся его предложению, в точном смысле слова, то это доказывало бы, что он всегда может продать свой товар по цене, равной издержкам производства плюс небольшая (fair) прибыль. Тогда даже частичная задержка сбыта была бы невозможна. Аргумент доказывает слишком много... Предложение должно всегда находиться в соответствии с количеством и спрос с ценностью“ (Definitions etc. Лондон 1827 стр. 48 прим.).

Торренс ошибается, когда он говорит, что „увеличение предложения составляет единственную причину увеличения действительного спроса“. Если бы дело обстояло так, то как тяжело было бы человечеству снова оправиться после временного сокращения пищи и одежды. Но когда количество пищи и одежды уменьшается, то возрастает их ценность; денежная цена имеющегося количества пищи и одежды в течение некоторого времени даст возрастание, превышающее уменьшение их количества, меж тем как денежная цена труда может остаться прежней. Необходимым следствием этого является возможность привести в движение большее количество производительного труда, чем прежде“ (Defin. изд. Caz. стр. 59, 60).

„Все товары нации могут обнаруживать одновременное падение в сравнении с деньгами или трудом... Таким образом возможна общая задержка сбыта. (I. с.)... Все их цены могут стать ниже их издержек производства“ (I. с., стр. 64 и след.)

Нам еще остается лишь привести [некоторые взгляды] Мальтуса на процесс обращения:

„Если ценность примененного основного капитала рассматривать, как часть авансированного капитала, то ценность того капитала, который остается в конце года, мы должны считать частью годовичного дохода... Действительно ежегодно авансируемый капиталистом капитал состоит лишь из его циркулирующего капитала и изнашивания его основного капитала вместе с процентами на него и процентами на ту часть его циркулирующего капитала, который равняется деньгам, необходимым ему для его годовичных платежей, которым наступил срок“ (Principles of Political Economy. 2 изд. стр. 269).

Фонд для погашения долгов, т. е. фонд для покрытия изнашивания основного капитала, есть одновременно фонд для накопления.

В своем „опыте о народонаселении“ Мальтус со своей обычной „глубокой философией“ делает следующее замечание против плана подарить коров английским фермерам.

„Полагают, что фермеры, имеющие коров, гораздо трудолюбивее и ведут гораздо более правильную жизнь, чем те, которые не имеют коров.. Большинство из тех, которые теперь имеют коров, купили их на средства, полученные их трудом. Следовательно, правильнее будет сказать, что прилежание дало им коров, а не что коровы будто им дали прилежание“ (4 книга, 13 гл.).

Верно, что выскочкам среди буржуазии их усердие в работе (вместе с эксплуатацией чужого труда) дало им коров, меж тем как коровы дают их сыновьям охоту к лени. Если бы у их коров отняли способность не давать молоко, но распоряжаться неоплаченным чужим трудом, то для прилежания сыновей это было бы очень полезно.

Тот же „глубокий философ“ замечает в той же главе:

„Ясно, что не все люди могут принадлежать к средним классам. Высшие и низшие классы необходимы и кроме того очень полезны. Если никто в обществе не может питать надежды подняться, и никто не должен бояться понижения; если бы прилежание не вознаграждалось, а лень не влекла за собой наказания, то нигде не видно было бы того усердия, того рвения, с каким каждый стремится улучшить свое положение, что больше всего способствует общему благу“.

Низшие должны быть для того, чтобы высшие боялись упасть, а высшие для того, чтобы низшие надеялись на повышение. Чтобы лень влекла за собой наказание, рабочий должен быть беден, а капиталист и столь любимый Мальтусом землевладелец должен быть богат. Но что подразумевает Мальтус под „вознаграждением труда“? что рабочий должен отдавать часть своего труда без эквивалента. Прекрасный стимул, если бы „вознаграждение“, а не голод, служило бы стимулом. В лучшем случае все сводится к тому, что рабочий может надеяться на то, что он когда-нибудь будет эксплуатировать рабочего.

„Чем больше развивается монополия“, говорит Руссо, „тем тяжелее становится цепь для эксплуатируемых“. Иначе говорит „глубокий мыслитель“ Мальтус. В лучшем случае он надеется на то—и сам он это считает более или менее утопичным—что средний класс растет численно, и пролетариат (работающий) образует все меньшую часть всего населения (если он и растет абсолютно). Это, действительно, имеет место в буржуазном обществе.

„Мы должны питать надежду“, говорит Мальтус в том же месте, „что когда-нибудь в будущем методы, которые сокращают труд, и которые уже обнаруживают такие большие успехи, в конце концов удовлетворят все потребности самого богатого общества с меньшим количеством человеческого труда, чем теперь требуется для этой цели; и если тогда отдельный рабочий и не будет избавлен от части того тяжелого бремени, которое тяготеет над ним в настоящее время (он и впредь должен работать столько же, сколько и раньше и относительно все больше для других и все меньше для самого себя. М.), то все же число тех, на кого общество накладывает такое тяжелое бремя, возможно будет уменьшить“.

Книга Мальтуса „On Population“ была памфлетом против французской революции и идей реформации в Англии (Годвин и т. д.). Это была апология нищеты рабочих классов. Теория им украдена у Тоунзенда и т. д.

Его „Essay on Rent“ был памфлетом, защищавшим интересы лэндлордов против промышленного капитала. Теория украдена у Андерсона.

Его „Principles of Political Economy“ это памфлет, защищающий интересы капиталистов против рабочих и интересы аристократии, церкви, налогопожирателей и т. д. против капиталистов. Теория украдена у А Смита. Где собственное изобретение, там дело обстоит плачевно. В дальнейшем развитии теории главную роль играет Сисмонди.

4. Автор „Inquiry“.

Я хочу процитировать еще несколько мест из одного Рикардианского сочинения против Мальтусовой теории. Что касается имеющих в том же сочинении возражений, с капиталистической точки зрения, против Мальтусовых непроизводительных потребителей вообще и лэндлордов в частности, то я докажу в другом месте, что с точки зрения рабочего класса все это дословно может быть направлено против капиталистов (Отнести это к главе об „апологии отношения капитала и наемного труда“). Это книга: *An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.* Лондон 1821. Там говорится:

„Господин Мальтус и те, кто думает, как он, исходит из того, что большой капитал применяется лишь тогда, когда с уверенностью можно ожидать прежней или большей нормы прибыли, и что одно только увеличение капитала само по себе не обеспечивает такой нормы прибыли, а действует в обратном смысле. Поэтому они ищут такого источника, который не зависит от производства и находится вне этого последнего; который может постоянно расти вместе с ростом капитала, и из которого можно получать постоянные добавочные повышения требуемой нормы прибыли“ (1. с., стр. 33, 34).

Это по Мальтусу „непроизводительные потребители“ (стр. 35).

„Господин Мальтус иногда говорит так, как будто имеется два различных фонда, капитал и доход, предложение и спрос, производство и потребление, которые должны нести заботу о том, чтобы они шли рядом и не опередили друг друга. Как будто наряду со всей массой произведенных товаров требуется еще другая масса, которая должна падать с неба, чтобы купить те произведенные товары...

„Потребительный фонд, который ему нужен, может быть приобретен лишь за счет производства“ (I. с., стр. 49, 50).

„Его (Мальтуса) рассуждения вызывают в нас постоянные сомнения, должны ли мы решиться на расширение производства или на его сокращение. Если человеку нужен покупатель, господин Мальтус рекомендует ему дать кому-нибудь денег, чтобы тот купил у него товары? Вероятно нет“ (I. с., стр. 55).

Конечно, господин Мальтус это рекомендует.

„Если ты продаешь свои товары, то ты это делаешь для того, чтобы получить определенную сумму денег; ты ничего не получишь от того, что отдашь кому-нибудь даром эту сумму денег, чтобы тот тебе принес эти деньги и на них купил твои товары. Ты мог бы с таким же успехом съечь свои товары и очутился бы в том же положении“ (I. с., стр. 63).

По отношению к Мальтусу он прав. Но из того, что это один и тот же фонд—„вся сумма произведенных товаров“—производительный фонд и потребительный фонд, фонд предложения и фонд спроса, фонд капитала и фонд дохода, отнюдь не следует, что безразлично, как весь этот фонд будет распределен между различными категориями.

Анонимный автор не понимает, что подразумевает Мальтус, когда он говорит, что „спроса“ рабочих „недостаточно“ для капиталиста.

„Что касается спроса со стороны труда, т.-е. или обмена труда на товары... или обмена имеющихся готовых товаров на будущую новую ценность, которая должна получиться... то это действительный спрос, увеличение которого существенно для производителей“ (I. с., стр. 57).

Мальтус имеет в виду не предложение труда (что наш автор называет спросом со стороны труда), а спрос на товар, который рабочий может предъявить, благодаря полученному им заработку *); это деньги, с которыми он выходит на рынок, как покупатель. И относительно этого спроса Мальтус справедливо замечает, что он никогда не может быть достаточным для предложения капиталистов. В противном случае рабочий со своей заработной платой мог бы закупить весь свой продукт.

Далее автор говорит:

„Увеличенный спрос с их (рабочих) стороны означает собственно готовность взять себе меньше и оставить большую часть своим предпринимателям. И если говорят, что это сокращает потребление и тем самым способствует еще большему замедлению сбыта, то я могу лишь ответить, что тогда замедление сбыта равно сильно высокой прибыли“ (I. с., стр. 59).

Это должно быть остроумие, но действительно заключает в себе основную тайну кризисов.

*) Здесь у Маркса имеется несколько описок, которые исправлены в переводе; именно, сказано: „Was Malthus meint, ist... die Nachfrage, die der erhaltene Lohn den Arbeiter befähigt, nach Ware zu machen“. Примечание перев.

Относительно «*Essay on Rent*» Мальтуса наш автор говорит:

„Когда господин Мальтус опубликовал свой трактат о ренте, он хотел выступить против клича: долой лэндлордов!, который тогда „был написан на стенах“; он хотел выступить в защиту этого класса и доказать, что это не монополия; что рента на землю не может быть отменена; что ее рост в общем представляет естественное явление, сопутствующее росту богатства и населения. Однако народный клич: „Долой лэндлордов!“ вовсе не значит, что не должно быть чего-то такого, как ренты на землю, но что она должна быть равномерно распределена среди населения, по так называемому проекту Спенсера. Но когда он переходит к тому, что берет лэндлордов под свою защиту против ненавистного названия монополистов, так же как против замечания Адама Смита, что они любят жать, где они никогда не сеяли, тогда кажется, что он борется за лучшее и м.я... Все эти аргументы его слишком напоминают адвokата“ (1. с. стр. 108, 109).

Тот же автор говорит:

„Что касается труда, то очень важно, распределены ли они (товары) так, что они вызывают большее предложение труда или меньшее. Распределяют ли их так, что они становятся средствами существования для рабочих или поддерживают ленивцев“ (1. с. стр. 57).

„Увеличение предложения (труда) вызывается увеличенным предложением товаров.

„То обстоятельство, что невозможно больше распоряжаться таким количеством труда, как раньше, имеет значение лишь тогда, если труд не производит больше, чем раньше. Если труд стал производительнее, производство не будет сокращено, даже в том случае, если имеющаяся масса товаров распоряжается меньшим трудом, чем раньше“ (1. стр., 60).

Это направлено против Мальтуса. Верно, производство не сократилось бы, но понизилась бы норма прибыли. Эти циничные выражения, где „масса товаров распоряжается трудом“, тот же цинизм, который имеется у Мальтуса в объяснении ценности, власть товара над трудом; все это очень хорошо и чрезвычайно характерно для природы капитала.

Справедливо замечает автор:

Автор труда „*An Essay on the Application of Capital to Land*“ говорит, что труд будет оплачиваться выше, когда капитал увеличивается возможно быстрее, и это... будет иметь место тогда, когда прибыль на капитал наиболее высока. Он прибавляет: „Чем выше прибыль на капитал, тем выше заработная плата“. Здесь ошибка заключается в том, что выпущены одно или два слова. „Чем выше была прибыль на капитал, тем выше будет заработная плата“... Высокая прибыль и высокая заработная плата бывают не одновременно. Они бывают не в одном процессе. Одно действует на другое в обратном смысле и понижает его до определенного уровня. С таким же успехом можно было бы аргументировать: „Предложение товара быстрее всего повышается тогда, когда цены еамые высокие. Следовательно, быстрое возрастание предложения служит причиной высоких цен“. Здесь имеем смешение причины и действия“ (1. с. стр. 100, 101).

5. Автор труда «*Outlines*».

Работу, в которой развиты принципы Мальтуса, представляют „*Outlines of Political Economy, being a plain and short view of the laws relating to the production, distribution and consumption of wealth etc.*“. Лондон. 1832.

Этот человек указывает нам с самого начала на практическую причину, почему мальтузианцы выступают против определения ценности рабочим временем:

„Что труд есть единственный источник богатства, это учение не менее опасно, чем ошибочно, так как оно к несчастью дает опору тем, кто уверждает, что вся собственность принадлежит работающим классам, и та часть, которую получают другие, похищена будто бы или украдена у первых“ (I. с., стр. 22 прим.).

В следующем положении яснее выступает, чем у Мальтуса, что он смешивает ценность (Wert) товара с капитализированием (Verwertung... als Kapital) товара или денег. В последнем смысле правильно выражено возникновение прибавочной ценности:

„Ценность капитала, количество труда, на которое он обменивается, или которым он распоряжается, всегда больше того количества труда, которого он стоил (которое на него было затрачено); и разница образует прибыль или вознаграждение для его владельца“ (I. с., стр. 32).

И следующее, взятое у Мальтуса, верно, почему прибыль должна быть отнесена к издержкам производства капиталистического производства:

„Если бы на примененный капитал не было прибыли, то не было бы достаточно побудительной причины производить товар. Эта прибыль служит существенным условием предложения и, как таковая, образует одну из составных частей издержек производства“ (I. с., стр. 33).

В следующем положении имеется, с одной стороны, верная мысль, что прибыль на капитал возникает непосредственно из обмена его на труд, с другой стороны—Мальтусово учение о прибыли, которая создается будто бы в продаже.

„Прибыль человека зависит не оттого, что он распоряжается продуктом труда других людей, а тем, что он распоряжается самим трудом¹⁾. Если он может продать свои товары (при повышении [их] денежной ценности) за более высокую цену, меж тем как заработок его рабочих остается неизменным, то он очевидно выигрывает при повышении цен, независимо от того, возрастают ли другие товары или нет. Меньшая часть того, что он производит, достаточна, чтобы привести в движение тот труд, и потому большая часть остается для него самого“ (I. с., стр. 49, 50).

То же самое имеет место, если, например, вследствие введения новых машин, химических процессов и т. д., капиталист производит товар ниже прежней ценности и продает его или по прежней ценности или во всяком случае выше индивидуальной ценности, до которой он спустился. В этом случае рабочий, правда, не работает непосредственно меньше времени на себя и больше на капиталиста. Но „меньшей части того, что он производит, достаточно для того, чтобы привести в движение тот труд в производстве“. В действительности рабочий, следовательно, большую часть своего непосредственного труда, чем прежде, обменивает на свой собственный овеществленный труд. Он получает, например, по преж-

¹⁾ Здесь мы имеем правильное разграничение обмена товара на товар и обмена ее, как капитала, на труд.

нему 10 ф. ст. Но эти 10 ф. ст. — хотя для общества они выражают то же количество труда — уже не составляет продукта такого же количества труда, как прежде, а быть может на один час менее. Рабочий, следовательно, в действительности работает дольше на капиталиста и меньше на себя. Было бы то же самое, как если бы он получал еще лишь 8 ф. ст., которые, однако, вследствие повышения производительности его труда, представляют то же количество потребительных ценностей.

Анонимный автор замечает по поводу только что приведенного Мальтуса взгляда на тождество спроса и предложения:

„Предложение каждого зависит от количества, которое он выносит на рынок; его спрос на другие вещи зависит от ценности его предложения. Первое (количество предложения) величина определенная; она зависит от него самого. Последнее — величина неопределенная, оно зависит от других. Первое может остаться неизменным, в то время как последнее меняется. 100 кв. зерна, которые человек выносит на рынок, могут стоить раз 30, а другой раз 60 шиллингов за кв. Количество предложения в обоих случаях одно и то же; но спрос этого человека, или его способность покупать другие вещи, в последнем случае вдвое больше, чем в первом“ (I. с., стр. 111, 112).

Об отношении между трудом и машинами автор говорит:

„Если количество товаров увеличивается благодаря более целесообразному разделению труда, то не требуется большего спроса, чем раньше, чтобы удержать весь труд, который применен был раньше; меж тем как с введением машин часть труда несомненно уж не находит себе больше применения, если не наступило увеличения спроса или падения заработной платы или прибыли¹⁾“.

„Предположим, что имеется товар, ценность которого равняется 1000 ф. ст., из коих 1000 ф. ст. составляют заработок 100 человек, получающих по 10 ф. ст., и 200 ф. ст. прибыль при норме прибыли в 20%. Теперь представим себе, что тот же товар создан трудом 50 человек с помощью машины, которая стоила труда 50 человек и требует 10 человек для сохранения ее в надлежащем виде. Предприниматель тогда будет в состоянии понизить цену этого предмета до 800 ф. ст. и все же будет получать прежнюю прибыль на свой капитал.“

Заработок 50 человек составляет	500 ф. ст.
„ 10 „ для сохранения машин	
В надлежащем виде	100 „
Прибыли 20%:	
на оборотный кап. тал . . . . . в 500 ф. ст.	} 200 „
„ основной „ . . . . . „ 500 „ „	

Вместе . . . . . 800 ф. ст.

(I. с., стр. 114, 115).

10 человек для сохранения машины в надлежащем виде представляют здесь ее годовое изнашивание. В противном случае это ошибочно, так как труд ремонта причисляется к первоначальным издерж-

¹⁾ Как так? Если разделение труда целесообразнее, то при том же количестве труда будет произведено больше товаров. Поэтому предложение возрастет, и разве для его поглощения не потребуются расширения спроса? В действительности [здесь нет различия между разделением труда и машинами], поскольку имеется в виду больший спрос; [с той разницей, что сказанное], действительно в большей мере для машин. Но „более целесообразное разделение труда“ может потребовать столько же или даже больше труда, чем прежде; меж тем как введение машин во всяком случае должно уменьшить часть капитала, затраченную на непосредственный труд.

кам производства машины. Раньше человек должен был ежегодно вкладывать 1000 ф. ст., во продукт и имел ценность в 1200 ф. ст. Теперь он раз навсегда вложил в машины 500 ф. ст.; этих денег ему больше не надо вкладывать ни в коем случае. Что ему нужно тратить, это ежегодно 100 ф. ст. для сохранения машины в надлежащем виде и 500 ф. ст. на заработную плату, так как в этом случае нет сырого материала. Ежегодно ему нужно выложить 600 ф. ст., но на весь свой капитал он получает попрежнему 200 ф. ст. Сумма и норма прибыли остались прежние. Но его годичный продукт составляет лишь 800 ф. ст.

„Кто прежде должен был заплатить 1200 ф. ст. за товар, может на нем теперь сэкономить 400 ф. ст., которые он может затратить или на что-либо другое или на покупку большего количества того же товара. Если они затрачены на продукт непосредственного труда, они дают занятие не более, как 33, 4 человека, меж тем как число рабочих, лишившихся работы вследствие введения машин, равно 40, ибо:

Заработная плата 33, 4 человек составляет	334 ф. ст.
20 процентов прибыли	66 „ „
	<hr/>
Вместе	400 ф. ст.

(I. c., стр. 115, 116).

Это значит другими словами: Если 400 ф. ст. затрачены на товары, которые являются продуктом непосредственного труда, и если заработная плата составляет 10 ф. ст. на человека, то товары, которые стоят 400 ф. ст., должны составлять продукт менее, чем 40 человек. Если бы они представляли продукт 40 человек, то они содержали бы только оплаченный труд. Ценность труда или овеществленное в заработной плате количество труда равнялось бы ценности продукта, количеству овеществленного в товаре труда. Но товары в 400 ф. ст. содержат неоплаченный труд, который и составляет прибыль. Они, следовательно, должны представлять продукт менее, чем 40 человек. Если прибыль равна 20⁰/₁₀₀, то лишь ³/₆ продукта могут состоять из оплаченного труда; значит, приблизительно 334 ф. ст., т.е. 33, 4 человека по 10 ф. ст. каждый. Шестая часть, приблизительно 66, представляет неоплаченный труд. Точно таким же образом Рикардо доказал, что машины, даже в том случае, когда их денежная цена равна цене непосредственного труда, который они заменяют, никогда не могут быть продуктом такого же количества труда.

„Если бы они (400 ф. ст.) были затрачены на покупку большего количества того же товара или другого товара, для создания которого употреблен тот же вид и количество основного капитала, они заняли бы лишь 30 человек, ибо:

Заработок 25 человек по 10 ф. ст. составляет	250 ф. ст.
Заработок 5 человек для сохранения в исправности машин 50 „ „	50 „ „
Прибыль на 250 ф. ст. оборотного и 250 ф. ст. основного капитала	100 „ „
	<hr/>
Вместе	400 ф. ст.

(I. c., стр. 116).

Именно в том случае, когда введены машины для производства товара в 800 ф. ст., требуется затрата на машины в 500 ф. ст.; следовательно, для производства в 400 ф. ст. требуется машин на 250 ф. ст. Далее для машин в 500 ф. ст. необходимо 50 человек, следовательно, для машин в 250 ф. ст. 25 человек, что составляет 25¹⁾ ф. ст.; далее сохранение в надлежащем виде или воспроизводство машин в 500 ф. ст. требует 10 человек, следовательно, для машин в 250 ф. ст.—5 человек, или 50 ф. ст. Так мы получаем 250 ф. ст. основного и 250 ф. ст. оборотного капитала, вместе 500 ф. ст., на что прибыль в 20% составляет 100 ф. ст. Продукт содержит, таким образом, 300 ф. ст. заработной платы и 100 ф. ст. прибыли, вместе 400 ф. ст. При этом занято 30 человек. Здесь везде подразумевается, что или производитель-капиталист черпает капитал из 400 ф. ст. сбережений, которые потребители положили в банк, или что он сам владеет капиталом сверх 400 ф. ст., сбереженных в доходе потребителей. Ибо с капиталом в 400 ф. ст. он не может затратить 250 ф. ст. на машины и 250 ф. ст. на заработную плату.

„Когда вся сумма в 1200 ф. ст. была вложена в продукт непосредственного труда, тогда он состоял из 1000 ф. ст. заработной платы и 200 ф. ст. прибыли (100 рабочих. М.). Когда она затрачена частью одним, частью другим способом, тогда он состоял из 934 ф. ст. заработной платы и 266 ф. ст. прибыли (именно 60 рабочих в машинном производстве и 33,4 или 34 рабочих в непосредственном труде. М.). Наконец, в третьем случае, когда вся сумма затрачена на общий продукт машины и труда, он состоял из 900 ф. ст. заработной платы и 300 ф. ст. прибыли“ (именно 90 рабочих. М.) (I. с., стр. 117).

„Капиталист не может после введения машины применить столько труда, как прежде, не накопив больше капитала... Но сбережение, которое сделают потребители продуктов после падения их цен, увеличит их потребление этого или другого предмета и создаст, таким образом, спрос для некоторых, если не для всех рабочих, которые вытеснены машиной“ (I. с., стр. 119).

„Господин Мак Кэллок полагает, что введение машин в одной отрасли производства непременно создает такой же или больший спрос на освобожденных рабочих в какой-либо другой отрасли. Чтобы доказать это, он полагает, что сумма, требуемая ежегодно для восстановления ценности машин, которые в течение этого времени совершенно изнашиваются, каждый год создает возрастающий спрос на труд. Но так как эти годовые суммы при сложении в конце периода времени могут равняться лишь первоначальным издержкам на машины вместе с процентами во время их деятельности, то нелегко понять, как они могут вызвать спрос на труд сверх того, что они вызвали бы, если бы машина не применялась“ (I. с., стр. 119, 120).

Самый фонд погашения [который ежегодно откладывается, чтобы в конце концов произвести новые машины вместо изношенных] может, во всяком случае, снова служить для накопления в тот период времени, когда изнашивание машины вычислено, но фактически не имеет места. Но во всяком случае созданный таким образом спрос на труд гораздо меньше, чем если бы весь вложенный в машины капитал, а не та годовая сумма, был затрачен на заработную плату. Мак Петер осел как всегда. Это место замечательно лишь потому, что здесь высказана мысль, что фонд погашения—есть фонд накопления.

¹⁾ Здесь у Маркса описка: нужно 250, а не 25 ф. ст. Прим. перев.

II. Разложение Рикардианской школы.

1. Р. Торренс.

Анализ конкуренции явлений производства — показывает, что капиталы одинаковой величины в среднем доставляют одинаковую прибыль, или при данной средней норме прибыли (только это и означает средняя норма прибыли) сумма прибыли зависит от величины авансированного капитала.

А. Смит регистрировал этот факт. Он несколько не задумывался над вопросом об его связи с выставленной им теорией ценности, тем более, что на ряду с так называемой эзотерической теорией он создал еще различные другие теории и мог придерживаться любой из них. Единственное, что заставляло его задуматься, это была полемика против того взгляда, по которому прибыль превращается в вознаграждение за труд надзора и руководства, так как, независимо от всех других возможных здесь возражений, труд руководства не растет в такой же мере, как скала производства; к тому же ценность авансированного капитала (вследствие, напр., вздорожания сырого материала) может расти при отсутствии роста скалы производства. Имманентного закона для определения средней прибыли и ее величины он не имеет. Он лишь говорит, что конкуренция уменьшает этот X .

Рикардо везде отождествляет (не считая некоторых немногочисленных и случайных замечаний) прибыль непосредственно с прибавочной ценностью. Товары продаются поэтому у него с прибылью не потому, что они продаются выше их ценности, а потому, что они продаются по своей ценности. Однако, при изучении ценности (1-ая глава „Principles“) он является первым, кто вообще задумался над вопросом об отношении определения ценности товаров к тому явлению, что одинаковые капиталы доставляют одинаковую прибыль. Это возможно лишь благодаря тому, что произведенные ими товары хотя и не продаются по одинаковым ценам (можно, однако, сказать, что результат их имеет одинаковую цену, поскольку ценность непотребленной части основного капитала тоже причисляется к про-

дугу)¹⁾, но доставляют одинаковую прибавочную ценность, одинаковый излишек в цене сверх цены потребленного капитала. Но Рикардо впервые обратил внимание на то обстоятельство, что капиталы одинаковой величины отнюдь не имеют одинакового органического строения. Различие в этом строении он понимал так, как он это нашел у А. Смита—оборотный и основной капитал,—следовательно, как различия, которые вытекают из процесса обращения. Он отнюдь не говорит прямо, что закону ценности *prima facie* противоречит тот факт, что капиталы различного органического строения, которые, следовательно, приводят в движение различное количество непосредственного труда, производят товары одинаковой ценности и дают одинаковую прибавочную ценность, которую он отождествляет с прибылью. Он, наоборот, приступает к исследованию ценности, предполагая капитал и всеобщую норму прибыли. Он с самого начала отождествляет цены производства и ценности и не видит, что это предположение с самого начала *prima facie* противоречит закону ценности. Лишь исходя из этой предпосылки, которая включает в себе главное противоречие и всю сложность вопроса, он приходит к отдельному случаю—изменению заработной платы, возрастанию или падению ее. Чтобы норма прибыли оставалась тогда одинаковой, возрастание или падение заработной платы, чему соответствует падение или возрастание прибыли, должно неодинаково действовать на капиталы различного органического строения. Если заработная плата возрастает, следовательно, прибыль падает, то падают цены товаров, для производства которых требуется относительно больший основной капитал. В противном случае происходит обратное. Поэтому „меновые ценности“ товаров в данном случае не

¹⁾ Следующее вычисление иллюстрирует это. Возьмем два капитала по 1 миллиону марок каждый, но с различным органическим строением. Пусть средняя норма прибыли составляет 10%, столько же годовое изнашивание основного капитала. Мы имеем:

	Капитал А.	Капитал В.
Общая сумма	1.000.000	1.000.000
Переменный капитал	200.000	400.000
Оборотный постоянный капитал	200.000	200.000
Основной капитал	600.000	400.000

Если оборотный капитал делает один оборот в течение года, цена годового продукта составит:

Переменный капитал	200.000	400.000
Оборотный постоянный капитал	200.000	200.000
Изнашивание основного капитала	60.000	40.000
Прибыль	100.000	100.000
Вместе	560.000	740.000
Еще остаток основного капитала	540.000	360.000
В М Е С Т Е	1.100.000	1.100.000

Следовательно, если к цене товара прибавить остающийся основной капитал, то в обоих случаях получатся равные суммы. К.

определяются требуемым для их производства рабочим временем. Другими словами: это определение одинаковых норм прибыли (но только в единичном случае и таким окольным путем к этому приходит Рикардо) для капиталов различного органического строения противоречит закону ценности, или, как говорит Рикардо, составляет и исключение из этого закона; по этому поводу Мальтус справедливо замечает, что в процессе индустрии правило становится исключением и исключение правилом. Самое противоречие Рикардо не высказывает ясно, именно не в форме: хотя один товар содержит больше неоплаченного труда, чем другой,—ибо при одинаковой степени эксплуатации рабочих количество неоплаченного труда зависит от количества оплаченного, следовательно, количества непосредственного труда,—они, однако, доставляют одинаковую ценность или одинаковый излишек неоплаченного труда сверх оплаченного. У него же противоречие выражается лишь в форме единственного числа: в некоторых случаях заработная плата — изменение заработной платы—влияет на цены производства товаров или, как он говорит, их меновые ценности.

Различные периоды обращения капитала—когда он остается дольше в процессе производства (если и не в процессе труда) или процессе обращения—требует не больше труда, а больше времени для своего оборота, также не уничтожают равенства прибылей; и это опять-таки противоречит закону ценностей—по Рикардо это также исключение.

Он, таким образом, изобразил факт очень односторонне. Если он ему дал выражение в общей форме, он имел ¹⁾ и решение вопроса в общей форме.

Но за ним остается великая заслуга: Рикардо смутно чувствует различие между ценностями и цепями производства; и он высказывает, для определенных случаев, противоречие, хотя и лишь как исключение из закона,—что капиталы неодинакового органического строения, следовательно, в последнем счете всегда капиталы, которые эксплуатируют неодинаковое количество живого труда, доставляют одинаковые прибавочные ценности (прибыли), и—несмотря на то, что часть основного капитала входит в процесс труда, не входя в процесс создания ценности—одинаковые ценности, товары одинаковой ценности (лучше цен производства, но он это смешивает).

А Мальтус, как мы видели, использовал это для отрицания Рикардовского закона ценности.

Торренс сразу в начале своего сочинения „An essay on the Production of Wealth etc“, Лондон 1821, исходит из этого открытия Рикардо. Отнюдь не для того, чтобы разрешить проблему, а для того, чтобы констатировать это явление, как закон явления.

¹⁾ Здесь у Маркса описка; нужно: Если бы... он имел бы... Прим. перев.

„Различные капиталы одинаковой величины могут иметь различные степени долговечности, но это обстоятельство не приводит к исключению из нашего общего правила, что продукты (results), полученные от применения одинаковых капиталов, будут иметь одинаковую меновую ценность. Если фабрикант, производящий сукно, и фабрикант, производящий шелк, вкладывают каждый капитал в 2000 ф. ст., и первый тратит 1500 ф. ст. на долговечные машины и 500 ф. ст. на заработную плату и сырой материал, меж тем как последний тратит лишь 500 ф. ст. на долговечные машины и 1500 ф. ст. на заработную плату и сырой материал, то продукты этих одинаковой величины капиталов вследствие закона конкуренций будут иметь одинаковую меновую ценность, т.-е. суконные товары плюс остаток основного капитала, употребленного при его производстве, стоили бы столько же, как и шелковые товары плюс остаток основного капитала, употребленного при их производстве. Предположим, что одна десятая часть этого основного капитала ежегодно потребляется, и норма прибыли составляет 10 процентов, тогда фабрикант суконных товаров его капитал в 2000 ф. ст. должен давать 2200 ф. ст. а так как ценность основного капитала благодаря процессу производства с 1500 ф. ст. понизилась до 1350 ф. ст., то произведенные товары должны быть проданы за 850 ф. ст. И точно так же, так как основной капитал фабриканта шелковых товаров в процессе производства сокращен на одну десятую, или с 500 до 450, то произведенный шелк должен быть продан за 1750 ф. ст., чтобы доставить ему обычную норму прибыли на весь его капитал в 2000 ф. ст. Когда применяются капиталы одинаковой величины, но неодинаковой степени долговечности, то произведенные товары в месте с остатком капитала в одной отрасли труда будут иметь такую же меновую ценность, как и продукты плюс остаток капитала в другой отрасли труда“ (стр. 28, 29).

Здесь явление, которое наблюдается в конкуренции, лишь высказывается и регистрируется. Точно также предполагается „обычная норма прибыли“, но не показано, откуда она получается; автор даже не сознает, что это должно быть показано:

„Капиталы, которые содержат одинаковое количество накопленного труда, одинаковой величины и долговечности, приведут в движение различное количество непосредственного труда. Но... продукты будут равноценны“ (стр. 31).

Заслуга в этом положении состоит не в том, что Торренс и здесь опять-таки лишь регистрирует явление, не объясняя его, а в том, что он определяет различие (между капиталами) в том смысле, что одинаковые капиталы приводят в движение неодинаковое количество живого труда—но он опять-таки портит дело тем, что рассматривает это, как „особый“ случай. Если ценность равна труду, который в товар вложен, в нем реализован, то ясно, что—если товары продаются по своей ценности—содержащаяся в них прибавочная ценность может лишь равняться заключенному в них неоплаченному труду или прибавочному труду. Но этот прибавочный труд не может—при одинаковой степени эксплуатации рабочих—быть одинаковым для капиталов, „которые приводят в движение различное количество непосредственного труда“, безразлично, зависит ли это различие от непосредственного процесса производства, или же от процесса обращения. Заслуга Торренса заключается, следовательно, в том, что он употребляет это выражение. Какой вывод он делает отсюда? Что здесь в капиталистическом производстве происходит изменение закона ценности. Это значит, что закон ценности, который абстрагирован из капиталистического производства, противоречит его явлениям. И что он вместо этого дает? Абсолютно ничего, кроме

простого бессодержательного словесного выражения явления, которое должно быть объяснено.

„В тот ранний период развития общества, который предшествует разделению его на класс капиталистов и класс рабочих, когда индивидуум, занятый в какой-нибудь отрасли производства, сам выполняет свою работу,—только общее количество затраченного в производстве труда, накопленного и непосредственного, подлежит сравнению и конкуренции и в процессах обмена или покупки в последнем счете определяет, какое количество одного товара должно быть дано, взамен определенного количества другого товара. Но когда накоплен капитал и устанавливается различие между классом капиталистов и классом рабочих; когда тот, кто выступает в какой-нибудь отрасли производства, как предприниматель, не работает сам, а дает другим средства существования и сырой материал для работы,—тогда величина вложенного в производство капитала или накопленного труда определяет меновую ценность товаров“ (I. с., стр. 33, 34), „Пока два капитала равны между собой, закон конкуренции, который всегда стремится выравнять прибыли, будет поддерживать равенство ценностей их продуктов, как бы ни менялось количество непосредственного труда, которое они приводят в движение, или которое требуется для их продуктов. Если же наоборот эти капиталы будут различной величины, то тот же закон должен установить неодинаковую ценность их продуктов, даже если бы общее количество затраченного на них труда в обоих случаях было совершенно одинаково. Это ясно и определенно доказывает, что после этого разделения на капиталистов и рабочих всегда величина капитала или количество накопленного труда, а не, как до этого разделения, количество накопленного и непосредственного затраченного в производстве труда, определяет меновую ценность товаров“ (I. с., стр. 39).

Здесь опять-таки нет ничего, кроме констатирования явления, что одинаковой величины капиталы доставляют одинаковые прибыли, или что цена производства товара равна цене потребленного капитала плюс средняя прибыль; такое же значение имеет и указание на то, что так как одинаковые капиталы приводят в движение различные количества труда, это явление *prima facie* не соединимо с определением ценности товара заключенным в нем рабочим временем. Замечание, что это явление капиталистического производства обнаруживается лишь тогда, когда существует капитал—когда появляются классы капиталистов и рабочих—что в объективных условиях труда выражается в капитале,—представляет тавтологию.

Но как разделение [условий, необходимых] для производства товара—как капиталистов и рабочих, капитала и заработной платы—опрокидывает закон ценности товара, только „заключается“ из непонятого явления,

Рикардо пытался доказать, что разделение капитала и заработной платы—за некоторыми исключениями—ничего не меняет в определении ценности товаров. Опираясь на Рикардовские исключения, Торренс отрицает закон. Он возвращается обратно к А. Смиту (против которого направлен пример Рикардо), полагающему, что действительно „в начальных стадиях общественного развития“, когда люди только еще выступают, как товаровладельцы и как обменивающиеся товарами, ценность товара определяется заключенным в нем рабочим временем; но не тогда, когда появился капитал и собственность на землю. Это значит (как я уже заметил в первой части), что закон, действи-

тельный для товаров, как товаров, не действителен для них, лишь только они рассматриваются, как капитал или как продукты капитала; лишь только вообще переходим от товаров к капиталу. С другой стороны, продукт всецело принимает форму товара—как тем, что весь продукт должен быть превращен в меновую ценность, так и тем, что ингредиенты его производства сами входят в него, как товары,—он становится всецело товаром лишь с развитием и на основе капиталистического производства. Следовательно, закон товара действителен де в производстве, которое не создает товаров (или создает их лишь отчасти) и не действителен в производстве, основой которого служит существование продукта, как товара. Самый закон, а также товар, как общая форма продукта, абстрагирован из капиталистического производства, и именно для него он будто бы недействителен.

Влияние разделения между „капиталом и трудом“ на определение ценности есть впрочем—не говоря о тавтологии, что, пока нет капитала, капитал не может определять цены—опять-таки очень плоский перевод обнаруживающегося на поверхности капиталистического производства факта. Пока каждый сам работает своими средствами производства—сам продает продукт, который он производит (только в действительности необходимость продажи продукта на общественной скале никогда не совпадает с производством своими собственными средствами производства)—к его издержкам относятся издержки как на орудие, так и на труд, который он сам выполняет. Издержки капиталиста состоят из примененного капитала, из суммы ценности, которые он затратил на производство, не из труда, которого он не выполнял, и который ему стоит лишь то, что он за него заплатил. Это служит очень хорошим основанием для капиталистов, чтобы сосчитать и разделить между собой [сумму общественной] прибавочной ценности, не по количеству непосредственного труда, который данный капитал приводит в движение, а по величине примененного ими капитала. Но это отнюдь не является основанием для объяснения, откуда получается эта таким образом подлежащая распределению и распределяемая прибавочная ценность.

Торренс еще настолько придерживается теории Рикардо, что ценность продукта должна определяться количеством труда, но только „количеством накопленного труда“, затраченного на производство товаров. Здесь, однако, у Торренса получается хорошая путаница. Так, например, ценность сукна определяется трудом, накопленным в ткацкой машине, шерсти и т. д. и заработной плате, которые служат ингредиентами [его производства]; что здесь означает не что иное, как реализованный труд, овеществленное рабочее время. Но когда сукно готово, производство закончено, то затраченный на сукно непосредственный труд тоже превратился в накопленный и реализованный труд. Почему же ценность ткацкого станка и шерсти должна определяться

заклученным в них реализованным трудом (который есть не что иное, как непосредственный труд, реализованный в объекте, результате, полезной вещи), а ценность сукна нет? Если сукно снова служит ингредиентом производства, напр., в красильне или швальне, то оно является „накопленным трудом“, и ценность сукна определяется ценностью заработной платы рабочих, их орудий и сукна, ценность которых тоже определяется „накопленным“ в них „трудом“. Если я рассматриваю товар, как капитал, т.-е. в данном случае, как средства производства, то его ценность превращается в непосредственный труд, который называется „накопленным трудом“, так как он существует в овеществленной форме. Если я, наоборот, рассматриваю тот же товар, как товар, как продукт и результат процесса, то его ценность определяется не трудом, который накоплен в нем самом, а трудом, накопленным в условиях его производства.

Действительный, прекрасный *sergle vicieux*; ценность товара он хочет определять ценностью капитала, тогда как ценность капитала равна ценности товаров, из которых он состоит. По отношению к этим молодцам Джемс Милль прав, говоря: капитал есть товар, и сказать, что ценность товаров определяется ценностью капитала, значит сказать, что ценность товара определяется ценностью товара.

Если ценность товара определяется ценностью капитала, который его производит, или, другими словами, количеством труда, накопленного и реализованного в этом капитале, то нужно еще заметить следующее.

Товар содержит, во-первых, ценность потребленного основного капитала; во-вторых, ценность сырого матерьяла, или количество труда, содержащееся в основном капитале и сыром матерьяле. В-третьих, количество труда, овеществленного в деньгах или товарах, которые функционируют, как заработная плата.

Теперь мы имеем две возможности:

„Накопленный“ в основном капитале и сыром матерьяле труд остается после процесса производства тем же, каким он был до него. Но что касается третьей части примененного „накопленного труда“, то рабочий заменяет ее своим непосредственным трудом — то-есть прибавленный к сырому матерьялу и т. д. „непосредственный труд“ представляет в товаре, в продукте ровно столько накопленного труда, сколько содержится в заработной плате. Или он представляет большую величину.

Возьмем последний случай. Если он больше, то товар содержит больше накопленного труда, чем авансированный капитал. Тогда прибыль получается от излишка накопленного труда, заключенного в товаре, сверх накопленного труда, заключенного в авансированном капитале. И тогда ценность товара потом, как и раньше, определяется заключенным в нем количеством труда, накопленного плюс непосредственный;

и этот последний уже существует в товаре так же, как накопленный, а не непосредственный труд. Непосредственным он является в процессе производства, накопленным в продукте.

Второй возможный случай имеем тогда, когда заключенный в ценности товаров непосредственный труд представляет лишь вложенное в заработную плату количество труда, образует лишь его эквивалент. Если бы он был меньше, то было бы непонятно, почему капиталист выигрывает, почему он не теряет. Откуда получается прибыль, если прибавленный в товару непосредственный труд равен количеству труда, заключенного в заработной плате? Откуда получается тогда прибавочная ценность, излишек ценности товаров сверх ценности ингредиентов производства, или ценности авансированного капитала? Не из самого процесса производства, так что в обмене или процессе обращения он лишь реализуется, а из обмена, из процесса обращения. Тогда мы возвращаемся к Мальтусу и меркантилистическому грубому представлению о прибыли, получаемой благодаря обмену, о „profit upon alienation“. И к этому господин Торренс также приходит последовательно; хотя он опять-таки столь непоследователен, что эту численную ценность (*Zahlwert*) он объясняет не необъяснимым, упавшим с неба фондом—именно фондом, который образует не только эквивалент за товар, но излишек сверх этого эквивалента, средствами, которые всегда дают покупателю возможность платить за товар сверх ее ценности, не продавая ее сверх ее ценности, что в конце концов ничего не дает. Торренс не так последователен, как Мальтус, чтобы принять такую фикцию; он, наоборот, утверждает, что „действительный спрос“—следовательно, сумма ценности, которая уплачивается за продукт,—вытекает лишь из предложения, таким образом, тоже является товаром; при чем абсолютно непонятно, как обе стороны, продавец и покупатель, могут в одинаковой мере надувать друг друга.

„Действительный спрос на товар всегда определяется и всегда соответствует при данной норме прибыли количеству составных частей капитала или требуемых для производства вещей, которые потребители в состоянии и склонны дать за него“ (I. с. стр. 344).

„Рост предложения есть единственная причина роста действительного спроса“ (стр. 348).

Мальтус, который цитирует это место у Торренса, справедливо протестует против такого взгляда (*Definitions in Political Economy*, стр. 64, Лондон, 1827).

Но что Торренс приходит к тому нелепому выводу, видно из следующего места, трактующего об издержках производства и т. д.

„Рыночная цена (Мальтуса покупательная ценность, *purchasing value*. M.) должна всегда включать обычную для данного времени норму прибыли, в противном случае промышленность остановилась бы. *Натуральная цена*, которая состоит из издержек производства или, другими словами, из капитала, затраченного при производстве или создании товара, не может включать норму прибыли“ (I. с. стр. 51).

„Прибыль на капитал никогда не составляет части издержек производства; она, напротив, создается этими издержками. Предположим, арендатор затратил сто кварталов зерна, чтобы засеять свои поля, и таким образом получает сто двадцать кварталов. В этом случае двадцать кварталов, излишек продукта сверх затраченного (expenditure), образуют прибыль арендатора; но было бы бессмысленно называть этот излишек или прибыль частью затрат.. В промышленности, так же как и в земледелии, прибыль на капитал отличается от издержек производства. Предприниматель в промышленности затрачивает определенное количество сырого материала, орудий и инструментов, а также средств существования для рабочих и получает за это известное количество готовых продуктов. Эти последние должны иметь более высокую меновую ценность, чем затраченные материалы и т. д. (стр. 51 до 53).

„Действительный спрос состоит в способности и склонности потребителей, путем обмена непосредственного или косвенного, дать за товары большее количество всех частей капитала, чем стоит их производство“ (Л. е. стр. 349).

120 кварталов зерна безусловно больше 100 кварталов. Но если рассматривать, как в данном случае, лишь потребительную ценность и процесс ее движения, то-есть собственно вегетативный или физиологический процесс, то было бы ошибочно, еслибы мы сказали, что, если и не эти 20 кварталов сами по себе, но те элементы, которые создают эти 20 кварталов [не входят в процесс производства, не принадлежат к его „издержкам“]. Они не [могли иначе] из него получиться. Кроме 100 кварталов зерна—семян—доставляемые удобрения химические составные части, содержащиеся в земле: соли, вода, воздух, свет, все это входит в процесс, который превращает 100 кварталов зерна в 120. Превращение и включение элементов, условий—затрат природы, которая превращает 100 кварталов в 120—происходит в самом процессе производства; и элементы этих 20 кварталов входят, как физиологическая „затрата“ в самый этот процесс, результатом чего является превращение 100 кварталов в 120.

Эти 20 кварталов не являются только прибылью, если рассматривать их исключительно с точки зрения потребительной ценности. Неорганические части только ассимилированы органической частью и превращены в органические. Без прибавления материи—и последняя составляет физиологическую затрату—никогда не получилось бы 120 кварталов из 100. Можно, следовательно, действительно, сказать только с точки зрения потребительной ценности, с точки зрения зерна, как зерна, что в неорганической форме в него вошло как „затрата“ то, что в органической форме является, как покоящийся¹⁾ (ruhendes) результат в 20 кварталах, как излишек собранного зерна сверх посеянного.

Но эта точка зрения имеет так же мало общего с вопросом о прибыли, как если бы мы сказали, что проволока, ставшая в процессе работы в тысячу раз длиннее того металла, из которого она сделана, представляет 1000-кратную прибыль, так как длина ее увеличилась в 1000 раз. В примере с проволокой возрасла длина; в примере с зерном возрасло количество зерна. Но ни излишек длины, ни изли-

¹⁾ Это слово может также означать „созревший“ („reifendes“). К.

шек количества зерна не образует прибыли, которая относится только к меновой ценности, хотя эта меновая ценность является в виде прибавочного продукта.

Но что касается меновой ценности, то не приходится доказывать, что 90 кварталов зерна могут стоить столько же (и больше), чем 100 кварталов, 100 больше, чем 120, и 120 больше, чем 500.

Таким образом, из примера, который не имеет ничего общего с прибылью, с излишком ценности продукта сверх ценности авансированного капитала, Торренс выводит прибыль. И даже с физиологической точки зрения—с точки зрения потребительной ценности—его пример ошибочен, так как в действительности те 20 кварталов зерна, которые составляют прибавочный продукт, каким-нибудь образом, хотя бы и в другой форме, уже имеются в самом процессе производства.

Впрочем, Торренс в конце концов также высказывает ту гениальную мысль, что прибыль есть profit upon expropriation.

Заслуга Торренса состоит в том, что он вообще возбуждает спорный вопрос о том, что такое издержки производства. Рикардо постоянно смешивает ценность товара с издержками производства (поскольку они равны цене производства) и потому удивляется, что Сэй, хотя и определяет цену издержками производства, делает другие выводы. Мальтус утверждает, подобно Рикардо, что цена товара определяется издержками производства, и он, как и Рикардо, включает прибыль в издержки производства. Однако, ценность он определяет совершенно иначе, не количеством труда, которое содержится в товаре, а количеством труда, которым он может распоряжаться.

Двусмысленность понятия издержек производства вытекает из самой природы капиталистического производства.

Во-первых: Для капиталиста издержками (на произведенный им) товар является, конечно, то, что он на него издержал. Ему он не стоит ничего—то-есть он на него не затратил никакой ценности, кроме ценности авансированного капитала. Если он затрачивает 100 ф. ст. на сырой материал, инструменты, заработную плату и т. д., чтобы произвести товар, то он ему стоит 100 ф. ст., не больше, не меньше. Кроме труда, содержащегося в этих затратах—кроме накопленного труда, который содержится в авансированном капитале, который определяет ценность авансированного капитала—он ему не стоит никакого труда. То, что ему стоит непосредственный труд, есть заработная плата, которую он за него дает. Кроме заработной платы непосредственный труд ему ничего не стоит, и помимо непосредственного труда он вообще ничего не авансировал, кроме ценности постоянного капитала.

В этом смысле Торренс понимает издержки производства, и в этом смысле их понимает каждый капиталист, когда он вычисляет прибыль, какова бы ни была ее норма. Издержки производства здесь равны

авансированному капиталу, равны ценности авансированного капитала, равны количеству труда, который содержится в авансированных товарах. И каждый экономист, также и Рикардо, даст это определение издержек производства, как затрат, издержек и т. д. Это то, что Мальтус называет ценой производства (*producing price*) в противоположность цене покупателя. Этому определению авансированного капитала соответствует превращение прибавочной ценности в форму прибыли.

Во-вторых: Издержки производства в первом определении представляют цепу, которую капиталист платит за производство товара во время процесса производства; то, следовательно, что ему товар стоит. Но то, что производство товара стоит капиталисту, и то, что производство товара вообще стоит, это две различные вещи. Труд (реализованный и непосредственный), который он платит за производство товара, и труд, который необходим, чтобы произвести товар, совершенно различны. Разница между ними составляет разницу между авансированной и полученной ценностью; между покупательной ценой товара для капиталиста и его продажной ценой (если он продается по его ценности). Если бы это различие не существовало, то деньги или капитал никогда не превращались бы в товар. Вместе с прибавочной ценностью исчез бы источник прибыли. Издержки производства самого товара состоят из ценности капитала, затраченного в процессе его производства, т. е. из количества овеществленного труда, который в него входит, плюс количество непосредственного труда, который при этом был затрачен. Общая сумма затраченного на товар „реализованного“ и „непосредственного“ труда образует издержки производства самого товара. Последний может быть создан лишь промышленным применением этого количества реализованного и непосредственного труда. Это условие требуется для того, чтобы он вышел из процесса производства, как продукт, как товар и потребительная цепность. И каким бы изменениям ни подвергалась прибыль или заработная плата, эти имманентные издержки производства товара остаются теми же самыми, пока технологические условия реального процесса труда остаются теми же или, что означает то же самое, пока не произошло изменения в данном развитии производительности труда. В этом смысле издержки производства товара равны их ценности. Живой затраченный на товар труд и живой оплаченный капиталистом труд это две различные вещи. Поэтому с самого начала существует различие между издержками производства товара для капиталиста и издержками производства товара самого по себе, его ценностью. Излишек ценности (т. е. того, что стоит товар сам по себе) сверх ценности авансированного капитала (следовательно, того, что он стоит капиталисту) образует прибыль, которая таким образом получается не от того, что товар

продается выше своей ценности, а от того, что он продается выше ценности оплаченных капиталистом затрат.

Это определение издержек производства, имманентных издержек производства товара, равных его ценности, то-есть требуемой для его производства общей сумме рабочего времени (реализованного и непосредственного), является основным условием его производства и остается неизменным, пока производительность труда остается неизменной.

В третьих: Но я уже объяснил раньше, что капиталист в каждой отдельной отрасли промышленности или отдельной отрасли производства, отнюдь не продает товар, который является продуктом отдельной отрасли промышленности или отдельной отрасли производства, по той ценности, которая в нем самом содержится; следовательно, что сумма [его] прибыли не тождественна с суммой прибавочной ценности, прибавочного труда или неоплаченного труда, который реализован в продаваемых им товарах. Он, наоборот, может в среднем реализовать в товаре лишь столько прибавочной ценности, сколько на него приходится, как на продукт определенной части общественного капитала. Если общественный капитал равен 1000, и капитал в отдельной отрасли производства равен 100, и если вся сумма прибавочной ценности, следовательно, прибавочного продукта, в котором реализована эта прибавочная ценность, равна 200, следовательно, 20⁰/₁₀, то капитал 100 в отдельной отрасли производства продает свой товар за 120, какова бы ни была ценность его товара, равна ли она 120, больше или меньше 120; значит, независимо от того, составляет ли или не составляет содержащийся в его товаре неоплаченный труд пятую часть затраченного на него труда.

Это и есть цена производства, и когда говорится об издержках производства в собственном смысле слова (экономическом, капиталистическом), то это есть ценность авансированного капитала плюс ценность средней прибыли.

Ясно, что как бы эта цена производства отдельного товара ни отклонялась от ее ценности, она определяется ценностью всей суммы продуктов общественного капитала. Благодаря уравниванию прибылей отдельных капиталов они относятся друг к другу, как алиquotные части общественного капитала, и как такие алиquotные части получают дивиденды из общего фонда прибавочной ценности, прибавочного продукта, прибавочного или неоплаченного труда. Это ничего не изменяет в ценности товара; это ничего не изменяет в том, что, независимо от того, равна ли цена производства его ценности, или же она больше или меньше этой последней, она никогда не может быть произведена, если не произведена была его ценность, то-есть если на него не было затрачено общее количество требуемого для его производства реализованного и непосредственного труда.

Это количество труда, не только оплаченного, но и не оплаченного, должно быть затрачено на него; и в общем отношении между капиталом и трудом ничего не меняется оттого, что в некоторых промыслах часть неоплаченного труда присваивается капиталистическими „братьями“, а не тем капиталистом, который приводит в движение труд в этой отдельной отрасли промышленности.

Ясно далее, что каково бы ни было отношение между ценностью и ценой производства товара, последняя всегда будет меняться, возрастать или падать, когда ценность меняется, возрастает или падает, то-есть когда изменяется количество труда, которое требуется для производства товара. Наконец, ясно: часть прибыли должна всегда представлять прибавочную ценность, неоплаченный труд, который реализован в самом товаре, так как на основе капиталистического производства в каждом товаре содержится больше труда, чем оплачено капиталистом, который привел в движение тот труд. Часть прибыли может состоять из труда, который не был затрачен на товар, производимый отдельной отраслью промышленности или получаемый в отдельной отрасли производства; но тогда имеется какой-либо другой товар, получаемый в другой отрасли производства, цена производства которого падает ниже его ценности, в цене производства которого вычислено и оплачено меньше неоплаченного труда, чем в нем содержится.

Ясно поэтому, что хотя цены производства большинства товаров должны отклоняться от ценности, и потому их „издержки производства“ должны отклоняться от общего количества содержащегося в них труда, все же эти издержки производства и цены производства не только определяются ценностью товаров, соответственно закону ценности, а не вопреки ему, но даже только на основе ценности и ее закона может быть понято существование самих издержек производства и цен производства; без этой предпосылки они представляют бессмыслицу.

Здесь мы видим, как экономисты, которые, с одной стороны, усматривают действительное явление в конкуренции, с другой стороны, не понимают отношения между законами ценности и законом цены производства, прибегают к фикции, что капитал, а не труд определяет ценность товаров или, вернее, что нет ценности.

Прибыль входит в издержки производства товара; А. Смит справедливо включает ее, как элемент, в „естественную цену“ товара, так как на основе капиталистического производства товар в общем не выносится постоянно на рынок, если он не дает цены производства, которая равна ценности авансированного капитала плюс средняя прибыль. Или как [выражается] Мальтус, хотя он не понимает происхождения прибыли, ее настоящей причины,—так как прибыль, следовательно, цена производства, которая ее в себе включает, есть условие производства товара (на основе капиталистического производства). Чтобы

товар был произведен, чтобы он был вынесен на рынок, он должен, по крайней мере, доставить ту рыночную цену, цену производства, хотя бы его собственная ценность была больше или меньше. Капиталисту безразлично, содержит ли его товар больше или меньше неоплаченного труда, чем другие товары, если только в его цену входит из общего запаса неоплаченного труда или из добавочного продукта, в котором он зафиксирован, столько же, сколько из этого общего запаса извлекает себе всякий другой равный данному капитал. В этом смысле капиталисты являются „коммунистами“. В конкуренции каждый естественно стремится захватить себе по возможности больше средней прибыли, и тогда другой получает меньше. Именно эта борьба и создает среднюю прибыль.

В форме процента на затраченный капитал (одолжен ли он или нет) и капиталисту представляется часть реализованной в прибыли прибавочной ценности затратой, издержками производства, который он имеет, как капиталист, как и вообще прибыль является непосредственной целью капиталистического производства. Но в проценте (именно при одолженном капитале) последний является также фактической предпосылкой его производства.

Это также показывает, к чему [сводится] различие между формами производства и распределения. Прибыль, форма распределения, здесь является одновременно и формой производства, условием производства, необходимым ингредиентом процесса производства. Как нелепы, следовательно, взгляды Джемса Милля и других — вернуться к этому потом, — которые считают буржуазные формы производства абсолютными, а буржуазные формы распределения относительными, историческими, следовательно, преходящими. Форма распределения есть лишь форма производства *sub alia specie*. *Differentia specifica* — следовательно, также специфическая ограниченность, — которая составляет предел буржуазного распределения, входит и в само производство; определяет его, господствует над ним. Но оно вынуждено в силу своих собственных имманентных законов, с одной стороны, так развить свои производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе; с другой стороны, оно может их опять-таки развить лишь в пределах этой ограниченности; в этом состоит самая глубокая, внутренняя таинственная причина кризисов, выступающих в нем противоречий, внутри которых оно движется, и благодаря которым даже грубому наблюдателю оно представляется лишь исторической преходящей формой. Это понимают тогда грубо и с другой стороны все же некоторым образом правильно, напр. Сисмонди, как противоречие производства ради производства и распределения, исключаящего абсолютное развитие производительности *eo ipso*.

2. Джемс Милль.

а. Прибавочная ценность и прибыль.

Милль был первым, придавшим теории Рикардо систематическую, хотя и довольно абстрактную, форму. К чему он стремится — это формально логическая последовательность. Им поэтому начинается разложение Рикардианской школы. У учителя новое и важное развивается на почве, пропитанной противоречиями; он насильственно вырабатывает закон из противоречивых явлений. Самые противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве живого фундамента, на котором разворачивается теория. Иначе обстоит дело у ученика. Его сырым материалом служит уж не действительность, а новая теоретическая форма, в которой ее представил учитель. Отчасти теоретические возражения противников новой теории, отчасти нередко парадоксальное отношение этой теории к реальности приводят его к попытке первых опровергнуть и от последнего отделаться фразами. При этом он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет начинающееся разложение теории, которую он догматически защищает. Милль хочет, с одной стороны, представить буржуазное производство, как абсолютную форму производства, и старается потому доказать, что его действительные противоречия лишь кажущиеся. С другой стороны, он старается представить Рикардовскую теорию, как абсолютную теоретическую форму этого способа производства, и отделаться фразами от тех теоретических противоречий, которые отчасти были указаны другими, отчасти бросались в глаза ему самому. Однако, у Милля мы находим дальнейшее развитие Рикардовских взглядов; он идет значительно дальше своего учителя. Он еще защищает те же исторические интересы, которые защищал Рикардо — интересы промышленного капитала в противоположность землевладению, — но он более беспощадно делает практические выводы из теории; напр., теория ренты приводится у него против существования частной собственности на землю, которую он более или менее непосредственно хочет превратить в государственную собственность. Здесь мы не будем на этом останавливаться.

Различие между прибавочной ценностью и прибылью у учеников Рикардо также не отмечается, как и у него самого. Сам он замечает его лишь в различном влиянии, которое может оказать изменение заработной платы на капиталы различного органического строения (и это последнее лишь относительно процесса обращения). Они не подумали о том, что даже тогда, когда мы говорим не о капиталах в различных отраслях производства, а о каждом капитале в отдельности — поскольку он не состоит исключительно из переменного

капитала, не является капиталом, затраченным лишь на заработную плату—норма прибыли и норма прибавочной ценности различны, и, следовательно, прибыль должна представлять далее развитую специфически измененную форму прибавочной ценности. Они замечают различие лишь постольку, поскольку это относится к одинаковой прибыли—средней норме прибыли—для капиталов в различных отраслях производства и с различным строением из основных и оборотных составных частей. Милль повторяет, вульгаризирует в этом отношении лишь сказанное Рикардо в первой главе „О ценности“. Единственное новое сомнение, которое у него возникает в этом отношении, состоит в следующем: Милль замечает, что „время, как таковое“ (то-есть не рабочее время, а время), ничего не производит; не производит, значит, и „ценности“. Как, следовательно, согласуется с законом ценности тот факт, что капитал с большим периодом обращения, как говорит Рикардо, дает ту же прибыль, как и капитал, на который затрачено больше непосредственного труда, по который обращается быстрее. Мы видим, что Милль здесь берет лишь единственный случай; если мы его обобщим, то получится следующее: как цена производства и предпологаемая ею средняя норма прибыли (следовательно, равенство ценностей¹⁾ товаров, которые содержат очень неодинаковые количества труда), согласуется с тем, что прибыль есть не что иное; как часть содержащегося в товаре рабочего времени, именно та часть, которая присвоена капиталистом без эквивалента. При средней норме прибыли и цене производства определение ценности происходит с совершенно чуждых и внешних точек зрения; напр., капиталист, капитал которого имеет больший период обращения, так как, напр. вино, должно дольше оставаться в процессе производства (или в других случаях дольше в процессе обращения), должен получить прибыль за то время, когда он не может увеличить ценность своего капитала. Но как то время, когда невозможно возрастание ценности, может создать ценность?

О „времени“ Милль говорит:

„Время не может ничего сделать... Как, следовательно, оно может увеличить ценность? Время есть лишь абстрактное выражение, слово, звук. И получается один и тот же логический абсурд, когда говорят об абстрактной единице, как мере ценности, и о времени, создающем ценность“ (Elements of Political Economy etc., 2 изд., стр. 99. Лондон 1824. 1-е изд. появилось в 1821 г.).

В действительности, когда речь идет об основаниях для компенсации между капиталами в различных отраслях производства, имеется в виду не производство прибавочной ценности, а распределение ее между различными категориями капиталистов. Здесь, следовательно, выступают точки зрения, которые не имеют абсолютно никакого отношения к определению ценности, как таковой. Здесь служит основанием для компенсации все, что заставляет ка-

¹⁾ Вернее, „цен“. Примеч. перев.

питал в одной отрасли промышленности пренебречь теми условиями, при которых он в других отраслях мог бы произвести большую прибавочную ценность. Так, например, когда основной капитал больше и оборотный капитал меньше; когда постоянный капитал больше переменного; когда капитал дольше остается в процессе обращения; когда, наконец, он дольше остается в процессе производства, не находясь в процессе труда; это наступает каждый раз тогда, когда процесс производства по своей технологической природе требует перерывов, чтобы созревающий продукт подвергался действию естественных сил; например, вино в погребе. Во всех этих случаях—последний это тот, который выделяет Милль, представляющий себе дело, следовательно, очень узко и частично—имеет место компенсация. Из прибавочной ценности, произведенной в других отраслях, часть переносится на капиталы, находящиеся в менее благоприятных условиях для непосредственной эксплуатации труда, соответственно только их величине (конкуренция способствует этому уравниванию, при чем каждый отдельный капитал является лишь аликвотной частью общественного капитала). Явление оказывается очень простым, раз понято отношение между прибавочной ценностью и прибылью и далее уравнивание прибылей до общей нормы прибыли. Но если его хотят понять, исходя из закона ценности, без посредствующих звеньев; если, следовательно, хотят объяснить прибыль, которую доставляет отдельный капитал в отдельном промысле, из прибавочной ценности и неоплаченного труда, содержащегося в произведенных им товарах, следовательно, также из непосредственно в них самих реализованного труда,—то получается проблема, разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически. Это просто попытка представить существующим то, чего нет. Однако, в этой именно непосредственной форме Милль пытается разрешить проблему. Здесь, таким образом, возможно не решение вопроса, а лишь устранение трудности вопроса особым способом—путем резонирования; следовательно, лишь схоластика. Это начинается у Джемса Милля. У бессовестного тупицы, Мак Кэллаха, это доходит до неограниченного бесстыдства. Решение вопроса, данное Миллем, не может быть лучше характеризовано, чем словами Бэли

„Автор (Милль) сделал удивительную попытку превратить действие времени в затрату труда. Если, говорит он (стр. 97 2-го издания Elements, 1824), вино, которое хранится в погребе, поднимается вследствие этого в цене на одну десятую, то мы имеем полное право принять, что на него затрачено на одну десятую больше труда... Мы имеем право считать факт наступившим лишь тогда, когда он действительно наступил. В приведенном примере предполагается, что никакое человеческое существо не приблизилось к вину или не сделало ни одного мышечного движения хотя бы лишь в продолжение одного момента.“ (A critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of Value etc. стр. 219, 220. Лондон 1825).

Противоречие между общим законом и развитыми далее конкретными отношениями здесь разрешается не путем отыскания посредствую-

щих звеньев, а путем прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И это именно должно быть достигнуто путем словесной фикции, путем изменения правильных названий вещей. Здесь в действительности получается словопрение, так как реальные противоречия, которые не разрешены реально, должны быть разрешены фразами. Что этот способ, который у Милля выступает еще лишь в зародыше, гораздо более разрушил все основание теории Рикардо, чем все нападки врагов, видно будет у Мак Кэллока. Милль прибегает к этому способу лишь тогда, когда он абсолютно не находит другого выхода. Но основной его метод другой. Где экономическое отношение—следовательно, также категории, которые его выражают—содержит противоположности, представляет противоречие и именно единство противоречий, он подчеркивает момент единства противоположностей и отрицает противоположности. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей. Например, товар заключает в себе противоположность потребительной и меновой ценности. Эта противоположность развивается далее, выражается, реализуется, как удвоение товара в товаре и в деньгах. Это удвоение его выступает, как процесс, в метаморфозе товара, где продажа и покупка представляют различные моменты одного процесса; но каждый акт этого процесса одновременно включает свою противоположность. В первой части этого сочинения я указал, как Милль разделяется с противоположностью тем, что он только устанавливает единство покупки и продажи, поэтому превращает обращение в меновую торговлю; но он контрабандным путем вводит в меновую торговлю опять-таки взятые из обращения категории. См. еще сказанное мною там об его теории денег, где он поступает подобным же образом ¹⁾.

У Дж. Милля имеется неудачное разделение: производство, распределение, обмен, потребление.

Против Мальтуса, Торренса и т. д. Против определения ценности товаров ценностью капитала Милль справедливо замечает:

„Капитал состоит из товаров. Если, следовательно, ценность товаров определяется ценностью капитала, она определяется ценностью товаров; ценность товаров определяется самой собой“ (Elements etc., 1 изд., стр. 74).

В Заработная плата.

О заработной плате он пишет:

„Вместо того, чтобы дожидаться, пока продукты закончены, и ценность их реализована, нашли более удобным для рабочих выплатить им в перед их часть. Формой, которую нашли удобным им давать, является заработная плата. Если часть продукта, которая приходится рабочему в виде заработной платы, вся получена им, то этот продукт принадлежит исключительно капиталисту, так как он фактически купил долю рабочего и уплатил ему ее вперед“ (2 глава, 2 отдел).

¹⁾ [К критике политической экономии, 1859, стр. 75, 161; 2 изд. стр. 86, 191 Рус. пер. под ред. А. А. Манунлова. Москва, 1896, стр. 71, 154].

В высшей степени характерно для Милля, что, как деньги для него являются лишь средством, изобретенным ради удобства, так и самое отношение капитала изобретено ради удобства. Эти специфические общественные производственные отношения изобретены ради „удобства“. Товар и деньги превращаются в капитал, оттого что рабочий вообще перестал обменивать, как товаро-производитель и товаро-владелец, а вынужден продавать, вместо товара, свой труд (непосредственно свою рабочую силу), как товар, владельцу объективных условий труда. Это разделение есть предпосылка отношения капитала и наемного труда, как оно служит предпосылкой для превращения денег (или товара, который они представляют) в капитал. Милль предполагает разделение, разобщение; он предполагает отношение капиталиста и наемного рабочего, чтобы потом представить делом удобства, что рабочий не продает продукта, товара, а продает свою часть продукта до того, как он его произвел (производства продукта он совсем не определяет, оно происходит независимо от рабочего). Или еще точнее: доля рабочего в продукте выплачена капиталистом—превращена в деньги—прежде чем продукт, в котором содержится часть рабочего, посеребрен капиталистом; прежде чем последний увеличил его ценность.

При таком понимании должна быть обойдена специфическая трудность—со специфической формой отношения. Именно трудность Рикардовской системы, которая заставляет рабочего продавать непосредственно свой труд, не свою рабочую силу. Трудность: ценность товара определяется рабочим временем, которого стоит его производство. Чем объясняется, что этот закон ценностей не осуществляется в самом большом из всех обменов, служащем основой капиталистического производства, в обмене между капиталистом и наемным рабочим? Почему количество реализованного труда, которое рабочий получает в виде заработной платы, не равно количеству непосредственного труда, который он отдает в обмен на заработную плату? Чтобы устранить эту трудность, Милль превращает наемного рабочего в товаровладельца, который продает капиталисту свой продукт, свой товар—ибо его часть в продукте, товаре есть его продукт, его товар, ценность, созданная им в форме особого товара. Он разрешает трудность вопроса тем, что сделку между капиталистом и наемным рабочим, которая включает противоположность реализованного и непосредственного труда, он в своей фантазии превращает в обычную сделку между собственниками реализованного труда, между товаровладельцами. Вследствие этой [ошибки] Милль не мог понять специфической природы, *differentia specifica* процесса, который происходит между капиталистом и наемным рабочим; но он отнюдь не уменьшил себе трудность, а увеличил ее; ибо специфическая особенность результата теперь не может уже быть понята из специфического характера товара, который продает рабочий; а именно, этот товар является специфиче-

ским оттого, что сама его потребительная ценность есть элемент меновой ценности, почему употребление его создает большую ценность, чем какая содержится в нем самом. Рабочий у Милля является продавцом товара, как и всякий другой. Например, он производит 6 локтей полотна. Из этих 6 локтей, допустим, 2 представляют ценность, равную прибавленному им труду. Он является, следовательно, продавцом 2 локтей полотна по отношению к капиталисту. Почему же он не получает от капиталиста всей ценности 2 локтей полотна, как всякий другой продавец 2 локтей полотна, раз он является продавцом полотна, как и всякий другой? Теперь, наоборот, противоречие с законом ценности выступает гораздо резче. Он продает не специфический, отличный от других товар. Он продает труд, реализованный в продукте, следовательно, товар, который не отличается специфически от другого товара. Если же цена локтя—го-есть количество денег, которое содержит заключенное в локте рабочее время,—составляет 2 шиллинга, то почему рабочий получает 1 шиллинг вместо 2? Но если он получает 2 шиллинга, то капиталист не реализует прибавочной ценности, и вся Рикардовская система рухнет. Мы были бы отброшены назад к „profit upon expropriation“. 6 локтей капиталист приобрел по их ценности = 12 шиллингам. Но он их продает за 13 шиллингов. Или же полотно, или всякий другой товар продается по своей ценности, когда его продает капиталист; но оно продается ниже своей ценности, когда его продает рабочий. Закон ценностей, следовательно, был бы нарушен сделкой между рабочим и капиталистом. И именно для того, чтобы избежать этого, Милль прибегает к своей фикции. Он хочет превратить отношение рабочего и капиталиста в обычное отношение продавцов и покупателей товара. Почему здесь тогда обычный закон ценностей товаров не определяет сделки? Но рабочему уполнено „вперед“. Таким образом, здесь все же имеется не обычное отношение купли и продажи товара. Что здесь должна означать эта „выдача вперед“? Рабочий, которому, например, платят еженедельно, „отдал вперед“ свой труд и создал часть недельного продукта, принадлежащую ему,—реализовал свой недельный труд в продукте—(согласно предположению Милля и согласно практике), прежде чем ему „уплочено“ капиталистом за эту часть. Капиталист „авансировал“ сырой материал и инструменты, рабочий „труд“; и когда в конце недели выдается заработная плата, он продает капиталисту товар, свой товар—свою долю во всем товаре. Но капиталист, скажет Милль, уплатил рабочему, то-есть посеребрил, превратил в деньги, 2 локтя полотна, прежде чем он сам превратил в деньги, продал 6 локтей полотна! А когда капиталист работал на заказ, когда он продал товар, прежде чем он его произвел? И в более общем виде: какое дело рабочему—здесь продавцу 2 локтей полотна—до того, что капиталист покупает у него эти 2 локтя, чтобы их снова продать, а не чтобы их потратить? Какое дело продавцу до мотивов покупателя? И как

эти последние могут изменить даже закон ценности? Следовательно, тогда каждый продавец должен был бы продавать свой товар ниже его ценности, ибо он дает покупателю продукт в виде потребительной ценности, меж тем как покупатель дает ему ценность в виде денег, в посеребренной форме продукта. В этом случае фабрикант полотна должен был недоплатить и торговцу льняной пряжи и фабриканту машин и производителю угля и т. д. Ибо они продают ему товары, которые он только хочет превратить в деньги; меж тем как он им уплачивает ценность ингредиентов своего товара „вперед“, не только прежде чем товар продан, но прежде чем он произведен. Рабочий дает ему полотно, товар в его продажном виде; те продавцы товаров, наоборот, доставляют ему машины, сырой материал и т. д., которые должны только проделать процесс, чтобы получить свой продажный вид. Лучшее всего это выходит у абсолютного рикардianца Милля: покупка и продажа, предложение и спрос просто тождественны, и деньги представляют простую формальность; превращение товара в деньги — и больше ведь ничего не происходит в продаже 2 локтей полотна капиталисту — предполагает, что продавец должен продать товар ниже ценности, и покупатель на свои деньги должен купить большую ценность.

Милль, таким образом, приходит к абсурду: в этой сделке покупатель покупает, чтобы снова продать с прибылью; потому продавец должен продавать товар ниже его ценности, что опрокидывает всю теорию. Эта вторая попытка Милля разрешить Рикардовское противоречие в действительности разрушает все основание системы и специально ее преимущество: что она определяет отношение капитала и наемного труда, как прямой обмен между накопленным и непосредственным трудом; то-есть понимает его в его специфической определенности.

Чтобы помочь себе, Милль должен был пойти дальше и сказать, что имеется не простая сделка покупки и продажи товаров. Отношение между рабочим и капиталистом скорее представляет де отношение дающего взаймы деньги или дисконтирующего капиталиста, денежного капиталиста — к промышленному капиталисту, поскольку здесь речь идет о плате, посеребрении продукта рабочего, равного его доле в общем продукте. Получается хорошее объяснение: предположить капитал, дающий проценты — особую форму капитала — для того, чтобы развить капитал, производящий прибыль (общую форму капитала); производную форму прибавочной ценности (которая уже предполагает капитал) представить основанием возникновения прибавочной ценности. Кроме того Милль тогда должен быть также последователен и вместо всех определенных законов заработной платы и ее нормы, что у Рикардо служит предпосылкой, вывести их из нормы процента; при этом в действительности нельзя было бы сказать, чем определяется норма процента, так как она, согласно взглядам рикардianцев и всех других экономистов, о которых стоит говорить, определяется нормой прибыли.

Фраза с „долей“ рабочего в его собственном продукте в действительности основана на следующем: если рассматривать не единичную сделку между капиталистом и рабочим, а обмен между обоими в процессе воспроизводства; если смотреть на действительное содержание этого процесса, а не на форму его проявления, — то в действительности оказывается, что то, что капиталист уплачивает рабочему (и также часть капитала, которая противостоит рабочему, как постоянный капитал), есть не что иное, как часть продукта самого рабочего; и именно часть продукта, которую не предстоит еще превратить в золото, а которая уже продана, уже превращена в золото, так как заработная плата уплачивается деньгами, а не *in naturalibus*. При рабстве и т. д., где ложная видимость не создана предшествующим превращением продукта в деньги — поскольку он вложен в заработную плату — ясно, что то, что раб получает за работу, в действительности представляет не нечто такое, что рабовладелец ему „ссужает“, а лишь часть реализованного труда раба, которая к нему обратно поступает в виде жизненных средств. Также обстоит дело у капиталиста. Кажется только, что он „авансирует“. То, что он ссужает рабочему, как заработную плату, или лучше уплачивает, так как он оплачивает труд лишь после того, как он выполнен, есть часть продукта, произведенного рабочим и уже превращенного в деньги. Часть продукта рабочего, которую капиталист присвоил себе, которая ранее отнята, поступает к нему в виде заработной платы — как аванс за новый продукт, если угодно.

Совсем недостойно Милля (это к лицу Мак Каллоку, Сюю или Бастиа) хвататься за эту видимость сделки, чтобы объяснить самую сделку. У капиталиста нет ничего, что он мог бы дать рабочему вперед, кроме того, что он раньше взял у рабочего, что ему дано было вперед трудом других людей. Говорит же сам Мальтус, что то, что капиталист дает вперед, состоит не из сукна и других товаров, а из труда; следовательно, именно из того, чего он не совершает. Он авансирует собственный труд рабочего.

Однако, вся эта перифраза несколько не помогает Миллю обойти решеппе вопроса: каким образом обмен между накопленным и непосредственным трудом (и так понимает Рикардо, а за ним и Мальтус и другие процесс обмена между капиталистом и рабочим) соответствует закону ценности, которому он прямо противоречит? Что его перифраза несколько не помогает Миллю, видно из следующих положений:

В каком отношении делятся продукты между наемным рабочим и капиталистом, или какая пропорция устанавливает норму заработной платы?.. Установление частей между наемным рабочим и капиталистом является предметом торговой сделки, предметом торга между ними. Каждая свободная торговля регулируется конкуренцией, и условия меняются с переменой отношения между спросом и предложением (i. e.).

Рабочему уплачивается его „доля“ в продукте. Это сказано для того, чтобы превратить его в обычного продавца товара (продукта)

по отношению к капиталу и затушевать специфическую особенность отношения. Его доля в продукте есть его продукт, следовательно, часть продукта в которой реализован его вновь приложенный труд. Quod pop. Но теперь спрашивается, какова его „доля“ в продукте, следовательно, ка кой его продукт? Ибо часть продукта, которая ему принадлежит, есть ведь его продукт, который он продает. Теперь мы слышим, что его продукт и его продукт это две различные вещи. Мы должны раньше установить, что такое его продукт, то-есть его доля в продукте, следовательно, часть продукта, которая ему принадлежит. Его продукт был, таким образом, простой фразой, так как ценность, которую он получает от капиталиста, не определяется его собственным производством. Милль, таким образом, лишь отодвинул трудность на один шаг. Он теперь стоит так же далеко, как он стоял раньше.

Здесь получается Qui pro quo. Если рассматривать обмен между капиталом и наемным трудом, как непрерывный акт, каков он и есть; если не фиксировать, не изолировать единственный акт, момент капиталистического производства—рабочий получает часть ценности своего продукта, которую он произвел. [Другую часть он отдает капиталисту даром]. Это повторяется постоянно. Он, следовательно, получает в действительности постоянно часть ценности своего собственного продукта, долю или часть созданной им ценности. Как велика или мала его заработная плата, это не определяется его долей в продукте, а, наоборот, его доля в продукте определяется величиной его заработной платы. Фактически он получает часть ценности продукта. Но часть, которую он получает, определяется ценностью труда; не наоборот—ценность труда его долей в продукте. Ценность труда определяется рабочим временем, которое требуется [рабочему] для воспроизводства самого себя; она определяется продажей его рабочей силы капиталисту. Этим также определяется его часть в продукте. Но не наоборот, не так, что сначала определяется его часть в продукте и этим высота или ценность его заработной платы. Это одно из самых важных и наиболее оттененных положений Рикардо.

Как же Милль определяет ту „часть“ продукта, которую получает рабочий? Спросом и предложением, конкуренцией между рабочими и капиталистами. Фраза Милля применима ко всем товарам: „Определение частей (чит. ценности товара) между наемным рабочим и капиталистом (продавцем и покупателем) есть предмет торговой сделки, торга между ними. Каждая свободная торговля регулируется конкуренцией, и условия меняются с переменой отношения между спросом и предложением“.

Итак, здесь зарыта собака! Это говорит Милль, который, как ревностный рикардиец, доказывает, что спрос и предложение могут определять колебания рыночной цены выше или ниже ценности товара, а не эту самую ценность; что это бессмысленные слова, когда

они применяются к определению ценности, так как это самое определение рыночной цены предполагает определение ценности! И теперь—в чем Сэй уже обвиняет Рикардо—чтобы определить ценность труда, ценность товара, он прибегает к определению ее спросом и предложением!

Но еще более.

Милль не говорит—в данном случае это в сущности безразлично—какая из обеих сторон представляет предложение, какая спрос. Но так как капиталист предлагает деньги, а рабочий, наоборот, предлагает что-то за деньги, то будем считать, что представителем спроса является капиталист, а предложения рабочих. Но что тогда „продает“ рабочий? Что он предлагает? Свою „долю“ продукта, который не существует? Но ведь его доля в будущем продукте еще только будет определена конкуренцией между ним и капиталистом, отношением „спроса и предложения“! Одна сторона отношения, предложение, не может состоять из чего-то такого, что само является лишь результатом борьбы между спросом и предложением. Следовательно, что предлагает рабочий, как продавец? Свой труд! Но тогда Милль снова пришел к первоначальной трудности, которую он хотел обойти, к обмену между накопленным и непосредственным трудом. И когда он говорит, что здесь обмениваются не эквиваленты, или что ценность продаваемого товара, труда, измеряется не самым „рабочим временем“, а конкуренцией, спросом и предложением, то он признает, что теория Рикардо рушится; что его враги правы, говоря, что определение ценности товара рабочим временем ошибочно, так как ценность самого главного товара, самого труда противоречит этому закону ценности товаров. Потом мы увидим, что Уэксфильд это прямо говорит. Милль может изворачиваться и изловчаться, как он хочет. Он не выходит из дилеммы. В лучшем случае, употребляя его собственный способ выражения, конкуренция рабочих приводит к тому, что определенное количество труда они предлагают за цену, которая, в зависимости от отношения между спросом и предложением, равна большей или меньшей части продукта, который они произведут этим количеством труда. Но то обстоятельство, что эта цена, эта сумма денег, которую они, таким образом получают, равна большей или меньшей части ценности продукта, который будет произведен, ни в коем случае не препятствует с самого начала тому, что определенное количество живого труда (непосредственного труда) обменивается на большую или меньшую сумму денег (накопленного труда, существующего в форме меновой ценности). Не препятствует, следовательно, тому, что обмениваются неодинаковые количества труда, меньшее количество накопленного труда на большее количество непосредственного труда. В этом именно и состояло явление, которое Милль должен был объяснить, и которое он путем объяснения хотел устранить,

не нарушая закона ценности. Явление ни в коем случае не изменено и еще менее объяснено тем, что в конце процесса производства отношение, где рабочий обменял свой непосредственный труд на деньги, теперь представлено в виде отношения, которое существует между уплаченной ему ценностью и ценностью созданного им продукта. Первоначальный неравный обмен между капиталом и трудом, таким образом, появляется лишь в другой форме.

Как тщательно Милль избегает прямого обмена между трудом и капиталом, из которого, не задумываясь, исходит еще Рикардо, показывает также его переход к следующему:

„Возьмем определенное число капиталистов и определенное число наемных рабочих. Пропорция, в какой они делают продукты, допустим, определена каким-нибудь образом. Если возросло число наемных рабочих, а сумма капиталов не увеличилась, то прибывшая часть рабочих должна стараться вытеснить ранее занятую часть. Она это может сделать лишь предложением работать за меньшее вознаграждение. Высота заработной платы necessarily падает (В противном случае происходит обратное)... Если отношение между суммой капиталов и населением остается прежним, то и заработная плата не изменяется.

Что нужно было определить, это „пропорция, в какой они (капиталисты и рабочие) делают продукт“. Чтобы определить ее конкуренцией, Милль предполагает, что эта пропорция „определена каким-нибудь образом“. Чтобы определить „часть“ рабочего конкуренцией, он предполагает, что она „каким-нибудь образом“ определена до конкуренции. Этого мало. Чтобы показать, как конкуренция изменяет каким-то образом определенное распределение продукта, он предполагает, что рабочие „предлагают работать за меньшее вознаграждение“, когда число их растет быстрее суммы капиталов. Здесь он, таким образом, прямо высказывает, что предложение рабочих состоит в „труде“, и что они предлагают этот труд за „вознаграждение“, следовательно, за деньги, определенную сумму „накопленного труда“. Чтобы обойти прямой обмен между трудом и капиталом, прямую продажу труда, он прибегает к теории „распределения продукта“. А чтобы объяснить пропорцию распределения продукта, он предполагает прямую продажу труда за деньги; таким образом, этот первоначальный обмен между капиталом и трудом потом выражается в относительной доле рабочего в своем продукте; но не его долей в продукте определяется тот первоначальный обмен. И, наконец, когда число рабочих и сумма капиталов не изменяется, то высота заработной платы остается неизменной. Но какова заработная плата, когда спрос и предложение соответствуют друг другу? Это именно должно быть объяснено. Оно не объяснено тем, что высота эта изменяется, когда исчезает то равновесие между спросом и предложением. Тавтологические обороты Милля показывают только, что он здесь чувствует закорючку в Рикардовской теории, с которой он справится лишь тогда, когда он вообще выскочит из теории.

Милль не затушевывает противоположности между капиталом и трудом. Необходимо, чтобы норма прибыли была высока, чтобы существовал значительный от непосредственного труда общественный класс для этого, следовательно, заработная плата должна быть относительно мала. Необходимо, чтобы рабочая масса была рабом своих потребностей, а не господином своего времени, чтобы человеческие (общественные) способности могли свободно развиваться в классах, которым этот рабочий класс служит только основанием. Последние представляют отсутствие развития для того, чтобы другие классы служили представителями человеческого развития. Тут, действительно, противоположность, в которой развивается буржуазное общество и развивалось всякое прежнее общество, высказывается, как необходимый закон, то-есть существующее признается абсолютно разумным.

Человеческая способность к совершенствованию или способность постоянно переходить от одной ступени науки и счастья к другой высшей, главным образом зависит, повидимому, от класса людей, которые являются господами своего времени; то-есть, которые достаточно богаты для того, чтобы быть свободными от всяких забот о средствах существования для довольно роскошной жизни. Этим классом наука культивируется и двигается вперед; они распространяют свет; их дети получают лучшее развитие и готовятся выполнять самые важные и самые тонкие функции общества; они становятся законодателями, судьями, администраторами, преподавателями, изобретателями в искусствах, руководителями всех больших и полезных работ, где проявляется господство человеческого рода над силами природы (2 глава, 2 отд., IV). Доход с капиталов должен быть очень высок для того, чтобы значительная часть общества была в состоянии использовать преимущества, которые доставляет досуг" (ук. соч.).

Остается еще прибавить: Милль, как рикардиец, различает труд и капитал, только как различные формы труда.

"Труд и капитал—одно непосредственный труд, другое накопленный труд" (Elements etc., 1 издание, стр. 75).

с. Спрос, предложение, перепроизводство.

Милль принимает за основной закон то, что у Рикардо в действительности при развитии его теории ренты имеет другое значение:

"Норма прибыли в земледелии регулирует норму других прибылей". (2 изд. стр. 78, Лондон 1824).

Что совершенно ошибочно, ибо капиталистическое производство начинается в индустрии, а не в земледелии; последнюю оно захватывает лишь постепенно; так что лишь с развитием капиталистического производства и сельскохозяйственные прибыли уравниваются с промышленными; лишь вследствие этого уравнивания первые [влияют] на последние. Во-первых, следовательно, вышеприведенное положение исторически ошибочно. Но, во-вторых, раз существует это уравнивание—следовательно, раз мы берем ту стадию развития земледелия,

когда капитал, в зависимости от нормы прибыли, перебрасывается из промышленности в земледелие и *vice versa*, то также ошибочно, что с этих пор сельско-хозяйственная прибыль действует будто бы регулирующим образом, а не происходит взаимодействие. Впрочем, для развития ренты, Рикардо сам предполагает обратное. Цена хлеба возрастает; от этого падают прибыли; не в земледелии (пока нет нового предложения с худших участков или других, менее производительных частей капитала), ибо возрастание цены хлеба дает арендатору гораздо больше, чем сколько ему стоит увеличение заработной платы вследствие возрастания цены хлеба, а в индустрии, где не происходит такой компенсации или чрезмерной компенсации. Таким образом, падает промышленная норма прибыли, и потому капитал, который доставляет эту низкую норму прибыли, может быть применен на плохих участках. При старой норме прибыли это не имело бы места. И только вследствие этой реакции падения промышленной прибыли на земледельческую на худших участках, земледельческая прибыль в общем падает, и часть ее на лучших участках выделяется из прибыли в форме ренты. Таково Рикардовское объяснение процесса, по которому, следовательно, промышленная прибыль регулирует земледельческую. Если бы потом земледельческая прибыль возросла снова, благодаря улучшениям в земледелии, то тогда увеличилась бы и промышленная прибыль. Но это отнюдь не исключает того, что, как падение промышленной прибыли сначала обуславливает уменьшение земледельческой прибыли, так и возрастание ее влечет за собой увеличение земледельческой прибыли. Это происходит каждый раз, когда промышленная прибыль возрастает независимо от цены хлеба и других производимых в сельском хозяйстве жизненных средств, которые входят в заработок рабочих; следовательно, вследствие падения ценности товаров, которые составляют постоянный капитал и т. д. Ренту, наоборот, абсолютно невозможно было бы объяснить, если бы промышленная прибыль не регулировала земледельческой прибыли.

Средняя норма прибыли получается в промышленности, благодаря уравниванию прибылей с капиталов и обусловленному этим превращению пенностей в цены производства. Цена производства, ценность авансированного капитала плюс средняя прибыль, образует предпосылку, которую земледелие получает от промышленности, так как в земледелии, вследствие частной собственности на землю, это уравнивание не может иметь места. Если тогда ценность земледельческого продукта выше цены производства, которая определяется промышленной нормой прибыли, то излишек этой ценности сверх цены производства образует абсолютную ренту. Но чтобы этот излишек ценности сверх цены производства мог измеряться, цена производства должна составлять *Plus*, следовательно, она должна быть помышленностью навязана земледелию, как закон.

Нужно отметить следующие положения Милля:

„Что производительно потребляется, есть всегда капитал. Это особое свойство производительно потребления. Что производительно потребляется, есть капитал, и оно становится капиталом, благодаря потреблению“ (4 глава, 1 отдел).

„Спрос предполагает желание и средства купить... Эквивалентный объект (средства для покупки), который человек приносит, есть орудие спроса. Величина его спроса измеряется ценностью этого предмета. Спрос и эквивалентный предмет суть выражения; которые могут быть заменены друг другом... Его (человека) желание купить и его средства это сделать, следовательно, равны между собой, или его спрос в точности равняется той сумме, которую он произвел и не хочет сам потратить“ (4 глава, 3 отдел).

Мы здесь видим, как доказывается непосредственное тождество спроса и предложения (следовательно, невозможность общего переполнения рынка). Спрос состоит в продукте, а именно величина этого спроса определяется ценностью этого продукта. Это тот же абстрактный „способ доказательства“, какой видим у Милля, когда он доказывает, что покупка и продажа только тождественны, а не различны; те же тавтологические фразы, которыми он доказывает, что цены зависят от количества циркулирующих денег; тот же способ доказательства, что предложение и спрос должны покрывать друг друга (что является лишь далее развитой формой покупателя и продавца). Это все та же логика. Если отношение включает в себе противоположности, то это, следовательно, не только противоположность, но единство противоположностей. Потому это единство без противоположности. Такова логика Милля, с помощью которой он устраняет „противоречия“.

Начнем с предложения. Что я предлагаю, это товар, единство потребительной и меновой ценности; например, определенное количество железа, равное 3 ф. ст. (что равняется определенному количеству рабочего времени). Я являюсь, предположим, фабрикантом железа. Я предлагаю потребительную ценность, железо, и предлагаю ценность, именно выраженную в цене железа, в 3 ф. ст. Но здесь имеется следующее маленькое различие. Определенное количество железа действительно выброшено мною на рынок. Ценность товара, наоборот, существует лишь как его цена, которая должна быть только реализована покупателем железа, который для меня представляет спрос на железо. Спрос продавца железа заключается в спросе на меновую ценность железа, которая хотя и содержится в железе, но не реализована. Возможно, что та же меновая ценность представлена в очень различных количествах железа. Предложение потребительной ценности и предложение ценности, которая должна быть реализована, следовательно, отнюдь не тождественны, так как совершенно различные количества потребительной ценности могут представлять одну и ту же величину меновой ценности.

Одна и та же ценность в 3 ф. ст. может быть представлена в 1,3 или 10 тоннах. Между количеством железа (потребительной

ценности), которое я предлагаю, и величиной ценности, которую я предлагаю, не существует, следовательно, совершенно никакого отношения, так как последняя может остаться неизменной, как бы ни изменялось первое. Как бы велико или мало ни было количество предложенного мною железа, я хочу, в нашем примере, всегда реализовать ценность железа, независимую от этого его собственного количества—его существования, как потребительной ценности вообще. Между предложенной (по еще не реализованной) ценностью и предложенным количеством железа, которое реализовано, следовательно, не существует никакого отношения. Поэтому нет никакого основания полагать, что способность товара быть проданным по своей ценности, находится в каком-нибудь отношении к предложенной мною массе товара. Для покупателя мой товар существует прежде всего, как потребительная ценность. Он покупает его, как таковую. Но что ему нужно, это определенное количество железа. Его потребность в железе так же не определяется произведенным мною количеством, как и ценность моего железа сама по себе не имеет отношения к этому количеству.

Во всяком случае тот, кто покупает, имеет лишь превращенную форму товара, деньги—товар в форме меновой ценности,—и он может выступить лишь как покупатель, так как он или другие выступали раньше, как продавцы товара, который теперь существует в форме денег. Но это отнюдь не служит основанием для того, чтобы он обратил обменивал свои деньги на товар, или чтобы его потребность в моем товаре определялась количеством, в каком я его произвел. Поскольку он выступает со спросом на мой товар, он может желать или меньшего количества, чем я предлагаю, или всего количества, но ниже его ценности. Его спрос также не должен соответствовать моему предложению, как количество, которое я предлагаю, и ценность, по которой я его доставляю, не тождественны.

Поскольку я предлагаю железо, я ищу не железа, а денег. Я предлагаю особую потребительную ценность и прошу ее ценность. Мое предложение и спрос, следовательно, также различны, как потребительная ценность и меновая ценность. Поскольку я в железе сам предлагаю ценность, я спрашиваю реализации этой ценности. Мое предложение и спрос, следовательно, также различны, как реальное и идеальное. Далее между количеством, которое я предлагаю, и его ценностью нет никакого отношения. Но спрос на предлагаемое мною количество потребительной ценности определяется не ценностью, которую я хочу реализовать, а количеством, которое требуется покупателю ¹⁾ за определенную цену.

Нужно еще отметить следующие положения Милля.

„Ясно, что каждый человек прибавляет к общей массе, составляющей предложение, все то, что он произвел и не хочет потребить. И в какой бы

¹⁾ Здесь у Маркса описка: стоит „продавцу“. Прим. перев.

форме часть годовичного продукта ни попала в руки человека: если он решает ничего отсюда не брать для собственного потребления, то он хочет освободиться от всего этого продукта; этот последний таким образом целиком идет на увеличение предложения. Если он часть этого продукта потребляет, он хочет освободиться от всего остатка, и весь остаток прибавляется к предложению" (ук. соч.).

Другими словами, это означает только, что все выброшенные на рынок товары образуют предложение.

"Так как, следовательно, спрос каждого человека равен количеству годовичного продукта, или, другими словами, равен сумме богатства, от которой он хочет освободиться ¹⁾, и так как предложение каждого человека представляет то же самое ²⁾, то предложение и спрос каждого индивидуума непременно равны друг другу ³⁾.

"Предложение и спрос находятся в своеобразном отношении друг к другу. Каждый предлагаемый, вынесенный на рынок, продаваемый товар является всегда одновременно объектом спроса; и товар, который служит объектом спроса, всегда составляет одновременно часть общей массы продуктов, образующих предложение. Каждый товар есть всегда одновременно предмет спроса и предложения. Если два человека совершают обмен, то один не приходит для того, чтобы только создать предложение, а другой не для того, чтобы только создать спрос; предмет его предложения должен ему доставить предмет его спроса, и, следовательно, его спрос и его предложение совершенно равны между собой. Но если спрос и предложение каждого индивидуума всегда равны друг другу, то это верно также по отношению к спросу и предложению всех индивидуумов нации, вместе взятых. Поэтому как бы велика ни была сумма годовичного продукта, она никогда не может превышать суммы годовичного спроса. Совокупность годовичного продукта распадается на столько частей, сколько имеется индивидуумов, между которыми разделен продукт. Весь спрос равняется сумме того, чего из всех частей владельцы не удерживают для своего собственного потребления; но сумма частей равна всему годовичному продукту" (ук. соч.).

Раз Милль предположил, что предложение и спрос каждого индивидуума равны между собой, то все дальнейшие остроумные разглагольствования его, что тогда также спрос и предложение всех индивидуумов равны, совершенно излишни.

Как рикардянцы в свое время понимали Милля, видно, например, из следующего:

"Тут мы, следовательно, имеем, по крайней мере, елучай (говорится относительно определения ценности труда у Милля. М) где цена (цена труда) постоянно определяется отношением спроса и предложения". (Прево в его французском переводе Мак Кэллока „Discours sur l'économie Politique" с добавленными Прево „Reflexions sur la système de Ricardo" (стр. 153 до 204), стр. 187, Женева, 1825).

¹⁾ Стой! Его спрос равняется ценности (когда она реализована) суммы продуктов, от которых он хочет освободиться; от чего он хочет освободиться, это определенное количество потребительной ценности; что он хочет иметь, это ценность этой потребительной ценности. Обе вещи представляют все, кроме тождества.

²⁾ Отнюдь нет; его спрос состоит не в том, от чего он хочет освободиться, именно в продукте, а в спросе на ценность этого продукта; и его предложение, наоборот, реально состоит в этом продукте, меж тем как его ценность имеется лишь идеально.

³⁾ То-есть, ценность предлагаемого им товара и ценность, которую он за него хочет, но не имеет, равны между собой; если он продает товар по его ценности, то предлагаемая ценность (в форме товара) и полученная ценность (в форме денег) равны между собой. Но из того, что он хочет продать товар по его ценности, не следует, что это, действительно, происходит. Количество товара предложено им, находится на рынке. Ценность его он ищет.

Мак Каллок говорит в цитируемых „Discours“, что цель Милля такова: „дать логическую дедукцию принципов политической экономии“ (стр. 88).

„Господин Милль исследует почти все вопросы, которые обсуждаются. Он умеет разъяснять и упрощать самые запутанные и самые сложные вопросы и приводить в их естественный порядок различные принципы науки“ (ук. соч.).

Из его логики можно понять, что все нелогическое построение Рикардо, которое изложено было нами раньше, он наивно целиком принимает, как „естественный порядок“.

Л. Прево.

Что касается цитированного Прево, который кладет в основу своих „Reflexions etc.“ Миллевское изложение системы Рикардо, то некоторые из его возражений покоятся на простом ученическом непонимании Рикардо.

Нужно заметить следующее о ренте. [Он разбирает положение, что земля, которая не дает ренты, ценой своих продуктов определяет цену продуктов других участков, и замечает по этому поводу]:

„Мы имеем право сомневаться во влиянии худших участков на определение ценности, если, как полагается, примем во внимание их относительное протяжение“ (Прево, ук. соч., стр. 177).

Прево приводит следующее место из Милля, что важно также для моего изложения, так как Милль здесь сам себе придумывает пример, где дифференциальная рента получается оттого, что новый спрос—добавочный спрос удовлетворяется переходом к лучшей, не худшей земле, следовательно, в возрастающем направлении.

„Господин Милль берет следующий пример: „Предположим, что все обработанные участки в стране одинакового качества и доставляют одинаковые прибыли на примененные к ним капиталы за исключением одного единственного акра, который производит в шесть раз больше продукта, чем всякий другой акр“ (Милль, Elements etc. 2 изд., стр. 71). Несомненно, как это доказывает господин Милль, арендатор этого последнего акра не мог бы повысить своего арендаторского дохода (fermage) (то-есть, не мог бы получить большей прибыли, чем другие арендаторы; мысль плохо выражена. М.), и пять шестых продукта поступают землевладельцу¹⁾. Но если остроумный автор вздумал бы сделать подобного рода предположение для обратного случая, он понял бы, что результат получился бы другой. Предположим, все участки земли одинакового качества, кроме одного акра худшей земли. Пусть на этом единственном акре прибыль на капитал составляет лишь одну шестую часть прибыли, получаемой на всяком другом акре. Подумаем ли мы, что прибыль многих миллионов акров этим была бы уменьшена до одной шестой обычной прибыли? Вероятно, этот единственный акр совершенно никакого влияния не окажет на прибыль, так как

¹⁾ Здесь мы, следовательно, имеем дифференциальную ренту без понижения нормы прибыли и без возрастания цены земледельческого продукта. Это должно происходить тем чаще, что, вместе с промышленным развитием страны, средствами сообщения и ростом населения в сп о л о ж е н и е должно постоянно улучшаться, как бы ни обстояло дело естественным плодородием и расположением. Относительно лучшее расположение действует, как большее естественное плодородие.

на различные продукты земли, именно хлеб, которые поступают на рынок, не могла бы оказать заметного влияния конкуренция такого ничтожного количества. Поэтому мы говорим, что утверждение Рикардо о действии худших участков должно быть изменено соображением об относительном проценте и участков различного плодородия" (Прево, ук. соч., стр. 177, 178).

[Прево переходит потом к разбору положения, что земледельческая прибыль определяет другие прибыли]:

„Мы согласны, что в общем норма земледельческой прибыли определяет норму промышленной прибыли. Но мы должны одновременно заметить, что последняя необходимо действует обратно на первую. Когда цена хлеба достигла известной высоты, промышленные капиталы переходят к земледелию и непременно понижают земледельческие прибыли“ (Прево, ук. соч., стр. 179).

Возражение правильное, но выражено очень узко. Смотри выше.

Рикардянцы полагают, что прибыль может падать только вследствие роста заработной платы: вместе с населением растут в цене жизненные средства, что является следствием накопления капитала, так как с ростом этого накопления обрабатываются худшие участки. Но сам Рикардо признает, что прибыли могут также падать, когда капиталы растут быстрее, чем население, следовательно, взаимная конкуренция капиталов увеличивает заработную плату. Так понимает А. Смит.

Прево говорит:

„Если возрастание спроса капитала повышает цену рабочих, т. е. заработную плату, то не следует ли отсюда, что нет никакого основания утверждать, что растущее предложение этих самых капиталов никогда не может понизить цены капиталов, другими словами, прибыли?“ (ук. соч., стр. 188).

Прево становится на ошибочную точку зрения Рикардо, которая может объяснить падение прибыли лишь уменьшением прибавочной ценности, следовательно, прибавочного труда, вздорожанием потребляемых рабочими жизненных средств—то-есть возрастанием ценности труда; это не исключает того, что реальный заработок рабочего не возрастает, а падает!—С этой точки зрения Прево старается доказать, что [быстрое увеличение капитала не влечет за собой необходимо падения прибыли].

[Он выступает против положения, что норма прибыли движется в направлении, обратном росту богатства (*progrès divitiel*):

„Цветущее состояние нации состоит в непрерывном росте ее населения и ее капиталов. Растущее население требует больше жизненных средств, которые доставляются капиталами. Для этого капиталы должны перебрасываться в сельское хозяйство. И когда лучшие участки не удовлетворяют более всем потребностям, нужно обратиться к худшим и т. д. Но эти новые культуры дают старым ренту, уменьшают, следовательно, соответственно прибыли! (ук. соч., стр. 189, 190).

Несмотря на это, Прево отрицает, что общественный прогресс понижает прибыль].

„Причина нашего разногласия заключается в том, что состояние процветания начинается с того, что прибыль повышается, и именно задолго до того, как произошел переход к возделыванию новых участков. Правда, это расширение запасков оказывает влияние на ренту, которая уменьшает прибыль. Но хотя

прибыли этим непосредственно сокращаются, они все же остаются такими же высокими, какими они были до прогресса. Это требует объяснения.

„Почему в данное время переходят к возделыванию худшей земли? Это делается лишь в ожидании прибыли, которая по крайней мере равняется обычной. И какое обстоятельство может создать эту прибыль на такой земле? Увеличение населения... Оно сокращает продовольствие населения и вызывает таким образом рост цен жизненных средств, особенно хлеба, чем оно доставляет земледельческим капиталам высокие прибыли. Другие капиталы притекают в сельское хозяйство; но так как площадь земли ограничена, то эта конкуренция имеет свои границы; потому, в конце концов, дело доходит до того, что обработка худшей земли все еще дает более высокие прибыли, чем в торговле или индустрии. Если худшие участки имеются в достаточном количестве, то с этих пор земледельческие прибыли должны определяться прибылью последних капиталов, вложенных в землю. Если исходить из нормы прибыли, которая была в начале роста богатства, то найдем, что прибыль отнюдь не имеет тенденции падать. Она растет с увеличением народонаселения, пока земледельческая прибыль возросла настолько, что, благодаря новым культурам, она может значительно уменьшиться, не падая когда либо ниже своей первоначальной нормы, или, выражаясь точнее, ниже средней нормы, которая определяется различными обстоятельствами“ (ук. соч., стр. 190—192).

Прево, очевидно, ошибочно понимает точку зрения Рикардо. Вследствие роста благосостояния, увеличивается население, а потому и цена земледельческих продуктов, следовательно, и земледельческие прибыли; хотя непонятно, если это возрастание постоянное, почему по истечении срока аренды не повышаются ренты, и эти земледельческие сверх-прибыли не превращаются в ренту, даже если бы худшие участки не возделывались. Но то же возрастание цены земледельческого продукта, которое увеличивает прибыли в земледелии, повышает заработную плату во всех отраслях промышленности, и потому понижает промышленные прибыли. Таким образом получается новая норма прибыли в промышленности. Если тогда худшие участки при существующей рыночной цене и дают лишь эту низкую норму прибыли, капиталы могут быть переброшены на худшие участки. Они туда привлекаются высокими земледельческими прибылями и высокой рыночной ценой хлеба. Когда достаточное количество капиталов таким образом перекочевало, они еще могут, как говорит Прево, давать прибыли, которые выше упавшей промышленной прибыли. Но как только добавочное предложение становится достаточным, рыночная цена падает, так что на худших участках она дает лишь обычную промышленную прибыль. То, что продукт на лучших участках доставляет сверх того, превращается в ренту. Таков взгляд Рикардо, основные положения которого принимает Прево, из которого он исходит. Теперь хлеб дороже, чем до возрастания земледельческой прибыли. Но сверх-прибыль, которую он доставляет арендатору, превращена в ренту. Таким образом, следовательно, падает прибыль также с лучших участков до нормы промышленной прибыли, упавшей вследствие вздорожания земледельческого продукта. Непонятно, почему вследствие этого прибыли не должны упасть ниже их „первоначальной нормы“, если другие обстоятельства не действуют в другом направлении. Могут, конечно, наступить другие обстоятельства. Во всяком случае, согласно предположению земледель-

ческая прибыль после увеличения цен жизненных средств выше промышленной. Но если часть жизненных средств рабочих, доставляемых индустрией, благодаря увеличению производительности, так пала в цене, что заработная плата (даже уплачиваемая по ее средней ценности) не так повышается, как она должна была бы повыситься соответственно возрастанию цен сельскохозяйственных продуктов без этих парализующих обстоятельств; если бы далее то же увеличение производительности так же понизило цену доставляемых добывающей промышленностью продуктов, или сельскохозяйственных сырых материалов, которые не входят в пищу [рабочего], — то промышленная прибыль не падала бы (конечно, предположение неправдоподобно), хотя бы она и была ниже сельскохозяйственной прибыли. Понижение последней вследствие перехода капитала в земледелие и вследствие образования ренты тогда восстановило бы лишь старую норму прибыли.

Прево пробует доказать свою мысль еще другим способом:

„Мы сказали, что участки плохого качества возделываются лишь тогда, когда они доставляют такую же или большую прибыль, чем промышленные капиталы. Часто в таких случаях цена хлеба и других сельскохозяйственных продуктов остается еще очень высокой, несмотря на новые культуры. Эти высокие цены угнетают рабочее население, так как повышение заработной платы не соответствует в точности цене тех предметов, которые потребляются наемными рабочими. Они служат более или менее бременем для всего населения, так как почти на все товары действует повышение заработной платы и самых необходимых предметов потребления. Этот общий гнет, вместе с увеличением смертности, которое вызывается слишком многочисленным населением, приводит к уменьшению числа наемных рабочих и вследствие этого к повышению заработной платы и падению сельскохозяйственной прибыли. С этих пор происходит дальнейшее развитие в обратном направлении, чем раньше. Капиталы отвлекаются обратно с худших участков и снова переходят в индустрию.

„Но принцип народонаселения скоро опять начинает действовать. Как только прекратилась нищета, число рабочих растет, их заработок падает, и потому прибыли растут.

„Такие колебания должны повторно следовать друг за другом без изменения средней прибыли. Прибыли могут падать или возрастать по другим причинам, или по этой самой причине; они могут попеременно изменяться в обратном смысле, но средняя прибыль, получаемая при падении или возрастании прибылей, не обуславливалась бы необходимостью приступить к возделыванию новых участков. Население есть регулятор, который устанавливает естественный порядок и удерживает прибыль в определенных границах“ (ук. соч., стр. 194 до 196).

Это хотя и запутано, но верно согласно „принципу народонаселения“. Но оно не согласуется с предположкой, что сельскохозяйственные прибыли растут до тех пор, пока не создано соответствующее население добавочное [предложение]. Если таким образом дано постоянное повышение цены сельскохозяйственного продукта, то отсюда следует не уменьшение населения, а общее уменьшение нормы прибыли, следовательно, накопления, а потому и населения. Население по взглядам Рикардо-Мальгуса возрастало бы медленнее. Но что лежит в основе рассуждений Прево, это идея: процесс понизил бы заработную плату ниже ее среднего уровня; из этого падения заработной платы и нищеты рабочих вытекает падение хлебных цен и отсюда опять увеличение прибыли.

Однако, это последнее составляет предмет исследования, которое сюда не относится; здесь предполагается, что ценность труда, т.-е. количество жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочих, всегда оплачивается [в заработной плате].

Эти рассуждения Прево важны, так как они показывают, что точка зрения Рикардо — вместе с принятой им точкой зрения Мальтуса — может об'яснить колебания нормы прибыли, но не постоянное падение ее без обратного движения; ибо при известной высоте хлебных цен и известном падении прибылей заработная плата спустилась бы ниже своего уровня и вызвала бы сильное уменьшение населения, а потому и цен жизненных средств, что снова должно было бы повлечь за собой повышение прибыли.

3. Polemические произведения.

Время от 1820' до 1830 г. представляет с точки зрения метафизики самый важный период в истории английской политической экономии. Оно полно теоретических схваток за и против Рикардовской теории, и создает ряд анонимных полемических произведений. Здесь приведены лишь важнейшие из них, и именно относящиеся к тем пунктам, которые принадлежат к нашей теме. Но в то же время характерно для тех полемических произведений, что все они в сущности вертятся около определения понятия ценности в его отношении к капиталу.

а. „Verbal Observer“.

„Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to value and to demand and supply“. Лондон, 1821.

Это произведение заслуживает внимания. Заглавие характерно — „Verbal disputes“ — словопрения.

Отчасти оно направлено против Смита, Мальтуса, но также против Рикардо. Основная мысль этого произведения та, что „дискуссии... вертятся исключительно около употребления слов различными лицами в различном смысле, и ограничиваются тем, что спорящие, как рыцари в рассказе, рассматривают щит с различных сторон“ (стр. 59, 60). Подобный скептицизм всегда является предвестником разложения теории, бессмысленного и бессовестного эклектицизма, созданного для домашнего обихода.

Относительно теории ценности Рикардо прежде всего сказано:

„Очевидно, трудно представить себе при этом, что труд есть то, что мы имеем в виду, когда говорим о ценности или действительной цене в противоположность номинальной цене; ибо часто нам приходится говорить о ценности или цене самого труда. Если мы понимаем под трудом, как действительной ценой вещи, труд, которым произведена вещь, то при этом всплывает еще дру-

гое затруднение, так как часто нам приходится говорить о ценности или цене земли; но земля не произведена трудом. Это определение может, следовательно, найти применение лишь к товарам“ (ук. соч., стр. 8).

Относительно труда это возражение против Рикардо верно постольку, поскольку он заставляет капитал покупать непосредственно труд, следовательно, говорит о ценности труда непосредственно; меж тем как это рабочая сила, т.-е. продукт, временное потребление которого покупается и продается. Вместо того, чтобы решать проблему, здесь только подчеркивается, что проблема не решена.

Также верно, что „ценность или цена почвы“, которая не является продуктом труда, непосредственно, невидимому, противоречит понятию ценности и не может непосредственно быть выведена из него. Эта фраза [однако имеет тем] меньшее значение по отношению к Рикардо, что автор не касается его теории ренты, где он именно развивает, как номинальная ценность земли образуется на основе капиталистического производства и не противоречит определению ценности. Ценность земли есть не что иное, как цена, которая уплачивается за капитализированную земельную ренту. Здесь, следовательно, отношения должны быть развиты гораздо более, чем может prima facie оказаться при простом рассмотрении товара и его ценности; совершенно подобно тому, как фиктивный капитал в биржевой игре, который в действительности есть не что иное, как продажа и покупка известных прав на части годовых налогов, не может быть развит из простого понятия производительного капитала.

Второе возражение, что Рикардо превращает ценность, которая является чем-то относительным, в нечто абсолютное, служит в другом, позже появившемся полемическом произведении (Бэли) главным пунктом нападения против всей Рикардовской системы. Когда будем касаться последнего произведения, мы приведем также относящиеся сюда в „Observations“.

Относительно источника, из которого получается капитал, оплачивающий труд, имеется верное выражение в случайном замечании; при чем автор не сознает этого (он, наоборот, хочет этим доказать то, что имеется в следующей, не подчеркнутой фразе, что самое предложение труда служит препятствием против тенденции труда спускаться до ее естественной цены).

„Увеличенное предложение труда означает увеличенное предложение того, что определено для покупки труда. Если мы, следовательно, с господином Рикардо говорим, что труд имеет всегда тенденцию спускаться до того, что он называет его естественной ценой, то мы должны только вспомнить, что самое увеличение предложения, которое должно воплотить в жизнь эту тенденцию, есть одна из противодействующих причин, которая мешает осуществлению этой тенденции“ (ук. соч., стр. 72, 73).

Если не исходить из средней цены труда, т.-е. из ценности труда, то невозможно никакое развитие теории; оно также невозможно, если вообще не исходить из ценности товаров вообще. Лишь тогда можно понять наблюдаемое явление колебания цен.

„Нельзя полагать, что он (Рикардо) будто бы утверждает, что два определенных количества двух различных предметов, как шляпа и пара сапог, обмениваются друг на друга. Если эти два определенных количества произведены одинаковым количеством труда. Под „товаром“ здесь следует понимать „род товара“, не особая, индивидуальная шляпа, пара сапог и т. д. Нужно полагать, что весь труд, который производит все шляпы в Англии, распределяется между всеми этими шляпами. Это, кажется мне, в начале и в общем изложении этого учения было недостаточно ясно выражено“ (ук. соч., стр. 53, 54).

Так, например, Рикардо говорит о части труда машиностроителя, которая содержится, например, в произведенной машиной паре чулок.

„Но если мы говорим об одной, отдельной паре чулок, тогда труд, который произвел каждую отдельную пару, включает весь труд машиностроителя, а не часть его; ибо машина производит много пар, и ни одна из этих пар не могла бы быть сделана без всех частей машины“ (ук. соч., стр. 54).

Последнее место покоится на недоразумении. Вся машина входит в процесс труда, лишь часть ее входит в процесс создания ценности.

Помимо этого, в замечании содержится правильная мысль.

Мы исходим из товара—из этой специфической общественной формы продукта—как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем отдельные продукты и анализируем те свойства, которые они имеют, как товар, которые накладывают на них клеймо товара. До капиталистического производства—при прежних способах производства—большая часть продукта не вступает в обращение, не выбрасывается на рынок, производится не как товар, не становится товаром. С другой стороны, в это время большая часть продуктов, входящих в производство, не является товаром и не входит, как товар, в производство. Превращение продуктов в товары происходит лишь в единичных случаях, распространяется только на излишек производства и т. д. или только на отдельные области его (мануфактурные продукты) и т. д. Продукты не входят в процесс во всем своем объеме, как предметы торговли, и не выходят из него, как таковые, всей своей массой. Однако, развитие продукта в товар, обращение товаров, а потому и обращение денег в определенных границах, следовательно, до известной степени развитая торговля, является предпосылкой, и сходным пунктом образования капитала и капиталистического производства. Как такую предпосылку, рассматриваем мы товар, исходя из него, как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, продукт, результат капиталистического производства, есть товар. Что является его элементом, то потом представляет его собственный продукт. Лишь на его основе общей формой продукта является товар, и чем больше оно развивается, тем более и продукты в виде товара входят как ингредиенты в его процесс. Товар, как он выходит из капиталистического производства, отличается от товара, из которого мы исходим, как из элемента капиталистического производства. Мы уже не имеем перед собой отдельного товара, отдельного продукта. Отдельный товар, отдельный продукт, выступает не только реально как продукт, но и как товар;

не только как реальная, но и как идеальная часть всего производства. Каждый отдельный товар является носителем определенной части капитала и созданной им прибавочной ценности. Ценность авансированного капитала плюс ценность присвоенного прибавочного труда, следовательно, например, ценность в 120 ф. ст. (если 100 ф. ст. приходится на капитал и 20 ф. ст. на прибавочный труд) содержится в ценности всего продукта, напр., 1.200 локтей ситцу. Каждый локоть $= \frac{120}{1200}$ ф. ст. $= \frac{1}{10}$ ф. ст. Не отдельный товар является результатом процесса, а масса товаров, в которых воспроизведена ценность всего капитала плюс прибавочная ценность. Вся произведенная ценность, деленная на число продуктов, определяет ценность отдельного продукта, и лишь, как такая алиquotная часть, он становится товаром. То, что устанавливает ценность отдельного продукта и определяет его, как товар, это уж не употребленный на отдельный, особый товар труд, который в большинстве случаев невозможно было бы вычислить, и который в одном товаре может быть больше, чем в другом, а весь труд, вся ценность, деленная на число продуктов. Поэтому и вся масса товаров, каждый из них должен быть продан по своей определяемой таким образом ценности, чтобы возмещен был весь капитал с прибавочной ценностью. Если бы из 1.200 локтей было продано лишь 800, то капитал не был бы возмещен, еще менее получена была бы прибыль. Но отдельный локоть так же был бы продан ниже своей ценности; ибо его ценность определяется не изолированно, а как алиquotная часть всего продукта.

Относительно труда автор замечает:

„Если вы труд называете товаром, то это не товар, который производят раньше с целью его обменять, а потом выносят на рынок, где он должен быть обменен на другие товары соответственно количеству, в котором каждый имеется в данное время на рынке; труд создан в тот момент, когда он вынесен на рынок, или вернее он выносится на рынок, прежде чем он создан“ (1. с. стр. 75, 76).

Что выносится на рынок есть в действительности не труд, а рабочий. Что он продает капиталисту это не его труд, а временное употребление его личности, как рабочей силы. В контракте, который заключают капиталист и рабочий, в купле и продаже, когда они договариваются, это является непосредственным предметом. Где уплачивается сдельно, а не по количеству времени, это является лишь другим способом определения времени. Оно измеряется продуктом, и определенное количество продукта считается выражением общественно необходимого рабочего времени. Во многих лондонских отраслях промышленности, где господствует сдельная плата (*tast work*), платят так по часам; но часто возникают споры относительно того, представляет ли тот или другой продукт труда „час“ или нет.

Независимо от отдельных форм, не только в сдельной плате, но и вообще, уплачивается после выполнения работы ежедневно или

еженедельно и т. д., хотя рабочая сила продана на определенных условиях до ее применения. Здесь деньги служат платежным средством, после того как они раньше служили идеально покупательным средством, так как номинальный переход товара к покупателю¹⁾ отличается от реального. Продажа товара рабочей силы,—юридическая передача потребительной ценности, и ее действительная передача происходит здесь не одновременно. Реализация цены поэтому происходит позже, чем продажа товара (см. первую часть моего произведения „К критике и т. д.“ стр. 122). Здесь видно также, что не капиталист дает вперед, а рабочий, подобно тому как при отдаче дома в наем снимающий, а сдающий авансирует потребительную ценность. Рабочему уплачено, правда (или по крайней мере может быть уплачено, если товар не заказан раньше и т. д.), прежде чем продан созданный им товар. Но его товар, его рабочая сила вступила в промышленное потребление, перешла в руки покупателя, капиталиста, прежде чем ему, рабочему, было уплачено. И речь идет не о том, что покупатель товара хочет с ней предпринять; покупает ли он ее, чтобы сохранить ее, как потребительную ценность, или чтобы снова продать ее. Речь идет о прямой сделке между первым покупателем и продавцом.

Рикардо говорит в своих „Principles“:

На различных ступенях общественного развития накопление капитала или средств на содержание труда идет с большей или меньшей быстротой, и оно должно во всех случаях зависеть от производительности труда. Производительность труда обычно больше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля“ (Рикардо, Political Economy, 3 изд. 1821, стр. 92; рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 55).

По поводу этого положения Рикардо говорится в приведенном уже месте:

„Если в первом предложении производительность труда означает, что та часть продукта, которая достается тем, чей труд его создал, мала,—то предложение является почти тавтологией, так как остающаяся алиquotная часть образует фонд, из которого может быть накоплен капитал, если это желательно владельцу²⁾. Но это не всегда наступает там, где имеется самая плодородная земля³⁾ Это имеет место в Северной Америке, но это искусственное состояние

1) Здесь у Маркса опечатка; стоит: „продавцу“. Прим. перев.

2) Как нечто само собой разумеющееся признается, что, с точки зрения капиталиста, „производительность труда означает, что та часть продукта, которая достается тем, чей труд его создает, мала“. Это место великопно.

3) Это вздор. Рикардо предполагает капиталистическое производство. Он не исследует, легче ли оно развивается с плодородной или относительно неплодородной землей. Где оно имеется, оно наиболее производительно там, где земля наиболее плодородна. Как общественные, так и естественные производительные силы труда, то-есть те, которые он находит в неорганической природе, существуют, как производительные силы капитала. Сам Рикардо отождествляет в вышеприведенном предложении, что правильно, производительность труда с трудом, производящим капитал, производящим то богатство, которое управляет трудом, а не то богатство, которое принадлежит труду. Его выражение „капитал или средства на содержание труда“ в действительности является единственным, где он понимает насоящую природу капитала. Сам он так проникнут капиталистической точкой зрения, что это превращение, это *Qui pro quo* для него само собой разумеется. Об'ективные условия труда—к тому

(то-есть, капиталистическое состояние. М.). Этого нет в Мексике, нет также в Новой Голландии. Производительность труда в другом смысле в действительности больше всего там, где имеется много плодородной земли; то-есть, если понимать производительность труда, как возможность для человека, если он этого хочет, получить много сырого материала по сравнению со всем трудом, какой он выполняет. Это в действительности дар природы, если люди могут производить больше пищи, чем тот минимум, который требуется на содержание населения¹⁾. Но прибавочный продукт—это выражение употребляется господином Рикардо, стр. 93 (рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 56)—обыкновенно означает излишек всей цены вещи сверх той части ее, которая достается производящим ее рабочим. Отношение, которое регулируется соглашением людей, а не определяется природой²⁾. (ук. соч., стр. 74).

Если последняя заключительная фраза должна иметь какой-нибудь смысл, то это тот, что „прибавочная ценность“ в капиталистическом смысле очень отличается от производительности промышленности, как таковой.—Последняя интересует капиталиста лишь постольку, поскольку она реализуется для него, как прибыль. В этом заключается ограниченность, предел капиталистического производства.

„Когда спрос на какой-нибудь предмет превышает тот спрос, который соответствует данному предложению, и если поэтому цена повышается,—то или предложение может быть увеличено с применением той же нормы издержек производства, какая была раньше; в этом случае это будет иметь место до тех пор, пока этот предмет обменивается на другие предметы в таком же отношении, как раньше. Или, во-вторых, невозможно повысить существующее по настоящее время предложение; тогда повышенная цена не понизится снова, а будет продолжать давать, как говорит Смит, большую земельную ренту, или большую прибыль или заработную плату (или все три части) особой земле, капиталу, труду, которые были применены в производстве предмета; или, в-третьих, возможные увеличения предложения требуют относительно больше земли или капитала или труда, или всех этих трех частей, чем нужно для периодического производства (это слово нужно отметить! М.) того количества, которое раньше выносилось на рынок. Тогда добавочное производство не происходит раньше, чем спрос не возрастает настолько, что уплачивается, во-первых, повышенная цена за добавочный продукт, во-вторых, та же повышенная цена за прежнюю сумму предложенных товаров. Ибо производитель добавочного количества не будет иметь большей возможности получить за него высокую цену, чем те, которые произвели прежнее количество... В этой отрасли тогда будет получаться сверх-прибыль... Сверх-прибыль или будет доставаться только некоторым особым производителям... или, если добавочный продукт не отличается от остального, то в добавочной прибыли участвовали бы все... Люди согласны будут что-нибудь дать за то, чтобы участвовать в такой отрасли производства, которая может давать такие добавочные прибыли... То, что они с этой целью дают, есть рента“ (ук. соч., стр. 79 и след.).

же им самим созданные—сырой материал и орудия труда, являются не орудиями, которые рабочий применяет, как свои средства, а, наоборот, они являются орудиями для применения труда. Они не применяются трудом; они применяют труд. Труд служит для этих вещей, средством, с помощью которого возможно их накопление, как капитала, а не средством производства продуктов, богатства для рабочего.

¹⁾ Это основа доктрины физиократов. Физической основой прибавочной ценности служит этот „дар природы“, который яснее всего выступает в сельскохозяйственном труде, удовлетворяющем в начале почти все потребности; не в мануфактурном труде, так как его продукт должен сначала быть продан, как товар. Физиократы, которые впервые развивают прибавочную ценность, берут ее в ее естественной форме.

²⁾ Осел не видит, что там, где земля плодородна, часть цены продукта, которая достается рабочему, [даже когда он] покупает достаточное количество жизненных средств, мала, а та часть, наоборот, которая достается капиталисту, велика.

Здесь следует еще только заметить, что в этом произведении рента впервые рассматривается, как общая форма консолидированного прибавочного продукта.

„Превращение дохода в капитал является одним из источников спора из-за слов. Один хочет этим сказать, что капиталист употребляет часть своей прибыли, которую он получил со своим капиталом, для того, чтобы сделать новую прибавку к своему капиталу вместо того, чтобы оставить его себе для частного потребления, как он мог бы вообще сделать. Другой хочет этим сказать, что кто-то употребляет в виде капитала то, чего он никогда не получает в виде прибыли на свой собственный капитал, а в виде ренты, заработной платы, жалованья“ (ук. соч., стр. 83, 84).

Эти последние фразы — „одним из источников спора из-за слов“, „один хочет этим сказать одно, другой другое“ характерны для этого умицы.

в. Еще раз автор «Inquiry».

An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc. Лондон 1821.

[Выше мы уже познакомились с возражениями автора против Мальтуса, стр. 52 и сл.]. Обнаруживается бесконечная ограниченность этих людей; мы видим, во что превращается их ясность, когда, вместо землевладения, они рассматривают капитал. Все же это одно из лучших полемических произведений этого десятилетия.

„Если капитал, примененный в производстве ножей, увеличивается на один процент, и количество производимых им ножей увеличивается в такой же степени, то их производители в общем не приобретут других вещей в увеличенном в такой же степени количестве, если предположим, что производство последних не возросло. Однако, только такое приобретение, а не увеличение количества ножей, образует прибыль предпринимателя или увеличение его богатства. Но если такое же увеличение на один процент одновременно произошло также в капиталах всех других отраслей производства, и это привело к такому же увеличению продукта, то результат получился бы другой; ибо отношение, в каком каждый предмет обменивался бы на другие, осталось бы неизменным; и определенная часть каждого вида товара давала бы возможность приобрести такое же количество всех товаров, как прежде“ (ук. соч., стр. 9).

Торговцу ножами остаются в первом случае лишь три пути. Или он обменивает свой увеличенный продукт так же, как он обменял бы меньшее количество продукта; тогда его увеличенное производство приведет к положительной потере. Или он должен стараться найти новых потребителей. Если он ограничен прежним кругом, то это возможно лишь благодаря тому, что он отвлекает покупателей от другой отрасли производства и на ее плечи сваливает свой убыток; или он должен расширить свой рынок за его прежние границы. Но как та, так и другая из этих операций не зависит ни от его доброй воли, ни от простого существования увеличенного количества ножей. Или, наконец, он должен [излишек] производства перенести на следующий год и

сократить свое новое предложение для этого года; что также приводит к потере; если его прибавка к капиталу состоит не только из добавочной заработной платы, но и из добавочного основного капитала.

Далее: Если все капиталы увеличены в одинаковой степени, то из этого отнюдь не следует, что их производство возрастает в такой же степени. Но даже если бы это имело место, то из этого не вытекало бы, что им требуется на один процент больше ножей, так как их спрос на ножи вовсе не находится в связи ни с увеличением их собственного продукта, ни с их повышенной способностью покупать ножи. Получается только тавтология: Если капитал, который занят в каждой отдельной отрасли производства, [увеличен] соответственно тому, как потребности общества повышают спрос на каждый отдельный товар, тогда увеличение одного товара обеспечивает рынок для увеличенного предложения других товаров.

Здесь, таким образом, предполагается: 1) капиталистическое производство, где производство каждой особой отрасли и его возрастание регулируется и определяется не непосредственно потребностями общества, а производительными силами, имеющимися в распоряжении каждого отдельного капиталиста, независимо от потребностей общества; 2) предполагается, что все же производится так соразмерно, как если бы капитал в различных отраслях производства применялся непосредственно обществом, соответственно его потребностям.

При таком предположении (*contradictio in adjecto*), если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, действительно, не могло бы быть перепроизводства.

Впрочем, в различных отраслях производства, где происходит то же накопление капитала (это опять-таки плохое предположение, что в различных отраслях производства капитал накапливает в одинаковой степени), количество продукта, которое соответствует этому увеличению примененного капитала, бывает очень различно, так как производительность в различных отраслях производства или количество произведенных потребительных ценностей находится в различном отношении к примененному труду. Обе стороны производят одну и ту же ценность, но количество товара, в котором она выражается, очень различно. Если в отрасли промышленности А, ценность увеличилась на 1 процент, в то время как масса товаров возрела на 20 процентов, то почему [эти последние] должны найти рынок в отрасли промышленности В, где ценность также повысилась на 1 процент, но масса товаров увеличилась на 5 процентов? это абсолютно непонятно. Здесь не замечена разница между потребительной и меновой ценностью.

Великое открытие Сэя, „что товары покупаются лишь на товары“, означает только, что самые деньги являются превращенной формой товара. Если я могу купить только на товар, то это отнюдь не означает, что я могу купить на свой товар, или что моя способность

купить соответствует количеству произведенных мною товаров. Та же ценность может быть представлена в очень различных количествах. Но потребительная ценность—потребление—имеет дело не с ценностью, а с количеством. Почему я должен купить шесть ножей, если я их могу приобрести так дешево, как раньше один, абсолютно не понятно. Не говоря о том, что рабочие продают не товары, а труд; масса людей, которые не производят товаров, покупают на деньги. Покупатель и продавец товара не тождественны. Крупный землевладелец, денежный капиталист и т. д. получают товар других производителей, в виде денег. Они являются покупателями, не будучи продавцами „товара“. Происходит не только купля и продажа между промышленными капиталистами, но также их продажа рабочим; во-вторых, их продажа владельцам доходов, которые не являются фабрикантами товаров. Наконец, их купля и продажа, как капиталистов, отличается от их купли, когда они затрачивают свои доходы.

„Господин Рикардо (2 изд., стр. 359; рус. пер. под редакц. Н. Рязанова, стр. 192) цитирует учение Смита о причине падения прибыли и прибавляет: „Господин Сэй вполне достаточно доказал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы быть применена в стране, так как спрос ограничивается только производством ¹⁾. В стране не может быть накоплен капитал, который нельзя было бы применить производительно (он понимает, как я принимаю, говорит автор в скобках, под производительно прибыльный для владельца, М.), если заработная плата не повышается так сильно вследствие возрастания цен на жизненные средства, и для прибыли на капитал поэтому остается так мало, что прекращается стимул к накоплению“ ²⁾ (стр. 360; рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 192).

¹⁾ Это очень умно. Ограничен он во всяком случае [производством]. Чего невозможно сделать по заказу или чего спрос не находит готовым на рынке, на то не может быть спроса. Но из того, что спрос ограничен производством, отнюдь не следует, что производство ограничено или было ограничено спросом, и что оно никогда не может превысить спроса, особенно спроса по рыночной цене. Таково глубокомыслие Сэя.

²⁾ Рикардо отождествляет здесь „производительный“ и „прибыльный“, между тем как именно в том, что в капиталистическом производстве только „прибыльный“ является „производительным“, заключается его отличие от абсолютного производства и его предел. Чтобы производить „производительно“, нужно производить так, чтобы масса производителей была исключена из части спроса на продукт; необходимо производить в противоположность классу, потребление которого не соответствует его производству—так как именно в разнице между его производством и его потреблением состоит прибыль капиталиста. С другой стороны, необходимо производить для классов, которые потребляют и не производят. Речь идет не только о том, чтобы придать прибавочному продукту форму, в которой он становится предметом спроса для этого класса. Сам капиталист, если он хочет накапливать, не должен с одной стороны развивать спроса на свои продукты, поскольку они входят в доход, соответственно тому, как он является их производителем. Иначе он не может накапливать. Поэтому Мальтус противопоставляет ему классы, задачей которых является не накопление, а потребление. И в то время как, с одной стороны, предполагаются все эти противоречия, с другой стороны, принимается, что производство совершается без всякого трения,—так, как если бы этих противоречий не существовало. Купля и продажа, товар и деньги, потребительная ценность и меновая ценность разделены. Предполагается, наоборот, что имеется не разделение, а меновая торговля. Потребление и производство разделены; существуют производители, которые не потребляют [столько], [сколько они производят], и потребители, которые не производят. Но принимается, что потребление и производство тождественны. Капиталист производит непосредственно для того, чтобы увеличить свою прибыль, ради меновой ценности, а не для своего потребления. Предполагается, что он производит

Последнее предложение ограничивает предыдущее, если оно его не опровергает, раз он в первом предложении говорит, что нет капитала, который не мог бы быть применен в стране, и этим думает, который не мог бы найти производительного или прибыльного применения. Но если он думает: который не мог бы ¹⁾ найти применения вообще, то утверждение бесцельно, так как ни Адам Смит, ни кто-либо другой не оспаривал, я думаю, того, что капитал может всегда быть применен, если не задумываться над тем, какую он может дать прибыль" (ук. соч., стр. 18, 19).

Действительно, Рикардо говорит, что весь капитал в стране, в каком бы количестве он ни был накоплен, может быть применен прибыльно; с другой стороны, что именно накопление капитала препятствует его „прибыльному“ применению, так как оно должно привести к уменьшению прибыли, следовательно, нормы накопления.

„Увеличенный спрос с их (рабочих) стороны означает, собственно, склонность взять себе меньше и оставить своим хозяевам большую часть. И если говорят, что это сокращает потребление и тем самым увеличивает переполнение рынка (glut), то я могу лишь возразить, что переполнение рынка означает то же, что высокая прибыль“ (ук. соч., стр. 59).

Это действительно таинственная основа переполнения рынка.

„Как потребители, рабочие, не имеют никакой выгоды от машин, даже в эпоху процветания, как говорит господин Сэй (Letters to Malthus, 4 изд. стр. 60), если предмет, который машина делает дешевле, не таков, что, благодаря своему удешевлению, он может стать им доступным для личного потребления. Токарные машины и ветряные мельницы с этой точки зрения могут для них иметь большое значение; но изобретение машины, для разделки фанер, машины для изготовления блоков или станков для производства кружев не особенно заметие улучшает их положение“ (ук. соч., стр. 74, 75).

Относительно кризисов он еще говорит:

„Когда наступает насильственное и внезапное изменение в каналах торговли и внезапным прекращением обычного спроса на некоторые товары... тогда не следует из общего принципа, что другие [отрасли] будут соответственно процветать. Производство не есть дело момента. Запас имеется, и если он состоит из вещей, которые внезапно становятся так бесполезны, как бесполезны были бы коньки в Калькутте, то как это может быть компенсировано избытком других вещей? Из имеющейся массы вещей часть как бы уничтожена или потеряна... без всякой выгоды для кого-нибудь, Лишь к следующему периоду (stage) возможно помочь беде посредством перенесения производства из тех отраслей промышленности в другие. Но когда относительная цена, которую имеет опреде-

непосредственно и только для своего потребления. Если предположить, что существующие в буржуазном производстве противоречия—которые во всяком случае выравниваются, но процесс выравнивания в то же время выступает, как кризис, как насильственное соединение разорванных, равнодушно противостоящих друг другу и все же связанных моментов—не существуют, то эти противоречия естественно не могут проявиться. В каждой отрасли промышленности каждый отдельный капиталист производит соответственно своему капиталу, не считаясь с потребностями общества и не считаясь также с конкурирующим предложением капиталов в той же отрасли промышленности. Предполагается, что он производит так, как если бы он производил по заказу общества. Если бы не было внешней торговли, то предметы роскоши всегда производились бы в стране, сколько бы это ни стоило. Тогда, действительно, за исключением необходимых жизненных средств, труд был бы очень непроизводителен. Поэтому накопление капитала было бы [незначительно]. Так каждая страна могла бы употребить весь накопленный в ней капитал, ибо согласно предположению, в ней накоплялось бы лишь мало капитала.

¹⁾ Нужно: „не мог бы“, а в оригинале „не“ выпущено. Прим. перев.

ленный род предметов, внезапно понижается, то этим задерживаются те дела, которые были предприняты в предположении, что цена будет держаться, и прерываются операции, между началом и концом которых тянутся, быть может, годы. Нарушаются сложные кредитные операции, которые совершаются людьми таким образом, как если бы они обладали тем, что в действительности является быть может отдаленным результатом спекуляции другого лица; исключаются из производства огромные массы основного капитала, которые связаны нераздельно с определенной отраслью промышленности и совершенно не годны для применения в другой отрасли: их ценность поэтому равна нулю, когда прекращается спрос на их продукт. Владелец этих машин не может также продать их тем, если таковые имеются, кто в других странах занятя той отраслью промышленности, которая здесь остановилась. Не стоит перевозить машины, когда транспорт их продуктов уже стал невыгодным. Тогда часть капитала, которая была раньше затрачена на машины, следовательно, часть богатства уничтожается... И даже труд легко принимает характер основного капитала" (ук. соч., стр. 70, 71, 72).

Последнее место ошибочно.

"Где разделение труда очень развито, там знания рабочих применимы лишь в той особой специальности. В какой они упражнялись; они представляют своего рода машины. Тогда получаютя длинные периоды безработицы, то-есть потерянной работы, богатства, срубленного у своего корня. Совершенно бесполезно, подобно попугаю, повторять, что все это имеет тенденцию выравняться. Мы должны осмотреться вокруг себя и увидим, что в течение большого периода времени это не может выравняться; и что если это наконец происходит, то оно совершается на гораздо более низком уровне, чем раньше" (ук. соч., стр. 72).

Этот рикардианец, подобно Рикардо, правильно понимает кризисы, которые происходят "от внезапного изменения в каналах торговли". Это имело место в Англии после войны 1815 г. И так все позднейшие экономисты считали каждый раз единственно возможной причиной кризисов то, что являлось самым очевидным поводом каждого кризиса.

Систему кредита он также считает причиной кризисов (стр. 81 и след.) (Как будто сама система кредита не возникла вследствие трудности применить капитал "производительно", то-есть "прибыльно"). Англичане должны, например, отправлять свой собственный капитал за-границу, чтобы создать себе рынок. В перепроизводстве, системе кредита и т. д. капиталистическое производство старается прорвать свою собственную границу и производить сверх своей меры. Оно, с одной стороны, имеет это стремление. С другой стороны оно выдерживает лишь такое производство, которое соответствует прибыльному применению существующего капитала. Отсюда кризисы, которые в то же время его всегда уносят и в семимильных сапогах заставляют его достичь того—в отношении развития производительных сил,—что оно внутри своих границ реализовало бы лишь очень медленно.

"Он (рабочий) готов часть своего времени работать на капиталиста или, что сводится к тому же, часть всего продукта, когда он готов и обменен, считать долей, принадлежащей капиталисту. Он должен на это согласиться, иначе капиталист не дал бы ему своих средств производства (assistance)¹⁾. Но, так как

¹⁾ Именно капитал. Очень хорошо выходит: сводится к одному и тому же, владеет ли капиталист всем продуктом и часть его, как заработную плату, уплачивает рабочему; или же рабочий оставляет капиталисту часть своего собственного продукта.

стимулом для капиталиста служит прибыль, и это всегда в известной степени зависит столько же от желания, сколько и от возможности делать сбережения, то капиталист решит предложить добавочное количество таких орудий; и так как он найдет меньше людей, которым требуется это добавочное количество, по сравнению с числом тех, которым требовалось первоначальное количество, то он должен ждать того, что ему достанется меньшая часть дохода; он должен согласиться сделать своего рода подарок (!!!) рабочему, отдать часть дохода, доставленного его орудиями; иначе он не получил бы другой части. Таким образом, конкуренция понижает прибыль“ (ук. соч., стр. 102, 103).

Это очень хорошо. Если капитал, благодаря увеличению производительности труда, накапливает так быстро, что спрос на труд повышает заработную плату, и рабочий меньше времени работает на капиталиста даром и в известной степени принимает участие в результатах растущей производительности своего труда, то капиталист ему делает подарок!

Тот же человек подробно доказывает, что высокая заработная плата является плохим поощрением для рабочих, хотя когда речь идет о землевладельцах, он считает, что при низкой прибыли капиталисты падают духом.

„А. Смит полагает, что накопление или рост капитала вообще понижает среднюю норму прибыли, согласно тому же принципу, по которому рост капитала в особой отрасли промышленности понижает прибыль в этой отрасли промышленности. Но подобное увеличение капитала в отдельной отрасли промышленности означает скорее увеличение в сравнении с одновременным увеличением капитала в других отраслях промышленности“ (ук. соч., стр. 9).

„Непосредственный рынок или непосредственное поле для капитала. можно сказать, есть труд. Величина капитала, который в данное время в данной стране или на свете может быть так употреблен, что он даст не менее определенной нормы прибыли, зависит, повидимому, главным образом от количества труда, для выполнения которого тот капитал может двинуть имеющиеся в то время число людей“ (ук. соч., стр. 20).

„Прибыль не зависит только от цены; она зависит от отношения между ценой и издержками“ (ук. соч., стр. 28).

„Утверждение господина Сэя вовсе не доказывает, что капитал открывает рынок для самого себя; а что капитал и труд открывают рынок“ взаимно один для другого (ук. соч., стр. 111).

Сэя он понимает совершенно правильно. Это нужно привести в главе о Сэе.

с. Томас де Квинси.

[Он написал анонимно]: *Dialogues of Three Templars on Political Economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo. London Magazine Vol. IX, 1824).*

Попытка опровергнуть все приведенные против Рикардо возражения. Что он знает, в чем дело, видно из следующего предложения: „Все трудности политической экономии можно свести к следующему: Что служит основанием меновой ценности?“ (1. с. стр. 347). Здесь часто доказывается недостаточность Рикардовской точки зрения, хотя при этом автор проявляет больше темперамента, чем реальной диалектической глубины. Действительные трудности, которые вытекают не из опре-

деления ценности, а из того, что Рикардо недостаточно развил основные положения своей теории и хотел насильственно и непосредственно приладить конкретные отношения к простому отношению ценности, ни в коем случае не разрешены; эти трудности он даже не замечает. Но работа эта характерна для периода ее появления. Видно, что тогда еще серьезно обстояло дело с последовательностью и мышлением в политической экономии.

Слабее позднейшее произведение того же автора: *The Logic of Political Economy*. Эдинбург, 1845.

Квинси подчеркивает различие между Рикардовскими взглядами и прежними, и не старается путем истолкованья ослабить его или отбросить все специфическое в них, сохраняя это лишь в фразе: что произошло потом, и что широко раскрыло двери удобному пустому эклектицизму.

Один пункт Рикардовской доктрины, который Квинси особенно подчеркивает, и который здесь нужно упомянуть, так как он играет роль в помещенной ниже полемике против Рикардо, это тот, что командование одного товара над другими товарами (его покупательная сила; в действительности, его ценность, реализованная в другом товаре) совершенно отлично от его реальной ценности.

„Совершенно ошибочно заключать, что реальная ценность велика, потому что количество, которое она покупает, велико; или она мала, так как количество, которое она покупает, мало... Когда *A* удваивает свою ценность, то он поэтому не должен распоряжаться двойным количеством прежнего количества *B*. Это может иметь место, но он может также распоряжаться в пятьсот раз большим, или в пятьсот раз меньшим количеством... Никто не станет отрицать, что *A* при удвоении своей ценности будет распоряжаться двойным количеством всех вещей, ценность которых осталась прежней. Но вопрос в том, будет ли *A* во всех случаях при удвоении своей ценности распоряжаться двойным количеством“ (*London Magazine* стр. 352 и след.).

d. Бэли.

а. Ценность.

[Бэли является анонимным автором произведения:] *A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of opinions*“. Лондон 1825.

Это главное сочинение, (направленное) против Рикардо (также против Мальтуса). Оно пытается опровергнуть основу доктрины—ценность. Без всякого положительного значения, кроме определения „мера ценности“ или лучше денег в этой функции. Ср. также того же автора: *A Letter to a Political Economist; occasioned by an article in the Westminster review on the subject of Value etc.* Лондон, 1826.

Так как это произведение, как уже указано было выше, в основе своей примыкает к „*Observations on certain verbal disputes in Political*

Беспомяту“, то здесь следует остановиться на относящемся сюда в „Observations“. Автор „Observations“ упрекает Рикардо в том, что он превращает ценность, то-есть относительное свойство товаров, выражающееся в их взаимном отношении, в нечто абсолютное.

В чем следует упрекнуть Рикардо в этом отношении, это только в том, что он не разделяет строго различных моментов развития понятия ценности; меновой ценности товара, как она представлена, как она проявляется в процессе обмена товаров, и бытия товара, как ценности, в отличие от его бытия, как вещи, продукта, потребительной ценности.

В „Observations“ говорится:

„Когда увеличивается абсолютное количество труда, которым производится большая часть товаров, или все, за исключением одного, то можно ли тогда было бы сказать, что ценность этого одного товара осталась неизменной? Ведь он обменивался бы на меньшее количество каждого другого товара? Если здесь в действительности утверждается, что под увеличением или уменьшением ценности нужно понимать увеличение или уменьшение количества труда, который произвел данный товар, тогда вывод, против которого я только что возражал, мог бы оказаться некоторым образом правильным. Но сказать, подобно господину Рикардо, что относительные количества труда, которым произведены два товара, служат причиной отношения, в котором обмениваются оба товара, то-есть причиной меновой ценности каждого, это нечто другое, чем сказать, что меновая ценность каждого товара означает количество труда, который его произвел; заметим, без отношения к другим товарам, или к существованию других товаров“ (Observations etc., стр. 13):

„Господин Рикардо, действительно, говорит нам, что, исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, относится к влияниям изменений в относительной ценности товаров, а не в их абсолютной ценности; он, очевидно, полагал, что имеется будто бы нечто такое, как меновая ценность, которая не является относительной“ (I. c., стр. 9, 10).

„Что господин Рикардо уклонился от своего первоначального употребления слова ценность и превратил это в нечто абсолютное, вместо относительного, еще яснее выступает в его главе, названной „Ценность и богатство, их отличительные свойства“. Обсуждаемый там вопрос обсуждался также другими и представляет лишь простое бесцельное словопрение“ (ук. соч., стр. 15—16):

Прежде, чем говорить об этом человеке, скажем еще следующее о Рикардо. В своей главе „Ценность и Богатство“ он развивает, что общественное богатство не зависит от ценности произведенных товаров, хотя последнее обстоятельство имеет решающее значение для каждого индивидуального производителя. Тем более он должен был бы понять, что способ производства, который имеет в виду лишь прибавочную ценность, то-есть покоится на относительной бедности массы производителей, не может быть абсолютной формой производства богатства, как он его всегда изображает. Теперь обратимся к „Observations“ нашего умницы относительно словопрения.

Когда все товары, за исключением одного, увеличиваются в ценности, потому что они стоят больше рабочего времени, чем раньше, то один товар, рабочее время которого не претерпело изменения, обменивается на меньшее количество всех других товаров. Его меновая ценность уменьшилась, поскольку она реализуется в других товарах, то-есть его меновая ценность, выраженная в потребительных

ценностях всех других товаров. „Можно ли все же сказать, что его меновая ценность осталась неизменной?“. Это только постановка вопроса, о котором идет речь; здесь нет ни утвердительного, ни отрицательного ответа. Тот же результат получился бы, если бы требуемое для производства этого одного товара рабочее время уменьшилось, а рабочее время всех других товаров осталось бы неизменным. Определенное количество этого одного товара обменивалось бы на меньшее количество всех других товаров. Оба раза мы здесь имеем одно и то же явление, хотя они объясняются прямо противоположными причинами. Если бы, наоборот, требуемое для производства одного товара *A* рабочее время оставалось неизменным, меж тем как рабочее время всех других товаров сократилось бы, то он обменивался бы на большее количество всех других товаров. То же самое имело бы место по противоположной причине, если бы требуемое для производства *A* рабочее время увеличилось, и рабочее время всех других товаров осталось бы неизменным. Товар *A*, следовательно, обменивается один раз на меньшее количество всех товаров, и по двум противоположным причинам. Он обменивается другой раз на большее количество других товаров, и также по двум противоположным причинам. Но, заметим, каждый раз он обменивается, согласно предположению, по своей ценности, поэтому на эквивалент. Он реализует каждый раз свою ценность в том количестве других потребительных ценностей, на которые он обменивается, как бы ни изменялось количество этих потребительных ценностей. Отсюда ясно вытекает: что количественное отношение, в каком обмениваются друг на друга товары, есть выражение их ценности, их реализованная ценность, но не сама их ценность, так как то же отношение ценности выражается в совершенно различных количествах потребительных ценностей. Их бытие, как ценность, не выражено в их собственной потребительной ценности—их бытии, как потребительной ценности. Она проявляется в их выражении в других потребительных ценностях, то-есть в отношении, в каком эти другие потребительные ценности обмениваются на них. Когда 1 унция золота равняется 1 тонне железа, следовательно, небольшое количество золота обменивается на большое количество железа, то разве оттого ценность унции золота, выраженная в железе, больше ценности железа, выраженной в золоте? Что товары обмениваются соответственно заключенному в них труду, означает, что они равны, что они являются одним и тем же, поскольку они представляют одно и то же количество труда. Это, следовательно, означает также, что каждый товар, рассматриваемый сам по себе, есть нечто отличное от его собственной потребительной ценности, его собственного бытия, как потребительной ценности.

Ценность одного и того же товара, не изменяясь, может быть представлена в очень различных количествах потребительных ценностей, смотря по тому, выражаю ли я ее в потребительной ценности

того или другого товара. Это не изменяет ценности, хотя оно изменяет ее выражение. Точно также все различные количества различных потребительных ценностей, в которых можно представить ценность товара А, являются эквивалентами и относятся друг к другу не только, как ценности, но как равновеликие ценности; так что когда эти различные потребительные ценности заменяют друг друга, ценность остается такой же неизменной, как если бы они не были представлены в совершенно различных потребительных ценностях.

Когда товары обмениваются в таком отношении, что они представляют одинаковое количество рабочего времени, то их бытие, как овеществленного рабочего времени, их бытие, как воплощенного рабочего времени, есть их единство, их тождественный элемент.

Как таковые, они являются качественно одним и тем же и различаются еще лишь количественно, смотря по тому, представляют ли они больше или меньше одного и того же рабочего времени. Ценностями они являются, как выражение этого тождественного, и равновеликими ценностями, эквивалентами, поскольку они представляют одинаковое количество рабочего времени. Чтобы можно было сравнивать их, как величины, они должны раньше быть однородными, соразмерными величинами, качественно тождественными.

Выражением этого единства служит то, что эти различные вещи суть ценности и относятся друг к другу, как ценности; и этим самым уже дана разница в величине их ценности, их имманентное мерило ценности. И только поэтому ценность товара может быть представлена, выражена в потребительных ценностях других товаров, как его эквивалентах. Таким образом, и отдельный товар, как ценность, как бытие этого единства, отлично от самого себя, как потребительной ценности, как вещи—совершенно независимо от выражения его ценности в других товарах. Как бытие рабочего времени, он есть ценность вообще; как бытие количественно определенного рабочего времени, он является определенной величиной ценности.

Таким образом, характерно для нашего умницы, когда он говорит: „Когда мы это понимаем под этим, то мы не понимаем этого под этим“, и наоборот. Наше „понимание“ нисколько не касается существенных признаков вещи, о которой идет речь. Когда мы говорим о меновой ценности вещи, то мы, конечно, прежде всего понимаем под этим относительные количества всякого другого товара, которые могут быть обменены на первый товар. Но при ближайшем рассмотрении мы найдем следующее. Если отношение, в котором вещь обменивается с бесчисленным множеством других вещей, не имеющих совершенно ничего общего с ним,—и даже когда между ними имеется природное или другое сходство, то это при обмене не принимается во внимание,—если это отношение определенное, то все различные, разнородные вещи должны рассматриваться, как соответственные воплощения, выра-

жения того же общего единства, элемента, который совершенно отличен от их натурального существования или явления. Мы тогда найдем далее, что, если наш взгляд имеет смысл, ценность товара есть нечто, чем он не только отличается от других товаров или связан с ними, но что она представляет свойство, которым она отличается от своего собственного существования, как вещи, как потребительной ценности.

„Повышение ценности предмета *A* означает только ценность, измеряемую в предметах *B, C* и т. д.; то есть меновую ценность для предметов *B, C* и т. д.“ (ук. соч. стр. 16).

Чтобы измерять ценность *A*, например, книги, в *B*, в угле, и в *C*, в вине, *A, B, C*, как ценности, должны отличаться от своего существования, как книги, угля или вина. Чтобы ценность *A* измерять в *B*, *A* должен иметь ценность, независимо от измерения этой ценности в *B*, и оба должны равняться третьей вещи, которая выражается в них обоих.

Совершенно ошибочно утверждение, что этим ценность товара превращается из чего-то относительного в нечто абсолютное. Наоборот. Как потребительная ценность, товар есть нечто самостоятельное, как ценность, наоборот, он представляет нечто относительное, определяемое его отношением к общественно-необходимому, одинаковому простому рабочему времени. Это до того относительно, что, когда изменяется требуемое для его воспроизводства рабочее время, изменяется и его ценность, хотя действительно заключенное в нем рабочее время осталось неизменным.

В какой глубокий фетишизм впадает наш мудрец, и как он превращает относительное в нечто положительное, лучше всего показывает следующее предложение:

„Ценность есть свойство вещей, богатство—человека. Ценность в этом смысле необходимо включает в себе обмен, богатство—нет“ (ук. соч., стр. 16).

Здесь богатство это потребительные ценности. Они во всяком случае служат для человека богатством; но свойства самого богатства обуславливают то, что вещь является потребительной ценностью и поэтому элементом богатства для человека. Если у виноградной кисти отнять те свойства, которые делают ее виноградной кистью, то исчезает потребительная ценность, которую она имеет, как виноградная кисть, для человека. Богатство, как тождественное с потребительными ценностями, означает свойство вещей, которые употребляет человек, и которые выражают отношение к его потребностям. У нашего молодца, наоборот, „ценность“ должна представлять „свойство вещей“! Как ценности, товары являются общественными величинами, следовательно, чем-то абсолютно отличным от их „свойств“, как „вещей“ Они представляют, как ценности, только отношения людей в их про-

изводительной деятельности. Ценность „включает“ в действительности „обмен“; но обмен есть обмен вещей между людьми, обмен, который абсолютно не касается вещей, как таковых. Вещь сохраняет те же свойства, как в руках *A*, так и в руках *B*. В действительности понятие „ценности“ предполагает „обмен“ продуктов. При общественном труде отношения людей в их общественном производстве не представляются, как „ценность“ „вещей“. Обмен продуктов, как товаров, есть определенный способ обмена труда, определенная форма зависимости труда одного от труда другого, определенный вид общественного труда или общественного производства. В первой части моего произведения я указал, как это характеризует покоящийся на частном обмене труд, что общественный характер труда „представляется“—превращается в „свойство“ вещей¹⁾; что общественное отношение выступает, как отношение вещей между собой (продуктов, потребительных ценностей, товаров). Эту видимость наш фетишист принимает, как нечто действительное, и действительно верит, что меновая ценность вещей определяется их свойствами, как вещей, вообще является их природным свойством. До сих пор еще ни один естествоиспытатель не открыл, какие природные свойства делают нюхательный табак и картины в определенной пропорции „эквивалентами, друг для друга. Он, многоумный, превращает, следовательно, ценность в нечто абсолютное, „свойство вещей“; вместо того, чтобы видеть в ней лишь нечто относительное, отношение вещей к общественному труду, к покоящемуся на частном обмене общественному труду, где вещи определяются не как нечто самостоятельное, а только как выражения общественного производства.

Но то, что „ценность“ не есть нечто абсолютное, что она не рассматривается, как сущность (entity), совершенно отлично от того, что товары должны давать своей меновой ценности самостоятельное выражение, отличное от их существования, как реального продукта, и существующее независимо от него; то есть что обращение товаров должно перейти к созданию денег. Они дают своей меновой ценности это выражение в деньгах, сначала в цене, где все они представлены, как выражения одного и того же труда, только количественно различные выражения одной и той же сущности. То, что меновая ценность товара в деньгах получает самостоятельное существование, является продуктом процесса обмена, результатом развития содержащихся в товаре противоречий меновой и потребительной ценности и не менее содержащегося в нем противоречия, что определенный, особый труд отдельного индивидуума должен быть представлен, как его противоположность, одинаковый, необходимый, общий и в этом виде общественный труд. В превращении товара в деньги содержится не

¹⁾ К критике политической экономии, стр. 10, 11. Рус. пер. под ред. Мануилова. М. 1896 г., стр. 9.

только то, что различные величины ценности товаров измеряются выражением их ценности в потребительной ценности исключительного товара, но также и в том, что все они представлены в таком виде, в котором они существуют, как овеществление, воплощение общественного труда; и потому они могут обмениваться на всякий другой товар, могут быть переведены на любую потребительную ценность. Поэтому в деньгах—в цене—они сначала представлены лишь идеально; реализуется это лишь в действительной продаже. Ошибка Рикардо заключается в том, что он исследует только величину ценности; поэтому он интересуется только относительным количеством труда, которое представляют различные товары; которое они содержат в себе, как ценности, в воплощенном виде. Но заключенный в них труд должен быть представлен как общественный труд, как отчужденный индивидуальный труд. В цене это представлено идеально. Реализуется это лишь в продаже. Это превращение всех видов заключенного в товаре труда отдельных индивидуумов в одинаковый общественный труд, который поэтому может быть представлен во всех потребительных ценностях, может быть обменян на любую из них; эта качественная сторона дела, которая содержится в выражении меновой ценности в деньгах, у Рикардо не развита. Это обстоятельство—необходимость представить заключенный в них труд одинаковым общественным трудом, то-есть в деньгах—Рикардо упускает из виду. Развитие капитала в свою очередь предполагает уже полное развитие меновой ценности товара, получившей в деньгах самостоятельное существование. В процессе производства и обращения капитала исходят из ценности, как самостоятельной формы; она сохраняется, увеличивается, свое возрастание измеряет по своей первоначальной величине во всех превращениях, претерпеваемых товарами, в которых она представлена, и независимо от того, представлена ли она в самых различных потребительных ценностях, меняет товары, которые служат ее телесной оболочкой. Отношение между ценностью, существующей до производства, и ценностью, полученной в результате производства—как существующая до производства ценность, капитал есть капитал в противоположность прибыли—является самым главным и определяющим во всем процессе капиталистического производства. Это не только самостоятельное выражение ценности, как в деньгах, а ценность в процессе движения; ценность, которая сохраняется в процессе, где потребительные ценности имеют самые различные формы. В капитале, следовательно, ценность получает гораздо более самостоятельное существование, чем в деньгах.

Поэтому мы можем судить о мудрости нашего многомудрого критика „словопрений“, который рассматривает то, что меновая ценность получила самостоятельное существование, как способ выражения, *manner of Talking*, как схоластическое изобретение.

„Ценность или *valueur* по-французски употребляется не только в абсолютном смысле, вместо относительного, как свойство вещей, но некоторыми обозначается даже, как... измеряемая вещь. „Обладать ценностью“, „Переносить часть ценности“ (столь важный момент для основного капитала. М.), „сумма или совокупность ценностей“ и т. д. — не знаю, что все это должно означать“ (ук. соч., стр. 57).

Что ценность, получившая самостоятельное существование, в деньгах снова получает лишь относительное выражение, так как деньги тоже являются товаром, следовательно, их ценность меняется,—это нисколько не меняет дела; это несовершенство, которое вытекает из природы товара и необходимого выражения ее меновой ценности, в отличие от ее потребительной ценности. Что этот человек „не знает, что это должно означать“, он вполне доказал. Это показывает нам характер критики, которая хочет путем болтовни отделаться от трудностей, заключающихся в противоречащих определениях самих вещей, как от продуктов оефлексии, или противоречий между дефинициями.

„Относительная ценность двух вещей“ может иметь двоякое значение: отношение, в котором две вещи обмениваются или будут обмениваться друг на друга, или относительные количества третьей вещи, на которую каждая из них обменивается или будет обмениваться“ (ук. соч., стр. 53).

Прежде всего, это было бы великолепное определение. Если 3 фунта кофе сегодня обмениваются или завтра будут обмениваться на 1 фунт чаю, то отнюдь не сказано, что обменивались друг на друга эквиваленты. Тогда товар мог бы всегда обмениваться только по своей ценности, так как его ценностью было бы любое количество другого товара, на который он случайно обменивается. Однако, этого обычно не думают, когда говорят, что 3 фунта кофе обмениваются на равноценное количество чаю. В этом случае предполагают, что после обмена, как и до него, в руках каждого из обменивающихся находится товар одинаковой ценности. Отношение, в котором обмениваются два товара, не определяет их ценности, а их ценность определяет отношение, в каком они обмениваются. Если ценность есть не что иное, как количество товара, на которое случайно обменивается товар А, то как же тогда ценность А может выразиться в товаре В, С? Так как нет имманентного мерил для обоих, то ценность А не может быть выражена в В, пока он не обменен на В.

Относительная ценность означает, во-первых, величину ценности, в отличие от качества быть вообще ценностью. Поэтому последняя не представляет собой также ничего абсолютного. Она означает, во-вторых: ценность товара, выраженную в потребительной ценности другого товара. Это только относительное выражение его ценности, именно в отношении к товару, в котором она представлена. Ценность фунта кофе выражается в чае только относительно; чтобы выразить ценность в абсолютном смысле—даже в относительной форме, то-есть в отношении не к рабочему времени, а к другим товарам,—ее нужно было бы выразить в бесконечном ряде сравне-

ний со всеми другими товарами. Это было бы абсолютное выражение [в относительной форме] его относительной ценности ¹⁾; ее абсолютным выражением было бы ее выражение в рабочем времени; и этим абсолютным выражением она была бы представлена, как нечто относительное, но в абсолютном отношении, в котором она является ценностью.

Перейдем теперь к Бэли.

Положительную заслугу его произведение имеет только одну—он впервые правильнее определяет мерил о ценностей, следовательно, в действительности одну из функций денег, или деньги в особом определенном значении. Чтобы измерять ценности товаров—для внешнего мерил а ценностей,—нет необходимости, чтобы ценность товара, которой измеряются другие товары, оставалась неизменной. Она, наоборот, как я доказал в первой части, должна изменяться, так как само мерил о ценности есть товар и должно быть товаром; иначе оно не имело бы общего ин м а н е н т н о г о мерил а с другими товарами. Если, например, ценность денег изменяется, то она равномерно изменяется по отношению ко всем другим товарам. Их относительные ценности таким образом выражаются в деньгах так же правильно, как если бы они оставались неизменными. Таким образом отпадает проблема найти „неизменное мерил о ценностей“.

Сравнение ценностей товаров в различные исторические периоды в действительности представляет не э к о н о м и ч е с к и й интерес сам по себе, а научный.

Но сама эта проблема возникла благодаря недоразумению и заключала в себе более важный и более глубокий вопрос. „Неизменное мерил о ценностей“ с самого начала означало мерил о ценностей, которое само имеет неизменную ценность; следовательно, так как сама ценность есть определение товара, товар с неизменной ценностью. Если бы, например, золото и серебро, или хлеб были такими товарами, или также труд, то путем сравнения с ними, отношением, в каком другие товары обмениваются на них, можно было бы точно измерять изменения в ценности этих других товаров; их ценой в золоте, серебре, хлебе, или их отношением к заработной плате. В проблеме, таким образом поставленной, следовательно, с самого начала подразумевается, что в „мерил е ценностей“ речь идет только о товаре, в котором все другие товары выражают свою ценность; будь то товар, в котором они его действительно выражают—деньги, товар, функционирующий как деньги,—или товар, который, благодаря своей неизменной ценности, был бы деньгами, с помощью которых вычисляет теоретик. Ясно, что здесь во всяком случае речь идет только о деньгах, которые как мерил о цен-

¹⁾ В оригинале сказано: This would be an absolute expression of its relative value. К.

ностей — теоретически или практически — сами не меняют своей ценности.

Однако, для того, чтобы меновая ценность товара получила самостоятельное выражение в деньгах, в третьем товаре, в исключительном товаре — уже предполагаются ценности товаров. Речь идет еще лишь о том, чтобы сравнить их количественно. Единство, которое их делает одним и тем же — ценностями, — которое делает их, как ценности, качественно одинаковыми — уже предполагается, для того, чтобы их ценности и различия ценностей были представлены таким образом. Если, например, все товары выражают свои ценности в золоте, то получаем их выражение в золоте, их цену в золоте, их уравнивание с золотом, уравнивание, которое выясняет, которое дает возможность вычислить взаимное отношение их ценностей; ибо они выражены здесь, как различные количества золота; и таким образом товары в своих ценах представлены, как однородные и сравнимые величины.

Но чтобы выразить их таким образом, они уже должны быть тождественны, как ценности. Проблема выразить ценность каждого товара в деньгах была бы неразрешима, если бы товар и золото или любые два товара не могли бы быть выражены друг в друге, как ценности, выражения одного и того же единства. Или в самой проблеме уже заключается эта предпосылка. Уже предполагаются товары, как ценности, как отличные от их потребительных ценностей ценности, прежде чем можно говорить о выражении этой ценности в особом товаре. Чтобы два количества различных потребительных ценностей считались равными, как эквиваленты, уже предполагается, что в третьем они одинаковы, качественно одинаковы и представляют только различные количественные выражения этого качественно одинакового.

Проблема „неизменного масштаба ценности“ в действительности была, следовательно, только неправильным выражением для отыскания понятия природы самой ценности, само определение которой не могло бы также представлять ценности, следовательно, не могло бы также подвергаться изменениям, как ценность. Это было рабочее время — общественный труд, как он специфически представлен в товарном производстве. Количество труда не имеет ценности, не есть товар; это то, что превращает товары в ценности, их единство; как выражение этого единства, они качественно одинаковы и лишь количественно различны. Они являются выражением определенных количеств общественного рабочего времени.

Предположим, золото имеет неизменную ценность. Если бы тогда ценности всех товаров выражались в деньгах, то я мог бы изменения ценности товаров измерять по их ценам в золоте. Но чтобы выражать ценности товаров в золоте, товар и золото, как ценности, должны быть тождественны. Лишь как определенные количественные выражения

этой ценности, как определенные величины ценности, золото и товар могут считаться тождественными. Неизменная ценность золота и меняющаяся ценность остальных товаров не мешала бы тому, что, как ценность, они представляют одно и то же, одну и ту же сущность. Сначала ценность товаров должна была бы быть выражена, определена в золоте—следовательно, золото и товары должны были бы быть представлены, как выражения одного и того же единства, как эквиваленты,—прежде чем постоянная ценность золота нас двинула бы на шаг вперед.

Для того, чтобы товары измерялись заключенным в них количеством труда—а мерилom для количества труда служит время,—все виды разнородного труда, заключенного в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, среднему труду, обычному, простому (unskilled) труду. Лишь тогда количество содержащегося в них труда может измеряться временем, одинаковым мерилom. Он должен быть качественно одинаковым, чтобы его различия были только количественными, представляли бы только разницу в величине. Однако, это превращение в простой средний труд не является единственным определением качества этого труда, в чем выражаются ценности товаров, как единство. Что количество заключенного в товаре труда есть общественно необходимое для его производства количество—рабочее время, есть, следовательно, необходимое рабочее время—это определение, которое касается только величины ценности. Но труд, который создает единство ценностей, не есть только одинаковый, простой, средний труд. Труд есть труд отдельного индивидуума, представленный в определенном продукте. Как ценность, однако, продукт должен быть воплощением общественного труда, и, как таковой, он может непосредственно превращаться из одной потребительной ценности в любую другую. (Определенная потребительная ценность, в которой непосредственно выражается [ценность], не должна играть роли, так что [она] может переходить из одной формы потребительной ценности в другую). Частный труд должен, следовательно, быть представлен непосредственно, как его противоположность, общественный труд; определенным образом примененный труд, как его непосредственная противоположность, абстрактно всеобщий труд, который поэтому выражается также в общем эквиваленте. Лишь благодаря его отчуждению индивидуальный труд действительно представлен, как его противоположность. Но товар должен иметь это общее выражение, прежде чем он отчужден. Эта необходимость выражения индивидуального труда, как всеобщего труда, есть необходимость выражения товара, в виде денег. Поскольку эти деньги служат мерилom и выражением ценности товара в цене, товар получает это выражение. Лишь посредством действительного превращения в деньги, посредством продажи, он получает это свое адекватное выражение, как меновая ценность. Первое пре-

вращение представляет лишь теоретический, второе действительный процесс.

Таким образом, в бытии товара, как денег, нужно подчеркнуть не только то, что в деньгах товары дают себе определенное мерило величины своих ценностей—так как все они выражают свою ценность в потребительной ценности одного и того же товара,—но что все они представлены, как бытие общественного, абстрактно всеобщего труда; форма, в которой все имеют одно и то же выражение; все являются непосредственным воплощением общественного труда; и как таковые все они выступают, как бытие общественного труда, непосредственно — в отношении величины их ценностей — могут обмениваться на все другие товары; меж тем как в руках того, чей товар превращен в деньги, они представляют не бытие меновой ценности в особой потребительной ценности, а бытие потребительной ценности (как, например, золота), как простого носителя меновой ценности. Товар может быть продан ниже или выше своей ценности. Это относится только к величине его ценности. Но каждый раз, когда он продан, превращен в деньги, его меновая ценность получает самостоятельное, отличное от его потребительной ценности выражение. Он еще существует лишь, как определенное количество общественного рабочего времени; и таким он остается, так как он может быть обменен непосредственно на любой товар; может быть превращен в любую потребительную ценность (соответственно своему количеству). Этот пункт в деньгах также нельзя упускать из виду, как и формальное превращение, которое претерпевает заключенный в товаре труд, как элемент его ценности. Но в деньгах—в этой абсолютной способности обмениваться, которой обладает товар, как деньги, его абсолютной способности служить меновой ценностью—что несколько не касается величины ценности, и представляет не количественное, а качественное определение—видно, что в цене товара сама его меновая ценность получает самостоятельное существование, и в [свободном] виде она реально представлена на ряду с его потребительной ценностью; как она уже существует идеально в его цене. Это доказывает, следовательно, что „Verbal Observer, так же как и Бэли, ничего не понимают в ценности и сущности денег, когда то, что ценность получает самостоятельное существование, они рассматривают, как схоластическое изобретение экономистов. Еще более самостоятельное существование ценность получает в капитале, который может быть назван ценностью в процессе движения — следовательно, так как ценность самостоятельно существует лишь в деньгах, деньгами в процессе движения, которые проходят ряд процессов, где они сохраняются, от себя исходят и в увеличенном количестве к себе возвращаются. Что парадокс действительности выражается также в словесных парадоксах, которые противоречат здравому человеческому смыслу, тому,

во что вульгарное мышление верит, и что оно думает,—это само собой разумеется. Вытекающие отсюда противоречия, что на основе товарного производства частный труд выражается, как всеобщий общественный труд, что отношения людей выражаются, как отношения вещей и как вещи—эти противоречия лежат в самом предмете, а не в схоластическом выражении предмета.

Часто кажется, что Рикардо будто бы думает, и, действительно, он иногда так говорит, что количество труда должно будто бы служить решением ошибочной или ошибочно понятой проблемы „неизменного мерила ценностей“, подобно тому как хлеб, деньги, заработная плата и т. д. раньше рассматривались и выставлялись в таком значении.

Эта ложная видимость получается у Рикардо оттого, что для него определение величины ценности является главной задачей. Поэтому он не понял специфической формы, в которой труд есть элемент ценности; именно не понял, что отдельный труд должен быть представлен, как абстрактно-всеобщий, и в этом виде, как общественный труд. Связи возникновения денег с сущностью ценности и с определением этой ценности рабочим временем он поэтому не понял. Заслуга произведения Бэли состоит в том, что своими возражениями он указывает на смешение „мерила ценности“, как оно представлено в деньгах, как товаре, наряду с другими товарами, с имманентным мерилом и сущностью ценности. Но если бы он проанализировал самые деньги, как „мерило ценности“, не только как количественное мерило, а как качественное превращение товаров, то он сам пришел бы к правильному анализу ценности. Вместо этого он останавливается лишь на поверхностном рассмотрении внешнего „мерила ценности“, которое уже предполагает ценность, и приходит к чистой бессмыслице.

Однако у Рикардо имеются все же отдельные места, где он прямо подчеркивает, что количество заключенного в товаре труда лишь потому служит имманентным мерилом величины их ценности, различий в величине их ценностей, что труд есть то, в чем различные товары являются одинаковыми, их единство, их сущность, внутренняя основа их ценности. Чего он не исследовал, это лишь то, в какой определенной форме здесь выступает труд.

„Если мы основой ценности товаров считаем труд и относительное количество труда, требуемое для их производства, рассматриваем, как мерило, определяющее количество благ, которые должны быть даны в обмен на другие блага, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены от этой их первичной или естественной цены“ (3 изд. 1821 стр. 80; рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 49).

„Я разделяю мнение выдающегося писателя, господина Десют де Траси, который говорит: „Измерять, т. е. определять длину, вес, ценность, значит узнать, сколько они (измеряемые вещи) содержат метров, граммов, франков, одним словом, однородных единиц“. Франк не служит мерилом ценности для чего-либо другого, кроме количества металла, из которого франки делаются, если франки и измеряемая вещь не могут быть сведены к мерилу, которое является для них общим. Это, по моему, возможно, так как оба они являются результатами труда, и потому труд (так как труд есть их *causa efficiens*. М.)

служит общим мерилom, которым может измеряться как их реальная, так и их относительная ценность" (л. с., стр. 333, 334; рус. пер. под ред. Н. Рязанова, стр. 189).

Все товары могут быть выражены в труде, как их единстве. Чего Рикардо не исследует, это особая форма, в которой представлен труд, как единство товаров. Поэтому он не понимает денег. Поэтому у него превращение товаров в деньги является чем-то формальным только, не проникающим далеко вглубь капиталистического производства. Но это он нам говорит только потому, что труд есть единство товаров, только потому, что все они служат простым выражением одного и того же единства, труда, труд служит их мерилom. Он служит их мерилom только потому, что он является сущностью их, как ценностей. Не установлено надлежащим образом различие между трудом, поскольку он выражается в потребительных ценностях, и поскольку он представлен в меновой ценности. Труд, как основа ценности, это не особый труд, не труд особого качества. Рикардо смешивает труд, поскольку он выражается в потребительной ценности, и поскольку он представлен в меновой ценности. Во всяком случае последний вид труда есть лишь первый труд в абстрактном виде.

Под реальной ценностью Рикардо понимает в вышеприведенном месте товар, как выражение определенного рабочего времени. Под относительной ценностью выражение заключенного в нем рабочего времени в потребительных ценностях других товаров.

Перейдем к Бэли.

Бэли берет форму, в которой выражается, проявляется меновая ценность товара, как товара. Вообще она представлена, когда она выражена в потребительной ценности другого товара, в котором все другие товары также выражают свою ценность—который служит деньгами, следовательно, в денежной цене товара. В особенности она представлена, когда я выражаю меновую ценность товара в потребительной ценности какого-либо другого товара, следовательно, как цену в хлебе, цену в полотне и т. д. На самом деле меновая ценность товара существует, выражается для других товаров, всегда лишь в количественном отношении, в каком они обмениваются. Всеобщего рабочего времени не может представлять единственный товар, как таковой, или он может представлять [ценность] в сравнении его с товаром, который служит деньгами, в его денежной цене. Но тогда ценность товара A всегда представлена в определенном количестве потребительной ценности D , товара, который функционирует, как деньги. Это непосредственное явление. И эту форму берет Бэли. Поверхностная форма, в которой меновая ценность проявляется, как количественное отношение, в каком обмениваются товары, есть по Бэли их ценность. От поверхности эти далее вглубь не разрешается. Он забывает даже простое рассуждение, что

когда у фунтов полотна — x фунтам соломы, это равенство между неодинаковыми вещами, полотном и соломой, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие, как чего-то одинакового, должно же отличаться от их бытия, как соломы и полотна. Не как солома и полотно они равны друг другу, а как эквиваленты. Одна часть равенства должна поэтому выражать ту же ценность, что и другая часть. Ценность соломы и полотна не должна быть, следовательно, ни соломой, ни полотном, а чем-то для обоих общим и отличным от обоих, как полотна и соломы. Что это такое? На это он не отвечает. Вместо этого он проходит через все категории экономии, чтобы постоянно повторять монотонную литанию, что ценность есть меновое отношение товаров, и потому она не является чем-то отличным от этого отношения.

„Если ценность предмета есть его покупательная сила, тогда должно быть что нибудь для покупки. Ценность не означает, следовательно, ничего положительного или внутренне свойственного (intrinsic) товару, а только отношение, в каком находятся два предмета, как обмениваемые товары (Critical Dissertation, стр. 4, 5).

В этой фразе действительно содержится вся мудрость: „Если ценность есть не что иное, как покупательная сила, она означает“ и т. д. Но очистим же фразу Бэли сначала от ее нелепой контрабанщины. „Купля“ означает превращение денег в товар. Деньги уже предполагают ценность или развитие ценности. Итак, сначала прочь с выражением „покупать“. Иначе мы объясняем ценность ценностью. Вместо „покупать“ мы должны сказать „обменивать на другие предметы“. Что „должно быть нечто для покупки“, является лишним замечанием. Если бы „предмет“, как потребительная ценность, был потреблен своими производителями¹⁾, если бы он не был лишь средством приобретения других предметов, не был бы „товаром“, то естественно о ценности не было бы речи.

Сначала идет речь о предмете. Но потом „отношение, в каком стоят друг к другу два предмета“, превращается в „отношение, в каком стоят друг к другу два предмета, как обмениваемые товары“. Предметы стоят друг к другу лишь в отношении обмена или как обмениваемые предметы. Благодаря этому они являются „товарами“, что означает нечто другое, чем „предметы“. Но „отношение обмениваемых товаров“ или представляет бессмыслицу, так как не обмениваемые предметы не являются товарами, или господин Бэли сам себя разбивает. Предметы не обмениваются в любом отношении, а они обмениваются, как товары; то-есть они относятся друг к другу, как обмениваемые товары; или как предметы, из коих каждый имеет ценность, и которые обмениваются друг на друга соответственно своей эквивалентности. Таким образом, Бэли признал бы, что отношение, в каком они обмениваются, следовательно, способность каждого из товаров поку-

¹⁾ В оригинале стоит потреби́тели. К.

пать другие товары, его покупательная сила определяется его ценностью; но не эта ценность определяется этой силой, которая слугит только следствием.

Если мы, следовательно, вычеркнем из фразы все ошибочное, контрабандное, или бессмысленное, то она гласит следующим образом:

Но стой. Мы должны еще устранить другую засаду и бессмыслицу. Мы имеем два выражения. „Способность обмениваться“ (ибо „покупка“ лишена всякого основания и смысла без понятия денег) и „отношение, в каком один предмет обменивается на другие“. Если сила должна означать не „отношение“, а что-либо другое, то нельзя было бы сказать, что „покупательная сила“ „есть только отношение“ и т. д. Если это должно означать то же самое, то обозначение одного и того же двумя различными выражениями, не имеющими между собой ничего общего, затемняет дело. Отношение одной вещи к другой есть отношение обеих вещей, и нельзя сказать, что оно касается одной вещи. Сила вещи есть, наоборот, нечто внутренне-свойственное вещи, если даже это внутреннее свойство и выражается лишь в его отношении к другим вещам. Так, например, сила притяжения есть сила самой вещи, хотя эта сила остается скрытой, пока нет вещи, которая может быть притянута. Здесь сделана попытка представить ценность предмета, как нечто ему свойственное и все же существующее лишь как „отношение“. Поэтому сначала слово сила, а потом слово отношение. Точное выражение было бы, следовательно, таково:

„Если ценность предмета есть отношение, в каком он обменивается на другие товары, то ценность, следовательно (то-есть, как следствие „если“), означает не что иное, как простое отношение, в каком находятся друг к другу два предмета, как обмениваемые предметы“.

Этой тавтологии никто не станет отрицать. Но отсюда следует, что ценность предмета вообще ничего не означает. Возьмем, например, выражение 1 фунт кофе = 1 ф. хлопчатой бумаги. Что же такое ценность 4 фунтов кофе? 4 фунта хлопчатой бумаги. А ценность 4 фунтов хлопчатой бумаги? 1 фунт кофе. Но так как ценность 1 фунта кофе это 4 фунта хлопчатой бумаги; с другой стороны, ценность 4 фунтов хлопчатой бумаги = 1 фунту кофе; то ясно, что ценность 1 фунта кофе = 1 фунту кофе, так как 4 фунта хлопчатой бумаги = 1 фунту кофе; $a=b$, $b=a$, поэтому $a=a$. Из этого объяснения, следовательно, вытекает, что ценность потребительной ценности равняется [тому же] количеству той же потребительной ценности. Следовательно, ценность 1 фунта кофе есть не что иное, как 1 фунт кофе. Если 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопчатой бумаги, то ясно, что 1 фунт кофе > 3 фунтов хлопчатой бумаги, и 1 фунт кофе < 5 фунтов хлопчатой бумаги. Что 1 фунт кофе > 3 фунтов хлопчатой бумаги и < 5 фунтов хлопчатой бумаги, то же выражает отношение между кофе и хлопчатой бумагой, совершенно так же, как 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопчатой бумаги.

Знак = выражает отношение не больше, чем знак < или знак >; он выражает только другое отношение. Почему же именно отношение со знаком равенства, со знаком =, выражает ценность кофе в хлопчатой бумаге и ценность хлопчатой бумаги в кофе? Или этот знак равенства получается оттого, что вообще эти количества обмениваются друг на друга? Выражает ли знак = только факт обмена? Нельзя отрицать того, что когда кофе обменивается в каком-нибудь отношении на хлопчатую бумагу, они обмениваются друг на друга; и если простой факт обмена констатирует отношение между товарами, то ценность кофе одинаково выражается в хлопчатой бумаге, независимо от того, выражается ли оно в 2, 3, 4, 5 фунтах хлопчатой бумаги. Но что же должно означать слово „отношение“? Кофе отнюдь не содержит в себе ничего ему „свойственного, положительного“, чем определяется, в каком отношении он обменивается на хлопчатую бумагу. Это не отношение, которое зависит от какого-либо внутреннего свойственного кофе и отличного от действительного обмена определения. К чему, следовательно, слово отношение? Что такое отношение? Количество хлопчатой бумаги, на которое обменивается какое-нибудь количество кофе. Нельзя было бы говорить об отношении, в каком оно обменивается, а только об отношении, в каком оно обменивалось. Ибо если бы определение отношения предшествовало обмену, то обмен определялся бы отношением, а не отношением обменом. Мы должны, следовательно, спуститься к отношению, которое представляет нечто выступающее над кофе и хлопчатой бумагой, нечто раздельное от них.

„Если ценность предмета есть количество другого предмета, который обменивается на него, то ценность, следовательно, ничего не означает, кроме количества другого предмета, который на него обменивается“.

Как товар, товар может выражать свою ценность только в другом товаре, так как для него, как товара, общее рабочее время не существует. Когда ценность товара выражается в другом товаре, то ценность этого товара не существует вне этого сравнения его с другим товаром. На этой мудрости (как он это понимает, это тавтология; ибо он говорит: Если ценность товара есть не что иное, как отношение обмена его на другой товар, она есть не что иное, как это отношение) Бази неутомимо раз'езжает, все более утомляя читателя. Свою философскую глубину он показывает в следующем месте:

„Как мы не можем говорить о расстоянии предмета, не имея при этом в виду также другого предмета, с которым он находится в этом отношении, так мы можем говорить о ценности товара только по отношению к другому товару, с которым он сравнивается. Вещь также не может сама по себе иметь ценность без отношения к другой вещи ¹⁾, как вещь не может быть сама по себе удалена без отношения к другой вещи“ (I. с., стр. 5).

¹⁾ Разве общественный труд, к которому ценность товара находится в определенном отношении, не является другой вещью?

Когда одна вещь удалена от другой, расстояние, несомненно, представляет отношение между одной вещью и другой; но при этом расстояние есть нечто отличное от этого отношения. Это протяжение пространства, определенная длина, которая так же хорошо может определять расстояние между двумя другими вещами, как и между теми обеими вещами, которые сравнивались. Но это не все. Когда мы говорим о расстоянии, как об отношении между двумя вещами, мы предполагаем нечто „свойственное“, „свойство“ самих вещей, что создает для них возможность быть удаленными друг от друга. Что такое расстояние между буквой *A* и столом? Вопрос бессмысленный. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами, мы говорим об их различии в пространстве. Мы предполагаем, что оба они находятся в пространстве, оба представляют точки в пространстве. Мы делаем их одинаковыми между собой, как части пространства, и лишь после того как мы их сделали одинаковыми, *sub specie spatii*, мы их различаем, как различные точки пространства. В их принадлежности к пространству заключается их единство¹⁾.

Но что такое это единство обмененных друг на друга предметов? Этот обмен не есть отношение, которое существует между ними, как естественными вещами. Это не отношение, в каком они находятся, как естественные вещи, к естественным потребностям, так как не степень их полезности определяет количества, в каких они обмениваются. Итак, что такое их тождество, которое создает для них возможность обмениваться друг на друга в определенных количествах? Что они представляют собой, как обмениваемые вещи? В сущности Бэли во всем этом идет по следам автора „*verbal observations*“.

„Она (ценность) не может изменяться для одного из сравниваемых предметов, не изменяясь для другого“ (I. с., стр. 5).

¹⁾ Относительно нелепости Бэли следует еще заметить: Когда он говорит, *A* удален от *B*, он их не уравнивает, не считает их одинаковыми, а различает их в отношении пространства. Они не занимают одного и того же пространства. Но он говорит относительно обоих, что они занимают пространство, и, как относящиеся к пространству, они различаются между собой. Он сначала, следовательно, делает их одинаковыми, устанавливает у них одно и то же единство. Но здесь речь идет об уравнивании. Если я говорю, что поверхность треугольника *A* равна поверхности четырехугольника *B*, то это означает не только то, что поверхность треугольника выражена в четырехугольнике и поверхность четырехугольника в треугольнике. *A* это означает, если высота треугольника $A = H$, и основание $= g$, что $A = \frac{H \times g}{2}$, свойство, которое принадлежит ему самому, совершенно так же, как четырехугольнику *B* свойственно, что он также $= \frac{H \times g}{2}$. Как величина плоскости, треугольник и четырехугольник здесь рассматриваются, как одно и то же, как эквиваленты, хотя, как треугольник и четырехугольник, они различны. Чтобы установить равенство между этими различными объектами, каждый из них, независимо от другого, должен выразить то же единство. Если бы геометрия, подобно экономии господина Бэли, удовлетворилась определением: равенство треугольника и четырехугольника означает, что треугольник выражается в четырехугольнике и четырехугольник в треугольнике,—то она бы далеко пошла.

Это опять означает только: Выражение ценности товара в другом товаре может изменяться лишь как такое выражение. И выражение, как таковое, предполагает не один, а два товара.

Господин Бэли полагает, что если бы мы говорили только о двух товарах—в обмене друг на друга,—мы бы сами нашли простую относительность ценности в его смысле. Осел! Как будто при [двух] товарах, которые обмениваются друг на друга—двух продуктах, которые относятся друг к другу, как товары,—не необходимо было бы также сказать, почему они тождественны, как при тысяче. Впрочем там, где существует лишь два продукта, продукт никогда не развился бы до товара, поэтому также никогда и не было бы меновой ценности товара. Не было бы необходимости выражать труд в продукте I, как общественный труд. Так как продукт произведен не как непосредственный предмет потребления для производителей, а только как носитель ценности, так сказать, как ассигновка на определенное количество всех выражений общественного труда, то все продукты вынуждены, как ценности, принимать форму, отличную от их бытия, как потребительных ценностей. И это развитие заключенного в них труда, как общественного труда, развитие их ценности и обуславливает образование денег, необходимость, чтобы товары были выражены по отношению друг к другу, как деньги—что означает только: как самостоятельные формы существования меновой ценности,—и это возможно только благодаря тому, что один товар выделяется из суммы товаров; все товары измеряют свою ценность в потребительной ценности этого выделенного товара; содержащийся в этом исключительном товаре труд поэтому непосредственно превращается во всеобщий общественный труд. Господин Бэли со своим несуразным мышлением, которое останавливается только на поверхности явлений, делает обратное заключение: Понятие ценности только создается—потому ценность из количественного только отношения, где товары обмениваются друг на друга, превращается в нечто независимое от этого отношения (что, [как] он думает, [превращает] ценность товара в нечто абсолютное, в пребывающую отдельно от товара схоластическую сущность); ибо кроме товаров существуют деньги, и мы таким образом привыкли [рассматривать] ценности товаров не в их отношении друг к другу, а как отношение к третьему, как отличное от непосредственного отношения третье отношение. У Бэли не определение продукта, как ценности, приводит к образованию денег и выражается в деньгах, а существование денег; приводит к фикции понятия ценности. Исторически совершенно правильно, что выяснение ценности сначала исходит из проявляющегося выражения товаров, как ценности, из денег; и потому определением ценности ошибочно представляется, как определение товара с „неизменной ценностью“ или товара, как „неизменного мерил ценностей“. Господин Бэли

доказывает, что деньги, как внешнее мерило ценности—и выражение ценности—выполняют свою задачу, хотя они [имеют] меняющуюся ценность; и полагает, что этим он устранил вопрос о понятии ценности—которой не касается изменимость величины ценности товара и что в действительности ему уже больше не нужно что-либо представлять себе под ценностью. Так как выражение ценности товара—в деньгах—в третьем исключительном товаре—не исключает изменения ценности этого третьего товара; так как проблема „неизменного мерила ценности“ отпадает, то отпадает и проблема определения ценности. Эту пустую болтовню Бэли с большим самодовольством расписывает на сотнях страниц.

Следующее место, где постоянно повторяется одно и то же, отчасти *verbotenus* списано у автора „Verbal“.

„Предположим, имеется лишь два товара, обмениваемые в отношении заключенного в них количества труда. Если, товар *A*... потом требует для своего производства двойного количества труда, в то время как *B* продолжает требовать того же количества, то *A* получил бы вдвое больше ценности, чем *B*. Но хотя *B* было произведено тем же количеством труда, что и раньше, ценность его не оставалась бы прежней, так как он обменивался бы лишь на вдвое меньшее количество *A*, единственного товара, согласно предположению, с которым он сравнивается“ (I. с., стр. 6).

„Эта постоянная мысль о других товарах (вместо того, чтобы рассматривать ценность лишь как отношение между двумя товарами. *M*.) или деньгах, когда мы говорим об отношении между двумя товарами, приводит к тому, что возникает представление о ценности, как о чем-то внутренне свойственном и абсолютном“ (I. с., стр. 8).

„Мое утверждение состоит в том, что если бы все товары производились при совершенно одинаковых условиях, например, одним трудом, какой-нибудь товар, который всегда требовал бы одного и того же количества труда, не оставался бы неизменным в своей ценности, если бы всякий другой товар изменялся в своей ценности“ (I. с., стр. 20, 21).

Это означает, он не оставался бы неизменным в выражении своей ценности в других товарах. Все это представляет тавтологию.

„Ценность не есть нечто внутренне свойственное и абсолютное“ (I. с., стр. 4).

„Невозможно обозначить или выразить ценность товара иначе, как количеством другого товара“ (I. с., стр. 26).

Также невозможно, как невозможно обозначить или выразить ход мыслей иначе, как рядом слогов. Отсюда Бэли заключит, что мысли есть не что иное, как—слоги.

„Вместо того, чтобы рассматривать ценность, как отношение между двумя предметами, они (Рикардо и его ученики. *M*.) видят в ней положительный результат, произведенный определенным количеством труда“ (I. с., стр. 30).

„Так как ценности *A* и *B*, согласно их учению, относятся друг к другу, как количества труда, которым они произведены, или... определяются количествами труда, которым ни, произведены, они, повидному, заключают, что самая ценность *A*, без отношения к чему-либо другому, равна количеству труда которым она произведена. В этом последнем утверждении нет, несомненно, никакого смысла“ (I. с., стр. 31, 32).

Они говорят о ценности, как своего рода всеобщем и индивидуальном свойстве (I. с., стр. 35).

„Ценность товара должна быть его ценностью в чем-либо“ (I. с., стр. 34)

Мы видим, почему для Бэли так важно ограничивать ценность двумя товарами, понимать ее, как отношение двух товаров. Но тут получается трудность:

„Ценность товара, которая выражает его меновое отношение (relation in exchange) к какому-либо другому товару ¹⁾, мы можем обозначить, как его денежную ценность, ценность в хлебе, сукне, в зависимости от того, с каким товаром он сравнивается; и тогда имеем тысячу различных родов ценности, столько родов ценности, сколько существует товаров, и все они в одинаковой мере реальные и номинальные“ (I. c., стр. 39).

Вот оно. Ценность равна цене. Нет никакого различия между ними. И нет никакого „существенного“ (intrinsic) различия между денежной ценой и всяким другим выражением цены; хотя денежная цена, а не цена в сукне и т. д. есть то, что выражает номинальную ценность, общую ценность товара.

Но хотя товар имеет тысячу различных родов ценности или тысячу различных цен, столько родов ценности, сколько имеется товаров, вся эта тысяча выражений всегда представляет одну и ту же ценность. Это лучшее доказательство того, что все эти различные выражения суть эквиваленты, которые могут заменять друг друга не только в выражении, но заменяют друг друга в самом обмене. Одно и то же отношение товара, о цене которого идет речь, выражается в тысяче различных „меновых отношений“ ко всем различным товарам и все же всегда выражает одно и то же отношение. Следовательно, это отношение, которое остается себе равным, должно отличаться от своих тысячи различных выражений; или ценность отличается от цены; и цены суть лишь выражения ценности; денежная цена есть ее общее выражение, всякая другая цена особое выражение. Но не к этому простому заключению приходит Бэли. Не Рикардо здесь является фантазером, а Бэли является фетишистом, когда он рассматривает ценность, если и не как свойство единичной вещи (рассматриваемой изолированно), то все же как отношение вещей между собой; в то время как она есть лишь выражение в вещах, вещественное выражение отношения между людьми, выражение общественного отношения; отношение людей к их совместной производительной деятельности.

β. Ценность труда.

О ценности труда Бэли говорит:

„Господин Рикардо довольно ловко обходит трудность, которая на первый взгляд угрожает его учению, что ценность зависит от количества труда, который был применен в производстве. Если этот принцип проводится строго, то отсюда следует, что ценность труда зависит от количества труда, который употреблен для его производства, что, очевидно, является абсурдом. Господин

¹⁾Что здесь должно означать „меновое отношение“? Почему не их „обмен“? Или в обмене должно быть также выражено определенное отношение, а не простой факт обмена. Поэтому ценность равна меновому отношению.

Рикардо ловко обходит эту трудность: он определяет ценность труда количеством труда, который требуется для производства заработной платы; или, употребляя его собственные слова, он утверждает, что ценность труда должна измеряться количеством труда, который требуется для производства заработной платы; под этим он понимает количество труда, требуемое для производства денег или товаров, которые получает рабочий. С таким же правом можно было бы сказать, что ценность сукна измеряется не количеством труда, которое было затрачено на его производство, а количеством труда, затраченным на производство серебра, на который обменено сукно" (I. е., стр. 50, 51).

Это верно по отношению к ошибке Рикардо, допускавшего непосредственный обмен между капиталом и трудом, вместо рабочей силы. Это то же возражение, которое мы уже слышали раньше в другой форме. Больше ничего. По отношению к рабочей силе [пример] Бэли не годится. Не сукно, а органический продукт, как, например, баранину, он должен сравнивать с живой рабочей силой. Кроме труда, которого стоит уход за скотом, и труда, которого стоит производство его жизненных средств, под необходимым для его производства трудом не понимают труда, который он затрачивает сам на акт потребления, на акт еды, питья, короче, акт усвоения тех продуктов или жизненных средств. Совершенно так же обстоит дело с рабочей силой. Независимо от труда, которого стоит образование рабочей силы, воспитания, обстоятельство, которое едва ли принимается во внимание при простом труде, обучения,—ее воспроизводство не стоит никакого труда, кроме труда, которого стоит воспроизводство потребленных ею жизненных средств. Усвоение этих жизненных средств не есть „труд“, подобно тому, как труд, который содержится в сукне, кроме труда ткача, труда, заключенного в шерсти, красящих веществах и т. д., не состоит еще из химических и физических процессов самой шерсти, благодаря которым она поглощает красящие вещества и т. д., как рабочий или скот жизненные средства.

Бэли пытается опровергнуть закон Рикардо, что ценность труда и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу. И он именно пытается его опровергнуть, поскольку он является правильным. Подобно Рикардо, он отождествляет прибавочную ценность и прибыль. Он не упоминает единственно возможного исключения из закона; именно, когда рабочий день удлиняется, и рабочие и капиталисты равномерно участвуют в продукте удлинения. Однако, в этом случае ценность рабочей силы потребляется быстрее, в более короткий период времени; так что прибавочная ценность растет за счет жизни рабочих; и рабочая сила обесценивается соответственно прибавочной ценности, которую она доставляет капиталисту.

Аргументация Бэли очень поверхностна. Он исходит из своего понятия ценности. Ценность товара есть выражение его ценности в определенном количестве других потребительных ценностей (в потребительной ценности других товаров). Следовательно, ценность труда равна количеству других товаров (потребительных ценностей), на которые он

обменивается. (Действительная проблема, каким образом возможно представить меновую ценность A в потребительной ценности B , ему совсем не приходит в голову). Пока, следовательно, рабочий получает то же количество товаров, ценность труда не изменяется, так как она попрежнему выражается в том же количестве других потребительных ценностей. Прибыль, наоборот, выражает отношение к капиталу или также отношение ко всему продукту. Но часть рабочих может остаться той же, хотя та пропорция капиталистов возрастает, именно когда увеличивается производительность труда. Как мы сразу при капитале приходим к пропорции и какое значение должна иметь для капиталиста эта пропорция, когда ценность того, что он получает, определяется не пропорцией, а его „выражением в других товарах“, — все это непонятно.

Здесь в сущности то же остроумие, что у Мальтуса. Заработная плата равна количеству потребительных ценностей, прибыль, наоборот (но Бэли должен избегать такого утверждения), есть отношение ценности. Если я измеряю заработную плату по потребительной ценности и прибыль по меновой ценности, то очень ясно, что между ними обеими не существует ни обратного, ни какого бы то ни было отношения, так как тогда я сравниваю несоизмеримые вещи; вещи, которые не имеют общего единства.

Но что Бэли говорит здесь о ценности труда, относится также, согласно его принципу, к ценности всякого другого товара. Она есть не что иное, как определенное количество других вещей, которые обмениваются на него. Если я за 1 фунт стерлингов получаю 20 фунтов пряжи, то [согласно этому взгляду] ценность 1 фунта стерлингов остается той же, уплачивается, следовательно, всегда, если даже один раз труд для производства 1 фунта пряжи—вдвое больше, чем другой раз. Самый заурядный купец не полагает, что за свой фунт стерлингов он получит ту же ценность, если он [за него] получает 1 квартал хлеба во время дороговизны и во время изобилия. Но понятие ценности здесь исчезает. И остается лишь необъясненный и необъяснимый факт, что количество A обменивается на количество B в каком-нибудь отношении. И каково бы ни было это отношение, оно всегда выражает эквивалент. Даже выражение Бэли, ценность A , выраженная в B , так теряет всякий смысл. Если ценность A выражается в B , то предполагается, что одна и та же ценность выражается то в A , то в B , так что ценность A , когда она выражена в B , остается такой же, какой она была до того. Но по Бэли нет ценности A , которая должна быть выражена в B , так как ни A , ни B не имеют ценности помимо этого выражения. Ценность A , [выраженная] в B , должна быть чем-то совершенно другим, чем ценность A , [выраженная] в C ; они должны быть столь же различны, как B и C . И мы тогда имеем не одну и ту же ценность, тождественную в обоих выражениях, а два отношения

A, которые не имеют ничего общего между собой; и было бы бессмысленно утверждать, что они являются будто бы эквивалентными выражениями.

„Возрастание или падение ценности труда заключает в себе увеличение или уменьшение количества товара, которое дается в обмен на него“ (I. с., стр. 62).

Бессмыслица! С точки зрения [Бэли], не может быть повышения или падения ценности труда или какой-либо другой вещи. Сегодня я получаю 3 *B* за 1 *A*, завтра 6 *B* и послезавтра 2 *B*. Но во всех этих случаях ценность *A* есть не что иное, как количество *B*, которое я могу на него обменять. Она была 3 *B*, теперь она 6 *B*. Как можно сказать, что его ценность будто бы повысилась или понизилась? *A*, выраженное в 3 *B*, имеет другую ценность, чем *A*, выраженное в 6 *B* или 2 *B*. Но тогда это не одно и то же *A*, которое одновременно обменивается на 3 или 2 или 6 *B*. Определенное количество *A* в определенное время всегда обменивалось на определенное количество *B*. Лишь относительно различных времен можно сказать, что ценность *A* изменилась. Но *A* может обмениваться только на „современные“ товары, и только этот факт, а не простая возможность обмена с другими товарами, делает *A* ценностью. Только действительное „отношение обмена“ определяет его ценность; а действительное „отношение обмена“ может естественно иметь место лишь для одного и того же *A* в тождественное время. Сравнение ценности товара в различные периоды Бэли считает поэтому бессмыслицей. Но тогда он должен был бы также считать бессмыслицей возрастание или падение ценности, что невозможно, если нет сравнения между ценностью в одно время и ценностью [того же товара] в другое время; считать бессмыслицей также, следовательно, возрастание или падение ценности труда.

„Труд есть обмениваемая вещь, но такая, которая распоряжается другими вещами в обмене. Наоборот, выражение прибыль обозначает лишь часть или отношение товаров, не предмет, который может быть обменян на другие предметы. Если мы спрашиваем, повышена ли заработная плата, мы спрашиваем, обменивается ли определенное количество труда на большее количество других вещей, чем прежде¹⁾.“

Но когда мы спрашиваем, повысилась ли прибыль, мы спрашиваем.. находится ли доход капиталиста в более высоком отношении к примененному капиталу“ (I. е., стр. 62, 63).

Ценность труда зависит не исключительно от части продукта, которая дается рабочим в обмен на их труд, но также от производительности труда (I. с., стр. 62, 63). Отношение, что прибыль должна понизиться, когда заработная плата повышается, имеется лишь тогда,

¹⁾ Следовательно, когда хлеб дорожает, падает ценность труда, потому что он обменивается на меньшее количество хлеба; с другой стороны, если одновременно подешевело сукно, ценность труда одновременно возр а с л а, так как он обменивается на большее количество сукна. Ценность труда, следовательно, одновременно повысилась и понизилась; и оба выражения его ценности, в хлебе и сукне, не тождественны, не эквивалентны, так как его возр о с ш а я ценность не может равняться его п о н и з и в ш е й с я ценности

когда это повышение не объясняется возрастанием производительности труда (I. с., стр. 64).

„Когда эта производительность возрастает, то-есть когда тот же труд создает больше товара в то же самое время, ценность труда может повыситься без падения прибыли; последняя может даже также увеличиться“ (I. с., стр. 66).

Таким образом, относительно всякого другого товара можно также сказать, что повышение его ценности не должно повлечь за собой падения ценности других товаров, на которые он обменивается; что оно даже может повлечь за собой повышение ценности других товаров. Предположим, например, что тот же труд, который произвел 1 квартал хлеба, производит теперь 3 квартера. Пусть [производство] 3 кварталов стоит теперь 1 фунт стерлингов, столько же, сколько раньше стоило производство одного квартера. Если 2 квартера теперь обмениваются на 1 фунт стерлингов, то ценность денег повысилась, так как она выражена в 2 квартерах вместо 1. Покупатель хлеба получает большую ценность на свои деньги. Но продавец, который продает за 1 фунт стерлингов то, что ему стоило лишь $\frac{1}{3}$ фунт. стерл., выигрывает $\frac{1}{3}$ фунта стерлингов. Итак, ценность его хлеба поднялась, меж тем как одновременно денежная цена хлеба понизилась.

„Каков бы ни был продукт труда 6 человек, 100, 200 или 300 кварталов хлеба, до тех пор, пока часть капиталиста в продукте составляет одну четверть, эта четверть, выраженная в труде, всегда останется одинаковой¹⁾. Если бы продукт составлял 100 кварталов, то 75 кварталов отданы были бы 6 рабочим; 25 кварталов, которые достаются капиталисту, распоряжались бы трудом двух человек²⁾. Если продукт составляет 300 кварталов, то 6 человек получают 225 кварталов, и те 75, которые приходятся капиталисту, всегда будут распоряжаться еще только 2 рабочими и не больше³⁾. Увеличение относительной части, которая достается капиталисту, означало бы то же, что возрастание измеряемой в труде ценности прибыли⁴⁾, или другими словами, увеличение ее способности распоряжаться трудом“ (I. с., стр. 69).

Разве это возрастание способности капиталиста присваивать себе чужой труд не соответствует в точности понижению способности рабочего присваивать себе свой собственный труд?

„Против учения об одновременном возрастании прибыли и ценности труда, быть может, возразят, что произведенный товар есть единственный источник, откуда капиталист и рабочий получают свое вознаграждение, и поэтому один необходимо должен потерять то, что выигрывает другой. За ответом недалеко

¹⁾ То же произошло бы с тремя четвертями продукта, которые достаются рабочим, когда они измеряются в труде.

²⁾ И те 75, которые достаются рабочим, будут распоряжаться трудом 6 человек (в оригинале здесь и дальше имеется 4 человека вместо 6. К.).

³⁾ Точно так же часть 6 человек, составляющая 225 кварталов, все еще будет распоряжаться лишь 6 рабочими, и не больше. Почему же всеильный Бэли хочет запретить Рикардо часть рабочих так же измерять в труде, как часть капиталиста, и сравнивать друг с другом их ценности, выраженные в труде?

⁴⁾ Как он может говорить о ценности прибыли и о возрастании ее ценности, если „прибыль не обозначает предмета, который может обмениваться на другой предмет“ (см. выше) и потому не означает ценности? И возможно ли, с другой стороны, увеличение относительной части, достоящейся капиталисту, без уменьшения относительной доли, достоящейся рабочему?

ходить. Пока продукт остается тот же, возражение неопровержимо верно; но так же неопровержимо, что когда продукт удваивается, достаемое каждому количество (часть) может возрасти, даже когда относительная доля (пропорция) одного уменьшается и доля другого увеличивается“.

Это то именно, что говорит Рикардо. Относительная доля обоих не может возрастать одновременно. Если повышается относительная доля одного, то другая должна соответственно понизиться. То, что господин Бэли называет часть, достаемую рабочему, „ценностью заработной платы“, и пропорцию „ценностью прибыли“; что один и тот же товар имеет для него две ценности, одну в руках рабочего и другую в руках капиталиста, это уж его собственная бессмыслица.

„Возрастание части продукта, которая достается рабочему, есть то, что составляет увеличение ценности его труда (так как здесь мы под ценностью подразумеваем определенное количество предметов. М.); но возрастание достаемой капиталисту пропорции есть то, что означает увеличение прибыли (так как здесь мы под ценностью понимаем те же предметы, измеряемые не их количеством, а накопленным в них трудом. М.). Отсюда (именно из нелепого двойного мерила, то предметы, то ценность тех же предметов. М.) вытекает ясно, что предположение одновременного возрастания обоих ни в коем случае не является бессмысленным“ (I. с., стр. 70).

Это нелепое рассуждение по отношению к Рикардо совершенно бесполезно, так как последний говорит только о движении ценности обеих частей. Сводится только к тому, что Бэли повторяет: ценность есть количество товаров, которые обмениваются на предмет. При прибыли он должен был бы натолкнуться на затруднение, так как здесь ценность капитала сравнивается с ценностью продукта. Здесь он спасается бегством и под ценностью понимает ценность предмета, выраженную в труде (подобно Мальтусу).

„Ценность есть отношение между одновременными товарами, так как только такие товары могут обмениваться друг на друга; и когда мы сравниваем ценность товара в одно время с его ценностью в другое время, то это только сравнение отношения, в каком они стояли к какому-либо другому товару в эти различные моменты“ (I. с., стр. 72).

Поэтому, как сказано было, нет ни возрастания, ни падения ценности, так как оно всегда означает сравнение ценности товара в одно время с его ценностью в другое время. Товар одинаково не может быть продан ни ниже, ни [выше] своей ценности, так как его ценность есть то, за что он продан. Ценность и рыночная цена тождественны. В действительности нельзя говорить об „одновременных“ товарах, о наличных товарах, а только о прошлых. Что такое ценность квартера пшеницы? 1 фунт стерлингов, за которые он был продан вчера. Ибо его ценность есть лишь то, что он получил в обмен и пока он не был обменен, его „отношение к деньгам“ только воображаемое. Но как только обмен свершился, мы имеем вместо 1 квартера 1 фунт стерлингов, и уж больше нельзя говорить о ценности этого 1 квартера.

Бэли при сравнении ценностей в различные периоды имеет в виду лишь научные исследования о различной ценности товаров, например,

в восемнадцатом и шестнадцатом веке, где трудность получается оттого, что одно и то же денежное выражение ценности, вследствие изменений в ценности самих денег, в различное время означает различные ценности. Трудность состоит здесь в сведении денежных цен к ценностям. Но, осел! Разве в процессе обращения или процессе воспроизводства капитала не происходит постоянного сравнения ценности одного периода с ценностью другого периода, операции, на которой основано само производство?

Господин Бэли абсолютно не понимает, что это должно означать: ценность товаров определять рабочим временем или ценностью труда.

Он абсолютно не понимает разницы!

Прошу не понимать меня так, что я будто бы отрицаю, что ценности товаров относятся друг к другу, как количества труда, которые требуются для их производства; или что ценности товаров относятся друг к другу, как ценности труда. Я только утверждаю, что если первое верно, то последнее не может быть ошибочно" (I. e., стр. 92).

Ценность товаров определять ценностью товара (и поскольку они определяются „ценностью труда“, они определяются другим товаром; ценность труда предполагает труд, как товар) или определять ее третьим, что не имеет ценности и само по себе не есть товар, а есть лишь сущность ценности и только делает продукты товарами—это для Бэли тождественно. В первом смысле речь идет о мериле ценностей товаров, то-есть в действительности о деньгах, о товаре, в котором другие товары выражают свою ценность. Чтобы это имело место, ценности товаров уже должны предполагаться. Измеряющий товар, как и измеряемые, уже должны быть тождественны в третьем. В другом случае, наоборот, устанавливается лишь сама эта тождественность, которая потом находит выражение в цене, в денежной или другой цене.

Бэли отождествляет „неизменное мерилу ценностей“ с определением имманентного мерилу ценностей, то-есть самим понятием ценности. Пока обе вещи смешиваются, инстинкт разума заставляет искать „неизменное мерилу ценностей“. Изменчивость именно характерна для ценности. „Неизменное“ выражает, что имманентное мерилу ценностей само должно быть опять не товаром, ценностью, а наоборот чем-то, что конституирует ценность и поэтому также служит имманентным мерилу его ценности. Бэли доказывает также, что ценности товаров могут найти денежное выражение, — что, когда отношение ценности товаров дано, все товары могут выражать свою ценность в одном товаре, хотя этот последний меняет свою ценность. Она тогда остается ведь все той же для других товаров в одно и то же время, так как она меняется одновременно по отношению ко всем. Отсюда он заключает, что не нужно никакого отношения ценностей товаров, и его нечего также искать. Так как он его находит представленным в денежном выражении, то ему не нужно „понимать“, благо-

даря чему это выражение возможно, как оно определяется, и что оно в действительности выражает.

Это вообще направлено против него, как и против Мальтуса, раз он полагает, что мы касаемся того же вопроса, движемся в той же плоскости, безразлично, принимаем ли мы за мерило ценности количество труда или ценность труда. В последнем случае мы предполагаем ценности, мерило которых отыскивается, [их] внешнее мерило, [их] выражение, как ценность. В первом случае исследуется генезис и имманентная природа самой ценности. Во втором случае развитие товара в деньги или форма, какую получает меновая ценность в процессе обмена товаров. Во втором ¹⁾ ценность независимо от этого выражения, которая, наоборот, предполагается при этом выражении. Бэли так рассуждает вместе с другими ослиами: определить ценность товара значит найти его денежное выражение, внешнее мерило его ценности. Только они говорят, руководимые инстинктом разума, что это мерило тогда должно иметь неизменную ценность, то-есть в действительности должно само стоять вне категорий ценности. В то же время он говорит, что больше ни о чем не надо думать, так как на практике мы находим выражение ценности, и что само это выражение имеет и может иметь изменяющуюся ценность без ущерба для его функции.

Вообще он нам сам сказал, что 100 кварталов или 200 кварталов или 300 кварталов могут составлять продукт труда 6 человек, следовательно, того же количества труда; меж тем как „ценность труда“ у него самого означает лишь аликвотную часть, которую эти 6 человек получают из 100, 200 или 300 кварталов. Она может составлять 50 кварталов или 60 или 70. Количество труда и ценность того же количества труда, следовательно, представляют, как он сам полагает, очень различные выражения. И как же может получиться то же самое, выражается ли ценность в одном или в другом, существенно отличном от первого? Если один квартал хлеба доставляется тем же трудом, который раньше давал 3 квартера, в то время как тот же труд, который раньше давал 20 локтей сукна (или 3 квартера ²⁾ хлеба), попрежнему дает 20 локтей сукна, то при измерении рабочим временем [теперь] 1 квартал хлеба = 20 локтям сукна или 20 локтей сукна = 1 квартеру хлеба и 3 квартера хлеба = 60 локтям сукна, а не = 20 [как прежде]. Ценности квартера хлеба и локтя полотна, следовательно, относительно изменились бы. Но они отнюдь не изменились бы по „ценности труда“, ибо этот 1 квартал хлеба и эти 20 локтей сукна теперь, как и прежде, являются теми же потребительными ценностями. И возможно, что этот 1 квартал хлеба не распоряжается большим количеством труда, чем раньше.

¹⁾ Здесь, очевидно, описка; нужно: в первом. Прим. перев.

²⁾ В оригинале стоит 1 квартал. К.

Если мы возьмем отдельный товар, то утверждение Бэли совсем не имеет смысла. Если необходимое для производства сапога рабочее время уменьшается на одну десятую, то ценность сапога уменьшается на одну десятую, также сравнительно, выраженная во всех других товарах, если необходимое для их производства рабочее время осталось то же.

Тем не менее ценность труда — например, дневная плата — может в производстве сапог так же, как и во всех других отраслях промышленности, оставаться прежней; она даже может повыситься. В отдельном сапоге содержится меньше труда, следовательно, также меньше оплаченного труда. Но когда говорят о ценности труда, то не имеют в виду того, что за час работы, меньшее количество труда, уплачивается меньше, чем за большее количество. Положение Бэли могло бы иметь смысл только по отношению ко всему продукту капитала.

Пусть 200 сапог составляют продукт того же капитала и того же труда, как раньше 100 сапог. В этом случае ценность 200 сапог та же, что и ценность 100 сапог. И можно было бы сказать, что 200 сапог так относятся к 1000 локтям полотна (примем это за продукт капитала в 200 фунтов стерлингов), как ценность труда, приведенного в движение обоими капиталами. В каком смысле? В таком смысле, в каком может так же быть сказано об отношении отдельного сапога к локтю полотна?

Ценность труда есть та часть заключенного в товаре рабочего времени, которую рабочий присваивает себе лично; это часть продукта, в которой воплощено принадлежащее ему самому рабочее время. Если, следовательно, вся ценность товара состоит из оплаченного и неоплаченного рабочего времени — и если отношение неоплаченного труда к оплаченному остается то же, то — есть во всех товарах прибавочная ценность составляет одинаковую часть всей ценности, — то ясно, что, если товары так относятся друг к другу, как количества всего заключенного в них труда, они также должны относиться друг к другу, как одинаковые алигвотные части этих количеств всего труда, следовательно, также, как оплаченный труд в одном товаре к оплаченному труду в другом товаре.

$W : W' = GA : G'A'$ (GA и $G'A'$ это все рабочее время, воплощенное в W и W').

$\frac{GA}{x}$ есть оплаченное рабочее время в W и $\frac{G'A'}{x}$ оплаченное рабочее время в W' , так как предполагается, что в обоих товарах оплаченное рабочее время есть та же алигвотная часть всего рабочего времени.

$$W : W' = GA : G'A'$$

$$GA : G'A' = \frac{GA}{x} : \frac{G'A'}{x}$$

$$W : W' = \frac{GA}{x} : \frac{G'A'}{x}$$

или товары относятся друг к другу, как заключенное в них оплаченное рабочее время, то-есть как заключенная в них ценность труда.

Но ценность труда в этом случае не есть, как Бади хочет, нечто определенное, а сама определяется ¹⁾ рабочим временем.

Далее, независимо от превращения ценностей в цены производства—если рассматривать только ценности,—капиталы состоят из различных аликвотных частей переменного и постоянного капитала. Поэтому, поскольку принимаются в соображение ценности, прибавочные ценности не одинаковы, или оплаченный труд не является [для всех товаров] одинаковой аликвотной частью всего авансированного труда.

Вообще заработные платы—или ценности труда—здесь были бы *indices* ценностей товаров, не как ценности, не поскольку заработные платы повышаются или падают, а поскольку заключенное в товаре количество оплаченного труда, который выражен в заработной плате, служило бы индексом всего количества заключенного в сравниваемых товарах труда.

Одним словом, все сводится к тому, что когда ценности товаров относятся друг к другу, как $A : A'$ (заключенные в них количества рабочего времени), то они относятся друг к другу так же, как $\frac{A}{x} : \frac{A'}{x'}$ заключенные в них количества оплаченного рабочего времени, если отношение оплаченного рабочего времени к неоплаченному во всех товарах одно и то же; если оплаченное рабочее время, следовательно, всегда равно всему рабочему времени, каково бы оно ни было, деленному на x . Но это „если“ не соответствует действительному положению вещей. Если предположить, что в различных отраслях промышленности рабочие заняты одинаковое прибавочное рабочее время, то все же отношение оплаченного к затраченному рабочему времени различно в различных отраслях промышленности, так как отношение примененного непосредственного труда к примененному накопленному труду различно. Возьмем, например, два капитала $50v + 50c$ и $10v + 90c$. Пусть в обоих случаях неоплаченный труд составляет одну десятую часть. Тогда в первом товаре содержалось бы 105; во втором 101. Оплаченное рабочее время в первом случае составляет половину авансированного труда, во втором лишь одну десятую.

Бади говорит:

„Если товары относятся друг к другу, как количества труда, то они должны также относиться друг к другу, как ценности производящего их труда; ибо обратное означало бы, что два товара A и B могли бы иметь одинаковую ценность, хотя бы ценность примененного труда была бы в одном товаре больше, чем в другом; или что A и B могли бы иметь неодинаковую ценность, хотя бы затраченный на них труд имел одинаковую ценность. Но эта разница в цел-

¹⁾ Последние два слова („сама определяется“) выпущены в оригинале. Примеч. переводч

ности двух товаров, которые были произведены трудом одинаковой ценности, противоречила бы равенству прибылей, которую господин Рикардо признает вместе с другими экономистами“ (I. с. стр. 79, 80).

В последней фразе он бессознательно подходит в правильному возражению против Рикардо, который непосредственно отождествляет прибыль с прибавочной ценностью и ценности с ценами производства. Возражение, правильно сформулированное, состоит в следующем: Если товары продаются по своим ценностям, они дают неодинаковые прибыли, так как тогда прибыль равна прибавочной ценности, которая содержится в них самих. И это верно. Это не говорит против теории ценности; только Рикардо неправильно применяет эту теорию.

Но даже в вышеприведенном месте Баби не мог мыслить правильно; это видно из следующей фразы:

„Рикардо, наоборот, думает, что труд может повышаться или падать в своей ценности, меж тем как ценность товара не изменяется. Это утверждение очевидно резко отличается от другого, и правильность его действительно зависит от ошибочности другого или противоположного утверждения (I. е., стр. 81).

Осел сам раньше сказал, что результатом одного и того же труда может быть 100, 300, 200 кварталов. Это определяет отношение квартала к другим товарам, как бы ни изменялась ценность труда, то-есть сколько бы ни досталось самому рабочему из этих 100, 200 или 300 кварталов. Некоторая последовательность была бы еще у осла, если бы он сказал: Ценности труда могут повышаться или падать; однако ценности товаров относятся друг к другу, как ценности труда, так как—по ошибочному предположению—повышение или падение заработной платы является всеобщим, и ценность заработной платы составляет всегда одинаковую относительную часть в общей сумме примененного труда.

7. Ценность и цена.

„Возможность выражать ценность товаров не имеет ничего общего с постоянством их ценностей¹⁾, ни в сравнении друг с другом, ни с примененным средством обмена. Возможность сравнивать друг с другом выражения ценности также не имеет ничего общего с этим²⁾. Стоит ли A $4B$ или $6B$ ³⁾ и стоит ли C $8B$ или $12B$, это нисколько не влияет на возможность сравнивать между собой ценности A и C , раз они выражены“ (I. с., 104 105).

¹⁾ Конечно нет. Но это тесно связано с пониманием (finding) ценности, прежде чем она получила свое выражение; с пониманием того, каким образом потребительные ценности, которые так отличаются друг от друга, попадают в одну и ту же категорию, по одному и то же названию ценностей, так что ценность одной может быть выражена другой.

²⁾ Если ценность различных товаров выражается в одном и том же третьем товаре, как бы ни изменялась ценность последнего, то, конечно, очень легко сравнивать между собой эти выражения, которые уже имеют одинаковое название.

³⁾ Трудность заключается в том, чтобы уравнять A с каким-нибудь количеством B , и это возможно лишь тогда, когда существует общее единство для A и B , или когда A и B служат различными выражениями того же единства. Трудность остается та же, когда все товары должны быть выражены в золотых деньгах. Должно существовать общее единство между золотом и каждым из других товаров.

Но как выразить A в B или в C ? A , B , C должны все рассматриваться, как нечто, отличное от того, что они представляют как вещи, продукты, потребительные ценности; безразлично, должны ли они быть выражены друг в друге, или, что сводится к тому же, они должны рассматриваться, как эквиваленты, выражения того же единства. $A=4B$; в этом равенстве ценность A выражается в $4B$, и ценность $4B$ в A , так что обе части выражают одно и то же. Они являются эквивалентами, оба они представляют равные выражения ценности. Не имело бы значения, если бы они были неравными выражениями, как $A > 4B$ или $A < 4B$. Во всех этих случаях, поскольку они являются ценностями, они равны или различаются только количественно, но всегда они представляют количества одного и того же качества. Трудность заключается в том, чтобы найти это качество.

„Необходимое условие при этом состоит в том, чтобы подвести измеряемые товары под общее название ¹⁾, что одинаково легко может быть сделано во всякое время; или лучше, что уже имеется в готовом виде, так как даются цены товаров, или отношение их ценностей в деньгах“ (I с., стр. 112).

„Измерять ценность означает то же, что выразить ее“ (I с., стр. 152).

Здесь мы поймали молодца. Оказывается, ценности измеряются, выражаются в ценах. Мы, следовательно, можем удовлетвориться тем, что не знаем, что такое ценность. Развитие мерил ценностей в деньги, и далее развитие денег, как масштаба цен, он смешивает с выяснением самого понятия ценности в ее развитии как имманентного мерил товаров в обмене. Он прав, говоря, что деньги не должны быть товаром, обладающим неизменной ценностью; он заключает отсюда, что не требуется никакого независимого, отличного от самого товара определения ценности.

Раз дана ценность товаров, как их общее единство, то измерение их относительной ценности и выражение ее совпадают. Но мы не приходим к выражению, пока не придем к единству, которое отлично от непосредственного бытия товаров. [Мы это видим] даже на его примере, расстоянии между A и B . Когда я говорю об их расстоянии, я уже предполагаю, что обе точки или линии находятся в пространстве. Раз они [превращены] в точки и точки той же линии, то их расстояние может быть выражено в дюймах, футах и т. д. Единство обоих товаров A и B есть на первый взгляд их обмениваемость. Они представляют обмениваемые предметы. Как обмениваемые предметы, они являются однородными величинами. Но это их существование, как обмениваемых предметов, должно быть отлично от их существования, как потребительных ценностей. Что это такое?

¹⁾ Например, чтобы сравнить треугольник и все другие многоугольники необходимо только превратить последние в треугольники, выразить их в треугольниках. Но чтобы сделать это, треугольники и другие многоугольники рассматриваются, как тождества, различные части той же плоскости ²⁾.

²⁾ В оригинале стоит „пространства“. *Прим. пер.*

Деньги уже являются выражением ценности; они ее предполагают. Деньги, как масштаб цен, в свою очередь уже предполагают теоретическое превращение товара в деньги. Если ценности всех товаров выражены в денежных ценах, то я могу их сравнивать; они уже в действительности сравнены. Но чтобы выразить ценности в ценах, ценность товара должна быть представлена в деньгах. Деньги являются только формой, в какой появляется ценность товаров в процессе обращения. Но как я могу выразить x хлопчатой бумаги в y денег? Этот вопрос сводится к тому, как могу я вообще выразить товар в другом товаре или представить товары, как эквиваленты? Только развитие ценности, независимо от выражения одного товара в другом, дает ответ.

„Ошибка..., что отношение ценностей возможно будто бы между товарами различных периодов, что невозможно по существу дела; и если невозможно отношение, то невозможно также измерять“ (I. с., стр. 113).

Та же бессмыслица уже [рассматривалась] выше. Уже в деньгах, как платежном средстве, имеется „отношение ценностей между товарами различных периодов“. Весь процесс обращения всегда представляет сравнение ценностей товаров в различное время.

„Если они (деньги) не служат хорошим средством сравнения товаров в различные периоды..., то они не могут выполнять функцию в том случае, когда они не должны выполнять функции“ (I. с., стр. 118).

Как платежное средство и сокровище, деньги должны выполнять эту функцию.

Тайна всего этого вздора просачивается в следующем положении, которое буквально списано с „Verbal Observer“ [ср. цитату на стр. 109], и которое убеждает меня также в том, что Бэли, как плагиатор, воспользовался тщательно им скрытым „verbal observations“:

„Богатство есть свойство человека, ценность есть свойство товаров. Человек или общество богато, жемчуг или алмаз драгоценен“ (I. с., стр. 165).

„Жемчуг или алмаз драгоценен“, как жемчуг или алмаз, то-есть благодаря своему свойству представлять потребительную ценность для человека, то-есть как—богатство. Но в жемчуге или в алмазе [как потребительной ценности] нет ничего, что давало бы меновое отношение обмена между ними.

Бэли оказывается тут глубоким философом. Он думает, что существует будто бы различие между трудом, как причиной, и трудом, как мерилем, вообще между причиной и мерилем ценности.

Существует, действительно, очень значительная разница (и Бэли ее не заметил) между „мерилом“ (в смысле денег) и „причиной ценности“. „Причина“ ценности превращает потребительные ценности в ценности. Внешнее мерило ценностей уже предполагает существование ценности. Золото, например, может измерять ценность хлопчатой бумаги лишь тогда, когда золото и хлопчатая бумага, как ценность,

имеют одно, отличное от обоих единство. „Причина“ ценности есть сущность ценности и поэтому также ее имманентное мерило.

„Все обстоятельства, которые посредственно или непосредственно оказывают заметное влияние на ум (mind) при обмене товаров, могут рассматриваться, как причины ценности“ (I. с., стр. 182, 183).

Это в действительности означает не что иное, как: Причиной ценности товара или эквивалентности между двумя товарами служат обстоятельства, которые побуждают продавца или же покупателя и продавца, принимать что-либо за ценность или эквивалент товара. „Обстоятельства“, которые определяют ценность товара, нисколько не объяснены тем, что они квалифицируются, как обстоятельства, которые влияют на ум обменивающихся.

Те же независимые от ума, хотя и влияющие на него обстоятельства, которые побуждают производителей продавать свои продукты, как товары—обстоятельства, которые отличают одну форму общественного производства от другой,—дают их продуктам также для их ума независимую от потребительной ценности меновую ценность. Их „ум“, их сознание вовсе не должно знать, чем в действительности определяется ценность их товаров или их продукты, как ценности; для него это не требуется. Они поставлены в отношения, которые определяют их ум так, что им этого вовсе не нужно знать. Каждый может употреблять деньги, как деньги, не зная, что такое деньги. Экономические категории отражаются в сознании очень превратно.

Бали переносит в сознание [разрешение проблемы ценности], так как он не справляется с теорией.

Вместо того чтобы сказать, что он сам представляет себе под „ценностью“ (или „причиной ценности“), Бали нам говорит: это то, что представляют себе покупатель и продавец в акте обмена.

Но в действительности в основе якобы философской фразы лежит следующее:

1. Рыночная цена определяется различными обстоятельствами, которые выражаются в отношении спроса и предложения, и как таковые влияют на „ум“ вступающих на рынке в торговую сделку. Это очень важное открытие!

2. При превращении ценностей товаров в цены производства принимаются в соображение „различные обстоятельства“, которые действуют на ум, как „основания для компенсаций“, или представляются ему таковыми. Но все эти основания для компенсации действуют только на ум капиталиста, как капиталиста, и вытекают из самой природы капиталистического производства, а не из субъективного понимания покупателя и продавца. В их головах они, наоборот, существуют, как самп собой подразумевающиеся „вечные истины“.

Бали, как его предшественники, останавливается на Рикардовском отождествлении ценности и цены производства, чтобы доказать, что цен-

дость не определяется трудом, так как цены производства не совпадают с ценностями. Это совершенно верно по отношению к Рикардовскому отождествлению, но не касается самой теории.

Бэли цитирует для этого, во-первых, то, что сам Рикардо говорит об изменении относительных ценностей товаров, которое наступает вследствие повышения ценности труда. Он цитирует далее место о „действии времени“ (различие во времени производства, без удлинения рабочего времени), тот же случай, над которым уже задумывался Милль. Настоящего общего противоречия, существования самой средней нормы прибыли, несмотря на различное строение капитала, различные периоды его обращения и т. д., он не находит. Он повторяет только отдельные формы, в каких проявляется противоречие; на которые уже обратили внимание сам Рикардо и его последователи. Здесь он, следовательно, лишь повторяет за другими: он не подвигает критики ни на шаг вперед.

Он говорит далее: издержки производства являются главной причиной „ценности“, следовательно, главным элементом ценности. Однако, он правильно указывает, как уже раньше говорили другие после Рикардо, что самое понятие издержек производства различно. Он в конце концов, вместе с Торренсом признает, что ценности определяются авансированным капиталом; это верно относительно цен производства, но бессмысленно, если этих последних не развивают из самой ценности; если, следовательно, ценность товара хотят вывести из более развитого отношения, из ценности капитала, а не наоборот.

Его последнее возражение состоит в следующем: ценности товаров не могут измеряться рабочим временем, когда рабочее время в одной отрасли производства не равно рабочему времени в других отраслях, так что тот же товар, в котором воплощено например, 12 часов механика, имеет вдвое большую ценность, чем товар, в котором воплощено 12 часов сельского рабочего. Это сводится к следующему; день простого труда не служит мерилom ценности, когда имеются другие рабочие дни, которые относятся к дням простого труда, как дни сложного труда. Рикардо доказал, что это обстоятельство не мешает измерять товары рабочим временем, когда дано отношение между простым и сложным трудом. Он, конечно, не показал, как это отношение развивается и определяется. Это относится к анализу заработной платы и сводится, в конечном счете, к различной ценности самих рабочих сил, т.-е. их различным издержкам производства (которые определяются рабочим временем).

То место, где Бэли говорит все то, что приведено нами выше, гласит таким образом:

На самом деле не оспаривается, что издержки производства являются главнейшим обстоятельством, определяющим количества, в каких обмениваются предметы этого класса (того класса, где нет монополии, и где возможно расширение производства); но наши лучшие экономисты не совсем соли-

дарны в том, что должно понимать под издержками производства; некоторые думают, что количество труда, которое затрачено на производство предмета, составляет его издержки; другие, что так должен называться затраченный на него капитал" (I. с. стр. 200).

"Что рабочий производит без капитала, то ему стоит его труда; что капиталист производит, то ему стоит его капитала" (I. с., стр. 201).

Это именно определяет взгляды Торренса. Капиталисту ничего не стоит труд, который он применяет; он затрачивает только капитал, который составляет заработную плату.

"Ценность массы товаров определяется затраченным на них капиталом" (I. с., стр. 206).

Против определения ценности товаров только заключенным в них количеством труда говорится следующее:

"Это не может быть верно, если находим несколько примеров подобного рода: 1. Случай, когда товары были произведены одинаковым количеством труда и все же проданы за различную сумму денег. 2. Случай, когда два товара, которые раньше имели одинаковую ценность, потом имеют различную ценность; при чем затраченное на каждый товар количество труда не изменилось" (I. с., стр. 209).

"Нельзя считать достаточным ответ (по поводу первого случая), когда вместе с господином Рикардо говорят, что оценка различных родов труда на рынке легко регулируется (adjusted) с достаточной для практических целей точностью; или вместе с господином Миллем, что при оценке одинаковых количеств труда обращается внимание на различные степени ловкости и трудности. Примеры такого рода совершенно уничтожают общезначимость (integrity) правила" (I. с., стр. 210).

"Существуют лишь два способа, по которым возможно сравнивать одно количество труда с другим; один способ состоит в том, чтобы сравнивать их по затраченному времени, другой по произведенному результату (последнее при сделанной работе. М.). Первый способ применим ко всем родам труда; последний может применяться лишь тогда, когда сравнивается труд, затраченный на однородные предметы. Поэтому, если при оценке двух различных родов труда время не определяет отношения между количествами труда, оно должно остаться неопределенным и неопределимым" (I. с., стр. 215).

"Рассмотрим второй случай. Возьмем два каких-нибудь товара, одинаковой ценности, *A* и *B*; один произведен с применением основного капитала, другой трудом без применения машин; предположим, что основной капитал и количество труда не изменилось, а ценность труда возросла. Согласно толкованию самого господина Рикардо, тотчас же изменилось бы отношение между *A* и *B*, то-есть, они тогда имели бы различную ценность" (I. с., стр. 215, 216).

"К этим случаям мы можем еще прибавить действие времени на ценность. Когда один товар требует больше времени для своего производства, чем другой, то ценность его будет больше, хотя он и не требует больше капитала и труда. Господин Рикардо признает влияние этой причины, господин Милль, наоборот, отрицает его и т. д." (I. с., стр. 217).

Наконец, Баэли еще замечает, и это представляет единственное новое, что он дает в этом направлении:

"Эти три сорта товаров ¹⁾ не могут быть абсолютно разделены. Они не только обмениваются друг на друга, как однородные предметы, но в производстве они перемешаны. Поэтому часть ценности товара может быть обусловлена монополией, и другая часть теми причинами, которые определяют ценность не монополийных продуктов. Предмет, например, может быть произведен при свободнейшей конкуренции из сырого материала, который вла-

¹⁾ Эти три сорта опять-таки взяты у автора „verbal observations“; именно товары, произведенные при абсолютной монополии, или ограниченной монополией, как хлеб, или при совершенно свободной конкуренции.

делец его мог продать, благодаря полной монополии, по цене, превышающей его издержки производства в шесть раз" (I. с., стр. 223).

"В этом случае ясно, что мы имеем право сказать, что ценность предмета определяется величиной капитала, затраченного на него фабрикантом; но что никакое исследование не могло бы свести ценность капитала к количеству труда" (I. с., стр. 223, 224).

Это замечание верно. Но монополия нас не интересует здесь, где мы имеем дело лишь с двумя определениями, ценностью или ценой производства. Ясно, что превращение ценности в цены производства действует двойным образом. Во-первых: прибыль, которая прибавляется к авансированному капиталу, может быть выше или ниже прибавочной ценности, заключенной в самом товаре, то есть, она может выражать больше или меньше неоплаченного труда по сравнению с тем, который содержится в данном товаре. Это относится к переменной части капитала и ее воспроизводству в товаре. Но кроме этого, цена производства постоянного капитала—или товаров, которые входят в ценность вновь произведенного товара, как сырой материал, вспомогательные средства и орудия, короче средства производства—может быть выше или ниже их ценности. В них, таким образом, содержится отклоняющаяся от ценности часть цены, которая не зависит от количества вновь прибавленного труда, или от труда, благодаря которому эти условия производства, имеющие определенные цены производства, превращаются в новый продукт. Вообще ясно, что то, что относится к разнице между ценой производства и ценностью товара, как такового—как результата процесса производства, то относится также к товару, поскольку он, как ингредиент, в виде постоянного капитала, входит в процесс производства, как его предпосылка. Переменный капитал, какова бы ни была его разница между ценностью и ценой производства, заменяется определенным количеством труда, которое образует составную часть ценности нового товара, независимо от того, была ли эта ценность выражена в его цене в неизменном виде, или же она была выше или ниже ее. Наоборот, разница между ценой производства и ценностью переносится в ценность нового товара, как уже предполагающийся элемент, поскольку он, независимо от собственного процесса производства этого нового товара, входит в его цену. Разница между ценой производства и ценностью товара выражается здесь два раза; в разнице между ценой производства и ценностью товаров, которые служат предпосылками процесса производства нового товара; в разнице между прибавочной ценностью, которая действительно прибавлена к средствам производства, и прибылью, которая вычисляется. Однако, каждый товар, который входит в товар, как постоянный капитал, сам выходит из другого процесса производства, как результат, как продукт. Таким образом, товар является и предпосылкой для производства другого товара и результатом процесса, где существование других товаров служит предпосылкой для его собственного производства. В земледелии

(скотоводстве) один и тот же товар является один раз продуктом, другой раз средством производства.

Это значительное отклонение цен производства от ценностей—связанное с капиталистическим производством—ничего не изменяет в том, что цены производства все же определяются ценностями.

4. Мак Кэллок.

Вульгаризатор Рикардовской экономики и, в то же время, самый жалкий представитель ее разложения, — вульгаризатор не только Рикардо, но и Джемса Милля.

Вообще вульгарный экономист. Единственное, что до комического приводит его в ужас, это тенденция прибыли к падению. Положением рабочих он вполне доволен, вообще, всеми противоречиями буржуазной экономики, которые ложатся бременем на рабочий класс. Здесь все зелено. Здесь он даже знает, что „введение машин в одной отрасли производства необходимо вызывает такой же или больший спрос на освободившихся рабочих в какой-либо другой отрасли“. Здесь он отступает от Рикардо, как и в своих позднейших произведениях, где он медоточиво (mealy-mouthed) говорит о землевладельцах. Но с особенной нежностью он относится к бедному капиталисту и очень озабочен тенденцией нормы прибыли к падению.

„Представители науки вообще стремятся употреблять определенные и подходящие обозначения; и с этой целью они, главным образом, стремятся отыскать характерные различия, не частичное сходство. Господин Мак Кэллок, наоборот, ищет повидимому только сходства; и, следуя этому принципу, он приходит к тому, что смешивает материальные и нематериальные объекты; производительный труд с непроизводительным; капитал с доходом; средства производства рабочего с самим рабочим; производство с потреблением и труд с прибылью“ (Мальтус, *Definitions in Political Economy*. 1827, стр. 69, 70).

„Господин Мак Кэллок в своих „Principles of Political Economy“ Лондон 1830 г., проводит различие между реальной и относительной или меновой ценностью. Первая, говорит он (стр. 225), зависит и в точности пропорциональна количеству труда, которое требовалось для ее производства; а относительная ценность зависит от количества труда или какого-нибудь другого товара, на который она обменивается; и обе эти ценности, говорит он далее (стр. 215), при обычном положении вещей тождественны, то-есть тогда, когда предложение товаров на рынке в точности соответствует действительному спросу на них. А если они тождественны, то оба количества труда, о которых он говорит, также должны быть тождественны. Но на 221 стр. он нам рассказывает, что они не тождественны, а что одно включает прибыль, меж тем как другое ее исключает“ (*Outlines Political Economy etc.* стр. 25. Лондон 1832).

Именно, Мак Кэллок говорит в упомянутых выше „Principles of Political Economy“, стр. 221, в примечании:

„В действительности он (товар. *M*) всегда будет обмениваться на большее количество (труда по сравнению с тем, которым он произведен. *M*); и этот излишек есть то, что образует прибыль“.

Здесь мы имеем блестящий пример способа изложения этого отъявленного шотландского шарлатана.

Споры Мальтуса, Бэли и т. д. заставляют его различать между реальной ценностью и меновой или относительной ценностью. Но он принимает—в принципе—различие, имеющееся у Рикардо. Реальная ценность есть товар, рассматриваемый в отношении труда, который необходим для его производства; относительная ценность есть отношение различных товаров, которые могут быть произведены в одно и то же время; которые поэтому являются эквивалентами; так что ценность одного товара может поэтому быть выражена в количестве потребительных ценностей другого товара, которое стоит того же рабочего времени. Относительная ценность товара, в этом Рикардовском смысле, есть лишь другое выражение его реальной ценности и означает только, что товары обмениваются в отношении заключенного в них времени; следовательно, заключенное в обоих рабочее время одинаково. Поэтому если рыночная цена товара равна его меновой ценности, как в том случае, когда предложение и спрос покрывают друг друга, то купленный товар содержит столько же труда, сколько и проданный. Он только реализует свою меновую ценность; или он только продается по своей меновой ценности, если при обмене за него получают то же количество труда, которое в нем отдано. Все это Каллок констатирует также правильно, повторяя за другими. Только он здесь идет слишком далеко, так как Мальтусово определение меновой ценности—количество наемного труда, которым распоряжается товар—он уже проглотил. Он, следовательно, называет относительной ценностью „количество труда или другого товара, на который обменивается товар“. Рикардо говорит при относительной ценности всегда только о товарах за исключением труда, так как при обмене товаров реализуется прибыль только потому, что при обмене между товаром и трудом не обмениваются одинаковые количества труда. Рикардо в начале своего произведения сейчас же подчеркивает, что определение ценности товара заключенным в нем рабочим временем *toto coelo* отлично от определения этой ценности количеством труда, которое он может купить; этим самым он, с одной стороны, устанавливает различие между количеством труда, который содержится в товаре, и количеством труда, которым он распоряжается. С другой стороны, он исключает обмен товара на труд из относительной ценности товара. Ибо когда один товар обменивается на другой товар, то обмениваются одинаковые количества труда. Если он обменивается на самый труд, то обмениваются неодинаковые количества труда, и капиталистическое производство основано на неравенстве этого обмена. Рикардо не объясняет, как это исключение согласуется с понятием ценности. Отсюда споры у его последователей. Но с верным инстинктом он делает исключение, которое в действительности не есть исключение, но является таковым в его понимании. Каллок, следовательно, идет дальше Рикардо, он, по-видимому, последовательнее этого последнего.

У него нет трещины. Все из одного куска. Обменивается ли товар на товар или на труд, это отношение обмена является в одинаковой степени относительной ценностью товара. И когда обмениваемые товары продаются по своей ценности (следовательно, спрос и предложение покрывают друг друга), эта относительная ценность всегда служит выражением реальной ценности. То-есть на обоих полюсах обмена имеются одинаковые количества труда. Таким образом, „при обычном положении вещей“ товар обменивается только на количество наемного труда, которое равняется заключенному в нем количеству труда. Рабочий получает в заработной плате столько овеществленного труда, сколько он в обмене отдает капиталу в непосредственном труде. Таким образом, исчезает источник прибавочной ценности, и рушится вся Рикардовская теория. Прежде всего господин Кэллок, следовательно, опрокидывает ее, под видом ее усовершенствования до полной последовательности.

И что же дальше? И тогда он бесстыдно бежит от Рикардо к Мальтусу, полагающему, что ценность товара определяется количеством труда, которое он покупает, и которое всегда должно быть больше заключенного в нем труда. Только у Мальтуса это высказывается как то, что оно есть, как противоречие с Рикардо; а господин Кэллок принимает это противоречие, после того как он принял Рикардовское выражение с кажущейся последовательностью, то-есть с последовательностью бессмысленности; с последовательностью, которая разрушает смысл Рикардовской теории. Внутреннего зерна Рикардовского учения—как реализуется прибыль, раз товары обмениваются по своей ценности—Кэллок не понимает и упускает его. Меновая ценность „при обычном положении рынка“ по Кэллоку равняется реальной ценности, но „в действительности“ она всегда больше, так как на этом излишке основана прибыль. Великолепная противоположность и великолепное развитие, которое основано на [противоположности „обычному положению“ и] „действительности“. Эта меновая ценность есть „количество труда или какого-нибудь другого товара“, на который обменивается товар; поэтому „к какому-нибудь товару“ относится то, что относится к „труду“. То-есть товар обменивается не только на большее количество непосредственного труда, по сравнению с тем, который в нем содержится, а на большее количество овеществленного в других товарах труда, по сравнению с тем трудом, который содержится в нем самом; то-есть прибыль есть „Profit prop expropriation“, и таким образом мы снова пришли к меркантилистам. Мальтус делает этот вывод. У Кэллока это само собой разумеется, но с претензией, что это является развитием Рикардовской системы.

И это полное разложение Рикардовской системы до какой-то смеси—разложение, которое при этом чвапится тем, что оно представляет последовательное развитие ее—чернь, именно континенталь-

ная чернь (здесь естественно имеется и господин Рошер) приняла как слишком далеко развитую, до крайности развитую последовательность Рикардовой системы; таким образом, господину Кэллоку она поверила, что Рикардовский способ „харкать и плевать“, под чем он скрывает свой беспомощный, бессмысленный и бессовестный эклектицизм, в действительности представляет будто бы научную попытку последовательно провести эту систему!

Мак Кэллок очень просто является человеком, который хотел устроить дела с Рикардовой экономией, что ему и удалось достойным удивления способом. Совершенно также, как Сэй устроил дела со Смитом, с той только разницей, что за ним, по крайней мере, имеется та заслуга, что он привел мысли последнего в известный формальный порядок и то тут, то там, помимо своих недоразумений, позволяет себе также теоретические сомнения. Так как Кэллок благодаря Рикардовой экономии впервые получил профессорскую кафедру в Лондоне, то он должен был сначала выступить, как рикардianец, и именно участвовать также в борьбе с землевладельцами. Как только он стал на ноги и на плечах Рикардо занял положение, главная цель его состояла в том, чтобы преподнести политическую экономию, специально Рикардовскую, в рамках вигизма, и удалить все неприятные вигам выводы. Его последние произведения о деньгах, налогах и т. д. являются простыми защитительными речами в пользу каждого кабинета вигов. Таким образом, этот господин получал доходные места. Его статистические произведения являются простым надувательством. Бессмысленное разложение и вульгаризация теории здесь обнаруживается также в самом нашем молодце, как „a vulgarian“, чего мы еще коснемся потом, прежде чем простимся с этим спекулятивным шотландцем.

В 1828 г. Мак Кэллок издал „Wealth of nations“ Смита, и четвертый том этого издания содержит его собственные „Notes and dissertations“; чтобы заполнить том, он здесь снова печатает отчасти ранее опубликованные им плохие статьи, которые абсолютно не относятся к делу, как о „Наследственных ленах“ (Entail) и т. д.; отчасти он почти дословно повторяет свои лекции по истории политической экономики; как он сам говорит, „многое взял из них“; но отчасти он старается свойственным ему способом ассимилировать себе то новое, что в течение этого времени дано Миллем, а также противниками Рикардо.

В своих „Principles of Political Economy“ господин Мак Кэллок переписывает только свои „Notes and dissertations“, которые он сам уже переписал из своих прежних „разбросанных произведений“. Только в „Principles“ дело еще несколько ухудшается, так как в „Notes“ легче справиться с непоследовательностями чем, в якобы методическом изложении. Его „Principles“ содержат кроме того списыванья

из Милля, с прибавлением нелепых объяснений и перепечатыванием рассуждений о хлебной торговле и т. д., которые он, вероятно, уже под двадцатью различными заглавиями напечатал и снова напечатал в различных периодических изданиях, часто также в различное время в одном и том же журнале. Приведенные выше места отчасти взяты дословно из „Notes“ и т. д.; но там они кажутся еще несколько менее непоследовательными, чем в „Principles“.

В указанном четвертом томе его издания А. Смита (Лондон 1828) Мак говорит (он повторяет буквально то же в своих „Principles of Political Economy“, но без тех различий, которые он еще считал необходимыми в „Notes“):

„Необходимо различать между меновой ценностью и реальной ценностью или ценностью издержек товаров или продуктов. Под первой или меновой ценностью товара или продукта понимают его способность или возможность обмениваться на другие товары или на труд. Под второй, под реальной ценностью или ценностью издержек понимают количество труда, которое требуется для его производства или присвоения; или лучше количество, которое требовалось бы для производства или присвоения однородного товара во время исследования“ (I. c., стр. 85, 86, 2. Note).

„Товар, который был произведен определенным количеством труда, обычно (когда предложение товаров равняется действительному спросу. М.) будет обмениваться или покупать другой товар, который был произведен таким же количеством труда. Однако он никогда не будет обмениваться или покупать точно такое же количество труда, каким он произведен. Но хотя он этого не будет делать, он все же всегда будет обмениваться или покупать такое же количество труда, как и любой другой товар, который был произведен при таких же условиях или таким же количеством труда, как он сам“ (I. c., стр. 96, 97, 2. Note).

„В действительности ¹⁾ он (товар. М.) будет обмениваться на большее количество (т. е. на большее количество труда по сравнению с тем, которым он произведен. М.); и этот излишек есть то, что составляет прибыль. У капиталиста не было бы мотива ²⁾ обменивать продукт данного количества труда, которое уже выполнено, на продукт такого же количества труда, которое должно еще быть выполнено. Это значило бы одалживать ³⁾, не получая процентов за одолженное“ (I. c., стр. 96).

Начнем с конца.

Если бы капиталист не получил обратно больше труда, чем он авансировал в заработной плате, то он „одажживал“ бы без прибыли. Что должно быть объяснено, это, как возможна прибыль, когда товары (труд или другие товары) обмениваются по своей ценности. И объяснение таково, что прибыль была бы невозможна, если бы обменивались эквиваленты. Сначала предполагается, что капиталист и рабочий „обмениваются“. Чтобы потом объяснить прибыль, предполагается, что они „не“ обмениваются, а что один дает в долг (следовательно, дает товар), а другой берет в долг, следовательно, платит лишь после того, как он получил товар. Или чтобы объяснить прибыль, говорится, что капи-

¹⁾ Эту фразу он буквально повторяет в „Principles“, так как это „в действительности“ составляет в действительности все его доказательство.

²⁾ Как будто при обмене товаров и исследовании их ценности речь идет о „мотивах“ покупателя.

³⁾ „Обменивать“ значило бы „одажживать“!

талист не получил „процентов“, когда он не получал прибыли. Все это ошибочно. Товар, которым капиталист уплачивает заработную плату, и товар, который он обратно получает, как результат труда, являются различными потребительными ценностями. Он, следовательно, не получает обратно того, что он авансировал, как и тогда, когда он обменивает один товар на другой. Покупает ли он другой товар, или он покупает специфический труд, который ему доставляет другой товар, это одно и то же. Он получает, вместо потребительной ценности, которую он дает, другую потребительную ценность, как при всяком товарообмене. Если, наоборот, обращать внимание только на ценность товара, то в том, что „данное количество труда, которое уже выполнено“, обменивается на „такое же количество труда, которое только должно быть выполнено“ (хотя в действительности капиталист платит лишь после того, как работа была выполнена), нет большего противоречия, чем в том, что количество выполненного труда обменивается на такое же количество выполненного труда. Последнее является нелепой тавтологией. Первое предполагает, что „труд, который должен быть выполнен“, овеществлен в другой потребительной ценности, чем выполненный труд. Здесь, следовательно, имеется различие, поэтому и вытекающий из самого отношения мотив обмена; но там нет, так как только a обменивается на a , поскольку в обмене речь идет о количестве труда. Господин Мак поэтому устремляется к мотиву. Мотив капиталиста это получить обратно большее „количество труда“, чем он дает. Прибыль объясняется тем, что у капиталиста имеется мотив получить „прибыль“. Но можно было бы так же сказать при продаже товаров купца, при всякой продаже, которая имеет целью не потребление, а прибыль: у него нет мотива обменивать определенное количество выполненного труда на такое же количество выполненного труда. Его мотив состоит в том, чтобы получить больше выполненного труда, чем он отдает. Поэтому он должен получить больше выполненного труда в виде денег или товаров, чем он отдает в виде товаров или денег. Он должен, следовательно, покупать дешевле, чем продает, и продавать дороже, чем он покупает. Прибыль у *pro alienation*, таким образом, объясняется не тем, что она соответствует закону ценности, а тем, что покупатель и продавец не имеют „мотива“ покупать и продавать по закону ценности. Таково первое „выдающееся“ изобретение Мака, великолепное в Рикардовой системе, которая старается доказать, как осуществляется закон ценности, несмотря на „мотивы“ покупателя и продавца.

Вообще изложение Мака в „Notes“ отличается от его изложения в „Principles“ только следующим:

В „Principles“ он различает между „реальной ценностью“ и „относительной ценностью“ и говорит, что „при обычных отношениях“ они друг другу равны; но „в действительности“ они не должны быть

равны, если должна получиться прибыль. Он, следовательно, только говорит, что „действительность“ противоречит „принципу“.

В „Notes“ он различает три рода ценности. Реальную ценность, относительную ценность товара в его обмене на другие товары, и относительную ценность товара, обмененного на труд. „Относительная ценность“ товара в обмене его на другой товар есть его реальная ценность, выраженная в другом товаре. Или это „эквивалент“. Наоборот, его относительная ценность в обмене на труд, это его реальная ценность, выраженная в другой реальной ценности, которая больше ее. Т.-е. его ценность есть обмен на большую ценность, на неэквивалент. Если бы он обменивался на эквивалент в труде, то не было бы прибыли. Ценность товара в его обмене на труд есть большая ценность.

Проблема. Рикардово определение ценности противоречит обмену товара на труд.

Решение Мака: В обмене товара на труд имеем не закон ценности, а его противоположность. Иначе нельзя было бы объяснить прибыль. [Но] для него, рикардianца, прибыль должна быть объяснена законом ценности.

Решение: Закон ценности (в этом случае) есть прибыль. „В действительности“ Мак говорит только то, что говорят противники Рикардовой теории, что если бы закон ценности господствовал в обмене между капиталом и трудом, то не было бы прибыли. Они говорят, что поэтому Рикардовский закон ценности ошибочен. Мак говорит, что для этого случая, который он должен объяснить [этим законом], он не существует, что в данном случае под „ценностью“ „понимают“ нечто другое. Отсюда видно, что он ровно ничего не понимает [в основе] Рикардовского закона. Он должен был бы иначе сказать: Прибыль в обмене товаров, соответственно заключенному в них рабочему времени, объясняется тем, что в товарах содержится „неоплаченный“ труд. Следовательно, неравным обменом капитала и труда объясняется обмен товаров по их ценности и прибыль, которая реализуется в этом товарообмене. Вместо этого он говорит: товары, которые содержат одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым излишком труда, который не содержится в них. Таким образом, он хочет примирить Рикардовские положения с Мальтусовскими, установив тождественность определения ценности товаров рабочим временем и определения ценности товаров командованием над трудом. Но что это означает: товары, которые содержат одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым излишком труда, сверх того труда, который в них содержится? Это означает не что иное, как: товар, в котором содержится определенное рабочее время, распоряжается определенным количеством излишка труда сверх заключенного в них труда. Что это относится не только к товару А, в кото-

ром содержится x рабочего времени, но и к товару B , в котором содержится также x рабочего времени, это уже предполагается в выражении Мальтусовской формулы.

Разрешение противоречия у Мака, следовательно, состоит в след.: если бы действовал Рикардовский закон ценности, то прибыль, следовательно, капитал и капиталистическое производство были бы невозможны. Это именно то, что утверждают противники Рикардо. И это то, что Мак им отвечает, чем он их опровергает. При этом он не замечает красоты объяснения ценности в обмене на труд, которое состоит в следующем: ценность есть обмен на не-ценность.

Опрокинув, таким образом, основание Рикардовой экономики, Мак идет еще дальше и разрушает основание этого основания.

Первая трудность в Рикардовой системе состоит в том, чтобы объяснить, как происходит обмен капитала и труда согласно с законом ценности.

Вторая трудность состояла в том, что капиталы одинаковой величины, каково бы ни было их органическое строение, дают одинаковые прибыли—или среднюю норму прибыли. В действительности это сводится к проблеме, как ценности превращаются в цены производства.

Трудность получилась от того, что одинаковой величины капиталы различного строения—объясняется ли это различным отношением постоянного и переменного капитала, основного и оборотного капитала или различными периодами обращения—приводят в движение неодинаковые количества непосредственного труда; следовательно, также неодинаковые количества неоплаченного труда; то-есть также не могут в процессе производства присвоить себе одинаковой прибавочной ценности, или одинакового прибавочного продукта. Следовательно, также дают неодинаковые прибыли, если прибыль есть не что иное, как прибавочная ценность, вычисленная в отношении к ценности всего затраченного капитала. Но если прибавочная ценность представляла нечто другое, чем (неоплаченный) труд, то труд вообще не был „основой“ и „мерилом“ ценности товара.

Трудности, которые здесь имелись, нашел сам Рикардо, если и не в их общей форме, и констатировал это, как исключения из правила, то-есть из закона ценности. Мальтус с этими исключениями отбросил правило, так как исключения составляли правило. Торренс, также в полемике против Рикардо, по крайней мере отметил проблему; он говорит, что одинаковой величины капиталы приводят в движение неодинаковые количества труда, но производят товары, обладающие одинаковыми „ценностями“, так что ценность определяется не трудом. Также и Бэли и так далее. Милль в свою очередь принял констатированные Рикардо исключения, как исключения; но они в нем не вызвали никаких сом-

нений, кроме одной единственной формы. Это было единственное основание для уравнивания прибылей капиталистов, которое он считал противоречащим правду. И этот случай состоял в следующем: некоторые товары остаются в процессе производства (например, вино в погребе) без затраты труда на них; это период, когда они подвержены действию известных естественных процессов. (Так, например, продолжительный перерыв в работе, не отмеченный Миллем, в земледелии, в кожевном деле, прежде чем настанет возможность применения известных новых химических средств). Однако, считают, что это время приносит прибыль. Время, когда товар не находится в процессе труда, рассматривается, как рабочее время. (Это вообще относится к тем случаям, когда принимается в расчет более продолжительный период обращения). Милль, так сказать, „выпутался“ из затруднительного положения, сказав, что время, в течение которого вино, например, лежит в погребе, можно было бы рассматривать, как время, в течение которого оно впитывает труд, хотя, согласно предположению, это не имеет места в действительности. Иначе нужно было бы сказать, что „время“ создает прибыль, и время, как таковое, есть будто бы „звук и дым“. К этой галиматье Милля присоединяется Кэллок, или вернее он воспроизводит это своим обычным напыщенным плагиаторским способом в общей форме, где обнаруживается скрытая бессмыслица и последний остаток Рикардовой системы, как и вообще всякого экономического мышления, счастливо устраняется.

Все вышеупомянутые трудности, при ближайшем рассмотрении, снова сводятся к следующей трудности. Часть капитала, которая в виде товаров входит в процесс производства, как материал или орудие производства, никогда не прибавляет к продукту ценности больше той, какую она имеет до производства. Ибо она имеет ценность лишь постольку, поскольку она представляет воплощенный труд; и заключенный в ней труд отнюдь не изменяется от того, что она входит в процесс производства. От процесса производства, в который она входит, она настолько не зависит, и от общественно определенного труда, которая требуется для ее собственного производства, она настолько зависит, что ее собственная ценность изменяется, когда для ее воспроизводства требуется больше или меньше рабочего времени, чем сколько в ней содержится. Как ценность, эта часть капитала поэтому входит не изменяясь в процесс производства, и без изменения выходит из него. Поскольку она вообще реально входит в него и изменяется, это есть изменение, которое претерпевает ее потребительная ценность, которое она сама претерпевает, как потребительная ценность. И все операции, которым подвергается сырой материал, или орудия производства, представляют лишь процессы, которым они подвергаются, как определенный сырой материал

и т. д. и определенные орудия производства (веретено и т. д.), процессы их потребительной ценности, которые, как таковые не касаются их меновой ценности. Меновая ценность сохраняется в этом изменении. Это все.

Иначе обстоит дело с частью капитала, которая обменивается на рабочую силу. Потребительная ценность рабочей силы есть—труд, элемент, создающий меновую ценность. Так как труд, который выполняет рабочая сила в промышленном потреблении, больше труда, который требуется для ее собственного воспроизводства, который представляет эквивалент за заработную плату, то ценность, которую капиталист получает в общем от рабочего, больше цены, которую он уплатил за этот труд. Отсюда следует, что если предположить одинаковую степень эксплуатации труда, то из двух капиталов одинаковой величины, тот капитал, который приводит в движение меньше живого труда, безразлично, оттого ли, что с самого начала переменная часть его находится в меньшем отношении к постоянному капиталу, или от того, что [длиннее] период обращения или период производства, в течение которого он не обменивается на труд, не приходит с ним в соприкосновение, не поглощает его—что этот капитал создает меньше прибавочной ценности и вообще создает товар меньшей ценности. Как тогда созданные ценности могут быть все же одинаковы, и прибавочные ценности соответствуют авансированному капиталу? Рикардо не мог на это ответить, так как вопрос, поставленный таким образом, является абсурдным, ибо в действительности не производятся ни одинаковые ценности, ни [одинаковые] прибавочные ценности. Однако, Рикардо не понял генезиса средней нормы прибыли, не понял поэтому также превращения ценностей в специфически отличные от них цены производства.

Но Мак устраняет трудность, опираясь на нелепую „вылазку“ Милля. Помогают беде тем, что пустой фразой отбрасывают характерное различие, из которого вытекает зло. Характерное различие таково: потребительная ценность рабочей силы есть труд, следовательно, то, что создает меновую ценность. Потребительная ценность других товаров есть потребительная ценность в отличие от меновой ценности; поэтому изменение, которое претерпевает эта потребительная ценность, не влияет на их predetermined меновую ценность. Помогают беде тем, что потребительные ценности товаров называют—меновую ценностью, и операции, которым они подвергаются, как потребительные ценности, услуги, которые они оказывают в производстве, называют—трудом. Так, правда, говорят в обыденной жизни о рабочем скоте, о работающих машинах, и говорят также в поэтической форме, что железо работает под сильным жаром или работает, когда оно стонет под ударами молота. Оно даже кричит. И нет ничего легче доказательства, что каждая „операция“ есть труд, так как труд есть—операция. Таким же образом можно доказать, что

все телесное имеет чувство, ибо все чувствующее телесно.

„Труд мы можем с полным правом определять, как род действия или операции, безразлично, выполняется ли он людьми, низшими животными, машинами или силами природы, которые стремятся к тому, чтобы вызвать известный результат“ (I. c., стр. 25, 1. Note).

И это отнюдь не относится [только] к орудиям труда. В сущности это относится также к сырому материалу. Шерсть подвергается физическому действию или операции, когда она впитывает красящее вещество. Вообще, ни на какую вещь не может быть оказано физического, химического, механического и т. п. действия, „чтобы вызвать желательный результат“, без реакции самой вещи. Она, следовательно, не может быть обработана, не работая сама. И таким образом все товары, которые входят в процесс производства, увеличивают свою ценность, не только тем, что сохраняется их собственная ценность, а тем, что они создают новую ценность, тем, что они „работают“, не являясь только овеществленным трудом. Этим естественно устраняется всякая трудность.

В действительности это только перифраза, переименование „производительных услуг капитала“ Сэя, „производительных услуг почвы“ и т. д.; против чего Рикардо постоянно полемизирует, и против чего Маэ, *mirabile dictu*, полемизирует в той же „Dissertation“ или „Note“, где он с важным видом выплещивает свое заимствованное у Милля и разуукрашенное им изобретение. Выступая против Сэя, он обращается к Рикардо и вспоминает, что те „производительные услуги“ в действительности представляют лишь свойства, которые вещи обнаруживают, как потребительные ценности, в процессе производства; но, конечно, когда этим „производительным услугам“ он дает таинственное название „труд“, то все это меняется.

После того как Маэ счастливо превратил товары в рабочих, само собой разумеется, что эти рабочие получают также заработную плату, и что им, кроме их ценности, которую они имеют, как „накопленный труд“, должна быть также уплачена заработная плата за их „операции“ или „действия“. Эти заработные платы товаров [естественно] кладут себе в карманы капиталисты; они являются „платой за накопленный труд“, то-есть прибылью. И таким образом доказано, что одинаковая прибыль на одинаковые капиталы, независимо от того, приводят ли они в движение много или мало труда, следует непосредственно из определения ценности рабочим временем.

Удивительнее всего, как уже сказано, то, что, в тот же момент, когда Маэ, исходя из Милля, присваивает себе взгляды Сэя, он против Сэя бросает Рикардовские фразы. Как он дословно списывает у Сэя, с той лишь разницей, что там, где Сэй говорит о действии, он это действие называет трудом, лучше всего показывают следующие места из Рикардо, где последний полемизирует против Сэя:

„Господин Сэй . . . обвиняет его (А. Смита) в том, что он будто бы впадает в ошибку, когда он, только труду человека приписывает способность производить ценность. Более точный анализ показывает, что ценность создается действием труда или, лучше, приложения (industry) человека, в связи с действием сил природы и капитала. Незнакомство Смита с этим принципом мешает ему установить истинную теорию влияния машин на производство богатства“.

„В противоположность Адаму Смиту, господин Сэй говорит.. о ценности, которую дают товарам силы природы.. Но эти силы природы, хотя и сильно повышают потребительную ценность, никогда не увеличивают меновой ценности товара; однако, об этой последней говорит господин Сэй“ (Principles, 3 изд., стр. 335, 336; рус. пер., под ред. Н. Рязанова, стр. 190).

„Машины и силы природы могут в значительной степени увеличить богатство страны, но они никогда.. не могут прибавить чего-либо к ценности этого богатства“ (I. с., стр. 335; примеч., рус. пер., стр. 190).

Рикардо, как все крупные экономисты, [следовательно, также] А. Смит (хотя раз в припадке юмора он называет быка производительным рабочим), считает единственным источником ценности труд, как человеческую, вернее общественно-определенную человеческую деятельность. Рикардо отличается от других экономистов именно последовательностью, с какой он рассматривает ценность товаров, как простое „выражение“ общественно-определенного труда. Все эти экономисты признают более или менее ясно, Рикардо больше других, что меновая ценность вещей есть простое выражение, специфически общественная форма производительной деятельности людей, нечто *totum in parte* отличное от вещей и их применения, как вещей, безразлично как в промышленном, так и в непромышленном потреблении. Ценность для них есть в действительности только вещественно выраженное взаимное отношение производительных деятельностей людей, их труда. Рикардо приводит против Сэя слова Дестют де Траси, определенно выставляя их, как свое мнение:

„Так как несомненно, что только наши физические и духовные способности составляют наше первоначальное богатство, то применение этих способностей (человеческих способностей М.), всякого рода труда (следовательно, труда, как реализации человеческих сил. М.) есть наше единственное первоначальное сокровище. Только его применение создает все предметы, которые мы называем богатством... Несомненно также, что все эти вещи представляют только труд, который их создал; и если они имеют ценность или даже две различные ценности, то она происходит только от труда, которым они созданы“ (Рикардо, I. с., стр. 334; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 189—190).

Итак, ценность имеют только товары, вещи вообще лишь как выражения человеческого труда; не поскольку они представляют нечто само по себе, как вещи, а поскольку они являются воплощениями общественного труда. И у других хватило смелости говорить, что жалкий Мак разбил на голову Рикардо; он, который в своем бессмысленном стремлении эклектически [„примирить“] Рикардовы теории с их противоположностями, отождествляет их принцип и принцип всякой экономии, самый труд, как человеческую деятельность и общественно определенную человеческую деятельность, с физическим и т. п. действием, которые претерпевают товары, как потребительные ценности! Он, который теряет самое понятие труда!

„Вылазка“ Милля придает ему смелость, и он списывает у Сэя, в то же время он полемизирует против него Рикардовскими фразами; и списывает именно те фразы Сэя, с которыми Рикардо в двадцатой главе „ценность и богатство“ борется, как с совершенно противоположными [взглядам] его и Смита. Ропёр естественно повторяет, что Мак есть до крайности доведенный Рикардо. И все же Мак еще более нелеп, чем Сэй, который „действие“ огня, машин, озера и т. д. не называет трудом. И более непоследователен.

Ибо Сэй полагает, что ветер, огонь и т. п. создают „ценность“; Мак считает, что только те потребительные ценности, те вещи, которые могут быть монополизированы, [создают ценность]; как будто ветер, или пар, или вода могут быть применены, как двигательные силы, без владения ветряной мельницей, паровой машиной, водяной мельницей. Как будто те, которые владеют, монополизируют вещи, владение которыми необходимо для применения сил природы, не монополизировали также этих сил природы! Воздуха, воды и т. д. я могу иметь, сколько хочу. Но как производительные силы, я их имею лишь тогда, когда имею товары, вещи, при употреблении которых они действуют, как такие силы! Так, следовательно, Мак стоит еще ниже Сэя.

В этой вульгаризации Рикардо мы видим, следовательно, полнейшее, бессмысленнейшее разложение его теории.

„Поскольку, однако, этот результат (результат, вызванный действием или операцией чего-либо. М.) создан трудом или действием сил природы, которые не могут быть монополизированы или присвоены большим или меньшим числом индивидуумов за исключением других, он не имеет никакой ценности. То, что совершают эти силы, они совершают даром“ (I, с., стр. 75, 1 примеч.).

Как будто то, что выполнено хлопчатой бумагой, шерстью, железом или машинами, не выполнено также „даром“. Машина стоит, действие машины не оплачивается. Никакая потребительная ценность какого-либо товара не стоит чего-либо, после того как оплачена его меновая ценность.

„Человек, который продает масло, ничего не хочет за его естественные свойства. При оценке своих издержек он ставит в счет ценность труда, который он применил в своем деле, и это есть ценность масла“ (Кэри, Principles of Political Economy. Часть I, стр. 47, 48. Филадельфия, 1837).

Рикардо в полемике против Сэя указал, что действие машины, например, стоит так же мало, как и действие ветра и воды.

„Услуги, которые нам оказывают силы природы и машины.. полезны нам тем.. что они увеличивают потребительную ценность; но так как они выполняют свою работу безвозмездно.. то помощь, которую они нам оказывают, ничего не прибавляет к меновой ценности“ (Рикардо, I, с., стр. 336, 337. рус. пер. Н. Рязанова, стр. 191).

Мак, следовательно, не понял самых простых положений Рикардо; но он, хитрец, думает: если потребительная ценность хлопчатой бумаги, машин и т. д. ничего не стоит, если, кроме их меновой цен-

ности, ничего не платят, то эта потребительная ценность наоборот продается теми, которые применяют хлопчатую бумагу, машины и т. д. Они продают то, что им ничего не стоит.

Этот молодец доходит до такой грубой бессмыслицы, что, приняв „принцип“ Сэя, он все же очень обстоятельно, с большой выразительностью развивает теорию ренты, списывая у Рикардо.

Так как земля есть „сила природы... которая может быть монополизирована или присвоена большим или меньшим числом индивидуумов за исключением других“, то свойственное ей вегетативное действие или „труд“, ее производительная сила, имеет ценность; и таким образом рента объясняется производительностью земли, как в физиократии. Это яркий пример для способа Мака вульгаризировать Рикардо. С одной стороны, он списывает мысли, развитие Рикардо, которые имеют смысл только на основе Рикардовых предпосылок; а с другой стороны—он берет у других (оставляя только свою „номенклатуру“ или внося туда незначительное изменение) прямые отрицания этих предпосылок. Он должен был бы сказать: „Рента есть заработная плата земли“, которую кладут себе в карман землевладельцы.

„Когда капиталист затрачивает одинаковые суммы, чтобы уплатить заработную плату рабочим, держать лошадей и получить машину, и если люди, лошади и машины все создают один и тот же продукт, то его ценность очевидно будет та же, безразлично, создан ли он людьми, лошадьми или машинами“ (I. с., стр. 77).

Это значит, другими словами: ценность продукта определяется ценностью затраченного капитала. Эта проблема должна быть разрешена. Высказывание проблемы есть по Маку „очевидно“ разрешение ее. Но так как машина, например, выполняет большее количество труда, чем замененные ею рабочие, то еще более „очевидно“, что продукты машины должны были бы не падать, а расти в ценности, по сравнению с продуктами тех людей, которые „создают такой же продукт“. Так как машина создает десять тысяч штук, где человек производит одну штуку, и так как каждая штука имеет одну и ту же ценность, то продукт машины в десять тысяч раз дороже, чем продукт „человека“.

Впрочем, при его стремлении отличаться от Сэя, когда он говорит, что не действие сил природы, а только действие монополизированных или произведенных трудом источников силы создает ценность, Маку невозможно остановиться на этом, и он возвращается к Рикардовской фразе. Так, работа ветра производит желательное действие, например, на корабль, или производит желательное изменение в ветряной мельнице.

„Но ценность этого изменения не увеличивается действием или работой имеющейся в виду силы природы, и совершенно не зависит от нее; а она увеличивается той суммой капитала или продуктом прежнего труда, который при производстве этого результата действовал вместе с силами природы; совершенно так же, как издержки на размол хлеба зависят не от действия ветра или воды, которая приводит в движение мельницу, а от величины капитала, который потреблен при этой работе“ (I. е., стр. 79).

Здесь вдруг мельница прибавляет ценность хлебу лишь постольку, поскольку потреблен капитал, „продукт прежнего труда“, при акте молотбы. Следовательно, не тем, что жернов „работает“, а тем, что с „потреблением“ жернова „потребляется“ также заключенная в нем ценность, воплощенный в нем труд.

После этих прекрасных рассуждений Мак так разюмирует мудрость, которую он заимствовал себе у Милля и Сэя, чем он понятие ценности приводит в согласие со всеми противоречащими явлениями:

„Слово труд означает... при всех исследованиях о ценности... или непосредственный труд человека, или работу капитала, созданного человеком или то и другое“ (I. c., стр. 84).

Под трудом, следовательно, нужно понимать труд человека, далее его накопленный труд и, наконец, полезные применения—то есть развитые в (промышленном) потреблении физические и т. д. свойства потребительных ценностей. Вне этих свойств потребительная ценность ничего не представляет. Потребительная ценность проявляется только в потреблении. Итак: под меновой ценностью продуктов труда мы понимаем потребительную ценность этих продуктов, ибо эта потребительная ценность состоит лишь в ее проявлении, или, как это называет Мак, в „работе“ в потреблении, безразлично, является ли это потребление промышленным или нет. Но виды „операций“, „действий“ или „работ“ потребительных ценностей, совершенно так же, как естественные мерилы их, так же различны, как самые эти потребительные ценности. Что же, следовательно, такое единство, их мерило, чем мы их сравниваем? Это создается общим словом „труд“, которое подсовывается этим совершенно различным проявлениям потребительных ценностей, после того как самый труд сводится к слову „операция“ или „действие“. Тождеством потребительной и меновой ценности заканчивается, следовательно, эта вульгаризация Рикардо, которую мы решительно должны рассматривать, как [последнее и самое грязное ¹⁾] выражение разложения школы, как школы.

„Прибыль на капитал есть лишь другое название для платы за накопленный труд“ (Мак, Principles etc. 1830, стр. 291), то-есть другое название для заработной платы, [уплачиваемой] товарам за услуги, которые они оказывают в производстве, как потребительные ценности.

Эта плата за накопленный труд, впрочем, у господина Мак Кэллоа еще представляет нечто особое, таинственное. Мы уже говорили, что помимо своих списываний у Рикардо, Милля, Мальтуса и Сэя, которые составляют постоянный фонд его произведений, сам он постоянно снова перепечатывает и продает свой „накопленный труд“ под различными заглавиями, и при этом он постоянно „берет“ многое из того, за что

¹⁾ Эти слова можно также читать: „лучшее и забавнейшее“. К.

ему уже раз уплачено. Об этом способе получать „плату за накопленный труд“ уже в 1826 г. подробно говорится в одном произведении; и чего только Мак Кэллок от 1826 до 1862 г. ¹⁾ не создал в этом „получении“ платы за накопленный труд! И эту жалкую фразу Рочер присваивает себе, как Фукидид.

[Упомянутое здесь направленное против Мак Кэллока] произведение называется: *Mordecai Mullion, Some Illustrations of Mr. Mac Culloch's Principles of Political Economy*, Эдinburgh 1826. Здесь показано, как наш рыцарь индустрии сделал себе имя. Девять десятых он списывает у А. Смита, Рикардо и др., остальную десятую постоянно списывает с своего собственного накопленного труда, „который он всегда повторяет в высшей степени дичино и пошло“. Мульон, например, доказывает, что Мак-Кэллок не только продает одни и те же статьи попеременно в „*Edinburgh Review*“, в „*Scotsman*“, „*Encyclopaedia Britannica*“, как „диссертации“, как новые труды, но что, например, он в различных годичных изданиях „*Edinburg Review*“ снова перепечатывает дословно одни и те же статьи, только с некоторыми перестановками и с новой вывеской. По этому поводу Мульон говорит об этом „невероятном пачкуне (cobbler)“, этом самом экономном из экономистов“: „Статьи Мак Кэллока так непохожи па небесные тела, как это только возможно; но в одном отношении они похожи на небесные светила — они возвращаются через определенные периоды времени“. (I. c., стр. 211). Ничего удивительного, что на славе господина Мака он доказывает безграничную низость рыцарей индустрии, которые верят в „плату за накопленный труд“!

Как Мак Кэллок пользуется некоторыми положениями Рикардо в своих интересах, см. между прочим „*Edinburgh Review*“ март 1824 (пустая вещь называется: *Considerations on the accumulation of Capital*“), где этот друг „платы за накопленный труд“ помещает настоящую иеремиаду по поводу падения нормы прибыли. Прево пишет по этому поводу:

„...Автор этой статьи таким образом выражает опасения, которые в нем вызывает падение прибыли: видимость процветания, которую представляет Англия, обманчива; эпидемия нищеты исподтишка захватила массу граждан, и основы силы и величия нации распатаны... Где процент на капитал низкий, как в Англии, норма прибыли также низка, и процветание нации перешло за свой кульминационный пункт...“ Эти утверждения должны поражать каждого, кто знает блестящее состояние Англии“ (Мак Кэллок, *Discours sur l'economie politique*, traduit par Prevost, стр. 197).

Господину Маку нечего беспокоиться по поводу того, что „страна получает лучшую плату, чем железо, кирпич и т. д.“. Причина должна заключаться в том, что она усерднее „работает“.

¹⁾ Это написано в октябре 1862 г. Мак Кэллок умер в 1864 г. К.

Слепая свинья иногда тоже находит желудь, также и Мак Кэллок в следующем; однако даже это, как он понимает, является только непоследовательностью, так как он не различает прибавочной ценности от труда. Во-вторых это опять один из его бессмысленно эклектических плагиатов. [Он грабит] у молодцов, как Торренс и т. д., где ценность определяется капиталом, также у Бэли, который устанавливает отношение между прибылью и авансированным капиталом. Они не отождествляют, подобно Рикардо, прибыли с прибавочной ценностью, но только потому, что у них вообще нет потребности объяснять прибыль на основе ценности; ибо форму, в которой проявляется прибавочная ценность—прибыль, как отношение прибавочной ценности к авансированному капиталу, — они принимают за первичную форму; в действительности они только дают словесное выражение проявляющейся формы. Эти места у Мака, который, во-первых, является рикардianцем и, во-вторых, списывает у противников Рикардо—непосредственно,—гласят:

„Ясно, следовательно: утверждение (Рикардо), что повышение прибыли может быть вызвано лишь падением заработной платы, и падение прибыли только повышением заработной платы, верно только по отношению к тем случаям, когда производительность промышленности остается постоянной“¹⁾.

„Прибыль зависит от отношения, в каком она стоит к капиталу, которым она произведена, а не от ее отношения к заработной плате... Предположим, что производительность промышленности вообще удвоилась; и предположим далее, что полученный таким образом добавочный продукт... делится между капиталистом и его рабочим. В этом случае обе стороны впредь, как и раньше, будут получать одинаковую долю в продукте промышленности; и если мы обращаем внимание только на это, мы должны сказать, что не повысилась ни прибыль, ни заработная плата. И все же норма прибыли в отношении к вложенному капиталу поднялась“ (Мак Кэллок, *Principles of Political Economy*, стр. 373, 374, Лондон 1830).

Даже в этом случае можно было бы сказать, как и Мак замечает, что заработная плата в отношении к продукту пала, так как прибыль повысилась.

Но в этом случае повышение прибыли *есть причина падения [заработной платы]. Этот расчет основан на ошибочном способе вычислять заработную плату, как долю в продукте, и господин Дж. Ст. Милль старается этим софистическим способом обобщить Рикардовский закон.

5. Уэкфильд и Стирлинг.

Настоящие заслуги Уэкфильда в понимании капитала выяснены в другом отделе о „Превращении прибавочной ценности в капитал“. Здесь остановимся лишь на том, что непосредственно относится к теме.

„Если мы рассматриваем труд как товар, и капитал, продукт труда, как другой товар, и если ценность этих двух товаров определяется количеством труда, тогда определенное количество труда должно всегда обмениваться на

1) То-есть, промышленности, которая создает постоянный капитал.

то количество капитала, которое было произведено таким же количеством труда. Прошедший труд всегда обменивался бы на одинаковое количество настоящего труда... Но ценность труда в отношении к другим товарам определяется, по крайней мере, постольку, поскольку заработная плата составляет часть (в продукте) (*as Wages depend upon share*), не одинаковыми количествами труда, а отношением между предложением и спросом" (Издание Уэзфильда *Wealth of Nations* Смита; 1 том, стр. 230, 231, примечание. Лондон 1836).

По Уэзфильду, следовательно, прибыль необъяснима, если бы уплачивалась ценность труда.

Во втором томе цитированного издания А. Смита Уэзфильд замечает:

„Предположим, что прибавочный продукт составляет всегда ренту. Но может быть также уплачена рента, которая не состоит из прибавочного продукта“ (I. с., стр. 216).

„Если, как в Ирландии, масса народа вынуждена питаться картошкой, жить в жалких лачугах, одеваться в лохмотья, и за разрешение жить, отдавать все, что они могут произвести, кроме лачуг, лохмотьев и картошки, тогда владелец земли, на которой они живут, получает тем больше, чем меньше то, чем они удовлетворяются, когда выручка с капитала и труда и не изменяется. То, что отдают бедные арендаторы, то присваивает себе землевладелец. Следовательно, понижение жизненного уровня среди хлебопашцев является дальнейшей причиной прибавочного продукта... Если падает заработная плата, то это влияет на прибавочный продукт так же, как если бы понизился жизненный уровень. Общее количество продукта остается то же, излишек больше, производители получают меньше и землевладелец больше“ (I. с., стр. 220, 221).

В этом случае прибыль называется рентой, совершенно так же, как она называется процентом, если рабочий, как, например, в Индии, работает, авансируемый капиталистом, хотя номинально и независимо, и он должен ему отдавать весь прибавочный продукт.

Патрик Джемс Стирлинг написал: *The Philosophy of Trade etc.* Эдинбург 1846. Там он говорит:

„Количество каждого товара должно регулироваться таким образом, что предложение данного товара находится в меньшем отношении к спросу на него, чем предложение труда к спросу на труд. Разница между ценой или ценностью товара и ценой или ценностью заключенного в них труда образует прибыль или излишек“, которого Рикардо не может объяснить согласно своей теории (I. с., стр. 72, 73).

Тот же человек говорит нам:

„Если ценности товаров относятся друг к другу, как их издержки производства, то это можно назвать уровнем ценности (*par of value*)“ (I. с., стр. 18).

Если бы, следовательно, спрос и предложение труда соответствовали друг другу, то труд продавался бы по своей ценности, чего бы Стирлинг ни представлял себе под этой ценностью. И если бы спрос и предложение товара, в котором заключен труд, соответствовали друг другу, то товар продавался бы по своим издержкам производства, под чем Стирлинг понимает ценность труда. Цена товара равняется тогда ценности заключенного в нем труда. И цена труда находится на одном уровне с его собственной ценностью. Тогда цена товара равняется цене заключенного в нем труда. Тогда,

следовательно, нет прибыли или излишка. Итак, Стирлинг объясняет прибыль или излишек таким образом:

Предложение труда по сравнению со спросом на труд должно быть больше предложения товара, в котором воплощен труд, по сравнению со спросом на товар. Дело должно быть так обставлено, что товар продается дороже, чем уплачивается за заключенный в нем труд. Это господин Стирлинг называет объяснением явления излишка, между тем как это только парафразис того, что должно быть объяснено. При ближайшем рассмотрении здесь возможны только три случая. Цена труда находится на „уровне ценности“, то-есть спрос и предложение труда соответствуют друг другу. Цена труда равна его ценности. Тогда товар должен продаваться выше своей ценности; или дело должно быть так обставлено, что его предложение стоит ниже его спроса. Это настоящее „Profit upon alienation“, только с прибавлением условия, при котором это возможно. Или спрос на труд стоит выше его предложения и цена [труда] выше его ценности. Тогда капиталист заплатил рабочему больше того, что стоит его товар, и покупатель должен заплатить капиталисту двойной излишек; во-первых, тот, который последний раньше уплатил рабочему, и потом его прибыль. Или цена труда стоит ниже его ценности; предложение труда превышает спрос на труд. Тогда излишек получается оттого, что за труд уплачено ниже его ценности, и продан он [в товаре] по своей ценности или, по крайней мере, выше своей цены.

Если мы очистим это от всего бессмысленного, то излишек получается у Стирлинга оттого, что труд покупается капиталистом ниже его ценности и опять продается выше его цены в форме товара. Если с других случаев снять смешную форму, что производитель должен-де так „обставить“, что он продает свой товар выше его ценности или выше „уровня ценности“, то это означает не что иное, как следующее: если спрос на товар больше его предложения, то рыночная цена больше ценности. Что несомненно не является новым изобретением и объясняет такого рода „излишек“, который никогда не представлял ни малейшей трудности как для Рикардо, так и для кого-либо другого.

6. Джон Стюарт Милль.

а. Прибыль и издержки производства.

В „Essays on some unsettled questions of political economy“, Лондон, 1844, содержатся все оригинальные идеи господина Джон Стюарт Милля, в отличие от его обемистого компендия.

В четвертом Essay „On profits and interests“ говорится:

„Орудия и сырой материал вначале, подобно другим вещам, ничего не стоили, кроме труда... Затраченный на производство орудий и сырого материала

труд, сложенный с трудом, который был затрачен потом, чтобы обработать сырой материал посредством орудий, дает общую сумму труда, затраченного на производство готового товара... Возместить (repase) капитал означает поэтому не что иное, как возместить плату за затраченный труд" (I. с., стр. 94).

Это само по себе ошибочно, ибо затраченный труд и выданная заработная плата отнюдь не тождественны. Наоборот, затраченный труд равняется сумме заработной платы и прибыли. Возместить капитал означает возместить оплаченный труд (заработную плату) и не оплаченный капиталом, но проданный им труд (прибыль). Господин Милль здесь смешивает затраченный труд и ту часть затраченного труда, за которую платит капиталист, который его применяет. Это смешение само по себе не очень-то говорит в пользу его понимания Рикардовой теории, с которой он нас хочет познакомить.

Милль не отличает прибавочной ценности от прибыли. Он, следовательно, полагает, что норма прибыли (что верно для прибавочной ценности, уже превращенной в прибыль) равняется отношению цены продукта к цене его средств производства (включая труд) (см. стр. 92, 93 „Essays“). И в то же время он хочет вывести законы нормы прибыли непосредственно из закона Рикардо, где последний смешивает прибавочную ценность и прибыль, и хочет показать, что „прибыль зависит от заработной платы; что она повышается, когда заработная плата падает, и падает, когда заработная плата повышается“.

Господин Милль сам не представляет себе ясно вопроса, который он старается разрешить. Поэтому дадим краткую формулировку его вопроса, прежде чем услышим его ответ. Норма прибыли есть отношение прибавочной ценности ко всей сумме авансированного капитала (постоянный капитал плюс переменный капитал); а прибавочная ценность есть излишек того количества труда, который выполняет рабочий, сверх того количества труда, которое ему авансировано было в заработной плате; следовательно, прибавочная ценность рассматривается лишь в отношении к переменному или затраченному на заработную плату капиталу, а не ко всему капиталу. Норма прибавочной ценности и норма прибыли поэтому представляют две различные нормы, хотя сама прибыль представляет лишь *sub certa specie* вычисленную прибавочную ценность. Относительно нормы прибавочной ценности правильно утверждение, что она „зависит“ исключительно „от заработной платы; она повышается, когда заработная плата падает; и падает, когда заработная плата повышается“. Относительно суммы прибавочной ценности это утверждение было бы ошибочно, так как она зависит одновременно не только от нормы, в какой присваивается прибавочная ценность каждого из рабочих, но также от числа одновременно эксплуатируемых рабочих. Норма прибыли естественно зависит и определяется падением и повышением прибавочной ценности,

следовательно, падением и повышением заработной платы, так как она представляет отношение прибавочной ценности ко всей ценности авансированного капитала; но помимо этого определения норма прибыли заключает в себе еще [элементы], которые от него не зависят и не могут быть непосредственно сведены к нему. Господин Дж. Ст. Милль, с одной стороны, непосредственно отождествляет вместе с Рикардо прибыль и прибавочную ценность; с другой стороны, он понимает норму прибыли (имея в виду полемику с анти-рикардианцами) не в Рикардовском смысле, а в их настоящем смысле, как отношение прибавочной ценности к ценности всего авансированного капитала (переменный и постоянный капитал); в то же время он старается доказать, что норма прибыли непосредственно определяется законом, который определяет прибавочную ценность, и просто сводится к тому, что, чем меньше та часть, которую рабочий присваивает самому себе из своего рабочего дня, тем больше та часть, которая достается капиталисту и *vice versa*. Посмотрим же теперь, как он мучается; при этом хуже всего то, что он себе не представляет ясно, какую собственно проблему он хочет разрешить. Если бы он сам правильно формулировал проблему, то он не мог бы дать такого ошибочного разрешения ее. Итак, он говорит:

„Хотя верно, что орудия, сырые материалы и здания... сами являются продуктом труда... все же всей суммы их ценности нельзя свести к заработным платам рабочих, которыми они были произведены“¹⁾.

„Зарботные платы тех рабочих выданы капиталстом, и этот капиталист должен получить на свои затраты ту же прибыль, что и всякий другой капиталист; когда он продает свои орудия и сырые материалы, то их покупатель должен не только вернуть ему заработные платы, которые он выдал, но он ему еще должен дать что-нибудь сверх того, что ему доставляет обычную норму прибыли. И когда производитель, который покупает эти орудия и материалы и применяет их в своем деле, приступает к вычислению своего дохода, он должен вычесть часть продукта, которая не только покрывает заработные платы, выданные им самим и производителем орудий, но также и прибыль производителя орудий, которую первый выдал этому последнему из своего собственного капитала“ (I. c., стр. 98).

„Прибыль, следовательно, представляет не только и з лишек остающийся по возмещении издержек; она входит также в самые издержки. Капитал затрачивается отчасти на выдачу или возмещение заработных плат и отчасти на уплату прибылей других капиталистов, содействие коих было необходимо для получения средств производства“ (I. c., стр. 98, 99).

„Поэтому предмет может представлять продукт того же количества труда, как и раньше, и все же его издержки производства уменьшаются, когда часть прибыли, которую последний производитель должен уплатить прежним производителям, можно сберечь“... Несмотря на это, „совершенно верно, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы“ (I. c., стр. 102, 103).

Мы здесь естественно исходим всегда из предположения, что цена товара равняется его ценности. Это служит основой исследования самого господина Милля.

¹⁾ Выше он говорит: возмещение капитала означает возмещение заработных плат).

Прежде всего в цитированном выше способе объяснения прибыли очень похожи на прибыль *upon alienation*; но оставим это. Нет ничего более ошибочного, чем утверждение, что когда предмет продается по своей ценности, он является „продуктом того же количества труда, как и прежде“, и что в то же время „издержки производства предмета“ благодаря какому-нибудь обстоятельству могут быть „уменьшены“. Это было бы возможно в установленном мною выше смысле, где я различаю между издержками производства предмета и издержками производства капиталиста, так как последний за часть этих издержек производства не платит. В этом случае действительно верно, что он так же получает свою прибыль благодаря неоплаченному прибавочному труду своих собственных рабочих, как он ее может получить благодаря тому, что он не доплачивает капиталисту, который ему доставляет его постоянный капитал; то-есть, не уплачивает этому капиталисту части заключенной в его товаре и не оплаченной этим капиталистом прибавочной ценности, которая, именно поэтому, и составляет его прибыль. Это всегда сводится к тому, что он платит за товар ниже его ценности. Норма прибыли, следовательно, отношение прибавочной ценности к ценности всего авансированного капитала, может повышаться как благодаря тому, что то же количество авансированного капитала становится объективно дешевле, благодаря возрастанию производительности труда в отраслях производства, где производится постоянный капитал, так и благодаря тому, что оно становится субъективно дешевле для покупателя, так как он за него платит ниже его ценности. Для него оно всегда является результатом меньшего количества труда.

Милль говорит прежде всего, что в постоянном капитале содержатся для капиталиста, который производит последний товар, не только заработные платы, но и прибыли. Он рассуждает здесь таким образом: если бы он состоял только из заработных плат, то прибыль, следовательно, представляла бы излишек последнего капиталиста по возмещении всех заработных плат; и все оплаченные издержки за продукт сводились бы к заработным платам, что составляло бы всю сумму авансированного капитала. Ценность всего авансированного капитала равнялась бы ценности всех заработных плат, которые содержатся в продукте. Прибыль представляла бы излишек сверх этого. И так как норма прибыли равняется отношению этого излишка к ценности всего авансированного капитала, то эта норма очевидно повышалась бы или падала в зависимости от ценности всего авансированного капитала; то-есть от ценности заработных плат, совокупность которых составляет авансированный капитал.

Это возражение само по себе в действительности нелепо, если рассматривать общее отношение заработной платы и прибыли. Весь продукт господин Милль должен был бы разделить на две части: одна часть состояла бы из прибылей, безразлично, уплачивается ли она

последнему или прежним капиталистам, участвовавшим в производстве товара; другая часть представляла бы заработную плату; и тогда сумма прибылей попрежнему равнялась бы излишку сверх ценности заработных плат, и Рикардово „обратное отношение“ могло бы иметь силу непосредственно для нормы прибыли. Однако неверно, что сумма всего авансированного капитала сводится к прибыли и заработной плате.

Однако [полагает Милль] авансированный капитал содержит в себе не только заработные платы, но и авансированные прибыли. Прибыль, следовательно, получается не только как излишек сверх авансированных заработных плат, но также сверх авансированных прибылей. Таким образом, норма прибыли определяется не только излишком сверх заработной платы, а излишком последнего капиталиста сверх суммы заработных плат и прибылей; и сумма их, согласно предположению, составляет весь авансированный капитал. Следовательно, эта норма может, очевидно, изменяться не только вследствие возрастания или падения заработных плат, но также вследствие возрастания и падения прибыли. И если бы мы оставили в стороне изменение нормы, поскольку оно зависит от повышения или падения заработных плат; если бы мы предположили (что x раз и наблюдается на практике), что ценность заработных плат, то-есть их издержки производства, заключенное в них рабочее время, остались прежние, не изменились, то, следуя за господином Миллем, мы пришли бы к великодушному закону, что повышение нормы прибыли [зависит от падения прибыли и наоборот].

„Издержки производства уменьшаются, когда часть прибыли, которую последний производитель должен уплатить прежним производителям, можно сберечь“.

Это действительно совершенно верно. Предположим, что прибыль прежнего производителя не заключала бы в себе части, которая представляла бы простое запрашивание—profit upon alienation, как говорит Джемс Милль; тогда всякое сбережение „части прибыли“ (поскольку оно не получается от того, что дальнейший производитель надувает прежнего производителя, то-есть не уплачивает ему всей заключенной в его товаре ценности) является сбережением количества труда, требуемого для производства товара. Мы здесь оставляем в стороне прибыль, которая уплачивается, например, за время, когда капитал лежит под паром в период производства и т. д. Если например, требовалось два дня, чтобы принести сырой материал, как уголь, от шахты к фабрике, и если теперь требуется только один день, то один рабочий день „сберегается“; но это относится как к той части его, которая содержится в заработной плате, так и к той части, которая содержится в прибыли.

После того как господин Милль самому себе выяснил, что норма излишка последнего капиталиста, или вообще норма прибыли, зависит не только от непосредственного отношения заработной платы и прибыли, а от отношения последней прибыли к ценности всего авансированного капитала, которая равняется сумме затраченного на заработные платы переменного капитала плюс постоянный капитал; что, другими словами, норма прибыли определяется не только отношением прибыли к части капитала, затраченной на заработную плату, следовательно, не только издержками производства или ценностью заработной платы, — он продолжает:

„Все же остается совершенно правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы“.

Хотя это ошибочно, все же это верно. Иллюстрация, которую он здесь дает, может служить классическим примером способа иллюстрации экономистов, и это тем более поразительно, что автор ее написал также книгу по логике.

„Предположим, например, что 60 земледельцев, которые получают 60 кварталов хлеба в виде заработной платы, употребляют основной капитал и семена, ценность которых равняется тоже 60 квартерам, и что результат их операции представляет продукт в 180 кварталов. Если мы разложим цену семян и орудий на ее элементы, то мы находим, что они должны составлять продукт труда 40 человек; так как заработные платы этих 40 человек, вместе с прибылью, составляют, при принятой нами норме прибыли в 50 процентов, 60 кварталов. Так как продукт состоит из 180 кварталов, то он является результатом труда всего 100 человек. Именно 60 в начале упомянутых хлебопашцев и 40, труд которых создал основной капитал и семена.“

„Возьмем теперь крайний случай; сделано, предположим, изобретение, которое создает возможность произвести тот же продукт без тех средств, на которые была затрачена вторая треть продукта. Изобретено, предположим, средство, которое позволяет создать такое же количество продуктов без какого-либо основного капитала или семян или сырого материала в таком количестве, чтобы его стоило считать. Но предположим, что это не может произойти без привлечения такого количества добавочных рабочих, какое требовалось для производства семян и основного капитала. Таким образом, сберегается лишь прибыль предыдущего капиталиста. Согласно этому предположению допустим, что, если мы хотим обойтись без основного капитала и семян, что составляет ценность в 60 кварталов, необходимо принять 40 добавочных рабочих, из которых каждый, подобно прежним, получает квартал хлеба.“

„Норма прибыли, очевидно, теперь возросла с 50 до 80 процентов. Результат в 180 кварталов раньше можно было получить лишь при затрате 120 кварталов; теперь его можно получить с затратой лишь 100 кварталов.“

„Здесь, следовательно, имеется несомненное возрастание прибыли. Понижилась ли заработная плата (ценность заработной платы) или нет? Невидимому нет.“

„Продукт, 180 кварталов, попрежнему представляет результат того же количества труда, труда 100 человек. Квартал хлеба попрежнему является продуктом $\frac{10}{18}$ годовичного труда человека. Каждый рабочий получает попрежнему квартал хлеба, каждый, следовательно, продукт $\frac{10}{18}$ годовичного труда человека“ (I. c., стр. 99 до 101).

„Но хотя заработная плата еще представляет продукт того же количества труда, что и раньше, и издержки производства заработной платы понизились, так как в издержки производства входит кроме труда еще другой элемент (прибыль)“ (I. c., стр. 102).

„Он (квартал хлеба) теперь представляет продукт $\frac{10}{18}$ труда человека и больше ничего. Раньше он, наоборот, требовал для своего производства соеди-

нения этого количества труда с затратой в виде возмещения прибыли, что составляло на одну пятую больше.

„Если бы издержки производства остались прежними, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал один квартал хлеба; но 1 квартал хлеба раньше составлял результат тех же издержек производства, как $1\frac{1}{2}$ квартера теперь. Поэтому если бы каждый рабочий получал те же издержки производства, то каждый должен был бы получить 1 квартал плюс $\frac{1}{5}$ квартера“ (I. е., стр. 103).

„Если мы, следовательно, предполагаем, что рабочему уплачивается тем же продуктом, который он производит, то ясно, что когда настает какое-либо сокращение издержек производства этого предмета, но рабочий и впредь получает те же издержки производства, что и раньше, он должен получить большее количество соответственно росту производительности капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в таком же точно отношении к результату, как прежде, и прибыль не повысится.

„Таким образом, изменения нормы прибыли и издержек производства заработной платы происходят параллельно, они нераздельны. Положение Рикардо, что прибыль не может повышаться, если заработная плата не падает, следовательно, совершенно верно, если под низкой заработной платой подразумевается не только заработная плата, которая является продуктом меньшего количества труда, а заработная плата, которая произведена с меньшими издержками, что состоит из труда и прежних прибылей“ (I. с., стр. 104).

Относительно этой великолепной иллюстрации заметим прежде всего следующее: предполагается, что благодаря изобретению хлеб производится без семян (сырой материал) и без основного капитала; создается без сырого материала и без средств труда, следовательно, из воздуха, воды и земли исключительно ручным трудом. Под этим нелепым предположением скрывается только предположение, что продукт производится без постоянного капитала, следовательно, только вновь прибавленным трудом. В этом случае, конечно, доказано то, что подлежало доказательству; именно, что прибыль и прибавочная ценность тождественны; что, следовательно, и норма прибыли зависит только от отношения прибавочной ценности к необходимому труду. Трудности получаются именно оттого, что устанавливается отношение прибавочной ценности к постоянной части капитала [плюс переменный]—и это отношение мы называем нормой прибыли—и потому норма прибавочной ценности и норма прибыли различаются между собой. Таким образом, если мы предположим, что постоянный капитал = 0, то проблема, вытекающая из существования постоянного капитала, разрешена тем, что мы отвлекаемся от существования этого постоянного капитала. Но мы разрешили проблему тем, что предполагаем, что она не существует. *Probatum est.*

Выразим же проблему или Миллевскую иллюстрацию проблемы правильно.

В первом предположении мы имеем:

Постоянный капитал (основной капитал и семена). 60 квр. ¹⁾	Переменный капитал (капитал, затраченный на заработную плату). 60 квр. (60 рабочих).	Весь продукт.	Прибыль.
		180 квр.	60 квр.

¹⁾ Квартеров.

В этом примере предполагается, что прибавленный к постоянному капиталу труд равняется 120 квартирам, и один квартал составляет заработную плату за один рабочий день (или рабочий год одного рабочего, который мы для простоты принимаем за рабочий день). Мы, следовательно, предполагаем в действительности, что рабочий день реализуется в 2 кварталах; следовательно, 60 рабочих реализуют свои 60 рабочих дней в 120 кварталах, из коих 60 составляют их заработок, 60 прибыль. Другими словами: что рабочий половину рабочего дня работает на себя, для возмещения заработной платы, и половину на капиталиста, и, таким образом, создает прибавочную ценность последнего. Норма прибавочной ценности поэтому = 100 процентам, а не 50 процентам. Но так как переменный капитал составляет лишь половину всего авансированного капитала, то норма прибыли выражается отношением не 60 кварталов к 60 кварталам, а 60 к 120; следовательно, она равна не 100, а 50 процентам. Если бы постоянная часть капитала была = 0, то весь авансированный капитал состоял бы только из 60 кварталов, только из капитала, затраченного на заработную плату = 30 рабочим дням; прибыль и прибавочная ценность, следовательно; также их нормы, были бы тождественны. Прибыль составляла бы тогда 100, а не 50 процентов. 2 квартала хлеба были бы продуктом 1 рабочего дня и 120 кварталов продуктом 60 рабочих дней, хотя 1 квартал составлял бы только заработную плату за 1 рабочий день и 60 кварталов хлеба только заработную плату за 60 рабочих дней. Другими словами, рабочий получает лишь половину, 50 процентов, своего продукта, меж тем как капиталист получил бы вдвое больше, 100 процентов своих затрат.

Как обстояло бы тогда дело с постоянным капиталом в 60 кварталов? Они также представляли бы продукт 30 рабочих дней; предположим, что в этом постоянном капитале элементы его производства тоже относятся друг к другу так, что треть его состоит из постоянного капитала, две трети из вновь прибавленного труда; что нормы прибавочной ценности и прибыли остались те же. Тогда получим следующее вычисление:

Постоянный капитал 20 кварталов	Переменный капитал 20 кварталов (заработная плата 20 рабочих)	Весь продукт 60 кварталов	Прибыль. 20 кварталов.
------------------------------------	--	------------------------------	---------------------------

Норма прибыли снова составляла бы 50 процентов, норма прибавочной ценности 100 процентов. Весь продукт был бы продуктом 30 рабочих дней; но из них 10 рабочих дней (= 20 кварталам) представляли бы прежний труд (постоянный капитал) и 20 рабочих дней вновь прибавленный труд 20 рабочих, из которых каждый получил бы однако лишь половину своего продукта, в виде заработной платы. 2 квартала были бы попрежнему продуктом труда одного человека,

хотя 1 квартал попрежнему составлял бы плату за труд одного человека, и 1 квартал прибыль капиталиста, который присвоил себе половину труда рабочего.

60 кварталов, которые капиталист последнего процесса производства превратил в прибавочную ценность, составляли норму прибыли в 50 процентов, так как эти 60 кварталов прибавочной ценности вычисляются не на 60 кварталов, затраченных на заработную плату, но также и на 60 кварталов, затраченных на семена и основной капитал, следовательно, вместе на 120 кварталов.

Таким образом, если Милль считает также 50 процентов прибыли у капиталиста, который произвел семена и основной капитал, вместе 60 кварталов; если он далее предполагает, что между постоянным и переменным капиталом здесь существует такое же отношение, как и при производстве 180 кварталов,—тогда он имеет право сказать, что прибыль = 20 кварталам, заработная плата = 20 кварталам и постоянный капитал = 20 кварталам. Так как заработная плата = 1 кварталу, то 60 кварталов содержат 30 рабочих дней, подобно тому, как 120 кварталов содержат 60 дней.

Но что говорит Милль?

„Разложим цену семян и орудий на ее элементы; тогда мы найдем, что они должны составлять продукт труда 40 человек, так как заработные платы этих 40 человек вместе с прибылью составляют при норме прибыли в 50 процентов 60 кварталов“.

У первого капиталиста работают 60 рабочих, получающих у него по 1 кварталу в день; таким образом, он затрачивает 60 кварталов на заработную плату, далее 60 кварталов на постоянный капитал; 60 рабочих дней у него выражаются в 120 кварталах; но рабочие получают из них лишь 60 в виде заработной платы. Или заработная плата равняется лишь половине продукта труда 60 человек. Следовательно, 60 кварталов постоянного капитала равнялись также только продукту труда 30 человек; если бы они состояли только из прибыли и заработной платы, то заработная плата составляла бы 30 кварталов и прибыль 30 кварталов; следовательно, заработная плата равнялась труду 15 человек и прибыль также. Но если прибыль составляет лишь 50 процентов, то это получается оттого, что согласно предположению, из 30 дней, которые содержатся в 60 кварталах, 10 дней¹⁾ равны предыдущему труду, это постоянный капитал, и только 10 дней заключаются в заработной плате. Итак, 10 дней содержится в постоянном капитале, 20 во вновь прибавленных рабочих днях, из которых, однако, рабочие только 10 дней работают на себя, 10 на капиталиста. Но господин Милль утверждает, что эти 60 кварталов являются продуктом 40 человек, меж тем как раньше 120 были продуктом 60 человек. В послед-

¹⁾ В оригинале здесь и ниже 20 (описка). Прим. перев.

нем случае 1 квартал заключает в себе половину рабочего дня, хотя он составляет плату за целый рабочий день; в первом $\frac{3}{4}$ квартала равнялись бы половине рабочего дня; меж тем как треть продукта (60 кварталов), которая затрачена на постоянный капитал, имеет точно такую же ценность, следовательно, содержит столько же рабочего времени, как и всякая другая треть продукта. Если бы господин Милль хотел весь постоянный капитал в 60 кварталов превратить в заработную плату, то это нисколько не изменило бы количества рабочего времени, которое в нем содержалось. Осталось бы попрежнему 30 рабочих дней; только норма прибыли и прибавочной ценности¹⁾ совпали бы, так как здесь не требовалось бы замещения постоянного капитала. Прибыль составляла бы, следовательно, 100 процентов, а не 50 процентов, как раньше. Прежде прибавочная ценность тоже составляла 100 процентов; но прибыль только 50 процентов; именно благодаря тому, что при вычислении принимается в расчет и постоянный капитал.

Здесь мы имеем, таким образом, двойной ошибочный прием господина Милля.

Что касается первых 180 кварталов, то там трудность заключалась в том, что норма прибавочной ценности и норма прибыли²⁾ не совпадали, ибо 60 кварталов прибавочной ценности нужно было считать не только на 60 кварталов, на ту часть всего продукта, которая равнялась заработной плате, а на 120 кварталов, то-есть на постоянный капитал в 60 кварталов плюс заработная плата в 60 кварталов. Прибавочная ценность составляла поэтому 100 процентов, прибыль лишь 50 процентов. Господин Милль устраняет эту трудность относительно 60 кварталов, составляющих постоянный капитал; он предполагает, что здесь весь продукт делится между капиталистом и рабочим; то-есть, что постоянный капитал не участвует в создании постоянного капитала, шестидесяти кварталов семян и средств труда. Тот факт, который нужно было объяснить для капитала I, отпадает, согласно предположению, для капитала II, и, таким образом, проблема исчезает.

Во-вторых, после того как он предположил, что в ценность 60 кварталов, которые составляют постоянный капитал капитала I, входит лишь труд; что там нет предыдущего труда, нет постоянного капитала; что, следовательно, прибыль и прибавочная ценность совпадают, то-есть норма прибыли и прибавочной ценности; что между ними нет различия,—после всего этого он потом, наоборот, предполагает, что между ними существует различие, как sub I, и потому при-

¹⁾ В оригинале стоит: „только прибыль и прибавочная ценность“ (описка)
Прим. перев.

²⁾ В оригинале стоит: „что прибавочная ценность и прибыль“ (описка)
Прим. перев.

быль, как sub I, составляет лишь 50 процентов. Если бы sub I треть продукта не состояла из постоянного капитала, то прибыль равнялась бы прибавочной ценности¹⁾. Весь продукт состоял лишь из 120 кварталеров = 60 рабочим дням, из которых 30 получили бы рабочие (= 60 кварталерам) и 30 капиталист (= 60 кварталерам). Норма прибыли равнялась бы²⁾ норме прибавочной ценности = 100 процентам. Она была = 50 процентам, так как 60 кварталеров прибавочной ценности вычислялось не на 60 кварталеров (заработная плата), а на 120 кварталеров (заработная плата, семена и основной капитал). Sub II, он предполагает, постоянный капитал не входит. Он полагает также, что заработная плата та же, 1 кварталер. И все же он думает, что норма прибыли и норма прибавочной³⁾ ценности различаются между собой; то-есть что прибыль составляет лишь 50 процентов, хотя прибавочная ценность достигает 100 процентов. В действительности он предполагает, что те 60 кварталеров, треть всего продукта, содержат больше рабочего времени, чем другая треть всего продукта; что 60 кварталеров являются продуктом 40 рабочих дней, меж тем как другие 120 были продуктом только 60 рабочих дней.

Но в действительности здесь проглядывает старое заблуждение относительно прибыли upon alienation, которая совершенно не касается содержащегося в продукте рабочего времени, следовательно, также, Рпкардового определения ценности. Именно Милль предполагает, что плата, которую человек получает за рабочий день, равняется продукту его рабочего дня, или содержит столько рабочего времени, сколько он работает. Если заработная плата составляет 40 кварталеров, и прибыль равна 20 кварталерам, то эти 40 кварталеров содержат 40 рабочих дней. Плата за 40 рабочих дней равняется продукту 40 рабочих дней. Если на 60 кварталеров приходится 50 процентов или 20 кварталеров прибыли, то отсюда следует, что 40 кварталеров равняются продукту труда 40 человек, так как, согласно предположению, 40 кварталеров образуют заработную плату, и 1 человек получает 1 кварталер в день. Откуда же получаются другие 20 кварталеров?⁴⁾ Эти 40 человек работают 40 рабочих дней, так как они получают 40 кварталеров. Следовательно, 1 кварталер представляет продукт 1 рабочего дня. 40 рабочих дней создают поэтому 40 кварталеров и больше ни одного бушеля. Откуда же получаются те 20 кварталеров, которые образуют прибыль? В основе всего этого лежит старое заблуждение относительно прибыли upon alienation; номинального только повышения цены продукта над его ценностью. Но здесь она является полной бессмыслицей; она здесь невоз-

1) Вернее; норма прибыли равнялась бы норме прибавочной ценности. Прим. перев.

2) В оригинале описка: „равнялась“. Прим. перев.

3) В оригинале описка; написано: „что прибыль и прибавочная ценность“. Прим. перев.

4) В оригинале здесь и ниже говорится о прибыли в 40 кварталеров.

можно, так как ценность представлена не в деньгах, а в аликвотной (соответственной) части самого продукта. Если 40 кварталов хлеба являются продуктом 40 рабочих, из коих каждый получает 1 квартал заработной платы в день или год; следовательно, они получают весь свой продукт в виде заработной платы, и если 1 квартал хлеба равняется 3 фунтам стерл., следовательно, 40 кварталов = 120 фунт. стерл., тогда мы должны себе представить, что капиталист продает эти 40 кварталов за 180 фунт. стерл., и таким образом, получает 60 фунт. стерл., 50% процентов прибыли, что равняется [ценности] 20 кварталов. Но это предположение само по себе приходит ad absurdum, когда он из 40 кварталов, которые произведены 40 рабочими, и за которые он платит 40 кварталов, продает 60 кварталов. В его распоряжении имеется лишь 40 кварталов, а он продает 60, на 20 больше, чем он может продать.

Прежде всего, следовательно, Милль доказывает Рикардовский закон, именно ошибочный Рикардовский закон, который смешивает прибавочную ценность и прибыль, следующими приятными предположениями:

1. Капиталист, производящий постоянный капитал, сам не имеет постоянного капитала; таким образом, он своим предположением устраняет всю ту трудность, которая вносится постоянным капиталом.

2. Различие между прибавочной ценностью и прибылью ¹⁾, которое обусловлено постоянным капиталом, все же существует и тогда, когда постоянного капитала нет.

3. Тот, кто производит 40 кварталов пшеницы, может продать 60, так как весь его продукт продается, как постоянный капитал, другому капиталисту, постоянный капитал которого равняется 60 кварталам, и капиталист № II на эти 60 кварталов получает 50 процентов прибыли.

Последняя нелепость сводится к представлению о profit upon alienation, которое здесь является столь абсурдным только потому, что не номинальная ценность, выраженная в деньгах, а часть самого проданного продукта должна составлять прибыль. Этим самым Милль, следовательно, желая защитить Рикардо, отказался от его основного положения и спустился значительно ниже Рикардо, А. Смита и физиократов.

Его первая защита Рикардовского учения состоит, следовательно, в том, что он его опрокидывает, именно опрокидывает основной принцип, что прибыль составляет только часть ценности товара, следовательно, только часть заключенного в нем рабочего времени; хотя капиталист в своем продукте продает эту часть, но рабочему он за нее не за-

¹⁾ Точнее: между нормой приб. цен. и нормой прибыли. Прим. перев.

латил. По Миллю он платит рабочему за весь его рабочий день, и все же он получает свою прибыль.

Посмотрим, как он оперирует далее.

Он принимает, что, благодаря изобретению, отпадает необходимость употреблять семена и орудия труда; то-есть, согласно его предположению, отпадает необходимость постоянного капитала для последнего капиталиста, как он это уже сделал для производителей 60 кварталов семян и основного капитала. Тогда он должен был бы рассуждать таким образом: Капиталист I не должен теперь затрачивать 60 кварталов на семена и основной капитал, так как мы считали, что его постоянный капитал = 0. Он должен, следовательно, затратить лишь 60 кварталов на заработную плату 60 рабочих, которые работают 60 дней. Продукт этих 60 рабочих дней равняется 120 квартерам. Рабочие получают лишь 60 кварталов. Следовательно, капиталист получает 60 кварталов прибыли, 100 процентов. Его норма прибыли в точности равняется норме прибавочной ценности, то-есть в точности равняется [отношению] рабочего времени, [когда рабочие работали на себя, к тому рабочему времени], когда они работали не на себя, а на капиталиста¹⁾. Они работали 60 дней. Они производят 120 кварталов и получают 60 кварталов в виде заработной платы. Они, следовательно, получают в виде заработной платы продукт 30 рабочих дней, хотя они работали 60 дней; 2 квартера стоят по прежнему 1 рабочего дня, то-есть, того же количества рабочего времени. Оплаченный капиталистом рабочий день попрежнему составляет 1 квартал, то-есть равняется половине выполненного рабочего дня. Продукт уменьшился на одну треть, со 180 кварталов до 120; и все же норма прибыли повысилась на 50 процентов, именно с 50 до 100. И далее. Из 180 кварталов треть возмещала затрату на постоянный капитал, не входила, следовательно, ни в прибыль, ни в заработную плату. С другой стороны, 60 кварталов или 30 рабочих дней, которые рабочие произвели или работали на капиталиста, вычислялись не на 60 кварталов, которые были затрачены на заработную плату, или на 30 рабочих дней, когда они работали на себя самих, а на 120 кварталов или 60 рабочих дней, которые были затрачены на заработную плату, семена и основной капитал. Поэтому хотя из 60 дней они работали 30 на себя и 30 на капиталиста, хотя затрата на заработную плату капитала в 60 кварталов дала ему 120, его норма прибыли была = не 100, а только = 50 процентам, так как иначе вычислялась, один раз на 2×60 и другой раз на 60. Прибавочная ценность была та же, но норма прибыли другая.

Но как Милль приступает к этому?

¹⁾ Вернее наоборот: $\frac{m}{v}$, а не $\frac{v}{m}$. Прим. пер.

Он не предполагает, что капиталист [по исчезновении постоянного капитала] с [затратой] 60 кварталов получает 120 кварталов; согласно его предположению, капиталист теперь ставит 100 человек, которые доставляют ему 180 кварталов: все время принимается, что заработная плата за 1 рабочий день = 1 кварталу. Таким образом получается такой расчет:

Затраченный капитал (только переменный, только затраченный на заработную плату).	Весь продукт:	Прибыль.
100 кварталов (плата за 100 рабочих дней).	180 кварталов.	80 кварталов.

То-есть, капиталист получает 80 процентов прибыли. Прибыль здесь равняется прибавочной ценности. Следовательно, и норма прибавочной ценности также равна только 80 процентам; она равнялась раньше 100, следовательно, она была на 20 процентов выше. Здесь мы, таким образом, имеем такое явление: норма прибыли возросла на 30 процентов, а норма прибавочной ценности понизилась на 20 процентов. Если бы капиталист попрежнему затратил на заработную плату лишь 60 кварталов, то получился бы следующий расчет:

100 кварталов дают 80 кварталов прибавочной ценности.

10	"	"	8	"	"	"
60	"	"	48	"	"	"

Но раньше 60 кварталов нам давали 60 кварталов (следовательно, на 20 процентов больше). Или выражаясь иначе:

Раньше давали

Затраченный капитал.	Весь продукт.	Прибавочная ценность.
60 кварталов.	120 кварталов.	60 кварталов.
10 "	20 "	10 "
100 "	200 "	100 "

Таким образом, прибавочная ценность понизилась (в обоих случаях мы должны считать на 100 кварталов) со 100 до 80, на 20 процентов).

Перейдем далее к рабочему времени или ценности квартала. Раньше 2 квартала были = 1 рабочему дню или 1 квартал = $\frac{1}{2}$ рабочего дня, или $\frac{9}{18}$ труда одного человека. Теперь же 180 кварталов представляют продукт 100 рабочих дней, следовательно, 1 квартал продукт $\frac{100}{180}$ рабочего дня = $\frac{10}{18}$ рабочего дня. Другими словами, продукт вздорожал на $\frac{1}{18}$ рабочего дня или труд стал менее производительен, так как раньше человеку требовалось лишь $\frac{9}{18}$ рабочего дня для производства 1 квартала, меж тем как теперь требуется $\frac{10}{18}$. Норма прибыли возросла, хотя прибавочная ценность понизилась, производительность труда уменьшилась, или реальная ценность, издержки

производства заработной платы, увеличились на $\frac{1}{18}$ или $5\frac{5}{9}$ процентов. 180 кварталов раньше составляли продукт 90 рабочих дней. Теперь они составляют продукт 100 рабочих дней. Предположим, что рабочий день равняется 12 часам = 720 минутам. 18-ая часть рабочего дня, следовательно, равна $\frac{720}{18} = 40$ минутам. Из этих 720 минут рабочий отдает капиталисту в первом случае $\frac{9}{18} = 360$ минутам. Следовательно, 60 рабочих дают ему 360×60 минут. Из этих 720 минут рабочий отдает во втором случае $\frac{8}{18}$, следовательно, лишь 320. Но первый капиталист ставит 60 рабочих, зарабатывает, следовательно, $360 \times 60 = 21600$ минут. Второй ставит 100 рабочих, зарабатывает, следовательно, $320 \times 100 = 32000$ минут, то-есть больше первого, так как 100 рабочих по 320 минут в день составляет больше, чем 60 по 360. Однако он выигрывает только потому, что ставит на 40 рабочих больше; но он зарабатывает относительно меньше на рабочем. Он выигрывает, хотя норма прибавочной ценности и производительность труда понизилась, следовательно, издержки производства реальной платы (то-есть заключенное в ней количество труда) повысились. Но господин Милль хотел доказать прямо противоположное.

Предположим, что капиталист № I, который не сделал такого „изобретения“, чтобы производить хлеб без семян и основного капитала, так же имеет 100 рабочих дней (как капиталист № II), меж тем как он, в выше приведенном вычислении, имеет только 90 рабочих дней. Он, следовательно, должен был бы иметь на 10 рабочих дней больше, из них $3\frac{1}{3}$ на свой постоянный капитал (семена и основной капитал), $3\frac{1}{2}$ на заработную плату¹⁾. Продукт этих 10 рабочих дней на старой ступени производства равняется 20 квартерам, из которых, однако $6\frac{2}{3}$ квартера возмещают постоянный²⁾ капитал, $12\frac{1}{3}$ составляют продукт $6\frac{2}{3}$ рабочих дней. Из них $6\frac{2}{3}$ кв. образуют заработную плату и $6\frac{2}{3}$ кв. прибавочную ценность.

Таким образом, мы получили бы следующее вычисление:

Постоянный капитал.	Заработная плата.	Весь продукт.	Прибавочная ценность.
$66\frac{2}{3}$ квартера.	$66\frac{2}{3}$ квартера	200 кварталов.	$66\frac{2}{3}$ квартера.
$33\frac{1}{3}$ рабоч. дня.	(плата за $66\frac{2}{3}$ рабоч. дн.).	100 рабочих дней.	$33\frac{1}{3}$ рабоч. дн.
			прибавочная ценность=100 процентам.

На всем продукте в 100 рабочих дней капиталист имеет прибыли $33\frac{1}{3}$ рабочего дня. Или на 200 квартерах $66\frac{2}{3}$ квартера. Или, если мы будем считать затраченный капитал в квартерах, на $133\frac{1}{3}$ квартера (продукт $66\frac{2}{3}$ раб. дня) капиталист имеет $66\frac{2}{3}$ прибыли [норма

¹⁾ В оригинале стоит: „ $6\frac{2}{3}$ на заработную плату“. Но $3\frac{1}{3}$ раб. дня не оплачивается, они образуют прибавочную ценность. К.

²⁾ В оригинале стоит: „основной“ (описка!). Прим. пер.

прибыли в 50 процентов], меж тем как капиталист II, затрачивая 100 кварталов, получал 80 прибыли [норма прибыли в 80 процентов]. Прибыль II-го, таким образом, больше прибыли I-го. Но I создает 200 кварталов в то же рабочее время, когда другой создает 180; 1 квартал I-го = $\frac{1}{2}$ рабочего дня, 1 квартал II-го = $\frac{10}{18}$ рабочего дня, содержит, следовательно, на $\frac{1}{18}$ больше рабочего времени, и был бы, таким образом, дороже. Поэтому, I-й должен был бы сбить с позиции II-го. Последний должен был бы отказаться от изобретения и решить попрежнему употреблять семена и основной капитал для производства хлеба.

Господин Милль доказал, таким образом, что капиталист I, всего имеющий 90 рабочих дней, из которых треть содержится в постоянном капитале (семена, машины и т. д.), треть в переменном капитале на 60 рабочих, что этот капиталист производит квартал хлеба в $\frac{1}{2}$ рабочего дня или $\frac{9}{18}$ дня; следовательно, в 90 рабочих дней 180 кварталов, из коих 60 кварталов покрывают 30 рабочих дней, заключенных в постоянном капитале, 60 кварталов плату за 60 рабочих дней или продует 30 рабочих дней, и 60 кварталов прибавочную ценность или продует 30 рабочих дней. Прибавочная ценность этого капитала I равняется 100 процентам. Его прибыль равняется 50 процентам, так как эти 60 кварталов прибавочной ценности вычисляются не на 60 кварталов, не на часть капитала, затраченную на заработную плату, а на 120 кварталов, то-есть на двойной капитал, переменный и постоянный.

Он доказал далее, что капиталист II, который имеет 100 рабочих дней, из которых он затрачивает O на постоянный капитал (благодаря своему изобретению), создает продукт в 180 кварталов; следовательно, квартал равняется $\frac{10}{18}$ дня или на $\frac{1}{18}$ дня (40 минут) дороже, чем № I. Труд [его рабочих] менее производительен на $\frac{1}{18}$. Их заработная плата возросла на $\frac{1}{18}$ в реальной ценности, то-есть по требуемому для ее производства рабочему времени. Хотя теперь издержки производства заработной платы на $\frac{1}{18}$ возросли, и весь его продукт в сравнении с рабочим временем меньше; и далее произведенная им прибавочная ценность так же составляет только 80 процентов, меж тем как прибавочная ценность I составляла 100,—все же его норма прибыли составляет 80 процентов, меж тем как норма прибыли другого была 50 процентов. Почему? Потому, что хотя издержки производства заработной платы у II возрасли, он имеет больше рабочих; и потому что у II норма прибавочной ценности равна норме прибыли, так как она вычисляется только на капитал, вложенный в заработную плату, и постоянный капитал равняется нулю. Но Милль хотел доказать обратное, что повышение нормы прибыли произошло будто бы вследствие уменьшения издержек производства заработной платы, согласно Рикардовскому закону. Мы видим, что это возрастание про-

изошло несмотря на увеличение издержек производства заработной платы, что, следовательно, Рикардовский закон ошибочен, если прибыль и прибавочная ценность непосредственно отождествляются, следовательно, под нормой прибыли понимается отношение прибавочной ценности или валовой прибыли (которая равна прибавочной ценности) ко всей ценности авансированного капитала.

Господин Милль продолжает:

„180 кварталов можно было раньше получить при затрате 120 кварталов; теперь это можно получить при затрате лишь 100 кварталов“¹⁾.

„Продукт, 180 кварталов, является попрежнему результатом того же количества труда, труда 100 человек“²⁾.

„Один квартал хлеба попрежнему является продуктом $\frac{10}{18}$ годового труда человека³⁾. Каждый рабочий получает, как и раньше, квартал хлеба, каждый, следовательно, продукт $\frac{10}{18}$ годового труда человека..., заработная плата представляет еще продукт того же труда, как и раньше⁴⁾.... Он (квартал хлеба) представляет теперь продукт $\frac{10}{18}$ труда человека и больше ничего⁵⁾. Прежде, наоборот, требовалось для его производства соединение определенного количества труда с затратой в виде возмещения прибыли, что составляет на $\frac{1}{5}$ больше“.

Стой! Во-первых, неверно, что один квартал раньше стоил $\frac{10}{18}$ рабочего дня; он стоил только $\frac{9}{18}$; еще более ошибочно (если бы возможна была градация в абсолютно ошибочном), что к этим $\frac{9}{18}$ рабочего дня прибавилось еще „возмещение прибыли, что составляет на одну пятую больше“. В 90 рабочих дней (считая вместе постоянный и переменный капитал) произведены 180 кварталов. 180 кварталов = 90 рабочим дням: 1 квартал = $\frac{90}{180} = \frac{1}{2}$ рабочего дня = $\frac{9}{18}$. Следовательно, не получается никакой прибавки к этим $\frac{9}{18}$, или половине рабочего дня, которого стоил 1 квартал в случае № I. Но здесь мы открываем ту именно ошибку, вокруг которой движется вся эта бессмыслица. Милль валяет дурака, полагая, что если 120 кварталов являются продуктом 60 рабочих дней, продукт которых делится на равные части между 60 рабочими и капиталистом, 60 кварталов, составляющие постоянный капитал, могут, будто бы, составлять продукт 40 рабочих дней. Но они могли бы представлять только продукт 30 дней, независимо от того, в каком отношении капиталист и рабочие, производящие эти 60 кварталов, делят их между собой. Однако,

¹⁾ Господин Милль забывает, что в первом случае затрата 120 кварталов равняется затрате 60 рабочих дней. Во втором случае, наоборот, затрата 100 кварталов равняется затрате $55\frac{10}{18}$ рабочих дней (следовательно, в первом случае 1 квартал равняется $\frac{9}{18}$ рабочим дням, во втором $\frac{10}{18}$).

²⁾ Pardon! Эти 180 кварталов раньше были результатом 90 рабочих дней а теперь 100.

³⁾ Pardon! Раньше это был продукт $\frac{9}{18}$ труда человека.

⁴⁾ Pardon! Во-первых, теперь 1 квартал хлеба является в действительности продуктом $\frac{10}{18}$ дня, меж тем как раньше он был продуктом $\frac{9}{18}$ дня; он стоит, следовательно, на $\frac{1}{18}$ больше труда; во-вторых, платы отдельного рабочего, независимо от того, стоит ли квартал $\frac{9}{18}$ или $\frac{10}{18}$ его дня, никогда нельзя смешивать с продуктом его труда; она всегда составляет лишь часть этого продукта.

⁵⁾ Это неверно.

оставим это. Чтобы окончательно выяснить ошибку, предположим, что не треть из 60 кварталов постоянного капитала, или 20 кварталов, выражаются в прибыли, а вся сумма в 60 кварталов. Мы тем более можем сделать это предположение, что оно в интересах Милля, а не наших, и что оно упрощает проблему. С другой стороны, мы можем приписать капиталисту, который производит постоянный капитал в 60 кварталов, изобретение, что он заставляет 30 рабочих работать даром, без всякой платы (как это имеет место при барщине), 30 рабочих дней; это нам легче сделать, чем приписать Миллевскому капиталисту изобретение, которое ему позволяет производить 180 кварталов хлеба без семян и основного капитала. Таким образом, предполагаем, что в этих 60 кварталах содержится только прибыль капитала II, производящего постоянный капитал капитала I; и капитал II должен был продать продукт 30 рабочих дней, не заплатив ни одного пфеннига 30 рабочим, которые работали по одному рабочему дню. Можно ли сказать, что эти 60 кварталов, которые состоят только из прибыли, входят в издержки производства заработной платы капиталиста I и вступают в „соединение“ с временем, когда эти рабочие работали?

Во всяком случае, капиталист и рабочие № I не могли бы произвести 120 кварталов, вообще никаких кварталов без 60 кварталов, которые составляют их постоянный капитал и состоят только из прибыли. Это для них необходимые средства производства, и средства производства, за которые к тому же должно быть заплачено. Итак, им необходимы были эти 60 кварталов, чтобы произвести 180. Из этих 180 кварталов 60 возмещают эти 60. Их 120 кварталов, продукт их 60 рабочих дней, остаются попрежнему. Если бы они могли произвести 120 кварталов без тех 60, то их продукт, продукт 60 рабочих дней, был бы прежним; но весь продукт был бы меньше, так как именно те имевшиеся раньше 60 кварталов не были бы воспроизведены. Норма прибыли капиталиста была бы больше, так как в его издержки производства не входили бы затраты, издержки на средства производства, которые дают ему возможность получить прибавочную ценность в 60 кварталов. Абсолютная прибыль была бы та же, 60 кварталов. Но эти 60 кварталов ему стоили бы лишь затраты 60 кварталов. Теперь он на них затратил 120 кварталов. Эта затрата на постоянный капитал входит, следовательно, в издержки производства капиталиста, а не в издержки производства заработной платы.

Предположим, что благодаря какому-нибудь „изобретению“ капиталист III также может, не платя своим рабочим, произвести 60 кварталов в 15 дней [вместо 30], отчасти потому, что он применяет лучшие машины и т. д. Этот капиталист III прогнал бы с рынка капиталиста II и привлек бы себе клиентов именно капиталиста I. Теперь, следовательно, затраты для капиталиста уменьшатся с 60 до 45 рабо-

чих дней. Попрямому рабочне должны затратить 60 рабочих дней, чтобы из 60 кварталов сделать 180. Им требовалось бы 30 дней, для производства своей заработной платы. Для них 1 квартал равняется половине рабочего дня. Однако эти 180 кварталов стоили капиталисту только затраты в 45 рабочих дней вместо 60¹⁾. Но так как было бы нелепо предполагать, что зерно в виде семян стоит меньше рабочего времени, чем в виде верна, то мы должны были бы предположить, что в первых 60 кварталах семена стоят столько же, как и раньше, по требуется меньше семян; или что та часть ценности, которая содержится в тех 60 кварталах, в виде основного капитала, подешевела.

Прежде всего вспомним, что вытекало из предыдущего анализа „иллюстрации“ Милля. Оказалось: Предположим, что 120 кварталов произведены без всякого основного капитала и попрежнему являются продуктом 60 рабочих дней; раньше 180 кварталов, из которых 60 кварталов составляют постоянный капитал, равнялись продукту 90 рабочих дней. В этом случае затраченный на заработную плату капитал 60 кварталов = 30 рабочим дням, который, однако, распоряжается 60 рабочими днями, будет попрежнему доставлять тот же продукт, 120 кварталов. Ценность этого продукта также осталась бы неизменной, именно 2 квартала = 1 рабочему дню. Раньше продукт составлял правда 180 кварталов, а теперь 120²⁾; но эта разница в 60 кварталов выражает только заключенное в постоянном капитале рабочее время. Следовательно, издержки производства заработной платы и сама заработная плата — как ее потребительная ценность, так и ее меновая ценность — остались неизменными, 1 квартал = $\frac{1}{2}$ рабочего дня. Прибавочная ценность также осталась бы неизменной, именно 60 кварталов на 60 кварталов или $\frac{1}{2}$ рабочего дня на $\frac{1}{2}$ рабочего дня. Норма прибавочной ценности в обоих случаях равнялась 100 процентам. Тем не менее норма прибыли составляла в первом случае лишь 50 процентов, меж тем как теперь она составляет 100 процентов. Только потому, что $60 : 60 = 100$ процентам и $60 : 120 = 50$ процентам. Это повышение нормы прибыли здесь получается не вследствие изменения издержек производства заработной платы, а просто оттого, что постоянный капитал предполагается = 0; приблизительно то же самое [получается], когда ценность постоянного капитала уменьшается, следовательно, также ценность всего авансированного капитала; растет, следовательно, отношение прибавочной ценности к капиталу, а это отношение есть норма прибыли.

Прибавочная ценность в виде нормы прибыли вычисляется не только на ту часть капитала, которая действительно увеличивается и создает прибавочную ценность, именно на затраченную на заработную

¹⁾ В оригинале стоит 90. Примеч. пер.

²⁾ В оригинале стоит 60. К.

плату часть капитала, по также на ценность сырого материала и машин, ценность которых только снова появляется в продукте; кроме того, на ценность всех машин; не только той части их, которая действительно входит в процесс создания ценности, изнашиваемые которой должно быть возмещено; но и той части, которая только входит в процесс труда.

Во втором примере предполагалось, что в то время как капитал I создает 180 кварталов, равных 90 рабочим дням, так что 60 кварталов (30 рабочих дней) составляют постоянный капитал, 60 кварталов (за 60 рабочих дней, из которых рабочим уплачивается за 30) переменный капитал, 60 кварталов (30 рабочих дней) составляют прибавочную ценность,—капитал II, наоборот, также производит 180 кварталов, по они равняются 100 рабочим дням; из них 100 кварталов составляют заработную плату, 80 кварталов прибавочную ценность. Весь авансированный капитал здесь затрачен на заработную плату. Здесь постоянный капитал равняется нулю: реальная ценность заработной платы повысилась, хотя потребительная ценность, которую получает рабочий, осталась та же, 1 квартал; но 1 квартал теперь равняется $\frac{10}{18}$ рабочего дня, меж тем как раньше он равнялся лишь $\frac{9}{18}$. Прибавочная ценность понизилась со 100 до 80 процентов. Норма прибыли возросла с 50 до 80, следовательно, на три пятых, т.-е. на 60 процентов¹⁾. Таким образом, в этом случае реальные издержки производства рабочей платы не остались неизменными; они даже повысились. Труд стал менее производителен, прибавочная ценность поэтому уменьшилась. И все же норма прибыли возросла. Почему?

Во-первых, потому что здесь нет постоянного капитала, следовательно, норма прибыли равна норме прибавочной ценности. Во всех случаях, когда капитал затрачен не исключительно на заработную плату, что при капиталистическом производстве почти невозможно, норма прибыли должна быть меньше нормы прибавочной ценности; она должна быть меньше соответственно тому, как вся ценность авансированного капитала больше ценности той части капитала, которая затрачена на заработную плату.

Во-вторых, норма прибыли повысилась, так как II имеет относительно больше рабочих, чем I; то-есть имеющееся у II число рабочих больше того количества рабочих, которое соответствовало бы разнице в производительности труда.

С одной стороны, случаи, приведенные здесь (см. во-первых и во-вторых), вполне доказывают, что изменение нормы прибыли может происходить совершенно независимо от издержек производства заработной платы. Ибо здесь (см. во-первых) было обяснено,

¹⁾ У Маркса здесь написано: „с 60 до 80, след. на $\frac{1}{3}$, равную $33\frac{1}{3}\%$ “ (неверно!); с 60 до 80, т.-е. на $33\frac{1}{3}\%$ повысилась не норма, а сумма прибыли. Прим. перев.

что норма прибыли может возрастать, хотя издержки производства труда остаются те же. Далее было объяснено (см. во-вторых), что для капитала II, по сравнению с I, норма прибыли возрастает, хотя производительность труда падает, следовательно, издержки производства заработной платы повышаются. Следовательно, на одном и том же примере было доказано, что когда мы, наоборот, сравниваем капитал I со II, норма прибыли падает, хотя прибавочная ценность повышается, производительность труда растет, следовательно, издержки производства заработной платы падают. Они составляют для I— $\frac{9}{18}$ рабочего дня, а для II— $\frac{10}{18}$ рабочего дня, и все же норма прибыли у II на 60 процентов ¹⁾ выше, чем у I. Во всех этих случаях изменения нормы прибыли не только не определяются [противоположными] изменениями издержек производства заработной платы, а, наоборот, происходят в том же направлении. Но заметим, отсюда не следует, что одно движение служит будто бы причиной другого (например, норма прибыли не падает оттого, что понижаются издержки производства заработной платы, или она не повышается оттого, что возрастают издержки производства заработной платы); только другие обстоятельства парализуют противоположные действия. Во всяком случае, Рикардовский закон ошибочен, что изменения нормы прибыли происходят будто бы в направлении, обратном изменениям заработной платы, и что одна будто бы оттого повышается, что другая падает и наоборот. Этот закон оказывается правильным лишь для нормы прибавочной ценности. Однако, существует даже необходимая связь (не всегда) в том, что норма прибыли и ценность заработной платы повышаются и падают не в противоположном, а в одном и том же направлении. Применяется больше ручного труда, где труд менее производителен. Применяется больше постоянного капитала, где труд производительнее. Те же обстоятельства, которые вызывают возрастание прибавочной ценности или падение ее, должны здесь поэтому привести к падению нормы прибыли и т. д., т.-е. действовать в противоположном направлении.

в. Повышение прибыли, благодаря собственному производству постоянного капитала.

В-третьих: Теперь возьмем этот случай, как его собственно представлял себе Милль, хотя он его неправильно формулировал. Это в то же время объяснит настоящий смысл его болтовни об авансированной прибыли капиталиста.

Так как пример взят у Милля, он не может оставаться, каково бы ни было „изобретение“, в какой бы то ни было „связи“, так как

¹⁾ У Маркса стоит: „на 33 $\frac{1}{3}$ %“ (неверно, так как 80 больше 50 на 30, т. е. на 60%) Прим. перев.

он содержит в себе абсолютное противоречие и бессмыслицу; отпадают его собственные предпосылки. Из 180 кварталов, 60 (семена и основной капитал) должны равняться 20 кварталам прибыли и 40 кварталам [заработной платы] за 40 рабочих дней; если 20 кварталов прибыли отпадают, по 40 рабочих дней остаются, и согласно этому предположению рабочие, следовательно, получают весь продукт за свою работу,—то тогда абсолютно непонятно, откуда получают эти 20 кварталов прибыли и их ценность. Если предполагается, что они составляют лишь [номинальную] прибавку к цене—если они не выражают рабочего времени, которое присвоил себе капиталист, то их выпадение должно быть совершенно также прибыльно, как если бы в 60 кварталах мы считали 20 кварталов заработной платы для рабочих, которые не работали. Далее: 60 кварталов являются здесь лишь выражением ценности постоянного капитала. Но они должны быть продуктом 40 рабочих дней. С другой стороны, предполагается, что остальные 120 кварталов составляют продукт 60 рабочих дней. Но под рабочими днями здесь следует понимать одинаковый средний труд. Следовательно, предположение абсурдно.

Таким образом, нужно прежде всего предположить, что в 180 кварталах содержится лишь 90 и в 60 кварталах, ценности постоянного капитала, только 30 рабочих дней. Предположение, что прибыль в 20 кварталов или 10 рабочих дней может отпасть, было бы нелепо; ибо нужно было бы предположить, что те 30 рабочих, которые поставлены для производства постоянного капитала, хотя и работают независимо от капиталиста, но с другой стороны, так услужливы, что берут себе только заработную плату, половину своего рабочего времени, а остальной половины не считают в своем товаре. Одним словом, что они продают свои рабочие дни на 50 процентов ниже их ценности. Следовательно, и это предположение нелепо.

Но предположим, что капитал I не покупает своего постоянного капитала от капитала II, чтобы его потом обработать, а в своем собственном производстве соединяет производство постоянного капитала с обработкой его. Таким образом, он сам себе доставляет семена, сельскохозяйственные орудия и т. д.; отбросим также изобретение, благодаря которому семена и основной капитал становятся излишними. Следовательно, производство его постоянного капитала требует, допустим, 20 кварталов (10 рабочих дней) для постоянного капитала, 20 кварталов заработной платы за 20 рабочих дней, продукт которых равняется 40 кварталам¹⁾; и тогда получается следующее вычисление:

Постоянный капитал.   Переменный капитал для 80 рабочих.   Прибавочная ценность.   Весь продукт.

²⁰ кварталов = 10 рабочих дням.   60 + 20 = 80 кварталов = 40 рабочим дням.   60 + 20 = 80 кварталов = 40 рабочим дням.   180 кварталов = 90 рабочим дням.

¹⁾ В оригинале стоит „10 кварталов заработной платы за 10 рабочим дням, из которых рабочий работает 5 дней даром“. К.

Реальные издержки производства заработной платы остались те же, следовательно, и производительность труда. Весь продукт остался тот же, 180 кварталов, и имеет попрежнему ту же самую ценность. Норма прибавочной ценности осталась та же, 80 кварталов на 80 кварталов. Абсолютное количество плп величина прибавочной ценности возросла с 60 до 80 кварталов, следовательно, на 20 кварталов. Авансированный капитал понизился со 120 до 100 кварталов. Раньше мы имели на 120 кварталов 60 кварталов или норму прибыли в 50 процентов. Теперь имеем 80 кварталов на 100 кварталов или норму прибыли в 80 процентов. Прибыль теперь составляет 80 кварталов, между тем как раньше она составляла 60; она, следовательно, возросла на 20 кварталов, то-есть в такой же мере, как и сумма (не норма) прибавочной ценности.

Здесь, следовательно, не произошло никакого изменения, никакой вариации в издержках производства реальной заработной платы. Возрастание нормы прибыли получается здесь прежде всего оттого, что если и не норма прибавочной ценности, то все же абсолютная величина прибавочной ценности повысилась от 60 до 80 кварталов; следовательно, на одну треть; и прибавочная ценность увеличилась на одну треть, оттого что капиталист теперь вместо прежних 60 поставил непосредственно 80 рабочих, следовательно, эксплуатирует на одну треть больше живого труда при прежней норме прибавочной ценности.

Далее. В то время как абсолютная величина прибавочной ценности, таким образом, повысилась на $33\frac{1}{3}$ процента, с 60 кварталов до 80 кварталов, норма прибыли увеличилась с 50 до 80 процентов, на три пятых, то-есть на 60 процентов. Именно ценность затраченного капитала уменьшилась со 120 до 100, хотя ценность части капитала, затраченной на заработную плату, возросла с 60 до 80 кварталов (с 30 до 40 рабочих дней). Эта часть капитала увеличилась на 10 рабочих дней (= 20 кварталам). Наоборот постоянная часть капитала понизилась с 60 до 20 кварталов (с 30 рабочих дней до 10)—на 20 рабочих дней. Таким образом, если мы отнимем [от этих 20 рабочих дней] 10 рабочих дней, на которые возросла затраченная на заработную плату часть капитала, то весь затраченный капитал уменьшился на 10 рабочих дней (= 20 кварталам). Он составлял раньше 120 кварталов (= 60 рабочим дням), теперь он составляет еще только 100 кварталов (= 50 рабочим дням). Следовательно, он уменьшился на одну шестую, на $16\frac{2}{3}$ процентов.

Впрочем, все это изменение нормы прибыли только кажущееся; оно представляет лишь перепесепе вычислений из одной книги в другую. Капитал I имеет вместо 60 кварталов прибыли 80, то-есть на 20 кварталов прибыли больше; но это как раз та прибыль, которую раньше получал производитель постоянного капитала, и которую он теперь потерял, так как капитал I, вместо того чтобы покупать свой постоянный капитал, сам его производит; следовательно, вместо того

чтобы платить прибавочную цепность в 20 кварталов (=10 рабочим дням), которые тот производитель извлекает из занятых им рабочих, этому последнему, он кладет его себе самому в карман.

Попрежнему приходится на 180 кварталов 80 кварталов прибыли; только раньше она делилась между двумя лицами. Норма прибыли кажется большей оттого, что капиталист I раньше рассматривал эти 60 кварталов только как постоянный капитал, чем они для него были, следовательно, не обращал внимания на прибыль, которую получал производитель постоянного капитала. Норма прибыли так же не изменилась, как и прибавочная цепность при каком-либо условии производства, включая производительность труда. Раньше капитал, затраченный производителем [постоянного капитала], был=40 кварталам (=20 рабочим дням), затраченный капиталом I [переменный капитал] был=60 кварталам (=30 рабочим дням), вместе=100 кварталам (=50 рабочим дням), и прибыль 20 кварталов для первого, 60 для другого, следовательно =80 кварталам (=40 рабочим дням). Весь продукт в 90 рабочих дней (=180 кварталам) доставлял 80 кварталов прибыли на 100 кварталов, затраченных на заработную плату (I и II) и постоянный капитал (III). Для общества здесь попрежнему доход, выражающийся в прибыли, остался неизменным; также отношение между прибавочной цепностью и заработной платой.

Разница получается оттого, что когда капиталист выступает на товарном рынке, как покупатель, он является простым товаро-владельцем; он должен оплатить всю цепность товара, все заключенное в нем рабочее время, независимо от того, в какой пропорции капиталист и рабочие участвовали или участвуют в плодах этого рабочего времени. Когда он, наоборот, выступает на рабочем рынке, то он фактически покупает больше труда, чем оплачивает. Таким образом, когда он, вместо того, чтобы покупать свой сырой материал и машины, также производит их сам, то он берет себе самому ту прибавочную цепность, которую он иначе должен был бы заплатить продавцу сырого материала и машин¹⁾.

Для отдельного капиталиста—не для нормы прибыли—во всяком случае не безразлично, получает ли он сам прибыль или уплачивает ее другому. (При вычислении уменьшения нормы прибыли вследствие роста постоянного капитала всегда, поэтому, берется среднее общества; то-есть вся сумма, которую применяет общество в данный момент, как постоянный капитал, и отношение этой суммы к сумме капитала,

¹⁾ Комбинация, когда фабрикант сам производит часть своего прожнего постоянного капитала, или сам теперь дает вторую форму сырому продукту, который раньше как постоянный капитал вступал из его сферы производства во вторую, всегда сводится лишь к концентрации прибылей. Как пример первого рода, имеем соединение вырядки и ткань; как пример второго рода, владельцы рудников в Бирмингэме; они берут себе весь процесс приготовления железа, который раньше был разделен между различными предпринимателями.

затраченного непосредственно на заработную плату). Однако, эта точка зрения редко определяет и может определять действия даже отдельного капиталиста, при таких комбинациях, какие, например, бывают, когда капиталист одновременно прядет и ткёт, сам обжигает кирпичи и т. д. Что здесь учитывается, это фактическая экономия в издержках производства благодаря экономии времени на транспорте, экономии на помещении, топливе, движущей силе и т. д., больший контроль над качеством сырого материала и т. д. Если бы он хотел сам строить свои машины, которые ему нужны, то он производил бы, как мелкий производитель, который работает на свои потребности или на личные потребности нескольких клиентов, в малом размере; и машина ему стоит больше, чем тогда, когда он покупает ее у машиностроителя, работающего на рынок. Но если бы он хотел одновременно прядь, ткать и строить машины не для себя, а для рынка, то ему понадобился бы больший капитал, который он, вероятно, использовал бы более выгодно в своем собственном деле (разделение труда). Такая точка зрения возможна лишь тогда, когда он создает для самого себя достаточный рынок, и таким образом, может сам производить постоянный капитал в большом размере. Для этого его собственный спрос должен быть достаточно велик. В этом случае, даже когда его труд менее производительен, чем труд производителей только постоянного капитала, он себе берет часть прибавочного труда, которую он иначе должен был бы заплатить другому капиталисту.

Мы видим, что это не имеет никакого отношения к норме прибыли. Следовательно, если раньше было 80 рабочих дней и 80 рабочих, как в примере Милля, то в издержках производства не получится никакой экономии от того, что заключенный в продукте прибавочный труд в 40 дней (= 80 кварталам) положили себе в карман раньше два, а теперь один капиталист. 20 кварталов прибыли (10 рабочих дней) исчезают только из одной книги, с тем, чтобы снова появиться в другой.

Эта экономия в предыдущих прибылях, если она не связана с экономией рабочего времени, следовательно, также с экономией в заработной плате, является поэтому простой иллюзией.

с. Прибыль и изменение ценности постоянного капитала.

Но, в четвертых, остается теперь исследовать случай, когда ценность постоянного капитала, вследствие повышения производительности труда, падает; и здесь нужно исследовать, касается ли этот случай, и поскольку он касается, действительных издержек производства заработной платы или ценности рабочей силы. Следовательно, вопрос состоит в следующем: насколько реальное изменение ценности постоянного капитала одновременно вызывает изменение в отношении прибыли и заработной платы. Ценность постоянного капитала, его

вздержки производства, может оставаться постоянной, и все же в капитал она может входить в большей или меньшей степени. Даже если предположить, что его ценность остается постоянной, она будет расти по мере того, как развивается производительность труда, производство на высшей ступени. Изменения в относительной массе примененного постоянного капитала при неизменных издержках производства его—изменения, которые все влияют на прибыль—следовательно, с самого начала исключаются из нашего исследования.

Далее исключаются в этом вопросе все отрасли производства, продукты которых ни непосредственно, ни косвенным образом не входят в потребление рабочего. Но изменения действительной нормы прибыли (то-есть отношение действительно произведенной в этих отраслях производства прибавочной ценности к затраченному капиталу) в этих отраслях производства действуют на общую норму прибыли, которая получается благодаря нивелированию прибылей,—так же, как изменения нормы прибыли отраслей производства, продукты которых прямо или косвенно входят в потребление рабочих.

Вопрос должен далее свестись к следующему: Как изменение ценности постоянного капитала может иметь обратное действие на прибавочную ценность? Ибо раз дана прибавочная ценность, то дано отношение прибавочного труда к необходимому труду, следовательно, ценность заработной платы, то-есть ее издержки производства. В таком случае, какое-либо изменение ценности постоянного капитала может вовсе не влиять на ценность заработной платы, так же как и па отношение прибавочного труда к необходимому, хотя оно во всяком случае должно влиять на норму прибыли, издержки производства прибавочной ценности для капиталиста; при известных обстоятельствах, именно когда продукт входит в потребление рабочего, оно влияет на количество потребительных ценностей, в которых выражается заработная плата, хотя не на ее меновую ценность.

Предположим, дана заработная плата; например, на бумагопрядильной фабрике заработная плата, допустим, равняется 10 рабочим часам; прибавочная ценность равна 2 рабочим часам. Благодаря хорошему урожаю, предположим, хлопчатая бумага в сыром виде стала вдвое дешевле. То же количество хлопчатой бумаги поглощает прежнее количество прядильного и ткацкого труда. Таким образом, затратив 50 фунтов стерлингов на хлопчатую бумагу, капиталист может теперь поглотить столько-же прибавочного труда, как прежде при затрате 100 ф. ст.; или если он продолжает тратить 100 ф. ст. на хлопчатую бумагу, то он получает теперь за ту же цену, как и раньше, такое количество хлопчатой бумаги, с которым он может получить вдвое больше прибавочной ценности. В обоих случаях норма прибавочной ценности, следовательно, ее отношение к заработной плате, оставалась бы

одинаковой, но во втором случае величина прибавочной ценности возросла бы, так как применяется вдвое больше труда при той же норме прибавочного труда. В обоих случаях норма прибыли возросла бы, хотя не произошло никакого изменения в издержках производства заработной платы. Она возросла бы, так как в норме прибыли прибавочная ценность вычисляется на издержки производства капиталиста, на всю ценность затраченного им капитала, и так как эти издержки производства уменьшились; теперь он затрачивает меньше, чем прежде, чтобы произвести ту же прибавочную ценность. Во втором случае возросла бы не только норма прибыли, но и сумма прибыли, так как сама прибавочная ценность возросла, благодаря применению большого количества труда, меж тем как затраты на сырой материал не повысились. И в этом случае произошло бы возрастание нормы и суммы прибыли без изменения ценности труда.

Предположим далее, что вследствие неурожая ценность хлопчатой бумаги повысилась вдвое, так что то же количество хлопчатой бумаги, которое раньше стоило 100 ф. ст., теперь стоит 200. Здесь норма прибыли падает во всяком случае, но при известных обстоятельствах может также уменьшиться сумма или абсолютная величина прибыли. Если капиталист ставит то же количество рабочих, которые работают столько же, сколько и раньше—отношения остаются точно такими же, какие были прежде,—то норма прибыли падает, хотя отношение прибавочного труда к необходимому труду и потому норма и сумма прибавочной ценности остались те же. Норма прибыли падает оттого, что для капиталиста издержки производства прибавочной ценности возросли, то-есть пришлось затратить на сырой материал на 100 ф. ст. больше, чтобы присвоить столько же чужого рабочего времени, как и прежде. Но если капиталист вынужден часть денег, которые он раньше тратил на заработную плату, затратить теперь на хлопчатую бумагу; например, если он вынужден купить хлопчатой бумаги на 150 ф. ст., из которых раньше 50 ф. ст. входили в заработную плату, то норма и сумма прибыли падает; последняя падает оттого, что применяется меньше рабочих, хотя и при той же норме прибавочной ценности. То же самое имело бы место, если бы вследствие неурожая было недостаточно хлопчатой бумаги, чтобы поглотить то же количество живого труда, как и прежде. В обоих случаях сумма и норма прибыли уменьшатся, хотя и осталась та же ценность труда, следовательно, та же норма прибавочной ценности, или количество неоплаченного труда, который получает капиталист, по сравнению с трудом, оплаченным им в заработной плате.

Таким образом, при неизменной норме прибавочной ценности, следовательно, при неизменной ценности рабочей силы, изменение ценности постоянного капитала должно вызвать изменение нормы прибыли и может сопровождаться изменением суммы прибыли.

Что касается рабочего, то здесь получается следующее: если падает ценность хлопчатой бумаги, следовательно, продукт, в который входит [его труд], то он по-прежнему получает заработную плату, равную 10 рабочим часам. Но часть бумажной материи, которую он потребляет сам, он получает дешевле; следовательно, часть того, что он раньше тратил на бумажную материю, он может теперь затратить иначе. Лишь соответственно этому растет количество доступных ему жизненных средств, то-есть соответственно его экономии в издержках на бумажную материю. Ибо других товаров он теперь за большее количество бумажной материи получает не больше, чем раньше за меньшее количество. Соответственно тому, как пала бумажная материя, повысились другие товары. Короче, большее количество бумажной материи теперь не имеет большей ценности, чем раньше меньшее количество. В этом случае, следовательно, ценность заработной платы оставалась бы та же, но она представляла бы большее количество других товаров (потребительных ценностей). Однако, норма прибыли возрасла бы, хотя норма прибавочной ценности при том же предположении не могла бы повыситься. Обратное происходит при вздорожании хлопчатой бумаги. Если рабочий был занят столько же времени, и он по-прежнему получал заработную плату в 10 часов, то ценность его труда была бы та же, но потребительная ценность, [на которую он ее обменивает], понизилась бы, поскольку рабочий сам потребляет хлопчатую бумагу. В этом случае, реальная потребительная ценность заработной платы понизилась бы, ценность осталась бы та же, хотя норма прибыли уменьшилась бы. Таким образом, в то время как прибавочная ценность и заработная плата всегда падают и повышаются в обратном отношении (за исключением случая, когда рабочий участвует в абсолютном удлинении своего рабочего времени; но в этом случае тем быстрее изнашивается его рабочая сила),— норма прибыли может возрасти, хотя ценность заработной платы остается та же, и ее потребительная ценность растет; она может падать, хотя ценность заработной платы остается та же, а ее потребительная ценность падает.

Таким образом, возрастание нормы прибыли, как следствие падения ценности постоянного капитала, вовсе не имеет непосредственного отношения к какому-либо изменению реальной ценности заработной платы (заключенного в ней рабочего времени).

Когда, следовательно, как предположено выше, хлопчатая бумага падает в ценности на 50 процентов, то не было бы ничего ошибочнее утверждения, с одной стороны, что издержки производства заработной платы будто бы понизились, с другой стороны, что норма прибыли будто бы осталась прежней, когда рабочий, получающий заработную плату в бумажной материи, получал бы по-прежнему ту же ценность, следовательно, большее количество бумажной материи, чем прежде;

если бы, например, по-прежнему 10 рабочих часов равнялись 10 шиллингам; но на эти 10 шиллингов я могу купить больше бумажной материи, чем прежде, так как ценность хлопчатой бумаги (сырья) пала. Норма прибавочной ценности остается та же, но норма прибыли повышается. Издержки производства продукта понизились бы, так как одна составная часть продукта—его сырой материал—стоила бы меньше рабочего времени, чем прежде. Издержки производства заработной платы остались бы те же, что и раньше, так как рабочий работает то же количество времени на себя и то же количество времени на капиталиста. Ведь издержки производства заработной платы зависят не от рабочего времени, которого стоят средства производства, с которыми работает рабочий, а от рабочего времени, которое он затрачивает, чтобы возместить свою заработную плату. Для господина Милля издержки производства заработной платы рабочего были бы дороже оттого, что он, например, обрабатывает медь вместо железа или лен вместо хлопчатой бумаги; или они были бы дороже, если он сажает льняное семя вместо семени хлопчатника; или когда он работает с дорогой машиной, чем когда он работает совсем без машины, а с простым ремесленным инструментом.

Издержки производства прибыли понизились бы, так как масса, вся сумма капитала, который был авансирован, чтобы произвести прибавочную ценность, понизилась бы. Издержки прибавочной ценности никогда не бывают больше издержек части капитала, затраченной на заработную плату. Издержки прибыли равны, наоборот, всей сумме капитала, который был авансирован, чтобы создать эту прибавочную ценность. Они, следовательно, определяются не только ценностью той составной части капитала, которая затрачена за заработную плату и создает прибавочную ценность, но еще ценностью составных частей капитала, необходимых для того, чтобы привести в действие эту новую составную часть капитала, которая обменивается на живой труд. Господин Милль смешивает издержки производства прибыли с издержками производства прибавочной ценности, или он смешивает прибыль и прибавочную ценность.

Из всего выше сказанного вытекает важность дешевизны или дороговизны сырого материала для промышленности, которая обрабатывает эти сырые материалы (Мы здесь ничего не говорим об относительном удешевлении машин. Под относительным удешевлением машин я понимаю, что абсолютная ценность массы примененных машин повышается, но она повышается не соответственно возрастанию их действия). Даже при предположении, что рыночная цена равняется ценности товара, т. е. что рыночная цена товара падает в такой же точно степени, как и [цена] заключенного в нем сырого материала.

Полковник Торренс справедливо замечает поэтому относительно Англии:

„Для страны в положении Англии значение внешнего рынка должно определяться не количеством продуктов индустрии, которое он получает, а количеством элементов воспроизводства, которое он отдает обратно“ (R. Torrens, A letter to Sir R. Peel etc. on the condition of England etc. 2 изд., стр. 275. Лондон, 1849).

Но способ доказательства этого у Торренса плохой. Это обычный разговор о спросе и предложении. Дело у него сводится к тому, что цена хлопчатой бумаги повышается, когда английский капитал, который обрабатывает хлопчатую бумагу, растет быстрее капитала, который возделывает хлопчатую бумагу, например, в Соединенных Штатах; и тогда он говорит: „Ценность бумажных фабричных изделий будет падать в сравнении с издержками их производства“. Именно в то время как сырой материал растет в цене, благодаря растущему спросу со стороны Англии, бумажные фабричные изделия, вздорожавшие вследствие возросшей цены сырого материала, все же будут падать в цене, как мы действительно видим; например, теперь (весной 1862 г.) пряжа не на много дороже хлопчатой бумаги в сыром виде, и ткань не на много дороже пряжи. Меж тем Торренс предполагает, что для английского промышленного потребления достаточно, если имеется даже дорогая хлопчатая бумага. Цена хлопчатой бумаги растет выше ее ценности.

Поэтому если бумажные фабричные изделия продаются по своей ценности, то это возможно лишь тогда, когда тот, кто возделывает хлопчатую бумагу, получает большее количество прибавочной ценности от всего продукта, чем ему полагается; в действительности он получает часть прибавочной ценности, полагающейся бумагопрядильщику. Этот последний фабрикант не может покрыть этой части посредством повышения цены, так как вследствие растущей цены спрос понизился бы. Наоборот. Вследствие падающего спроса его прибыль ¹⁾ может пасть еще ниже, чем она должна была бы пасть вследствие прибавки возделывателя хлопчатой бумаги.

Спрос на сырой продукт, например, хлопчатую бумагу, регулируется ежегодно не только эффективным, в данное время наличным спросом, а средним для данного года спросом; следовательно, не только спросом находящихся в действии фабрик, а их спросом, увеличенным тем числом фабрик, которые, как известно из опыта, откроются в течение наступающего года; то-есть соответствующим приростом фабрик в течение года, или добавочным спросом, который будет соответствовать этому правильному приросту.

Если, наоборот, цена хлопчатой бумаги и т. д. падает, например, благодаря особенно хорошему урожаю, то ее цена большей частью падает ниже ее ценности; опять-таки вследствие закона спроса и предложения. Норма прибыли, а возможно, как показано выше, и сумма при-

¹⁾ В манускрипте стоит „продукт“. К.

были растут поэтому [в данном случае] не только в такой степени, в какой она возросла бы, если бы цена подешевевшей хлопчатой бумаги равнялась ее ценности; но она растет в большей степени, так как готовый продукт не подешевел настолько, насколько владелец хлопчатой бумаги продал последнюю ниже ее ценности; так как, следовательно, фабрикант кладет себе в карман часть прибавочной ценности, полагающейся владельцу хлопчатой бумаги. Это не уменьшает спроса на его продукт, так как последний и без того падает в цене, благодаря падению ценности хлопчатой бумаги. Но он не уменьшается в цене настолько, насколько цена хлопчатой бумаги пала ниже ее собственной ценности.

Кроме того в такое время растет спрос, оттого что рабочие все заняты и хорошо зарабатывают; следовательно, они сами также выступают в значительной степени, как потребители, как потребители своего собственного продукта. В таких случаях, когда сырой материал падает в цене, не вследствие перманентного, постоянного падения его средних издержек производства, а благодаря особенно хорошему урожаю, заработная плата не падает; наоборот, спрос на [рабочих] повышается. Эффект этого спроса растет не только соответственно этому последнему. И наоборот: при внезапном вздорожании продукта отчасти отказывают многим рабочим, отчасти фабрикант старается получить компенсацию понижением заработной платы ниже ее нормального уровня. Таким образом нормальный спрос рабочих падает, и это еще более усиливает уже имеющееся общее падение спроса и тот эффект, который оно производит на рыночную цену.

Что главным образом привело Маркса к ошибочной мысли, что изменение ценности постоянного капитала вызывает изменение ценности труда или издержек производства труда; следовательно, например, что падение ценности авансированного постоянного капитала вызывает падение ценности труда, его издержек производства, то-есть заработной платы, это его Рикардовское представление о разделении продукта между рабочим и капиталистом. Вследствие падения ценности сырого материала, например, хлопчатой бумаги, падает ценность пряжи. Ее издержки производства уменьшаются. Количество заключенного в ней рабочего времени уменьшилось. Если бы, например, фунт пряжи был продуктом 12-часового рабочего дня человека, и ценность хлопчатой бумаги, содержащейся в этом фунте пряжи, упала, то ценность фунта пряжи уменьшилась бы точно так же, как и ценность хлопчатой бумаги, затраченной на пряжу. Например, цена фунта № 40 тонкой пряжи второго качества 22 марта 1861 года составляла 12 пенса. 22 мая 1858 года она составляла 11 пенса (в действительности $11\frac{6}{8}$, так как ее цена не понизилась точно так же, как цена хлопчатой бумаги). Но в первом случае цена фунта сырья, хорошей хлопчатой бумаги составляла 8 пенса

(в действительности $8\frac{1}{8}$), во втором 7 пепсов (в действительности $7\frac{3}{8}$). Таким образом, здесь ценность пряжи понизилась точно так же, как и ценность хлопчатой бумаги, как ценность ее сырого материала. Следовательно, говорит Мплль, труд остается таким же, как и раньше; если он раньше составлял 12 часов, то продукт попрежнему представляет результат тех же 12 часов. Но во втором случае прибавилось еще на 1 пепп меньше прежнего труда, чем в первом. Труд тот же, по издержки производства труда изменились (именно на 1 пепп). Хотя фунт пряжи, как пряжи, как потребительной ценности, по-прежнему представляет продукт 12-часового труда, по ценность фунта пряжи ни теперь, ни раньше не была [только] продуктом 12-часового труда прядильщика. В первом случае две трети от 12 пепсов, 8 пепсов, ценность сырья хлопчатой бумаги, не были его продуктом; во втором случае две трети от 11 пепсов, следовательно, 7 пепсов, не были его продуктом. В первом случае продуктом 12-часового труда остается 4 пенса и во втором точно также 4 пенса. Труд в обоих случаях прибавил лишь треть ¹⁾ к ценности пряжи. Следовательно, в первом случае из фунта пряжи только $\frac{1}{3}$ фунта составляла продукт прядильщика (не принимая во внимание машину), и также во втором случае. Рабочий и капиталист должны по-прежнему разделить лишь 4 пенса = $\frac{1}{3}$ фунта пряжи ²⁾. Если рабочий покупает пряжу на 4 пенса, то он получает во втором случае больше пряжи, чем в первом случае; по большее количество пряжи теперь стоит именно столько же, как и раньше меньшее количество. Однако капиталист и рабочий делят 4 пенса по-прежнему. Если время, которое рабочий тратит на воспроизводство или производство своей заработной платы, равняется 10 часам, то его прибавочный труд равняется 2. Так же как и раньше, он получает $\frac{5}{6}$ от 4 пепсов или от $\frac{1}{3}$ фунта пряжи ³⁾, и капиталист $\frac{1}{6}$. Таким образом, не произошло никакого изменения в дележе продукта, пряжи. Тем не менее норма прибыли возросла, так как ценность сырого материала понизилась, следовательно, и отношение прибавочной ценности ко всему авансированному капиталу или издержки производства капиталиста. Если мы для упрощения примера отвлечемся от машин и т. д., то оба случая могут быть представлены таким образом:

¹⁾ Это неверно: к ценности пряжи труд в одном случае прибавил $\frac{1}{3}$ ($=\frac{4}{12}$), а в другом $\frac{1}{11}$, т. к. в одном случае ценность пряжи = 12, в другом = 11, точно также 7 пепсов составляет $\frac{1}{11}$ от 11 пепсов, а не $\frac{1}{3}$. Прим. поров.

²⁾ Это новорпо: 4 пенса = $\frac{1}{3}$ пряжи лишь в одном случае, а в другом 4 пенса = $\frac{4}{11}$ ф. пряжи. Прим. перев.

³⁾ Это верно только для первого случая; во втором случае рабочий получает $\frac{5}{6}$ от 4 пепсов, или от $\frac{1}{11}$ ф. пряжи. Прим. перев.

	Цена 1 фунта пряжи.	Постоянный капитал.	Прибавленный труд.	Заработная плата.	Вся затрата капиталиста.	Прибавочная ценность.	Норма прибыли.
II	12 d	8 d	4 d	3 $\frac{1}{3}$ d	11 $\frac{1}{3}$ d	$\frac{2}{3}$ d	5 $\frac{13}{17}$ %
	11 d	7 d	4 d	3 $\frac{1}{3}$ d	10 $\frac{1}{3}$ d	$\frac{2}{3}$ d	6 $\frac{14}{31}$ %

Норма прибыли здесь, следовательно, возрасла, хотя ценность труда осталась та же, и потребительная ценность заработной платы, выраженная в пряже, повысилась. Норма прибыли повысилась без какого-либо изменения рабочего времени, которое рабочий присваивает себе; а только потому, что ценность хлопчатой бумаги и вместе с этим вся ценность издержек производства капиталиста понизилась. $\frac{2}{3}$ пенни на затрату в 11 $\frac{1}{3}$ пенни составляет естественно меньше, чем $\frac{2}{3}$ пенни на затрату в 10 $\frac{1}{3}$ пенни.

Из вышесказанного вытекает ошибочность следующих положений, которыми Милль заканчивает свою иллюстрацию:

„Если бы издержки производства заработной платы остались такими же, как и раньше, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал квартал хлеба; но квартал хлеба был раньше результатом тех же издержек производства, что 1 $\frac{1}{5}$ квартала теперь. Поэтому если каждый рабочий получал те же издержки производства, то каждый должен был бы получать 1 квартал и еще $\frac{1}{5}$ квартала“ (I. с., стр. 103).

Если мы, следовательно, предполагаем, что рабочему платят тем же методом, который он производит, то ясно, что когда наступает какая-нибудь экономия в издержках производства этого предмета, а рабочий и впредь получает те же издержки производства, как и раньше, он должен получить большее количество, соответственно росту производительности капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в точно таком же отношении к вырубке, как и прежде, и прибыль не повысится ¹⁾. Изменения нормы прибыли и издержек производства заработной платы, поэтому, происходят рука об руку и неразрывны. Положение Рикардо, что прибыль не может возрастать, когда заработная плата не падает, следовательно, совершенно верно, если под низкой заработной платой понимают не только заработную плату, которая является продуктом меньшего количества труда, а заработную плату, которая была произведена с меньшими издержками, где считается вместе труд и прежние прибыли“ (I. с., стр. 104).

Мнение Рикардо, следовательно, согласно иллюстрации Милля, совершенно правильно, когда под заработной платой (или вообще под издержками производства заработной платы) понимается не только противоположное тому, что это означает, а когда под этим подразумевается абсолютная бессмыслица: именно под издержками производства заработной платы понимается не часть рабочего дня, которую он затрачивает для замещения своей заработной платы, но и издержки производства обработанного им сырого материала и употребленных им машин; следовательно, также рабочее время, когда он не работал ни на себя, ни на капиталиста.

¹⁾ Это именно ошибочно.

d. Прибавочная ценность и изменение ценности постоянного капитала.

В-пятых. Теперь собственно возникает вопрос. В какой мере изменение ценности постоянного капитала может действовать на прибавочную ценность?

Когда мы говорим, что ценность дневной средней заработной платы равняется 10 часам; или, что означает то же самое, из всего рабочего дня, например, 12 часов, когда рабочий занят, требуется 10 часов для производства и возмещения его заработной платы; и только то время, которое он занят сверх того, представляет неоплаченное рабочее время, образует ценность, которую капиталист получает, не заплатив за нее, — то это означает только, что во всей сумме жизненных средств, которые потребляет рабочий, содержится 10 часов рабочего времени. Эти 10 рабочих часов выражаются в известной сумме денег, на которую он покупает эти жизненные средства.

Но ценность товаров определяется заключенным в них рабочим временем, безразлично, содержится ли это рабочее время в сыром материале, изношенных машинах, или труде, который рабочий вновь прибавил с помощью машин к сырому материалу. Таким образом, если бы произошло постоянное (более чем преходящее) изменение ценности сырого материала или машин, входящих в этот товар, вследствие изменения производительности труда, который производит этот сырой материал и эти машины, короче, заключенный в товаре постоянный капитал; если бы вследствие этого изменения требовалось больше или меньше рабочего времени для производства этой составной части товара, то он от того стал бы дороже или дешевле, при неизменной производительности труда, который превращает сырой материал в продукт, и неизменной длине рабочего дня. Вследствие этого издержки производства рабочей силы, ее ценность возрасла бы или понизилась бы ¹⁾. То-есть если рабочий раньше из 12 часов 10 работал на себя самого, то он должен был бы теперь работать на самого себя 11 или, в противоположном случае, лишь 9 часов. В первом случае его труд на капиталиста, следовательно, прибавочная ценность понизилась бы на половину, с 2 часов до 1; во втором случае она повысилась бы на половину, с 2 часов до 3. В последнем случае норма прибыли и сумма прибыли капиталиста возрасла бы; первая уже от того, что ценность постоянного капитала уменьшилась; и то и другое от того, что норма прибавочной ценности и ее сумма повысилась бы.

Только таким образом изменение ценности постоянного капитала может влиять на ценность труда, на издержки производства заработной

¹⁾ При предположении, что данный товар входит в потребление рабочего
Прим. перев.

платы, или разделение рабочего дня между капиталистом и рабочим, следовательно, также на прибавочную ценность. Однако, это только означает, что для капиталиста, который, например, прядет хлопчатую бумагу, необходимое рабочее время его собственных рабочих определяется не только производительностью труда прядильщика, но также производительностью труда в производстве хлопчатой бумаги, машин и т. д.; оно определяется также производительностью во всех отраслях промышленности, продукты которых хотя и не входят, как постоянный капитал—ни как сырой материал, ни как машины и т. д.—в его продукт (который, согласно предположению, входит в потребление рабочего), но образуют часть оборотного капитала, затраченного на заработную плату; следовательно, производительностью в промышленности, которая производит средства питания и т. д. Что служит продуктом в одной промышленности, то является материалом или орудием труда в другой промышленности; постоянный капитал одной промышленности состоит, следовательно, из продукта другой промышленности; он выступает в другой отрасли промышленности не как постоянный капитал, а как результат производства внутри этой отрасли промышленности. Для отдельного капитала не безразлично, происходит ли возрастание производительности труда, следовательно, также падение ценности рабочей силы, в его собственной отрасли промышленности или в тех, которые доставляют его промышленности постоянный капитал. Для класса капиталистов — для всего капитала — это одно и то же. Тот случай, с которым мы здесь имеем дело, когда падение или возрастание ценности постоянного капитала происходит не оттого, что в промышленности, применяющей постоянный капитал, работа производится на низшей или высшей ступени, а оттого, что издержки производства самого постоянного капитала изменились; этот случай соответствует законам, относящимся к прибавочной ценности.

Когда мы вообще говорим о прибыли или норме прибыли, то предполагается, что прибавочная ценность дана. Условия, которые определяют прибавочную ценность, уже, следовательно, все действовали—это предполагается.

В-шестых. Здесь еще можно было бы развить, как отношение постоянного капитала к переменному, а потому и норма прибыли изменяется благодаря особой форме прибавочной ценности, именно удлинению рабочего времени за пределы нормального рабочего дня. Этим уменьшается относительная ценность постоянного капитала, или относительная доля этой последней в ценности продукта. Но оставим это для третьей главы, куда вообще относится большая часть того, что здесь развито.

Господин Милль, опираясь на свою блестящую иллюстрацию, дает общее (Рикардово) положение:

„Единственное выражение закона прибыли, которое, невидимому, является правильным, это то, что прибыль зависит от издержек производства заработной платы“ (I. с., стр. 104, 105).

Но можно сказать как раз обратное: Норма прибыли (и об этом говорит Милль) только в одном единственном случае зависит исключительно от издержек производства заработной платы. И это тот случай, когда норма прибавочной ценности и норма прибыли тождественны. Но это возможно лишь в том, почти невозможном в капиталистическом производстве, случае, когда весь авансированный капитал затрачен непосредственно на заработную плату; когда никакой постоянный капитал, ни как сырой материал, ни как машины, здания и т. д., не входит в продукт; или когда сырой материал, поскольку он входит в продукт, сам не является продуктом труда; когда он ничего не стоит. Только в этом случае изменения нормы прибыли тождественны с изменениями нормы прибавочной ценности, или—что означает то же самое—издержек производства заработной платы. Но в общем, и это включает также вышеприведенный исключительный случай, норма прибыли равняется отношению прибавочной ценности к ценности всего авансированного капитала.

После этого отступления нам остается отметить в произведении Дж. Ст. Милля еще два следующих положения.

„Капитал, собственно говоря, не обладает производительностью. Существует лишь производительность труда; она несомненно поддерживается орудиями и действует на сырой материал“ (I. с., стр. 90).

Собственно говоря Милль смешивает здесь капитал с вещественными составными частями, из которых он состоит. Но это положение хорошо для тех, которые делают то же самое и все же говорят о производительности капитала. И здесь это, конечно, верно лишь постольку, поскольку говорится о производстве ценности. Ведь и природа производит, поскольку речь идет только о потребительной ценности.

Второе положение, которое здесь еще должно быть упомянуто, гласит:

„Мы не должны наложить запрет на выражение „производительность капитала“, но мы должны всегда иметь в виду, что под этим подразумевается не что иное, как количество реальной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу“ (I. с., стр. 91).

Здесь капитал правильно рассматривается, как производственное отношение.

* * *

У Сэя имеется в его примечаниях к переводу Рикардо, сделанному Констанцио, лишь одно правильное замечание о внешней торговле. Прибыль может быть произведена также надувательством, тем,

что один выигрывает, когда другой теряет. Потеря и выигрыш внутри одной страны выравниваются. Не так обстоит дело между различными странами. И даже согласно теории Рикардо—чего не замечает Сэй—три рабочих дня страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны. Закон ценности испытывает здесь существенные изменения. Или подобно тому, как внутри страны квалифицированный труд, сложный труд относится к неквалифицированному, простому труду, так могут относиться друг к другу рабочие дни различных стран. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную, даже когда последняя выигрывает от обмена, как объяснил также Дж. Ст. Милль в своих „Some unsettled questions etc.“

* * *

Вся теория Рикардовской школы сводится, как мы видели, к двум пунктам:

1. Обмен между капиталом и трудом соответственно закону прибавочной ценности;
2. Образование всеобщей нормы прибыли. отождествление прибавочной ценности и прибыли. непонятое отношение между ценностью и ценой производства.

III. Опровержение экономистов на основе Рикардовой теории.

1. Pamфлетист.

а. Прибавочный труд и проценты на проценты.

В Рикардовскую эпоху политической экономии [появилось] также противоположное учение, коммунизм [Оуэн] и социализм [Фурье, С. Симон]. Последний еще только в зародыше. Однако, согласно нашему плану, мы здесь будем говорить лишь о том противоположном Рикардовскому учению, которое само исходит из предпосылок экономистов.

Читатель легко заметит, что следующие цитируемые нами произведения все действительно исходят из теории Рикардо.

„Первое произведение, которое я здесь имею в виду, вышло анонимно: *The Source and Remedy of the National Difficulties etc. A letter to Lord John Russel*. Лондон 1821.

Этот мало известный памфлет, содержащий около 40 страниц, появился в то время, когда „тот невероятный пачкун“, Мак Кэллок, обратил на себя внимание. Pamфлетист пошел значительно дальше Рикардо. Автор прямо определяет прибавочную ценность, или „прибыль“, часто также „прибавочный продукт“, как ее называет Рикардо, или „процент“, „interest“, как ее называет автор этого произведения, — как „прибавочный труд“, как труд, который рабочий выполняет даром; который он выполняет сверх количества труда, возмещающего ценность его рабочей силы, или создающего эквивалент за его заработную плату. Как важно было свести ценность к труду, так же важно представить прибавочную ценность, которая выражается в прибавочном продукте, в виде прибавочного труда. В сущности, это уже сказано у А. Смита и составляет основной пункт теории Рикардо: но в абсолютной форме он этого нигде не высказывает и не фиксирует.

Рикардо и др. стараются лишь понять отношения капиталистического производства и представить их, как абсолютную форму производства; меж тем как упомянутый памфлет и остальные, относящиеся к этой

категории производства раскрывают тайны капиталистического производства, чтобы бороться с ними с точки зрения промышленного пролетариата.

„Сколько бы капиталисту (с точки зрения капитала) ни приходилось, он может получить лишь излишек труда рабочего, так как рабочий должен жить“ (I. с., стр. 23).

Во всяком случае, эти условия существования, минимум, чем рабочий может жить, и потому количество прибавочного труда, которое из него может быть выжато, относительно.

„Если капитал не падает в ценности в такой степени, в какой увеличивается его масса ¹⁾, то капиталисты будут требовать от рабочих продукта каждого рабочего часа, который превышает безусловно необходимое для содержания рабочего. И как бы это ни было отвратительно и ужасно, капиталисты в состоянии спекулировать жизненными средствами, производство которых стоит меньше всего, и говорить рабочим: Вы не должны есть хлеба, так как ячневая каша дешевле. Вы не должны есть мяса, так как можно жить репой и картошкой. И мы уже дошли до этого“ (I. с., стр. 23, 24).

„Если рабочий, может быть, доведен до того, что он живет картошкой, а не хлебом, тогда можно больше требовать от его работы; это не подлежит никакому сомнению; то-есть, если при питании хлебом он вынужден был для содержания своего и своей семьи затратить труд в течение понедельника и вторника, то при питании картошкой он будет получать лишь половину понедельника, а другая половина понедельника и весь вторник останутся для труда на государство или капиталиста“ (I. с., стр. 26).

Здесь прибыль и т. д. представлена непосредственно, как присвоение рабочего времени, за которое рабочий не получает эквивалента.

„Нужно признать, что уплачиваемый капиталистам процент, безразлично, появляется ли он в виде ренты, денежного процента или предпринимательской прибыли,—уплачивается из труда других“ (I. с., стр. 23).

Таким образом, рента, денежный процент, промышленная прибыль представляют только различные виды „процента на капитал“, который в свою очередь сводится к „прибавочному труду рабочего“. Этот прибавочный труд выражается в прибавочном продукте. Капиталист является владельцем прибавочного труда или прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть капитал.

„Предположим... что нет прибавочного труда, следовательно, ничего, что можно накапливать, как капитал“ (I. с., стр. 4).

И вслед затем он говорит, „владелец прибавочного продукта или капитала“ (I. с.).

В совершенно другом смысле, чем сетующие рикордианцы, автор говорит:

„Естественным и необходимым следствием увеличения капитала является падение его ценности“ (I. с., стр. 22).

О Рикардо он говорит:

¹⁾ То-есть, если норма „процента“ не падает в такой степени, в какой растет масса капитала. К.

„Почему он старается доказать нам, что накопление капитала не приведет будто бы к падению прибыли, так как только возрастание заработной платы может-де вызвать падение прибыли, когда оказывается, что вследствие изменения отношения между капиталом и трудом заработная плата увеличивается, если население не растет в такой же степени, как капитал; и что при возрастании населения увеличивается заработная плата вследствие того, что трудное произвести жизненные средства“ (I. с., стр. 23, прим.).

Если бы ценность капитала, то-есть „процент на капитал“, следовательно, прибавочный труд, которым он распоряжается, не уменьшался с возрастанием величины капитала, то происходило бы [накопление] процентов на проценты в геометрической прогрессии; и подобно тому как в переводе па деньги это предполагает невозможную норму накопления, так в переводе на труд, па его настоящую сущность, это поглотило бы не только прибавочный труд, но и необходимый труд, как „принадлежащий“ — капиталу.

„Если бы возможно было непрерывно увеличивать капитал, сохраняя ценность капитала, что имело бы место, если бы денежный процент оставался неизменным, проценты на капитал скоро превысили бы весь продукт труда... Капитал имеет тенденцию увеличивать капитал более, чем в арифметической прогрессии. Нужно признать, что получаемый капиталистом процент, безразлично в виде ли ренты, денежного процента или предпринимательской прибыли, уплачивается из труда других. Поэтому, в процессе накопления капитала труд, который отдается за пользование капиталом, должен все более возрастать, если уплачиваемый за капитал процент остается тот же, пока весь труд всех рабочих страны не будет присвоен капиталистами... Но этого не может быть. Но сколько бы капиталисту ни полагалось, он может получить лишь излишек труда рабочего, так как рабочий должен жить“ (I. с., стр. 23).

Но как уменьшается ценность капитала, ему неясно. Он говорит сам, что у Рикардо это получается оттого, что заработная плата повышается, когда капитал накапливается быстрее, чем растет население; или оттого, что ценность заработной платы (не ее количество [в потребительных ценностях]) растет, когда население растет быстрее, чем накапливается капитал (или даже при их одновременном росте), вследствие уменьшающегося плодородия почвы. Но как это объясняет анонимный автор? Последнего он не предполагает; заработная плата, по его мнению, все больше спускается до возможного минимума. [Тогда остается лишь возможность падения „процента“ на капитал] оттого, что хотя рабочий эксплуатируется больше или столько же, часть капитала, которая обменивается на живой труд, относительно уменьшается¹⁾.

Во всяком случае важно, что бессмыслица относительно геометрического роста процентов сведена к ее настоящему смыслу, т.-е. к бессмыслице.

Впрочем имеется два пути, препятствующих — по мнению анонимного автора — с возрастанием прибавочной ценности или прибавочного труда тому, что капитал вынужден отдавать обратно рабочим все большую часть им награбленного.

1) То-есть повышается органическое строение капитала. Прим. перев.

Первый путь это превращение прибавочного продукта в основной капитал; что препятствует росту фонда заработной платы—или части продукта, которую потребляет рабочий—с накоплением капитала.

Второй путь это внешняя торговля, дающая капиталистам возможность обменивать прибавочный продукт на заграничные предметы роскоши, которые они потребляют сами. Таким образом, часть продукта, состоящая даже из необходимых жизненных средств, может возрастать, не возвращаясь к рабочим в виде заработной платы, более или менее соответственно своему росту.

Следует заметить, что первый способ действует лишь периодически, а потом его действие парализуется (по крайней мере поскольку основной капитал состоит из машин и т. д., которые сами входят в производство жизненных средств); он предполагает превращение прибавочного продукта в капитал, меж тем как второй способ предполагает потребление все растущей части прибавочного продукта капиталистами, их растущее потребление—а не обратное превращение прибавочного продукта в капитал. Если бы данный прибавочный продукт оставался в том же виде, в каком он непосредственно существует, то значительная часть его должна была бы вступить в обмен с рабочими, как переменный капитал. Следствием этого было бы возрастание заработной платы и сокращение абсолютной или относительной прибавочной ценности. В этом и заключается настоящая тайна Мальтусовой необходимости растущего потребления „богатых“; чтобы часть продукта, которая обменивается на труд, превращается в капитал, имела большую ценность, доставляла большую прибыль, поглощала много прибавочного труда. Только у него потребляют не сами промышленные капиталисты; для этой функции у него имеются лендлорды, владельцы синекур и т. д.: так как стремление к накоплению и стремление к расходованию, соединенные в одной и той же личности, мешали бы друг другу. И здесь также выступает ошибка Бартона, Рикардо и др. Заработная плата определяется не частью всей массы продуктов, которая может быть потреблена, как переменный капитал или превращена в таковой, а той частью этой массы, которая превращается в переменный капитал. Часть может даже в своем натуральном виде быть съедена лакеями и паразитами капиталистов; другая часть может быть потреблена, в виде предметов роскоши, благодаря внешней торговле и т. д.

Наш памфлетист упускает из виду две вещи: с введением машин всегда остается без дела масса рабочих; этим создается чрезмерное население; таким образом прибавочный продукт паходит новую рабочую силу, на которую он может обмениваться при отсутствии роста населения и без необходимости удлинять абсолютное рабочее время. Если раньше, скажем, было занято 500 рабочих, то теперь занято 300, которые доставляют отпоспельно большее количество прибавочного труда.

200 лишних могут быть заняты прибавочным продуктом, раз последний достаточно возрос. Часть старого капитала превращается в основной, другая занимает меньше рабочих, по по сравнению с их числом извлекает из них большее количество прибавочной ценности и также большее количество прибавочного продукта. Другие 200 являются материалом, созданным для капитализирования нового прибавочного продукта.

Превращение необходимых жизненных средств в предметы роскоши благодаря внешней торговле, как указано в этом произведении, важно само по себе:

Во-первых, оно должно положить конец бессмыслице, что заработная плата зависит будто бы от количества произведенных необходимых жизненных средств—как будто эти жизненные средства должны быть потреблены производителями или даже производящим народом en masse в данном виде, следовательно, должны быть обратно превращены в переменный капитал, или „оборотный капитал“, как говорят Бартон и Рикардо.

Во-вторых, этим определяются все общественные отношения отсталых наций, например, рабских страп в Северо-Американских Соединенных Штатах (см. Cairns) или Польши и т. д., которые связаны с мировым рынком, покоящемся на капиталистическом производстве. Это понимал уже старый Бюсс, если он этого не украл также у Стюарта. Как бы ни был велик прибавочный продукт, который такие страпы извлекают в простом виде, как хлопчатую бумагу или хлеб из прибавочного труда своих рабов, они могут остаться при этом простым, недифференцированным труде, меж тем как внешняя торговля дает им возможность [превратить] этот простой продукт в любой вид потребительной ценности.

Утверждение, что от величины „оборотного капитала“ зависит будто бы часть годового продукта, которая должна быть затрачена в виде заработной платы, было бы так же верно, как и утверждение, что когда значительная часть продукта состоит из зданий, если строится много жилищ для рабочих по сравнению с рабочим населением, то рабочие должны-де поэтому хорошо и дешево жить, так как предложение жилищ растет быстрее спроса на них.

Верно наоборот следующее: если прибавочного продукта много, и если значительная часть его должна быть употреблена в виде капитала, то (при предположении, что это количество прибавочного продукта не произведено уже само таким способом, что масса рабочих выброшена была на улицу) спрос на труд должен расти, а потому также и часть прибавочного продукта, которая обменивается в виде заработной платы. Во всяком случае не абсолютная величина прибавочного продукта, в каком бы виде он ни существовал, даже если он имеется в виде необходимых жизненных средств, заставляет употреблять его, как переменный капитал, и потому увеличивает заработную плату.

Только страсть к капитализированью заставляет употребить значительную часть прибавочного продукта в виде переменного капитала; поэтому с накоплением капитала она привела бы к возрастанию заработной платы, если бы машины не освобождали постоянно часть населения, и если бы все большая часть капитала не обменивалась на капитал, а не на труд, чему еще способствует внешняя торговля. Часть прибавочного продукта, которая уж непосредственно производится в таком виде, что она может служить только капиталом, и та часть его, которая получает такой вид благодаря обмену за границей, растет быстрее той части, которая должна быть обменена на непосредственный труд.

Фраза, что заработная плата зависит будто бы от наличного капитала, и быстрое накопление капитала представляет будто бы единственное средство поднять заработную плату, сводится к следующему: во-первых, к тавтологии, если мы отвлекаемся от формы, в какой средства производства служат капиталом: от производительности труда, выполняемого определенным числом рабочих зависит, как быстро может увеличиваться это число без ухудшения условий их жизни. Чем больше они производят сырого материала, средств производства и жизненных средств, тем больше они имеют средств не только для воспитания своих детей, пока последние еще не могут работать сами, но и для реализации труда подрастающего поколения, чтобы рост производства соответствовал и, даже, опередил рост населения, так как с увеличением населения растет разделение труда, растет возможность введения машин, увеличивается постоянный капитал; короче, повышается производительность труда.

Если рост населения зависит от производительности труда, то производительность труда зависит от роста населения. Происходит взаимодействие. Но это означает, выражаясь капиталистически, что жизненные средства рабочего населения зависят от производительности капитала, оттого, что перед рабочими выступает возможно большая часть их продукта, как часть, распоряжающаяся их трудом. Рикардо сам правильно выражает это—я имею в виду тавтологию,—когда он говорит, что заработная плата зависит от [увеличения] капитала, а последнее от производительности труда.

Что [цена] труда зависит от роста капитала, представляет только во-первых, тавтологию, что рост средств существования и средств производства населения зависит от производительности его собственного труда; и во-вторых, выражаясь капиталистически, что этот последний зависит оттого, что его собственный продукт противостоит ему в виде чужой собственности, а потому и его собственная производительность в виде производительности вещи, которую он создает.

Практическое значение этого состоит в том, что рабочий должен присвоить себе возможно меньшую часть своего продукта, чтобы возможно большая часть его продукта существовала для него в виде капитала; он должен возможно больше уступать капиталисту даром для максимального роста тех средств, которые капиталист получает даром, и которые он снова употребляет для покупки труда. Тогда может случиться, что, если капиталист заставлял его очень много работать даром, то он потом, в обмен на полученное им без эквивалента, заставляет его работать даром несколько меньше. Однако, этот результат препятствует именно тому, что служит целью, возможно большему накоплению капитала; поэтому рабочий должен жить в таких условиях, что это сокращение его бесплатного труда снова исчезает, вследствие возрастания рабочего населения—или относительного, благодаря машинам, или абсолютного, благодаря частым бракам.

Получается то же самое, что высмеивают рикардянцы, когда мальтузианцы проповедают такое отношение между землевладельцами и капиталистами.

Рабочий должен отдавать даром возможно большую часть своего продукта капиталу, чтобы при более благоприятных условиях купить на новый труд часть отданного таким образом продукта. Но так как этот благоприятный поворот одновременно уничтожает условие благоприятного поворота, то оно должно быть только временным и должно снова перейти в свою противоположность.

В-третьих. То, что говорится о превращении необходимых жизненных средств в предметы роскоши, благодаря внешнему рынку, то вообще относится к производству предметов роскоши; но внешний рынок служит условием неограниченного увеличения их количества и разнообразия. Хотя рабочие, занятые в производстве предметов роскоши, производят капитал для своего хозяина, но их продукт не может снова *in natura* превратиться в капитал, ни в постоянный, ни в переменный.

Если мы оставим в стороне часть предметов роскоши, отправляемых за границу для обмена на необходимые жизненные средства, которые входят целиком или отчасти в переменный капитал, то они представляют лишь прибавочный труд, [и именно] прибавочную ценность непосредственно в виде такого прибавочного продукта, который потребляется, как доход, богатыми. Они, правда, не выражают только прибавочного труда рабочих, которые их производят. Последние, наоборот, в среднем отдают столько же прибавочного труда, как и рабочие в других отраслях промышленности. Но подобно тому как треть продукта, в котором содержится треть прибавочного труда, я могу рассматривать, как воплощение этого прибавочного труда, и другие две трети, как воспроизводство авансированного капитала,—так прибавочный труд производителей необходимых жизненных средств, который образует заработную плату для производителей предметов

роскоши, может быть представлен, как необходимый труд всего рабочего класса. Его прибавочный труд выражается: 1) В той части необходимых жизненных средств, которая потребляется капиталистами и их свитой. 2) В общей сумме предметов роскоши ¹⁾. По отношению к отдельному капиталисту, или к отдельным отраслям промышленности, это выражается иначе. Для него часть произведенных предметов роскоши представляет лишь эквивалент за авансированный капитал.

Если слишком большая часть прибавочного труда представлена непосредственно в виде предметов роскоши, то накопление и воспроизводство должно несомненно приостановиться, так как слишком незначительная часть обратно превращается в капитал. Если слишком небольшая часть представлена таким образом, то накопление капитала, то-есть той части прибавочного продукта, которая *in natura* может опять служить капиталом, происходит быстрее, чем увеличение населения, и норма прибыли будет падать за исключением того случая, когда имеется внешний рынок для необходимых жизненных средств.

в. Обмен между доходом и капиталом.

При обмене между капиталом и доходом я рассматривал также заработную плату, как доход, и вообще рассматривал только отношение постоянного капитала к доходу. То обстоятельство, что доход рабочего одновременно существует в виде переменного капитала, важно лишь потому, что при накоплении—создании нового капитала—состоящий из жизненных средств излишек капиталиста, который производит эти последние, может непосредственно обмениваться на состоящий из сырого материала или средств труда излишек капиталиста, который производит постоянный капитал. Здесь один вид дохода обменивается на другой, и если обмен произведен, то доход капиталиста *A* превращается в постоянный капитал капиталиста *B*, и доход *B* в переменный капитал *A*.

При анализе этого процесса обращения, воспроизводства, способа возмещения капиталов и т. д. во взаимном обмене, нужно с самого начала отвлекаться от внешнего рынка.

Во-вторых нужно различать две вещи:

1. Воспроизводство в данном размере;
2. Воспроизводство в расширенном размере, или накопление; превращение дохода в капитал.

1. Я объяснил:

Производители жизненных средств должны воспроизвести: 1. Свой постоянный капитал. 2. Свой переменный капитал. Часть

^{1) 3)} В капитализируемой части прибавочного продукта при расширении производства. Добавление переводчика.

ценности их продукта, которая представляет излишек сверх этих двух частей, образует прибавочный продукт, материальное бытие прибавочной ценности, которое, в свою очередь, является лишь выражением прибавочного труда. Переменный капитал—часть их продукта, в которой он представлен—образует заработную плату, доход рабочего. Эта часть уже существует здесь в натуральном виде, в котором он опять служит переменным капиталом. На эту часть, на эквивалент, который воспроизвел рабочий, снова покупается его труд. Это обмен между капиталом и непосредственным трудом. Рабочий получает эту часть в деньгах, на которые он обратно покупает свой собственный продукт или другие продукты той же категории. Это обмен различных составных частей переменных частей капитала между собой, после того как рабочий получил в деньгах ассигновку на свою долю. Это обмен одной части вновь прибавленного труда на другую внутри одной и той же категории (Жизненные средства).

Часть прибавочного продукта (вновь прибавленный труд), которую потребляют капиталисты, производящие жизненные средства, или потребляется ими *in natura*; или это представляет обмен одного вида прибавочного продукта в годной для потребления форме на другой такой же вид. Это обмен дохода на доход, и оба они представляют вновь прибавленный труд.

При предыдущей сделке нельзя собственно говорить об обмене дохода и капитала. Капитал (жизненные средства) обменивается на труд (рабочую силу). Здесь, следовательно, обменивается не доход и капитал. Конечно рабочий потребляет заработную плату, как только он ее получил. Но что он обменивает на капитал, это не его доход, а его труд¹⁾.

Третья часть [продукта производителя жизненных средств, которая] представляет постоянный капитал, обменивается на часть продукта производителей постоянного капитала. Именно на часть, которая представляет вновь прибавленный труд. И эта часть содержит эквивалент за заработную плату (следовательно, переменный капитал) и прибавочный продукт, прибавочную ценность, доход капиталиста, производящего постоянный капитал, который существует в таком виде, в котором он годится для промышленного, а не индивидуального потребления. Это, следовательно, с одной стороны, обмен переменного капитала этих производителей на часть жизненных средств, которые представляют постоянный капитал. В действительности часть их продукта, которая представляет переменный капитал, но существует в виде постоянного капитала, обменивается на часть продукта производителей жизненных средств, которая представляет постоянный капитал, но существует в виде переменного капитала. Здесь обменивается вновь прибавленный

¹⁾ Т.-е. рабочую силу. Прим. перев.

труд на капитал ¹⁾. С другой стороны, часть продукта, которая представляет прибавочный продукт, но существует в виде постоянного капитала, обменивается на часть жизненных средств, которая представляет постоянный капитал для его производителей. Здесь обменивается доход на капитал. Доход капиталистов, которые производят постоянный капитал, обменивается на жизненные средства, и замещает постоянный капитал капиталистов, которые производят жизненные средства.

Наконец, та часть продукта капиталистов, производящих постоянный капитал, которая сама представляет постоянный капитал, замещается отчасти *in natura*, отчасти обменом в натуральном виде (только в денежной оболочке) между производителями постоянного капитала.

Но все это верно при предположении, что воспроизводство и предшествовавшее ему производство находятся на одной ступени.

Теперь спрашивается, какая часть всего годового продукта представляет вновь прибавленный труд? Получаем очень простой расчет:

А. Предметы личного потребления. [Этот продукт] распадается на три части. Во-первых, доход капиталистов, созданный в течение года прибавочный труд. Во-вторых, заработная плата, переменный капитал, равняющийся вновь прибавленному труду, затраченному рабочими на воспроизводство своей заработной платы. Наконец, третья часть, сырой материал, машины и т. д. Это постоянный капитал, часть ценности продукта, которая только сохраняется, не производится. Следовательно, не труд, вновь прибавленный в течение года.

Если мы назовем постоянный капитал [этой категории] c' , переменный v' , и прибавочный продукт, доход r' , то эта категория состоит из:

c' представляет только сохранившуюся ценность, не вновь прибавленный труд; наоборот $v' + r'$ это труд, вновь прибавленный в течение года.

Весь продукт категории А (или его ценность) P^a за вычетом c' представляет, следовательно, вновь прибавленный труд.

В. Предметы промышленного потребления. $v'' + r''$ здесь также представляют вновь прибавленный труд. Но не c'' , постоянный капитал, функционирующий в этой отрасли.

Но $v'' + r''$ равняется c' , на который они обмениваются. c' превращается в переменный капитал и доход для В. С другой стороны, v'' и r'' превращается в c' , в постоянный капитал А.

Продукт категории В: $P^b - c''$ равняется труду, вновь прибавленному в течение года. Но $P^b - c'' = c'$; ибо весь продукт P^b за вычетом c'' , примененного в этой категории постоянного капитала, обменивается на c' .

После того как $v'' + r''$ обменены на c' , это может быть представлено таким образом:

¹⁾ В оригинале стоит: „на вновь прибавленный труд“. (Описка!) Примеч. перев.

P^a состоит только из вновь прибавленного труда, продукт которого распадается на прибыль и заработную плату, на эквивалент за необходимый труд и эквивалент за прибавочный труд. Ибо $v'' + r''$, которое замещает c' , равняется труду, вновь прибавленному в категории B . Следовательно, весь продукт P^a , как его прибавочный продукт, так и его переменный капитал и его постоянный капитал, состоит из продукта труда, вновь прибавленного в течение года.

Наоборот, P^o можно рассматривать таким образом, что он представляет не часть вновь прибавленного труда, а только сохраненный старый труд. Ибо его часть c'' не представляет вновь прибавленного труда. Также его часть $v'' + r''$, которую он обменял на c' , представляющее в A авансированный постоянный капитал, не вновь прибавленный труд. Вся часть годового продукта, которая составляет доход рабочих в виде переменного капитала и, как прибавочный продукт, потребительный доход капиталистов представляет, следовательно, вновь прибавленный труд, меж тем как вся остальная часть продукта, которая представляет постоянный капитал, сводится только к сохраненному старому труду и возмещает только постоянный капитал.

Таким образом можно сказать, что вся часть годового продукта, которая потребляется, как доход, то-есть как заработная плата и прибыль (считая различные разветвления ее, прибыль, ренту, процент и т. д.; также плату непроизводительным рабочим), представляет вновь прибавленный труд; но ошибочно, наоборот, утверждение, что весь годичный продукт сводится к доходу, заработной плате и прибыли, и потому только к частям вновь прибавленного труда. Отчасти он представляет постоянный капитал, который по ценности не является вновь прибавленным трудом и как потребительная ценность не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Он представляет, в собственном смысле слова, накопленный труд (по своей ценности), а как потребительная ценность, потребление этого прежнего накопленного труда.

С другой стороны, также верно, что не весь прибавленный в течение года труд представлен частью продукта, которая сводится к заработной плате и прибыли. Ибо с этой заработной платой и прибылью покупаются услуги, следовательно, труд, который не вошел в продукт, представленный заработной платой и прибылью. Это услуги, труд, который затрачивается при потреблении продукта, и не входит в его непосредственное производство.

Ad 2. Иначе обстоит дело с накоплением, превращением дохода в капитал, воспроизводством в более широком масштабе, поскольку последнее получается не оттого только, что старый капитал применяется более производительнее. Здесь весь новый капитал состоит из вновь прибавленного труда, а именно прибавочного труда в виде прибыли и т. д. Но хотя верно, что основа всего нового производства состоит и получается из вновь прибавленного труда—

часть прибавочного труда рабочих,—однако ошибочно утверждение, как опять предполагают экономисты, что при превращении ее в капитал она выражается только в переменном капитале или в заработной плате. Пусть, например, часть прибавочного продукта сельского хозяина обменивается на часть прибавочного продукта фабриканта машин. Тогда возможно, что последний превращает хлеб в переменный капитал, занимает больше рабочих, непосредственно или косвенным образом. Сельский хозяин превратил наоборот часть своего прибавочного продукта в постоянный капитал, и возможно, что поэтому он вместо того, чтобы брать новых рабочих, еще отказывает старым. Несмотря на это сельский хозяин может засеять больше земли. Тогда часть хлеба будет превращена не в заработную плату, а в постоянный капитал и т. д.

Только при этом накоплении видно, что вся [прибавочная ценность], как доход, так и переменный и постоянный капитал, представляет присвоенный чужой труд. И что как средства производства, с которыми рабочий работает, так и эквивалент, который он получает за свой труд, представляет труд рабочего, который капиталист получил без эквивалента.

[Это видно] даже при первоначальном накоплении. Предположим, я сберегаю 500 ф. ст. из заработной платы. Они действительно представляют, следовательно, не только накопленный труд, но в отличие от „накопленного труда“ капиталиста, мой собственный, мною и для себя накопленный труд. Я его превращаю в капитал, покупаю сырой материал и т. д. и рабочую силу. Прибыль составляет, допустим, 20 процентов. Следовательно, 100 ф. ст. ежегодно.

Если я не всегда накопляю, а эти 100 ф. ст. ежегодно потребляю, я в течение пяти лет „с’ел“ [500 ф. ст., сумму моего первоначального] капитала в виде дохода. На шестом году мой капитал в 500 ф. ст. представляет без эквивалента присвоенный чужой труд. Если бы я, наоборот, снова накоплял половину прибыли, то процесс [израсходования моего первоначального капитала] шел бы медленнее, так как я „с’едал бы“ не так много, а присвоение чужого труда совершалось бы быстрее.

Г о д .	Капитал.	Прибыль.	С’едено.
Первый	500	100	50
Второй	550	110	55
Третий	605	121	60
Четвертый	665	133	66
Пятый	731	146	73
Шестой	804	160	80
Седьмой	884	176	88
Восьмой	972	194	97

509

В восьмом году мой капитал почти удвоен, хотя я с’ел больше первоначального капитала. В капитале 972 пет ни одного пфеннига оплаченного труда, или труда, за который я дал эквивалент. Весь мой

первоначальный капитал я издержал в виде дохода, следовательно, получил за него эквивалент и с'ел эквивалент. Новый капитал состоит только из присвоенного чужого труда.

При анализе прибавочной ценности, как таковой, натуральный вид продукта, следовательно, прибавочного продукта, является безразличным. При анализе действительного процесса воспроизводства это важно, для понимания отчасти самих его форм, отчасти того влияния, которое оказывает на воспроизводство производство предметов роскоши и т. д. Здесь мы опять имеем пример того, что потребительная ценность, как таковая, получает экономическое значение.

с. Внешняя торговля и богатство.

Теперь вернемся к нашему памфлету:

„Предположим, что всего труда страны как раз достаточно для производства такого количества, сколько необходимо для содержания населения; в этом случае, это ясно, нет прибавочного труда, нет, следовательно, ничего, что можно было бы накапливать, как капитал. Предположим, наоборот, что весь труд страны производит в течение года достаточно для содержания ее населения в продолжение двух лет, тогда очевидно или предметы потребления на год должны пропасть, или население должно прекратить производительный труд на один год. Однако владельцы прибавочного продукта или капитала не допустят, чтобы население в течение года оставалось без работы, и не дадут погибнуть продукту на один год; они дадут каждому работу, которая не является непосредственно производительной, например, производство машин и т. д. Но в третьем году все население снова перейдет к производительному труду; и так как машины, которые были созданы в предыдущем году, теперь входят в действие, то ясно, что в этом году продукт становится больше продукта первого года, ибо сюда прибавляется еще продукт машин. Этот прибавочный продукт, следовательно, еще больше, чем продукт первого года, или должен пропасть, или должен быть применен, как раньше; это применение снова доставляет обществу новые производительные силы; и население должно на некоторое время прервать производительную работу, чтобы продукт их труда не погиб. Это очевидное следствие в простейшем состоянии общества“ (I с., стр. 4, 5).

„Спрос других стран ограничивается не только нашей способностью производить, но также и их способностью ¹⁾. Мы можем делать, что хотим; в течение ряда лет весь мир может брать у нас не многим больше того, что мы берем от других, так что весь наш внешний рынок, которому придают большое значение, никогда не прибавил ни одного шиллинга или полушки; он этого не мог и никак не может сделать. Ибо за каждый кусок шелку, каждый ящик чаю, каждую бочку вина, которая ввозилась, отправлялось нечто такой же ценности. И даже прибыли, которые наши купцы получают во внешней торговле, оплачиваются потребителями товаров, которые сюда входят“ (I с., стр. 17, 18).

„Внешний рынок есть лишь меновая торговля для удобства и удовольствий капиталиста. Последний не имеет ста туловищ и ста ног; он не может потребить в виде платьев и чулок всего сукна и чулок, которые здесь производятся; потому они обмениваются на вино и шелк. Но эти вина и шелковые материи представляют прибавочный труд нашего собственного населения так же, как и те сукна и чулки; и таким образом разрушительная сила капитала растет выше всякой меры; благодаря внешней торговле капиталистам удается снова и снова перехитрить природу, которая ставит тысячи преград их требованиям и их желаниям; теперь нет преград ни для их силы, ни для их желаний“ (цит. соч., стр. 18).

¹⁾ Это ответ Сэю, что не мы производим слишком много, а другие производят слишком мало. Их производительность не должна необходимо равняться нашей.

Ясно: памфлетист берет Рикардово учение о внешнем рынке. У Рикардо оно должно только доказать его теорию ценности, или доказать, что оно не противоречит ей. Но здесь подчеркивается, что не только национальный труд, а национальный прибавочный труд воплощается также в результатах внешней торговли.

Если бы прибавочный труд или прибавочная ценность выражалась только в национальном прибавочном продукте, то увеличение ценности ради ценности и потому стремление к прибавочному труду нашло бы предел в ограниченности, узком круге потребительных ценностей, в которых была бы представлена ценность труда. Следовательно, только внешняя торговля раскрывает настоящую природу [прибавочной ценности], как ценности, так как она показывает, что заключенный в ней труд есть общественный труд, который выражается в неограниченном ряде различных потребительных ценностей и действительно придает смысл абстрактному богатству.

„Только бесконечное разнообразие потребностей и видов товара ¹⁾, необходимых для удовлетворения тех потребностей, делает страсть к богатству ²⁾ бесконечной и ненасытной“ (Уэзфильд в его издании А. Смита, 1 том, стр. 64, примечание. Лондон 1836).

Но только внешняя торговля, развитие рынка до мирового рынка превращает деньги в мировые деньги и абстрактный труд в общественный труд. Абстрактное богатство, ценность, деньги—следовательно, абстрактный труд развивается соответственно тому, как конкретный труд превращается в совокупность самых различных видов труда, охватывающих внешний рынок. Капиталистическое производство основано на ценности или на развитии заключенного в продукте труда, как труда общественного. Но это [возможно] лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Последний, таким образом, является предпосылкой и результатом капиталистического производства.

Памфлет представляет не теоретическую работу, [а только] протест против того, что экономисты неправильно объясняли тогдашнюю бедность и „тяжелое положение нации“. Поэтому здесь не претендуется на то, и нельзя требовать того, чтобы выражение прибавочной ценности, как прибавочного труда, давало также общую критику всей системы экономических категорий. Автор стоит наоборот на точке зрения Рикардо и только последовательно делает тот вывод, который вытекает из этой самой системы, и выставляет его в интересах рабочего класса против капитала.

Вообще автор не выходит из круга тех экономических категорий, которые он находит. У Рикардо смешение прибавочной ценности

¹⁾ Следовательно, также бесконечное разнообразие видов конкретного труда, которые производят те различные виды товаров.

²⁾ Следовательно, также страсть присваивать себе труд других людей.

и прибыли приводит к неприятным противоречиям; так же обстоит дело и у него, когда он окрестил прибавочную ценность процентом на капитал.

Однако он стоит выше Ривардо тем, что прибавочную ценность он сводит к прибавочному труду, и, называя прибавочную ценность процентом на капитал, он в то же время подчеркивает, что под процентом на капитал он понимает общую форму прибавочного труда, в отличие от его особых форм, ренты, денежного процента и промышленной прибыли.

„Уплачиваемый капиталистам процент, принимает ли он характер (это должно означать форму. М.) ренты, денежного процента или предпринимательской прибыли“ (I. с., стр. 23).

Следовательно, он различает общую форму прибавочного труда или прибавочной ценности и его особые формы, чего не делает Ривардо, а также А. Смит; по крайней мере, они не делают этого сознательно и последовательно. Но название одной из этих особых форм, процент, он опять берет для общей формы. И этого достаточно, чтобы он опять вернулся к экономическому жаргову.

„Процесс роста капитала в развитом обществе сопровождался бы падением денежного процента, или, что сводится к тому же, уменьшением количества чужого труда, которое отдавалось бы за употребление капитала“ (I. с., стр. 6).

Эта фраза напоминает Кэри. Но у памфлетиста не капитал применяется рабочим, а рабочий капиталом. Так как под процентом он понимает прибавочный труд во всех формах, то дело — „целебное средство против тяжелого положения нашей нации“ — сводится к тому, что заработная плата повышается; ибо уменьшение процента означает уменьшение прибавочного труда. Но что он имеет в виду, это то, что присвоение чужого труда в обмене на капитал должно уменьшаться, или рабочий должен присвоить себе больше из своего собственного труда и капитал меньше.

Уменьшение прибавочного труда может иметь двойное значение.

Должно быть выполнено меньше труда сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства рабочей силы, для создания эквивалента за заработную плату; или меньшая часть всего количества труда должна принять форму прибавочного труда, т.-е. времени, отданного капиталистам даром; следовательно, также меньшая часть продукта, в котором выражается труд, должна служить прибавочным продуктом; т.-е. рабочий должен получить больше от своего собственного продукта, и меньше от этого продукта должно доставаться капиталисту.

Автору самому это неясно, как это видно также из следующего места, где собственно высказано последнее слово его произведения:

Действительно богата нация лишь тогда, когда не уплачивается процент на капитал; „когда вместо 12 работают 6 часов. Богатство

есть время, которое находится в нашем распоряжении, больше ничего" (I. с., стр. 6).

Так как здесь под процентом понимается — прибыль, рента, процент — короче, всякая форма прибавочной ценности, и так как, по мнению автора, даже капитал есть не что иное, как продукт труда, накопленный труд, который в состоянии в обмен на себя заставить дать не только одинаковое количество труда, но и прибавочный труд, то, согласно его теории, если капитал не дает процента, это означает не что иное, как то, что капитала нет. Продукт не превращается в капитал. Нет прибавочного продукта и прибавочного труда. Тогда только нация действительно богата.

Но это может только означать: Нет продукта, нет труда сверх продукта и труда, которые требуются для воспроизводства рабочих. Или: рабочие сами присваивают себе этот излишек, безразлично, продукта или труда.

Но что автор не имеет в виду только последнее, вытекает из того, что он соединяет с положением „никакого процента на капитал“ след. положение: „Нация действительно богата, когда работают 6 часов вместо 12. Богатство есть время, которое находится в нашем распоряжении, и больше ничего“.

Это должно тогда означать:

Когда все должны работать, отпадает противоположность между работающими слишком много и тунеядцами — и это было бы во всяком случае следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше права на чужой прибавочный труд; — если кроме того принимается во внимание развитие производительных сил, созданное капиталом, то общество будет производить в 6 часов необходимое изобилие, больше, чем теперь в 12; и в то же время все [рабочие кроме того еще] будут иметь 6 часов „времени, которыми они распоряжаются“, настоящее богатство; это время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, но [остается свободным] для удовольствия, для отдыха; так что оно дает возможность свободной деятельности и развития. Время есть пространство для развития способностей и т. д. Известно, что экономисты, даже рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для других, для другой части общества — и таким образом, для общества наемных рабочих.

Или это может также означать: рабочие работают теперь 6 часов времени сверх того, что им теперь нужно для своего собственного воспроизводства [и больше им и потом не понадобится]. Если исчезает капитал, то они работают уже лишь 6 часов, и тунеядцы должны работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим доведено до [теперешнего] уровня рабочих. Но все имели бы свободное время для своего развития. Однако, вряд ли таково может быть мне-

ние автора, так как то, что теперь нужно рабочим, он считает бесчеловечным минимумом.

Самому автору это очевидно неясно. Однако, на всякий случай остается все же великолепное положение: „Нация действительно богата, когда работают 6 часов вместо 12. Богатство есть время, которое находится в нашем распоряжении и больше ничего“.

И Рикардо говорит в главе о „ценности и богатстве“: настоящее богатство состоит в том, что создается возможно больше потребительных ценностей возможно меньшей ценности; т. е., другими словами, что в течение возможно меньшего рабочего времени создается максимальное изобилие материального богатства. И здесь „время, которое находится в нашем распоряжении“, и пользование тем, что создано в рабочее время других, представляет настоящее богатство, но как все в капиталистическом производстве, и потому у его толкователей, в противоположности. Противоположность богатства и ценности проявляется потом у Рикардо в таком виде, что чистая выручка должна быть возможно больше по сравнению с валовой выручкой; опять-таки при этом противопоставлении это означает, что классы общества, время которых лишь отчасти или совсем не занято материальным производством, хотя они пользуются плодами его, должны быть возможно более многочисленны, в противоположность классам, время которых совершенно поглощается материальным производством, и потребление которых представляет лишь статью издержек производства, только условие для того, чтобы они были для них такими выючными животными. Всегда высказывается желание возможно меньшую часть общества обречь на рабство труда, на каторжную работу. Это тот кульминационный пункт, до которого можно прийти с капиталистической точки зрения.

Это автор отбрасывает. Время труда всегда остается, даже когда меновая ценность исчезла, творческой сущностью богатства и мерилom издержек, требуемых для его производства. Но свободное время, время, находящееся в нашем распоряжении, есть само богатство—отчасти для пользования продуктами, отчасти для свободной деятельности, не определяющейся, подобно труду, принуждением внешней цели, которая должна быть достигнута, достижение которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью,—называйте это, как угодно.

Само собой разумеется, что само рабочее время, благодаря тому, что оно ограничено нормальным сроком, что оно уже не существует более для другого, а для меня самого, вместе с устранением социальных противоположностей между господами и рабами и т. д., как настоящий социальный труд, наконец, как основа свободного времени,—получает совершенно другой, более свободный характер; и что рабочее время человека, который является одновременно человеком со свободным временем, должно быть более высокого качества, чем время выючного животного.

2. Перси Равенстон.

Равенстон—автор в высшей степени замечательного произведения: *Toughts on the Funding System and its Effects*. Лондон. 1824.

Автор предыдущего памфлета рассматривает прибавочную ценность в ее первоначальном виде, как прибавочный труд. Потому длина рабочего времени составляет его основную точку зрения. Он именно рассматривает прибавочную ценность в ее абсолютном виде, как продление [рабочего времени] сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства самого рабочего; не как сокращение необходимого труда благодаря развитию производительности труда.

Сокращение этого необходимого труда составляет основную точку зрения Рикардо, но, как это имеет место в капиталистическом производстве, как средство удлинения рабочего времени, достоящегося капиталу.

Памфлет, наоборот, считает последней целью сокращение рабочего времени для производителей и исчезновение труда на владельца прибавочного продукта.

Равенстон, очевидно, предполагает, что рабочий день нам дан. Что он, следовательно, особенно имеет в виду—так же, как в предыдущем памфлете, теория играет только подчиненную роль,—это относительная прибавочная ценность, или достоящийся капиталу прибавочный продукт, благодаря росту производительности труда. Вообще при этой точке зрения, прибавочный труд рассматривается больше в виде прибавочного продукта, а [памфлетист наоборот] рассматривает прибавочный продукт больше в виде прибавочного труда.

„Учить, что богатство и мощь страны зависят от ее капитала, значит сделать промышленность служанкой богатства, а людей превратить в слуг собственности“ (указ. соч., стр. 7).

В возражениях, вызванных рикардовой теорией—[исходящих] из ее собственных предпосылок—характерно следующее: по мере развития политической экономии—и это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, достигает крайнего выражения в Рикардо—в ней устанавливается взгляд на труд, как на единственную основу ценности и единственный творец потребительной ценности, и на развитие производительных сил, как на единственное средство действительного увеличения богатства; максимальное развитие производительных сил труда рассматривается, как экономическая основа общества. Это действительно основа капиталистического производства. Именно произведение Рикардо, доказывающее, что закон ценности не нарушается ни земельной собственностью, [ни] капиталистическим накоплением и т. д., занято собственно лишь тем, чтобы устранить все противоречия или явления,

которые, невидимому, противоречат этому взгляду. Но поскольку труд рассматривается, как единственный источник меновой ценности, и как активный источник потребительной ценности, постольку же „Капитал“ рассматривается теми же экономистами, и именно также Рикардо (еще более Торренсом, Мальтусом, Бэли и др. после него), как регулятор производства, как источник богатства и цель производства; а труд, наоборот, как наемный труд, носитель которого и настоящее орудие которого является настоящим нищим; и этот взгляд еще подкрепляется теорией народонаселения Мальтуса. Рабочий относится только к издержкам производства и орудиям производства; он обречен на минимум заработной платы; последняя должна пасть еще ниже этого минимума, как только рабочий существует в „излишнем“ для капитала количестве. В этом противоречии политическая экономия высказала только сущность капиталистического производства, или, если угодно, наемного труда; труда, который отчуждается от самого себя, которому противостоит созданное им богатство, как чужое богатство; его собственная производительность, как производительность его продукта; его обогащение, как самообеднение; его общественная сила, как власть общества над ним. Но эту определенную специфическую, историческую форму общественного труда, как она проявляется в капиталистическом производстве, эти экономисты называют всеобщей, единственной формой, непреложной истиной, и эти производственные отношения абсолютно (не исторически) необходимыми, естественными и разумными отношениями общественного труда. Чрезвычайно ограниченные горизонтом капиталистического производства, они считали противоречивую форму, в которой здесь существует общественный труд, столь же необходимой, как эту форму самое, освобожденную от этого противоречия. Так как для них наемный труд и труд тождественны, они таким образом, с одной стороны, называют абсолютно труд единственным источником богатства; и с другой стороны, они, не переводя духа, называют единственным источником богатства также абсолютно капитал, бедность рабочих и богатство тунеядцев; так они все время движутся в абсолютных противоречиях, нисколько не подозревая этого. Сисмонди чувствует это противоречие, и, благодаря этому, он начинает новую эпоху в политической экономии. „Труд или капитал“—в этом выражении Рикардо резко выступает противоречие и наивность, с какой это высказывается, как нечто тождественное.

Но ясно было, что то же реальное развитие, которое дало буржуазной экономии это теоретически противоречивое выражение, развивает заключенные в ней реальные противоречия, именно противоположность между растущим богатством „нации“ в Англии и растущей нищетой рабочих. Так как далее эти противоречия в теории Рикардо и других получают теоретически ясное, хотя и не осознанное ими выражение, то естественно было, что умы, ставшие на сторону пролета-

риата, остановились на теоретически уже выясненном для них противоречии. Труд есть единственный источник меновой ценности и единственный активный творец потребительной ценности. Так вы говорите. С другой стороны, вы говорите, что капитал есть все, рабочий ничего, или он представляет только часть издержек производства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть не что иное, как надувательство рабочего. Труд есть все.

Это действительно последнее слово всех тех произведений, которые защищают пролетарские интересы с рикардовой точки зрения, исходя из его собственных предпосылок. Как он не понимает тождества капитала и труда в своей системе, так они не понимают противоречия, которое они представляют; потому самые выдающиеся из них, как например, Годскин, принимают все экономические предпосылки самого капиталистического производства, как вечные формы, и хотят только вычеркнуть капитал, основу и в то же время необходимое следствие.

Основная мысль Равенстона такова: Развитие производительных сил труда создает капитал, или собственность, т.-е., прибавочный продукт для „idlers“, ленивцев, тунеядцев; и именно труд создает этот свой тунеядный нарост, который высасывает его самого до мозга костей, тем в большей степени, чем больше развита его производительность. Получает ли тунеядец право на этот прибавочный продукт или возможность присваивать себе продукт чужого труда, оттого, что у него уже имеется богатство, или земля, земельная собственность, это не меняет дела. И то и другое есть капитал, т.-е. господство над продуктом чужого труда. Собственность, property, означает у Равенстона лишь присвоение продукта чужого труда, и оно возможно и лишь в такой степени возможно, в какой развивается производительная промышленность. Под производительной промышленностью Равенстон понимает промышленность, которая производит необходимые средства существования. Следствием развития капитала или собственности является непроизводительная промышленность, industry of consumption. Подобно автору вышеприведенного памфлета, Равенстон является аскетом. Он здесь разделяет взгляды экономистов. Без капитала, без „Property“, жизненные средства рабочего производились бы в изобилии, но не было бы производства предметов роскоши. Или можно также сказать, что Равенстон, также как автор вышеуказанного памфлета, понимает, или по крайней мере фактически признает, историческую необходимость капитала постольку, поскольку он, по их мнению, производит прибавочный труд сверх необходимого для скудного существования труда; и поскольку он создает машины (у него основной капитал) и внешнюю торговлю, мировой рынок, отчасти для того, чтобы использовать вырванный у рабочих прибавочный продукт для повышения производительности труда, отчасти для того, чтобы придать этому прибавочному продукту разнообразнейшие, не вызываемые необходимостью

формы потребительной ценности. Таким образом, по Равенстону без капитала п „property“ не были бы произведены ни предметы удовольствия, „conveniencies“, ни машины, ни предметы роскоши; не было бы развития естественных наук, ни тех производств, которые обязаны своим существованием досугу или стремлению богатых получить за свой „прибавочный продукт“ от нерабочих эквивалент. Это говорят памфлетист и Равенстон не в оправдание капитала; они делают это предметом нападения, так как все это совершается в противоположность рабочим, а не для них. Но таким образом они фактически признают, что это является результатом капиталистического производства, что последнее таким образом представляет историческую форму общественного развития, если и в противоположность той части населения, которая служит основанием всего этого развития. Здесь они разделяют—хотя и с противоположного полюса—ограниченность экономистов, смешивая противоречивую форму этого развития с самим содержанием. Одни хотят увековечить противоречие ради его плодов. Другие решили пожертвовать созревшими в этой антагонистической форме плодами, лишь бы избавиться от противоречия. Этим отличается их выступление против экономии от одновременного выступления Оуэна и т. д., с другой стороны, также от выступления Сисмонди, который обращается назад к устарелым формам противоречия, чтобы избавиться от него в его острой форме.

„Нужда бедных создает его (богатого) богатство... Если бы все были равны, то никто не работал бы для другого. Необходимые средства существования имелись бы в изобилии, меж тем как предметы роскоши совершенно отсутствовали бы“ (ук. соч., стр. 10).

„Производительная промышленность создает собственность; эта последняя, которая повышает потребление, — ее дитя“ (ук. соч., стр. 12).

„Увеличение собственности, это возрастание возможности содержать тунеядцев и непродуцирующую промышленность, есть то, что политическая экономия называет капиталом“ (ук. соч., стр. 13).

„Так как назначение собственности есть расходование, так как без этого последнего она остается совершенно бесполезной для ее владельцев, то ее существование теснейшим образом связано с существованием непродуцирующей промышленности (industry of consumption)“ (ук. соч.).

„Если бы труда каждого человека хватало только на его собственное содержание, то не могло бы быть собственности, и никакая часть промышленности народа не могла бы быть употреблена на то, чтобы работать на воображаемые потребности“ (ук. соч., стр. 14, 15).

„Во всяком позднейшем состоянии общества число тех, кто работает, уменьшается по мере того, как с возрастанием производительных сил и усовершенствованием техники повышается производительность человеческого труда... Собственность получается благодаря усовершенствованию средств производства; ее единственным делом является поощрение тунеядства. До тех пор, пока труда каждого человека едва достаточно для его собственного содержания, не будет тунеядцев, так как невозможна собственность. Если, наоборот, труд одного человека может содержать 5, тогда на каждого занятого в производстве человека будет приходиться четыре тунеядца: лишь таким образом продукт может быть потреблен... Стремление общества состоит в том, чтобы поднять тунеядца за счет прилежного, излишек превратить во власть“ (ук. соч., стр. 11).

О ренте он говорит то же, что вообще относится к прибавочной ценности, поскольку она развивается благодаря повышению производи-

тельности труда. Относительно ренты его рассуждения не совсем правильны, так как здесь как раз нужно было объяснить, почему [рента] достается землевладельцу, не арендатору или промышленному капиталисту. У него сказано:

„В начальных стадиях развития общества, когда еще нет искусственного повышения рабочих сил, часть выручки, которая может быть отдана в виде ренты, чрезвычайно мала; ибо земля не имеет естественной ценности, весь продукт обязан своим существованием труду. Но всякое возрастание искусства увеличивает часть, которая может быть отложена в виде ренты“.

Там, где для содержания 10 требуется труд 9, только $\frac{1}{10}$ всего продукта может составлять ренту. Где труда 1 человека достаточно для 5, там $\frac{4}{5}$ продукта будет приходиться на ренту или на потребности государства, „которые могут быть удовлетворены только из излишнего продукта труда“. Первое повидимому имело место в Англии в эпоху завоевания; второе теперь, когда лишь пятая часть населения занята в земледелии (ук. соч., стр. 46).

„Также верно, что каждым улучшением общество пользуется для увеличения тунеядства“ (ук. соч., стр. 48).

Произведение Равенстона оригинально. Предметом его обсуждения служит, как говорит заглавие, новая система государственных долгов. Между прочим, он говорит:

„Вся война против французского Наполеона не вызвала ничего более великого, чем превращение некоторых евреев в джентльменов и некоторых дураков в учителей политической экономии“ (ук. соч., стр. 66).

„В системе долгов хорошо то, что она отнимает у древнего земского дворянства значительную часть его собственности и передает ее тем новым модным гидальго, как вознаграждение за их ловкость в искусстве обмана и лжи. Если она поощряет обман и подлость, если она на шарлатанство и наглость натягивает одеяние мудрости, если она весь народ превращает в нацию биржевых спекулянтов... если она разрывает все предрассудки чина и происхождения и деньги делает единственным отличительным признаком среди людей... то она разрушает вечность собственности (ук. соч., стр. 51, 52).

3. Томас Годскин.

Здесь рассматриваются два произведения:

Labour defended against the claims of capital; or the Unproductiveness of capital proved, with reference to the Recent Combinations amongst journeymen. By a labourer. Лондон 1825.

Томас Годскин, *Popular Political Economy. Four Lectures delivered at the London Mechanic's Institution.* Лондон 1827.

Первое, анонимное произведение, тоже принадлежит перу Годскина. Если упомянутые выше памфлеты, и ряд других, подобных им, прошли бесследно, то эти произведения, особенно первое, обратили на себя большое внимание; еще до сих пор (ср. John Labour, „Money and

Morals". Лондон 1852) они относятся к важнейшим произведениям английской политической экономии. Мы разберем оба эти произведения по порядку.

a. Labour defended etc.

Что хочет доказать автор, это „непроизводительность капитала“, как говорит заглавие. Рикардо не утверждает, что капитал создает ценность. Он прибавляет к продукту только свою собственную ценность, а его собственная ценность зависит от требуемого для его воспроизводства рабочего времени. Ценность он имеет лишь как накопленный труд (лучше реализованный труд), и только эту ценность свою он переносит на продукт, в который он входит. Но у него имеется непоследовательность в вопросе о всеобщей норме прибыли. В этом именно и заключается то противоречие, на котором его ловят его противники.

Что же касается производительности капитала в отношении к потребительной ценности, то у Смита, Рикардо и др., вообще у экономистов, она выражается лишь в том, что продукты прежнего полезного труда снова служат средствами производства, предметами труда, средствами труда и средствами существования рабочего. Об'ективные условия труда выступают перед [рабочим] не в сыром виде, как простые произведения природы (как таковые они никогда не бывают капиталом), а как произведения природы, уже измененные человеческой деятельностью. Но в этом смысле слово капитал является совершенно лишним и ничего не говорит. Пшеница кормит не потому, что она есть капитал, а потому что это пшеница. Потребительная ценность шерсти принадлежит ей, как шерсти, не как капиталу. Также и действие паровой машины не имеет ничего общего с ее существованием, как капитала. Она сослужила бы ту же точно службу, если бы она не была капиталом и принадлежала не фабриканту, а фабричным рабочим. В действительном процессе труда все эти вещи служат, как потребительные ценности, в их отношении к прилагаемому к ним труду, не как меновые ценности, и еще менее как капитал. Их свойство, как об'ективных условий действительного труда, не их общественное бытие, как самостоятельно противостоящих рабочему, отчужденных условий, как воплощенного в капиталисте господина над живым трудом,—есть то, благодаря чему они здесь оказываются производительными, или лучше производительность труда осуществляется в них, как его об'екте. Как богатство (wealth), справедливо говорит Гопкинс (не наш Годскин), а не как „сверх-богатство“ (net wealth); как продукт, а не как „прибавочный продукт“, они здесь применяются и потребляются. Конечно в голове экономистов определенная общественная форма этих вещей, по отношению к труду, и их реальная определенность, как моментов процесса труда, так же переплетаются

и так же нераздельно срослись одна с другой, как в голове капиталистов. Тем не менее, когда они анализируют процесс труда, они вынуждены совершенно выпустить выражение капитал и говорить о материале труда, средствах труда и средствах существования. Но в этой определенности продукта, как материала орудия и средств существования рабочих, сказано только об их отношении, как вещественных условий, к труду; самый труд выступает, как управляющая ими, повелевающая деятельность. Здесь нет абсолютно ничего от [отношения между] трудом и капиталом, здесь имеется отношение человеческой целесообразной деятельности к ее собственным продуктам в процессе воспроизводства. Они не перестают быть ни продуктами труда, ни просто предметами, над которыми и с которыми он распоряжается. Они лишь говорят о том отношении, в каком труд присваивает себе созданный им самим, по крайней мере в этом виде созданный вещественный мир; но они отнюдь не говорят о господстве этих вещей над трудом, или оно предполагается лишь постольку, поскольку деятельность должна быть приспособлена к своему объекту; иначе она не была бы целесообразной деятельностью, трудом.

О производительности капитала можно говорить лишь тогда, когда он рассматривается, как выражение определенного общественного производственного отношения. Но если он рассматривается таким образом, то тотчас же выступает исторически преходящий характер этого отношения, всеобщее понимание которого несовместимо с его дальнейшим существованием, и которое само создает средства для его устранения.

Но экономисты не рассматривают его, как такое отношение, так как они не должны признавать его относительного характера, и не понимают его; наоборот, они только дают теоретическое выражение обычному представлению практиков, находящихся всецело во власти капиталистического производства, которое над ними господствует, и в котором они заинтересованы.

Из ограниченного представления экономистов Годкин также исходит в своей полемике. Поскольку [экономисты] представляют капитал, как вечное отношение производства, они сводят его к общим отношениям труда к своим материальным условиям, которые имеются при всяком способе производства и ничего не содержат из специфического характера капитала. Поскольку у них капитал создает „ценность“, лучшие из них, как Рикардо, признают, что он не создает ценности, которой он не получил раньше и которую он постоянно получает от труда; ибо заключенная в продукте ценность определяется необходимым для его воспроизводства рабочим временем; следовательно, его отношением, как результата живого, настоящего, не прежнего труда. И производительность труда, как указывает Рикардо, выявляет свой прогресс именно в постоянном обесценивании продукта прежнего труда. С другой

стороны, экономисты постоянно смешивают определенную специфическую форму, в которой эти вещи являются капиталом, с их свойством, как вещей и как простых моментов всякого процесса труда. Мистификации, которая содержится в капитале—как потребителя труда—они не объясняют; но они только постоянно бессознательно говорят о пей, как о чем-то неразлучном с его вещественным характером.

Первый памфлет [произведение памфлетиста], делая правильный вывод из теории Рикардо, сводит прибавочную ценность к прибавочному труду. Это делается в противоположность противникам и последователям Рикардо, которые цепляются за его смешение прибавочной ценности и прибыли.

Второй памфлет [произведение Равенстона], в противоположность этим последним, определяет точнее относительную прибавочную ценность, которая зависит от степени развития производительности труда. Рикардо говорит то же самое, но избегает того вывода, который делает Равенстон: возрастание производительности труда увеличивает только чужое, властвующее над ним богатство, капитал.

Третий памфлет наконец [Годскин] приходит к общему положению, которое представляет необходимое следствие учения Рикардо: Капитал не производителен. Это направлено против Торренса, Мальтуса и др., которые, развивая мысли, представляющие одну сторону учения Рикардо, превращают положение Рикардо: труд есть творец ценности—в противоположное положение: капитал есть творец ценности. В то же время он полемизирует против положения, которое [тянется] от Смита до Мальтуса и у последнего именно превращается в абсолютную догму (также у Джемса Милля): против положения об абсолютной зависимости труда от наличной величины капитала, как условия его существования.

Nr. I заканчивается положением „Богатство есть не что иное как время, которое находится в нашем распоряжении“.

в. Сосуществующий труд.

Годскин полагает: оборотный капитал есть не что иное, как труд, сосуществование различных видов общественного труда (coexisting labour); накопление есть не что иное, как соби́рание производительных сил общественного труда, так что накопление искусства и знаний (scientific power) самих рабочих есть главное накопление; оно гораздо важнее идущего рука об руку с ним и только его выражающего накопления наличных, об'ективных, постоянно воспроизводимых и потребляемых, только по названию накопленных условий этой деятельности: „Производительный капитал и искусный труд это одно и то же“. „Капитал и рабочее население—совершенно однозначущие выражения“. Все это представляет только дальнейшее развитие мысли Галиани

„Настоящее богатство... есть человек“ (Della Moneta. Custodi, Parte Moderna. 3 том, стр. 229). Весь объективный мир, „товарный мир“ тонет здесь, как момент только; как только исчезающий, вновь и вновь создаваемый результат человеческой деятельности, именно общественного производства. Теперь сравним этот „идеализм“ с грубо материальным фетишизмом, к которому сводится теория Рикардо „у невероятного пачкуна“ Мак Каллока, где исчезает не только различие между человеком и животным, но даже между живым и вещью. И после этого пусть говорят, что пролетарская противоположность возвышенному спиритуализму буржуазной экономики проповедует грубый материализм, имеющий в виду исключительно скотские потребности!

Ошибка Годскина состоит в том, что в своем исследовании о производительности капитала он не различает, поскольку речь идет о производстве потребительной ценности или меновой ценности. Но это имеет свое историческое оправдание: он берет капитал, как он его находит у экономистов. С одной стороны (поскольку он участвует в действительном процессе труда), он представляет только вещественные условия труда, или он имеет значение только как вещественный элемент труда; в процессе образования ценности он [уже] представляет не что иное, как измеряемое временем количество труда, следовательно, ничего отличного от этого самого количества труда. С другой стороны, — хотя на самом деле, поскольку он выступает в действительном процессе производства, он представляет сам только название, именование для труда, — он выражается, как повелевающая над трудом и обуславливающая его власть, как основа его производительности и как чуждое ему богатство. И здесь нет посредствующих звеньев. Это то, что находит Годскин. И он противопоставляет реальную сторону экономического развития их буржуазному шарлатанству.

„Капитал это своего рода каббалистическое слово, как церковь или государство или какое-либо другое из тех общих выражений, изобретенных теми, кто стрижет остальное человечество, с целью спрятать руку, которая держит бритву“ (Labour defended, стр. 17).

Здесь Годскин различает, согласно традиции, как он это находит у экономистов, оборотный и основной капитал; при чем оборотным капиталом считается главным образом та часть, которая состоит из средств существования рабочих и как таковая потребляется.

Разделение труда, говорят, невозможно без предшествовавшего накопления капитала. Но „действия, приписываемые запасу товаров, который носит название оборотного капитала, обусловлены одновременным существованием различных видов труда (coexisting labour“) (ук. соч., стр. 9). При грубом понимании экономистов можно сказать, что „оборотный капитал“ есть лишь „название“ для запаса особых „товаров“. Так как экономисты не выяснили специфического общественного отношения, которое выражено в метамор-

фозе товаров, то они могут понимать „оборотный капитал“ только вещественно. Все вытекающие из процесса обращения различия капитала, самый процесс его обращения, это в действительности не что иное, как метаморфоза товаров, определяемых их отношением к наемному труду, как капитала, как момента процесса воспроизводства.

Разделение труда в одном смысле есть не что иное, как сосуществующий труд, то-есть одновременное существование различных видов труда, которое выражается в различных видах продуктов или, лучше, товаров. Разделение труда в капиталистическом смысле, как разложение особого труда, который производит определенный товар, на сумму простых распределенных между различными рабочими и совершающихся совместно операций, предполагает разделение труда внутри общества, вне мастерской, как разделение промыслов. С другой стороны, оно их увеличивает. Продукт может быть произведен как товар в тем более отменном смысле; его меновая ценность тем более не зависит от его непосредственного бытия, как потребительной ценности; или его производство тем более не зависит от его потребления производителями, от его бытия, как потребительной ценности для производителей, чем одностороннее он сам и чем разнообразнее товары, на которые он обменивается ¹⁾; чем больше ряд потребительных ценностей, в которых выражается его меновая ценность; чем больше рынок для него. Чем больше это имеет место, тем больше продукт может быть произведен, как товар. Следовательно, также тем более *en masse*. Безразличие его потребительной ценности для производителя выражается количественно в массе, в какой он производится, которая отнюдь не стоит в каком-либо отношении к потребностям потребления производителя, даже когда последний одновременно является потребителем своего продукта. Одним из способов этого производства *en masse* и потому производства продукта [как товара] является однако разделение труда внутри мастерской. Таким образом, разделение труда внутри мастерской основано на разделении промыслов внутри общества.

Величина рынка имеет двоякий смысл: Во-первых, масса потребителей, их число. Но во-вторых также число самостоятельно выступающих друг против друга промыслов. [Рост рынка в последнем смысле] возможен без роста [первого]. Например, когда прядильщик и ткач оставляют домашнюю промышленность и земледелие, тогда все сельские хозяйства становятся рынком для прядильщиков и ткачей. Эти последние [образуют] также друг для друга рынок, благодаря разделению их промыслов. Разделение труда внутри общества предполагает, что различные виды труда получили самостоятельное существование по отношению друг к другу, что их продукты противостоят друг к другу, как

¹⁾ В оригинале стоит: „обменивает“ — описка. Прим. перев.

товары, и проходят через обмен, прodelьвают метаморфозу товаров, должны относиться друг к другу, как товары.

Поэтому в средние века города запрещают деревне иметь возможно больше ремесл. Не только для того, чтобы исключить конкуренцию, единственное, что видит А. Смит, а для того, чтобы создать себе рынок.

С другой стороны, эта [самостоятельность промыслов] предполагает известную густоту населения, как условие значительного развития ее. Еще более предполагает эту густоту населения развитие разделения труда в мастерской. Последнее разделение, служащее в известной степени предпосылкой для развития первого, в свою очередь, повышает его; здесь имеется взаимодействие. Соединенные прежде виды труда оно разделяет на друг от друга независимые занятия; оно также увеличивает и дифференцирует, хотя и не непосредственно требуемые для этого, предварительные работы; наконец, благодаря расширению производства, увеличению населения, освобождению капитала и труда, оно создает новые потребности и новые способы их удовлетворения.

Когда Годскин поэтому говорит: Разделение труда есть результат не запаса товаров, которые называются оборотным капиталом, а существующего труда, то это было бы тавтологией, если бы он здесь понимал под разделением труда разделение промыслов. Это означало бы лишь: Разделение труда есть причина или действие разделения труда. Значит, он может полагать только следующее: Разделение труда внутри мастерской обусловлено разделением промыслов, общественным разделением труда и в известном смысле является его результатом.

Не „запас товаров“ создает это разделение промыслов и вместе с тем разделение труда в мастерской; а это разделение промыслов и разделение труда выражается в запасе товаров или лучше в том, что запас продуктов превращается в запас товаров. Но у экономистов всегда необходимо называется свойством вещей то, что является свойством, характерной особенностью капиталистического способа производства, следовательно, самого капитала, поскольку он выражает определенное отношение производителей друг к другу и к их продукту.

Но если экономисты (см. Тюрго, Смит и др.) говорят о „предшествовавшем накоплении капитала“, как об условии разделения труда, то под этим подразумевается предварительная концентрация запаса товаров, как капитала, в руках покупателя труда; так как тот вид кооперации, который характеризует разделение труда, предполагает скопление рабочих — следовательно накопление жизненных средств для них во время их работы; бoльшую производительность труда — следовательно увеличение количества сырых материалов, орудий и вспомогательных веществ, которые необходимы, чтобы работа производилась непрерывно, так как ей постоянно требуется

известной массы всего этого; короче, накопление объективных условий производства в больших размерах.

Накопление капитала не может здесь означать увеличения средств существования, сырых материалов и орудий труда, как условия разделения труда; ибо поскольку это понимается под накоплением капитала, оно должно быть следствием разделения труда, не его предпосылкой.

Накопление капитала не может здесь означать также, что вообще должны иметься средства существования для рабочего, до производства новых; или что продукты его труда должны составлять сырой материал и орудия труда его нового производства. Ибо это является условием труда вообще и до развития разделения труда было также верно, как и после него.

С одной стороны, с точки зрения вещественного содержания, накопление означает здесь не что иное, как: Разделение труда создает необходимость концентрации на отдельных пунктах средств существования и средств труда; эти последние были очень разбросаны и расщеплены, пока рабочий по-порядку сам выполнял отдельные работы (trades)—которые при этом предположении не могут быть очень многочисленны,—различные операции, которые требуются для создания одного или нескольких продуктов. Не абсолютное увеличение предполагается здесь, а концентрация; [больше средств существования и средств труда] собраны на одном пункте и относительно больше по сравнению с числом собранных рабочих.

Для занятых в мануфактуре рабочих [требуется] больше льна по сравнению с их числом, чем его имелось по сравнению, например, со всеми крестьянами и крестьянками, которые пряли лен между прочим. Следовательно, скопление рабочих, концентрация сырых материалов, орудий и средств существования.

С другой стороны: соответственно исторической основе, из которой исходит этот процесс—из которой развивается мануфактура, индустрия с ее растущим разделением труда,—эта концентрация может происходить лишь в такой форме, что рабочие скопляются, как наемные рабочие; т.-е. как такие рабочие, которые должны продавать свою рабочую силу; ибо их средства производства самостоятельно противостоят им, как чужая собственность, чужая власть; следовательно, эти условия труда противостоят им, как капитал; выражается это в том, что эти средства существования и средства труда, или, что означает то же самое, право распоряжаться ими благодаря деньгам, находится в руках отдельных владельцев денег или товаров, которые таким образом становятся капиталистами. Потеря рабочими средств производства выражается в том, что они получают самостоятельное существование, как капитал, или в том, что ими распоряжаются капиталисты.

Таким образом, первоначальное накопление представляет, как я доказал, не что иное, как отчуждение средств производства, как самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим. Исторические процессы выражают это отчуждение, как момент общественного развития. Раз имеется капитал, то из самого способа капиталистического производства вытекает сохранение и воспроизводство этого отчуждения в постоянно увеличивающихся размерах, пока не наступит исторический поворот.

Не обладание деньгами делает капиталиста капиталистом. Чтобы превратить деньги в капитал, должны существовать условия капиталистического производства, первой исторической предпосылкой которого является это отчуждение. Внутри самого капиталистического производства это отчуждение, потому и существование средств производства в виде капитала, дано; оно образует основу самого производства, которая постоянно воспроизводится и расширяется.

Накопление теперь становится непрерывным процессом, благодаря обратному превращению прибыли или прибавочного продукта в капитал, отчего растущие продукты труда, которые в то же время являются его объективными условиями, условиями воспроизводства, противостоят труду, как капитал, как отчужденные от труда, властвующие [над ним] и индивидуализированные в капиталисте силы. Но таким образом специфической функцией капиталиста становится также накопление, т. е. обратное превращение части прибавочного продукта в средства производства. И отсюда наивный экономист заключает, что эта операция вообще не могла бы совершаться, если бы она не совершалась этим противоречивым, специфическим способом; воспроизводство в больших размерах в его голове нераздельно с капиталистической формой этого воспроизводства—с накоплением.

Накопление представляет лишь в виде непрерывного процесса то, что в первоначальном накоплении является историческим процессом, процессом возникновения капитала, переходом от одного способа производства к другому.

Экономисты, скованные представлениями, в которых движутся агенты капиталистического способа производства, впадают в двойное, но взаимно обуславливающее друг друга *qui pro quo*.

С одной стороны, они превращают капитал из отношения в вещь „запас товаров“. Они уже забывают при этом, что самые товары не являются вещами. Эти товары называются капиталом, поскольку они служат средствами производства для нового труда; соответственно способу их воспроизводства это оборотный капитал.

С другой стороны, они превращают вещи в капитал; т. е. они рассматривают общественное отношение, которое выражается в них, как свойство, которое принадлежит вещи, как таковой, лишь только она как элемент входит в процесс производства или технологический про-

цесс. Концентрация сырого материала, а также средств существования в руках неработающих, как властвующих над трудом средств, как необходимых условий разделения труда (потом ото последнее увеличивает не только концентрацию, но также, благодаря тому, что оно повышает производительность труда, и концентрируемую массу), т.-е. предшествующее накопление капитала, как условие разделения труда, есть для них, следовательно, увеличение или концентрация (этого они не различают) средств существования и средств труда.

С другой стороны, эти средства существования и средства труда не играли бы роли объективных условий производства, если бы эти вещи не обладали свойством быть капиталом; если бы продукт труда, условие труда, сам не [потреблял] труда; если бы прошлый труд не потреблял живого, и если бы эти вещи не принадлежали себе или *per* (про сига) капиталисту, вместо рабочего.

Хотя разделение труда исторически не могло так выявиться с самого начала, оно, наоборот, может так выявиться лишь как следствие капиталистического производства, — однако оно было бы также возможно, если бы средства производства принадлежали ассоциации рабочих, и последние относились бы к ним, как к тому, что они представляют *in patria*, как к своим собственным продуктам и вещественным элементам их собственной деятельности.

Так как далее в капиталистическом производстве капитал присваивает себе прибавочный продукт рабочего; следовательно, так как он присвоил себе продукты труда, и последние теперь противостоят рабочему в виде капитала, то ясно, что превращение прибавочного продукта в средства производства может исходить только от капиталиста, и только в такой форме, что продукт труда, который он присвоил себе без эквивалента, он делает средством производства нового труда без эквивалента. Поэтому расширение воспроизводства проявляется в виде превращения прибыли в капитал и в виде сбережения капиталиста, который, вместо того, чтобы с'есть полученный даром прибавочный продукт, превращает его снова в средство эксплуатации рабочих; но это он может сделать только, превратив его снова в производительный капитал, что предполагает превращение прибавочного продукта в средства производства. Поэтому экономическая наука заключает, что прибавочный продукт не мог бы служить элементом воспроизводства, если бы он перед этим не превращен был сначала из продукта труда в собственность его эксплуататора, чтобы потом снова служить капиталом и повторить старый процесс эксплуатации. Сюда присоединяется еще представление об образовании сокровища у худших экономистов. И лучшие из них, как Рикардо, переносят представление о воздержании от того, кто копит сокровища, на капиталиста.

Экономисты рассматривают капитал не как отношение. Они не могут рассуждать иначе, не рассматривая его в то же время, как исторически преходящую, относительную, не абсолютную форму производства. Этого понимания нет у самого Годскина. Поскольку здесь оправдывается капитал, здесь не оправдывается его оправдание экономистами, а наоборот — оно опровергается. Годскина, следовательно, это не касается.

Как дело обстояло между ним и экономистами, способ его полемики оказывается заранее определенным и очень простым. Он просто должен выдвинуть одну сторону, которую экономисты развивают „научно“, против фетишистического представления, которое они бессознательно наивно берут [не рассуждая] из капиталистического мышления. Употребление продуктов прежнего труда, труда вообще, как материала, средств труда и средств существования, необходимо, если рабочий хочет использовать свои продукты для воспроизводства. Этот определенный способ потребления его продукта есть производительное потребление. Но какое же отношение имеет это использование его, его способ потребления своего продукта к господству этого продукта над ним самим, к его бытию, как капитала, к концентрации сырого материала, средств существования в руках отдельных капиталистов и к лишению рабочих их собственного продукта? Какое отношение это имеет к тому, что свой продукт они сначала должны отдать третьему лицу даром, чтобы потом у него обратно купить его на свой собственный труд; при чем они должны дать ему за это в обмен больше труда, чем там содержится, и таким образом должны создать ему новый прибавочный продукт?

Прошедший труд здесь существует в двух видах. Во-первых, как продукт, потребительная ценность. Процесс производства требует, чтобы рабочие часть этого продукта потребили [как средства существования], другую часть, как сырой материал и средства труда. Это относится к технологическому процессу и показывает только, как они должны относиться в промышленном производстве к продуктам своего собственного труда, к своим собственным продуктам, чтобы сделать их средствами производства.

Или [прошедший труд выступает в виде] ценности. Это показывает только, что ценность их нового продукта представляет не только их настоящий, но и их прошедший труд, и что они сохраняют старую ценность, увеличивая ее, тем, что они ее увеличивают.

Притязания капиталистов ничего общего не имеют с этим процессом, как таковым. Конечно, раз капиталист присвоил себе продукты труда, прошедший труд, то он благодаря этому обладает средством присвоить себе новые продукты и живой труд. Но именно против такого образа действия и выражается протест. Необходимая для „разделения труда“ предварительная концентрация и накопление не должно именно про-

исходить, как накопление капитала. Из того, что оно необходимо, не следует, что будто бы необходимо, чтобы в распоряжении [капиталиста] находились условия, созданные вчерашним трудом для сегодняшнего труда. Если накопление капитала должно означать не что иное, как накопление труда, то это отнюдь не включает того, что это должно представлять накопление чужого труда.

Годскин однако—на первый взгляд это кажется странным—не идет по этому простому пути. В своей полемике против производительности капитала, сначала оборотного, еще более основного, он, по-видимому, возражает или отрицает значение самого прошедшего труда или его продукта для воспроизводства, как условия нового труда. Следовательно, значение прошедшего, реализованного в продуктах труда для труда, как настоящей *ενεργεια*. Как это получилось?

Так как экономисты отождествляют прошедший труд и капитал—прошедший труд здесь как в смысле конкретного, реализованного в продуктах труда, так и в смысле общественного труда, материализованного рабочего времени,—то понятно, что они, как пиндары капитала, выдвигают значение вещественных элементов производства и переоценивают их роль по сравнению с субъективным элементом, живым, непосредственным трудом. Труд является для них адекватным, лишь, когда он становится капиталом, противостоит самому себе, пассивный элемент труда активному. Поэтому продукт властвует над производителями, предмет над субъектом, реализованный труд над реализующимся и т. д. Во всех этих теориях прошедший труд выступает не как вещественный только момент живого труда и ему подчиненный, а наоборот: не как элемент власти живого труда, а как власть над этим трудом. Чтобы и технологически оправдать специфически общественную форму, то-есть капиталистическую форму, где отношение труда и условий труда оказывается перевернутым, так что не рабочий применяет условия, а условия применяют рабочего,—экономисты неправильно придают слишком важное значение вещественному моменту в противоположность самому труду. И поэтому Годскин наоборот заявляет, что этот вещественный момент—следовательно все реализованное богатство—чрезвычайно незначителен сравнительно с живым процессом производства и в действительности имеет ценность только, как его момент; сам по себе он, следовательно, ценности не имеет. Однако, при этом он кое-чего недооценивает—но это делается в противоположность экономическому фетишизму—именно, он умаляет значение ценности, которую имеет прошлое труда для его настоящего. Если бы в капиталистическом производстве—следовательно, в его теоретическом выражении, в политической экономии—прошедший труд выступал только как пьедестал, который труд сам себе создал, и т. д., то такого полемического вопроса не могло бы существовать. Последний имеется только потому, что в реальном процессе капиталистп-

ческого производства, так же как в его теории ¹⁾, реализованный труд выступает, как его собственная противоположность, как противоположность живому труду. Совершенно так же, как в скованном религией процессе мышления продукт мышления не только претендует на господство, но и действительно господствует над самим мышлением.

Положение „Действия, приписываемые запасу товаров, который носит название оборотного капитала, обусловлены сосуществующим трудом“ (ук. соч., стр. 9) означает, следовательно, прежде всего:

Одновременное сосуществование живого труда обуславливает значительную часть действий, которые приписываются продукту прежнего труда под названием оборотного капитала.

Часть оборотного капитала состоит, например, из запаса средств существования, которые должны быть накоплены у капиталиста, чтобы содержать рабочего во время работы.

Образование запаса вообще не является особенностью капиталистического производства; хотя, так как здесь производство и потребление является максимальным, то и масса товаров, имеющих на рынке в процессе обращения, здесь оказывается максимальным. Здесь все еще заметно воспоминание о накоплении собирателя сокровищ.

Здесь нужно прежде всего оставить в стороне фонд потребления, так как речь идет о капитале и промышленном производстве. Что попало в сферу индивидуального потребления, независимо от того, потребляется ли оно быстрее или медленнее, то перестает быть капиталом; хотя отчасти оно может быть обратно превращено в капитал, как дома, парки, сосуды и т. д.

„Имеют ли в данный момент все капиталисты Европы хотя бы на одну неделю средства существования и одежду для всех тех рабочих, которые у них заняты? Исследуем этот вопрос сначала относительно пищи. Часть пищи народа представляет хлеб, который всегда печется только за несколько часов до того, как его едят... Продукт пекаря не может сохраняться долго. Ни в коем случае сырой материал хлеба, безразлично в виде ли зерна или муки, не может сохраняться без постоянного труда... Уверенность рабочего-ткача, в том, что он получит хлеб, когда ему понадобится, и уверенность его хозяина в том, что деньги, которые он ему платит, дадут ему возможность купить хлеб, основана просто на том факте, что хлеб можно было всегда получить, когда он нужен был“ (ук. соч., стр. 10).

„Другой предмет питания рабочего это молоко; и молоко доставляется два раза в день. Когда говорят, что скот, который его производит, уже имеется, то нужно ответить, что он требует постоянных забот и труда, и что его корм в течение большей части года прибывает ежедневно. Луга, на которых он пасется, требуют руки человека... Так же обстоит дело с мясом. Оно не может сохраняться долго, ибо как только оно вынесено на рынок, оно начинает портиться“ (ук. соч., стр. 10).

Даже платья из-за моли имеются в запасе лишь в незначительном количестве по сравнению со всем потреблением (стр. 11).

„Милль справедливо говорит: что производится за год, то потребляется за год, так что в действительности не может быть накоплен такой запас товаров.

¹⁾ В манускрипте стоит „практика“. К.

чтобы люди получили возможность совершать те операции, которые тянутся больше года. Те, которые приступают к таким операциям, не должны поэтому надеяться на уже произведенные товары; они должны строить на том, что другие люди производят и доставляют то, что им нужно, пока их собственные продукты будут готовы. Следовательно, если рабочий рассчитывает на то, что известное накопление оборотного капитала требуется для операций, которые совершаются в течение года..., то все же ясно, что при всех операциях, которые тянутся больше года, рабочий не должен и не может строить на накопленном капитале" (ук. соч.).

"Если мы правильно учтем число и значение тех создающих богатство операций, которые не заканчиваются в течение года, и, с другой стороны, бесчисленные продукты дневного труда, которые требуются для содержания человека и так же быстро потребляются, как и производятся,—тогда мы поймем, что результат и производительность различных видов труда всегда больше зависят от одновременно существующих различных видов производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала" (ук. соч., стр. 13).

"Своей власти над трудом нескольких людей, — не своему обладанию запасом товаров, капиталист обязан тем, что он может содержать других рабочих и потому дать им работу" (ук. соч., стр. 14).

"Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается или готовится заранее, это искусство рабочих" (ук. соч., стр. 12).

"Все действия, которые обычно приписывают накоплению оборотного капитала, обусловлены накоплением и сохранением искусства рабочих, и это чрезвычайно важное явление происходит, поскольку имеется в виду большая масса рабочих, без какого бы то ни было оборотного капитала" (ук. соч., стр. 13).

"Оборотный капитал... создается только для потребления, между тем как основной капитал... создан не для потребления, а для того, чтобы он служил рабочим в производстве тех вещей, которые потребляются" (ук. соч., стр. 19).

"Число рабочих должно всегда зависеть от величины оборотного капитала и л и лучше от количества продуктов одновременно существующего труда, которое рабочие могут потребить" (ук. соч., стр. 19).

Прежде всего, следовательно:

Успех в производительности каждой особой отрасли труда всегда больше зависит от сосуществующего производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала, то-есть, уже созданных товаров. Эти "уже созданные товары" противостоят "продуктам сосуществующего труда".

По этому поводу нужно было бы прежде всего заметить:

Внутри каждой отдельной отрасли производства та часть капитала, которая выражается в средствах труда и предметах труда, всегда предполагается, как "уже созданные товары". Нельзя прятать хлопчатой бумаги, которая еще не "создана"; не могут быть приведены в движение веретена, которые еще только должны быть сделаны; нельзя сжечь угля,—который еще не доставлен из шахты. Они, следовательно, всегда вступают в процесс, как выражение прошлого труда. И таким образом, во всякое время труд зависит от прошлого труда, не только от сосуществующего труда; хотя этот прошлый труд, как в виде средств труда, так и в виде материала, имеет значение в производстве только в контакте с живым трудом, как его вещественный момент. Только как момент промышленного потребления, то-есть потребления в процессе труда.

Но при анализе процесса обращения и процесса воспроизводства мы также видели, что товар может быть воспроизведен после

того, как он готов и превращен в деньги, лишь потому, что одновременно—сосуществующим трудом—произведены и воспроизведены все его элементы. Происходит двойное движение в производстве.

Возьмем, например, хлопчатую бумагу. Во-первых, она движется таким образом, что она переходит из одной фазы производства в другую. Сначала она производится, а потом подвергается ряду манипуляций, пока она, как сырой материал, годна для отправки; или, когда дальнейшая обработка происходит в той же стране, переходит в руки прядильщика. Потом она переходит от прядильщика к ткачу, от ткача к белильщику, красильщику и т. д.; оттуда в различные мастерские, которые обрабатывают ее для особых целей, платья, одеяла и т. д. Наконец, она переходит из рук последнего производителя в руки потребителя, в индивидуальное потребление, если она не поступает, как средство труда (не материал) в промышленное потребление. Но она получила свою последнюю форму, как потребительная ценность, для промышленного, или для индивидуального потребления. То, что здесь из одной отрасли производства выходит, как продукт, то входит в другую, как средство производства, и таким образом оно проходит в последовательном порядке все фазы, пока оно не будет готово, как потребительная ценность. Здесь предыдущий труд всегда является условием настоящего труда.

Но, когда продукт двигается вперед из одной фазы в другую, когда он подвергается этой реальной метаморфозе, он одновременно производится во всякой фазе. В то самое время, когда ткач работает над пряжей, прядильщик прядет хлопчатую бумагу, и новая хлопчатая бумага находится в процессе производства.

Так как непрерывный, возобновляющийся процесс производства есть процесс воспроизводства, то он, следовательно, также обусловлен сосуществующим трудом, который одновременно производит различные фазы продукта, в то время как он совершает свои метаморфозы, переходит из одной фазы в другую. Хлопчатая бумага, пряжа и ткань производятся не только одна за другой и одна из другой, но они производятся и воспроизводятся одновременно, рядом. То, что является действием предыдущего труда, когда я рассматриваю процесс производства отдельного товара, является одновременно действием сосуществующего труда, когда я рассматриваю его процесс воспроизводства, следовательно, его процесс воспроизводства в его течении и в совокупности его условий не в изолированном только акте, или в ограниченном пространстве. Это не только движение через различные фазы, а параллельное производство товара во всех его фазах, принадлежащих особым сферам производства, образующих различные отрасли труда. Если тот же крестьянин сначала возделывает лен, потом прядет его, потом тклет, то имеется последовательность, а не одновременность

операций, как это предполагает способ производства, основанный на разделении труда внутри общества.

Если рассматривать отношение производства отдельного товара в какой-нибудь фазе, то предыдущий труд получает, правда, смысл лишь благодаря живому труду, которому он доставляет его условия производства. Но, с другой стороны, эти средства производства, без которых живой труд не может реализоваться, выступают всегда в процессе, как готовые результаты предшествовавшего труда. Содействующий труд отраслей производства, доставляющих средства производства, является, следовательно, всегда пассивным элементом труда, и, как таковой, он служит предпосылкой. Этот момент оттеняют экономисты. Наоборот, в воспроизводстве и обращении общественный посредствующий труд, на который опирается процесс производства товара в каждой особой области, которым он обусловлен,—выступает, как сосуществующий, одновременный труд в настоящем. Товар одновременно производится в своих начальных формах и в своих окончательных формах или следующих друг за другом формам. Без этого он не мог бы, после того как он прошел свои реальные метаморфозы, обратно превратиться из денежной формы в условия своего существования. Таким образом, товар является лишь продуктом предыдущего труда, поскольку он является также продуктом одновременного живого труда. Все вещественное богатство, которое капиталистическое воззрение фиксирует, выступает таким образом только как расплывающийся момент в потоке всего производства, который включает в себе процесс обращения.

Годскин рассматривает оборотный капитал только в одной из его составных частей. Но одна часть оборотного капитала превращается постоянно в основной капитал и вспомогательный материал, и только другая часть в предметы потребления. Еще более. Даже та часть оборотного капитала, которая в конце-концов превращается в товары, поступающие в индивидуальное потребление, за исключением последней формы, где она получается как конечный продукт из заключительной фазы, всегда находится в предыдущих фазах одновременно в формах своего роста, когда она еще не может вступить в потребление, как сырой материал или полуфабрикат, более или менее отдаленный от последней формы продукта.

О чем идет речь у Годскина, это отношение настоящего труда, который рабочий дает капиталисту, к труду, содержащемуся в предметах, в которых выражается заработная плата; эти последние, следовательно, в действительности представляют потребительные ценности, из которых состоит переменный капитал. Признается, что рабочий не может работать, не найдя готовыми тех предметов потребления. И потому экономисты говорят, что оборотный капитал—предыдущий труд, уже созданные товары, который накопил капиталист—является условием труда, между прочим также разделения труда.

Когда говорится о средствах производства, и специально об оборотном капитале, в Годскинском смысле, то это обычно означает, что капиталист должен был накопить средства существования для потребления рабочего, до того, как его новый товар будет готов, следовательно, во время его работы; меж тем как товар, который он сам производит, находится только в состоянии созидания. Здесь проскальзывает представление, или что капиталист накапливает будто бы так, как собиратель сокровищ, или что он накапливает запас средств существования, как пчелы мед.

Однако это только *modus loquendi*.

Прежде всего мы здесь не говорим о лавочниках, которые продают средства существования. Они, конечно, всегда должны иметь полный запас. Их магазины, лавки и т. д. являются только резервуарами, по которым распределены товары, когда они уже готовы для обращения. Это накопление представляет лишь промежуточную стадию, в которой находится товар, прежде чем он переходит из обращения в потребление. Это его бытие на рынке, как товара. Как таковой, он имеется собственно только в этом виде. Находится ли он не в руках первого продавца, производителя, а в руках третьего или четвертого лица, наконец перешел в руки продавца, который продает его настоящему потребителю, это нисколько не меняет дела.

Но это важно постольку, поскольку [товар] на промежуточных станциях представляет обмен капитала на капитал (собственно капитала плюс прибыль, так как производитель продает в тозаре не только капитал, но прибыль, полученную на капитал), а на последней станции обмен капитала на доход; когда именно товар, как здесь предполагается, должен перейти не в промышленное, а в индивидуальное потребление.

Товар, который, как потребительная ценность, готов и может вступить в продажу, находится в виде товара на рынке, в фазе обращения; все товары находятся в этой фазе, поскольку они должны сделать первую метаморфозу, превращение в деньги. Если это означает „накопление“, то накопление означает не что иное, как „обращение“, то-есть бытие товаров, как товаров. Этот вид „накопления“ представлял бы, следовательно, нечто обратное собиранию сокровищ, которое хочет вечно сохранить товар в этом годном для обращения состоянии, и достигает этого лишь тем, что извлекает его в виде денег из обращения. Если производство разнообразное и массовое, следовательно, также и потребление, то большая масса различных товаров будет постоянно находиться на этой остановке, на этой промежуточной станции, одним словом, в обращении или на рынке. С точки зрения количества, следовательно, большое накопление означает не что иное, как большое производство и потребление.

Пребывание товаров в этом моменте процесса, их существование на рынке, вместо фабрики или лавки, в магазине торговца,

представляет лишь короткий момент в процессе их жизни. Неподвижное самостоятельное существование этого „товарного мира“, „вещественного мира“ представляет только видимость. Почтовая контора всегда заполнена, но постоянно снова другими путешественниками. Те же товары (данного вида) постоянно возобновляются в сфере производства, находятся на рынке и вступают в потребление. Таким образом, не тождественные товары, а товары того же рода всегда находятся одновременно на этих трех станциях. Если промежуточная стадия удлиняется, так что товары, которые вновь поступают из области производства, находят рынок занятым еще старыми товарами, то получается давка, застой; рынок переполнен, товары обесцениваются; перепроизводство налицо. Где, следовательно, промежуточная стадия обращения получает самостоятельное существование, не является простой остановкой течения в его движении; где товар существует в фазе обращения, как накопление,—это не является свободным актом производителя: это не цель или имманентный жизненный момент производства; подобно тому, как прилив крови к голове, который приводит к апоплексии, не является имманентным моментом кровообращения. Капитал, как товарный капитал (таким он является в этой фазе обращения, на рынке) не должен укрепиться, он должен представлять лишь остановку в движении. Иначе процесс воспроизводства нарушается. Во всем механизме получается беспорядок. Таким образом, по сравнению с постоянным течением производства и потреблений, это появляющееся на отдельных пунктах в концентрированном виде вещественное богатство играет и должно играть ничтожную роль. Богатство поэтому и по А. Смиту представляет „годовичное“ воспроизводство. Оно, следовательно, не имеет старой даты. Оно всегда со вчерашнего дня. Если бы, с другой стороны, воспроизводство, чем-нибудь нарушенное, остановилось бы, то магазины опустошаются и т. д.; чувствуется недостаток, и тотчас же оказывается, что постоянство, которое, повидимому, свойственно имеющемуся богатству, есть только постоянство его замещения, его воспроизводства, постоянное овеществление общественного труда.

У лавочника тоже имеется Т—Д—Т. Поскольку он получает прибыль, это нас здесь не касается. Он продает товар и снова покупает тот же товар (товар того же рода). Он продает его потребителю и покупает его у производителя. Тот же (род) товара превращается здесь постоянно в деньги и деньги постоянно обратно в тот же товар. Но это движение представляет лишь постоянное воспроизводство, постоянное производство и потребление; ибо воспроизводство включает потребление.

Товар должен быть продан, войти в потребление, чтобы он мог быть воспроизведен. Он должен в действительности оказаться потребительной ценностью. Ибо Т—Д для продавца это Д—Т для покупателя,

следовательно, превращение денег в товар, как потребительную ценность.

Процесс воспроизводства представляет единство обращения и производства, поэтому он включает потребление, которое само является моментом обращения. Потребление само представляет момент и условие процесса воспроизводства. В действительности, если рассматривать весь процесс в целом, лавочник платит производителю за товар теми же деньгами, на которые потребитель покупает товар у него. По отношению к производителю он является потребителем, и по отношению к потребителю производителем; он является покупателем и продавцом того же товара. Деньги, поскольку он на них покупает, в действительности, только с формальной стороны, представляют заключительную метаморфозу товара потребителя. Последний превращает свои деньги в товар, как потребительную ценность. Таким образом, переход [этих денег] в руки торговца означает потребление товара, или, с формальной стороны, переход товара из обращения в потребление. Поскольку [торговец] на деньги снова покупает у производителя, это представляет первую метаморфозу товара производителя и означает переход товара в промежуточную стадию, где он [находится] как товар в обращении. Т—Д—Т, поскольку это представляет превращение товара в деньги потребителя и обратное превращение денег, владельцем которых теперь является торговец, в тот же товар (в товар того же рода), выражает не что иное, как постоянный переход товара в потребление; ибо для этого место, оставленное товаром, который вступает в потребление, пустым, должно быть занято товаром, который выходит из процесса производства и вступает теперь в эту стадию.

Пребывание товара в обращении и замена его новыми товарами зависит, конечно, при этом от продолжительности пребывания товаров в области производства; следовательно, от продолжительности времени их воспроизводства; оно бывает различно, как различно это последнее. Например, воспроизводство хлеба требует года. Жатвы этой осени, например, 1862 года (поскольку зерно не служит снова для посева), должно быть достаточно для потребления в течение всего наступающего года—до осени 1863 года. Весь хлеб сразу пускается в обращение (даже в амбарах арендаторов он уже находится в обращении), и здесь он поглощается различными резервуарами обращения, магазинами, хлебными торговцами, мельниками и т. д. Эти резервуары представляют как каналы отлива для производства, так и каналы прилива для потребления. Пока товар в них находится, он есть товар, и находится потому на рынке, в обращении. Он извлекается из него годичным потреблением лишь кусочками, каплями. Возмещение, поток движущихся за ним товаров, которые его вытесняют, пробивается лишь в течение года. Эти резервуары опустошаются поэтому лишь постепенно, по мере продвижения возмещения его. Если остается излишек, и если

новая жатва лучше средней, то получается застой. Место, которое должен занять этот определенный товар на рынке, переполнено. Чтобы все нашли в нем место, товары понижают свои рыночные цены, что снова приводит их в движение. Если их масса, как потребительных ценностей, слишком велика, то они приспособляются к пространству, которое они должны занять, путем понижения своих цен. Если масса слишком мала, то они расширяются путем вздувания своих цен.

С другой стороны, товары, быстро преходящие как потребительные ценности, имеют также только мимолетное пребывание в резервуарах обращения. Время, в течение которого они превращаются в деньги и должны быть воспроизведены, предписано природой их потребительной ценности, которая портится и потому перестает быть товаром, если она не потребляется ежедневно или почти ежедневно. Ибо вместе со своим носителем, потребительной ценностью, исчезает меновая ценность, если исчезновение потребительной ценности само не является актом производства.

Вообще ясно, что, хотя абсолютная масса собранных в резервуарах обращения товаров с развитием промышленности возрастает, так как производство и потребление растут, — эта самая масса, по сравнению с всем годовым производством и потреблением, уменьшается. Переход товаров из обращения в потребление ускоряется. А именно по следующим причинам. Быстрота воспроизводства увеличивается:

1. Когда товар быстро пробегает свои различные фазы производства, то процесс производства сокращается в каждой фазе производства; это обусловлено тем, что рабочее время, необходимое для производства товара, в каждой из ее форм, сокращается; следовательно, с развитием разделения труда, машин, применения химических процессов и т. д.

С развитием химии превращение товара из одного агрегатного состояния в другое, его соединение с другими телами, как при окрашивании, его отделение от веществ, как при белении, короче [изменение] форм тех же веществ (их агрегатного состояния) также и вызываемый нами обмен веществ искусственно ускоряется; уж не говоря о том, что для вегетативного и органического воспроизводства растениям и животным доставляются более дешевые вещества, т.-е. вещества, которые стоят меньше рабочего времени, и т. д.

2. Отчасти благодаря соединению различных отраслей производства, благодаря центрам производства, которые образуются для определенных отраслей, и отчасти благодаря развитию средств сообщения — товар быстрее переходит из одной фазы в другую; или промежуточный период сокращается.

3. Все это — как сокращение фаз производства, так и перехода из одной фазы в другую — предполагает производство в больших размерах.

массовое производство, и в то же время производство на основе большого постоянного, главным образом основного капитала; поэтому и постоянное течение производства. Именно не в том смысле, как мы только что рассматривали это течение, путем продвижения друг друга и вхождения друг в друга отдельных фаз производства, а в том смысле, что в производстве нет преднамеренных пауз. [Последние имеются], пока работа производится на заказ, как в ремесле, возможно еще в настоящей мануфактуре, если последняя сама уже не изменена крупной промышленностью. [В крупной промышленности] работа производится в тех размерах, какие допускает капитал. Этот процесс не ждет спроса, а является функцией капитала. Капитал продолжает работать постоянно в тех же размерах, не говоря о накоплении или расширении, с постоянным развитием и расширением производительных сил. Следовательно, мы имеем здесь производство не только быстрое, так что товар быстро получает такой вид, что он может вступить в обращение, но и постоянное. Производство здесь является постоянным воспроизводством, и в то же время массовым.

Таким образом, если товары долго остаются в резервуарах обращения — если они здесь скопляются, то резервуары скоро переполняются вследствие того, что производственные волны быстро несутся одна за другой и сваливают в резервуары большие массы материала. В таком именно смысле Корбет, например, говорит: рынок всегда переполнен. Но те же обстоятельства, которые служат причиной этого быстрого и массового воспроизводства, уменьшают также необходимость собирания товаров в этих резервуарах. Отчасти — поскольку это относится к промышленному потреблению — это уже имеется в том, что фазы производства, через которые должен пройти товар сам или его ингредиенты, приблизились друг к другу. Если уголь ежедневно производится массами и доставляется фабриканту к самой двери по железной дороге, пароходом и т. д., то ему не нужно запаса или нужен лишь небольшой запас угля; или, что означает то же самое, если между ними стоит торговец, последнему требуется лишь небольшой запас, помимо того, который он ежедневно продает, и который ему ежедневно вновь подвозится. Так обстоит дело с пряжей, железом и т. д.¹⁾ Но не го-

¹⁾ Как потребление действует на опустошение резервуаров, показывает, например, хлопчатая бумага. Так как происходит постоянное движение кораблей между Ливерпулем и Соединенными Штатами — быстрота сообщения представляет один момент, непрерывность сообщения другой момент (который улучшает сообщение), — то не вся хлопчатая бумага переправляется сразу. Она постепенно поступает на рынок. Производитель не хочет сразу затопить рынок. В Ливерпуле она лежит в доках, во всяком случае уже в резервуаре обращения, но не в такой массе — по сравнению со всем потреблением предмета, — как если бы корабль приходил лишь один или два раза из Америки после полугодового путешествия. Прядильщик в Манчестере и т. д. заполняет свой амбар приблизительно соответственно своему непосредственному потреблению, так как электрический телеграф и железная дорога делают возможным транспорт от Ливерпуля до Манчестера во всякий момент.

вора о промышленном потреблении, где запасы товаров, т.-е. их ингредиентов, должны таким образом уменьшиться, у торговца тоже имеется, во-первых, быстрота сообщения, во-вторых—уверенность в постоянном быстром возобновлении и подвозе. Поэтому хотя его склад товаров по своей массе может расти, время пребывания каждого элемента его в своем резервуаре, в этом переходном состоянии, короче. По сравнению со всей массой товаров, которые он продает, т.-е., по сравнению с размерами как производства, так и потребления, количество товаров, сохраняемых, собранных каждый раз в его запасае, незначительно.

Иначе обстоит дело на низших ступенях производства, где воспроизводство совершается медленно, следовательно, больше товаров нужно хранить в резервуарах обращения; где имеются только медленные средства сообщения, тяжеловесные сношения, возобновления запаса часто прерываются, и потому существует большой промежуток времени между опустошением резервуара и его повторным наполнением — возобновлением товарного склада. Наблюдается тогда аналогичное тому, что происходит с продуктами, воспроизводство которых, по природе их потребительной ценности, происходит лишь в годичные или полугодовые короче, в более или менее продолжительные сроки ¹⁾.

Наряду с накоплением резервуара, которое является следствием переполнения рынка, что в таких условиях наступает бесконечно легче, чем в патриархальных условиях, — [становится возможным особого рода наполнение], которое является только спекуляцией, совершается исключительно в виду действительного или только ожидаемого падения или повышения цен.

Об относительном уменьшении запасов — т.-е. находящихся в обращении товаров — по сравнению с массой производства и потребления, см. Лялор, Корбет. Сисмонди ошибочно считал это прискорбным явлением.

Во всяком случае мы имеем с другой стороны постоянное расширение рынка, и по мере того как сокращается время пребывания товара на рынке, последний расширяется пространственно, и периферия сферы производства товара по отношению к центру описывается все более удлиняющимся радиусом.

С быстротой воспроизводства связано (или это лишь другое выражение того же явления) живущее только что из рук да в рот ²⁾ потре-

¹⁾ Как сильно хранение запасов связано с недостаточностью производства, мы видим из следующего: Пока скот с трудом можно было прокормить зиму, зимой не было свежего мяса. Лишь только скотоводство устранило это затруднение, само собой прекращается запасае, который получался вследствие замены свежего мяса солониной или копченым мясом.

²⁾ Часто употребляемое немецкое выражение, обычно в смысле: иметь только насущный хлеб. Прим. перев.

бление, которое так быстро меняет белье и костюмы, как свои мнения, и не ходит десять лет в том же костюме и т. д. Потребление и таких предметов, где это не обусловлено природой потребительной ценности, по времени все более совпадает с производством; оно, следовательно, все больше зависит от настоящего сосуществующего труда (так как оно в действительности представляет обмен сосуществующего труда); и оно тем более зависит от настоящего труда, чем более важный момент производства составляет прошедший труд, хотя само это прошлое всегда свежей даты и лишь относительно.

Только там, где продукт вступает в обращение, он становится товаром. Производство продуктов, как товара, следовательно, обращение, чрезвычайно расширяется с капиталистическим производством по следующим причинам:

1. Производство *en masse* количественно не стоит в каком-либо отношении к потребности производителя [в его собственном продукте]; в действительности, это только чистая случайность, если он в какой-нибудь мере является потребителем своего собственного продукта. Там, где он его потребляет массами, это объясняется только тем, что он производит часть ингредиентов своего собственного капитала. На низшей ступени наоборот только — или же главным образом — излишек продукта сверх того, что требуется самому производителю, становится товаром.

2. Качественная односторонность продукта находится в обратном отношении к растущему разнообразию потребностей. Это приводит к величайшему разделению и самостоятельности ранее связанных отраслей производства — короче, к увеличению разделения труда внутри общества, куда присоединяется еще создание новых отраслей производства и увеличение разнообразия видов товара. Эта пестрота, разнообразие товаров, существует в двух смыслах: во-первых, различные фазы одного и того же продукта, также промежуточные виды труда (следовательно, виды труда, производящие ингредиенты и т. д.) распадаются на различные, независимые друг от друга отрасли труда. Или один и тот же продукт получает в различных фазах различный вид товара. Но с другой стороны [получается такая дифференциация]: освобождаются труд и капитал (или труд и прибавочный продукт), и открываются новые полезные применения той же самой потребительной ценности, потому что вследствие изменения первого рода возникают новые потребности (например, потребность в более быстрых и более разносторонних средствах сообщения с применением пара в промышленности), и потому новые виды их удовлетворения; или открываются новые полезные применения той же потребительной ценности, или новые материалы, или новые способы производства (как, например, гальванопластика), когда со старым материалом работа производится иначе и т. д. Все это сводится к следующему:

Один продукт в своих следующих друг за другом фазах или состояниях превращается в различные товары. С другой стороны, создаются новые продукты или потребительные ценности, которые служат товарами.

3. Превращение большей части населения в наемных рабочих, которые раньше потребляли массу продуктов *in patu-galibus*.

4. Превращение арендаторов в промышленных капиталистов, следовательно, ренты в денежную ренту; вообще всех платежей натурой (налоги и т. д., земельная рента) в денежные платежи. Вообще промышленная эксплуатация земли; таким образом, химические и механические условия производства, даже семена, удобрение, скот и т. д. подвергаются обмену веществ, а не ограничены, как раньше, своими собственными навозными кучами.

5. Мобилизация массы ранее „неотчуждаемых“ предметов в товары и создание форм собственности, которые состоят только из циркулирующих бумаг. С одной стороны, отчуждение земельной собственности. Далее железно-дорожные акции, всевозможные акции. Так как массы не имеют собственности, то они, например, к своему жилищу относятся, как к товару.

Теперь вернемся к Годскину.

Под „накоплением“ капиталиста для рабочих нельзя, конечно, понимать того, что товары при своем переходе из производства в потребление находятся в резервуарах обращения, в обращении, на рынке. Это означало бы, что продукты находятся в обращении ради рабочих и ради них становятся товарами; вообще ради них происходит производство продуктов, как товаров.

Рабочий находится в таких же условиях, как и каждый [товаровладелец]: товар, который он продает (фактически, хотя и не формально, свой труд), он сначала должен превратить в деньги, чтобы обратно превратить эти деньги в товары для потребления. Ясно, что не может быть разделения труда, поскольку оно основано на товарном производстве, наемного труда, вообще капиталистического производства, если на рынке нельзя найти как предметов потребления, так и средств производства, в виде товаров; что этот способ производства невозможен без обращения товаров, без хранения товаров в резервуарах обращения. Ибо товар есть продукт $\chi\alpha\iota$ $\xi\epsilon\sigma\chi\eta\upsilon$ только в обращении. Что рабочий должен найти свои жизненные средства в виде товаров, это так же верно для него, как и для всякого другого.

Вообще рабочий противостоит лавочнику не как рабочий капиталисту, а как деньги товару, как покупатель продавцу. Отношения наемного труда и капитала здесь не существует, кроме того случая, когда речь идет о собственных рабочих лавочника. Но и эти [последние], поскольку они у него покупают, противостоят ему не как рабо-

чие. Последнее имеет место лишь постольку, поскольку он у них покупает. Оставим, следовательно, этого агента процесса обращения.

Но что касается промышленного капиталиста, то его запас—его накопление состоит:

Во-первых, из его основного капитала (здания, машины и т. д.), которого рабочий не потребляет, или поскольку он его потребляет, он его потребляет в работе, в промышленном труде, для капиталиста; это для него средства производства, а не средства существования.

Во-вторых, из его сырого материала, запас которого, как мы видели, поскольку он не входит непосредственно в производство, уменьшается. И это не является средством существования для рабочего. Это „накопление“ капиталиста для рабочего означает лишь следующее; он оказывает такую любезность рабочему, что отнимает у него его средства производства, как собственность, и делает эти средства его труда, которые сами являются лишь превращенным продуктом его труда, средствами его эксплуатации. Во всяком случае рабочий, употребляя машины и сырой материал, как средства производства, живет не ими.

В-третьих, из его товаров, находящихся на складе, в магазине, до вступления в обращение. Это продукты труда; не средства существования, накопленные для того, чтобы содержать его самого, труд, во время производства.

Итак, „накопление“ жизненных средств, со стороны капиталиста для рабочих, означает только, что он должен обладать достаточным количеством денег для заработной платы; на эти деньги рабочий извлекает из резервуара обращения свои средства потребления и, если рассматривать весь класс, опять покупает часть своего собственного продукта. Но эти деньги представляют только превращенную форму товара, который продал и произвел рабочий. В этом смысле средства существования для него „накоплены“, как они накоплены для его капиталиста, который так же покупает предметы потребления и т. д. на деньги, превращенную форму тех же товаров.

Эти деньги могут представлять только обозначение ценности; они, следовательно, отнюдь не должны быть представителями „прежнего труда“; они выражают в руках каждого только реализованную цену не прошедшего труда или прежних товаров, а настоящего труда или товаров, которые он продает. Это только определенная форма бытия. Или так как рабочий должен потреблять также в течение всего процесса, т.-е. во время своего производства, независимо от периода времени, требуемого для производства его продукта, то „накопление“ означает, что рабочий должен сначала превратить продукт своего труда в продукт капиталиста, в капитал, чтобы потом обратно получить часть его, в виде денег, в виде заработной платы.

При этом процессе, как таковом, в действительности совершенно безразлично, представляет ли то, что получает рабочий, продукт настоящего или прошедшего труда, получает ли он продукт параллельного труда или свой собственный прежний продукт. Что при этом интересуется Годскина, это следующее:

Значительная часть, самая большая часть ежедневно потребляемых рабочим продуктов, которые он должен потребить, независимо от того, готов ли его собственный продукт или нет, отнюдь не является накопленным трудом прежних времен. Они, наоборот, в значительной степени представляют продукты труда, произведенные в тот же день, в ту же неделю, когда рабочий производит свой товар. Так, например, хлеб, мясо, пиво, молоко, газеты и т. д. Он мог бы еще прибавить, что они отчасти являются только продуктами будущего труда, так как на заработок, собранный в течение шести месяцев, рабочий покупает скюртук, который сделан лишь в конце этих шести месяцев и т. д.

Мы видели, что все производство предполагает одновременное воспроизводство входящих в него ингредиентов и продукта в различных видах, как сырой материал, полуфабрикат и т. д. Но основной капитал предполагает для своего воспроизводства будущий труд, также для своего эквивалента, без которого его нельзя воспроизвести.

В течение года, говорит Годскин, в связи со способом воспроизводства хлеба, производства вегетативного сырого материала и т. д., рабочему до известной степени необходимо „надеяться“ на предыдущий труд.

Относительно дома, например, этого нельзя сказать. Где природа потребительной ценности такова, что она изнашивается только постепенно, служит предметом не потребления, а только пользования, то эти продукты прежнего труда имеются на „рынке“ не потому, что такое изобретение сделано специально для рабочих. Рабочий и раньше „имел жилище“ прежде чем капиталист „накопил“ для него смертельно вонючие ямы (См. об этом Лэнга).

Не говоря о массе дневных потребностей, играющих решающую роль именно для рабочего, который может удоклевать почти только дневные потребности, мы видим, что вообще производство и потребление все более становятся одновременными актами; следовательно, если рассматривать все общество, потребление все больше и больше связано с одновременным производством, или лучше с продуктами одновременного производства.

Если мы все это учтем, то „накопление“ средств существования для рабочих капиталистами сводится, следовательно, к следующему:

1. Товарное производство предполагает, что предметы потребления, которых мы не производим сами, мы находим на рынке в виде товаров, или товары вообще производятся, как товары.

2. В действительности самая большая часть потребленных рабочим товаров в их последнем виде, когда они противостоят ему, как товары, являются продуктами одновременного труда; следовательно, они ни в коем случае не накоплены капиталистами.

3. В капиталистическом производстве средства производства и средства существования, произведенные самим рабочим, противостоят ему одни в виде постоянного, другие в виде переменного капитала; эти условия его производства являются собственностью капиталиста: переход их от рабочего к капиталисту и частичное возвращение к рабочему его продукта или ценности его продукта называется „накоплением“ оборотного капитала для него. Эти средства существования, которые рабочий всегда должен потребить, до того как готов его продукт, становятся „оборотным капиталом“ потому, что, вместо того, чтобы самому их непосредственно купить или заплатить за них ценность своего прошедшего труда или свой будущий продукт, он должен сначала получить от капиталиста ассигновку на это—деньги; ассигновку, на которую капиталист получает право только благодаря его прошедшему, настоящему или будущему продукту.

Годскин здесь старается доказать зависимость рабочего от сосуществующего труда других рабочих, а не от прежнего труда,

1) чтобы устранить „фразу о накоплении“;

2) так как „настоящий труд“ противостоит капиталу; „прежний труд“, наоборот, всегда уже рассматривается экономистами, как капитал *eo ipso*, как отчужденная, враждебная самому труду и независимая от него форма труда.

Но само по себе очень важно понять везде значение одновременного труда в сравнении с прежним трудом.

Годскин приходит, следовательно, к следующему выводу:

Капитал представляет только название и обозначение, он не выражает вещи; общественное отношение труда одного к одновременному труду другого, и следствия, действия этого отношения приписываются вещам, из которых состоит так называемый оборотный капитал.—При существовании товара в виде денег его реализация в потребительных ценностях зависит от одновременного труда. [Труд] всего года сам представляет одновременный [труд]. Лишь незначительная часть входящих в непосредственное потребление товаров является продуктом больше, чем одного года; и если они являются таковыми, как скот и т. д., то им требуется ежегодно новый труд. Все операции, которые требуют больше года, покоятся на постоянном годичном производстве.

„Своей власти над трудом многих людей, не своему обладанию запасом товаров, капиталист обязан тем, что он может содержать и, следовательно, дать работу другим рабочим“ (ук. соч., стр. 14).

Однако, деньги дают каждому „власть“ над „трудом многих людей“, над реализованным в их товарах трудом, над воспроизводством этого труда и постольку, следовательно, над самим трудом.

Что действительно „накаплиется“, но не как мертвая масса, а как нечто живое, это искусство рабочего, степень развития труда.

Годскину важно было, в противоположность грубому представлению экономистов, сделать ударение на суб'екте, так сказать на суб'ективном в суб'екте, в противоположность вещи; поэтому он не отмечает того несомненного факта, что данная ступень развития производительности труда, есть то, из чего мы исходим, что имеется не только как дарование, способность рабочего, но также в вещественных орудиях, которые этот труд создал себе, и которые он ежедневно воспроизводит. Это настоящий *Plus*, составляющий исходный пункт, и этот *Plus* есть результат процесса развития. Накопление здесь представляет ассимиляцию, постоянное сохранение и в то же время преобразование уже созданного, реализованного. В этом именно смысле Дарвин считает „накопление“ благодаря наследственности для всего органического, для растений и животных, творческим принципом их сложения; так что различные организмы образуются благодаря „накоплению“ и представляют только „изобретения“, постепенно накопленные изобретения живых суб'ектов. Но это не единственный *Plus* для производства. У животных и растений это внешняя для них природа, следовательно, неорганическая природа, а также их отношение к другим животным и растениям. Человек, который занимается общественным производством, также находит уже измененную природу (например, силы природы, превращенные в органы его собственной деятельности) и определенные взаимоотношения производителей. Это накопление представляет отчасти результат исторического процесса, отчасти, для отдельного рабочего, передачу искусства. При этом накоплении, говорит Годскин, для значительной массы рабочих нет оборотного капитала.

Он доказал, что запас ранее созданных товаров (средства существования) всегда незначителен по сравнению со всем потреблением и производством. Наоборот, степень искусства наличного населения составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно, главное накопление богатства; самый важный сохраненный результат прежнего труда, который, однако, существует только в живом труде.

„Все действия, которые обыкновенно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены накоплением и сохранением искусства рабочих. И этот в высшей степени важный акт совершается, поскольку речь идет о большой массе рабочих, без какого бы то ни было оборотного капитала“ (ук. соч., стр. 13).

Фразу экономистов, что число рабочих, и потому благосостояние или нищета рабочего населения, зависит от наличной суммы оборотного капитала, Годскин справедливо толкует таким образом:

„Число рабочих должно всегда зависеть от величины оборотного капитала или, лучше, от количества продуктов сосуществующего труда, которые могут потребить рабочие“ (ук. соч., стр. 19).

То, что приписывается оборотному капиталу, запасу товаров, есть действие „сосуществующего труда“. Годскин говорит, следовательно, другими словами: действия определенной общественной формы труда люди приписывают вещи, продуктам этого труда; в их фантазии само отношение принимает вещественный образ. Мы видели, что это представляет специфическую особенность труда, основанного на товарном производстве, на меновой ценности, и что это *qui pro quo* проявляется в товаре, деньгах (чего Годскин не видит) и еще сильнее в капитале. Действия, которые имеют вещи, как вещественные моменты процесса труда, в капитале приписываются им, как нечто присущее им в их олицетворении, в их самостоятельности по отношению к труду. Они потеряли бы эти действия, если бы они не противостояли более труду в этой отчужденной форме. Капиталист, как капиталист, является только олицетворением капитала, т.-е. создания труда, которое одарено собственной волей, и как олицетворенное существо противостоит труду. Годскин рассматривает это, как чисто субъективный обман, за которым скрывается обман и интересы эксплуатирующих классов. Он не видит, как этот способ мышления сам обусловлен реальным отношением, как последнее служит не выражением первого, а наоборот. В таком же смысле говорят английские социалисты: „Нам нужен капитал, не капиталисты“. Но если они устраняют капиталистов, они лишают средства производства свойства быть капиталом¹⁾.

Потом Годскин переходит к основному капиталу. Это созданная производительная сила, и в своем развитии в крупной промышленности орудие, которое создал себе общественный труд.

¹⁾ „Verbal observer“, Бэли и др. замечают, что слова „value, valeur“ выражают свойство, принадлежащее вещам. Они, действительно, вначале служат лишь для выражения потребительной ценности вещей для людей, свойств их, которые делают их полезными и приятными для людей и т. д. В сущности „value, valeur, ценность“ этимологически не могут иметь другого происхождения. Потребительная ценность выражает естественное отношение между вещами и людьми, бытие вещей для людей. Меновая ценность это то значение, которое потом—с создавшим ее общественным развитием,—привлечено было слову ценность—потребительная ценность. Меновая ценность есть общественное бытие вещи.

Санскритское слово *Wert* означает покрывать, защищать, отсюда уважать, почитать и любить, ценить. Отсюда выведено прилагательное *wertas*, отличный, достопочтенный; готическое слово *wairths*; по-индийски *wert*; англо-саксонское *wearth, vordh, wurtb*; по-английски *worth, worthy*; по-голландски *waard, waardig*; по-немецки *wert*; по-литовски *werthas*, достопочтенный, драгоценный, дорогой; на санскритском языке *wertis*; по-латыни *virtus*; на готическом *wairthi*; по-германски *Wert*.

Ценность вещи есть в действительности ее собственная *virtus*, меж тем как ее меновая ценность совершенно не зависит от ее вещественных свойств.

На санскритском *wal*, покрывать, укреплять; по-латыни *vallō, valeo*, я силен; *vallus* опора, укрепление; *valor* это сама сила, отсюда, по-французски *valeur*, по-английски *value*. Ср. с *wal* германское: *walle, walte*, английское *wall, wield*.

Об основном капитале Годскин говорит:

„Все орудия и машины являются продуктом труда“ (ук. соч., стр. 14).

„Пока они ничего не представляют, кроме результата прежнего труда и не применяются целесообразно рабочими, они не покрывают расходов, которые потребовались для создания их... Большинство из них теряют в ценности вследствие продолжительного лежания... Основной капитал является полезным не благодаря прошедшему, а благодаря настоящему труду, и он доставляет своему владельцу прибыль не потому, что он сохранен, а потому, что он является средством получить власть над трудом“ (ук. соч., стр. 15).

Здесь наконец правильно понята природа капитала.

„Что производят орудия, после того как они сделаны? Ничего. Наоборот, они начинают ржаветь или гнить, если они не применяются трудом“ (i. e., стр. 15).

„Нужно ли рассматривать орудие, как производительный капитал или нет, это всецело зависит от того, потребляется ли оно производительными рабочими или нет“ (ук. соч.).

„Улица облегчает проезжающим двигаться, и труд, затраченный на улицу, оказывается тем производительнее и полезнее, чем больше людей ею пользуется. Легко понять, почему оба эти вида труда (труд сооружения и труд содержания ее в надлежащем виде) должны оплачиваться, почему строитель дороги должен что-нибудь получить из того дохода, который извлекает из нее только тот, кто пользуется улицей. Но я не понимаю, почему должен получиться весь доход с улицы, и почему он должен быть присвоен рядом лиц, которые не делают и не пользуются улицей, в виде прибыли на их капитал“ (ук. соч., стр. 16).

„Громадная польза паровых машин зависит не от накопления железа и дерева, а от практического и живого знания сил природы, которое одним людям дает возможность строить машины, и другим управлять ими“ (ук. соч.).

„Без знаний (машины) не могли бы быть изобретены, без искусства и ловкости рабочих они не могли бы быть созданы, и без искусства и труда они не могли бы применяться производительно. Знание, искусство и труд являются единственными факторами, из которых капиталист мог бы вывести притязание на участие в продукте“ (ук. соч., стр. 18).

„После того как человек унаследовал знания многих поколений, когда он живет в больших сплоченных массах, он в состоянии благодаря своим духовным способностям дополнять дело природы“ (ук. соч.).

„Не количество, а качество основного капитала есть то, от чего зависит производительность промышленного усердия страны.. Действие основного капитала, как средства питания и содержания людей, зависит всецело от искусства рабочих. Поэтому производительность промышленного усердия страны, поскольку имеется в виду основной капитал, соответствует знаниям и искусству населения“ (ук. соч., стр. 19, 12).

с. Проценты на проценты.

„Уже при беглом взгляде каждый может заметить, что прибыль в прогрессе общества не уменьшается, а растет. Г.-е., то же количество труда, которое раньше производило 100 кварталов пшеницы или 100 паровых машин, теперь произведет больше... Действительно, мы находим, что в данной стране теперь живет в избытке от прибыли гораздо большее количество людей, чем прежде. Однако, ясно, что никакой труд, никакая производительность, никакой изобретательный ум, никакое искусство не в состоянии удовлетворить когда-нибудь душам требованиям процентов на проценты. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста (следовательно, из простой прибыли. М.); так что в действительности эти требования непрерывно повышаются, меж тем как производительность труда также непрерывно отказывается их удовлетворять. Поэтому постоянно происходит своего рода уравнивание“ (ук. соч., стр. 23).

Действительно, капиталистическое накопление есть не что иное как обратное превращение процентов в капитал, так как с этой точки зрения, проценты и прибыль тождественны. Следовательно, проценты

на проценты. Сегодня капитал составляет 100; он производит 10 прибыли (или процентов). Если они прибавляются к капиталу, то получается 110; это теперь является капиталом. Проценты на него поэтому, следовательно, составляют не только проценты на 100 капитала, а проценты на 100 капитала + 10 процентов. Следовательно, сложные проценты. Таким образом, в конце второго года мы имеем (100 капитала + 10 процентов) + 10 процентов + 1 процент = 121 и т. д. Возрастание получается такое:

	Капитал.	Проценты.	Сумма.
Первый год	100	10	110
Второй "	110	10 + 1	121
Третий "	121	10 + 2 ¹ / ₁₀	133 ¹ / ₁₀
Четвертый "	133 ¹ / ₁₀	10 + 3 ¹ / ₁₀₀	146 ⁴ / ₁₀₀
Пятый "	146 ⁴ / ₁₀₀	10 + 4 ¹ / ₁₀₀₀	161 ⁵ / ₁₀₀₀
Шестой "	161 ⁵ / ₁₀₀₀	10 + 6 ¹ / ₁₀₀	177 ¹⁵ / ₁₀₀
Седьмой "	177 ¹⁵ / ₁₀₀₀	10 + 7 ¹⁵ / ₁₀₀₀	194 ⁸⁵ / ₁₀₀₀
Восьмой "	194 ⁸⁵ / ₁₀₀₀	10 + 9 ⁸⁵ / ₁₀₀₀	214 ⁸⁵ / ₁₀₀₀

Или в восьмом году больше половины капитала уже состоит из процентов, и таким образом часть его, состоящая из процентов, растет в геометрической прогрессии. [Она увеличивается в шесть раз при 10% за 20 лет].

Даже при „самых крайних“ предположениях Мальтуса население может удвоиться лишь в 25 лет. Но скажем оно удваивается в 20 лет, следовательно, также рабочее население. Однако, при той же норме эксплуатации, за 20 лет удвоенное население (и в продолжение известной части этих 20 лет [подростающее поколение] неработоспособно; оно едва ли работоспособно на половину, несмотря на работу детей) могло бы выполнить лишь вдвое больше труда, чем прежде, но не в шесть раз больше; следовательно, также лишь в два раза, а не в шесть раз больше прибавочного труда.

Норма прибыли (и потому [в этом смысле] и норма процента) определяется:

1. При предположении неизменной нормы эксплуатации: числом занятых рабочих, абсолютным количеством занятых рабочих, следовательно, ростом населения. Хотя это количество увеличивается, его отношение ко всей сумме примененного капитала падает с накоплением капитала и промышленным развитием; следовательно, падает норма прибыли при неизменной норме эксплуатации. Население также не растет в той же геометрической прогрессии, как проценты на проценты. Возрастание населения, на известной ступени промышленного развития, дает увеличение суммы прибавочной ценности и прибыли, но в то же время и падение нормы прибыли.

2. Норма прибыли определяется абсолютной величиной нормального рабочего дня, т.е. величиной нормы прибавочной ценности. Она может, следовательно, расти благодаря удлинению рабочего времени сверх нормального рабочего дня. Однако, это имеет

свои физические и постепенно также свои общественные границы. Что соответственно тому как рабочие приводят в движение больше капитала, тот же капитал распоряжается большим количеством абсолютного рабочего времени,—такого вопроса даже не может быть.

3. Когда нормальный день остается неизменным, прибавочный труд может быть относительно увеличен посредством сокращения необходимого рабочего времени и удешевления средств существования, входящих в потребление рабочего, соответственно повышению производительности труда. Но это повышение производительности уменьшает переменный капитал по сравнению с постоянным. Физически невозможно, чтобы прибавочное рабочее время, например, двух человек, которые заменяют 20 человек, равнялось прибавочному рабочему времени 20 человек, при каком бы то ни было увеличении абсолютного или относительного рабочего времени. Если эти 20 человек выполняют ежедневно лишь 2 часа прибавочного труда, они дают 40 прибавочных рабочих часов, меж тем как вся производительность жизни 2 человек в один день составляет лишь 48 часов.

Ценность рабочей силы не падает в такой же степени, в какой повышается производительность труда или капитала. Это повышение производительности увеличивает также во всех отраслях, которые не производят непосредственно или косвенным образом средств существования, отношение постоянного капитала к переменному, не вызывая какого-либо изменения в ценности труда. Развитие производительности неравномерно. Из природы капиталистического производства вытекает, что индустрия развивается быстрее, чем земледелие. Это вытекает не из природы земли, а из того, что она требует других общественных отношений, чтобы она действительно эксплуатировалась соответственно своей природе. Капиталистическое производство обращается к земле лишь после того, как его влияние истощило ее и опустошило ее дары природы. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что—по сравнению с другими товарами—благодаря земельной собственности, земледельческие продукты дороже, так как они продаются по своей ценности, а не спускаются до цен производства. Но они образуют главную составную часть жизненных средств. Далее благодаря закону конкуренции, когда десятая часть земли возделывается дороже, остальные девять десятых также „искусственно“ поражаются этим относительным неплодородием.

Если бы с накоплением капитала норма прибыли оставалась та же, то [норма прибавочной ценности] в действительности должна была бы страшно расти. Тот же рабочий, который раньше давал 10% прибавочного труда, должен был бы, когда накаплиются проценты на проценты и таким образом примененный капитал увеличивается, доставлять втрое, вчетверо, впятеро больше, соответственно росту процентов на проценты, что является бессмыслицей.

Величина капитала, которую рабочий приводит в движение, и ценность которого он сохраняет и воспроизводит своим трудом, совершенно отлична от ценности, которую он прибавляет, а потому и от прибавочной ценности. Если величина капитала = 1000 и [прибавочный труд] = 100, то норма прибыли составляет 10 процентов. Если сумма капитала = 100 и прибавочный труд = 20, то норма прибыли составляет 20 процентов. [Однако, сумма прибыли равна при 10 процентах 100, при 20 процентах лишь 20]. Но от 100 можно накопить больше, чем от 20. И таким образом несется поток капитала (не говоря об его обесценении вследствие повышения производительности) — или его „накопление“ — соответственно возрастанию его массы, но не нормы прибыли. Этим объясняется увеличение накопления — суммы его — несмотря на падение нормы прибыли, не говоря о том, что с возрастанием производительности может накапливаться большая часть дохода, чем при меньшей производительности. Высокая норма прибыли — поскольку она обусловлена высокой нормой прибавочной ценности — возможна: когда работа совершается очень долго, хотя труд непроизводителен. Она возможна, так как потребности рабочего, потому минимум заработной платы, очень малы, хотя труд непроизводителен. Ничтожному минимуму будет соответствовать небольшая интенсивность труда. В обоих случаях капитал накапливает медленно, несмотря на высокую норму прибыли. Население стоит на одном месте, и рабочее время, затраченное на продукт, велико, хотя плата, которую получает рабочий, мала.

Падение нормы прибыли, несмотря на неизменную и даже возрастающую норму прибавочной ценности, я объяснил тем, что переменный капитал в сравнении с постоянным уменьшается, т.-е. живой настоящий труд в сравнении с прошедшим примененным и воспроизведенным трудом. Годский и памфлетист („The source and remedy of the national difficulties“) ¹⁾ объясняет падение нормы прибыли тем, что рабочий не может удовлетворять требованиям процентов на проценты, т.-е. накопления капитала.

„Никакой труд, никакая производительность, никакой изобретательный ум, никакое искусство не в состоянии удовлетворить когда-нибудь душам требованиям процентов на проценты. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста (следовательно, из простой прибыли. М.); так что в действительности эти требования непрерывно повышаются, меж тем как производительность труда также непрерывно отказывается их удовлетворить. Поэтому постоянно происходит своего рода отказывание“ (ук. соч., стр. 23).

Если я говорю, норма прибыли с накоплением уменьшается, так как постоянный капитал в сравнении с переменным растет, то это означает, не говоря об определенной форме частей капитала: примененный капитал растет в сравнении с примененным трудом.

¹⁾ В манускрипте стоит: „Человек о The ease and remedy of distress“. Это, несомненно, ошибка. К.

Формула, которую я даю, объясняет, почему с накоплением приходится на ту же сумму капитала меньше рабочих, или, что означает то же самое, большая сумма капитала на тот же труд.

Эта последняя формула и применена Годскимым и т. д. Накоплять означает вообще—по его мнению—требовать процентов на проценты, т. е.: больше капитала приходится на того же рабочего и соответственно величине капитала, которая на него приходится, он должен теперь доставить больше прибавочного труда. Так как приходящийся на него капитал увеличивается соответственно процентам на проценты, а его рабочее время, наоборот, имеет очень определенный предел, а также [его необходимое рабочее время] „никакой производительностью“ не может быть сокращено соответственно притязаниям процентов на проценты, то „постоянно происходит своего рода уравнивание“. „Простая прибыль“ остается та же или скорее растет. Эта „простая прибыль“ есть в действительности прибавочный труд или прибавочная ценность.

Далее ясно: Если проценты на проценты означают то же, что и накопление, то это образование процентов зависит—не говоря о характере накопления—от размеров, интенсивности и т. д., процесса накопления, следовательно, от способа производства. Проценты на проценты это не что иное, как присвоение чужой собственности в виде процентов, как в Риме и вообще при ростовщичестве.

Мысль Годскина такова. Вначале приходится, например, 50 ф. ст. капитала на одного рабочего, на которые он доставляет скажем 25 ф. ст. прибыли. Через несколько лет, вследствие превращения части процентов в капитал, что повторяется несколько раз подряд, на рабочего приходится 200 ф. ст. капитала. Как раньше рабочий доставлял на капитал в 50 ф. ст. 25 ф. ст., так теперь он должен был бы доставлять на капитал в 200 ф. ст. [при той же норме процента] 100 ф. ст. или в четыре раза больше. Но это невозможно. Для этого он должен был бы работать или в четыре раза больше времени, то-есть 48 часов в день, если раньше он работал 12 часов, или благодаря повышению производительности труда ценность труда должна была бы понизиться в четыре раза. Если рабочий день составляет 12 часов, 25 ф. ст., [годовую] заработную плату, и рабочий доставляет 25 ф. ст. прибыли [в год], то он должен столько же работать на капиталиста, как и на себя, следовательно, 6 часов, половину рабочего дня. Если он должен доставить 100 ф. ст., то он должен работать 4×6 часов на капиталиста из 12 часов, что является бессмыслицей. Предположим, рабочий день удлинен до 15 часов. Все же он и тогда не может из 15 часов доставить 24 часа. И еще менее 30, что было бы необходимо, так как он должен работать 24 часа на капиталиста, 6 на себя. Если бы он тратил на капиталиста все свое рабочее время, он мог бы доставить только 50 ф. ст., только удвоить проценты, следовательно, на 200 ф. ст. капитала до-

ставить лишь 50 ф. ст., меж тем как на 50 ф. ст., он доставлял 25 ф. ст. В последнем случае норма прибыли была = 50 процентам, в первом = 25 процентам. Но и 25 процентов рабочий уже не может доставлять при капитале в 200 ф. ст., так как он должен жить; он не может отдавать весь рабочий день капиталисту.

Теперь посмотрим внимательнее, что может скрываться за этим пониманием, именно, что прибыль падает, потому что она в процессе накопления представляет не простую, а сложную прибыль, и труд не может удовлетворить требованиям процентов на проценты.

Прежде всего нужно заметить, что для того, чтобы это имело какой-нибудь смысл, оно нуждается в дальнейшем определении. Всякий капитал, рассматриваемый, как продукт накопления (то-есть присвоения прибавочной ценности)—и такое понимание необходимо по отношению ко всему воспроизводству—состоит из прибыли. (Проценты, если это слово отождествляется с прибылью, а не с „interest“). Если, следовательно, норма прибыли = 10 процентам, то „проценты на проценты“ это прибыль на прибыль. И было бы непонятно, чем — в экономическом отношении—10 процентов на 100 отличается от 10 процентов ¹⁾ на 110. Таким образом, получилось бы, что невозможна также и „простая прибыль“, или, по крайней мере, что и „простая прибыль“ должна падать, так как эта „простая прибыль“ в действительности составлена так же, как и сложная. Если это понимается более узко, то-есть только по отношению к капиталу, приносящему проценты, то проценты на проценты поглотили бы прибыль и больше, чем прибыль; и если производитель (капиталист или другой) должен уплатить займодавцу проценты на проценты, то это приводит к тому, что кроме прибыли он ему постепенно должен платить часть капитала.

Прежде всего, следовательно, нужно заметить, что Годскинское понимание лишь тогда имеет смысл, когда предполагается, что капитал растет быстрее населения, то-есть рабочего населения. Если население увеличивается соответственно капиталу, то нет основания полагать, что я не могу извлечь с 800 ф. ст. из 8X рабочих прибавочного труда, который я могу извлечь со 100 ф. ст. из X рабочих. 8 раз по 100 ф. ст. не представляет больше требований по отношению к 8X рабочим, чем 100 ф. ст. к X рабочим. Здесь, следовательно, падает „основание“ Годскина.

В действительности дело обстоит иначе. Если население растет соответственно капиталу, все же развитие капитализма приводит к тому, что часть населения становится излишней, так как постоянный капитал развивается за счет переменного капитала.

Положение Годскина имеет смысл лишь тогда, когда—благодаря процессу накопления—больше капитала должно быть приведено в дви-

¹⁾ В манускрипте стоит 11 процентов. К.

жение тем же рабочим; или капитал растет pro rata труда. Следовательно, если капитал, например, был 100, и благодаря накоплению становится 110; и тот же рабочий, который доставлял прибавочную ценность в 10, должен доставлять прибавочную ценность в 11, соответственно росту капитала, проценты на проценты. Дело обстоит не таким образом, что просто тот же капитал, который рабочий раньше приводил в движение, должен доставить ту же прибыль (простую прибыль) после того, как он воспроизведен; а этот капитал увеличен на свой прибавочный труд, так что он должен доставить прибавочный труд, во-первых, на первоначальный капитал (или его ценность) и кроме того еще на свой собственный накопленный, то-есть капитализированный прибавочный труд. И так как этот капитал ежегодно растет, то тот же рабочий должен был бы постоянно доставлять больше труда.

Что вообще больше капитала приходится на того же рабочего, возможно лишь [при следующих условиях]:

Во-первых: Если производительность труда остается та же, то больше капитала может приходиться на каждого рабочего лишь тогда, если последний удлиняет свой абсолютный рабочий день, например, работает 15 часов вместо 12, или если он работает интенсивнее, в 12 рабочих часов выполняет работу 15 часов; в 4 часа работу 5 часов. Так как в определенное число часов он воспроизводит свои жизненные средства, то капиталист здесь выигрывает 3 часа совершенно так же, как если бы повысилась производительность труда; меж тем как в действительности увеличился труд, не его производительность. Если бы эта интенсификация труда представляла общее явление, то ценность товара, соответственно сокращению рабочего времени, которого он стоит, должна была бы пасть. Эта степень интенсивности стала бы средней интенсивностью труда, естественным качеством его. Если же она, наоборот, происходит только в определенных областях, то такой труд равняется сложному, высшей степени простого труда. Более интенсивный час считается тогда [больше¹] экстенсивного и создает большую ценность. Следовательно, например, в вышеприведенном примере, 4 часа более интенсивного труда создают такую же ценность, как 5 часов среднего труда.

И то и другое, удлинение рабочего времени и увеличение труда благодаря повышению его интенсивности, как бы благодаря сжатию рабочих пор, имеет свой предел (хотя пекари в Лондоне работают, например, правильно 17 часов, а где и больше), определенные физические границы; и раз уже дошли до этих границ, прекращаются проценты на проценты.

Внутри границ имеется следующее:

Если капиталист ничего не платит за удлинение или интенсификацию труда, то его прибавочная ценность растет (также при-

¹) В манускрипте стоит: „столько же“ и вслед затем „ту же ценность“. К.

быль, если не происходит изменения ценности постоянного капитала, так как мы предполагаем, что способ производства остается тот же) быстрее, чем увеличивается его капитал. С прибавленным капиталом он не оплачивает необходимого труда.

Если он платит за прибавочный труд соответственно прежнему, то прибавочная ценность растет соответственно увеличению капитала. Прибыль растет быстрее. Сюда присоединяется более быстрое обращение основного капитала; к тому же изнашивание машины не увеличивается в такой же степени, в какой растет пользование ею. Сокращение расходов на основной капитал, так как для 200 рабочих, которые работают одновременно, требуется больше машин, помещения и т. д., чем для 100, которые дольше работают. Теперь капиталисту требуется также меньше надсмотрщиков. Капиталисту это дает очень приятную возможность расширять и сокращать свое производство совершенно беспрепятственно соответственно отношениям рынка. Кроме того, растет его власть, так как части перегруженного труда соответствует свободная или занятая на половину резервная армия, а таким образом увеличивается конкуренция среди рабочих!

Хотя в этом случае чистое числовое отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом не нарушается; это, наоборот, единственный случай, когда оба они могут расти равномерно; все же эксплуатация труда возрасла, как при удлинении рабочего дня, так и при интенсификации (сгущении) его, если он одновременно не укорочен (например, десятичасовым билем). Рабочий сокращает продолжительность существования своей рабочей силы, истощает ее в гораздо большей степени, чем растет его заработная плата, и еще более превращается в рабочую машину. Но не говоря об этом, если он при нормальном рабочем дне живет вероятно 20 лет, при другом лишь 15, то он продает ценность своей рабочей силы в одном случае в 15 лет, в другом в 20. Один раз она должна быть возмещена в 15 лет, другой раз в 20 лет.

Антиципация будущего, настоящая антиципация, вообще имеет место в производстве богатства лишь по отношению к рабочему и земле. У обоих будущность может действительно быть антиципирована и уничтожена, вследствие преждевременного чрезмерного напряжения и истощения, вследствие нарушения равновесия между расходом и приходом. У обоих это происходит в капиталистическом производстве ¹⁾.

Наконец, если капиталист вынужден платить за сверхурочное время больше, чем за нормальное рабочее время, то это, согласно выше-

¹⁾ Что касается так называемой антиципации, например, при государственных долгах, то Равенстон справедливо говорит об этом:

„Объявляя, что они отодвигают в будущее затраты настоящего; утверждая, что можно перенести бремя на потомство, чтобы удовлетворить потребности настоящего поколения, они говорят абсурд: что можно потреблять то, чего еще нет; что можно жить средствами существования, прежде чем их семена брошены в землю (Thoughts on the Funding System, стр., 8, Лондон 1824).

сказанному, отнюдь не составляет повышения заработной платы, а только—и редко добавочная плата так велика—компенсацию за повышенную ценность лишнего времени. В действительности, при сверхурочной работе, каждый рабочий час должен был бы оплачиваться лучше, не только сверхурочные часы, если бы только оплачивалось более быстрое изнашивание рабочей силы. Следовательно, во всех случаях [подобное удлинение рабочего времени или повышение интенсивности труда] означает большую эксплуатацию труда. Но в то же время [повышенная оплата сверхурочного времени означает] во всех случаях уменьшение [созданной в это время] прибавочной ценности с накоплением капитала, а также падение нормы прибыли, поскольку это не парализуется экономией на постоянном капитале.

Это, следовательно, случай, когда с накоплением капитала—с наступлением сложной прибыли—норма прибыли должна падать. Если она для капитала в 300 (первая порция) была = 10 процентам (следовательно = 30), и если для прибавки в 100 она = 6, то для 400 она = 36. Следовательно, для 100 вообще = 9. Она пала с 10 до 9 процентов.

Но, как сказано, за определенным пунктом, на этой основе (при неизменной производительности труда) не только должна пасть прибыль па добавочный капитал, но она должна совсем прекратиться; следовательно, должно остановиться все основанное на этой сложной прибыли накопление. В только что разобранном случае уменьшение прибыли связано с увеличением эксплуатации труда; и ее прекращение на известном пункте наступает не оттого, что рабочий или кто-либо другой получил весь свой продукт; а потому что физически невозможно работать больше определенного количества времени или увеличить интенсивность труда больше определенной степени.

Во-вторых: Кроме этого, единственным случаем, когда при неизменном числе рабочих может приходиться больше капитала на одного рабочего, и потому больше капитала может быть употреблено, затрачено на большую эксплуатацию того же числа рабочих,—является повышение производительности труда, изменение способа производства. Оно обуславливает изменение в органическом отношении постоянного и переменного капитала. Или увеличение капитала в сравнении с трудом здесь тождественно с увеличением постоянного капитала в сравнении с переменным, и вообще в сравнении с количеством примененного или живого труда.

„Вся мудрость наших государственных мужей сводится к постоянному перенесению собственности от одного класса лиц к другому; создается таким образом громадный фонд для оплаты барышничества и растрат государственных денег“ (цит. соч., стр 9). Иначе обстоит дело с рабочим и землей. То, что здесь затрачивается, представляет [силу], и, вследствие ускоренного способа затраты ее, продолжительность существования этой силы сокращается.

Здесь, следовательно, точка зрения Годскина сводится к общему, развитому мною закону. Прибавочная ценность, эксплуатация рабочего увеличивается; но в то же время падает норма прибыли, так как уменьшается переменный капитал в сравнении с постоянным; так как количество живого труда вообще уменьшается в сравнении с капиталом, которым он приводится в движение. Большая часть годового продукта труда присваивается капиталистом в виде капитала и меньшая часть в виде прибыли ¹⁾).

Вообще сумма прибыли возрастает, при меньшей норме, с увеличением затраченного капитала. Кроме того увеличивается количество потребительных ценностей, которое представлено этой меньшей долей. Это одновременно обуславливает, однако, централизацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения массового капитала. Оно вызывает проглатывание мелких капиталистов крупными; при этом первые лишаются капитала. Это опять-таки представляет отчуждение средств производства от труда, только в другой форме.

Ибо мелкие капиталисты еще работают сами. Труд капиталиста вообще обратно пропорционален его капиталу, то-есть, степени, в какой он является капиталистом.

Это отчуждение средств производства от рабочего есть то, что образует понятие капитала и первоначальное накопление; что потом является постоянным процессом в накоплении капитала и наконец выражается в централизации уже имеющих капиталов в немногих руках и лишении многих капиталов.

Процесс падения нормы прибыли скоро приостановил бы капиталистическое производство, если бы парализующие тенденции, на которых мы здесь не можем останавливаться — это относится в главе о конкуренции капиталов — не действовали постоянно децентрализующим образом наряду с центростремительной силой.

Тот факт, что (относительное) уменьшение количества труда не компенсируется повышением его производительности, или что отношение прибавочного труда к затраченному капиталу не возрастает в такой-же степени, как уменьшается относительное количество примененного труда, — отчасти объясняется тем, что повышение производительности труда лишь в определенных областях применения капитала понижает ценность труда, необходимый труд; даже в этих областях оно не развивается равномерно, и действуют парализующие причины; например, хотя рабочие не могут воспрепятствовать пониже-

¹⁾ Отсюда фантазия попа Чомерса, что капиталисты проглатывают тем больше прибыли, чем меньше количество годового продукта, которое они затрачивают в виде капитала; при чем им тогда приходит на помощь „государственная церковь“, чтобы позаблгтиться о потреблении большей части прибавочного продукта, вместо ее капитализированья. Проницательный поп смешивает причину и действие.

нию заработной платы (по ценности), но они не дают понизить ее до абсолютного минимума; они, наоборот, добиваются количественно некоторого участия в росте общего богатства.

Однако, и это возрастание прибавочной ценности относительно; оно имеет определенные границы. Если бы оно соответствовало требованиям процентов на проценты, то необходимое рабочее время должно было бы в этом случае таким образом свестись совсем к нулю, как мы видели выше, сокращаясь до бесконечности.

Повышение или падение заработной платы может быть следствием изменения спроса и предложения [рабочей силы] или следствием временного возрастания или падения цены жизненных средств (в сравнении с предметами роскоши); это изменение цены жизненных средств само может наступить благодаря изменению спроса и предложения [рабочей силы] и обусловленному этим повышению и падению заработной платы. Поскольку подобное повышение или падение заработной платы вызывает уменьшение или увеличение нормы прибыли, это также не имеет никакого отношения к общему закону возрастания или падения нормы прибыли, как возрастание или падение рыночных цен товаров вообще не имеет отношения к определению их ценности. Это должно быть разобрано в главе о реальном движении заработной платы. Если отношение спроса и предложения благоприятно для рабочих, если их заработная плата возрастает, то возможно (отнюдь не необходимо), что вместе с этим временно повышаются цены некоторых необходимых жизненных средств, особенно средств питания. Правильно замечает по этому поводу автор „Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc“. Лондон 1821.

„В этом случае спрос на необходимые жизненные средства в сравнении со спросом на предметы удовольствия, без которых можно обойтись, будет расти; так что отношение между обоими видами спроса получается совершенно другое, чем то, которое существовало бы, если бы он проявлял эту власть (к капиталист проявлял свою власть над товарами. М.), чтобы доставить себе вещи для своего собственного потребления. Необходимые жизненные средства будут в общем обмениваться на большее количество вещей.. И по крайней мере часть этих жизненных средств будет представлять средства питания“ (I. c., стр. 21, 22).

Далее он правильно высказывает мысль Рикардо:

„Во всяком случае, следовательно, возросшая цена на хлеб была не последней причиной того повышения заработной платы, которое вызвало падение прибыли; а, наоборот, повышение заработной платы было раньше причиной возрастания хлебных цен; и природа земли, которая при дальнейшей обработке дает относительно меньшую выручку, сделала часть этого повышения цены постоянной, препятствовала тому, чтобы наступило полное восстановление прежнего положения, вследствие закона народонаселения“ (I. c. стр. 23).

Годскип и автор „The Source and Remedy etc“, объясняя падение нормы прибыли тем, что живой труд не может удовлетворить требо-

ваний процентов па проценты, хотя они не проанализировали этого дальше, стоят гораздо ближе к истине, чем Смит и Рикардо, которые объясняют падение нормы прибыли возрастанием заработной платы; один возрастанием как реальной, так и денежной заработной платы; другой возрастанием денежной заработной платы, которому скорее соответствует падение реальной заработной платы. Годскин и все эти защитники пролетариата отмечают со здравым смыслом тот факт, что относительное число живущих от прибыли с развитием капитала возросло.

* * *

Теперь в заключение еще несколько положений из *Labour defended etc.* Годскина.

Развитие меновой ценности продукта, следовательно, заключенного в товаре труда, как общественного труда:

„Почти каждый продукт искусства и ловкости является результатом общего и комбинированного труда. (Это результат капиталистического производства. *М.*) Человек так зависит от человека, и эта зависимость так растет с прогрессом общества, что труд отдельного индивидуума едва ли имеет какую-нибудь ценность, если он не составляет части большого общественного труда ¹⁾... Где имеется разделение труда, там предполагается участие других людей, прежде чем рабочий может реализовать результат своего труда; и нет уже ничего, что можно было бы назвать материальным вознаграждением индивидуального труда. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть сама по себе не представляет никакой ценности или пользы, то нет ничего, что рабочий мог бы взять себе и считать своим продуктом, который он хочет себе оставить. Между началом совместного действия различных рабочих, например, для производства сукна, и распределением этого продукта между участвующими лицами, совместным трудом которых он создан, предполагается неоднократно участие многих людей; и возникает вопрос, сколько из этого общего продукта приходится каждому из индивидуумов, соединенный труд которых создал его“ (I. c., стр. 25).

„Я не знаю другого способа его распределения, кроме выполнения его путем совершенно свободного суждения самих рабочих“ (I. c.).

„Я должен прибавить, что вряд ли один род труда [при создании общего продукта. *К.*] является более ценным, чем другой. Несомненно, один не менее необходим, чем другой“ (I. c., стр. 26).

Наконец Годскин говорит о капиталистических отношениях:

„Предприниматели являются такими же рабочими, как и те, которые заняты ими. Как таковые они имеют точно такие же интересы, как их люди. Но в то же время они являются или капиталистами или агентами капиталистов. и как таковые, они имеют интересы, которые прямо противоположны интересам наемных рабочих“ (I. c., стр. 27).

„Широкое распространение образования среди рабочих данной страны со дня на день уменьшает ценность труда и искусства почти всех предприни-

¹⁾ В этом месте нужно подчеркнуть, что лишь на основе капитала товарное производство или производство продукта в виде товара достигает больших размеров и касается даже сущности продукта.

мателей и мастеров, увеличивая число тех людей, которые обладают их особыми знаниями" (I. с., стр. 30).

„Если совершенно оставить в стороне капиталиста, этого обременяющего посредника, который потребляет продукт труда и мешает рабочему понять, от каких естественных законов зависит его существование и счастье; и если отвлечься от того социального порядка, по которому те, которые все производят, очень мало или ничего не должны иметь в виде собственности,—тогда ясно, что капитал, или возможность применять рабочих, и сосуществующий труд представляют одно и то же. И производительный капитал и искусный труд это также одно и то же. Следовательно, капитал и рабочее население представляют совершенно однозначные понятия. В системе природы рот, руки и ум соединены в одном теле" (I. е., стр. 33).

Вместе с формой отчуждения, которую получают различные моменты общественного труда в их взаимных отношениях, и которая выражается в капитале, исчезает капиталистический способ производства. Это заключение Годскина.

d. Popular Political Economy.

Второе произведение Годскина, которое здесь должно быть упомянуто, это „Popular Political Economy. Four lectures delivered at the London Mechanic's Institution“. Лондон 1827.

В этом произведении нужно подчеркнуть следующие положения:

„Труд, который хорошо выполняется (easy labour), есть только унаследованное искусство“ (I. с., стр. 48).

„Все выгоды, получаемые от разделения труда, естественно соединены в рабочем и ему принадлежат; поэтому если от него отнимут эти выгоды, то с прогрессом общества, благодаря возрастанию его искусства, разбогатеют только те, которые никогда не работают—это необходимое следствие несправедливого присвоения; следствие узурпации и грабежа со стороны обогащенных; следствие смиренного подчинения со стороны вставших в нищету“ (I. е., стр. 108, 109).

[На 126 стр. Годскин замечает, что] рабочие во всяком случае размножаются слишком быстро, если их размножение сравнивается только со спросом капиталистов на их услуги.

„Мальтус указывает на последствия, которые влечет за собой увеличение числа рабочих; оно уменьшает долю, получаемую каждым в отдельности из годовичного продукта. Он при этом исходит из того взгляда, что количество, которое должно быть разделено между ними, представляет определенную величину, которая ни в коем случае не определяется производимым ими в течение года количеством“ (I. с.).

На 186 стр. Годскин объясняет, что труд является единственным мерилем ценности; но труд, творец всего богатства, не является товаром.

Относительно влияния денег на увеличение богатства Годскин справедливо замечает:

„Если человек за небольшие количества переходящих продуктов может получить долговечные, у него не будет соблазна выбрасывать первые. Таким образом употребление денег увеличивает богатство, предотвращая мотовство“ (I с., стр. 197).

Главное преимущество мелкой торговли обусловлено тем, что количество, в котором товары лучше всего производятся, это не то количество, в котором они лучше всего распределяются.

„На опыте нашли, что форма и количество, в котором товары лучше всего производятся, это не та форма и количество, которое больше всего соответствует индивидуальному потреблению“ (I с., стр. 146).

„Как теория капитала, так и практика, состоящая в ограничении труда той областью, где рабочий кроме своего содержания может еще произвести прибыль для капиталиста, видимому, противоречат естественным законам, регулирующим производство“ (I с., стр. 238).

Относительно накопления капитала Годскин говорит почти то же самое, что и в своем первом произведении. Но для полноты приведем здесь главные места:

„Примем во внимание лишь основной капитал и оставим в стороне оборотный капитал, именно ту часть, которая составляет заработную плату—то самые благоприятные условия для идеи, что капитал будто бы поддерживает производство. С этой целью мы можем различать три рода обстоятельств, при которых действия накопления капитала очень различны.

„Во-первых: Когда одно и то же лицо его создает и употребляет; во-вторых: когда он производится и употребляется разными лицами, которые делят между собой продукт своего соединенного труда в справедливом отношении; в-третьих: когда он принадлежит классу людей, которые его не производят и не употребляют.

„Во-первых: Если инструменты, орудия, красящие вещества и т. д. назначение которых состоит в том, чтобы способствовать производству, производятся и употребляются одним и тем же лицом, мы должны полагать, что оно считает этот труд полезным; иначе оно бы его не выполняло; и что всякое накопление орудий, которые оно создает и употребляет, облегчает его работу. Пределом этого накопления служит очевидно возможность для рабочего производить и применять такие орудия. Также и количество национального капитала всегда ограничено возможностью для рабочих создать и употребить его с пользой. Где, следовательно, капитал производится и употребляется теми же индивидуумами, он может только служить с пользой.

„Во-вторых: Возможно, что капитал производится одним рабочим и употребляется другим, и оба они могут делить между собой товар, созданный трудом производства и применения капитала, в отношении примененного ими труда. Этот факт я выразил бы однако лучше таким образом, что сказал бы: когда часть общества занята производством орудий, а другая их применением, то это такого рода разделение труда, которое повышает производительность и увеличивает общее богатство. Пока продукт обоих этих рабочих или, с точки зрения всего общества, этих обоих классов рабочих делится между ними, накопление и увеличение тех орудий, которые они могут произвести и употребить, так же выгодно, как если бы они производились и употреблялись одним лицом“ (I с., стр. 243, 244).

„В-третьих: Рабочий может производить орудия, которые применяются в производстве другим; но они не делят в справедливом отношении продукта их совместного труда, а работают для прибыли третьего лица. Капиталист, только как владелец орудия, как таковой не является рабочим. Он ни в коем случае не повышает производства. (То-есть, производство повышается орудием, а не правом собственности на эти орудия, т. е. не тем фактом, что орудие принадлежит не-работному. М.) Он приобретает продукт одного рабочего и передает его другому, или на определенное время, как это в большинстве случаев делается с основным капиталом, или навсегда, например заработную плату; когда он полагает, что это может быть использовано или потреблено с пользой для него, капиталиста. Он никогда не позволяет, чтобы продукт

рабочего, который становится его собственностью, был использован или потреблен другим рабочим, иначе как в его (капиталиста) пользу. Он затрачивает или одлживает свою собственность, чтобы участвовать в продукте или естественном доходе рабочих; и всякое накопление такой собственности в его руках означает распространение его власти на продукт труда и замедляет рост национального благосостояния. Это имеет место в настоящее время.

„Если бы только те, которые производят и применяют капитал, должны были делить между собой продукт своего совместного труда, тогда производительный труд имел бы свои границы лишь там, где он перестает доставлять рабочим и их семьям приятную жизнь. Но когда сверх того, что им самим нужно, независимо от того, владеют ли они капиталом или нет, они должны производить еще гораздо больше, чтобы удовлетворить капиталиста, тогда предел для производительного труда достигается гораздо быстрее. Когда капиталист, как собственник всех продуктов, не позволяет рабочим производить или применять орудия, если он не получает прибыли сверх того, чего стоит содержание рабочих, тогда ясно, что производительному труду поставлены гораздо более тесные границы, чем это приписывается природой. Соответственно тому, как капитал накапливается в руках третьего лица, растет сумма прибыли, на которую претендует капиталист, и таким образом, получается искусственная задержка для производства и населения... В современном состоянии общества, когда рабочие никогда не обладают капиталом, каждое накопление его увеличивает сумму прибыли, которая от них требуется, и исключает всякий такой труд, который создавал бы удобное существование только рабочему... Если признать, что все производится трудом, также и капитал, тогда бессмысленно приписывать производительность орудиям, которые производит и употребляет труд... К составным частям капитала относят также заработную плату или жизненные средства рабочего. Но заработная плата играет в производстве не такую роль, как орудия... Труд, не капитал, платит всю заработную плату“.

Большинство ссуд капиталистов состоит из обещаний уплатить.

„Если бы изобретение и применение бумажных денег ничего не давало, кроме того, что оно обнаружило, что капитал отнюдь не представляет какого-то сбережения, то уже этим самым оно сыграло бы важную роль. Пока капиталист, должен был обладать действительным накоплением ценных металлов или товаров, чтобы реализовать свое богатство или распорядиться трудом других людей, можно было полагать, что накопление капитала является будто бы результатом действительного сбережения, и что от него зависит будто бы прогресс общества. Но когда были изобретены денежные деньги и пергаментные облигации, и владелец только такого куска пергамента получал годичный доход в бумажных знаках, за что он приобретал все, что необходимо было для его пользования или потребления; если он в конце года был богаче, чем в начале года, раз только он не затратил всех тех денежных знаков; или если он в следующем году имел право получить еще большее количество денежных знаков, что ему доставляло еще больше власти над продуктом труда; тогда совершенно ясно стало, что капитал не представляет никакого сбережения; что индивидуальный капиталист богатее не благодаря настоящему материальному сбережению, а благодаря тому, что он делает что-то такое, что дает ему возможность по принятому обычаю требовать больше из продукта труда других... Промышленный предприниматель имеет или монету, или бумагу для заработной платы. Эту заработную плату его рабочие обменивают на продукт других рабочих, которые не сохраняют своей заработной платы ни в виде монет, ни в виде бумаги. Она возвращается обратно к промышленнику, дающему в обмен на это сукно, которое произвели его рабочие. Он это опять отдает в виде новой заработной платы, и монета или бумага снова начинается такой же круговорот... Его (капиталиста) собственности, служит ли она для оплаты труда рабочих, или же она состоит из полезных орудий, приписываются теперь все те громадные успехи, которые обнаруживает труд, благодаря знанию и искусству, реализованному в машинах. Соединенные труды рудокопа, горнозаводского рабочего, кузнеца, механика, дистопника и множества других людей, а не мертвые машины дают то, что производится паровыми машинами... Обычное понимание приписывает вытекающую из искусства рабочих производительность труда его видимому продукту, орудиям, владельцы которых, не производящие и не применяющие их, воображают себе, что они будто бы являются в высшей степени производительными людьми“ (I с., стр. 248 до 251).

Важна еще его полемика против „опасности изгнания из страны капитала“, против капитализма, как необходимого условия развития промышленности, и против теории сбережений. Она должна быть приведена в главе о вульгарных экономистах¹⁾.

„По мере того, как растет население, происходит увеличение, как производства, так и потребления; и это все, что содержится в понятиях накопления или увеличения национального богатства“ (I. е., стр. 257).

4) Место, которое Маркс здесь имеет в виду, гласит: „Имеется еще другое очевидное заблуждение, которое приводит к бессмыслице и злоупотреблениям на практике, от чего я должен предостеречь читателя. Ясно, что большая часть товаров, которые составляют капитал страны, ни в коем случае не может быть вывезена. Общеупотребительные инструменты и орудия бесполезны без искусных рук, и многие из них связаны с определенными помещениями или зданиями, которые не могут переменить своего места. Мастерские, магазины, склады, конюшни, амбары почти так же неподвижны, как сама земля. Они могут быть уничтожены, но их нельзя вывезить. Улучшения земли, осушка и удобрение уже произведены. Другие работы могут их устранить, но ни они, ни польза, которую они доставляют, не может быть переправлена во Францию или в Америку. Мосты, улицы, каналы можно запустить и дать им погибнуть или их можно оломать; но никто не возьмет на себя труда доставить полученные таким образом материалы в Испанию или Бразилию. Самую важную часть оборотного капитала составляют средства питания, которые мы ввозим; из них ничего не могло бы быть выгодно отправлено в другие страны. Также и уголь, красящие вещества и другие сырые материалы не могут вывозиться в больших количествах; чем теперь. В общем мы ввозим больше сырого материала, чем вывозим, и из того, что мы вывозим, отправляется столько, сколько можно выгодно отдать. Таким образом, ни одна часть капитала страны не может быть удалена или отправлена, кроме приобретенных полезных способностей рабочих, и того, что они могут везти с собой—ибо некоторые инструменты и вспомогательные средства, как например, корабли, легко транспортальны.

„Люди могут быть изгнаны из своего отечества и часто изгонялись свободными, душащими законами, религиозным преследованием или тиранством, и душащей и разорительной системой налогов. Но капитал никогда не изгоняется и не отправляется за-границу, если не выселяются люди. Очевидной бессмыслицей является разговор об отправлении улиц, мостов, каналов и засеянных полей; и все же мы постоянно слышим предостерегающие возгласы депутатов в парламенте, которые сами являются капиталистами или их союзниками, об опасности, что эти вещи в виде капитала будто бы могут быть удалены из страны. Чтобы предупредить это, созданы законы против союзов рабочих в нашей стране, которые в принципе также отвратительны, как законодательство о рабочих в Вест-Индии. Это может быть удобно для тех, которые полагают, что они при этом что-нибудь выиграют, если останутся существующие ужасные налоги, хлебные законы, государственная церковь, монополии Вест-Индии и Ост-Индии; если они приписывают все несчастья страны требованию более высокой заработной платы; если они могут, при своем эгоизме, издавать законы, чтобы держать в повиновении рабочих. Я понимаю их мотивы; но я не понимаю того, что их аргументам верит все общество“ (I. с., стр. 252, 253) К.

IV. Джордж Рамзэй.

1. Капитал историческая категория.

С Рамзеем мы снова возвращаемся к политико-экономам. Мы остановимся на его произведении: *An Essay on the Distribution of Wealth*. Эдинбург. 1836.

При определении коммерческого капитала он говорит: „транспорт товаров с одного места на другое“ (стр. 19). Он смешивает, следовательно, торговлю с транспортом.

Главная заслуга Рамзэя состоит в следующем:

Во-первых: он действительно делает различие между постоянным и переменным капиталом. Но это совершается таким образом: различия основного и оборотного капитала, взятые из процесса обращения, он сохраняет, как единственные различия, только по названию; однако, он так определяет основной капитал, что последний включает все элементы постоянного капитала. Под основным капиталом он понимает поэтому не только машины и орудия, строения, в которых производится работа, или хранится результат труда, рабочий и племенной скот, но также весь сырой материал, полуфабрикат и т. д., „семя сельского хозяина и сырой материал промышленника“ (стр. 22, 23). Кроме того, он считает основным капиталом „удобрение всякого рода, так же, как и заборы для сельского хозяйства и употребленный в промышленности материал для топлива“ (1. с.).

Оборотный капитал состоит у него только из средств питания и „других средств существования, которые авансированы рабочему до изготовления продукта его труда“ (1. с.).

Мы видим, следовательно, что под „оборотным капиталом“ он понимает не что иное, как часть капитала, которая состоит из заработной платы; и под основным капиталом ту часть, которая состоит из объективных условий труда—средств производства и материала. Ошибка заключается во всяком случае в том, что это разделение капитала, взятое из непосредственного процесса производства, отождествляется с различием, вытекающим из процесса обращения. Это объясняется тем, что он придерживается экономической традиции.

С другой стороны, Рамзэй также смешивает вещественное только содержание определенного таким образом основного капитала с его бытием, как „капитала“. В настоящий процесс труда оборотный капитал (то есть переменный капитал) не входит; в него входит то, что куплено па оборотный капитал—чем он возмещен—живой труд. Помимо этого в процесс труда входит постоянный капитал, то-есть труд, овеществленный в объективных средствах производства, материале и средствах производства. Рамзэй говорит поэтому:

„Только основной капитал, не оборотный, есть, собственно говоря, источник национального богатства“ (стр. 23). „Труд и основной капитал являются единственными элементами издержек производства“ (стр. 28).

Что действительно расходуется в производстве товара, это сырой материал, машины и т. д. и живой труд, который приводит их в движение.

„Оборотный“ капитал является излишним, стоит вне процесса производства.

„Предположим, что рабочим не платили бы до изготовления их продукта; тогда не было бы никакого основания пустить в ход оборотный капитал. Если бы этот класс (рабочих) так долго мог жить своим прежним заработком, пока не закончено новое производство богатства, то промышленность далее велась бы так же, как в том случае, когда для своего содержания они должны обращаться к ссудам своих более богатых сограждан. Источники национального богатства были бы несомненно в первом случае так же велики, как и во втором. Ничто не доказывает лучше, что оборотный капитал не представляет не посредственного фактора производства и даже не является для него существенным; он необходим только вследствие жалкой нищеты народной массы“ (стр. 24).

„С точки зрения нации исключительно основной капитал составляет элемент издержек производства“ (стр. 26).

Другими словами: труд, осуществленный в средствах производства—материале и средствах труда—который мы называем основным капиталом, и живой труд являются необходимыми условиями производства, элементами национального богатства. Наоборот, только „жалкой нищетой массы народа“ объясняется то, что средства существования рабочего вообще должны принимать форму „оборотного капитала“. Труд является условием производства, но не заработная плата; следовательно, также не то, что средства существования рабочего противостоят ему, как „капитал“, как „ссуда капиталиста“. Рамзэй упускает из виду то обстоятельство, что, если средства существования не противостоят рабочему, как „капитал“ (как „оборотный капитал“ по его терминологии), то объективные средства производства также не противостоят ему, как „капитал“, как „основной капитал“, по его терминологии. Рамзэй, действительно, а не только на словах, как это делают другие экономисты, превращает капитал „в часть национального богатства, которая“ применяется „для роста производства“, или которая назначена для такого применения. Он считает заработную плату, потому и капитал—социальную форму, которую получают средства воспроизводства на основе наемного труда—несущественным, и объясняет ее только нищетой массы народа.

Здесь мы, следовательно, подошли к тому пункту, где сама политическая экономия, на основании своего анализа, считает капиталистическую форму производства, потому и капитал не абсолютным, а только „случайным“ историческим условием производства.

Однако, Рамзэй не пошел достаточно далеко в анализе, чтобы сделать правильные выводы из своих предпосылок, из нового определения, которое он дал капиталу в непосредственном процессе производства.

Он очень близок к правильному пониманию прибавочной ценности.

„Оборотный капитал всегда будет приводить в движение больше труда, чем на него самого затрачено. Ибо, если бы он не мог привести в движение больше труда, чем затрачено было на него самого, то какую выгоду мог бы получить владелец от его применения, как такового?“ (стр. 49).

„Или хотят утверждать, что количество труда, который может привести в движение данный оборотный капитал, только равняется труду, который был затрачен на его производство? Это невозможно, так как это означало бы, что ценность примененного капитала равна будто бы ценности продукта“ (стр. 52).

Это означает, следовательно: Капитал обменивает меньшее количество овеществленного труда на большее количество живого труда, и этот излишек неоплаченного живого труда образует излишек ценности продукта сверх ценности потребленного в его производстве капитала, другими словами, прибавочную ценность (прибыль и т. д.). Если бы количество труда, за которое капиталист платит в заработной плате, равнялось тому количеству, которое он получает в продукте обратно от рабочего, то ценность продукта была бы не больше ценности капитала, и не было бы прибыли. Как бы близко Рамзэй здесь ни подошел к настоящему происхождению прибавочной ценности, он все же слишком уж скован экономической традицией, чтобы тотчас же не впасть снова в ошибку. Прежде всего, способ его объяснения обмена между переменным капиталом и трудом является двусмысленным. Если бы оно было совершенно ясно, то дальнейшее недоразумение было бы невозможно. Он говорит:

„Оборотный капитал, который был, например, создан трудом 100 человек, приведет в движение большее число людей. Скажем 150 человек. Следовательно, продукт в конце года в этом случае будет результатом труда 150 человек“ (стр. 50).

При каких условиях продукт 100 человек может купить труд 150 человек?

Если бы заработная плата, которую рабочий получает за 12 рабочих часов, равнялась ценности в 12 рабочих часов, то на продукт его труда можно было бы снова купить лишь один рабочий день и на продукт 100 рабочих дней лишь 100. Но если ценность дневного продукта, который он дает, равняется 12 рабочим часам, и ценность дневной заработной платы, которую он получает, равна 8 рабочим часам, то с ценностью его дневного продукта можно было бы оплатить, снова купить $1\frac{1}{2}$ рабочих дня или $1\frac{1}{2}$ человека. И на продукт

100 рабочих дней можно купить 100 ($1 + \frac{1}{2}$ человека или рабоч. дв.) = $100 + 50 = 150$ человек. Следовательно, для того, чтобы продукт 100 человек мог привести в движение 150, необходимо, чтобы каждый из 100 человек и вообще каждый рабочий работал даром на капиталиста половину того времени, что он работает на себя, или чтобы треть рабочего дня он работал даром.

У Рамзэя это выступает неясно. Двусмысленность обнаруживается в заключении: „Следовательно, в этом случае продукт в конце года будет результатом труда 150 человек“. Конечно, он будет результатом труда 150 человек, совершенно так же как продукт 100 человек был результатом труда 100 человек. Двусмысленность (и несомненно неясность, более или менее напоминающая Мальтуса) получается следующая: Кажется, что прибыль получается будто бы от того, что вместо 100 человек теперь применяется 150. Совершенно так, как если бы прибыль от 150 получилась оттого, что с продуктом 150 человек теперь приводится в движение 225 человек. Но важно не это.

Если весь продукт труда 100 человек снова затрачивается на заработную плату, то на него можно купить труд 150 человек, продукт которых равняется заработной плате 225 человек. Рабочее время этих 100 человек есть рабочее время 100 человек. Но их оплаченный труд есть продукт труда $66\frac{2}{3}$ человека, или лишь две трети заключенной в их продукте ценности. Двусмысленность получается от того, что кажется, что эти 100 человек или 100 рабочих дней (считаем ли мы дни длиной в один год или единичные дни, это несколько не меняет дела) дают 150 рабочих дней—продукт, в котором содержится ценность 150 рабочих дней; меж тем как, наоборот, ценности 100 рабочих дней достаточно для оплаты 150 рабочих дней. Если бы капиталист по-прежнему продолжал применять 100 человек, то его прибыль осталась бы та же. Он по-прежнему продолжал бы платить этим 100 рабочим продукт, равный рабочему времени $66\frac{2}{3}$ человек, и остаток класть в карман. Если он, наоборот, весь продукт этих 100 человек снова затрачивает на заработную плату, то он накапливает и присваивает себе тогда прибавочную ценность в 50 рабочих дней, вместо прежних $33\frac{1}{3}$.

2. Ценность и цена производства.

Что Рамзэю это было неясно, видно из того, что против определения ценности рабочим временем он снова приводит „необъяснимое“ иначе явление, что норма прибыли одинакова для капиталов, которые эксплуатируют различное количество труда.

„Применение основного капитала вводит значительное изменение в принцип, что ценность зависит от количества времени. Ибо некоторые товары, на которые затрачено было одинаковое количество труда, требуют совершенно различных периодов времени, пока они готовы для потребления. Но так как

В течение этого времени капитал не доставляет никакого дохода, то для того чтобы данное применение капитала не было менее доходно, чем другие; в которых продукт раньше готов для потребления, товар должен повыситься в ценности, когда он наконец поступает на рынок, соответственно недостающей прибыли. Это лучше всего показывает, как капитал может определять ценность независимо от труда" (стр. 43).

Это, наоборот, доказывает, как капитал определяет средние цены независимо от ценности данного продукта; что товары обмениваются не по их ценности, а так, что „одно применение капитала не менее прибыльно, чем другие“. Так как в политической экономии бессмысленная традиция сильнее, чем во всякой другой науке, то Рамзэй не преминул указать на прославленное со времени Милля „вино в погребѣ“. И таким образом он заключает: „Капитал есть источник ценности, независимо от труда“ (стр. 55), меж тем как он должен был бы только сказать: Прибавочная ценность, которую капитал реализует в особой области своего применения, не зависит от количества труда, который применяет данный капитал.

Ошибочное понимание Рамзэя здесь тем более поражает, что он, во-первых, понимает так сказать естественную основу прибавочной ценности; во-вторых, он констатирует в одном случае, что распределение прибавочной ценности—ее уравнивание до общей нормы прибыли—не увеличивает самой прибавочной ценности.

„Источник прибыли есть закон материального мира: щедрость природы, к которой прилагается и которой управляет труд и искусство человека, вознаграждает труд нации такими богатыми плодами, что он производит излишек продуктов, сверх того, что требуется для нового возмещения *in natura* потребленного основного капитала и для сохранения и размножения класса занятых рабочих¹⁾..

Если весь продукт лишь немногим превышает то, что безусловно необходимо для указанных выше целей, то все же возможно выделить из всей массы особый доход в виде прибыли, которая принадлежит другому классу людей“ (стр. 205).

„Существование промышленных капиталистов, как особого класса, всецело зависит от производительности промышленности“ (стр. 206).

1) Это также великолепный результат капиталистического производства: „для сохранения и размножения класса рабочих“. Конечно, если бы труда было достаточно только на то, чтобы воспроизвести условия труда и сохранить жизнь рабочего, то невозможен был бы никакой излишек; следовательно, никакой прибыли и никакого капитала. Однако, природы нисколько не касается тот факт, что, несмотря на этот излишек, класс рабочих существует и размножается [только как класс наемных рабочих]; а излишек получает форму прибыли, и на этой основе существует и размножается класс капиталистов. Это признал сам Рамзэй; он объясняет, что „оборотный капитал“, означающий у него заработную плату, наемный труд, не представляет существенного условия воспроизводства, а существует лишь благодаря „жалкой нищете народных масс“. Он не сделал вывода, что капиталистическое производство „сохраняет и развивает“ эту „жалкую нищету“; хотя он опять-таки признает это, когда говорит, что оно „обуславливает существование и размножение класса рабочих“, и оставляет им лишь столько, сколько необходимо для их существования и размножения. В вышеуказанном смысле можно сказать, что прибавочная ценность и т. д. основана на законе природы, на производительности человеческого труда в его обмене с природой. Все же сам Рамзэй указывает на абсолютное удлинение рабочего времени, как на источник прибавочной ценности (стр. 102); но он указывает также и на повышение производительности труда в индустрии.

Об уравнивании нормы прибыли посредством повышения цен в некоторых отраслях промышленности в связи с возрастанием заработной платы Рамзэй замечает:

„Это изменение (возрастание цен в некоторых отраслях промышленности при повышении заработной плат) не спасло промышленных капиталистов от сокращения их прибыли; оно даже не уменьшило их общей потери, а способствовало лишь тому, что она была распределена более равномерно между различными группами, которые образуют те классы“ (стр. 163).

И если капиталист, вино которого представляет продукт 100 человек (пример Рамзэя), продает его так же дорого, как другой, вино которого представляет продукт 150 человек, чтобы „данное применение труда не было менее прибыльно, чем другое“, — то ясно, что благодаря этому прибавочная ценность, содержащаяся в том и другом вине, не увеличивается, а только равномерно распределится между различными группами капиталистов.

Рамзэй также приводит исключения Рикардо [из определения ценности рабочим временем]. Эти последние нам придется внести в текст там, где мы говорим о превращении ценности в цену производства. Скажем вкратце следующее. Если мы предположим, что длина рабочего времени в различных отраслях производства (поскольку это не компенсируется интенсивностью или неприятностью труда и т. д.) — или лучше прибавочный труд, норма эксплуатации — одинакова, то изменение нормы прибавочной ценности может произойти лишь тогда, когда заработная плата повышается или падает. Такое изменение нормы прибавочной ценности, равное повышению или падению заработной платы, различным образом влияло бы на цены производства товаров, в зависимости от органического строения капитала. Капитал, в котором переменная часть в сравнении с постоянным велика, получил бы вследствие падения заработной платы большее количество прибавочного труда, а вследствие повышения заработной платы он себе присвоил бы меньшее количество прибавочного труда, чем капиталы, в которых постоянный капитал в сравнении с переменным больше. Возрастание или падение заработной платы, следовательно, будут действовать в обратном смысле на норму прибыли в обоих отраслях или уничтожат среднюю норму прибыли. Чтобы сохранить ее, цена первого рода товаров будет повышаться, цена второго падать, когда заработная плата возрастает.

Наоборот, цена первого рода товаров будет падать и цена второго возрастать, когда заработная плата падает. Собственно говоря это едва ли относится к рассмотрению первоначального превращения ценности в цену производства и первоначального создания всеобщей нормы прибыли; здесь скорее возникает вопрос, как общее возрастание или падение заработной платы действовало бы на регулируемые всеобщей нормой прибыли цены производства. Еще меньше этот случай относится к различию между основным и оборотным кап-

талом. Только вследствие того, что Рикардо выставил этот специальный, сравнительно незначительный случай, как единственное различие между ценой производства и ценностью (или как он ошибочно говорит: как исключение из определения ценности рабочим временем) и представил его в виде различия между основным и оборотным капиталом, получилось то, что это [понимание] перешло во всю дальнейшую политическую экономию, как важная догма—и именно в неправильной форме.

„Повышение заработной платы находит свой предел в производительности промышленности. Другими словами, человек никогда не может получить за труд одного дня или года больше, чем он может произвести в течение этого времени с помощью всех других источников богатства в данное время. Его плата должна даже быть меньше этого, так как часть валового продукта всегда идет на то, чтобы возместить основной капитал (то-есть, по Рамзэю, постоянный капитал, сырой материал, машины и т. д. *М.*) с его прибылью“ (стр. 119).

Здесь смешиваются две вещи. Заключенный в дневном продукте „основной капитал“ не является продуктом дневного труда рабочего; или эта часть ценности продукта, представленная частью продукта *in natura*, не является продуктом дневного труда. Прибыль же, наоборот, представляет вычет из этого дневного продукта рабочего или из ценности этого дневного продукта.

Если Рамзэй по выясняет вполне природы прибавочной ценности, и между прочим всецело остается торчать в старом предрассудке об отношении цепности и цепи производства и превращении прибавочной ценности в среднюю прибыль,—то он наоборот сделал правильный вывод [из] своего понимания основного и оборотного капитала.

Сначала [приведем] еще [следующее положение]:

Ценность должна соответствовать не только капиталу, который действительно был потреблен, но и тому капиталу, который остался неизменным; следовательно, всему примененному капиталу“ (стр. 74).

Это должно означать, прибыль должна соответствовать [всему примененному капиталу], а следовательно, и цена производства, между тем как цепность не может взмепяться в зависимости от той части капитала, которая не входит в ценность продукта.

С прогрессом общества, [говорит здесь Рамзэй], то-есть капиталистического производства, увеличивается основная часть капитала за счет оборотного, то-есть за счет части, затраченной на труд. Спрос на труд поэтому с ростом богатства или накопления капитала относительно падает. В индустрии „зло“, вызываемое повышением производительности для рабочих, является временным; но оно постоянно повторяется. В земледелии, особенно при превращении пахотной земли в пастбище, оно постоянно. Общий результат: с прогрессом общества, следовательно, с развитием капитала, национального богатства, [его возрастание] все меньше и меньше влияет на положение рабочих; или последнее относительно ухудшается по мере того, как растет богатство, то-есть

накапливается капитал; или, что означает то же самое, по мере того, как воспроизводство происходит на высшей ступени. Мы видим, от этих выводов слишком далеко до наивного понимания А. Смита или апологии вульгарной экономии. У А. Смита накопление капитала тождественно с возрастающим спросом на труд, постоянным возрастанием заработной платы и, следовательно, падением прибыли. В его эпоху спрос на труд действительно возрастал по крайней мере в такой же степени, в какой шло накопление капитала, так как тогда еще преобладала мануфактура, и крупная промышленность еще лежала в пеленках.

„Спрос (на труд) зависит (прямо, непосредственно М.) только от величины оборотного капитала“ (стр. 87).

Это у Рамзэя тавтология, так как оборотный капитал у него равняется капиталу, затраченному на заработную плату.

„Чем больше прогрессирует общество, тем больше из его фонда, который должен быть потреблен производительно, затрачивается на машины и другие элементы основного капитала... При всяком изменении подобного рода растет основной капитал страны за счет оборотного“ (стр. 89).

Спрос на труд вообще правда растет с увеличением капитала, но отнюдь не в одинаковой с ним степени.

„Только когда вследствие новых изобретений оборотный капитал увеличивается в сравнении с прежним ¹⁾, происходит то, что появляется больший спрос на труд. Спрос на него ²⁾ будет тогда расти, но не соответственно накоплению всего капитала. В странах, промышленность которых достигла значительного развития, основной капитал все больше преобладает над оборотным. Каждое увеличение запаса нации, определенного для воспроизводства, оказывает поэтому с прогрессом общества все меньшее влияние на положение рабочих“ (стр. 90,91).

„Всякое увеличение основного капитала происходит за счет оборотного“, то-есть за счет спроса на труд (стр. 91).

„Зло, которое вытекает для занятого в промышленности рабочего населения из изобретения машин, вероятно преходящего характера, но существует угроза его постоянного возобновления, так как постоянно всплывают новые улучшения, сокращающие труд“.

А именно [оно является преходящим] по следующим причинам. Капиталисты, которые применяют новые машины, получают огромные прибыли; следовательно, растет их способность делать сбережения и увеличивать свой капитал. Часть последнего применяется также, в виде оборотного капитала. Во-вторых: цена произведенного товара падает соответственно уменьшению издержек производства; по мере того, как потребители делают сбережения, легче совершается накопление капи-

¹⁾ Здесь снова проскальзывает ошибка, что увеличение средств существования вообще будто бы тождественно с увеличением части жизненных средств, определенных для рабочих.

²⁾ В манускрипте сказано „на них“. Прим. перев.

тала, откуда часть попадает в данную промышленность, В-третьих: падение цены этих продуктов увеличивает спрос на них (стр. 91, 92).

„Следовательно, хотя введение основного капитала в индустрии в виде машин может оставить без работы значительное количество людей, все же вероятно, по истечении большего или меньшего периода времени эти, или еще большее число рабочих снова получают работу“ (стр. 93).

„В земледелии дело обстоит совершенно иначе. Спрос на сырой материал растет не так быстро, как спрос на промышленные продукты... Самым пагубным для сельского населения является превращение пахотной земли в пастбище... Почти все те фонды, которые раньше получали люди, теперь затрачиваются на рогатый скот, овец и другие элементы основного капитала“ (стр. 93).

Рамзэй правильно замечает:

„Совершенно иначе обстоит дело с оборотным капиталом, который получают рабочие, то-есть громадное большинство в каждом государстве. Заработная плата, подобно прибыли, должна рассматриваться, как часть готового продукта, с национальной точки зрения совершенно отличная от его издержек производства“ (стр. 142).

„Если рассматривать затрату... на различные элементы основного капитала... независимо от ее результатов, тогда она представляет чистый проигрыш... Только труд, не то, что за него было заплачено, является на ряду с ним (наряду с потребленным основным капиталом) элементом издержек производства. Труд есть жертва. Чем больше его затрачено в одной отрасли труда, тем меньше в другой. Если он применяется в невыгодных предприятнях, то нация, следовательно, страдает от растраты важнейшего источника богатства... Оплата труда не образует элемента издержек“ (стр. 142, 143).

Это совершенно правильно, что труд, не [оплата] труда, не заработная плата, считается элементом ценности.

Реальный процесс воспроизводства Рамзэй описывает правильно:

„Как относятся друг к другу продукт и употребленный для его производства запас товаров (stock)?... Если рассматривать всю нацию, тогда ясно, что все различные элементы издержанного запаса товаров должны быть воспроизведены в той же или в другой отрасли производства, чтобы промышленность страны не пострадала. Сырой материал промышленности, употребленные в ней и в земледелии орудия, крупные машины, которые применяются в промышленности, здания, которые требуются для производства и хранения продуктов,—все они должны составлять части всей выручки страны, как они представляют авансы всех ее капиталистических предпринимателей. Поэтому величина первой может быть сравниваема с величиной последних; при этом можно было бы представить себе, что каждый продукт стоял бы рядом с другим такого же рода продуктом“ (стр. 133, 139).

Иначе обстоит дело, если рассматривать его с точки зрения индивидуального капиталиста, а не нации. Он обычно не возмещает различных элементов своего капитала *in natura*:

„Значительно большую часть (потребленных при производстве вещей) он должен получить путем обмена, для чего требуется известное количество продукта. Поэтому и получается, что каждый индивидуальный капиталистический предприниматель больше имеет в виду меновую ценность своего продукта, чем его количество“ (стр. 145, 146).

Это [противопоставление индивидуального капиталиста классу капиталистов здесь представляет] неправильную абстракцию. [Нация отождествляется с классом капиталистов]. Весь класс оперирует совершенно так же, как индивидуальный капиталист. Обе точки зрения

[которые Рамзэй здесь противопоставляет друг другу] различаются только тем, что одна обращает внимание и изолирует потребительную ценность, другая меновую ценность.

Чем больше ценность его продукта превышает ценность авансированного капитала, тем больше его прибыль. Он, следовательно, будет оценивать ее посредством сравнения ценности с ценностью, а не посредством сравнения количества с количеством. Это первое различие, которое нужно отметить, между нациями и индивидуумами в способе вычисления прибыли¹⁾.

Второе различие заключается в том, что капиталистический предприниматель, который всегда авансирует рабочему заработную плату, вместо того, чтобы ему ее давать из изготовленного товара, рассматривает эту авансированную сумму так же, как потребленный основной капитал, как часть своих издержек; хотя заработная плата, с точки зрения нации, не служит элементом издержек²⁾. Его норма прибыли, следовательно, будет зависеть от излишка ценности его продукта сверх ценности примененного капитала, основного и оборотного³⁾. (I. c., стр. 146).

3. Постоянный капитал и норма прибыли.

Заслуга Рамзэя состоит в том, что, во-первых, он возражает против ошибочного взгляда, который со времени А. Смита стал общераспространенным мнением, что ценность всего продукта сводится к различным видам дохода; во-вторых, что он дает двойное определение нормы прибыли; она у него определяется, во-первых, нормой заработной платы, то-есть нормой прибавочной ценности, и, во-вторых, постоянным капиталом. Но он впадает в ошибку, противоположную той, какую делает Рикардо. Рикардо хочет насильственно уравнять норму прибавочной ценности и норму прибыли. Совершенно иначе поступает Рамзэй. Двойное определение нормы прибыли, нормой прибавочной ценности и ценностью постоянного капитала, он ошибочно рассматривает, как два параллельных обстоятельства, которые определяют норму прибыли. Он не видит превращения, которому подвергается прибавочная ценность, прежде чем она становится прибылью. Поэтому если Рикардо старается насильственно свести норму прибыли к норме прибавочной ценности,

1) И нация, которая ведь представляет нечто другое, чем совокупность капиталистов, может сравнивать ценность с ценностью в этом отношении. Она может сосчитать все рабочее время, необходимое для возмещения потребленной части постоянного капитала и всех частей продукта, которые вошли в личное потребление; а также рабочее время, необходимое для создания прибавочной ценности, которая идет на расширение производства.

2) В действительности и это различие отпадает во всем процессе воспроизводства. Капиталист всегда выдает [заработную плату] из изготовленного товара; то-есть из товара, произведенного рабочим вчера, он завтра даст ему заработную плату; или он дает ему в виде заработной платы в действительности лишь ассигновку на продукты, которые должны быть изготовлены в будущем или почти готовы в тот момент, когда они покупаются. Аванс исчезает, как одна только видимость, в воспроизводстве, то-есть, в непрерывности процесса производства.

3) Так же обстоит дело и с „национальной точки зрения“. Прибыль капиталистического предпринимателя всегда зависит от того, что он сам платит за продукт, независимо от того, готов ли он к тому времени, когда он выдает заработную плату, или нет.

чтобы она соответствовала теории ценности, то Рамзэй сводит прибавочную ценность к прибыли. Мы увидим далее, что его способ объяснения влияния ценности постоянного капитала на норму прибыли совершенно неудовлетворителен, или ошибочен.

„Прибыль должна возрастать или падать в такой же точно степени, в какой падает или возрастает часть валового продукта или его ценности, которая требуется для возмещения необходимых затрат. Следовательно, прибыль зависит от двух обстоятельств: 1) от части всего продукта, которая достается рабочим; 2) от части, которая должна быть отложена, чтобы возместить основной капитал *in natura* или путем обмена“ (стр. 147, 148).

Итак, другими словами, [норма прибыли зависит] от излишка ценности продукта сверх суммы оборотного и основного капитала; следовательно, от отношения, во-первых, оборотного капитала и, во-вторых, основного капитала к ценности всего продукта. Если мы знаем, откуда получается этот излишек, то дело обстоит просто. Но если мы только знаем, что прибыль зависит от отношения прибавочной ценности к этим издержкам, то мы можем иметь самое ошибочное представление о происхождении этого излишка; например, можем вообразить себе, подобно Рамзэю, что он отчасти получается из основного (постоянного) капитала.

„Несомненно, что облегчение производства различных вещей, которые входят в состав основного капитала, приводит к тому, что благодаря уменьшению этой части норма прибыли повышается; совершенно так же, как в предыдущем случае, это было вызвано увеличением выручки, состоящей из элементов оборотного капитала, который служит для содержания труда“ (стр. 164).

Например, у арендатора:

„Как бы велика или мала ни была валовая выручка, количество ее, которое требуется для возмещения того, что было потреблено в этих различных видах (основного капитала, поскольку он является результатом собственного производства, как корм, семена, материал для орудий. К.), не может подвергаться каким либо изменениям. Это количество должно считаться постоянным, пока производство продолжается в тех же размерах. Чем больше, следовательно, вся выручка, тем меньше часть целого, которую арендатор должен отложить для упомянутых целей“ (стр. 166).

Чем легче арендатор, который производит средства питания и сырой материал, как лен, овес, дерево и т. д., их может воспроизвести, тем больше растет его прибыль. Прибыль арендатора будет расти благодаря возрастанию количества его продукта, сумма ценности которого остается той же; из него он должен взять небольшую часть и потому меньшую ценность, чтобы снова создать различные элементы основного капитала, которые арендатор может сам себе произвести. Но промышленник выигрывает благодаря тому, что весь его продукт обладает большей покупательной силой (стр. 167).

Предположим, жатва равна 100 кварталам. И посев составляет 20 кварталов, — следовательно, одну пятую жатвы. Предположим, в следующем году жатва удвоилась (причем труд затрачен тот же); она составляет теперь 200 кварталов; если остается та же ступень про-

изводства, то посев попрежнему требует 20 кварталов, что теперь, однако, составляет одну десятую жатвы. Но нужно принять в соображение, что ценность 100 кварталов равняется ценности 200; следовательно, 1 квартал первой жатвы имеет ту же ценность, что и 2 квартала последней. В первом случае осталось 80 кварталов, во втором 180. Так как дело касается не заработной платы, раз мы говорим о влиянии изменения ценности постоянного капитала на норму прибыли, то предположим, что ценность заработной платы остается та же. Следовательно, если она составляет 20 кварталов в первом случае, то она равна 40 кварталам во втором случае. Предположим наконец, что другие ингредиенты постоянного капитала, которых арендатор не воспроизводит *in natura*, составляли по ценности 20 кварталов в первом случае, следовательно, 40 в последнем. Мы тогда имеем следующий расчет:

1. Продукт = 100 кварталам. Посев = 20 кварталам. Другой постоянный капитал = 20 кварталам. Заработная плата = 20 кварталам. Прибыль 40 кварталов.

2. Продукт = 200 кварталам. Посев = 20 кварталам. Другой постоянный капитал = 40 кварталам. Заработная плата = 40 кварталам. Прибыль 100 кварталов = 50 кварталам первого случая. Следовательно, получилось бы 10 кварталов сверхприбыли. Здесь вследствие изменения ценности постоянного капитала увеличилась бы не [только] норма прибыли, но и самая прибыль. Хотя заработная плата в первом и втором случае осталась та же, отношение прибыли к заработной плате, то-есть норма прибавочной ценности возрасла бы. Но это одна видимость. Прибыль состояла бы 1) из 80 кварталов = 40 кварталам первого случая, и отношение к заработной плате здесь было бы то же самое; 2) из 20 кварталов = 10 кварталам первого случая, которые превратились бы из постоянного капитала в доход.

Но правильный ли это расчет? Мы должны предположить, что результат второго случая относится к жатве, которая получается, несмотря на то, что работа производится при условиях первого случая. Для ясности предположим, что квартал составляет в первом случае 2 ф. ст. Арендатор, следовательно, затратил на жатву, которая ему доставила 200 кварталов:

20 кварталов посева (40 ф. ст.), 20 кварталов другого постоянного капитала (40 ф. ст.), 20 кварталов заработной платы (40 ф. ст.). Вместе 120 ф. ст., и продукт равен 200 кварталам. В первом случае он также затратил 120 ф. ст. (60 кварталов), и продукт 100 кварталов равняется 200 ф. ст. Остается прибыли 80 ф. ст. или 40 кварталов. [Так как примененный в этом случае труд создает ценность в 120 ф. ст. — 40 ф. ст. возмещение заработной платы и 80 ф. ст. прибавочной ценности, — то эти 120 ф. ст. вместе с ценностью постоянного капитала в 80 ф. ст., перешедшей в ценность продукта, составляют сумму

ценности в 200 ф. ст.] ¹⁾. Остается, следовательно, также лишь 80 ф. ст. прибыли, которые однако равны теперь 140 квартирам. Следовательно, квартал составляет, только $\frac{4}{7}$ ф. ст., а не 1 ф. ст. Или ценность квартала понизилась бы с 2 до $\frac{4}{7}$, следовательно, на $1\frac{3}{7}$, но не с 2 до 1 или только вдвое, как предположено было выше во втором случае в противоположность первому.

Весь его продукт равен 200 квартирам = 200 ф. ст. Но из них 120 ф. ст. возмещают 60 кварталов, которые он затратил, и из которых ему каждый стоит 2 ф. ст. Остается, следовательно, 80 ф. ст. прибыли, которые равны остающимся 140 квартирам. Как это получается? Квартал теперь равняется 1 ф. ст., но затраченные на производство 60 кварталов стоили по 2 ф. ст. Они ему стоят столько же, как если бы он из новых кварталов затратил 120. Остающиеся 140 кварталов, следовательно, равны 80 ф. ст., или представляют не большую ценность, чем раньше остающиеся 40. Он, правда, продает каждый из 200 кварталов по 1 ф. ст. (когда он продает весь свой продукт). И получает таким образом 200 ф. ст. Но из этих 200 кварталов 60 ему стоили по 2 ф. ст. каждый; остающиеся доставляют ему поэтому лишь $\frac{4}{7}$ ф. ст.

[Если арендатор теперь снова тратит 20 кварталов посева (равных 20 ф. ст.), 40 кварталов заработной платы (40 ф. ст.) и 40 кварталов другого постоянного капитала (40 ф. ст.), следовательно, всего 100 кварталов вместо прежних 60, и он получает 200 кварталов, то ценность этих 200 кварталов теперь падает на 20 ф. ст., так как в ценность всего продукта теперь входит постоянный капитал, ценность которого меньше на 20 ф. ст. Эти 200 кварталов содержат теперь ценности: 20 ф. ст. посева, 40 ф. ст. другого постоянного капитала и 120 ф. ст. вновь созданной ценности, вместе 180 ф. ст. Ценность квартала падает до $\frac{9}{10}$ ф. ст. Из всей ценности 100 ф. ст. образуют возмещение затраченного капитала.

Расчет был бы, следовательно, следующий.

1 случай. Продукт: 100 кварталов = 200 ф. ст., издержки 120 ф. ст., прибыль 80 ф. ст., норма прибыли $66\frac{2}{3}$ процента.

2 случай. Продукт: 200 кварталов = 200 ф. ст., издержки 120 ф. ст., прибыль 80 ф. ст., норма прибыли $66\frac{2}{3}$ процента.

3 случай. Продукт: 200 кварталов = 180 ф. ст., издержки 100 ф. ст., прибыль 80 ф. ст., норма прибыли 80 процентов.

Ценность продукта понизилась бы и все же норма прибыли возросла бы] ²⁾.

¹⁾ В оригинале сказано: „Так как эти 200 кварталов представляют продукт того же труда, то они также равны 200 ф. ст.“ К.

²⁾ В оригинале здесь сказано:

„Если он теперь снова затрачивает 20 кварталов (= 10 ф. ст.), 40 кварталов заработной платы (= 20 ф. ст.) и 40 кварталов другого постоянного капитала (= 20 ф. ст.), следовательно всего 100 кварталов, вместо прежних 60, и

Возрастание нормы прибыли получается во всяком случае не оттого, что ценность остается та же, как предполагает Рамзэй. Так как часть затраченного труда изменилась, именно та, которая содержится в постоянном капитале (здесь в семенах), то ценность продукта падает, если остается та же ступень производства; подобно тому как падает ценность 100 фунтов пряжи, когда дешевеет содержащаяся в них хлопчатая бумага. Но отношение переменного капитала к постоянному возрастает (однако ценность переменного капитала не повышается). Или вся сумма затраченного капитала уменьшается в сравнении с излишком. Отсюда возрастание нормы прибыли.

Если бы то, что говорит Рамзэй, было верно, если бы ценность осталась та же, то возрасла бы прибыль, сумма прибыли, а потому и норма прибыли. О повышении только нормы и речи не могло бы быть.

Но вопрос для специального случая еще не решен. Этот специальный случай так выражается в земледелии: определенное количество посева по старой цене продукта фигурирует в жатве, и эта часть вошла *in natura* в жатву. Остальные расходы покрываются продажей хлеба по его старой цене. С этими старыми затратами продукт удваивается. Следовательно, например, в вышеприведенном случае при 20 квартерах посева (40 ф. ст.) (и остальные затраты = 40 квартерам = 80 ф. ст.) собрано теперь вместо 100 кварталов, как в прежней жатве, 200 кварталов. Расход при этой жатве абсолютно тот же, как и при старой = 60 квартерам, ценность которых была 120 ф. ст.; но вместо 40 кварталов излишка имеется излишек в 140 кварталов. *In natura* здесь излишек значительно возрос. Но так как затраченный труд в обоих случаях тот же, то эти 200 кварталов не стоят больше прежних 100. Следовательно, 200 ф. ст. Или квартал пал с 2 ф. ст. до 1 ф. ст. Но так как излишек составляет 140 кварталов, то казалось, что он должен равняться 140 ф. ст., ибо один из этих кварталов стоит ровно столько же, сколько и другой.

он производит 200, то эти 200 не имеют той же ценности, какую раньше имели 100. Хотя он применил столько же живого труда, как и раньше, и ценность переменного капитала поэтому та же, что и раньше, также *surplus produce*. Но он затратил меньше овеществленного труда, так как те же 20 кварталов, которые раньше равнялись 20 ф. ст., теперь равны лишь 10. Расчет получается, следовательно, следующий:

Постоянный капитал.	Переменный капитал.	Прибавочная ценность.
1. 20 кв. = 20 ф. ст. посева	20 кв. (20 ф. ст.)	40 кв. (40 ф. ст.)
20 " = 20 " " инструмент. и т. д.		
2. 20 " = 10 " " посева	40 " (20 " ")	80 " (40 " ")
40 " = 20 " " инструмент. и т. д.		

Продукт в первом случае 100 кв. = 100 ф. ст.

Продукт во втором случае 180 кв. = 90 ф. ст.

Однако, норма прибыли возросла бы; ибо в первом случае 40 ф. ст. на затрату в 60 ф. ст. и во втором 40 на затрату в 50. Первое $66\frac{2}{3}$ процента. Второе 80 процентов". К.

Пример оказывается наиболее простым тогда, если мы его сначала рассматриваем независимо от процесса воспроизводства и предполагаем, что арендатор оставляет свое дело и продает весь свой продукт. Тогда действительно, чтобы покрыть (вернуть себе) свою затрату в 120 ф. ст., он должен продать 120 кварталов. Это покрывает авансированный капитал. Остается, следовательно, 80 кварталов излишка, а не 140, и так как эти 80 кварталов равны 80 ф. ст., то они стоят абсолютно столько же, как и излишек в первом случае.

Однако при воспроизводстве дело несколько меняется. Именно, арендатор возмещает из своего собственного продукта *in natura* эти 20 кварталов посева. В продукте они ему возмещены 40 кварталами. Но в воспроизводстве он должен за них попрежнему заплатить *in natura* лишь 20 кварталов. Его остальные затраты растут соответственно удешевлению квартала, если заработная плата не падает. Чтобы возместить остальную часть постоянного капитала, ему теперь нужно 40 кварталов вместо прежних 20; и чтобы возместить заработную плату также 40 вместо 20. Он должен всего затратить 100 кварталов там, где он раньше тратил 60; но он не должен затрачивать 120 кварталов, что соответствовало бы удешевлению хлеба, так как те 20 кварталов, которые стоили 40 ф. ст., он теперь возмещает 20 кварталами (потому что здесь имеет значение только их потребительная ценность), которые стоят 20 ф. ст. Следовательно, он, очевидно, выиграл эти 20 ф. ст. И его излишек составляет не 80 ф. ст., а 100 ф. ст.; он равняется не 80 кварталам, а 100. (Если выразить в кварталах прежней ценности, не 40, а 50). Это несомненный факт; и если рыночная цена не падает благодаря излишку, то арендатор может продать еще 20 кварталов по новой ценности и выигрывает 20 ф. ст. Именно он в связи с воспроизводством получил эти 20 ф. ст. излишка на ту же затрату, так как труд стал более производителен, меж тем как норма прибавочной ценности не повысилась; или рабочий не создал большего количества прибавочного труда, чем прежде; или он не получил меньшей доли из воспроизведенной части продукта (представляющей живой труд). Предполагается, наоборот, что при воспроизводстве рабочий получает 40 кварталов, если раньше он получал лишь 20. Это, следовательно, своеобразное явление. Оно не происходит без воспроизводства, но оно происходит в связи с воспроизводством; и происходит потому, что арендатор возмещает часть своих затрат *in natura*. Здесь возросла бы не только норма прибыли, но и прибыль.

Что касается самого процесса воспроизводства, то арендатор может его продолжать или в прежних размерах,—и тогда, если снова получается такой же хороший урожай, продукт падает в цене, так как часть постоянного капитала стоила дешевле, но норма прибыли повышается; или он может повысить степень своего производства, засеять больше при тех же затратах,—и тогда повышается прибыль и норма прибыли.

Возьмем теперь [вместо сельского хозяина] фабриканта. Предположим, он затратил 100 ф. ст. на производство пряжи. Прибыль 20 ф. ст. Следовательно, продукт равен 120 ф. ст. Издержки на хлопчатую бумагу составляли 80 ф. ст. Если теперь хлопчатая бумага падает на половину, то фабрикант должен затратить только 40 ф. ст. на хлопчатую бумагу и 20 ф. ст. на остальное; следовательно, 60 ф. ст. Прибыль равна попрежнему 20, весь продукт равен 80 ф. ст. (если промышленник не расширяет своего производства). 40 ф. ст. [которые он до сих пор должен был затратить в виде капитала] остаются, следовательно, у него в кармане; он их может израсходовать или употребить в виде добавочного капитала. Тогда он по новому масштабу затратил бы $26\frac{2}{3}$ ф. ст. на хлопчатую бумагу и $13\frac{1}{3}$ ф. ст. на труд и т. д. И прибыль равнялась бы $13\frac{1}{3}$ ф. ст. Весь продукт составлял бы теперь $= 60 + 20 + 40 + 13\frac{1}{3} = 133\frac{1}{3}$ ф. ст. [Прибыль повышается с 20 ф. ст. до $33\frac{1}{3}$, норма прибыли с 20 процентов до $33\frac{1}{3}$ процента].

[Это возрастание] объясняется, следовательно, не тем, что арендатор возмещает свой посев *in natura*, так как фабрикант покупает свою хлопчатую бумагу и не возмещает ее из своего собственного продукта. Явление сводится к следующему: освобождается часть той доли капитала, которая раньше была связана в виде постоянного капитала; или часть капитала превращается в доход. Если [при новых условиях производства] затрачивается в процессе воспроизводства такой же точно капитал, как раньше, то получается то же самое, как если бы на старой ступени производства применен был добавочный капитал. Это, следовательно, своего рода накопление, которое получается благодаря повышению производительности отраслей промышленности, которые доставляют ингредиенты постоянного капитала. Однако, падение цены сырых материалов, которое обусловлено хорошим урожаем, уравнивается плохими урожаями, когда цена сырого материала снова повышается. Капитал, освобождающийся таким образом при одном или нескольких урожаях, поэтому является своего рода резервным капиталом для других [времен]. Фабрикант, например, [основной капитал которого имеет период обращения в] 12 лет, должен устроиться так, что в течение этих 12 лет он может продолжать производство по крайней мере в тех же размерах. Нужно, следовательно, принять в расчет то, что цены [сырого материала, который должен быть замещен] колеблются и выравниваются в течение более или менее длинного ряда лет.

Действие, противоположное тому, которое оказывает удешевление ингредиентов, производит возрастание их цен. Переменный капитал мы здесь оставляем в стороне, хотя при падении заработной платы нужно затратить меньше по ценности переменного капитала, при ее повышении, — больше. Если работа продолжается на старой ступени, то необходимо затратить больший капитал. Следовательно, несмотря на паде-

ние нормы прибыли, должен быть применен резервный капитал, или часть дохода должна быть превращена в капитал, не действуя, как добавочный капитал. В одном случае происходит накопление, хотя ценность авансированного капитала осталась та же, но его вещественные составные части возросли. Норма возрастания ценности повышается, и абсолютная прибыль растет, так как это представляет то же самое, как если бы добавочный капитал был вложен на старой ступени производства. В другом случае происходит накопление постольку, поскольку возросла ценность авансированного капитала, часть ценности всего продукта, функционирующая, как капитал. Но вещественные составные части капитала не увеличились. Норма прибыли падает. Сумма прибыли падает лишь тогда, когда занято не то же количество рабочих, или когда их заработная плата также повысилась.

Вышеупомянутое явление превращения капитала в доход должно быть отмечено, так как оно создает видимость независимой от суммы прибавочной ценности увеличения (или в противоположном случае также уменьшения) суммы прибыли. Мы видели, как при известных условиях это явление может служить объяснением части ренты.

В упомянутом случае, если те 20 лишних кварталов, равных 20 ф. ст., не употреблены тотчас же для расширения производства, то-есть если они не употребляются для накопления, освобождается денежный капитал в 20 ф. ст. И здесь имеем пример, как может осаждаться из воспроизводства лишний денежный капитал, хотя сумма ценности товара осталась та же. Благодаря превращению части капитала, который раньше существовал в виде основного (постоянного), в денежный капитал.

Как мало указанное выше явление связано с определением нормы прибыли, выясняется, если представить себе арендатора или фабриканта, который начинает свое дело при новых условиях производства. Прежде ему понадобился бы капитал в 120 ф. стерл., чтобы начать дело, 40 ф. стерл. для покупки 20 кварталов семян, 40 ф. стерл. для других ингредиентов постоянного капитала, 40 ф. стерл. для заработной платы. Его прибыль составляла бы 80 ф. стерл. на затрату в 120 ф. стерл. = $66\frac{2}{3}$ процентам.

Теперь ему нужно затратить 20 ф. стерл. для покупки 20 кварталов семян, 40 ф. стерл. на другой постоянный капитал, 40 ф. ст. на заработную плату, так что его затрата капитала составляет 100 ф. стерл. Если прибыль остается 80 ф. стерл., то это дает 80 процентов. Сумма прибыли остается та же, но ее норма повысилась на 20 процентов. Мы видим, следовательно, что падение ценности или цены семян само по себе не имеет отношения к увеличению прибыли, но оно только включает в себе это увеличение.

Впрочем, арендатор в одном случае, фабрикант в другом случае будет это рассматривать таким образом, что не его прибыль увеличи-

лась, а что освободилась часть связанного раньше в производстве капитала. И именно благодаря следующему простому расчету. Раньше авансированный в производстве капитал составлял 120 ф. стерл., теперь 100 ф. стерл., меж тем как 20 ф. стерл. находятся в кармане арендатора в виде свободного капитала, в виде денег, которые могут быть вложены куда-нибудь. Значит, его капитал в обоих случаях равняется 120 ф. стерл.; величина его, следовательно, не изменилась. Освобождение шестой части капитала из его связанной с процессом воспроизводства формы действует во всяком случае, как добавочный капитал.

Рамзэй не выяснил этого глубже, так как он вообще не выяснил отношения ценности, прибавочной ценности и прибыли.

Правильно развивает Рамзэй, как машины и т. д., поскольку они влияют на переменный капитал, действуют на прибыль и норму прибыли. Именно посредством уменьшения ценности рабочей силы, посредством увеличения относительного прибавочного труда или также, если рассматривать весь процесс воспроизводства, посредством уменьшения той части валовой выручки, которая должна заместить заработную плату.

„Увеличение или уменьшение производительности промышленности, которая служит для производства товаров, не входящих в состав основного капитала, не может иметь влияния на норму прибыли, за исключением того случая, когда оно изменяет часть всего продукта, которая служит для содержания труда“ (стр. 168).

„Если фабрикант благодаря усовершенствованию машин и разделению труда удваивает свои продукты..., то ценность его продуктов должна в конце концов понизиться в такой же степени, в какой увеличилось их количество ¹⁾... Промышленник будет в состоянии употребить на одежду своих рабочих меньшую часть всей своей выручки... и благодаря этому его прибыль будет возрастать. Другого способа влияния на прибыль не может быть“ (стр. 168, 169).

Арендатор выигрывает от увеличения производительности индустрии также лишь постольку, поскольку часть его затрат заключается в одежде рабочих, и он ее может теперь получить дешевле; следовательно, так же, как промышленник.

Изменение ценности ингредиентов постоянного капитала действует на норму прибыли, так как это влияет на отношение прибавочной ценности ко всему затраченному капиталу. Наоборот, изменение заработной платы непосредственно влияет на норму прибавочной ценности. Предположим, например, в вышеприведенном случае, что цена семян (например, допустим, арендатор возделывает лен) 40 ф. ст. (20 кварталов) осталась бы та же, также 40 ф. ст. (20 кварталов) для остатка постоянного капитала, но заработная плата,

¹⁾ При предположении, что действительно, считая также изнашивание машин, удвоенное количество стоит не больше, чем раньше половина. Иначе ценность падает, но не соответственно [увеличению] их количества. Их количество может удвоиться, и все же ценность единичного товара, в зависимости от ценности всего продукта, может пасть лишь с 2 до $1\frac{1}{4}$ и т. д., а не с 2 до 1.

т.-е. плата для того же числа рабочих—понижилась, предположим, с 40 ф. стерл. до 20 (с 20 кварталов до 10). В этом случае сумма [вновь созданной] ценности, которая равна заработной плате плюс прибавочная ценность, остается та же. Так как число рабочих остается то же, то их ценность попрежнему реализуется в ценности, равной 40 ф. стерл. + 80 ф. стерл. = 120 ф. стерл. Но из этих 120 ф. ст. теперь приходится на рабочих 20 ф. стерл. и на прибавочную ценность 100 ф. стерл.

Именно здесь предполагается, что не произошло усовершенствования, которое влияет на число рабочих, занятых в этой отрасли производства.

Авансированный капитал составляет теперь 100 фунт. стерл. вместо 120, как в том случае, где ценность семян понизилась на половину. Но прибыль составляет теперь 100 ф. стерл., следовательно, 100 процентов, меж тем как в другом случае, где затраченный капитал тоже уменьшился со 120 до 100, она составляла 80 процентов. И как в том случае освободилось 20 ф. стерл. или шестая часть капитала. Но в одном случае прибавочная ценность осталась та же, 80 ф. стерл. Следовательно. ее норма составляла 200 процентов, так как на заработную плату приходилось 40 ф. стерл. В другом случае [норма прибыли] возрастает до 100, следовательно, [норма прибавочной ценности] до 500 процентов, так как на заработную плату приходится 20 ф. стерл.

Здесь повысилась не только норма прибыли, но и самая прибыль, так как возрасла норма прибавочной ценности, а потому и самая прибавочная ценность. Этим отличается этот случай, чего Рамзэй не видит, от другого. [Возрастание прибыли должно всегда получаться при повышении нормы прибавочной ценности], если то возрастание не парализуется соответствующим уменьшением нормы прибыли, вследствие одновременного изменения ценности постоянного капитала.

Предположим, например, что затраченный капитал составляет 120 ф. ст., прибыль 80 ф. ст., следовательно, $66\frac{2}{3}$ процента. В нашем случае затраченный капитал теперь понижается [вследствие падения заработной платы] до 100 ф. ст., прибыль повышается до 100 ф. ст. = 100 процентам. Но если бы, благодаря изменению цены постоянного капитала, издержки повысились со 100 ф. ст. до 150, то прибыль, возросшая с 80 ф. ст. до 100, представляла бы снова лишь норму прибыли в $66\frac{2}{3}$ процента.

„Товары, которые не входят в производство ни основного, ни оборотного капитала, не могут способствовать изменению прибыли, вследствие какого-либо изменения производительности труда в их производстве. Такие товары представляют всякого рода предметы роскоши“ (стр. 169, 170).

„Капиталистические предприниматели выигрывают от избытка (предметов роскоши), так как их прибыль будет распоряжаться большим количеством этих предметов для их частного потребления; но на норму прибыли не будет влиять ни излишек, ни недостаток предметов роскоши“ (стр. 171).

Прежде всего нужно заметить, что часть предметов роскоши может входить [в процесс производства], как ингредиент постоянного капитала. Как, например, виноград в вино, золото в предметы роскоши, алмаз в шлифованье стекла и т. д. Однако, Рамзэй исключает этот случай, говоря: Товары, которые не входят в производство основного капитала. Но тогда ошибочно следующее предложение: „Такие товары представляют всякого рода предметы роскоши“. Производительность промышленности, создающей предметы роскоши, может, однако, расти только, как во всех других отраслях промышленности, или благодаря тому, что богатство естественных хранилищ, как мин, земли и т. д., откуда получают сырые материалы предметов роскоши, возрастает; или найдены более богатые хранилища этого рода; или благодаря применению разделения труда; или же и, главным образом, благодаря применению машин, лучших орудий и сил природы: мы не должны забывать химических процессов. Улучшения в виде дифференцирования орудий относятся к разделению труда.

Предположим теперь, что благодаря машинам (или химическим процессам) время производства предметов роскоши сокращено; требуется меньше труда для их производства. На заработную плату, на ценность рабочей силы это не может оказать ни малейшего влияния, так как эти предметы не входят в потребление рабочих, по крайней мере, не в ту часть их потребления, которая определяет ценность их рабочей силы.

На рыночную цену рабочих это может влиять, если рабочие вследствие этого выбрасываются на улицу, и предложение на рабочем рынке увеличивается.

Это не оказывает никакого влияния на норму прибавочной ценности, следовательно, и на норму прибыли, поскольку последняя определяется нормой прибавочной ценности. Но оно может во всяком случае влиять на норму прибыли, поскольку изменяется или сумма прибавочной ценности, или отношение переменного капитала к постоянному и ко всему капиталу. Если, например, машины позволяют применить 10 рабочих [в производстве предметов роскоши], где раньше их было 20, то норма прибавочной ценности ни в каком случае не изменится. Удешевление предметов роскоши не дает рабочему возможности жить дешевле. Ему нужно по-прежнему то же самое рабочее время для воспроизводства рабочей силы.

На самом деле поэтому фабрикант предметов роскоши старается сократить заработную плату ниже ее ценности, ее минимума, что для него становится возможным благодаря относительному перенаселению, которое создает повышение производительности в других отраслях промышленности. Например, у швеек. Или, что то же имеет место в этих отраслях, он старается удлинить абсолютное рабочее время, когда он, действительно, создает абсолютную приба-

вочную ценность. Только факт тот, что [повышение] производительности в производстве предметов роскоши не может понизить ценности рабочей силы; не может создать относительной прибавочной ценности; вообще не может создать вида прибавочной ценности, которая обусловлена повышением производительности промышленности, как таковой.

Но сумма прибавочной ценности определяется двояким образом: нормой прибавочной ценности, то-есть абсолютным или относительным прибавочным трудом отдельного рабочего; во-вторых, количеством одновременно занятых рабочих. Поскольку, следовательно, возрастание производительности промышленности, создающей предметы роскоши, уменьшает число рабочих, занятых определенной суммой капитала, она уменьшает сумму прибавочной ценности. Следовательно, при прочих равных условиях, порту прибыли. Уменьшение нормы прибыли происходит также, когда число рабочих остается то же, но капитал, вложенный в машины и сырой материал, возрастает; следовательно, при каждом уменьшении переменного капитала в сравнении со всем капиталом, которое здесь не компенсируется или не парализуется отчасти понижением заработной платы. Но так как норма прибыли этой отрасли так же входит в уравнивание всеобщей нормы прибыли, как и норма прибыли всякой другой отрасли производства, то повышение производительности промышленности, создающей предметы роскоши, вызвало бы здесь падение всеобщей нормы прибыли.

Наоборот. Если бы производительность промышленности, создающей предметы роскоши, повысилась не в ней самой, а в отраслях, доставляющих ей постоянный капитал, то возрасла бы норма прибыли в промышленности, производящей предметы роскоши¹⁾.

Прибавочная ценность (то-есть ее величина, масса, вся сумма ее) определяется нормой прибавочной ценности, умноженной на число занятых рабочих. Обстоятельства могут влиять одновременно на оба фактора в одном и том же направлении, или в противоположном направлении, или только на один из факторов. Независимо от удлинения рабочего дня, производство предметов роскоши, при повышении его производительности, влияет только на число [занятых рабочих]. Следовательно, необходимым следствием этого является уменьшение суммы прибавочной ценности и потому нормы прибыли, даже если бы постоянный капитал не возрастал. Если последний растет, то уменьшенная прибавочная ценность вычисляется на увеличенный капитал.

Рамзэй ближе других подошел к правильному пониманию нормы прибыли. Поэтому, яснее выступает неудовлетворительность его теории. Он выдвигает все пункты, но односторонне и потому ошибочно. Рамзэй резюмирует свой взгляд на прибыль таким образом:

¹⁾ В манускрипте стоит не „промышленности, производящей предметы роскоши“, а: „ее“. К.

„Норма прибыли, следовательно, для отдельного капиталиста определяется при разделении труда следующими причинами: 1. производительностью промышленности в отраслях, в которых производятся необходимые средства существования, требуемые для питания, одежды рабочих и т. д.; 2. производительностью промышленности, занятой производством вещей, которые входят в состав основного капитала; 3. нормой реальной заработной платы (это здесь должно означать количество средств существования и т. д., которые получает рабочий, какова бы ни была цена этих предметов. М.). Изменение в первом и третьем из этих случаев должно влиять на прибыль благодаря изменению той части всего продукта, которая приходится рабочему. Изменение во втором случае влияет на прибыль благодаря изменению части, требуемой для того, чтобы возместить, непосредственно или путем обмена, основной капитал, потребленный в производстве; ибо прибыль представляет в сущности вопрос об относительной части“ (стр. 172).

Рамзэй справедливо обвиняет Рикардо в следующем, хотя его собственное понимание также неудовлетворительно:

„Рикардо забывает, что весь продукт делится не только между заработной платой и прибылью, но часть необходима также для возмещения основного капитала“ (стр. 174, прим.).

4. Проценты и предпринимательская прибыль.

Рамзэй называет валовой прибылью (Gross profit) то, что я называю просто прибылью. Он делит эту валовую прибыль на чистую прибыль (Net profit, проценты) и предпринимательскую прибыль, profit of enterprise, предпринимательский доход, промышленную прибыль¹⁾.

Относительно падения средней нормы прибыли Рамзэй полемизирует, подобно Рикардо, с Адамом Смитом. Он возражает Адаму Смиту: Конкуренция капиталистических предпринимателей может, правда, понизить прибыль, превышающую [обычный] уровень [в особой отрасли производства], до этого уровня²⁾; но не верно, что самый этот обычный уровень будто бы падает [благодаря конкуренции капиталистических предпринимателей] (стр. 179, 180).

„Если бы возможно было, чтобы цена каждого товара, сырого материала и фабричных изделий, падала вследствие конкуренции между производителями, то это ни в коем случае не могло бы влиять на прибыль. Каждый предприниматель продавал бы свой продукт за меньшее количество денег, но, с другой стороны, в то же время каждый предмет его затрат, безразлично, относится ли он к основному или оборотному капиталу, стоил бы ему соответственно меньше“ (стр. 180, 181).

¹⁾ Почти одновременно с „Essays on the Distribution of Wealth“ Рамзэя, где подробно говорится о делении прибыли на „предпринимательскую прибыль“ и „чистую прибыль“ на капитал (проценты), появилось произведение господина Сеньора „Outline of the science of political economy“ (1835). [Там] Сеньор открыл будто бы то деление, которое уже было известно в 1821 и 1822 г.г., это объясняется только тем, что Сеньор, как простой апологет существующего, и потому вульгарный экономист, очень близко стоит к симпатиям господина Рошера.

²⁾ Этого уравнивания отнюдь недостаточно для объяснения средней нормы прибыли.

Таким же образом он возражает Мальтусу:

„Мысль, что прибыль оплачивается потребителями, конечно, в высшей степени абсурдна. Кто эти потребители? Это должны быть или землевладельцы, или капиталисты, мастера, наемные рабочие, или люди, получающие жалованье, и т. д. (стр. 183).

„Единственная конкуренция, которая может влиять на всеобщую норму валовой прибыли, это конкуренция между предпринимателями и наемными рабочими“ (стр. 206).

В этом последнем предложении дано правильное выражение Рикардовой теории. Норма прибыли может падать независимо от конкуренции между капиталом и трудом; но единственной конкуренцией, благодаря которой она может падать, является эта конкуренция. Однако, сам Рамзей не указывает нам причины того, что всеобщая норма прибыли имеет тенденцию к падению. Он только говорит—и это верно—что норма процента может падать совершенно независимо от нормы валовой прибыли в стране, а именно:

„Даже при предположении, что капитал никогда будто бы не одалживается иначе, как для производительного применения, все же было бы возможно, что проценты изменятся без какого-либо изменения в норме валовой прибыли. Ибо, с возрастанием богатства страны появляется и все больше и больше растет класс людей, которые, благодаря стараниям (эксплуатации, грабежу. М.) своих предков, обладают фондами достаточно большими для того, чтобы они могли приятно жить только от процентов на них. Многие из тех, которые в юношеском и зрелом возрасте проявляли энергию в деле, отходят от него, чтобы на старости спокойно жить от процентов на те суммы, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться вместе с ростом богатства страны, ибо те, которые начинают со значительным капиталом, имеют шансы раньше достичь независимости, чем те, которые начинают с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах сумма капитала, принадлежащая тем, которые не хотят его сами применять, составляет большую часть всего производительного капитала общества, чем во вновь заселенных и бедных странах. Насколько многочисленнее в сравнении с населением класс рантье в Англии, чем в Америке, где почти каждый занят в каком-нибудь деле! По мере того как увеличивается класс рантье, растет также класс отдающих займы капитал, так как они тождественны друг другу. По одной только этой причине проценты должны иметь тенденцию падать в старых странах“ (стр. 201 и сл.).

Относительно нормы чистой прибыли (проценты) Рамзей говорит, что она отчасти зависит от нормы валовой прибыли, отчасти от отношения, в каком эта последняя делится на проценты и промышленную прибыль. А это отношение зависит от конкуренции между дающими и берущими займы капитал; на эту конкуренцию влияет норма валовой прибыли, реализации которой можно ожидать; но она не определяется исключительно этой нормой. И конкуренция потому не определяется исключительно этой причиной, что, во-первых, многие берут займы, не имея в виду производительного применения, и во-вторых, часть всего национального капитала, которая должна быть отдана займы, меняется с богатством страны независимо от изменений валовой прибыли (стр. 206, 207).

„Предпринимательская прибыль зависит от чистой прибыли на капитал, а не наоборот“ (стр. 214).

Независимо от вышеупомянутого обстоятельства Рамзэй справедливо замечает:

„Обычная норма процента лишь там может считаться мерилом нормы чистой прибыли на капитал, где имеется твердая государственная власть, а потому и гарантия; ибо в менее цивилизованных странах проценты, вследствие неуверенности в возвращении денег, так высоки, что капитал никогда не может быть одолжен с целью производительного применения, почему норма процента не может служить критерием чистой прибыли на капитал... В Англии, например, мы себе теперь совсем не можем представить, что в проценты на фонды, находящиеся в надежном месте, входит вознаграждение за риск“ (стр. 199, прим.).

О промышленном капиталисте, которого он называет *master—capitalist*, Рамзэй замечает:

„Промышленный капиталист является общим распределителем национального дохода, тем, кто выплачивает всем владельцам различных источников богатства их долю в годичном продукте: рабочим заработную плату, капиталисту проценты, землевладельцу ренту... На одной стороне имеются предприниматели, на другой рабочие, капиталисты и лэндлорды. Интересы этих двух больших классов диаметрально противоположны друг другу. Предприниматель нанимает труд, капитал и землю, и конечно старается использовать их при возможно более дешевых условиях; меж тем как владельцы этих источников богатства прилагают все старания к тому, чтобы взять за них по возможности дороже“ (стр. 218, 219).

Вообще то, что Рамзэй говорит о промышленной прибыли, а также специально о труде по надзору, представляет самое дельное из того, что об этом говорилось, хотя часть его объяснений взята у Шторха.

Эксплуатация труда стоит труда. Поскольку труд, выполняемый промышленным капиталистом, обусловлен только противоположностью капитала и труда, он входит в содержание его надзирателей (промышленных унтер-офицеров) и уже принят в расчет под категорией заработной платы, совершенно так же, как расходы, вызываемые надсмотрщиком над невольниками и его кнутом, входят в счет издержек производства рабовладельца. Эти издержки, совершенно так же как большая часть торговых расходов, относятся к *faux frais* капиталистического производства. Там, где речь идет о всеобщей норме прибыли, также не принимается в соображение труд, который создается для капиталистов их собственной конкуренцией и их стремлением обмануть друг друга; не принимается в соображение также степень ловкости, с какой один промышленный капиталист в отличие от другого умеет извлечь из своих рабочих максимальное количество прибавочного труда, при минимальных расходах, и реализовать этот извлеченный прибавочный труд в процессе обращения. Это входит в главу о конкуренции капиталистов. Там вообще идет речь об их борьбе и об их старании урвать себе возможно большее количество прибавочного труда; и имеется в виду только распределение последнего между различными частными капиталистами, но не его происхождение и его общее количество. Для труда по надзору остается лишь общая функция организа-

ции ¹⁾ разделения труда и кооперации известных индивидуумов. Этот труд вполне выражается в заработной плате директора-распорядителя в крупных капиталистических предприятиях. Он уже вычтен из всеобщей нормы прибыли. Лучшее практическое доказательство дают кооперативные фабрики рабочих в Англии, так как несмотря на то, что они платят больше процентов, они доставляют прибыль выше средней, также за вычетом платы старшему директору, которая естественно определяется рыночной ценой этого рода труда. Промышленные капиталисты, которые сами являются директорами у себя, сберегают тогда эту статью издержек производства, выдают себе самим заработную плату и поэтому получают больше средней нормы прибыли. Если бы с завтрашнего дня приведена была в исполнение эта фраза апологетов, и прибыль промышленного капиталиста была ограничена заработной платой за руководство, то послезавтра настал бы конец капиталистическому производству, присвоению чужого прибавочного труда и превращению этого прибавочного труда в капитал.

Но если рассматривать даже [оплату этого] труда по надзору, как скрытую в средней норме прибыли заработную плату, то здесь имеет силу указанный между прочим Рамзэем закон, что в то время как прибыль (промышленная и валовая прибыль) соответствует величине затраченного капитала, эта часть ее обратно пропорциональна величине капитала; она ничтожно мала при большом капитале и чрезвычайно велика при небольшом капитале, то-есть там, где капиталистическое производство существует лишь номинально. Если мелкий капиталист, который почти [целиком] сам выполняет свой труд, видимому получает очень высокую норму прибыли в сравнении с его капиталом, то в действительности, поскольку он не дает работы нескольким рабочим, прибавочный труд которых он себе присваивает, он не получает никакой прибыли и только номинально является капиталистом (промышленным или торговым). Он отличается от наемного рабочего тем, что в своем номинальном капитале он действительно является господином и собственником своих собственных условий труда, потому не имеет над собой господина и сам себе присваивает все свое рабочее время, вместо того, чтобы отдавать его третьему лицу. То, что здесь кажется прибылью, представляет только разницу в сравнении с обычной заработной платой, которая получается именно благодаря этому присвоению собственного прибавочного труда. Однако, это имеется только в тех областях, которые фактически еще не захвачены капиталистическим способом производства.

„Предпринимательскую прибыль можно разложить на: 1) заработную плату предпринимателя; 2) страховка его риска; 3) остаток, который мы можем назвать его сверхприбылью (Mehrgewinn)“ (стр. 226).

¹⁾ В манускрипте стоит „делить“. К.

Что касается пункта 2, то он здесь абсолютно не относится к делу. Корбе и сам Рамзэй сказал, что страховка, которой покрывается риск, только равномерно распределяет потерь капиталистов или распределяет их более равномерно среди всего класса. Из этой равномерно распределяемой потери нужно вычесть прибыль страховых обществ, капиталов, которые вложены в страховое дело и заняты этим распределением. Эти общества получают часть прибавочной ценности, таким же образом как торговые или денежные капиталисты, не участвуя в ее непосредственном производстве. Это вопрос о распределении прибавочной ценности между различными видами капиталистов и о вычетах, приходящихся на отдельный капитал. Это не имеет никакого отношения ни к природе, ни к величине излишка. Рабочий не может конечно давать больше того, что составляет прибавочный труд. Он не может сверх того платить капиталисту еще за то, что последний страхует себе обладание плодами его прибавочного труда. В лучшем случае можно было бы сказать, что, даже независимо от капиталистического производства, производители имели бы известные расходы, следовательно, должны были бы затратить часть своего труда или продуктов своего труда на страховку своих продуктов, своего богатства или его элементов от случайностей и т. д. Вместо того, чтобы каждый капиталист страховал самого себя, он это получает вернее и дешевле, когда это дело передается части капитала. Страховка уплачивается из части прибавочной ценности; но распределение и страховка прибавочной ценности среди капиталистов не имеет никакого отношения к ее происхождению и ее величине.

Остается, следовательно, принять в соображение: во-первых, заработную плату [предпринимателя] и третий пункт, сверхприбыль (Syrplisgains); так Рамзэй здесь называет ту часть прибавочной ценности, которая достается промышленному капиталисту в отличие от капиталиста, живущего на проценты; поэтому она также абсолютно определяется отношением между процентами и промышленной прибылью, между обеими частями, на которые распадается часть прибавочной ценности, приходящаяся на капитал (в отличие от землевладения).

Что касается, во-первых, заработной платы, то с самого начала само собой разумеется, что с капиталистическим производством капиталист или один из оплачиваемых им приказчиков, его представитель, получает функции капитала, как господина над трудом. Вместе с капиталистическим производством прекратилась бы и эта функция, поскольку она вытекает не из природы кооперативного труда, а из господства средств производства над самим трудом. Сам Рамзэй однако отбрасывает эту составную часть или сокращает ее настолько, что ее не стоит принимать в [расчет].

Заработная плата [предпринимателя], рассуждает он, остается, как труд [руководства], почти той же, как в крупном, так и в небольшом деле (стр. 227).

„Между трудом руководителя предприятия и трудом обыкновенных рабочих имеется существенная разница. Едва ли когда-нибудь может случиться, что один из последних может произвести столько, сколько производят двое, еще менее трое из его товарищей в данном производстве; но труд промышленного капиталиста может легко заменить труд десяти или большего числа его коллег“ (стр. 255).

Третью часть образует сверх-прибыль, включающая риск, который только возможен; который представляет не что иное, как возможный вычет из прибыли и капитала; но фактически он выражается в виде [затраты на] страховку и потому в виде доли определенных капиталов, занятых в особой области, в общей прибавочной ценности.

Рамзэй говорит:

„Эти сверх-прибыли фактически выражают тот доход, который вытекает из власти руководства употреблением капитала ¹⁾, независимо от того, принадлежит ли последний этому самому человеку, или он одолжен у других. Они резко отличаются от чистой прибыли на капитал, которая приходится только его владельцу. Чистая прибыль (процент. М.) меняется как раз соответственно величине капитала; наоборот, отношение сверх-прибыли к примененному капиталу тем больше, чем больше капитал“ (стр. 230).

Это означает не что иное, как: заработная плата предпринимателя обратно пропорциональна величине капитала. Чем больше размеры производства для данного капитала, чем более способ производства является капиталистическим, тем более сокращается та составная часть промышленной прибыли, которая может быть сведена к заработной плате, и в тем более чистом виде выступает настоящий характер промышленной прибыли—что она является частью сверх-прибыли, т.-е. прибавочной ценности, следовательно, неоплаченного прибавочного труда. Вся противоположность промышленной прибыли и процентов имеет смысл только в противоположности между ратье и промышленным капиталистом, но абсолютно не касается отношения рабочего к капиталу, ни природы капитала, ни происхождения его прибыли и т. д.

О ренте [которая не является хлебной рентой] Рамзэй говорит:

„Хотя рента несомненно обязана своим происхождением высокой цене хлеба или вообще главных предметов питания народа, каковы бы они ни были; но, раз она уже имеется, она препятствует тому, чтобы предложение других продуктов земли, как скота и корма для скота, непосредственно соответствовало спросу; и таким образом растет цена последних, пока она не повысится настолько, что она так же доставляет ренту, как и хлеб. Таким образом рента, которая уплачивается за один род продуктов, становится причиной высокой ценности других продуктов“ (стр. 278, 279).

В заключительной главе Рамзэй говорит:

„Доход отличается от годового валового продукта просто тем, что в первом нет всего того, что требуется для сохранения в надлежащем виде и возме-

¹⁾ То-есть власть руководить трудом других людей.

щения основного капитала“ (это у него означает, следовательно, постоянный капитал, сырые материалы во всех стадиях, вспомогательные вещества, машины и т. д. М.) (Стр. 471).

Рамзэй уже сказал и повторил в последней главе, что „оборотный капитал“, что означает у него капитал, затраченный на заработную плату, является излишним, „не только как непосредственный фактор производства, а вообще он не необходим для него“ (стр. 468). Он только не делает заключения, которое само собой разумеется, что вместе с [необходимостью] наемного труда и капитала, затрачиваемого на заработную плату, вообще отрицается необходимость капиталистического производства: средства производства тем самым перестают противостоять рабочим, как „капитал“, или, как „основной капитал“, по его терминологии. Одна часть средств производства существует только в виде основного капитала, потому что другая часть существует в виде оборотного капитала. Но при капиталистическом производстве Рамзэй считает заработную плату и валовую прибыль на капитал (включая промышленную прибыль, или, как он это называет, прибыль предприятия) необходимыми видами дохода (стр. 475, 478).

Конечно. Обе эти формы дохода действительно выражают сущность капиталистического производства и обоих классов, на которых оно основано, в наиболее простом и общем их виде. Наоборот ренту, то-есть, следовательно, земельную собственность, он считает излишней для капиталистического производства формой (стр. 472): но он забывает, что она является необходимым продуктом этого способа производства. То же самое получается, когда он рассматривает „чистую прибыль на капитал“ или процент, как не необходимую форму.

„Если бы валовая прибыль пала так низко, что для предпринимателя уж не имело бы смысла одалживать капитал для производительных целей, и владельцу капитала не было бы так выгодно отдавать его в заем, так как для первого вознаграждение за риск и труд стало бы слишком незначительно, а второй не мог бы жить от процентов только,—то из этого отнюдь не следует, что тогда запасы капитала потреблялись бы непроизводительно. Единственное различие состояло бы в том, что капиталисты тогда были бы вынуждены сами применять свои фонды в деле, и класс рантье исчез бы... Следовательно, не необходимо для сохранения общего богатства, чтобы капитал был в состоянии доставлять своему владельцу особый доход, кроме дохода того, кто его применяет“ (стр. 476, 477).

При этом он опять забывает то, что он сам сказал, что с развитием капитала необходимо появляется все растущий класс рантье.

„Валовая прибыль на капитал и от предприятий необходима для продолжения производства. Если бы капитал не доставлял прибыли, то не было бы стимула применять его производительно; и владельцы его должны были бы потреблять его для удовлетворения своих собственных потребностей“ (стр. 475).

Конечно. Без прибыли нет капитала, и без капитала нет капиталистического производства.

Итак, в результате находим у Рамзэя следующее: во-первых, капиталистический, покоящийся на наемном труде, способ производства не является необходимой, то-есть абсолютной формой общественного производства; он это только высказывает в такой наивной форме, что „оборотный капитал“ и „заработная плата“ были бы излишни, если бы масса народа не была так бедна, что она должна получать свою долю в продукте заранее, до того, как он готов. Во-вторых, проценты в отличие от промышленной прибыли, так же как и земельная рента (следовательно, созданная самим капиталистическим производством форма земельной собственности) представляют лишь отпрыски, которые для него не существенны, и которые оно могло бы отбросить. Если бы этот буржуазный идеал был действительно осуществим, то следствием его было бы лишь то, что вся прибавочная ценность доставалась бы непосредственно промышленным капиталистам, и в экономическом отношении общество свелось бы к простой противоположности капитала и наемного труда, к такому упрощению, которое во всяком случае должно было бы ускорить исчезновение этого способа производства.

V. Шербулье.

1. Постоянный и переменный капитал.

(Перед нами большой вопрос, включить ли этого молодца специально в эту группу, хотя большая часть сказанного им принадлежит Сисмонди, или в главе о [Сисмонди] попутно привести соответствующие цитаты).

В своей книге „Riche ou pauvre, exposition succincte des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales“, [которое появилось в Женеве в 1840 г.], и вторым изданием в Париже в 1841 г., Шербулье говорит:

„Сырые материалы, орудие, запас средств существования (l'approvisionnement), эти три элемента образуют капитал“ (стр. 16).

„Нет различия между капиталом и какой-либо другой частью богатства. Только способ его применения определяет, становится ли вещь капиталом; то-есть, когда она применяется в производительном акте, в виде сырого материала, орудия или средств существования“ (стр. 18).

Это, следовательно, обычный способ сведения капитала к вещественным элементам, как он [существует] в процессе труда. Средства труда и средства существования, а именно последние не как необходимая предпосылка, постольку, поскольку они существуют, как условие существования производителя во время производства; в самый процесс труда они не входят; в процесс труда не входит ничего, кроме предмета труда, средств труда и самого труда. Объективные моменты процесса труда—общие всем формам производства—здесь, следовательно, названы капиталом; хотя средства существования (где включена уже заработная плата) в скрытом виде заключают в себе капиталистическую форму этих условий труда.

Шербулье совершенно так же, как Рамзэй, предполагает, что [сумма средств существования] (l'approvisionnement), по терминологии Рамзэя оборотный капитал, уменьшается, по крайней мере в сравнении со всем капиталом, и абсолютно, поскольку машины постоянно выбрасывают рабочих. Но подобно Рамзэю, он повидимому полагает, что сумма средств существования, которые могут быть применены в виде производительного капитала, должна необходимо уменьшаться. Дело

вовсе не обстоит таким образом. Здесь всегда смешивается та часть всего продукта, которая возмещает капитал и применяется в виде капитала, и та часть, которая представляет прибавочный продукт. „L'approvisionnement“ уменьшается, так как значительная часть капитала, то-есть примененная в виде капитала часть всего продукта, воспроизводится в виде постоянного—вместо переменного капитала. Значительная часть прибавочного продукта, состоящая из средств существования, с'едается непроизводительными рабочими и нерабочими или обменивается на предметы роскоши. Это все.

Во всяком случае тот факт, что все меньшая часть всего капитала превращается в переменный капитал, можно выразить также иначе. Часть капитала, состоящая из переменного капитала, равняется части всего продукта, которую рабочий присваивает себе самому, производит для самого себя. Чем меньше, следовательно, эта часть, тем меньше общее число рабочих, которого достаточно для ее воспроизводства: точно так же, как отдельный рабочий тратит тем меньше рабочего времени на себя. Как весь труд, так и весь продукт рабочих распадается на две части. Одну часть они производят для себя самих, другую для капиталистов. Как время отдельного рабочего, так и время всего рабочего класса можно разделить на две части. Если прибавочный труд равняется половине рабочего дня, то это то же самое, как если бы половина рабочего класса производила средства существования для содержания рабочего класса, а другая половина сырой материал, машины и готовые продукты для капиталиста, отчасти как производителя, отчасти как потребителя.

Смешно, что Рамзэй и Шербулье полагают, что та часть прибавочного продукта, которая может быть потреблена рабочими, которая может *in natura* войти в их потребление, необходимо или вообще будто бы уменьшилась. Уменьшилась только та часть, которая потребляется в данном виде, в виде переменного капитала. Тем больше та часть, которую с'едают слуги, солдаты и т. д., или которая вывозится и обменивается на более тонкие жизненные средства.

Важно как у Рамзэя, так и у Шербулье только то, что они действительно противопоставляют переменный и постоянный капитал и не останавливаются на взятом из обращения делении на основной и оборотный капитал. Ибо Шербулье противопоставляет часть капитала, которая выражается в средствах существования, той части, которая состоит из сырого материала, вспомогательных веществ и средств труда, орудий, машин. А первые две составные части постоянного капитала—сырой материал и вспомогательные вещества—по форме обращения принадлежат к оборотному капиталу.

При изменении в составных частях капитала важно не то обстоятельство, что сравнительно больше рабочих занято производством сырого материала и машин, чем непосредственным производством средств суще-

ствования. Это только разделение труда. А важно отношение, в каком продукт должен возмещать прошедший труд, то-есть постоянный капитал, и оплачивать живой труд. Чем больше размеры капиталистического производства—чем больше накопленный капитал, тем большая часть ценности продукта приходится на машины и сырой материал, на то, в чем выражается капитал, примененный в производстве машин и сырого материала, тем больше то количество продукта, которое должно быть возвращено *in natura* производству, или части которого производители постоянного капитала обменивают между собой. Часть продукта, принадлежащая производству, будет относительно тем больше, и относительно тем меньше будет часть, которая выражает живой, вновь прибавленный труд. Во всяком случае, выраженная в товарах, потребительных ценностях, эта часть растет; ибо это равносильно возрастанию производительности труда. Но тем больше падает также относительно та часть этой части, которая достается рабочему. И тот же процесс вызывает постоянный относительный излишек рабочего населения.

2. Машина и рабочий.

Возрастание производительности труда, поскольку оно находится в связи с машинами, тождественно с уменьшением количества рабочих в сравнении с числом и размером примененных машин. Вместо простого и дешевого орудия появляется целая коллекция таких орудий, но видоизмененных. И к этой коллекции присоединяется еще вся та часть машин, которая создает и передает их силу; далее материалы, уголь и т. д., которые требуются для создания движущей силы, как пар. Наконец, строения. Если один рабочий следит за 1800 веретенами, вместо того, чтобы вертеть одну самопрялку, было бы в высшей степени глупо спрашивать, почему эти 1800 веретен не так дешевы, как одна самопрялка. Производительность здесь именно обусловлена суммой капитала, примененного в виде машин. Степень изнашивания машин касается только товара; рабочий противостоит совокупности машин, и таким образом, ценность затраченного на труд капитала противостоит ценности, вложенной в машины. Не подлежит никакому сомнению, что машины подешевели по двум причинам: благодаря применению машин в производстве сырых материалов, из которых состоят машины; благодаря применению машин при превращении этого материала в машины. Но это имеет двойное значение; во-первых, и в этих обеих отраслях, если будем сравнивать с инструментами, которые употреблялись в мануфактурной промышленности, затраченный на машины капитал по ценности растет в сравнении с капиталом, вложенным в заработную плату. Во-вторых: что подешевело, это отдельная машина и ее составные части; но развивается система машин; появляется не только отдельная

машина вместо орудия, а система, которая собирает орудие, игравшее раньше, быть может, главную роль, как например, иглолка (в чулочной или подобной машине), по несколько тысяч. Каждая отдельная машина, противостоящая рабочему, представляет уже громадную коллекцию орудий, которые он раньше употреблял порознь, как 1800 веретен вместо одного. Но она содержит кроме того элементы, которых не содержит старое [орудие] и т. д. Несмотря на удешевление отдельного элемента, вся масса машин страшно повышается в цене, и [возрастание] производительности состоит в постоянном возрастании всей этой массы.

Далее: удешевление машин получается благодаря удешевлению не только их элементов, но и тех частей, где находится движущая сила (например, парового котла), и проводящих машин. Экономия силы. Но она получается именно благодаря тому, что тот же двигатель больших размеров приводит в движение большую систему. Он относительно дешевле, или его издержки не растут соответственно величине системы, к которой он применяется; сам он дорожает с увеличением его размеров, но не соответственно возрастанию его величины; даже когда его издержки абсолютно растут, они относительно сокращаются. Следовательно, этот момент совершенно независимо от цены отдельной машины, способствует увеличению затраченного на машины капитала, противостоящего труду. Один элемент, растущая быстрота работы машин, чрезвычайно увеличивает производительность, но не касается ценности самих машин.

Итак, само собой разумеется, или это тавтология, что возрастанию производительности труда благодаря машинам соответствует возрастание ценности машин в сравнении с количеством примененного труда, следовательно, с ценностью труда, с переменным капиталом.

Все то, что способствует понижению цены товара благодаря применению машин, сводится, во-первых, к сокращению количества труда, поглощаемого отдельным товаром; а во-вторых, к уменьшению изнашивания машин, ценность которого входит в отдельный товар. Чем медленнее происходит изнашивание машин, тем меньше труда требуется для его воспроизводства. Это также увеличивает количество и ценность капитала, вложенного в машины в сравнении с тем капиталом, который затрачен на труд.

Ценность товара определяется машинами постольку, поскольку в него входит изнашивание машин; следовательно только ценностью машины, поскольку сама она входит в процесс создания ценности, то есть, поскольку она потребляется в процессе труда. Прибыль, наоборот, определяется (не говоря о сыром материале) ценностью всех машин, входящих в процесс труда, независимо от их потребления. Поэтому прибыль должна падать соответственно тому, как сокращается количество всего труда в сравнении с частью капитала, затраченной на машины. Она падает не в такой же степени, так как повышается прибавочный труд.

Остается еще вопрос о сыром материале. Что соответственно повышению производительности труда, должно возрастать его количество,

т. е., количество сырого материала в сравнении с количеством труда, это ясно [Но не может ли это возрастание количества компенсироваться повышением производительности, которое в такой же степени понижает ценность?]. Если, например, производительность в прядильном производстве увеличивается в десять раз, следовательно, один рабочий может выпрясть столько, сколько раньше десять, то почему один негр не мог бы произвести столько хлопчатой бумаги, сколько раньше производили 10, чтобы, следовательно, отношение ценностей оставалось прежнее. Прядильщик употребляет в определенное время в десять раз больше хлопчатой бумаги, но негр производит в то же время в десять раз больше хлопчатой бумаги. В десять раз большее количество хлопчатой бумаги, тогда, следовательно, не дороже, чем раньше в десять раз меньшее количество. Таким образом, несмотря на увеличение количества сырого материала, отношение его ценности к переменному капиталу осталось бы таким же. Действительно, только благодаря значительному удешевлению материала, хлопчатой бумаги, что эта промышленность вообще могла так развиваться. Чем дороже материал, как, например, золото и серебро, тем меньше применяются машины и разделение труда при его производстве, как предмета роскоши. Ибо затрата капитала на сырой материал слишком велика, и спрос на эти продукты вследствие дороговизны сырого материала ограничен.

На это можно дать простой ответ, что часть сырого материала, как шерсть, шелк, кожа производится благодаря животно-органическим процессам, хлопчатая бумага, полотно и т. д. благодаря растительно-органическим процессам; до сих пор капиталистическому производству не удалось и никогда не удастся распоряжаться этими процессами так же, как чисто механическими, или неорганическими химическими. Отчасти дорожает сырой материал, как кожи и т. д. и другие животные составные части, уже потому, что закон ¹⁾ земельной ренты с прогрессом цивилизации повышает ценность этих продуктов ²⁾. Что касается угля и металлов (дерева), то они очень подешевели в прогрессе производства; однако, с истощением рудников и это становится труднее и т. д.

Удешевление сырых материалов, вспомогательных веществ и т. д. замедляет рост ценности этой части капитала, но не уничтожает его. Оно до известной степени парализует влияние этого роста на падение нормы прибыли.

Этим вопрос исчерпан.

¹⁾ Здесь в оригинале невозможно разобрать одно слово, которое похоже на „нелепый“ закон К.

²⁾ Если при хлебной ренте и ренте с рудников можно сказать, что она не повышает ценности продукта (а только его рыночную цену); что она скорее является выражением его ценности (излишек его ценности сверх цены производства),—то, наоборот, не подлежит никакому сомнению, что рента со скота, рента с домов и т. д. являются не следствием, а причиной возрастания ценностей этих вещей.

3. Норма прибыли.

Вернемся к Шербулье.

Формулы, которые он дает для нормы прибыли, являются или математическими выражениями для прибыли, как ее обычно понимают, и не заключают в себе какого-либо закона, или они к тому же безусловно ошибочны; хотя он кое-о-чем догадывается и близок к истине.

„Торговая прибыль определяется ценностью продуктов в сравнении с ценностью различных элементов производительного капитала“ (стр. 70).

В действительности прибыль представляет отношение прибавочной ценности продукта к ценности всего авансированного капитала, независимо от различия его элементов. Но сама прибавочная ценность определяется величиной и нормой возрастания ценности переменного капитала; и отношение этой прибавочной ценности ко всему капиталу опять-таки определяется отношением переменного и постоянного капитала; также изменением ценности постоянного капитала.

„Двумя главными элементами этого определения являются несомненно цена сырых материалов и количество запасенных средств существования, требуемых для их обработки. Экономический прогресс общества действует в обратном смысле на оба эти элемента; он способствует вздорожанию сырых материалов, повышая ценность всех продуктов добывающей промышленности, связанной с землей, которая является частной собственностью, и площадь которой ограничена“ (стр. 70).

Наоборот „l'approvisionnement“ [количество средств существования, требуемых для приведения в движение определенного производительного капитала, благодаря прогрессу техники] относительно уменьшается, к чему мы потом вернемся.

„Вся сумма продуктов за вычетом всей суммы капитала, который был потреблен для их получения, дает всю сумму прибылей в течение определенного периода времени. Вся сумма продуктов растет соответственно примененному капиталу, а не соответственно потребленному капиталу. Норма прибылей или их отношение к капиталу является поэтому результатом комбинации двух других отношений, именно отношения между примененным и потребленным капиталом и отношения между потребленным капиталом и продуктом“ (I. c., стр. 70).

Шербулье сначала правильно говорит, что прибыль [определяется] ценностью продукта в сравнении с „различными элементами“ производительного капитала. Вдруг он переходит к самому продукту, к количеству продукта. Но количество продукта может увеличиться без увеличения ценности этого количества. Во-вторых, количество продукта может в лучшем случае сравниваться с количеством продуктов, из которых состоял потребленный и непотребленный капитал, именно таким образом, что весь национальный продукт сравнивается со своими затраченными *in natura* ингредиентами, как это делает Рамзэй. Но для капитала в каждой отдельной отрасли продукт по своему виду отли-

чается от своих ингредиентов, даже в тех отраслях промышленности, как в земледелии и т. д., где часть продукта *in natura* образует элемент производства этого продукта. Почему Шербулье так сбился с пути? Причина такова: несмотря на то, что он сознает, что для нормы прибыли органическое строение капитала играет решающую роль, он абсолютно не [использовал] противоположности между переменным капиталом и другой составной частью капитала для объяснения прибавочной ценности, которой он вообще не развивает, как и самой ценности. Он не показал, откуда получается прибавочная ценность, и поэтому обращается к прибавочному продукту, то-есть к потребительной ценности.

Хотя всякая прибавочная ценность выражается в прибавочном продукте, однако, прибавочный продукт сам по себе не представляет прибавочной ценности. Предположим, например, что продукт не содержит в себе никакой прибавочной ценности, например, крестьянин имеет, предположим, свои собственные орудия и свою собственную землю и работает лишь столько времени, сколько работает каждый наемный рабочий для возмещения своей собственной платы, например, 6 часов. Если бы был урожайный год, то он произвел бы вдвое больше, но ту же ценность. Получился бы прибавочный продукт, но не прибавочная ценность.

Само по себе уже ошибочно то, что Шербулье представил переменный капитал в „пассивной“ и только вещественной форме, в виде „*approvisionnement*“, то-есть потребительной ценности, которую он получает в руках рабочего. Если бы он его взял в таком виде, в каком он действительно выражается, именно, как деньги, как бытие меновой ценности, то-есть определенного количества общественного рабочего времени, как такового, то для капиталиста это свелось бы к труду, который он получает в обмен на него, и в этом обмене овеществленного труда на живой в переменном капитале могло получиться движение, и он мог бы расти; как труд, этот капитал становится элементом производительного капитала, а не как „*approvisionnement*“. Последнее представляет скорее потребительную ценность, вещественное бытие его, где он выражается, как доход для рабочего. В виде *approvisionnement* переменный капитал является таким же „пассивным“ элементом, как и обе другие части капитала, которые Шербулье называет пассивными¹⁾.

Этот ошибочный взгляд мешает ему также вывести из отношения этого активного элемента к пассивным норму прибыли и падение ее в прогрессе общества. У него в действительности нет [собственно говоря] другого вывода кроме того, что количество средств су-

1) На стр. 59 Шербулье называет сырые материалы, машины и т. д. „двумя пассивными элементами капитала“, в противоположность „*approvisionnement*“. К.

ществования благодаря повышению производительности падает, между тем как рабочее население растет; что, следовательно, благодаря излишнему населению его заработная плата падает ниже своей ценности. На основе обмена товаров—следовательно, так же оплаты рабочей силы по ее ценности—он ничего не развивает, и прибыль, таким образом, в действительности представляется, хотя он этого не говорит, в виде вычета из заработной платы; данная прибыль может, правда, иногда заключать его в себе, но он (этот вычет) никогда не может лежать в основе категории прибыли.

Прежде всего дадим правильное выражение первому положению. Шербулье говорит:

„Все количество продуктов за вычетом всей суммы капитала, который был потреблен для их приобретения, дает всю сумму прибылей в течение определенного периода времени“.

Это должно означать:

„Ценность всей суммы продуктов, за вычетом ценности всей суммы капитала, который был потреблен для их приобретения (производства), дает всю сумму прибыли в течение определенного периода времени“.

Это первая (обычная) форма, в которой выражается прибыль, в какой она представляется так же капиталистическому сознанию. То-есть: [прибыль представляет] излишек ценности продукта, в определенное время, сверх ценности потребленного капитала. Или излишек ценности продукта сверх цены издержек продукта. Даже „определенный период времени“ у Шербулье появляется совершенно неожиданно, так как он не представил процесса обращения капитала. Итак, первое положение есть не что иное, как обычное определение прибыли; непосредственная форма, в какой она появляется.

Второе положение:

„Вся сумма продуктов растет соответственно примененному, а не потребленному капиталу.“

Это должно было бы, следовательно, означать:

„Ценность всей суммы продукта растет соответственно авансированному капиталу, безразлично потреблен ли он, или нет“.

Здесь контрабандным путем должно получиться совершенно недоказанное и в его непосредственном выражении ошибочное положение (так как оно уже предполагает уравнивание до всеобщей нормы прибыли), что величина прибыли зависит от величины примененного капитала. Но видимая причинная связь должна получиться оттого, что „вся сумма продуктов растет соответственно примененному, а не потребленному капиталу“. Возьмем положение в обоих выражениях, как оно дано, и как оно должно было бы гласить. Гласить оно должно было бы в данной связи—и по заключению, для которого оно

должно представлять *medius terminus*: „Ценность всей суммы продуктов растет соответственно примененному, а не потребленному капиталу“. Здесь прибавочная ценность должна очевидно быть выточена таким образом, что излишек примененного капитала сверх потребленного обуславливает излишек ценности продукта. Но непотребленный капитал (машины и т. д.) сохраняет ценность (так как не потребленный означает именно, что его ценность не потреблена); он сохраняет ту же ценность по окончании процесса производства, которую он имел до начала его. Если произошло изменение ценности, то оно могло произойти лишь в той части капитала, которая была потреблена и потому вошла в процесс создания ценности. В действительности это также неверно, потому что, например, капитал, из которого две трети потреблены в производстве, а треть не потреблена, безусловно дает при одинаковой норме эксплуатации труда (независимо от уравнивания нормы прибыли) более высокую прибыль, чем тот капитал, из которого треть потреблена и две трети не потреблены. Ибо последний капитал содержит очевидно больше машин и т. д. и другого постоянного капитала, меж тем как первый содержит меньше этого элемента и приводит в движение больше живого труда, следовательно, также большее количество прибавочного труда. Если же мы возьмем то содержание, которое сам Шербулье вкладывает в свое положение, то оно ему с самого начала совершенно бесполезно, так как сумма продуктов или сумма потребительных ценностей, как таковая, вообще не определяет ни ценности, ни прибавочной ценности, ни прибыли. Но что за этим скрывается? Часть постоянного капитала, состоящая из машин и т. д., входит в процесс труда, не входя в процесс создания ценности, и таким образом она помогает увеличивать сумму продуктов, ничего не прибавляя к их ценности. Ибо поскольку она прибавляет к ней ценность благодаря своему изнашиванию, она сама относится к потребленному капиталу, а не к примененному капиталу в отличие от потребленного. Но эта непотребленная часть постоянного капитала сама по себе не создает роста суммы продуктов. Она помогает создать в данное рабочее время большее количество продукта. Если бы, следовательно, затрачивалось лишь столько рабочего времени, сколько имеется в „*approvisionnement*“, то сумма продуктов осталась бы та же. Следовательно, изменение, происходящее в этой части потребленного капитала, а не излишек примененного капитала сверх потребленного [обуславливает] излишек продукта, при предположении, что речь идет не об отраслях промышленности, где, как в земледелии, количество продуктов не зависит, или может не зависеть от суммы затраченного капитала; где производительность труда отчасти зависит от не поддающихся контролю сил природы. Если Шербулье, наоборот, рассматривает постоянный капитал, потребленный или непотребленный, как нечто независимое от рабочего времени, незави-

симое от изменения, которое происходит в процессе возрастания ценности с переменным капиталом, то он может с таким же успехом сказать, что „вся сумма продуктов (по крайней мере в мануфактурной промышленности) растет соответственно росту части потребленного капитала, состоящей из сырого материала“. Ибо рост продукта оказывается физически тождественным с ростом этой части капитала. С другой стороны в земледелии (то-есть в добывающей промышленности) при плодородной земле, там, где применено мало не потребленного (то-есть постоянного) капитала и относительно много потребленного капитала (например, заработной платы), сумма продуктов может быть гораздо больше, чем в более развитой стране, где отношение примененного капитала к потребленному бесконечно выше. Второе положение, следовательно, сводится к попытке контрабандным путем получить прибавочную ценность, необходимую основу прибыли.

Третье положение:

„Норма прибылей или их отношение к капиталу является поэтому результатом комбинации двух других отношений, именно: отношения между примененным и потребленным капиталом и отношения между потребленным капиталом и продуктом“.

Сначала нужно было определить прибыль; но ничего не получилось, кроме определения ее, которое только выражает ее форму проявления,— тот факт, что прибыль равна излишку ценности всего продукта сверх цены его издержек или сверх ценности потребленного капитала; вульгарное определение прибыли. Теперь должна быть определена норма прибыли. Но опять-таки ничего не получается, кроме вульгарного определения. Норма прибыли равна отношению прибыли ко всему капиталу, или же, что означает то же самое, она равна отношению излишка ценности продукта сверх его цены издержек ко всему капиталу, вложенному в производство. Ошибочное понимание и беспомощное применение правильного с самого начала различия элементов капитала, и сознание, что прибыль и норма прибыли находятся в связи с отношением этих элементов, приводит, следовательно, лишь к тому, что общеизвестные фразы повторяются в более доктринерском виде; однако, в действительности этим констатируется лишь существование прибыли и нормы прибыли, но ничего не говорится об их сущности.

Дело несколько не улучшается оттого, что Шербулье выражает доктринерские формулы алгебраически:

„Весь продукт в течение данного периода, предположим, = P , примененный капитал = C , прибыль = π , потребленный капитал = c , отношение прибыли к капиталу = r . Если мы в равенстве $P - c = \pi$ поставим вместо π его значение Cr (так как $r = \frac{\pi}{C}$), то мы получаем $P - c = Cr$, следовательно, $r = \frac{P - c}{C}$ “ (стр. 70, прим. 1).

Что означает не что иное, как: норма прибыли равняется отношению прибыли к капиталу, и прибыль ¹⁾ равна излишку ценности продукта сверх цены его издержек.

То, что представляется Шербулье с его потребленным и не потребленным капиталом, есть безусловно различие между основным и оборотным капиталом. Он не придерживается им самим, в отличие от этого последнего, установленного различия в капитале, которое вытекает из процесса его производства. Прибавочная ценность уже предполагается при обращении, и как бы ни влияли на норму прибыли вытекающие из обращения различия, они не имеют никакого отношения к происхождению прибыли.

„Производительный капитал каждой страны состоит из потребляемой части, средств существования, сырых материалов и вспомогательных вещей, и непотребляемой части, инструментов, орудий и машин. С возрастанием богатства и населения, должна увеличиваться потребляемая часть, так как добывающая промышленность требует все большего количества труда. С другой стороны, тот же прогресс вследствие увеличения разделения труда и применения машин увеличивает сумму примененного капитала в гораздо большей степени, чем сумму потребленного капитала. Хотя, следовательно, вся сумма потребленного капитала имеет тенденцию возрастать, первое действие парализуется, так как сумма продукта растет еще быстрее, и вся сумма прибылей, нужно полагать, растет по крайней мере так же быстро, как вся сумма примененного капитала“ (стр. 71).

„Сумма прибылей постоянно возрастает, а не норма прибыли, которая представляет отношение этой суммы к примененному капиталу. Норма прибыли есть $r = \frac{P-c}{C}$. Ясно, что $P-c$ или π (прибыль) может расти, хотя r уменьшается, если C растет быстрее, чем $P-c$ “ (стр. 72, прим. 1).

Здесь он очень близок к выяснению причины падения нормы прибыли; но при имеющихся у него извращениях это может привести только к путанице и к противоречиям с самим собой. Сначала растет сумма потребленного капитала, а количество продуктов растет еще быстрее (т.-е. здесь излишек ценности продуктов сверх их цены издержек), ибо оно растет соответственно примененному капиталу, а последний растет быстрее потребленного капитала. Почему основной капитал растет быстрее количества сырых материалов, например, — нигде не сказано. Но оставим это. Сумма прибыли растет соответственно примененному капиталу, всему капиталу, и все же норма прибыли должна падать, так как весь капитал растет быстрее, чем сумма продуктов, или лучше сумма прибыли. Сначала растет сумма прибыли, „по крайней мере в такой же высокой степени, как и вся сумма примененного капитала“, а потом падает норма прибыли, так как вся сумма примененного капитала растет быстрее суммы прибыли. Сначала $P-c$ растет „по крайней мере“, соответственно C , а потом падает $\frac{P-c}{C}$, так как C растет еще быстрее, чем $P-c$, которая „растет по крайней мере так же сильно, как C “. Вычеркнем всю эту

¹⁾ В манускрипте стоит „капитал“. К.

путаницу, тогда остается лишь тавтология, что $\frac{P-c}{C}$ может падать, хотя $P-c$ растет, т.-е. что норма прибыли может падать, хотя прибыль возрастает, когда капитал растет быстрее суммы прибыли [другими словами, норма прибыли может падать, когда она падает]. Итак, получается правильное заключение: норма прибыли может падать, т.-е. отношение растущей суммы прибыли к капиталу может падать, когда капитал растет быстрее суммы прибыли; или когда сумма прибыли, несмотря на ее абсолютное возрастание, относительно, в сравнении с капиталом, падает. Это не что иное, как другое выражение для падения нормы прибыли. И возможность и даже существование этого явления никогда не подвергались сомнению. Единственное, о чем здесь шла речь, это лишь объяснение причины этого отношения; и Шербулье объясняет падение нормы прибыли, падение суммы прибыли в сравнении со всем капиталом возрастанием суммы прибыли по крайней мере соответственно росту капитала. Очевидно, он подозревал, что сумма примененного живого труда в сравнении с прошедшим трудом уменьшается, хотя она абсолютно растет, и что поэтому норма прибыли должна падать. Но он не додумывается до конца. Чем ближе человек к порогу, тем больше извращения в выражении, если он через него не переступает и тем больше иллюзия, что он через него переступил.

Наоборот, совершенно верно то, что он говорит об уравнении в сеобщей нормы прибыли:

„За вычетом земельной ренты остаток суммы прибылей, т.-е. излишков продуктов сверх потребленного капитала, делится между капиталистическими производителями соответственно капиталу, примененному каждым из них; меж тем как часть продуктов, которая обусловлена потребленным капиталом и должна его возместить, делится соответственно тому, что они действительно потребили. Этот двойной закон распределения проявляется в действии конкуренции, которая управляет столь многочисленными другими экономическими явлениями, и которая старается уравнивать преимущества всех применений капиталов. Этот двойной закон распределения определяет, наконец, для различного рода продуктов их относительные ценности и цены“ (стр. 72).

Это очень хорошо. Только заключение неверно: что это образование всеобщей нормы прибыли определяет ценности и цены (это должно означать цены производства) товаров. Определение ценности есть скорее $P_{\text{гнз}}$, что служит предпосылкой нормы прибыли и образования цен производства. Как же вообще какое-либо распределение „суммы прибылей“, т.-е. прибавочной ценности, которая сама является лишь частью всей ценности товара, может определять „сумму прибылей“, следовательно, прибавочную ценность, и даже ценности товаров? Это верно лишь постольку, поскольку под относительными ценностями товаров подразумеваются их цены производства. Все искажение получается у Шербулье оттого, что он не рассматривает самостоятельно происхождения законов ценности и прибавочной ценности.

Отношение между наемным трудом и капиталом он, впрочем, понимает правильно, говоря:

„Все продукты, особенно те, которые образуют элементы производительного капитала, уже составляют предметы собственности и могут только менять своих владельцев путем обмена или деволуции (передача, подарок, наследование)... Если имеются индивидуумы, которым нечего давать в обмен, и которые не могут ни согласно воле владельцев, ни на основании закона получить путем деволуции один из тех элементов капитала, то они получают то, что им нужно, когда они предлагают капиталистам свой труд. Они получают право лишь на те вещи, которые им уступают в виде цены за их труд, а не на продукт этого труда, и не на ценность, которую они к нему прибавили“ (стр. 56).

„Когда пролетарий продает свой труд за определенное количество средств существования, которые он тотчас же получает в виде заработной платы, он совершенно отказывается от всякого права на другие части капитала—на продукты, которые создает его труд,—от увеличения ценности сырых материалов, обусловленного его трудом. Присвоение этих продуктов остается таким же, как было раньше; оно никоим образом не изменяется договором, о котором здесь идет речь (между капиталистом и рабочим). Продукты продолжают принадлежать исключительно капиталисту, который дал сырые материалы и средства существования. Это необходимый вывод из закона присвоения (appropriation), основным принципом которого, наоборот, была исключительная собственность каждого рабочего на продукт своего труда“ (стр. 58).

Именно этот основной принцип гласит по Шербулье:

„Рабочий имеет исключительное право на вытекающую из его труда ценность“ (стр. 48).

Каким образом в законе, по которому товары являются эквивалентами и обмениваются соответственно своей ценности, то-есть соответственно заключенному в них рабочему времени, происходит такой поворот, что капиталистическое производство—и лишь на его основе для продукта является существенным, что он производится в виде товара,—наоборот, основано на том, что часть труда присваивается без эквивалента,—этого Шербулье не понимает и не объясняет. Он только сознает, что здесь происходит поворот. Основной закон является чистой фикцией. Он возникает лишь из видимости товарного обращения. Товары обмениваются только соответственно своей ценности, то-есть соответственно заключенному в них труду. Индивидуумы противостоят друг другу только как товаровладельцы и потому могут получить товар другого только путем отчуждения своего собственного товара. Поэтому кажется, что они должны будто бы обменивать лишь свой собственный труд; обмен товаров, которые содержат чужой труд, поскольку они опять-таки не приобретены благодаря обмену собственных товаров, предполагает другие отношения среди людей, чем отношения товаровладельцев, покупателя и продавца. В капиталистическом производстве исчезает эта видимость. Но что не исчезает, это иллюзия, что вначале люди противостоят друг другу только как товаровладельцы, и потому каждый является собственником лишь постольку, поскольку он является рабочим. Это „вначале“ вытекает, как сказано, только из видимости капиталистического производства; это обман, которого никогда не было

в истории. Вообще человек (изолированно или в обществе) всегда выступает, как собственник, прежде чем он выступил, как рабочий; при этом собственностью может быть лишь то, что он сам себе прибавляет к природе; или то, что он, как семья, род, община, прибавляет себе отчасти к природе, отчасти к общим уже произведенным средствам производства. И лишь только прекращается первое животное состояние, власть [человека] над природой всегда уже связана с его существованием, как члена общины, семьи, рода и т. д., с его отношением к другим людям, которое обуславливает его отношение к природе. „Рабочий, не имеющий собственности“ как „основной принцип“ — представляет скорее создание цивилизации, именно на исторической ступени „капиталистического производства“. Это закон „экспроприации“, не „аппроприации“ (присвоения), по крайней мере, не присвоения вообще, как воображает себе Шербулье, а такого рода присвоения, которое вытекает из определенного, особого способа производства.

„Всякое накопление богатства доставляет средства для ускорения дальнейшего накопления“ (стр. 28).

4. Отголоски Рикардо и Сисмонди.

Шербулье говорит:

„Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал. Это превращение не уничтожает их присвоения“ (стр. 53, 54).

Это относится, однако, не только к продуктам, но и к труду. Сырой материал и т. д. и средства труда принадлежат капиталистам; они являются превращенной формой его денег. С другой стороны, если он купил рабочую силу — или дневное (например, двенадцатичасовое) употребление рабочей силы — на сумму денег, которая, скажем, равна продукту 6 рабочих часов, то ему принадлежит труд двенадцати часов; он им присвоен, до того как он реализован. Самим процессом производства он превращается в капитал. Но это превращение является актом, наступающим после присвоения. „Продукты“ превращаются в капитал, вещественно, поскольку они функционируют в процессе труда, как условия труда, средства производства, предмет труда и средства труда; по форме, поскольку не только сохраняется их ценность, а поскольку они становятся средствами поглощения труда и прибавочного труда; поскольку они действительно функционируют, как поглощающие труд.

С другой стороны: присвоенная до процесса рабочая сила становится внутри процесса непосредственно капиталом, превращаясь в средства производства и в прибавочную ценность; ее реализация в продукте сохраняет постоянный капитал, замещает переменный капитал и присоединяет прибавочную ценность.

Вообще Шербулье является удивительным соединением антагонизмов Сисмонди и Рикардо.

Сисмонди напоминают следующие положения:

1. „Гипотеза неизменного отношения между различными элементами капитала не реализуется ни на какой ступени экономического развития общества. Отношение между ними очень и изменчиво, и именно по двум большим причинам: вследствие разделения труда и замещения человеческой силы силами природы“ (стр. 61). „Обе эти причины стремятся понизить отношение между *approvisionnement* и обоими другими элементами капитала“ (стр. 62). „Увеличение производительного капитала при таком положении вещей не влечет за собой необходимо возрастания *approvisionnement*, который должен определять цену труда; оно может сопровождаться, по крайней мере, временами, абсолютным уменьшением этого элемента капитала, и, следовательно, падением цены труда“ (стр. 63).

[Это напоминает Сисмонди]. Влияние [уменьшения переменного капитала] на высоту заработной платы есть единственная точка зрения Шербулье. Этого совершенно нет в исследовании, которое исходит из предположения, что рабочая сила всегда оплачивается по своей ценности, и что колебания рыночной цены труда выше или ниже ценности не принимаются в соображение.

„Производитель, который хочет ввести в своей промышленности новое разделение труда или использовать силу природы, не будет ждать, пока он накопит достаточно капитала, чтобы этим способом он мог занять всех рабочих, которые ему раньше необходимы были. В случае разделения труда, он, быть может, удовлетворится пятью рабочими, чтобы создать то, что он раньше создавал с десятью рабочими; в случае применения сил природы он, быть может, будет применять машину и двух рабочих. *Approvisionnement* (что раньше составляло 3.000), следовательно, в первом случае сократится до 1.500, во втором до 600. Но так как число рабочих остается то же, то их конкуренция скоро вызовет падение цены труда ниже ее первоначальной нормы“ (стр. 63, 64). „Это один из поразительнейших результатов закона присвоения. Абсолютное увеличение богатства, то-есть продуктов труда, не вызывает соответственного увеличения *approvisionnement* рабочих и может даже вызвать уменьшение *approvisionnement*, той части, которая им приходится из всех родов продуктов“ (стр. 64). „Причины, определяющие цену труда¹⁾, это абсолютная величина производительного капитала, и отношение между различными элементами капитала, — два социальных явления, на которые воля рабочего не может оказать никакого влияния“ (стр. 64). „Почти все возможности неблагоприятны для рабочего“ (I. с.).

Сисмонди напоминают также следующие рассуждения:

„Экономический прогресс общества, поскольку он характеризуется абсолютным ростом производительного капитала и изменением отношения и между различными элементами этого капитала, дает рабочим некоторые выгоды в виде вознаграждения за неопределенность, которая для них является неизбежным следствием этого прогресса: 1. Повышение производительности труда, которое достигает чрезвычайно больших размеров благодаря разделению труда и особенно применению машин, вызывает столь быстрое возрастание производительного капитала, что несмотря на происшедшее изменение в отношении *approvisionnement* к остальным элементам капитала, этот элемент все же абсолютно растет; это позволяет занять не только то же число рабочих, что и раньше, но и еще добавочное количество; так что результат прогресса за исключением некоторых временных перерывов, сводится для рабочих к увеличению производительного капитала и спроса на труд. 2. По-

¹⁾ Здесь все время говорится только о рыночной цене труда.

вышение производительности капитала имеет тенденцию значительно понизить ценность многих продуктов, следовательно, сделать их доступными рабочему, от чего возрастают его удовольствия" (стр. 65).

Наоборот:

1. „Как бы кратковременно, как бы частично ни было наступающее иногда уменьшение *arprovisionnement*, образующего цену труда, оно все же имеет роковые последствия..

2. Обстоятельства, способствующие экономическому прогрессу общества, большей частью случайны; они не зависят от воли производящих капиталистов. Действие этих причин не постоянно" и т. д. (стр. 66).

3. „Не столько абсолютное потребление рабочего, сколько относительное потребление его делает положение рабочего счастливым или несчастным. Какое значение имеет для рабочего то, что он может себе достать некоторые продукты, которые раньше были недоступны рабочему, если число недоступных ему продуктов возросло еще в большей степени; если расстояние, отделяющее его от капиталиста, только увеличилось; если его социальное положение оказалось более низким и более невыгодным. За исключением потребления, строго необходимого для поддержания сил, ценность наших удовольствий очень относительна" (стр. 67).

„Слишком часто забывают, что наемный рабочий является мыслящим человеком; что он одарен теми же способностями, руководствуется теми же побуждениями, имеет те же ощущения, как и работающий капиталист" (*travailleur capitaliste*) (стр. 67).

„Каких бы выгод быстрый рост социального богатства ни доставлял наемным рабочим, это не излечивает причины их нищеты.. они попрежнему лишены всякого права на капитал; следовательно, они вынуждены продавать свой труд и отказываться от всяких притязаний на продукты этого труда" (стр. 68).

„Это основная ошибка закона присвоения (*appropriation*). Беда заключается в этом абсолютном отсутствии связи между наемным рабочим и капиталом, который приводится в движение его трудом" (стр. 69).

Эта последняя фраза со „связью" чрезвычайно напоминает Сиамонди, и в то же время она бессмысленна.

О нормальном человеке, [который отождествляется с промышленным] капиталистом и т. д., см. *ibidem* стр. 74—76.

О концентрации капиталистов и устранении мелких капиталистов говорится на страницах 85 до 88.

„Если при современном положении вещей настоящая прибыль получается от сбережения капиталистов, то она могла бы с таким же успехом получаться от сбережений наемных рабочих" (стр. 89).

Шербулье разделяет:

1. Взгляд Милля, что все подати должны устанавливаться на земельную ренту (стр. 128); но невозможно „устанавливать подать таким образом, чтобы она действительно покрывалась рентой и касалась только этой последней"; трудно отличить прибыль от ренты; это невозможно, когда землевладелец сам является сельским хозяином; потому

2. Шербулье переходит к правильному выводу Рикардо.

„Почему не делают дальнейшего шага и не уничтожают частной собственности на землю?" (стр. 129).

„Что делает землю производительной, это примененные в сельском хозяйстве капиталы. Землевладелец к этому ничего не прибавляет. Он существует лишь для того, чтобы положить себе в карман ренту, которая не является частью прибыли на его капиталы и не представляет ни продукта труда, ни продукта производительных сил земли; а она обусловлена ценой, до которой конкуренция потребителей подняла продукты земледелия, и невозможностью до безконечности увеличивать количество этих продуктов“... „Землевладельцы являются тунеядцами, которые содержатся на общественный счет без всякой пользы для промышленности или общего благосостояния общества“ (стр. 129).

„Так как отмена частной собственности на землю не изменила бы ни сколько причин, которые создают ренту, то она бы продолжала существовать; но ее получало бы государство; последнему принадлежала бы вся земля, и оно отдавало бы в аренду ту площадь, которая может быть возделываема частным лицом, имеющим достаточно капиталов для ее эксплуатации“ (стр. 130).

Она заменила бы все государственные доходы.

„Наконец, промышленность, эмансипированная, освобожденная от всяких оков, обнаружила бы неслыханный под'ем“ (стр. 130).

Но как примирить этот Рикардовский вывод с благочестивым желанием Сисмонди связать капитал с капиталистическим производством? Как это примирить с воплем:

„Капитал в конце концов станет властителем мира, если не наступит переворот, который остановит процесс развития нашего общества под господством закона присвоения“ (стр. 152).

„Еще пятьдесят лет мира, и повсюду крупная промышленность разрушит мелкую; земельная собственность будет мобилизована; повсюду капитал сотрет все старые социальные различия, чтобы вместо них установить простую классификацию людей на богатых и бедных, на богатых, которые наслаждаются и управляют, и на бедных, которые работают и повинуются“ (стр. 153).

„Присвоение всех производительных земель и продуктов всегда приводило многочисленный класс пролетариев в состояние подчинения и политического бесправия; но это присвоение было когда-то связано с системой ограничительных законов, которые задерживали развитие промышленности и накопление капиталов; ограничивали рост класса обездоленных; втискивали их гражданскую свободу в тесные границы и таким образом различными способами делали те классы безвредными. Теперь капитал разорвал часть этих оков. Остается разорвать все“ (стр. 155, 156).

„Деморализация пролетариев является вторым результатом распределения богатств“ (стр. 156, 157).

VI. Ричард Джонс.

1. An Essay on the Distribution of Wealth.

Земельная рента.

Главным произведением преподобного Р. Джонса является: *An Essay on the Distribution of Wealth and on the Sources of Taxations. Part I. Rent.* Лондон 1831.

Уже это первое произведение о ренте выделяется тем, чего недостает всем английским экономистам от господина Джемса Стюарта,— пониманием исторического различия способов производства.

Такому правильному различению исторических форм вообще противоречат очень значительные археологические, филологические и исторические ошибки, как это было указано Джонсу. См., например, „*Edinburgh Review*“. Vol. LIV Art. IV.

У других экономистов, следующих за Рикардо, он нашел определение ренты, как сверх-прибыли, определение, которое предполагает, что арендатор является капиталистом, или что землю эксплуатирует капиталист, который ждет средней прибыли для этого особого применения капитала, и что само земледелие подчинено капиталистическому способу производства. Короче, землевладение здесь рассматривается только в превращенной форме, которую ему дал капитал, как господствующее производственное отношение общества в его современной буржуазной форме. Джонс отнюдь не разделяет той иллюзии, что капитал существует будто бы с начала мира. Его взгляды на происхождение ренты вообще резюмированы в следующих положениях:

„Способность земли даже при самом примитивном человеческом труде доставлять больше, чем необходимо для содержания земледельца, дает ему возможность платить налог. Это начало ренты“ (стр. 4).

„Прихождение ренты объясняется, следовательно, завладением землей в такое время, когда масса населения вынуждена возделывать ее во что бы то ни стало или умереть с голоду; и когда их скудный капитал, заключенный в орудиях, семенах и т. д., так же как и сами они, прикован с железной необходимостью к земле, так как этого капитала отнюдь недостаточно для того, чтобы обеспечить им содержание в другом промысле, кроме сельского хозяйства“ (стр. 11).

Джонс исследует ренту во всех ее превращениях от самой простой формы, барщины, до современной ренты фермера (Farmers' rent). Он везде находит, что определенной форме труда и его условий соответствует определенная форма ренты, т.-е. землевладения. Так он рассматривает по-порядку трудовую ренту, или ренту крепостных, переход от трудовой ренты к продуктовой ренте, половничество, ренту райотов и т. д.—исследование, подробности которого нас здесь несколько не интересуют. Во всех более ранних формах землевладелец, а не капиталист является непосредственным присвоителем чужого прибавочного труда. Рента (как ее понимают также физиократы) исторически (также у азиатских народов на высшей ступени развития) является общей формой прибавочного труда, безвозмездно выполняемого труда. Здесь присвоение этого прибавочного труда происходит не посредством обмена, как у капиталиста; основой его служит насильственное господство одной части общества над другой, следовательно, прямое рабство, крепостничество или политическое отношение зависимости.

Так как мы здесь должны рассмотреть землевладение лишь постольку, поскольку его понимание связано с пониманием капитала, то мы не будем останавливаться на рассуждениях Джонса и сразу перейдем к тому результату, которым он очень выгодно отличается от всех своих предшественников.

Сначала заметим еще, между прочим, следующее:

При барщине—и формах крепостничества (т.-е. рабства), которые более или менее соответствуют ей—Джонс бессознательно подчеркивает те две формы, к которым сводится всякая прибавочная ценность (прибавочный труд). Вообще характерно, что собственно барщина яснее всего обнаруживает в самой грубой форме существенные особенности наемного труда.

Во второй главе он говорит: Рента при барщине может увеличиваться только: или благодаря более искусному и более целесообразному использованию барщинного труда (относительная прибавочная ценность), чему, однако, препятствует неспособность землевладельца содействовать развитию агрономической науки; или благодаря увеличению количества требуемого труда. В этом случае площадь землевладельца будет возделываться лучше, площадь крепостных, у которых отнят их труд, будет возделываться тем хуже (стр. 61).

Что отличает эту книгу Джонса о ренте от указанной ниже „Syllabus“, это следующее: В первом произведении он исходит из различных форм землевладения, как уже данных, во втором из различных форм труда, которым они соответствуют.

Джонс показывает так же, как этим различным производственным отношениям соответствуют различные степени развития производительности общественного труда.

Барщина (так же как и рабский труд) имеет то общее с наемным трудом, с точки зрения ренты, что последняя уплачивается в труде, не в продуктах, еще меньше в деньгах.

„При половничестве, землевладелец авансирует средства производства и возделыванием земли распоряжается действительный рабочий, что свидетельствует о постоянном отсутствии стоящего между обоими классами класса капиталистов“ (стр. 74).

Рентами райотов Джонс называет все те продуктовые ренты, которые рабочий, извлекающий свою заработную плату из земли, платит суверену, как собственнику ее (4 глава).

Они имеют главным образом в Азии.

„Ренты райотов часто смешиваются с трудовыми рентами и половничеством“ (стр. 136).

Суверен является при этой системе главным землевладельцем.

„Процветание или лучше существование городов в Азии всецело обусловлено потребностями правительства“ (стр. 138).

„Рентами крестьян-хуторян... являются все ренты, которые по договору должны уплачиваться в деньгах крестьянами-арендаторами (peasant tenants), извлекающими свои средства существования из земли“ (стр. 143).

Это имеется, например, в Ирландии.

„На большей части земной поверхности нет денежных рент“.

„Все эти формы (крепостные, ренты райотов, половничество, рента крестьян-хуторян и т. д., короче крестьянские ренты) препятствуют полному развитию производительных сил земли. Различия в производительности внутри данной отрасли промышленности почти всецело объясняются двумя обстоятельствами: во-первых, количеством средств, употребляемых промышленностью для использования ручного труда; и, во-вторых, тем, что накопленные результаты прошлого труда способствуют в различной степени успеху чисто механического ручного труда; следовательно, различными количествами знания, искусства и капитала, использованных в производстве.. Невероятно, чтобы в каком-либо из этих случаев (крестьянских рент) производительность земледельческого труда достигла возможно большого развития.. Это недостаточное развитие производительности земли задерживает рост неземледельческих классов. Ясно, что относительное число людей, которые могут существовать без земледельческого труда, всецело зависит от производительных сил сельских хозяев“ (стр. 157 до 160).

„Когда в Англии исчез труд крепостных, тогда в деревне нашлись арендаторы, которые взяли на себя управление именными землевладельцев. Это были свободные крестьяне (yeomen)“ (стр. 166).

Наконец, мы дошли до того пункта, который нас здесь особенно интересует; это рента капиталистических арендаторов. Здесь то резко выступает превосходство Джонса, который доказывает, что то, что Рикардо и другие рассматривают, как вечную форму землевладения, представляет его буржуазную форму; форму, которая вообще появилась лишь тогда, когда, во-первых, землевладение перестало выражать отношение, господствующее над производством, а потому и обществом; во-вторых, когда само сельское хозяйство ведется капиталистически, что предполагает развитие крупной промышленности (по крайней мере мануфактуры) в городах. Джонс доказывает также, что рента в Рикар-

довском смысле существует только в обществе, основой которого служит капиталистический способ производства. С превращением земельной ренты в сверх-прибыль прекращается также прямое влияние землевладения на заработную плату; это другим словом означает не что иное, как то, что землевладелец перестает быть непосредственным присвоителем прибавочного труда, чем теперь является капиталист. Относительная величина ренты касается лишь распределения прибавочной ценности между капиталистом и землевладельцем, а не самого требования этого прибавочного труда. Этот пункт определенно выступает у Джонса, хотя он не высказывает этого ясно.

Джонс пошел значительно дальше Рикардо, как в историческом объяснении, так и в экономическом анализе. Рассмотрим его теорию подробнее. При этом, конечно, натолкнемся на ошибки.

В следующих положениях Джонс правильно указывает те исторические и экономические условия, при которых земельная рента становится сверх-прибылью, или выражением современного землевладения:

„Ренты фермера могут существовать лишь там, где важнейшие отношения различных общественных классов перестали вытекать из земельной собственности, из землевладения“ (стр. 185).

Капиталистический способ производства начинается в мануфактуре и потом лишь подчиняет себе земледелие.

„Первыми, которые подпадают под власть капиталистов, являются мастера и ремесленники (artizans and handicraftsmen)“ (стр. 187).

„Одним из непосредственных последствий этого изменения является возможность доставлять по желанию труд и капитал, примененные в сельском хозяйстве, в другие отрасли производства¹⁾. Пока ленник (Tenant) сам был работающим крестьянином, который, вследствие отсутствия других средств существования, вынужден был извлекать их из земли, он был нуждой прикован к этой земле; небольшой запас средств производства, которым он вероятно владел, был действительно прикован к земле вместе с его владельцем, так как его было недостаточно для того, чтобы доставить ему другие средства существования, если он не употреблен в земледелии. Капиталистический предприниматель разрывает эти оковы, и тогда земледелие оставляется, если в нем не может быть получено столько, как при занятии во многих других промыслах, которые в большом количестве имеются в этом состоянии общества. Рента состоит в этом случае исключительно из сверх-прибыли“ (стр. 188).

„Когда рента получается таким образом, она перестает определять заработную плату... Когда капиталист должен искать рабочих, прекращается та зависимость от землевладельца, и заработная плата определяется другими обстоятельствами“ (стр. 189).

Как получается сверх-прибыль, Джонс собственно, как мы увидим далее, не объясняет, или скорее он это объясняет лишь по-рикардовски, т. е. разницей в степенях плодородия различных земель.

„Когда рента состоит из сверх-прибыли, рента с особого участка земли может возрастать по трем причинам:

1. Благодаря увеличению продукта вследствие накопления больших сумм капитала, вложенных в землю.

¹⁾ И лишь при этой возможности может идти речь об уравнении сельскохозяйственных и промышленных прибылей.

2. Благодаря более производительному употреблению уже примененного капитала.

3. Когда капитал и продукт остаются те же, благодаря уменьшению доли производящих классов в этом продукте и соответствующему увеличению доли землевладельца. Эти причины могут также комбинироваться в различных отношениях* (стр. 189).

Мы увидим, как действуют эти различные причины. Прежде всего все они предполагают существование ренты в виде сверх-прибыли; и далее не подлежит ни малейшему сомнению, что причина 1, которую Рикардо только раз упоминает вскользь, указана совершенно правильно. Если увеличивается примененный в земледелии капитал, то возрастает также сумма ренты, хотя цены на хлеб и т. д. не растут, вообще никакого другого изменения не происходит. Ясно, что в этом случае поднимается также цена земли, хотя хлебные цены не повышаются, вообще в последних не произошло никакого изменения.

Ренту с худшей земли Джонс считает монополярной ценой. Настоящей причиной ренты у него, следовательно, служит: или монополярная цена (как у Бьюкенэна, Сисмонди, Гопкинса и т. д.), когда получается абсолютная рента, которая не вытекает из разницы в плодородии различного рода земель; или дифференциальная рента (рикардовская) ¹⁾.

„Хлеб может продаваться по монополярной цене, то-есть по цене, превышающей издержки и прибыли тех, которые производят его при наименее благоприятных условиях; или по цене, которая дает лишь обычную прибыль. Возьмем первый случай, случай с монополярной ценой; тогда, независимо от всех различий в плодородии возделанных участков, рента будет состоять из той части цены продукта, которая превышает издержки производства, сложенные со средней прибылью. Например, 10 процентов составляют, предположим, среднюю норму прибыли. Если хлеб, который был произведен со 100 ф. ст., может быть продан за 115 ф. ст., то рента составляет 5 ф. ст. Если благодаря дальнейшему усовершенствованьям примененный к той же земле капитал, а также и продукт удваивается, то 200 ф. ст. будут доставлять продукт в 230 ф. ст.; рента возрастает до 10 ф. ст., следовательно, также удваивается. Если, следовательно,

¹⁾ Ad vocem абсолютной ренты: Возьмем золотоносный рудник. Примененный капитал составляет, предположим, 100 ф. ст. (средняя норма прибыли 10 процентов); прибыль, следовательно, 10 ф. ст., рента 10 ф. ст. Предположим, что капитал состоит наполовину из постоянного капитала, в этом случае, машин и вспомогательных вещей, и на половину из переменного капитала. 50 ф. ст. постоянного капитала означают лишь то, что они содержат столько рабочего времени, сколько содержится в 50 ф. ст. золота. Часть продукта, которая равна 50 ф. ст., возмещает, следовательно, этот постоянный капитал. Если остаток продукта равняется 70 ф. ст., и если с 50 ф. ст. постоянного капитала приводятся в движение 50 рабочих, то 50 рабочих должны быть выражены в 70 ф. ст. золота, из которых 50 ф. ст. покрывают заработную плату, 20 ф. ст. реализуют неоплаченный труд (в манускрипте стоит не 70 ф. ст., а 100 ф. ст., и далее: половина покрывает заработную плату, другая половина реализует неоплаченный труд“. К.). Ценность продукта всех капиталов такого же органического строения тогда=120 ф. ст.; и продукт равняется 50 ф. ст.+70 ф. ст. (И здесь стоит 100. К.). Капитал в 100 ф. ст., который имел бы больше постоянного капитала и меньшее число рабочих, производил бы продукт меньшей ценности. Однако, все обычные промышленные капиталы [одинакового органического строения], хотя бы ценность их продукта при подобных же условиях равнялась 120 ф. ст., продавали бы его только по его цене производства в 110. Но в примере с золотоносным рудником, независимо от влияния землевладения, это невозможно, так как ценность здесь выражается в натуральной форме продукта. Следовательно, получилась бы безусловно рента в 10 ф. ст.

хлеб достигает монополярной цены, то увеличение продукта, получаемое благодаря увеличению капитала, при неизменных ценах, может повысить ренту¹⁾ соответственно увеличению затраченного капитала“ (стр. 191)²⁾.

„В небольших государствах хлеб может всегда иметь монополярную цену. . . И в больших странах хлеб может долго иметь монополярную цену, даже в том случае, когда они еще имеют много невозделанной земли, при предположении, что население всегда растет быстрее, чем вновь возделываемая площадь. Но монополярная цена на хлеб, если и не невозможна, то все же необычна в странах с большой и очень разнообразной площадью земли. Когда наступает значительное возрастание цен, то возделывается больше земли или тратится больше капитала на старую землю, пока цена почти не дает больше средней прибыли на затраты. Тогда расширение возделываемой площади прекращается, и в таких странах хлеб обычно продается по цене, которой как раз достаточно для возмещения капитала, примененного при наименее благоприятных условиях, плюс средняя норма прибыли; и рента, которая получается с лучших участков, тогда измеряется излишком их продукта по сравнению с продуктом худшей земли, возделанной с таким же капиталом“ (стр. 192).

„Все, что необходимо для возрастания ренты на всей площади страны, имеющей участки различного качества, это то, что лучшие участки доставляют на добавочный капитал, который затрачивается на них с прогрессом в земледелии, несколько больше, чем безусловно худшие участки. Ибо можно найти средства применить свежий капитал со средней нормой прибыли на каждом участке, который лежит между крайними *A* и *Z*; поэтому ренты будут возрастать на всех участках, которые превосходят тот особый участок“ (стр. 195).

„Если *A*, возделываемый со 100 ф. ст., дает ежегодно 110 ф. ст., при чем 10 ф. ст. представляет обычную прибыль; и *B* со 100 ф. ст. дает 115 ф. ст., а *C* со 100 ф. ст. 120 ф. ст., и т. д. до *Z*, тогда *B* доставляет ренту в 5 ф. ст. и *C* в 10. Теперь предположим, что каждый из этих участков возделывается с 200 ф. ст. . . Следовательно, *A* доставляет 220 ф. ст., *B* 230 ф. ст., *C* 240 ф. ст. и т. д.; так что рента на *B* составляет теперь 10 ф. ст. и на *C* 20 ф. ст. и т. д.“ (стр. 193).

„Общее накопление примененного в земледелии капитала увеличивает продукт на всех родов участках, приблизительно соответственно их первоначальному качеству. Таким образом оно само по себе должно повысить ренты, даже независимо от растущего уменьшения выручки от труда и капитала, которые применяются; и на самом деле совершенно независимо от какой-либо другой причины“ (стр. 195).

В этом состоит заслуга Джона: он впервые ясно подчеркивает, что, раз имеется рента, общее увеличение ее—предполагается всегда, что не происходит никаких революций в способе производства—обусловлено увеличением сельско-хозяйственного капитала, примененного к земле капитала. Это может иметь место не только тогда, когда цены остаются прежние, но даже тогда, когда они падают ниже своего прежнего уровня.

Против того мнения, что выручка с земли падает, Джонс замечает:

„Средняя выручка хлеба в Англии прежде не превышала 12 буш. с акра. Теперь она вдвое больше“ (стр. 199).

„Вполне возможно, что всякая дальнейшая прибавка капитала и труда, которая вкладывается в землю, применяется экономнее и более успешно, чем последняя“ (стр. 199, 200).

„Рента увеличивается вдвое, втрое, вчетверо и т. д., когда капитал возрастает вдвое, втрое, вчетверо, и так дальше, пока капитал может применяться к старой земле без уменьшения выручки и без изменения относительного плодородия возделанных земель“ (стр. 204).

¹⁾ Это слово в оригинале выпущено (описка!). Прим. перев.

²⁾ Это относится к абсолютной ренте так же, как к дифференциальной ренте.

Это, следовательно, первый пункт, составляющий преимущество Джонса перед Рикардо. Раз имеется рента, то она может возрастать благодаря простому увеличению примененного к земле капитала, без какого-либо изменения относительного плодородия земель, или выручек с следующих друг за другом частей примененного капитала, или цен сельскохозяйственных продуктов.

Следующий пункт Джонса состоит в следующем:

„Для возрастания ренты ¹⁾ не требуется безусловно, чтобы отношение плодородия земель оставалось неизменным“ (стр. 205).

Джонс здесь не замечает того, что, наоборот, увеличение различий, даже когда весь сельскохозяйственный капитал применяется производительнее, будет и должно увеличивать сумму дифференциальной ренты. Уменьшение различий плодородия разных земель должно, наоборот, понизить дифференциальную ренту, то-есть ренту, вытекающую из этих различий. Если устранить причину, то будет устранено также и действие. Все же рента может возрастать (совершенно независимо от абсолютной ренты), но тогда только вследствие увеличения примененного земледельческого капитала.

„Рикардо не заметил необходимо наступающих различных действий добавочного капитала на землях различного плодородия“ (i. c.).

Это означало бы лишь то, что применение добавочного капитала увеличивает различия относительного плодородия и тем самым повышает дифференциальную ренту.

„Когда числа, которые стоят в определенном отношении друг к другу, множатся на одно и то же число, то отношение продуктов остается то же, что было между первоначальными числами, но разница между количествами различных продуктов в каждой дальнейшей стадии процесса будет расти. Если 10, 15, 20 множится на 2 или 4, и получается 20, 30, 40 или 40, 60, 80, то отношения их друг к другу остаются те же: 80 и 60 стоят в таком же отношении к 40, как 20 и 15 к 10; но разница между количествами продуктов в при каждой операции будет возрастать. Если вначале она была 5 и 10, то она будет 10 и 20, и наконец 20 и 40“ (стр. 206, 207).

Закон просто состоит в следующем:

1.	⁵ 10, ¹⁰ 15, 20.	Разница ²⁾ 5.	Сумма разниц 15.
2.	¹⁰ 20, ³⁰ 30, 40.	„ 10.	„ „ 30.
3.	²⁰ 40, ⁴⁰ 60, 80.	„ 20.	„ „ 60.
4.	⁴⁰ 80, ⁸⁰ 120, 160.	„ 40.	„ „ 120.

Разница между членами увеличена вдвое во 2, вчетверо в 3, в восемь раз в 4. Сумма разниц также увеличена вдвое во 2, вчетверо в 3, в восемь раз в 4.

¹⁾ Это слово выпущено в оригинале. Прим. перев.

²⁾ Между каждым членом. К.

Это, следовательно, второй закон.

Первый закон был такой (Джонс относит его только к дифференциальной ренте): сумма ренты растет вместе с суммой примененного капитала. Если для капитала в 100 она равна 5, то для капитала в 200 она равна 10.

Второй закон. Если все другие обстоятельства остаются те же, и отношение разниц капиталов, примененных на различных землях, остается то же, то растет сумма разниц и вместе с этим сумма всей ренты, или сумма этих разниц с возрастанием абсолютной величины разницы; а последнее объясняется увеличением примененных капиталов. Следовательно, второй закон может быть выражен таким образом: сумма дифференциальной ренты растет соответственно возрастанию разницы продукта, при неизменном отношении плодородия, вследствие равномерного возрастания примененного на различных землях капитала.

„Далее: Когда 100 ф. ст. затрачивается на различного рода участках А, В и С с продуктом в 100, 115 и 120, а потом 200 ф. ст. с выручкой в 220, 228, 235 ф. ст., то относительные разницы продуктов уменьшились, и земли приблизились друг к другу по плодородию. Несмотря на это, разницы между количествами их продуктов увеличиваются с 5 и 10 до 8 и 15, и потому ренты будут возрастать. Таким образом усовершенствования, которые имеют тенденцию приблизить друг к другу степени плодородия возделываемых земель, могут несомненно повысить ренты при отсутствии других причин“ (стр. 208).

„Возделывание репы и овцеводство и новые капиталы, которые были применены для этого, повысили плодородие бедных земель больше, чем лучших. Но они увеличили абсолютный продукт каждого и повысили ренты, меж тем как разницы в плодородии возделываемых земель они уменьшили“ (1. с).

„При рикардовском взгляде, что улучшения могут понизить ренту, нужно подумать о том, как медленно сельскохозяйственные усовершенствования действительно изобретаются, развиваются и распространяются“ (стр. 211).

Это последнее положение имеет только практический интерес, не касается дела по существу; оно говорит только, что эти усовершенствования не происходят достаточно быстро для того, чтобы значительно увеличить предложение по сравнению со спросом и таким образом понизить рыночные цены.

Вначале мы имеем:

a   *b*   *c*

1. 10, 15, 20. Примененный в каждом классе капитал равен 100. Продукт составляет 110, 115, 120. Разница $5 + 10 = 15$. Вследствие усовершенствований применяется, предположим, двойной капитал, вместо 100 в каждом из классов *a*, *b*, *c* 200; но этот капитал действует на различные классы различно, и мы имеем продукты 220 (следовательно, продукт *a* удвоен), 228 и 235. Итак:

a   *b*   *c*

2. 20, 28, 35. Примененный в каждом классе капитал теперь равняется 200. Продукт составляет 220, 228 и 235. Разница

$8+15=23$. Но норма разницы уменьшена. $5:10=1/2$ и $10:10=1$); меж тем как $8:20$ только $=2/5$ и $15:20=3/4$. Норма разницы уменьшилась, но ее сумма увеличилась. Это, однако, не устанавливает нового закона, а указывает только на возрастание ренты с увеличением примененного капитала, как в первом законе, хотя возрастание на a , b , c не происходит пропорционально их первоначальным различиям в плодородии. Если бы вследствие этого повышения плодородия, которое, однако, представляет [относительное] уменьшение плодородия для b и c , так как иначе их продукт должен был бы равняться 230 и 240, цены понизились бы, то отнюдь не необходимо, чтобы рента повысилась или даже только осталась неизменной.

Как следствие из второго закона, и дальнейшее его применение, получается тогда третий закон: когда благодаря усовершенствованиям, повышающим производительность примененного в земледелии капитала, увеличивается сверх-прибыль, которая реализуется на особых участках, то увеличивается рента.

Сюда относятся следующие положения Джонса (а также и предыдущие):

„Итак, первым источником возрастания рент служат растущее накопление и неодинаковые действия капитала на различных сортах земли“ (стр. 234).

Это, однако, может относиться лишь к улучшениям, которые влияют непосредственно на плодородие земли, как, например, удобрение, плодотворная система и т. п.

„Улучшения, повышающие производительность употребленного в земледелии капитала, способствуют возрастанию ренты, так как они увеличивают реализованные на особых участках сверх-прибыли. Они правильно создают это увеличение сверх-прибыли, если они не увеличивают массы продуктов земли так быстро, что это опережает возрастание спроса. Такие улучшения, повышающие производительность употребленного капитала, наступают обычно при прогрессе сельско-хозяйственного искусства и накоплении значительных масс вспомогательного капитала (auxiliary capital, постоянный капитал. М.) За возрастанием ренты по этой причине обычно следует переход к обработке худших участков, без какого-либо уменьшения доходов с сельско-хозяйственного капитала на самых худших из возделанных участков“ (стр. 244).

Джонс совершенно правильно замечает, что падение прибыли не свидетельствует о [понижении производительности труда в сельском хозяйстве]. Но сам он объясняет возможность этого падения очень неудовлетворительно. Может измениться, [полагает он,] или [масса] продукта или его разделение между рабочими и капиталистами. О действительном законе падения нормы прибыли здесь еще нет никакого намека.

„Падение прибыли не служит доказательством уменьшения производительности сельско-хозяйственного труда“ (стр. 257).

1) В манускрипте стоит 15 вместо 10 и $3/2$ вместо 1. К.

„Прибыль зависит отчасти от массы продукта труда, отчасти от разделения этого продукта между рабочими и капиталистами. Поэтому высота ее может изменяться вследствие изменения одного из этих факторов“ (стр. 260).

Отсюда и ошибочный закон, который он устанавливает:

„Когда, независимо от действий налогов, наступает очевидное уменьшение дохода только что упомянутых производящих классов¹⁾; когда получается падение нормы прибыли, которое не компенсируется возрастанием заработной платы, и наоборот²⁾, тогда можно заключить, что наступило понижение производительности труда и капитала“ (стр. 273).

Это Джонс представляет себе правильно, что относительное возрастание [цены] продуктов земли в сравнении с ценой промышленных продуктов может наступить с прогрессом общества, хотя сельское хозяйство на самом деле абсолютно прогрессирует:

„С прогрессом наций обычно оказывается, что сила и искусство промышленности растет в большей степени, чем этого можно ожидать от сельского хозяйства растущего народа.. Возрастание относительной ценности продуктов земли может быть вызвано с прогрессом наций причиной, которая совершенно отлична от положительного уменьшения производительности сельского хозяйства“ (стр. 265).

Но это не объясняет положительного возрастания денежных цен продуктов земли; разве только если наступает падение ценности денег, когда в промышленности происходит еще более сильное падение товарных цен, меж тем как в сельском хозяйстве этого нет. Это может получиться даже тогда, когда мы не имеем общего падения ценности золота (денег); когда, например, особая нация [получает]³⁾ при дневном труде больше золота, чем конкурирующие нации.

Джонс объясняет, почему он не верит в действие Рикардовского закона в Англии, абстрактную возможность которого он однако допускает.

„Если рента возрастает исключительно по той причине, которую Рикардо с такой уверенностью считает единственно возможной причиной возрастания ренты; именно вследствие применения добавочного количества труда, которое дает относительно меньшую выручку и потому доставляет землевладельцу часть продукта, который раньше получался на лучшем участке: тогда в среднем часть всего продукта, которую берет себе землевладелец в виде ренты, должна возрастать.. В этом случае сельскому хозяйству должен быть посвящен труд большей части населения“ (стр. 280, 281),

Последнее не точно. Возможно, что употребляется относительно больше овеществленного (secondary) труда; больше товаров, приобретенных в промышленности и торговле, входят в сельско-хозяйственный процесс, без соответственного увеличения всего продукта [сельского

¹⁾ Здесь не говорится, что такое доход, потребительная ли ценность или меновая ценность; имеется ли в виду сумма или норма прибыли.

²⁾ Это именно ошибочный рикардовский закон.

³⁾ В манускрипте стоит едва разбираемое слово, которое похоже на „buys“. Предложение гласит в оригинале: This may happen, even if no general fall in the value of gold (money) takes place, but when a peculiar nation f. i buys (?) more money by a days work as the competing nations do“. К.

хозяйства] и без применения большого количества непосредственного труда. Может быть применено даже меньше труда.

„В английской статистике мы находим три факта: Расширение вспашек, сопровождаемое возрастанием всей суммы ренты страны; уменьшение части населения, занятой в земледелии; сокращение доли землевладельца в продукте“ (стр. 282).

Последнее объясняется совершенно так же, как падение нормы прибыли: увеличением части продукта, которая возмещает постоянный капитал. При этом рента может расти в массе и ценности.

„А. Смит говорит: С прогрессом улучшений рента в сравнении с продуктом уменьшается, хотя сумма ее возрастает“ (стр. 284).

Джонс называет постоянный капитал „auxiliary capital“ [вспомогательный капитал].

Из различных докладов, представленных в различное время в департаменте земледелия, следует, что в Англии весь употребленный в сельском хозяйстве капитал относится к капиталу, требуемому для содержания рабочих, как 5:1; т. е., что употребляется вчетверо больше вспомогательного капитала, чем такого, который служит для содержания труда, употребленного непосредственно для обработки земли. Во Франции это отношение выражается 2:1“ (стр. 223).

„Когда употребляется определенное количество добавочного капитала в форме результата прошлого труда, чтобы повысить производительность труда занятых рабочих, то для того, чтобы применение такого капитала было выгодно и потому продолжалось, будет достаточно меньшей годовой выручки, чем в том случае, если бы то же самое количество нового капитала было затрачено на содержание добавочных рабочих“.

„Предположим, 100 фунт. стерл. было бы затрачено на содержание трех рабочих, которые производят свою собственную заработную плату п 10 процентов прибыли, следовательно, 110 фунт. стерл. Примененный капитал, допустим, удвоился. Сначала употреблены в дело три новых рабочих. Возросший продукт должен равняться 110 фунт. стерл., заработной плате трех добавочных рабочих плюс 10 ф. ст. прибыли. Предположим теперь, что добавочные 100 ф. ст. употреблены в виде орудий, удобрения или других результатов прошлого труда, меж тем как число занятых рабочих осталось то же. Этот добавочный капитал существует, предположим, пять лет. Годовая выручка капиталиста должна составлять 10 процентов прибыли и 20 ф. ст. для годичного изнашивания его капитала; таким образом, чтобы продолжительное применение вторых 100 ф. ст. было выгодно, необходима выручка в 30 ф. ст., вместо 110 ф. ст., суммы, которая требуется для применения непосредственного труда. Поэтому ясно, что накопление вспомогательного капитала в земледелии выгодно еще тогда, когда употребление той же суммы капитала на содержание добавочного труда уж не имеет больше такого значения, и что накопление такого капитала в земледелии может происходить бесконечно долго“ (стр. 224, 225).

„Возрастание вспомогательного капитала поэтому увеличивает, во-первых, власть человека над силами земли, соответственно количеству труда, вложенного в землю непосредственно или посредственно; во-вторых, оно уменьшает годовые выручки, которые требуются для того, чтобы сделать выгодным растущее применение определенных количеств нового капитала“ (стр. 227).

„Возьмем капитал, например, 100 ф. ст., которые затрачены на землю целиком в виде заработной платы и доставляют 10 процентов прибыли, так что доход арендатора составляет десятую часть дохода рабочих. Если капитал удвоится или учетверится, а также число рабочих, тогда доход арендатора будет стоять в таком же отношении к доходу рабочих, как и раньше. Но когда число рабочих остается то же, и сумма капитала удваивается, тогда прибыль при той же норме прибыли будет составлять 20 ф. ст. или одну пятую дохода рабочих. Если капитал увеличится в 4 раза, то прибыль будет составлять 40 ф. ст., или две пятых дохода рабочих. Если капитал увеличивается до 500 ф. ст., то прибыль будет составлять 50 ф. ст. или половину дохода рабочих.

И богатство, влияние и, вероятно, также в определенных пределах и число капиталистов в обществе будет соответственно расти... Значительное увеличение капитала, каков бы он ни был, который употребляется в каком-либо деле, обычно делает также необходимым употребление в дело некоторого количества добавочного непосредственного труда. Однако, это обстоятельство не будет препятствовать тому, что относительное количество вспомогательного капитала постоянно растет" (стр. 231, 232).

Прежде всего в этом месте важно замечание, что с возрастанием капитала увеличивается вспомогательный капитал в сравнении с переменным, или что последний относительно, в сравнении с постоянным капиталом, уменьшается.

Что годовые выручки в сравнении с авансированным капиталом уменьшаются, когда увеличивается часть вспомогательного капитала, которая состоит из основного капитала, или оборот которого длится несколько лет—ценность его ежегодно входит в продукт лишь в форме изнашивания,—это вообще имеет место, не только в земледелии. Во всяком случае, в индустрии сырой материал, обрабатываемый в течение года, увеличивается еще быстрее, чем сумма основного капитала. Сравним, например, количество хлопчатой бумаги, которое употребляет прядильная машина еженедельно, следовательно также ежегодно, с тем количеством, которое употребляет самопрялка. Но предположим, что, например, швальня (в большем масштабе) обрабатывает такую же ценность в сыром материале, [как и прядильня]; хотя и не такую массу, но сырой материал дороже, чем в прядильне; тогда годовая выручка в швальне должна быть значительно больше, чем в прядильне, так как более значительная часть вложенного основного капитала в последней входит в продукт лишь в виде годичного списывания.

В земледелии, где то, что можно рассматривать, как сырой материал, семена, не увеличивается в такой степени, как остальные части постоянного капитала, именно основной,—естественно ценность годовой выручки меньше, когда капитал растет, но вместо переменного увеличивается только постоянный капитал. Ибо переменный капитал должен быть целиком возмещен в продукте, а постоянный только соответственно своему изнашиванию, поскольку он ежегодно потребляется. Если предположить, что цена хлеба нам дана, если квартал равняется $\frac{1}{2}$ ф. ст. ¹⁾, то требуется 220 кварталов для возмещения переменного капитала в 100 ф. ст. при 10 процентах прибыли, между тем как лишь 60 кварталов (=30 фунт. стерл.) требуется для возмещения 20 ф. ст. изнашивания и 10 ф. ст. прибыли. Меньшая абсолютная выручка дает здесь ту же прибыль, какая получается при подобных условиях в индустрии. Однако, у Джонса здесь имеется несколько ошибок.

Прежде всего нельзя сказать, при данных предпосылках, что производительные силы земли возросли. Они возросли в сравнении с

¹⁾ В манускрипте стоит 2 ф. ст. К.

непосредственно примененным трудом, а не со всем примененным капиталом. Можно только сказать, что требуется меньше всего продукта, чтобы попрежнему доставлять ту же чистую выручку, т.-е. ту же прибыль.

Далее возрастание дохода арендатора в сравнении с доходом рабочих, правда, в этой особой области имеется постольку, поскольку часть всего продукта, которая превращается в прибыль, все больше увеличивается в сравнении с той частью, которая приходится рабочим. Таким образом растет и безусловно расширяется „богатство и влияние“ капиталистического арендатора в сравнении с богатством и влиянием его рабочих. Но Джонс очевидно считает таким образом: 10 на 100 составляет $\frac{1}{10}$; 20 ф. ст. на 120 (именно 100 затрачено на труд, 20 изнашивание) составляет $\frac{1}{6}$; и 20 ф. ст. это $\frac{1}{5}$ выданной рабочим заработной платы и т. д. Однако, нет ничего ошибочнее мнения, что, вообще говоря, норма прибыли может возрасть, в то время как затраченный на труд капитал уменьшается. Как раз наоборот. Реализуется относительно меньше прибавочной ценности. Норма прибыли [следовательно] падает. Что касается специально арендатора, как и каждого дела в отдельности, то норма прибыли может остаться та же, употребляет ли он с капиталом в 200 ф. ст. 3 или 6 рабочих.

Чтобы рента равнялась сверх-прибыли, т.-е. излишку сверх средней прибыли, предполагается не только, что земледелие формально подчинено капиталистическому производству, но что в различных отраслях производства, специально также между земледелием и индустрией происходит уравнивание норм прибыли. Иначе рента так же, как и прибыль может равняться излишку сверх заработной платы. Она может представлять часть прибыли. Она даже может быть вычетом с заработной платы.

2. An Introductory Lecture. Рабочий фонд и норма прибыли.

Второе произведение, которое нас здесь интересует, озаглавлено: R. Jones, An Introductory Lecture on Political Economy, delivered at King's College, Лондон, 27 февраля, 1833. To which is added a Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labour. Лондон 1833.

Джонс там пишет:

„Землевладение почти повсюду в определенный период жизни народа опирается или на правительство, или на лиц, которые в нем заинтересованы“ (стр. 14).

„Под экономической структурой народов я понимаю те отношения между различными классами, которые прежде всего основаны на форме землевладения и распределения прибавочного продукта от земли; и отношения эти в большей или меньшей степени изменяются с появлением капиталистов, как факторов производства и обмена богатства, доставляющих трудящемуся населению пропитание и работу“ (стр. 21, 22).

Р. [Джонс] понимает под рабочим фондом („Labour Fund“) всю сумму доходов, которые потребляются рабочими, каков бы ни был источник этих доходов (стр. 45).

Основная мысль Джонса (слово Labour Fund принадлежит ведь Мальтусу?) такова: вся экономическая структура общества вертится вокруг формы труда; то-есть вокруг формы, в какой рабочий присваивает себе свои средства существования или часть своего продукта, которой он живет. Этот рабочий фонд имеет различные формы, и капитал представляет лишь одну из его форм, исторически позднюю форму. Только у Р. [Джонса] существенное различие А. Смита—оплачивается ли труд капиталом или непосредственно из дохода—достигает возможно полного развития и становится главным ключом для понимания различных экономических структур общества. В то же время исчезает бессмысленное представление, что, так как в капитале доход рабочего с самого начала выступает в форме присвоенного *alias* сбереженного капиталистом, то это представляет будто бы больше, чем различные форм.

„Даже если мы обернемся на запад и остановимся на более передовых нациях Европы, то мы не найдем ни одной нации, где обычаи, учреждения и экономическая структура не свидетельствовали бы об особенностях, в которых мы можем ясно проследить действия прежних общественных форм, вытекающих из своеобразного способа распределения продукта ее земли и ее труда; способа распределения, который введен был с начала ее существования, как земледельческой нации“ (стр. 16).

Этот способ распределения основан именно на том, что часть получается классом сельско-хозяйственных рабочих; наряду с ними имеются также землевладельцы; в-третьих, их челядь, слуги и ремесленники, которые непосредственно или косвенным образом также питаются доходом землевладельцев.

Изменения, претерпеваемые этими экономическими формами, имеют свой большой движущий фактор в капитале, то-есть в накопленном богатстве, который применяется для получения прибыли. У всех наций особое распределение богатства, на которое здесь было указано, играет очень важную роль при изменении отношений между различными классами общества, и при определении их производительной силы.

„В Азии и в части Европы (раньше во всей Европе) неземледельческие классы содержатся всецело доходами других классов, главным образом, землевладельцев. Если тебе нужен труд ремесленника, ты достаешь для него материал; он приходит в твой дом, ты его кормишь, и даешь ему его заработную плату. Спустя некоторое время появляется капиталист; он достает материал, ссужает рабочему его заработную плату; он становится его хозяином и владельцем произведенного предмета, который он обменивает на твои деньги... Таким образом, получается класс посредников между землевладельцами и частью неземледельческого населения, и эта часть в своей работе и питании поставлена в зависимость от класса посредников. Узлы, которые некогда связывали общество, сгнили и распадаются; другие узлы, другие принципы соединения приковывают теперь друг к другу его различные классы; возникают новые экономические отношения... Здесь в Англии не только большая масса неземледельческого населения почти всецело зависит от платы капиталистов, но и трудящиеся хлебопашцы являются также их слугами“ (стр. 16 и след.).

„Syllabus of a course of lectures on the Wages of Labour“ отличается от книги „On Rent“ следующим: в последнем рассматриваются различные формы землевладения, которым соответствуют различные общественные формы труда. В первом автор исходит из этих различных форм труда и рассматривает различные формы землевладения и капитал, как их следствие. Форме, в какой эти средства производства противостоят рабочему—следовательно, именно земля, природа, так как это отношение включает все остальные—соответствует социальный характер его труда. Но на самом деле этот последний только находит в первой свое объективное выражение. Поэтому мы увидим, что различным формам рабочего фонда соответствуют различные виды отношения рабочего к своим собственным условиям производства. Способ присвоения им своего продукта или части его зависит от того, как он относится к условиям своего производства.

„Рабочий фонд“, говорит Джонс, „может быть разделен на три больших класса: 1. Доходы, произведенные рабочими, которые потребляют их сами, и никогда не принадлежащие другим лицам.

В этом случае рабочий фактически должен быть владельцем своих средств производства, какова бы [ни была] особая форма [дохода].

2. Доходы, принадлежащие классам, отличным от рабочих, и затрачиваемые этими классами на непосредственное содержание рабочих. 3. Капитал в собственном смысле, как запас или накопленное богатство, которое применяется для получения прибыли. Эти различные разветвления рабочего фонда все имеются в нашей собственной стране; когда мы обратимся за-границу, мы находим, что те части этого фонда, которые здесь имеются в самом ограниченном количестве, где-нибудь в другом месте образуют главные источники существования населения больших и важных стран земного шара и определяют характер, а также отношения большинства народа“ (стр. 45, 46).

О первом классе Джонс говорит:

„Такие доходы представляют заработные платы сельских хозяев, которые сами работают, или крестьян-собственников... Эти сельские хозяева, которые сами работают, или крестьяне, могут быть разделены на три группы; наследственных владельцев (occupiers), собственников, ленников (tenants). Группа ленников распадается на крепостных, исполщиков, бобылей. Последние составляют значительный и преобладающий класс в Ирландии. Нечто в роде ренты или прибыли часто содержится в доходах крестьянских сельских хозяев всех классов: но когда их средства существования главным образом зависят от оплаты их физического труда, они входят в область нашего настоящего исследования“ (то-есть они должны рассматриваться, как наемные рабочие. М.).

Среди работающих крестьян имеются, следовательно: а) Наследственные владельцы, которые сами возделывают землю. Мы их находим в древней Греции, в современной Азии, особенно в Индии. б) Крестьяне-собственники. Во Франции, Германии, Америке, Австралии, древней Палестине. в) Ленники (стр. 46, 48).

Характерно здесь следующее: рабочий воспроизводит для самого себя рабочий фонд. Последний не превращается в капитал. Он его непосредственно себе присваивает в таком виде, в каком он его производит; хотя его прибавочный труд, в зависимости от формы

его отношения к своим условиям производства, остается у него самого целиком или отчасти; или же весь прибавочный труд присваивается другими классами. Это только экономический предрассудок, когда Джонс называет их наемными рабочими. У них нет ничего, что характеризует наемного рабочего. Это великолепное буржуазно-экономическое представление: так как при господстве капитала та часть продукта, которую рабочий берет себе, представляет заработную плату, то потребленная самим рабочим часть его продукта должна быть заработной платой.

„Второй класс состоит в Англии из слуг, солдат, матросов и ремесленников, которые работают самостоятельно и получают плату из доходов тех, на кого они работают. На значительной части земного шара, эта ветвь общего рабочего фонда содержит почти все неземледельческое рабочее население... Раньше этот фонд преобладал также в Англии (Уоррик, делатель королей, английское мелкое дворянство). Теперь он еще преобладает на востоке, содержит ремесленников и слуг. Он дает средства на содержание больших армий. Таковы следствия концентрации этого фонда в руках суверена при азиатских отношениях. Внезапное возникновение городов. Их внезапный упадок. Самарканд. Кандагар и друг.“ (стр. 48, 49).

Джонс не говорит о двух главных формах: во-первых, об азиатской общине с ее соединением земледелия и индустрии. Во-вторых, о городских цехах, существовавших в средние века, отчасти также в древние века. О третьем классе сказано:

„Капитала никогда нельзя смешивать со всеобщим мировым рабочим фондом, значительная часть которого состоит из доходов. Все виды доходов нации, заработные платы, ренты, прибыли, производные доходы—участвуют в накоплениях, которые образуют капитал. Они это делают в различной степени в различных странах и на различных ступенях развития общества. Иногда заработные платы и ренты больше всего участвуют в этом“ (стр. 50).

Так как прибавочный труд не обменивается, как доход, на труд, а превращается в капитал, то кажется, что капитал представляет сбережение из дохода. Это основная точка зрения Джонса. И с прогрессом общества масса капитала на самом деле все больше и больше состоит из дохода, который таким образом обратно превращен в капитал. Но в капиталистическом производстве первоначальный рабочий фонд представляется в виде сбережения капиталиста. Воспроизведенный рабочий фонд не принадлежит рабочему, как в первом классе, а является собственностью капиталиста, чужой для рабочего собственностью. И этот пункт у Джонса не развит.

* * *

То, что Джонс говорит в этом „*Coingse*“ о норме прибыли и ее влиянии на накопление, слабо:

„При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своих прибылей меняется вместе с нормой прибыли; первая велика, когда последняя высока; она меньше, когда последняя низка. Но когда норма прибыли падает, все остальные условия не остаются неизменными. Сумма примененного капитала может расти в сравнении с населением“ (стр. 50).

Джонс не понимает, как из „возможности“ роста примененного капитала вытекает, что норма прибыли падает, когда „сумма примененного капитала увеличивается в сравнении с населением“. Но он приближается к правильному пониманию.

„Причины и возможности накопления могут возрастать... Низкая норма прибыли обычно сопровождается быстрым темпом накопления в сравнении с количеством населения, как в Англии, и высокая норма прибыли более медленным темпом (накопления) в сравнении с количеством населения, как в Польше, России, Индии и т. д.“ (стр. 50 и след.).

Где имеется высокая норма прибыли, не говоря о таких случаях, как в Северной Америке, где, с одной стороны, господствует капиталистическое производство, с другой стороны, ценность всех продуктов земли низка, — [это объясняется обычно тем], что капитал состоит главным образом из переменного капитала, следовательно, преобладает непосредственный труд. Возьмем капитал в 100, где пятая часть является переменным капиталом. И предположим, что прибавочный труд составляет треть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 10 процентам. Предположим, четыре пятых капитала представляют переменный капитал, и прибавочный труд лишь шестую часть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 16 процентам.

„Ошибочна теория, что там, где с прогрессом наций норма прибыли падает, средства для производства предметов необходимости для растущего населения должны сократиться. Эта ошибка вытекает: 1) из ошибочного мнения, что накопление из прибыли должно было происходить медленно, там, где прибыли низки, и быстро, где они высоки; 2) из ошибочного предположения, что прибыль является будто бы единственным источником накопления; 3) из ошибочного мнения, что все рабочие земного шара живут будто бы только от накоплений и сбережений из дохода и никогда от самого дохода“ (стр. 51).

„В экономической структуре наций наступают изменения, как только капитал берет на себя задачу авансировать заработную плату... Величина капитала, служащего для содержания труда, может изменяться без какого-либо изменения всей суммы капитала (это важное замечание М)... Иногда можно наблюдать, что большие колебания в количестве работы и большие бедствия, вытекающие отсюда, бывают тем чаще, чем больше капитал... Периоды постепенного перехода рабочих из зависимости от одного фонда в зависимость от другого фонда... Перемещение (transfer) работающих сельских хозяев в категорию оплаты капиталистами... Перемещение неземледельческих классов в категорию занятых капиталистами“ (l. c.).

Весь капитал может оставаться тем же, и все же может наступить изменение — именно уменьшение — в переменном капитале. Изменение в отношении между обеими составными частями капитала не включает необходимо изменения в величине всего капитала.

С другой стороны, возрастание всего капитала может быть связано не только с относительным, но с абсолютным уменьшением переменного капитала, и всегда связано с сильными „колебаниями в нем, а потому и в количестве работы“.

„Transfer“ Джонс называет то, что я называю „первоначальным накоплением“. Только различные форм. Опять эта нелепая теория [возникновения капитала благодаря] „сбережению“.

„Рабство. Рабы могли бы различаться, как пастушеские, земледельческие, рабы домашние, наконец, рабы смешанного характера между земледельческими и домашними рабами. Мы находим рабов в виде крестьян, домашней прислуги, мастеровых, которые содержатся из доходов богатых, в виде ремесленников, которые содержатся капиталом“ (см. 59).

Но пока господствует рабство, капиталистические отношения могут существовать лишь спорадически; они могут играть подчиненную, а не господствующую роль.

3. Textbook.

а. Доход и капитал.

Следующим важным произведением Р. Джонса является его „Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations“ Hertford 1852.

[Разберем сначала некоторые из его рассуждений].

„Производительность труда народов в действительности зависит от двух обстоятельств: во-первых, от плодородия или неплодородия первоначальных источников (земли и воды М.) богатства, которое они производят. Во-вторых, от успешности труда, который они применяют, когда они пользуются этими источниками или создают получаемые из них товары“ (стр. 4).

„Успешность человеческого труда зависит: 1) от непрерывности, с какой он выполняется; 2) от знания и искусства ¹⁾, с каким он применяется в интересах производителя; 3) от механической силы, которая ему помогает“ (стр. 6.).

„Сила, которую проявляет рабочий в производстве богатства... может быть увеличена 1) тем, что он пользуется движущими силами, которые больше его собственных сил; 2) тем, что он применяет известное количество или известный род движущей силы, которая находится в его распоряжении, таким способом, который дает механическую выгоду...; так, например, локомотив в 40 лошадиных сил на железной дороге действует иначе, чем на большой дороге“.

„Лучшая форма плуга выполняет с двумя лошадьми труд в таком же количестве и такого же качества, как худшие плуги с четырьмя лошадьми“ (стр. 9).

„Паровая машина не является простым орудием; она дает увеличение движущей силы, не только средства для механически более выгодного применения сил, которыми уже обладает рабочий“ (стр. 10, примечание).

Это, следовательно, по Джонсу различие между орудием и машиной. Первое дает рабочему возможность с большим механическим успехом применить силы, которыми обладает рабочий; вторая дает возрастание движущей силы. (?) ²⁾.

„Капитал состоит из богатства, которое представляет сбережение из дохода и применяется для получения прибыли“ (стр. 16).

„Возможные источники капитала... это очевидно все доходы всех индивидумов, образующих общество; доходы, из которых можно делать сбережения. Особые виды доходов, которые больше всего способствуют росту национального капитала, меняются в различных стадиях их развития; потому они совершенно различны у наций, которые находятся на различных ступенях в этом процессе развития“ (1. с.).

¹⁾ Джонс здесь замечает: „Я употребляю слово искусство (skill) в несколько более узком смысле для обозначения применения знания при производстве богатства“. К.

²⁾ Вопросительный знак поставлен Марксом. К.

„Прибыль, следовательно, далеко не является единственным источником образования и увеличения капитала. Развитие производительных сил общества имеет длинный путь; в той стадии, в какой теперь еще находится большинство наций земного шара, накопление из прибылей ничтожно в сравнении с накоплением из заработных плат и рент“ (стр. 20).

„Когда силы национальной индустрии достигли значительной высоты, тогда прибыль приобретает сравнительно большое значение, как источник накопления“ (стр. 21).

Капитал, таким образом, представляет часть того богатства, из которого состоит доход; часть, которая затрачивается не в виде дохода, а для производства прибыли. Прибыль уже представляет такую форму прибавочной ценности, которая предполагает уже капитал. Если предполагается капиталистический способ производства, т.-е. капитал, то объяснение правильно. То-есть, если предполагается то, что должно быть объяснено. Но Джонс имеет здесь в виду все доходы, которые затрачиваются не в виде дохода, а с целью обогащения, следовательно, производительно.

Однако здесь имеется два важных обстоятельства.

Во-первых: известное накопление богатства происходит на всех ступенях экономического развития; то-есть, отчасти расширение производства, отчасти образование сокровища и т. д. Заработная плата и рента являются главными источниками накопления в таком состоянии общества, когда заработная плата и рента господствуют — то-есть, согласно вышесказанному, пока большая часть прибавочного труда и прибавочного продукта, который вообще не достается самому рабочему, поступает к землевладельцу (в Азии государству); и с другой стороны, рабочий сам воспроизводит свой рабочий фонд; свою заработную плату он не только сам производит, но и сам себе ее выдает; при этом он большей частью (почти всегда в этом состоянии общества) имеет возможность присвоить себе по крайней мере часть своего прибавочного труда и прибавочного продукта. Прибыль здесь ограничена кучками и т. д. Лишь когда капиталистическое производство стало господствующим, когда оно не только существует спорадически, а подчинило себе способ производства общества; когда капиталист на самом деле непосредственно присваивает себе весь прибавочный труд и весь прибавочный продукт, с самого начала; хотя он и может быть вынужден заплатить часть его землевладельцам и т. д., — лишь с этого момента прибыль становится главным источником капитала, накопления, богатства, которое составляет сбережение из дохода и употребляется для получения прибыли. В то же время это предполагает (господство капиталистического способа производства включает это), что „силы национальной индустрии достигли значительной высоты“.

Ослам, следовательно, которые воображают себе, что без прибыли на капитал не могло бы происходить накопления; или которые оправдывают прибыль тем, что капиталист приносит жертву и из своего дохода делает сбережение для производительных целей, — Джонс отвечает, что эта функция „накопления“ принадлежит преимущественно капиталисту

лишь при этом специфическом способе производства (капиталистическом); что при прежних способах производства эта функция главным образом принадлежала самому рабочему и отчасти землевладельцу, и прибыль здесь почти не играла никакой роли.

Функция [накопления] естественно всегда переходит к тем: 1) кто владеет себе в карман прибавочную ценность, и 2) среди тех, кто владеет себе в карман прибавочную ценность, преимущественно к тем, кто в то же время является агентом в производстве. Если, следовательно, говорят, что прибыль оправдывается будто бы тем, что капиталист „сберегает“ свой капитал из прибыли, и что он выполняет функцию накопления,—то говорят лишь, что капиталистический способ производства оправдывается тем, что он существует, что относится также к предыдущим и последующим способам производства. Если говорят, что другим способом накопление будто бы невозможно, то забывают, что этот определенный способ накопления—капиталистом—имеет историческую дату и приближается также к исторической дате своего прекращения.

Во-вторых: раз в руки капиталистов *per fas* и *nefas* перешло столько накопленного богатства, что они могут завладеть производством, то можно считать, что самая большая часть наличного капитала через определенный промежуток времени получена исключительно из прибыли (дохода), то-есть из капиталистической прибавочной ценности.

Джонс недостаточно оттеняет один пункт, который собственно подразумевается у него; именно: когда работающий производитель сам себе выдает свою заработную плату, и его продукт не получает сначала формы, в которой он „сберегается“ из дохода других людей и потом обратно уплачивается рабочему,—тогда необходимо, чтобы рабочий был владельцем условий своего производства (как собственник, или ленин, наследственный арендатор и т. д.). Чтобы его заработная плата (м следовательно рабочий фонд) противо[стояли] ему, как чужой капитал, он должен потерять эти условия производства: они должны принять форму чужой собственности. Лишь после того как вместе с условиями его производства у рабочего отняли его рабочий фонд; после того как последний самостоятельно противостоит ему в виде капитала,—начинается дальнейший процесс, который представляет не простое воспроизводство этих первоначальных условий, а их увеличение: как условия производства, так и рабочий фонд противостоят рабочему в виде „сбережения“ из дохода других лиц, которое превращается в капитал. Вместе с владением условиями своего производства и также своим рабочим фондом он потерял также функцию накопления; и всякая прибавка к богатству, которую он делает, представляется в виде дохода других людей; она должна сначала представлять „сбережение“ этих людей, т.-е. не должна быть затрачена в виде дохода, чтобы выполнять функции капитала и рабочего фонда для рабочего.

Так как Джонс сам говорит о той структуре общества, когда дело обстоит еще не так, когда еще имеется единство [рабочего и средств производства], то естественно он должен был бы представить это „разделение“, как процесс образования капитала. Раз оно имеется, то процесс, конечно, наступает—он продолжается и расширяется,—тогда прибавочный труд рабочего всегда противостоит ему в виде чужого дохода, „сбережение“ которого служит единственным источником накопления богатства и увеличения размеров производства.

Обратное превращение дохода в капитал. Если капитал, т.-е. отделение условий производства от рабочего, служит источником прибыли; т.-е. того, что прибавочный труд является доходом капитала, а не труда,—то прибыль служит источником капитала, воспроизводства капитала; т.-е. того, что добавочные условия производства противостоят рабочему в виде капитала, в виде средств, дающих возможность содержать его как рабочего и снова присвоить его прибавочный труд. Первоначальное единство между рабочим и средствами производства—здесь мы оставляем в стороне отношения при рабстве, когда рабочий сам относится к объективным условиям труда—имеет две главные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое родовое сельское хозяйство (с которым связана домашняя индустрия) в той или другой форме. Обе формы являются детскими формами и одинаково не годятся для того, чтобы развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда. Отсюда необходимость разделения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью; последнюю нужно понимать, как собственность на условия производства. Последняя форма этого разрыва, когда в то же время сильнее всего развиваются производительные силы общественного труда, получается при капитале. Лишь на материальной основе, которую он создает, и благодаря тем революциям, которые прodelывает в процессе этого созидания рабочий класс и все общество, снова может быть создано первоначальное единство.

Джонс недостаточно оттеняет еще следующий пункт:

Доход, который непосредственно, как таковой, обменивается на труд, если это не доход самостоятельного рабочего, который дает занятие второму рабочему, есть доход землевладельца; последний получается из ренты, которую ему платит самостоятельный рабочий; он сам со своими слугами и челядью не потребляет всей ренты *in natura*; отчасти он на нее покупает продукт и услуги других рабочих и т. д. Это, следовательно, всегда предполагает первое отношение.

* * *

Подобно тому как часть прибыли считается процентом, даже когда промышленный капиталист применяет лишь свой собственный капитал, так как эта часть представляет особую форму прибыли: так на основе

капиталистического способа производства, когда рабочему принадлежат его собственные условия производства, последние рассматриваются, как капитал, даже когда он не употребляет в дело других рабочих. Часть его собственного труда, которую он реализует сверх того, что составляет обычную заработную плату, считается прибылью, обусловленной его капиталом. Тогда этот рабочий сам распадается на различные экономические категории. Как его собственный рабочий, он получает свою заработную плату; и как капиталист—свою прибыль. Это замечание относится к главе: Доход и его источники.

* * *

Что касается влияния на производительные силы нации, то существует разница между богатством, которое является сбережением и затрачивается в виде заработной платы, для получения прибыли, и тем богатством, которое затрачивается из дохода для содержания труда. В виду этого различия я употребляю слово капитал для обозначения исключительно той части богатства, которая составляет сбережение из дохода и употребляется для получения прибыли“ (стр. 36, 37).

„Мы несомненно можем, если хотим, понимать под капиталом всякое богатство, которое идет на содержание рабочих, безразлично, имелся ли здесь раньше процесс сбережения или нет... Проследим положение рабочего класса и тех, которые ему платят, у различных наций и при различных условиях; мы тогда должны, следовательно, различать между капиталом, который представляет сбережение, и капиталом, который не подвергался процессу накопления; короче между капиталом, который является доходом, и капиталом, который представляет не доход, а нечто другое“ (стр. 36).

„У всех наций старого света, за исключением Англии и Голландии. заработная плата сельских рабочих авансируется не из фондов, которые представляют сбережение из доходов или накопление, а из фондов, которые были произведены самими рабочими, и которые никогда не существуют иначе, как в форме запаса для их собственного непосредственного потребления“ (стр. 37).

Джонс выделяется среди других экономистов, за исключением разве Сисмонди, тем, что он оттеняет определенное общественное отношение, которое выражается в капитале, как самое главное; и к этому он сводит все различие между капиталистическим и другими способами производства. Именно то, что труд превращается непосредственно в капитал, и что с другой стороны этот капитал покупает труд, не ради его потребительной ценности, а для увеличения своей ценности, для создания прибавочной ценности, более высокой меновой ценности, „для получения прибыли“.

Но в то же время оказывается, что „сбережение дохода“, для превращения его в капитал, и „накопление“ капитала отличается лишь формой от других способов, где „богатство служит для содержания рабочих“. Сельские рабочие в Англии и Голландии, которые получают заработную плату „авансом“ от капитала, „сами производят свою заработную плату“ так же, как французский крестьянин или живущий своим трудом русский крепостной. Если рассматривать процесс производства, как непрерывный процесс, то оказывается, что капиталист ссужает рабочему сегодня только в виде „заработной платы“ часть

продукта, который рабочий „произвел“ вчера. Разница, следовательно, заключается не в том, что в одном случае рабочий производит свою собственную заработную плату и в другом случае нет. Разница заключается в том, что этот продукт его [в одном случае] появляется в виде заработной платы; что в одном случае продукт рабочего, часть продукта рабочего, которая образует рабочий фонд, сначала существует в виде чужого дохода; во-вторых, он не затрачивается в виде дохода и не затрачивается также на труд, где доход непосредственно потребляется; в-третьих, он противостоит рабочему в виде капитала, который возвращает ему эту часть продукта в обмене не только на эквивалент, а на большее количество труда, чем овеществлено было в продукте. Так его продукт выступает: 1) в виде чужого дохода, 2) в виде „сбережения“ от дохода, для покупки труда с целью получить прибыль, т.-е. для употребления его в виде капитала.

Выражение: в этом процессе рабочему противостоит его собственный продукт в виде капитала,—представляет то же самое, что и выражение: рабочий фонд „проделал раньше процесс сбережения“, „процесс накопления“; этот фонд, прежде чем обратно превратиться в средства существования для рабочего, раньше существует в другой форме (здесь определенно речь идет только об изменении формы), а не в форме „запаса“ для собственного непосредственного потребления рабочих. Все различие заключается в превращении формы, которому подвергается произведенный рабочим рабочий фонд, прежде чем он к нему возвращается в форме рабочего фонда. Когда имеются самостоятельные крестьяне или ремесленники, [рабочий фонд] поэтому никогда не получает формы заработной платы. „Сбережение“ и „накопление“ здесь представляют, поскольку имеется в виду рабочий фонд, только названия для превращения формы, которому подвергается продукт рабочего. Самостоятельный рабочий ест свой продукт совершенно так же, как наемный рабочий; или лучше последний совершенно так же, как первый. Только у последнего его продукт является, как нечто, сбереженное или накопленное другими, как доход капиталиста. В действительности дело скорее обстоит таким образом, что этот процесс дает капиталисту возможность, „сберечь“ или „накопить“ прибавочный труд рабочего для себя самого; потому Джонс и подчеркивает так сильно, что в не капиталистическом способе производства накопление получается не из прибыли, а из заработной платы, т.-е. дохода самостоятельного сельского хозяина или ремесленника; который непосредственно обменивает свой труд на доход—как могли бы иначе последние превратиться в буржуев?—и из ренты землевладельца. Но для того, чтобы рабочий фонд подвергся этому превращению, необходимо, чтобы средства производства противостояли рабочему в виде капитала, чего нет в других формах. В последнем случае кажется, что увеличение богатства исходит не от рабочего, а получается благодаря сбережению.

из прибыли—благодаря обратному превращению прибавочной ценности капитал—совершенно так же, как рабочий фонд противостоит рабочему в виде капитала, до увеличения благодаря новому накоплению.

„Сбережение“ в буквальном значении имеет смысл лишь для капиталиста, который капитализирует свой доход, по отношению к тому, который его с'едает, затрачивает, как доход. Но оно не имеет никакого смысла для капиталиста по отношению к рабочему.

Два факта характеризуют прежде всего капиталистическое производство: Во-первых, концентрация средств производства в немногих руках, благодаря чему они перестают существовать в виде непосредственной собственности отдельных рабочих, а имеются как потенции общественного производства, хотя вначале еще в виде собственности неработающих капиталистов; последние являются управляющими (trustees) в буржуазном обществе и получают все плоды этого управления.

Во-вторых, организация самого труда, как общественного труда, благодаря кооперации, разделению труда, и соединению труда с результатами господства общества над силами природы. Этими двумя способами капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще и в противоречивых формах.

б. Исторический характер капиталистического способа производства.

У А. Смита главное различие между производительным и непроизводительным трудом состоит в том, что первый обменивается непосредственно на капитал, второй непосредственно на доход; но смысл этого различия вполне выясняется лишь у Джонса. Здесь видно, что первый труд характеризует капиталистический способ производства; второй относится, там, где он является господствующей формой, к прежним способам производства; а там, где он такого значения не имеет, он ограничивается или должен был бы ограничиваться областями, где нет непосредственного производства богатства.

„Капитал есть орудие, которое приводит в действие все то, что способствует увеличению успешности человеческого труда и производительных сил наций... Капитал есть накопленный результат прошедшего труда, который употребляется для того, чтобы вызвать определенное действие в определенном направлении производства богатства ¹⁾...“

„Но... этот капитал... не выполняет в каждой общине всех тех задач, которые он может выполнить. Во всяком случае он подходит к ним, лишь постепенно выполняя одну задачу за другой; замечательно и в высшей степени важно, что та особая функция, выполнение которой необходимо, для того чтобы

¹⁾ В примечании к этому Джонс говорит: „Правильно и разумно считать акт производства незаконченным, пока произведенный товар не попал в руки индивидуума, который его должен потребить. Все, что происходит до того, имеет в виду эту цель. Лошадь и телега лавочника, которые доставляют нам чай из Гертфорда в нашу школу, также необходимы, если мы должны получить этот чай для того, чтобы потребить его, как и труд китайца, который сорвал и высушил листья“.

силы капитала для всех его других функций достигли значительного развития, это именно та, которой капитал для большей части рабочих земного шара вообще еще не выполнил.

Я имею в виду авансирование заработной платы“..

„Заработная плата авансируется капиталистами менее, чем для четвертой части рабочих земного шара.. Этот вопрос имеет громадное значение при сравнении прогресса наций“ (I. с., стр. 36, 36).

Капитал или накопленный запас лишь поздно приступает к функции авансирования рабочему его заработной платы, после того как он уже выполнил различные другие функции при производстве богатства“ (стр. 79).

В последнем предложении (стр. 79) капитал на самом деле представлен в виде „отношения“, не только в виде „накопленного запаса“ (stock), а в виде совершенно определенного производственного отношения. „Запас“ не может „брать себе функции авансирования заработной платы“. И Джонс подчеркивает, что капитал в своей основной форме—в которой он определяет отличительный характер всего процесса социального производства; в которой он господствует над ним и создает совершенно новое развитие производственной ступени общественного труда; в которой он революционизирует все социальные и политические отношения,—представляет ту форму, в которой он противостоит наемному труду, выдает заработную плату. Он указывает, что до выступления капитала в этой отличительной функции он выполняет другие функции, существует в других подчиненных, но исторически более ранних формах; что его сила вполне развивается однако во всех его функциях с его появлением в виде промышленного капитала. С другой стороны, мы имеем здесь третью лекцию,—„О том, как капитал или капиталисты (вот в чем дело, в этом или: только благодаря этому олицетворению накопленный запас становится капиталом) постепенно берут себе различные функции в производстве богатства“. Там Джонс не говорит, каковы более ранние функции. На самом деле это могут быть лишь функции меркантильного капитала, или капитала, занятого в денежной торговле. Но хотя Джонс так близок к правильному взгляду и некоторым образом сам его выражает, он, с другой стороны, все же, как экономист, так проникнут буржуазным фетишизмом, что никакой чорт не может решить, не понимает ли он здесь различных функций под тем, на что может служить „накопленный запас“, как таковой.

Он говорит: „Капитал или накопленный запас потом лишь берет на себя функцию авансирования рабочему его заработной платы, после того как он при производстве богатства уже выполнил различные другие функции“. Это предложение служит великолепным выражением его противоречия: с одной стороны, здесь имеется историческое понимание капитала; с другой стороны, оно затемнено экономической ограниченностью, что „запас“, как таковой, есть будто бы „капитал“. Поэтому „накопленный запас“ становится личностью, которая берет на себя функцию авансирования людям заработной платы. Необходимо еще освободиться от экономической ограниченности, которая имеется еще

у Джонса, раз капиталистический способ производства рассматривается, как определенный исторический способ производства, и не представляет уже вечных, естественных производственных отношений.

Мы видим, какой большой скачек сделан от Рамзэя до Джонса. Рамзэй полагает, что именно та функция капитала, которая делает его капиталом, авансирование заработной платы, представляет случайное явление, обусловленное только нищетой значительной массы населения и безразлично для процесса производства, как такового. В этой ошибочной форме он отрицает необходимость капиталистического способа производства. Иначе обстоит дело у Джонса. Интересно, что оба они были попами государственной церкви. Английские попы государственной церкви повидимому думают все же больше, чем континентальные. Джонс указывает на то, что именно эта функция [авансирования заработной платы] делает капитал капиталом и определяет характерные особенности капиталистического способа производства. Он также объясняет, как эта форма появляется лишь на более высокой ступени развития производства и создает тогда совершенно новую материальную основу. Но поэтому он понимает также гораздо глубже, чем Рамзэй: что эта форма должна исчезнуть, что это исторически необходимая преходящая форма. Он отнюдь не считает капиталистические отношения вечными.

„Когда-нибудь в будущем может быть такой общественный порядок и отдельные части света быть может к нему приближаются, при котором рабочие и владельцы накопленного запаса тождественны. Но в истории наций, как мы знаем, этого до сих пор еще никогда не было; чтобы проследить и понять эту историю, мы должны наблюдать, как рабочие постепенно переходят от власти заказчиков, которые платили им из своего дохода, во власть предпринимателей (employer); эти последние платят им авансы из капитала, и из их выручки рассчитывают реализовать особый доход. Эти отношения нам не кажутся такими привлекательными, как те, при которых рабочие и капиталисты тождественны; но мы должны это рассматривать, как известную стадию в процессе развития общества, которую мы видим в истории передовых наций. До этой стадии народы Азии еще не дошли“ (стр. 73).

Здесь Джонс прямо говорит, что он „рассматривает“ капитал и капиталистический способ производства, лишь как преходящую фазу в развитии общественного производства, которая составляет громадный прогресс в сравнении со всеми предшествующими формами, с точки зрения развития производительных сил общественного труда; но она отнюдь не составляет конечного результата, а, наоборот, в своей антагонистической форме между „собственниками накопленного богатства“ и „настоящими рабочими“ заключает в себе необходимость исчезновения ес-

Джонс был профессором политической экономии в Haileybury, преемником Мальтуса. Здесь мы видим, как настоящая наука политической экономии кончает тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения, только как исторические отношения, которые ведут к высшим отношениям, где исчезает антагонизм, на котором основано капиталистическое общество. Своим анализом политическая экономия ломает повидимому самостоятельные по отношению

друг к другу формы, в которых выражается богатство. Их анализ даже уже у Рикардо идет так далеко, что:

1. Самостоятельная вещественная форма богатства исчезает, и она уже представляется, как выражение человеческой деятельности. Все, что не является результатом человеческой деятельности, труда, есть природа, и, как таковая, она не представляет социального богатства. Фантом товарного мира расплывается, и он появляется еще только, как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое об'ективированье человеческого труда. Всякое вещественно прочное богатство есть лишь преходящее овеществление общественного труда, кристаллизация процесса производства, мерилом которого служит время, мерило движения.

2. Разнообразные формы, в каких различные составные части богатства достаются различным частям общества, теряют свою кажущуюся самостоятельность. Процент представляет лишь часть прибыли, рента лишь сверх-прибыль. Поэтому, оба они оседают в прибыли, которая сама сводится к прибавочной ценности, то-есть неоплаченному труду. Но самая ценность товара сводится только к рабочему времени. Рикардовская школа идет даже так далеко, что она отрицает, как бесполезную, одну из форм присвоения этой прибавочной ценности—землевладение (ренту)—поскольку ее получают частные лица. Она не считает землевладельца исполнителем функции капиталистического производства. Таким образом, противоположность сводится к противоположности капиталиста и наемного рабочего. Но это отношение рикардовская экономия считает данным, законом природы, на котором основан самый процесс производства. Следующие экономисты не останавливаются на этом, но признают только подобно Джонсу, историческую правомерность этого отношения. Однако, с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются историческими, настает конец тому ошибочному мнению, что они представляют будто бы естественные законы производства; и открывается перспектива нового общества, новой экономической общественной формации, для которой капиталистический способ производства служит лишь преходящей формой.

Нам еще на многом придется остановиться у Джонса:

1. Как именно капиталистический способ производства, аванпроевание заработной платы капиталом, влияет на формы [производства] и производительные силы.

2. На его рассуждениях о накоплении и норме прибыли.

Но здесь нужно еще раньше подчеркнуть один пункт:

„Капиталист был только агентом, который доставлял рабочим доход, затрачиваемый окружающими их заказчиками в новой форме и при новых отношениях“ (стр. 79).

Это относится к неземледельческим рабочим, которые жили раньше непосредственно от дохода землевладельцев и т. д.; они уже не обменивают непосредственно своего труда (или его продукта) на эти доходы; капиталист обменивает продукт их труда—собранный и концентрированный в его руках—на эти доходы; или они превращаются, обмениваются на капитал, составляя выручку капитала. Вместо непосредственной выручки для труда, они составляют непосредственную выручку для капитала, которым употребляется в дело труд.

Джонс представил капитал, как специфическое производственное отношение, отличительной особенностью которого служит то, что накопленное богатство существует в виде источника авансирования заработной платы, самый рабочий фонд в виде „богатства, сбереженного из дохода, и употребленного для получения прибыли“; затем он переходит к свойственным этому способу производства изменениям в развитии производительных сил. Очень хорошо он говорит о том, как с изменением материальных производительных сил изменяются экономические отношения и вместе с тем социальная, моральная и политическая структура наций.

„По мере того, как общество меняет свои производительные силы, оно необходимо меняет также свои нравы и обычаи. В процессе развития общества оказывается, что все различные классы связаны с другими классами новыми отношениями, занимают новые положения, окружены новыми моральными и социальными формами и новыми условиями социального и политического развития“ (стр. 48).

Прежде чем говорить о том, как Джонс представляет себе влияние капиталистической формы производства на развитие производительных сил, приведем еще несколько мест, стоящих в связи с вышесказанным.

Изменения в экономической структуре общества и в силах и средствах, безразлично богатых или скудных, с которыми выполняются задачи производства, сопровождаются большими политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями. Они необходимо оказывают господствующее влияние на различные политические и социальные элементы общества, в недрах которого происходят эти изменения. Это влияние распространяется на интеллектуальный характер, на привычки, обычаи, нравы и счастье наций“ (стр. 45).

Англия представляет единственную большую страну, которая сделала первый шаг на пути к совершенству, как производящий механизм: единственную страну, в которой население как земледельческое, так и неземледельческое, подчинено руководству капиталистов; и где действия их средств и особых функций, которые они только могут выполнять, наблюдаются в широком масштабе, не только в огромном росте ее богатства, но и во всех экономических отношениях ее населения. Но я не сомневаюсь в одном: к сожалению, Англия не должна считаться счастливым примером развития народа, который таким образом развивает свои производительные силы“ (стр. 48, 49).

Общий рабочий фонд состоит: 1. Из заработной платы, которую производят сами рабочие. 2. Из доходов других классов, которые тратятся на содержание рабочих. 3. Из капитала или части сбереженного из дохода богатства, которая употребляется для авансирования заработной платы с целью получения прибыли. Тех, которые содержатся из первой части рабочего фонда, будем называть ненаемными рабочими. Тех, кто получает из второй части, оплачиваемыми слугами (paid dependents). Тех, кто получает из третьей части, на-

емными рабочими. Способ получения заработка из той или другой части рабочего фонда определяет отношение рабочего к другим классам общества; он также определяет иногда непосредственно, иногда лишь более или менее косвенным образом, степень постоянства, искусства и силы, с какой совершается производство² (стр. 51, 52).

„Первая часть, заработная плата, производимая самими рабочими, содержит больше половины, вероятно больше двух третей рабочего населения земного шара. Эти рабочие состоят повсюду из крестьян, которые возделывают занятую ими землю. В Англии эта часть едва заметна; она, наоборот, играет значительную роль в Шотландии, Уэльсе и Ирландии. Вторая часть рабочего фонда, доход, затрачиваемый на содержание рабочих, содержит значительное большинство производительных не земледельческих рабочих востока. Она имеет некоторое значение на континенте Европы. В Англии, наоборот, сюда относится лишь небольшое число ремесленников, которые заняты случайными работами: это остатки более сильного слоя... Третья часть рабочего фонда, капитал, занимает в Англии значительное большинство ее рабочих; в Азии, наоборот, она содержит лишь небольшое число индивидуумов; а в континентальной Европе она содержит только не земледельческих рабочих, которые всего вероятнее не составляют четверти производительного населения“ (стр. 52).

„Рабский труд я не выделил в особую категорию... Гражданские права рабочих не влияют на их экономическое положение. Можно наблюдать, что рабы, подобно свободным людям, живут от каждой части общего фонда“ (стр. 53).

Если „гражданские права“ рабочих „не влияют на их экономическое положение“, то их экономическое положение влияет на их гражданские права. Зарботная плата в национальном масштабе, а потому и капиталистический способ производства возможен лишь там, где рабочий лично свободен. Он основан на личной свободе рабочих.

Смитовский производительный и непроизводительный труд Джонс правильно сводит к его сущности, к капиталистическому и некапиталистическому труду; он правильно различает Смитовскую оплату рабочего капиталом или из дохода. Сам он, наоборот, понимает под производительным и непроизводительным трудом очевидно труд, который входит в производство материального богатства, и такой труд, который туда не входит. Так, например, он говорит здесь о производительных рабочих, которые зависят от затрачиваемого дохода.

Далее:

„Та часть общества, которая с точки зрения материального богатства, непроизводительна, может быть полезна или бесполезна“ (стр. 42).

Далее сюда относится уже цитированное (стр. 332) примечание к стр. 35):

„Разумно считать акт производства незаконченным, пока произведенный товар не попал в руки индивидуума, который его должен потребить“.

Различие между рабочим, живущим от капитала, и таким, который живет от дохода, относится к форме труда. Это все различие между капиталистическим и некапиталистическим способом производства. Но производительный труд в более тесном смысле, это всякий

труд, входящий в производство товара, каков бы он ни был, физический или нет, следовательно, также научный; производство включает в себе здесь все акты, через которые товар должен пройти от первого производителя до потребителя. Непроизводительным трудом является в этом смысле такой труд, который не входит в производство товара; который имеет своей задачей, своей целью не производство товара. Этого различия нужно придерживаться; и то обстоятельство, что все другие роды деятельности в свою очередь влияют на материальное производство и, наоборот, абсолютно ничего не изменяет в необходимости различия.

с. Способ производства и производительные силы.

Мы пришли теперь к развитию производительных сил благодаря капиталистическому способу производства:

„Здесь будет уместно указать, как этот момент (источник, из которого получается заработная плата) влияет на производительные силы рабочих, или на постоянство, знание, силу, с какой совершается труд.. Благодаря капиталисту, который платит рабочему, его труд может стать более постоянным: во-первых, он дает рабочим возможность оставаться при работе. Далее, он следит за этим и требует этого. Имеется много больших групп рабочих на земном шаре, которые плетутся по улицам, чтобы разыскать заказчиков; их заработная плата зависит от случайных потребностей людей, которым нужны их услуги в данную именно минуту, или которые могут нуждаться в тех предметах, какие они производят. Первые миссионеры нашли это в Китае. Там ремесленники бегут с утра до поздней ночи по улицам, чтобы найти заказчиков. Большая часть китайских рабочих работает в частных домах. Тебе нужны платья? Портной приходит к тебе утром и уходит домой вечером. Так же обстоит дело с другими ремесленниками. Они беспреостанно бегут по улицам, чтобы найти работу; даже кузнецы, которые ташут с собой свой молот и свой кузнечный горн для обычных работ. И цырюльники, если верить миссионерам, странствуют по улицам с креслом на плече, с тазом и котлом для горячей воды в руке. Это обычное явление на востоке и отчасти также на западе. Эти рабочие не могут без перерыва работать более продолжительный период времени. Они должны, подобно извозчику, ходить по улицам, разыскивать заказчиков: и когда они их не находят, они должны оставаться без работы. Если с течением времени наступает изменение в их экономическом положении, и они становятся рабочими капиталиста, который ссужает им их заработную плату, то получают две вещи. Во-первых, они могут работать непрерывно. Капиталист, авансирующий им их заработную плату, имеет в своем распоряжении средства, которые позволяют ему ждать заказчиков. Среднее число людей, которым нужны произведенные его рабочими предметы, определяется с поразительным приближением к точности; если они не приходят в тот момент, когда предмет готов, то они не слишком долго будут отсутствовать. Капиталист имеет средства ждать. Таким образом получается большее постоянство в труде этого класса людей. Они работают ежедневно с утра до ночи и не прерывают работы от того, что работают на заказчика, или ищут заказчика, который должен, наконец, потребить предмет, над которым они работают.“

„Этим обусловлена возможность постоянства труда; но оно обеспечивается и увеличивается благодаря контролю капиталиста. Последний авансировал их заработную плату; он получает продукт их труда. Его интерес и его право заключается в заботе о том, чтобы они не работали с перерывами или медленно. Если таким образом достигнуто постоянство труда, тогда действие этого изменения на производительность труда громадно. Можно считать, что сила удвоена. Двое рабочих, которые непрерывно работают сплошь целый год с утра до вечера, вероятно произведут больше, чем четверо рабочих, которые прыгают от одной работы к другой, и теряют много времени на то, чтобы найти заказчиков и снова получить непостоянные работы“ (стр. 37 и след.).

К этому нужно заметить:

Во-первых: переход рабочих, которые оказывают случайные услуги, шьют сюртук, брюки в доме землевладельца,—к тем рабочим, которые заняты капиталом, очень хорошо описан уже у Тьюрго.

Во-вторых: это постоянство отличает капиталистический труд от той формы, которую рисует Джонс, но не от рабского производства вообще.

В-третьих: ошибочно увеличение самого труда—благодаря ее продолжительности и отсутствию перерывов—называть увеличением производительности или силы труда. Последнее получается лишь постольку, поскольку непрерывный труд увеличивает личное искусство рабочего. Под силой труда мы понимаем большую производительную силу, с какой применяется данное количество труда, а не изменение в количестве примененного труда. Это скорее относится к формальному подчинению труда капиталу. Полного развития оно достигает лишь с развитием основного капитала. И еще далее.

Правильно отмечает Джонс: капиталист рассматривает труд, как свою собственность, откуда ничего не должно пропасть. При труде, который зависит непосредственно от дохода, речь идет только о потребительной ценности труда.

Потом Джонс очень верно указывает, что постоянный труд не сельскохозяйственных рабочих с утра до вечера отнюдь не представляет чего-то данного от природы, а сам является продуктом экономического развития. В противоположность азиатской и западной форме, которая раньше господствовала в деревне, господствует еще отчасти и теперь, — городской труд средневековья представляет уже большой прогресс и школу для капиталистического способа производства, постоянства и непрерывного выполнения труда.

Об этом постоянстве труда говорит появившееся в 1821 году в Лондоне произведение „Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and the Necessity for Consumption“:

„Капиталист словно заведует также распределением работы (echo office); он уничтожает неуверенность в том, что будет найден сбыт для труда. Если бы его не было, то эта неуверенность мешала бы часто приступить к работе. Труд, состоящий в том, чтобы пойти на рынок и поискать покупателя, благодаря его участию, сравнительно невелик“ (стр. 102).

Там же сказано:

„Там, где капитал в значительной степени является основным капиталом, или там, где он вложен в землю..., промышленник гораздо более (чем в том случае, если бы он затратил меньше основного капитала) вынужден, постоянно применять то же самое количество оборотного капитала, чтобы не прекратилась прибыль из той части, которая служит основным капиталом“ (стр. 73).

Джонс говорит далее:

„В высшей степени живую картину того положения, которое вытекало из зависимости рабочих от дохода своих заказчиков в Китае, дает нам китайская выставка, которую так долго держал открытой ее американский владелец

в Лондоне. Там мы находим массы фигур ремесленников с их узлом с орудиями, которые тянутся в поисках за заказчиками и остаются без работы, если их нет. Они наглядно изображают необходимое в их положении отсутствие того постоянства труда, которое является одним из трех больших элементов его производительности. Но всякий понимающий наблюдатель достаточно убеждается там в отсутствии основного капитала и машин, которые вряд ли являются менее важными элементами производительности индустрии*.

„Ту же картину можно наблюдать в Индии там, где появление европейцев еще не изменило ее. Однако; там ремесленники в деревнях особым образом обеспечены... Эти ремесленники и другие не земледельческие элементы, которые были необходимы в деревне, сожались тем, что им отдавалась часть доходов всех деревенских жителей; от этого фонда жили во всей стране многочисленные группы рабочих, которые передавали по наследству свое искусство потомкам; их труд удовлетворял примитивные потребности и желания, которых не могли удовлетворять крестьяне своим собственным трудом. Экономическое положение и права этих сельских ремесленников становятся наследственными, как и все права на востоке... Группа ремесленников находила заказчиков в других деревнях. Сельские жители представляли оседлое и консервативное население, и такими же были и ремесленники... Ремесленники в городах находились и находятся в другом положении. Они получали свою заработную плату в сущности из того же фонда, которым жили сельские ремесленники; это был также доход с земли; но здесь мы видим другой способ распределения и других распределителей; здесь уж нет продолжительной оседлости; следствием этого были частые и обычно пагубные странствования... Такие ремесленники не прикованы к одной местности своей зависимостью от масс основного капитала. В Европе хлопчатобумажные фабриканты и другие промышленники привязаны к местностям, где имеется в большом количестве водяная сила или горючий материал, производящий пар, и во всяком случае большие массы богатства превращены в здания и машины. Тогда рабочие, которым нужно работать с этими массами, будут прикованы к местности. Иначе обстоит дело, когда рабочий должен непосредственно получать часть доходов тех людей, которые потребляют его продукты. Наличие таких людей не ограничена местностью, где находится какой-либо основной капитал. Когда его заказчики меняют свое местопребывание на более продолжительное время, или даже на очень короткое время, неземледельческий рабочий должен следовать за ним или умереть с голоду“ (стр. 73, 74).

„Добавочный доход с земли, единственный значительный доход, кроме дохода крестьян (в Азии, именно в Индии) распределялся государством и его чиновниками. Главный город представлял в этом отношении естественно главный центр“ (стр. 75).

„Мы можем проследить от Самарканда по направлению к югу до Биджапура и Серингопатама развалины погибших больших городов, сразу оставленных населением (не как в других странах вследствие постепенного упадка. М.), как только появились новые центры распределения королевских доходов, т.-е. суммы добавочных доходов с земли“ (стр. 76).

См. д-ра Бернье, который сравнивает индийские города с лагерями. Это, следовательно, объясняется формой землевладения в Азии.

* * *

От постоянства труда перейдем теперь к разделению труда, к науке, к применению машин.

„Вышесказанным отнюдь не исчерпывается действие смены тех, которые оплачивают труд, на постоянство труда. Различные работы в производстве могут теперь быть далее разделены. Когда он (капиталист) дает занятие больше, чем одному человеку, он теперь может разделить их работу между ними. Он может каждого из них постоянно оставлять при одной части общего труда, при той, которую он лучше всего выполняет. Постоянство труда этим сильно увеличивается. Если капиталист богат, и если он имеет достаточное количество рабочих, тогда труд может быть разделен еще более, поскольку он, вообще, допускает дальнейшие подразделения. Постоянство труда получается тогда полное... Тем, что капитал взял на себя функцию авансирования заработной платы, он все более и более увеличивает теперь постоянство

труда. Одновременно он увеличивает знание и искусство в применении этого труда, с целью получить определенный результат.

„Класс капиталистов освобождается сначала отчасти, а потом совсем от необходимости ручного труда. Они заинтересованы в том, чтобы производительные силы рабочих, которые у них заняты, были максимальны. На увеличение этой силы направлено их внимание, и почти исключительно на это. Старательнее изыскиваются лучшие средства поднять производительность промышленности; наука расширяет и увеличивает области своего действия и повышает производство почти во всех его отраслях. Второй элемент производительной силы, знание и вытекающее отсюда искусство теперь развиваются и применяются в высокой степени. Мы не можем с точностью вычислить их действие на производительные силы народов, но мы знаем, что оно громадно, если оно и не поддается нашему определению.

„Но и механическая сила повышается. Капитал, который применяется не для того, чтобы оплатить труд, а для того, чтобы повысить труд, будем называть вспомогательным капиталом ¹⁾. Масса вспомогательного капитала нации может расти, при наличности определенных условий, до бесконечности, при неизменном числе рабочих. С каждым шагом в этом направлении растет третий элемент производительности человеческого труда, именно его механическая сила.

„Теперь посмотрим, какие условия должны быть выполнены, когда таким образом растет масса вспомогательного капитала в сравнении с населением... Какие условия должны, следовательно, быть выполнены, чтобы могла расти масса вспомогательного капитала, который применяется для того, чтобы повысить их (рабочих, занятых капиталистом) труд?

„Должны быть соединены три условия:

1. Средства для сбережения добавочного капитала.

2. Желание их сберечь.

3. Изобретения, дающие возможность, благодаря применению такого капитала, увеличивать производительность труда; и именно увеличивать в такой степени, что, сверх того богатства, которое он раньше производил, он воспроизводит еще добавочный вспомогательный капитал так же быстро, как он потреблен, и кроме того дает еще прибыль... Если уже доставлена вся масса вспомогательного капитала, который может быть применен с пользой при данном состоянии знания, тогда только расширение знания может указать средства и пути применения большего капитала. Далее такое применение может быть проведено практически лишь тогда, когда открытые средства достаточно повышают силу труда для того, чтобы он воспроизводил добавочный капитал в то же время, в какое он потребляется. Если этого нет, то капиталист должен потерять свое богатство... Но кроме этого, благодаря повышению производительности труда должна еще получиться прибыль; иначе капиталист не имел бы основания для применения своего капитала в производстве вообще... Пока, благодаря применению новых масс вспомогательного капитала, обе эти цели могут быть достигнуты, нет твердой и определенной границы для применения дальнейших масс такого капитала. Их увеличение может идти параллельно прогрессу науки. И последняя никогда не останавливается. По мере того, как она с часу на час развивается во всех направлениях, могут всплывать с часу на час новые орудия, новые машины, новые двигающие силы, которые создают для общества возможность с выгодой увеличивать массу вспомогательного капитала, повышающего производительность труда, и повысить таким образом различие, существующее между производительностью его труда и труда более бедных и менее искусных наций“ (стр. 38 до 41).

Сначала несколько слов по поводу замечания, что изобретение или орудие должно „увеличивать производительность труда в такой степени, что сверх того богатства, которое он производил раньше, он воспроизводит еще добавочный вспомогательный капитал, так же быстро, как он потреблен“, или „что он воспроизводит вспомогательный капитал в то же самое время, в какое он по-

¹⁾ Джонс понимает под этим, следовательно, ту часть постоянного капитала, которая состоит не из сырого материала.

требуется". Это, следовательно, означает только что изнашивание возмещается по мере того, как оно происходит, или что добавочный капитал в среднем воспроизводится в то же время, в какое он потребляется. Часть ценности продукта—или, что сводится к тому же, часть продукта должна возместить потребленный вспомогательный капитал; и именно таким образом, что, когда он весь потреблен, он целиком воспроизведен; или вместо исчезнувшего капитала появляется новый капитал такого же рода. Но что служит условием этого? Производительность труда должна так повышаться благодаря добавочному вспомогательному капиталу, что часть продукта может быть вычтена для возмещения этой составной части, *in natura*, или путем обмена.

Если производительность труда так высока, то-есть количество продуктов одного рабочего дня так возросло, что единичный товар теперь дешевле по сравнению с прежним процессом, хотя сумма товаров в своей цене покрывает, скажем например, годовое изнашивание машин; следовательно, если соответственная часть изнашивания, приходящаяся на единичный товар, ничтожно мала,—то вспомогательный капитал воспроизводится. Если мы из всего продукта вычтем ту часть, которая возмещает изнашивание и, во-вторых, часть, возмещающую ценность сырого материала, то остается часть, которая выражает заработную плату, и часть, которая при прежней цене покрывает прибыль и доставляет даже большую прибавочную ценность... Могло бы получиться увеличение продукта, когда это последнее условие и не выполнено. Если 100 ф. ст. добавочного капитала затрачено в земледелии на гуано; если это гуано должно быть возмещено в один год; и если ценность 1 квартера при старом способе равнялась 2 ф. ст., то только для возмещения изнашивания нужно было бы произвести на 50 кварталов больше. И без этого увеличения добавочный капитал, не говоря о прибыли, не мог бы применяться.

Замечание Джонса, что добавочный капитал должен быть воспроизведен в то же время, в какое он потребляется, конечно посредством продажи или *in natura*, означает только, что товар должен возместить заключенное в нем изнашивание. Чтобы снова начать воспроизводство, все заключенные в товаре элементы ценности должны быть возмещены в такое время, когда его воспроизводство должно начинаться снова. В земледелии это время воспроизводства дано природой; время, в течение которого изнашивание должно быть возмещено, здесь так же определено, как и время, в течение которого должны быть возмещены все другие элементы ценности, например, семена. Чтобы процесс воспроизводства мог начаться, то-есть чтобы могло произойти возобновление самого процесса производства, должен быть пройден процесс обращения: то-есть товар должен быть продан, по-скольку он не возмещается *in natura*, как семена; и деньги, за которые он продан, должны быть

превращены снова в элементы производства. Для хлеба и других сельскохозяйственных продуктов существуют определенные, обусловленные сменой времен года, эпохи для этого воспроизводства; следовательно, крайние границы, положительные границы для продолжительности процесса обращения.

Во-вторых; из природы товаров, как потребительных ценностей, вообще вытекают такие положительные границы процесса обращения. Все товары портятся в определенное время; хотя *ultima Thule* их существования различна: если они не использованы людьми для производства или индивидуального потребления, то они потребляются стихийными силами природы. Они становятся хуже; наконец, они портятся. Если пропадает потребительная ценность, то к чорту идет их меновая ценность, и настает конец их воспроизводству. Последние границы времени их воспроизводства определены, следовательно, естественными сроками периодов воспроизводства, которые они имеют, как потребительные ценности.

В-третьих: Для того чтобы процесс их производства был непрерывным, следовательно, чтобы одна часть капитала постоянно находилась в процессе производства, и другая в процессе обращения,—должно происходить различное деление капитала, в зависимости от естественных границ периодов воспроизводства, или от границ, определенных различными потребительными ценностями, или от различных областей действия капитала.

В-четвертых: Это относится одновременно ко всем элементам ценности товара. Но у товаров, в которые входит много основного капитала, определяющую роль играет еще, кроме границ, которые их собственные потребительные ценности предписывают времени обращения, также потребительная ценность основного капитала. Он в определенное время становится негодным и должен, следовательно, быть воспроизведен в определенный период времени. Скажем, например, корабль в десять лет или прядильная машина в двенадцать лет. Фрахта, переправленного в течение этих десяти лет, или пряжи, проданной в течение двенадцати лет, должно быть достаточно, для того чтобы новый корабль возместил старый через десять лет; или новая прядильная машина в течение двенадцати лет возместила старую прядильную машину. Если основной капитал потребляется в полгода, то продукт должен вернуться из обращения в течение полгода. Таким образом, кроме естественных периодов существования товаров, как потребительных ценностей—периодов, которые различны для различных потребительных ценностей; кроме требований непрерывности процессов производства, что устанавливает различные крайние границы времени обращения, в зависимости от того, должны ли товары оставаться в области производства, и могут ли они оставаться в сфере обращения больше или меньше времени,—кроме этого, в-третьих, сюда присоединяются еще,

следовательно, различные периоды существования, а потому и необходимости воспроизводства вспомогательного капитала, входящего в производство товара.

Вторым условием Джонс считает „прибыль“, которую должен „произвести“ вспомогательный капитал, и это *conditio sine qua* по для всякого капиталистического производства, каковы бы ни были формы примененного капитала. Нигде он не об'яснил, как он собственно представляет себе генезис этой прибыли. Но так как он ее выводит только из „труда“, и прибыль, которую доставляет вспомогательный капитал, он об'ясняет только повышением производительности труда рабочих, то она должна свестись к абсолютному или относительному прибавочному труду. Она вообще состоит в том, что за вычетом части продукта, которая возмещает *in natura* или путем обмена те составные части капитала, которые состоят из сырого материала и средств труда — капиталист из остальной части продукта выдает, во-первых, заработную плату; во-вторых, присваивает себе часть в виде прибавочного продукта, который он продает или потребляет *in natura*. Последнее, за исключением небольшого числа капиталистов, которые непосредственно производят необходимые средства существования, при капиталистическом способе производства не должно входить в расчет. Однако этот прибавочный продукт также представляет реализованный труд рабочего, как и другие части продукта, но неоплаченный труд, продукт труда, присвоенный капиталистом без эквивалента.

Что является новым в работе Джонса, это указание на то, что увеличение вспомогательного капитала далее известной степени зависит от роста знаний. Джонс говорит, что для возрастания вспомогательного капитала необходима наличность: 1) средств для сбережения добавочного капитала, 2) желания сберечь его, 3) изобретений, благодаря которым капитал достаточно увеличивает производительные силы труда для воспроизводства добавочного капитала и производства прибыли на него.

Прежде всего необходимо, чтобы существовал добавочный продукт, или в натуральной форме, или превращенный в деньги. Например, возьмем возделывание хлопчатника: плантаторы в Америке (как теперь в Индии) могли засеять большие площади; но у них не было средств для очистки хлопчатой бумаги от семян. Часть их сгнила на поле. Этому был положен конец изобретением *cottongin*'а. Часть продукта превращается теперь в *cottongin*; однако *cottongin* не только возмещает свои издержки, но увеличивает прибавочный продукт. Новый рынок способствует тому же; например, превращению кож в деньги. Также усовершенствование транспортных средств. Каждая новая машина, потребляющая уголь, является средством превращения в капитал [прибавочного продукта], состоящего из угля. Превращение части [прибавочного продукта] в вспомогательный капитал возможно двумя способами: путем увеличения наличного вспомогательного капитала, путем вос-

производства его в больших размерах. Путем открытия новых потребительных ценностей или нового применения старых потребительных ценностей и нового изобретения машин или движущих сил, чем создаются новые виды вспомогательного капитала. Здесь естественно расширение знаний является одним из условий увеличения вспомогательного капитала, или, что означает то же самое, превращения прибавочного продукта или прибавочных денег в большее количество вспомогательного капитала; при этом большую роль играет внешняя торговля. Так, например, телеграф открыл совершенно новое поле для применения вспомогательного капитала; далее железные дороги и т. д.; также все производство гуттаперчи и каучука.

Этот пункт относительно расширения знаний является очень важным.

Накопление вовсе не должно приводить непосредственно в движение нового труда; оно должно только давать новое направление старому труду. Например, та же механическая мастерская, которая раньше доставляла [ручные] ткацкие станки, теперь производит механические; и часть ткачей переходит в это измененное производство, часть выбрасывается на улицу.

Когда машина возмещает труд, она во всяком случае создает меньше нового труда в своем собственном производстве, чем сколько она возмещает. Возможно, что старому труду дается только новое направление. Во всяком случае освобождается труд, который после более или менее долгих, горьких скитаний может быть применен в другом направлении. Таким образом создается человеческий материал для новой области производства. Но что касается непосредственного освобождения капитала, то освобождается не тот капитал, который покупает машину, так как он ведь на нее и затрачен. И если даже предположить, что машина была бы дешевле замещенной заработной платы, то требуется больше сырого материала и т. д. Если отпущенные рабочие стоили 500 ф. ст. [в год] и новая машина также 500 ф. ст., то капиталист должен был [раньше] затрачивать ежегодно 500 ф. ст.; теперь машина существует, может быть, 10 лет, и он в действительности ежегодно затрачивает лишь 50 ф. ст. Но что во всяком случае освобождается, за вычетом тех добавочных рабочих, которые употреблены в производстве машины и ее вспомогательных веществ, как уголь и т. д., это капитал, который служил для удовлетворения потребностей рабочих, или на который они затрачивали свою заработную плату. Последний существует попрежнему. Если бы рабочие, как движущая сила, были просто замещены, без значительного изменения самой машины; например, если [ее приводит теперь в движение] вода или ветер, меж тем как раньше она приводилась в движение [рабочими], — то освободился бы двойной капитал: капитал, который раньше затрачивался на плату [рабочим], и капитал, на который они обменивали свой денежный доход. Этот пример приводится у Рикардо.

Но часть продукта, который раньше превращался в заработную плату, теперь воспроизводится в виде вспомогательного капитала.

Известная часть труда употребляется для производства вспомогательного капитала; это часть, которая раньше шла непосредственно на производство средств существования. И это противоречит взгляду А. Смита, по которому накопление капитала тождественно с применением большого количества производительного труда. Независимо от вышесказанного, может произойти лишь изменение в применении труда и передвижение труда от непосредственного производства средств существования к производству средств производства, железных дорог, мостов, машин, каналов и т. д.

* * *

Какое важное значение имеет для накопления наличная масса средств производства и наличные размеры производства, показывает следующее место:

Удивительная быстрота, с какой большая бумаго-прядельная фабрика, включающая в себе прядельню и ткальню, может быть устроена в Ланкашире, является следствием огромной коллекции моделей всякого рода, начиная с гигантских паровых машин, водяных колес и железного бруса до самой маленькой составной части ватер-машины или ткацкого станка, из которых инженеры, конструктора и механики имеют богатый выбор. В течение последнего года господин Фэрберн построил водяные колеса в 700 лошадиных сил, и паровые машины в 400 лошадиных сил только в своей машинной фабрике; не говоря об его больших работах по устройству фабрик и производству паровых котлов. Как только увеличенный спрос на товары привлекает новые капиталы, то средства для выгодного их применения доставляются с такой быстротой, что они могут реализовать прибыль, соответствующую их ценности, прежде чем подобного рода фабрика могла быть открыта во Франции, Бельгии или Германии" (А. Уре, *Philosophy of Manufactures etc.* Лондон 1835, стр. 39).

С развитием промышленности наблюдается удешевление машин, отчасти относительное, в сравнении с их силой, отчасти абсолютное; но с этим одновременно связано массовое накопление машин в одной мастерской; так что в сравнении с примененным живым трудом растет их ценность, хотя ценность их отдельных составных частей уменьшается.

Движущая сила—машина, которая производит движущую силу—становится дешевле по мере того как машина, которая передает силу, и рабочая машина усовершенствованы, трение уменьшено и т. д.

„Преимущества, вытекающие из применения автоматических орудий, не только увеличили точность механизма на фабрике и ускорили его производство, но также в значительной степени понизили его цену и повысили его подвижность. Теперь можно купить прекрасную ватер-машину по 9 шиллингов 6 пенсов за веретено и сельфактор по 8 шиллингов за веретено, включая патентный сбор за него. Веретено на бумаго-прядельной фабрике движется с таким незначительным трением, что лошадиная сила приводит в движение 500 штук на тонко-прядельной машине, 300 на сельфакторе и 180 на ватер-машине; эта сила включает все подготовительные машины, как чесальную машину, ровничную машину и т. д. Трех лошадиных сил достаточно, чтобы привести в движение 30 больших ткацких станков с их слихтовальными машинами" (l. c., стр. 40)

* * *

Далее Джонс говорит:

„На значительно большей части земного шара значительное большинство рабочего класса не получает своей заработной платы от капиталистов. Они ее сами производят или получают ее из доходов своих заказчиков. Еще не сделан первый большой шаг, который обеспечивает постоянство их труда. Им помогают лишь то знание и та механическая сила, которая находится в распоряжении людей, работающих своими собственными руками для своего содержания. Искусство и наука более развитых стран, гигантские движущие силы, накопленные орудия и машины, приводящие в движение те силы, всего этого нет в труде индустрии, которая ведется только такими агентами“ (стр. 43).

Даже в Англии:

„Возьмем земледелие... Понимание дела, умение хорошо вести сельское хозяйство встречается в стране очень редко. Очень небольшая часть всего земледельческого населения пользуется всем тем капиталом, который мог бы употребляться в этой отрасли национального труда соответственно знаниям некоторых людей и быть может округов. Перейдем к неземледельческим отраслям производства... Работой на этих (больших фабриках) занята лишь небольшая часть наших неземледельческих рабочих. В мастерских, существующих в деревне, так же как у ремесленников, которые ведут свои мелкие дела без большого числа рабочих, разделение труда неполное, и потому нет совершенного постоянства труда... Оставим большие города, отправимся в деревню, и мы увидим, какая значительная часть национального производства хромает; как далеко ей до совершенства в постоянстве, искусстве и силе труда“ (I. с., стр. 44).

Отделение науки от труда наступает с капиталистическим производством. Одновременно применение науки, как таковой, к материальному производству.

* * *

Относительно земельной ренты Джонс правильно замечает, что рента в современном смысле, которая всецело зависит от прибыли, предполагает:

„Возможность перебрасывать капитал и труд из одной отрасли труда в другую. Эту способность перебрасывания можно назвать подвижностью (mobility) капитала и труда. В странах, где капитал и труд в сельском хозяйстве не имеют такой подвижности..., мы не можем ожидать тех результатов, которые у нас вытекают исключительно из этой подвижности“ (стр. 59).

Эта „подвижность капитала и труда“ вообще представляет реальную предпосылку образования всеобщей нормы прибыли. Она предполагает равнодушие к определенному труду. Здесь в действительности, в ущерб рабочему классу, получается трение между односторонним характером рабочей силы, который получается благодаря разделению труда и машинам, с одной стороны; и тем, что с другой стороны эта рабочая сила противостоит капиталу лишь как живая возможность всякого труда вообще; и этим капитал отличается от своей неразвитой формы в цехах. В зависимости оттого, какая прибыль может быть получена в той или другой отрасли производства, рабочей силе дается теперь то или другое направление, так что различные массы труда могут перебрасываться из одной сферы в другую.

В Азии и т. д.:

„Масса населения состоит обычно из работающих крестьян. Отсталые системы возделывания земли создают длинные промежутки досуга. Как крестьянин производит свою собственную пищу, так он создает также в эти промежутки большинство других примитивных предметов, для удовлетворения своих потребностей: свою одежду, свои орудия, свою домашнюю утварь, даже свои знания: ибо в его классе имеется лишь незначительное разделение промыслов. Нравы и обычаи такого народа не меняются. От родителей они передаются детям; нет ничего, что их изменило бы или нарушило“ (стр. 97).

Вместе с подвижностью капитала и труда и постоянными перевертываниями в способе производства, следовательно, и в производственных отношениях, способах сообщения и образе жизни, что характеризует капиталистическое производство,—настает, наоборот, большая подвижность в обычаях, образе мышления народа и т. д.

Сравним с вышеприведенным местом о „промежутках досуга“ при „отсталых системах возделывания земли“ следующие два места:

„Если в деревне употребляется паровая машина, тогда она составляет часть системы, которая занимает большую часть рабочих в земледелии, и во всяком случае это связано с уменьшением числа лошадей“ (The Forces used in Agriculture. Доклад, читанный Джоном Муртоном в Society of Arts 1860).

Для получения продуктов сельского хозяйства в отличие от других видов труда, требуется много времени; и это является главной причиной большей зависимости сельских хозяев. Они не могут вынести свои товары на рынок раньше, чем через год. В течение всего этого времени они должны одалживать у сапожника, портного, кузнеца, каретника и многочисленных других рабочих, так как им нужны их продукты, которые готовы в течение нескольких дней или недель. Вследствие этого естественного факта и гораздо более быстрого возрастания богатства, производимого неземледельческим трудом, монопольные собственники всей земли, хотя они монополизировали и законодательство, не в состоянии спасти себя и своих слуг, арендаторов, от необходимости стать самым зависимым из всех классов общества“ (Годскин, Popular Political Economy, стр. 147, примеч.).

Капиталист отличается от капитала тем, что он должен жить. следовательно, ежечасно и ежедневно потреблять часть прибавочной ценности. Чем дольше, следовательно, продолжается период производства, пока он может вынести на рынок свой товар, или чем позже поступает с рынка выручка за его проданный товар, тем больше он должен жить в этот промежуток времени в долг, что здесь не служит предметом нашего обсуждения, или он должен был накопить тем больший денежный запас, который он затрачивает вместо дохода. Он должен тем дольше авансировать себе свой собственный доход. Тем больше должен быть его капитал. Часть его постоянно должна у него лежать без дела в виде потребительного фонда.

В мелком земледелии поэтому домашняя индустрия связана с земледелием. Запасы на год и т. д.

d. Накопление и норма прибыли.

Перейдем теперь к теории накопления Джонса. До сих пор [сказано] было лишь, во-первых, что источником накопления отнюдь

не должна служить прибыль; во-вторых, что накопление вспомогательного капитала зависит от прогресса знаний. Джонс ограничивает это последнее изобретением новых механических орудий, движущих сил и т. д. Но это имеет общее значение. Например, когда хлеб употребляется, как сырой материал для водки, то открывается новый источник накопления, так как прибавочный продукт может быть превращен в новые силы; он удовлетворяет новым потребностям, и может войти в новую область производства, как производительный элемент. Точно так же, когда из пшеницы производится крахмал. Сфера обмена этих определенных, а также и всех товаров благодаря этому расширяется. Так, например, когда уголь употребляется для освещения и т. д.

Конечно, и внешняя торговля является важным фактором в процессе накопления, благодаря увеличению разнообразия потребительных ценностей и массы товаров.

Прежде всего Джоне говорит о связи между накоплением и нормой прибыли. (Генезис последней ему отнюдь не ясен):

„Способность нации накапливать капитал из прибылей не меняется таким же образом, как норма прибыли. То-есть, она не велика, когда норма прибыли высока, и мала, когда последняя низка. Наоборот, способность накапливать капитал из прибыли движется в направлении противоположном движению нормы прибыли; она велика, где последняя стоит низко, и мала, где последняя стоит высоко“ (стр. 21).

Так, А. Смит говорит:

„Хотя та часть дохода населения, которая получается из прибылей на капитал, в богатых странах всегда гораздо больше, чем в бедных, но это получается оттого, что капитал там гораздо больше; в сравнении с капиталом прибыли там обычно гораздо меньше“ (Wealth of Nations, 2 т., 3 глава).

Далее Джонс говорит:

„В Англии и Голландии норма прибыли ниже, чем во всякой другой части Европы“ (стр. 21).

„В то время, когда ее (Англии) богатство и капитал росли наиболее быстро, норма прибыли постепенно падала“ (стр. 21, 22).

„Относительные массы произведенной прибыли... зависят не исключительно от нормы прибыли..., а от нормы прибыли в связи с относительными количествами примененного капитала“ (стр. 22).

„Возрастание суммы капитала более богатых наций обыкновенно сопровождается падением нормы прибыли или падением отношения между годовым доходом с примененного капитала и всей суммой капитала“ (I. с.).

„Когда говорят, что при прочих равных условиях норма прибыли определяет возможность накопления из прибыли, то можно сказать, что этот случай, практически хотя и возможный, бывает так редко, что он едва ли заслуживает внимания. Мы знаем из наших наблюдений, что падение нормы прибыли представляет обычное явление, сопровождающее возрастание различий в суммах капитала, примененных различными нациями, и что поэтому не все условия остаются одинаковыми, когда падает норма прибыли более богатых наций. Когда утверждают, что прибыль может будто бы падать так низко, что было бы совершенно невозможно накапливать из прибыли, то нужно ответить, что смешно было бы принимать во внимание такое падение; ибо уже задолго до того, как норма прибыли достигла бы таких размеров, капитал ушел бы за границу, чтобы реализовать там больше прибыли; и что возможность экспорта будет всегда создавать определенную границу, ниже которой прибыль в стране ни-

когда не может падать, пока имеются другие страны, в которых прибыль стоит более высоко" (стр. 22, 23).

„Кроме первоначальных источников накопления имеются также производные, благодаря владельцам государственных бумаг, чиновникам и др.“ (стр. 23).

Все это великолепно и правильно.

Совершенно верно, что накопленные массы отнюдь не зависят исключительно от нормы прибыли; они зависят от нормы прибыли умноженной на примененный капитал; следовательно, в такой же степени от величины примененного капитала. Если примененный капитал равен C , и норма прибыли для 1 равна r , то накопление равняется Cr , и ясно, что этот продукт может расти, когда фактор C увеличивается быстрее, чем уменьшается фактор r . И это действительно установленный наблюдением факт. Но таким образом мы ничего не знаем о причине этого факта. Сам Джонс совсем близко подошел к этой причине, заметив, что вспомогательный капитал постоянно растет в сравнении с рабочим населением, которое приводит его в движение.

Поскольку падение прибыли вытекает из рикардовской причины, из возрастания ренты, отношение всей прибавочной ценности к примененному капиталу остается то же. Только одна часть ее — рента — растет за счет другой части — прибыли, — что оставляет неизменной относительную величину всей прибавочной ценности: а прибыль, процент и рента являются только ее категориями. Таким образом, Рикардо в действительности отрицает самый факт.

С другой стороны, одно только падение размера процента ничего не показывает, так же, как и ее возрастание, хотя оно во всяком случае всегда служит показателем минимума, нормы, ниже которой прибыль не может спуститься. Ибо прибыль всегда должна быть больше среднего размера процента.

Не говоря об ужасе, который возбуждает у экономистов закон падения нормы прибыли, важнейшим следствием его является то, что он предполагает постоянно растущую концентрацию капиталов, следовательно, постоянно растущее лишение капитала мелких капиталистов. Это вообще результат всех законов капиталистического производства. Лишим этот факт его противоречивого характера, которым он отличается на основе капиталистического производства; что же тогда выражает этот факт, этот прогресс централизации? Только то, что производство теряет свой частный характер и становится общественным процессом, не формально, а реально; не так, как при всяком обмене, когда производство является общественным вследствие абсолютной зависимости производителей друг от друга и необходимости представить свой труд в виде абстрактно общественного труда (денег). Средства производства применяются уже как общие средства производства: и потому не как собственность отдельных лиц, а в их отношении к производству — как общественные средства производства; точно так же и труд выполняется на общественной скале.

У Джонса имеется особый отдел, озаглавленный: „Причины, определяющие стремление к накоплению“.

Сюда он относит:

1. Различия в темпераменте и характере народа.
2. Различия в отношении, в каком доходы нации делятся между различными классами населения.
3. Различные степени гарантии пользования сбереженным капиталом.
4. Различные степени легкости прибыльного и обеспеченного применения следующих друг за другом сбережений.
5. Различия в возможностях для различных слоев населения улучшить свое положение путем сбережения (стр. 24).

Эти пять оснований сводятся все на самом деле к тому, что накопление зависит от той степени капиталистического способа производства, которой достигла определенная нация.

Заметим еще к № 2. Там, где развито капиталистическое производство, прибыль образует главный источник накопления, то-есть, капиталисты имеют в своих руках наибольшую часть национального дохода, и даже часть землевладельцев старается превратиться в капиталистов.

№ 3. Юридические и полицейские гарантии растут по мере того, как к капиталистам переходит управление государством.

№ 4. С развитием капитала, во-первых, растут сферы производства. Во-вторых, организация кредита; каждый свободный пфенниг падает в руки одалживающих деньги (банкиров).

№ 5. В капиталистическом производстве улучшение положения зависит только от денег, и каждый может мечтать стать Ротшильдом.

Остается № 1. Не все народы имеют одинаковые способности для капиталистического производства. Некоторые первобытные народы, как турки, не имеют для этого ни темперамента, ни характера. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем темпераментов и характеров у различных народов. [Этот способ производства] в сущности является космополитическим, подобно христианству. Христианство поэтому представляет специальную религию капитала. Как здесь, так и там речь идет только о человеке. Сам по себе один человек стоит не больше и не меньше, чем другой. Для одного все зависит оттого, имеется ли у человека вера, а для другого, имеет ли он кредит. Кроме того, сюда, во всяком случае, присоединяется еще для одного предопределение, для другого — случай, имеет ли он деньги с самого начала или нет.

Источник прибавочной ценности и первоначальной ренты:

„Если земля поступает в собственность и возделывается, тогда она почти всегда дает за затраченный на нее труд больше, чем требуется для продолжения уже начатого способа ведения дела. То, что она производит сверх того,

будем называть ее прибавочным продуктом. Это источник первоначальной ренты; и этим ограничивается размер тех доходов, которые могут постоянно получать с земли ее собственники, в отличие от наследственных владельцев (occupiers)* (стр. 19).

Эти первоначальные ренты представляют первую общественную форму, в которой выражается прибавочная ценность; и это воззрение в скрытом виде лежит в основе физиократии.

И то и другое, абсолютная и относительная прибавочная ценность имеют то общее, что они предполагают известную степень производительности труда. Если всего рабочего дня, всего рабочего времени, которое находится в распоряжении человека (каждого человека), достаточно лишь для того, чтобы прокормить себя самого (или в лучшем случае еще свою семью), то исчез бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная ценность. Это предположение известной степени производительности основано на естественном плодородии естественных источников богатства, земли и воды. Она различна в различных странах и т. д. Сначала потребности просты и примитивны, следовательно, минимум продукта, необходимого для содержания самого производителя, незначителен. Также и прибавочный продукт. С другой стороны тогда число живущих от прибавочной ценности также очень мало. Сумма небольшого прибавочного продукта относительно большого числа производителей [составляет тогда также небольшую величину].

Основой абсолютной прибавочной ценности — то-есть реальным условием его существования — является естественное плодородие земли, природы; меж тем как относительная прибавочная ценность основана на развитии общественных производительных сил.

На этом мы покончили с Джонсом.

VII. Прибыль, процент и вульгарная экономия.

1. Капитал—фетиш.

Действительная прибыль [единичного] капиталиста представляет в значительной степени „profit upon expropriation“, и „индивидуальному труду“ капиталиста здесь предоставлен особенно широкий простор; речь идет здесь не о создании прибавочной ценности, а о дележе накопленной прибыли всего класса капиталистов между его отдельными членами на меркантильном поле. Здесь это нас несколько не касается. Известные виды прибыли, например, основанные на спекуляции, движутся только в этой области. Их анализ здесь, следовательно, совершенно исключается. Бесконечная глупость вульгарной экономии обнаруживается в том, что она—именно для того, чтобы представить прибыль в виде „заработной платы“,— смешивает это с прибылью, поскольку она обусловлена созданием прибавочной ценности. Возьмем, например, почтенного Рощера. Такие умы, естественно сваливают в одну кучу издержки, связанные с расчетами, и основания для компенсации капиталистов в различных областях производства—при распределении суммы прибыли всего класса капиталистов—с причинами эксплуатации рабочих капиталистами, так сказать, с причинами возникновения прибыли, как таковой.

* * *

Форма дохода и источники дохода выражают отношения капиталистического производства в фетишистической форме. Их бытие, как оно проявляется на поверхности, отделено от скрытой связи и посредствующих звеньев. Так земля становится источником земельной ренты, капитал источником прибыли и труд источником заработной платы. Извращенная форма, в которой выражается действительное извращение, естественно воспроизводится в представлениях агентов этого способа производства. Это особого рода фикция без фантазии, вульгарная религия. Вульгарные экономисты—их нужно отли-

чать от экономистов-исследователей, которых мы критиковали—в действительности переводят на свой язык представления, мотивы и т. д. сгованных капиталистическим производством носителей его, в которых оно отражается лишь в своем поверхностном виде. Они их переводят на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части капиталистов, поэтому не в наивной и объективной, а апологетской форме. Ограниченное и педантичное выражение вульгарных представлений, которые необходимо возникают у носителей этого способа производства, совершенно отлично от стараний политико-экономов, как физиократов, А. Смита, Рикардо, постичь внутреннюю связь.

Однако из всех этих форм самым совершенным фетишем является капитал, дающий проценты. Первоначальный исходный пункт капитала—деньги—и формула $D—T—D$ здесь сводится к обоим своим крайним членам $D—D$. Деньги, которые создают больше денег. Первоначальная и общая формула капитала сводится к бессмысленному резюме.

Земля или природа, как источник земельной ренты, то-есть землевладения, это настоящий фетишизм. Но благодаря смешению потребительной и меновой ценности, обычное представление находит еще спасение в производительности самой природы, которая благодаря какому-то фокус-покусу олицетворяется в землевладельце.

Труд, как источник заработной платы, то-есть доли рабочего в его продукте, которая определяется специфически общественной формой труда; труд, как источник того, что рабочий от продукта (капитала в вещественной форме) покупает себе своим трудом разрешение производить, и в труде обладает источником, благодаря которому часть его продукта возвращается к нему в виде платы от этого продукта, как работодателя,—это также довольно красиво. Но обычное представление здесь все же постольку соответствует действительному положению вещей, что, хотя оно и смешивает труд с наемным трудом, и потому продукт наемного труда—заработную плату—с продуктом труда,—все же здравому смыслу ясно одно, что труд сам создает свою плату.

О капитале, поскольку он рассматривается в процессе производства, остается более или менее представление, что это орудие, дающее возможность пожить чужим трудом. Считается ли это „справедливым“ или „несправедливым“, обоснованным или необоснованным,—здесь всегда предполагается и подразумевается отношение капиталиста к рабочему.

Поскольку капитал находится в процессе обращения, что особенно выступает для обычного воззрения в купеческом капитале, как таком капитале, который занят лишь этой операцией, то прибыль здесь вызывает неясное представление о всеобщем надувательстве; или точнее так, что купец надувает промышленного капита-

листа; подобно тому как промышленный капиталист надувает рабочих, или также потребителей; или [что] производители:[надувают] друг друга... Во всяком случае прибыль здесь выводится из обмена, следовательно, из общественного отношения, а не из вещи.

Но в капитале, дающем проценты, фетиш завершен. Это настоящий капитал—где имеется единство процесса производства и процесса обращения—и в определенный период времени он приносит определенную прибыль. В форме капитала, дающего проценты, остается только это определение, без посредства процесса производства и процесса обращения. В капитале и прибыли имеется еще воспоминание об его прошлом; хотя различием между прибылью и прибавочной ценностью, однообразной прибылью всех капиталов—всеобщей нормой прибыли—капитал уже очень затемняется, становится темной вещью, мистерией.

В капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш завершен; самовозрастающая ценность; деньги, создающие деньги; в этой форме уж нет никаких следов его возникновения. Общественное отношение находит свое завершение, как отношение вещи (деньги, товар) к себе самой.

Дальнейший анализ процента и его отношения к прибыли сюда не относится; так же как и исследование того, в каком отношении прибыль делится на промышленную прибыль и процент. Ясно: в капитале и проценте капитал находит свое завершение, как таинственный и самого себя создающий источник процента, источник своего увеличения. В этой форме преимущественно капитал существует поэтому также для обыденного представления. Это капитал *par excellence*.

На основе капиталистического производства определенная сумма ценности, представленная в деньгах или товарах—собственно в деньгах, превращенной форме товара,—дает возможность извлечь из рабочих определенное количество труда даром; дает возможность присвоить себе определенную прибавочную ценность, прибавочный труд, прибавочный продукт; поэтому ясно, что самые деньги могут продаваться в виде капитала, но в виде товара *sui generis*. или может быть куплен капитал в форме товара или денег.

Он может продаваться, как источник прибыли. Благодаря деньгам и т. д., я даю другим возможность присваивать себе прибавочную ценность. Следовательно, естественно, что я получаю часть этой прибавочной ценности. Как земля имеет ценность, ибо она мне дает возможность выудить часть прибавочной ценности, и я, следовательно, за землю плачу эту выуженную благодаря ей прибавочную ценность, так и за капитал я плачу созданную благодаря ему прибавочную ценность. В капиталистическом процессе производства ценность капитала увековечивается, воспроизводится, кроме прибавочной ценности; поэтому естественно, что, когда деньги или товар продаются в виде капитала, они через

определенный период времени возвращаются к продавцу, и он их никогда не отчуждает, как товар, а остается их собственником. Деньги или товар продаются таким образом, не как деньги или товар, а во второй степени, как капитал, как самовозрастающая ценность, выраженная в деньгах или товаре. Они не только увеличиваются, а сохраняются во всем процессе производства. Поэтому они для продавца остаются в виде капитала, возвращаются к нему обратно. Продажа состоит в том, что третий, который употребляет их в виде производительного капитала, должен заплатить собственнику этих денег определенную часть из своей прибыли, которую он получает только благодаря его капиталу. Деньги отдаются взаем подобно земле, как вещь, создающая ценность, которая в этом создании ценности сохраняется, постоянно возвращается и поэтому также может быть возвращена первоначальному продавцу. Только благодаря возвращению к нему они являются капиталом. Иначе он продавал бы их как товар, или покупал бы на них, как на деньги. (Они на самом деле периодически отчуждаются, как средство эксплуатации труда, как средство получения прибавочной ценности).

Но во всяком случае форма сама по себе такова, что вещь существует теперь, как капитал, и капитал только, как вещь; и весь результат капиталистического процесса производства и обращения, как присущее вещи свойство; от владельца денег, т.-е. товара в его всегда обмениваемой форме, зависит, хочет ли он затратить их в виде денег, или отдать займы в виде капитала.

Здесь имеется отношение капитала, как ствола, к самому себе, как плоду, и по его собственной ценности измеряется прибыль, которую он дает, не исчезая в этом процессе, как это соответствует природе капитала.

Поэтому ясно, почему поверхностная критика, совершенно так же, как она хочет иметь товар и борется против денег, теперь со своей реформирующей мудростью направлена против капитала, приносящего проценты; не трогая настоящего капиталистического производства, она выступает лишь против одного из его результатов. Эта полемика против капитала, приносящего проценты, с точки зрения капиталистического производства, которая теперь с гордостью называет себя „социализмом“, имеется впрочем, как момент развития самого капитала; например, в семнадцатом столетии, когда еще должен был завоевать себе положение промышленный капиталист, которому всеильно тогда противостоял еще старомодный ростовщик.

Полное овеществление, искажение и извращение капитала, как капитала, приносящего проценты—где однако, внутренняя природа капиталистического производства, ее извращение выступает в наглядной форме,—представляет капитал, приносящий „проценты на проценты“; здесь он существует в виде Молоха, который требует всего

мира, как полагающейся ему жертвы; но благодаря таинственному року он никогда не удовлетворяет своих справедливых, вытекающих из самой природы его требований, постоянно наталкивающихся на препятствия.

Характерным движением капитала, как в процессе производства, так и в процессе обращения, является возвращение денег или товара к своему исходному пункту, к капиталисту. Здесь имеется, во-первых, реальная метаморфоза; товар превращается в условия своего производства, и условия производства снова в форму товара, воспроизводство. Во-вторых, формальная метаморфоза: товар превращается в деньги, деньги опять в товар. Наконец, возрастание ценности $D-T-D'$. Первоначальная ценность, растущая однако в процессе, всегда остается в руках того же капиталиста. Меняются только формы, в какой она у него имеется: как деньги, товар, или в форме самого процесса производства. Это возвращение капитала к своему исходному пункту получает в капитале, приносящем проценты, совершенно внешнюю форму, отдельную от действительного движения, формой которого он является. A затрачивает свои деньги не как деньги, а как капитал. Здесь не происходит никакого превращения денег. Они меняют лишь руки. Их действительное превращение в капитал совершается лишь в руках B . Но для A они стали капиталом, благодаря переходу денег из рук A в руки B . Действительное возвращение капитала из процессов производства и обращения происходит для B . Но для A возвращение происходит таким же образом, как и отчуждение. Из рук B они обратно переходят в руки A . Он дает деньги в займы, вместо того чтобы затрачивать их.

Всякое изменение места, занимаемого деньгами в действительном процессе производства капитала, выражает момент воспроизводства, будь то превращение денег в труд, или превращение готового товара в деньги (конец акта производства), или обратное превращение денег в товар (возобновление процесса производства, повторение воспроизводства). Изменение места денег, когда их дают в займы в виде капитала, следовательно, когда они не превращаются в капитал, а вступают в обращение в виде капитала, выражает не что иное, как переход этих самых денег из одних рук в другие. Собственником считается займодавец, но владение ими переходит в руки промышленного капиталиста. Однако, для займодавца превращение денег в капитал начинается с того момента, как он их затрачивает не в виде денег, а в виде капитала, т.-е. передает их в руки промышленного капиталиста.

Впрочем они остаются для него капиталом, когда он дает займы также не промышленнику, а расточителю; или когда он их дает займы рабочему, который не может заплатить за квартиру. На этом основан ломбард.

Во всяком случае [когда деньги отданы промышленному капиталисту], последний превращает их в капитал; но это уже другая операция,

не та, которая совершается между заимодавцем и заемщиком. Здесь этот посредствующий акт стерт, его не видно, но он непосредственно включен. Вместо действительного превращения денег в капитал, здесь выступает только бессодержательная форма. Потребительная ценность денег, как и рабочей силы, состоит в том, чтобы создать здесь меновую ценность, большую меновую ценность, чем сколько в них самих содержится. Они одалживаются, как само-возрастающая ценность, как товар, который отличается именно этой особенностью от товара, как такового, и потому так же имеет своеобразную форму отчуждения.

Исходным пунктом капитала является товаровладелец, собственник денег, короче капиталист. Так как здесь исходный и конечный пункт совпадают, то он возвращается к капиталисту. Но здесь капиталист существует вдвойне, как собственник капитала и как промышленный капиталист, который действительно превращает деньги в капитал. Фактически капитал от него исходит и к нему возвращается, но только, как к временному владельцу. Капиталист существует вдвойне, юридически и экономически. Поэтому, как собственность, капитал возвращается также к юридическому капиталисту, ко второму супругу. Но при возвращении капитала, которое включает сохранение его ценности, предполагает его, как сохраняющуюся и увековечивающуюся ценность,—имеются посредствующие звенья для капиталиста № II, а не для капиталиста № I. Поэтому здесь возвращение капитала выражается также не как следствие и результат ряда экономических процессов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом; что он отдан в займы, а не продан, следовательно, отчужден только временно. Что действительно продается, это его потребительная ценность, которая здесь состоит в том, чтобы создать меновую ценность, произвести прибыль; произвести большую ценность, чем он сам содержит. Как деньги, капитал не меняется от употребления. Как деньги, он затрачивается и, как деньги, он возвращается.

Форма, в которой он возвращается, зависит от способа воспроизводства капитала. Если он одолжен в виде денег, то он возвращается в форме оборотного капитала; возвращается вся его ценность, возросшая на прибавочную ценность, здесь на часть прибавочной ценности или прибыли, которая выражается в проценте; одолженная сумма денег плюс созданное ею приращение.

Если он одолжен в виде машин, зданий и т. д., короче, в вещественной форме, в которой он должен функционировать в процессе производства, как основной капитал, то он возвращается в форме основного капитала; например, как годовая плата, которая равна возмещению за изнашивание, равна части ценности капитала, которая вступила в обращение,—плюс та часть прибавочной ценности, которая вычисляется; как прибыль (здесь часть прибыли), процент, на основ-

ной капитал (не поскольку он является основным капиталом, а поскольку он представляет вообще капитал определенной величины).

В прибыли, как таковой, прибавочная ценность и потому ее настоящий источник уже затемнен и мистифицирован:

1. Тем, что формально прибыль есть прибавочная ценность, вычисленная на весь авансированный капитал; и каждая часть капитала, как основного, так и оборотного, затраченная на сырой материал, машины или труд, приносит одинаковую прибыль.

2. Определением всеобщей нормы прибыли; если прибавочная ценность для данного капитала, например, в 500, составляет 50, то каждая часть капитала приносит 10 процентов, так же как и весь капитал.

Таким образом вследствие определения средней нормы прибыли каждый капитал, в какой бы области он ни был занят, каково бы у него ни было отношение переменного и постоянного капитала, как бы различно ни было время его обращения и т. д.,—доставляет в тот же период времени ту же среднюю прибыль, как и всякий другой капитал при совершенно других органических условиях. Таким образом прибыль единичного капитала, рассматриваемого изолированно, и прибавочная ценность, созданная им самим в своей собственной сфере производства,—представляют реально различные величины.

Во втором пункте во всяком случае развито лишь то, что заключалось в первом.

Основанием процента служит уже превращенная форма прибавочной ценности, которой отнюдь нельзя узнать на первый взгляд; форма, отличная от ее первой простой формы, где еще заметна пуповина рождения; именно, ее бытие, как прибыли. Процент предполагает непосредственно прибыль—он представляет лишь отнесенную в особую категорию часть прибыли,—а не прибавочную ценность. В проценте, следовательно, прибавочную ценность еще труднее узнать, чем в прибыли, так как он относится к прибавочной ценности непосредственно лишь в форме прибыли.

Время возвращения денег зависит от действительного процесса производства; что касается капитала, приносящего проценты, то его возвращение, как капитала, по видимому, зависит только от условия, заключенного между займодавцем и заемщиком. Поэтому возвращение капитала, поскольку имеется в виду эта сделка, уже представляется не в виде результата, определенного процессом производства, а так, что капитал будто бы ни на один момент не терял формы денег. Во всяком случае эти сделки определяются реальным движением капитала. Но это незаметно в самой сделке.

Процент в отличие от прибыли представляет ценность собственности только на титулы капитала; то-есть он превращает собствен-

ность на деньги (сумму ценности, товар, в какой бы то ни было форме) в собственность на капитал; следовательно, здесь товар или деньги сами по себе превращаются в самовозрастающую ценность. Средства производства во всяком случае представляют капитал, лишь постольку они функционируют по отношению к рабочему, как не-собственность и потому как чужая собственность. Как таковая они функционируют однако только в противоположность труду. Существование этих условий, как противоположных труду, делает их собственника капиталистом, а эти принадлежащие ему условия — капиталом. Но в руках денежного капиталиста *A* капитал не имеет этого характера противоположности, который делает его капиталом, и который, следовательно, приводит к тому, что владение деньгами представляется в виде владения капиталом. Определенные реальные отношения, благодаря которым деньги или товар становятся капиталом, незаметны.

Денежный капиталист *A* ни под каким видом не противостоит рабочему; он противостоит только другому капиталисту *B*. Что он ему продает, это в действительности „употребление“ денег; действия, которые они создадут, когда они будут превращены в производительный капитал. Но на самом деле употребление не является тем, что он непосредственно продает. Если я продаю товар, то я продаю определенную потребительную ценность. Если я покупаю деньги на товар, то я покупаю функциональную потребительную ценность, которую имеют деньги, как превращенная форма товара. Я не продаю потребительной ценности товара вместе с его меновой ценностью; я не покупаю также особой потребительной ценности денег вместе с самими деньгами. Но до превращения и функции денег, как капитала, которой они не выполняют в руках заимодавца, — деньги, как деньги, не имеют другой потребительной ценности, кроме той, какую они имеют, как товар (золото, серебро, их вещественная сущность), или как деньги, превращенная форма товара. На самом деле, что заимодавец продает промышленному капиталисту — что происходит в этой сделке, это только следующее: он передает ему владение деньгами на определенное время. Он отчуждает свой титул собственности на известный период времени, и таким образом промышленный капиталист купил на этот период времени владение им. Его деньги представляются поэтому в виде капитала, до того как они отчуждены; только собственность на деньги или товар — отдельно от капиталистического способа производства — представляется в виде капитала. То, что он действительно оказывается капиталом лишь после отчуждения, это не меняет дела; так же как потребительная ценность хлопчатой бумаги не меняется от того, что ее потребительная ценность действительно проявляется лишь после ее отчуждения прядильщику; или потребительная ценность мяса действительно проявляется лишь тогда, когда оно перешло из лавки мясника на стол

потребителя. Деньги, которые не расходуются на потребление, товар, который опять-таки не служит для потребления собственника, делают таким образом их собственника капиталистом, и сами по себе—отдельно от процесса производства и до их превращения в „производительный“ капитал—представляют капитал, то-есть, следовательно, самовозрастающую, сохраняющуюся и увеличивающуюся ценность. Их имманентное свойство состоит в том, чтобы создавать ценность, давать проценты, совершенно так же как свойство данного дерева состоит в том, чтобы производить груши. И как такую доставляющую проценты вещь, заимодавец продает свои деньги промышленному капиталисту. Так как они сохраняются, представляют самосохраняющуюся ценность, то промышленный капиталист может их вернуть в условленный срок. Так как они доставляют определенную годовую прибавочную ценность, вернее, каждый период времени на них нарастает ценность, то он может также ежегодно или во всякий другой обычно установленный срок платить заимодавцу. Деньги в виде капитала так же доставляют ежедневно прибавочную ценность, как и заработная плата. В то время как процент представляет лишь фиксированную под особым названием часть прибыли, здесь процент представляется, как [создание капитала, свойственное] капиталу, как таковому, отдельно от процесса производства и потому обусловленное лишь простой собственностью на них, собственностью на деньги и товар; отдельно от отношений, которые придают этой собственности характер капиталистической собственности, как противоположности труду. Процент представляется, как своеобразная форма прибавочной ценности, обусловленная только собственностью на капитал, и потому свойственная капиталу; меж тем как промышленная прибыль, наоборот, представляется только как прибавка, которую заемщик получает благодаря своему производительному употреблению капитала; то-есть, благодаря своей эксплуатации рабочих посредством одолженного капитала. Это выражается также таким образом, что его функцию капиталиста здесь рассматривают, как труд, даже отождествляют с наемным трудом; при этом промышленный капиталист, действительно функционирующий в процессе производства, на самом деле представляется, как деятельный агент производства, как рабочий в противоположность ленивому, бездеятельному заимодателю денег, который является представителем функции собственности, отдельно и вне процесса производства.

Процент, не прибыль, представляется таким образом, как ценность, созданная капиталом, вытекающая из капитала, как такового, и потому только из собственности на капитал; отсюда своеобразно созданный капиталом доход. В такой форме его поэтому понимают также вульгарные экономисты. В этой форме стерты все посредствующие звенья, и готова фетишистическая форма капитала, так же как представление о капитале-фетише. Эта форма необходимо

получается оттого, что юридическая собственность на капитал отделяется от ее экономической собственности, и присвоение части прибыли, в виде процента, совершается совершенно отделенным от процесса производства капиталом *an sich* или собственником капитала.

Для вульгарного экономиста, который хочет представить капитал в виде самостоятельного источника ценности, источника, самостоятельно создающего ценность,—эта форма, конечно, является находкой, формой, в которой происхождение прибыли уж незаметно, и результат капиталистического процесса—отдельно от самого процесса—получает самостоятельное существование. В *Д-Т-Д* имеются еще посредствующие звенья. В *Д—Д'* мы имеем бессодержательную форму капитала, полное искажение и овеществление производственных отношений.

2. Размер процента.

Всеобщей норме прибыли соответствует, конечно, всеобщая норма процента или всеобщий размер процента. Дальнейшее развитие этого не входит здесь в наш план, так как анализ капитала, приносящего проценты, относится не к этому общему отделу, а к отделу о кредите. Но для выяснения этой формы капитала нужно заметить, что всеобщая норма прибыли гораздо менее является осязательным твердым фактом, чем норма процента или размер процента. Размер процента постоянно, правда, колеблется. Сегодня (на денежном рынке для промышленного капиталиста, и только об этом идет речь) он равен 2, завтра 3, послезавтра 5. Но он выражается в 2, 3, процентах для всех заемщиков. Это общее отношение всякой суммы денег, каждая из них дает 2, 3, 5 процентов; меж тем как та же сумма ценности в настоящей функции ее, как капитала, в особых областях производства доставляет очень различные действительные прибыли; из их отклонения от идеального среднего уровня только путем процесса, путем реакции постоянно создается этот уровень; и это происходит лишь в более продолжительные периоды обращения капитала. В течение нескольких лет норма прибыли в определенных областях стоит выше, следующие годы ниже. Если соединить годы или серию таких эволюций, то получится средняя прибыль. Но так она никогда не представляется, как непосредственно данное, а только как средний результат противоречивых колебаний. Иначе обстоит дело с размером процента. В своей всеобщности он является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному капиталисту предпосылкой, статьей вычисления при его операциях. Всеобщая норма прибыли в действительности существует лишь, как идеальное среднее число, поскольку она служит для оценки дей-

ствительных прибылей; она существует только, как среднее число, как абстракция, поскольку она фиксируется, как само по себе готовое, определенное, данное; но в действительности она является лишь определяющей тенденцией в движении уравнивания действительных различных норм прибыли, будь то отдельного капитала в той же области, или же различных капиталов в различных областях производства.

Определенный, одинаковый размер процента существует наоборот, не только в среднем, но и фактически, хотя и с вариациями от минимума до максимума, в зависимости от того, является ли заемщик „первоклассным“, или нет; отклонения представляются скорее, как исключения, мотивированные особыми обстоятельствами. Метеорологические бюллетени не указывают точнее стояния барометра, чем биржевые бюллетени стояния размера процента, не для того или другого капитала, а для находящегося на денежном рынке, то-есть одалживаемого капитала.

Здесь не место выяснять, откуда получается это большее фиксирование и равенство размера процента для одалживаемого капитала, в противоположность и в отличие от менее осязательной формы всеобщей нормы прибыли. Такой анализ относится к главе о кредите. Но одно ясно: колебания нормы прибыли—совершенно независимо от особых преимуществ, которыми пользуются отдельные капиталисты внутри одной и той же сферы производства—внутри каждой сферы зависят каждый раз от данной высоты рыночных цен и их колебаний около цен производства. Различие норм прибыли в различных областях может быть определено лишь путем сравнения рыночных цен различных сфер, следовательно, различных товаров, с ценами производства различных товаров. Падения нормы прибыли в особой сфере ниже идеального среднего уровня, если оно затягивается, достаточно для того, чтобы отвлечь капитал от этой сферы или исключить из нее прилив нового капитала в среднем размере. Ибо прилив нового добавочного капитала еще более уравнивает распределение капитала между особыми сферами, чем распределение занятого капитала. Наоборот, добавочная прибыль в особых сферах находится лишь путем сравнения рыночных цен с ценами производства. Как только так или иначе обнаруживается различие, начинается отлив капиталов из одной сферы и прилив их в другие сферы. Не говоря о том, что этот акт уравнивания требует времени, сама средняя прибыль в каждой особой сфере выражается лишь в средней норме прибыли, которая реализуется например, в течение семилетнего цикла и т. д., в зависимости от природы капитала. Простых колебаний ниже и выше, если они не превышают среднего уровня, если они не принимают чрезвычайных форм,—следовательно, недостаточно для того, чтобы вызвать перемещение капитала; к этому присоединяются еще создаваемые основным капиталом трудности, которые препятствуют перемещению капитала.

Кратковременные конъюнктуры могут действовать лишь в ограниченном размере, но больше на прилив и отлив добавочного капитала, чем на перераспределение капитала, занятого в различных сферах. Мы видим, что все это представляет очень сложное движение; здесь имеют значение рыночные цены в каждой особой сфере; сравнительные цены производства различных товаров; состояние спроса и предложения внутри каждой сферы; конкуренция капиталистов различных сфер; кроме того более или менее быстрое уравнивание зависит от особого органического строения капиталов (например, имеется ли больше основного или оборотного капитала) и от особой природы их товаров; в зависимости от того, насколько позволяет их природа, как потребительных ценностей, более быстрое извлечение их из рынка, уменьшение или увеличение предложения, соответственно состоянию рыночных цен.

Наоборот, при денежном капитале—на денежном рынке—противостоят друг другу лишь две группы покупателей и продавцов, спроса и предложения. На одной стороне класс капиталистов, берущих займы, на другой стороне класс дающих займы. Товар имеет ту же форму—форму денег. Все особые формы, которые получает капитал, в зависимости от того, в какой особой сфере производства или обращения он затрачен, здесь стерты. Он существует здесь в безразличной, всегда одинаковой форме самостоятельной меновой ценности, денег. Конкуренция особых сфер здесь прекращается; они здесь все соединены, как заемщики денег, и капитал противостоит также им всем в форме, в которой он еще равнодушен к форме своего применения. В соединенном спросе на капитал он здесь действительно выступает, как всеобщий капитал класса, как то, чем производительный капитал является лишь в движении и конкуренции между отдельными сферами. С другой стороны, денежный капитал (капитал на денежном рынке) действительно имеет форму, в которой он распределяется, как всеобщий элемент, равнодушный к своему особому применению, между различными сферами, среди класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с развитием крупной индустрии денежный капитал, поскольку он выступает на рынке, представлен не единичным капиталистом, собственником той или другой части находящегося на рынке капитала, а концентрируется, организуется и, в отличие от реального производства, [подчинен] контролю банкиров, служащих представителями капитала. Таким образом, в форме спроса, ему противостоит один об'единенный класс; в предложении он также является одалживаемым капиталом en masse, одалживаемым капиталом общества, концентрированным в немногих резервуарах.

Таковы некоторые из причин, по которым всеобщая норма прибыли является неясной туманной картиной наряду с твердым размером процента; хотя величина его колеблется, но это так

же не мешает тому, что он колеблется равномерно для всех заемщиков, и потому всегда им противостоит, как определенная величина,— как изменение ценности денег не препятствует тому, что они имеют одинаковую ценность по отношению ко всем товарам. Как колеблются ежедневно рыночные цены товаров, что не мешает тому, чтобы они ежедневно отмечались,— так колеблется и размер процента, который также правильно отмечается, как цена денег. Так как здесь самый капитал предлагается, как особый товар—деньги,—то поэтому установление их цены есть установление рыночной цены, как для всех других товаров; поэтому норма процента всегда представляется, как всеобщая норма процента, как определенное количество денег за определенное количество их; меж тем как норма прибыли внутри одной и той же сферы может быть различна при одинаковых рыночных ценах товаров (в зависимости от условий, в каких отдельные капиталы производят тот же товар; ибо особая норма прибыли зависит не от рыночной цены товара, а от разницы между рыночной ценой и ценой производства) и внутри различных сфер уравнивается только путем постоянных колебаний в процессе. Одним словом: лишь в денежном капитале, который отдается взаймы, капитал стал товаром, самовозрастающей ценностью; и это свойство его имеет твердую цену, отмечаемую каждый раз в проценте.

3. Борьба против капитала, приносящего проценты.

Таким образом капитал, приносящий проценты, и именно в его непосредственной форме, как денежный капитал, приносящий проценты (другие формы капитала, приносящего проценты, которые нас здесь не интересуют, являются производными от этой формы и предполагают ее), капитал получает свою чисто фетишистическую форму. Во-первых, благодаря его постоянному бытию в виде денег; в этой форме определенные отношения заглушены, и его реальные элементы незаметны; он существует только, как бытие самостоятельной меновой ценности, как ценность, получившая самостоятельное существование. В реальном процессе капитала денежная форма является преходящей формой. На денежном рынке он всегда существует в этой форме. Во-вторых, созданная этим капиталом прибавочная ценность, опять-таки в форме денег, представляется принадлежащей ему (капиталу), как таковому, потому и принадлежащей собственнику только денежного капитала, т. е. собственнику капитала, существующего отдельно от его процесса. $D—T—D$ здесь становится $D—D$. [Форма капитала является] здесь безразличной денежной формой—деньги представляют именно ту форму, в которой заглушено различие товаров, как потребительных ценностей, поэтому также различие производителей капиталов, которое [вытекает] из усло-

вий существования этих товаров, различие особых форм самих производительных капиталов. И как его форма здесь является безразличной формой, так и прибавочная ценность, которую он создает, прибавочные деньги, которые получаются, выражены в определенной норме, измеряемой только величиной денежной суммы. При 5 процентах 100 ф. ст., как капитал, представляют 105 ф. ст. Таким образом получается совершенно осязательная форма самовозрастающей ценности или денег, создающих деньги, в то же время чисто бессодержательная форма, непонятная, мистифицированная. Мы исходили в развитии капитала из $D-T-D'$, где $D-D'$ было лишь результатом. Теперь $D-D'$ является субъектом. Как свойством дерева является его рост, так создание денег ($\tau\acute{o}\chi\omicron\varsigma$) свойственно капиталу в этой чистой форме денег. Непонятную форму, которую мы находим на поверхности, и из которой мы потому исходим в анализе, мы снова находим, как результат процесса, где форма капитала все более и более удалена и оторвана от своей внутренней сущности. Деньги, как превращенная форма товара, представляли то, из чего мы исходили. Деньги, как превращенная форма капитала, есть то, к чему мы приходим, совершенно так же, как товар является, как мы видели, предпосылкой и результатом процесса производства капитала.

В этой наиболее поразительной и в то же время наиболее близкой вульгарному представлению форме, капитал является как „основной формой“ вульгарных экономистов, так и самым доступным пунктом для нападения поверхностной критики; первое объясняется тем, что внутренняя связь здесь выступает меньше всего, и капитал существует в такой форме, в которой он кажется самостоятельным источником ценности; отчасти тем, что в этой форме его противоречивый характер совершенно затушеван и незаметен; нет никакой противоположности труду. С другой стороны, он в этой форме [является наиболее соблазнительным для] нападения, так как именно эта форма выступает в наиболее иррациональном виде и представляется вульгарному экономисту наиболее легким пунктом для нападения.

Полемика буржуазных экономистов в семнадцатом столетии (Чайльд, Кёльпепер и др.) против процента, как самостоятельной формы прибавочной ценности, представляет лишь борьбу растущей промышленной буржуазии против старомодных ростовщиков, монополизировавших денежное богатство того времени. Капитал, приносящий проценты, является здесь архаической формой капитала, которая еще только должна быть подчинена промышленному капиталу и стать в зависимое от него положение, которое оно должно занять теоретически и практически на основе капиталистического производства. Буржуазия не преминула прибегнуть к помощи государственной власти здесь, как и везде, где речь шла о том, чтобы приспособить к своим интересам существовавшие тогда производственные отношения.

Ясно, что другое распределение прибыли между различного рода капиталистами, следовательно, повышение промышленной прибыли путем понижения размера процента и, наоборот, ни в коем случае не касается сущности капиталистического производства. Социализм, направленный против капитала, приносящего проценты, как „основной формы“ капитала, таким образом не только сам по уши погряз в буржуазном горизонте. Поскольку его полемика не является непонятым, бессознательным нападением и критикой самого капитала—при чем однако капитал отождествляется с производной формой его,—тот социализм есть не что иное, как скрывающееся под социализмом стремление к развитию буржуазного кредита; таким образом он только выражает недостаточное развитие отношений в стране, где такая полемика ведется под флагом социализма; она в сущности представляет лишь теоретический симптом капиталистического развития; хотя это буржуазное стремление может принимать очень страшные формы, как, например, форму „безвозмездного кредита“. Таков сен-симонизм с его прославлением [банкового дела], (потом *Crédit Mobilier*).

Коммерческая форма и форма, приносящая проценты, старшие формы капиталистического производства, промышленного капитала, который является основной формой капиталистических отношений, господствующих в буржуазном обществе;—все другие формы являются лишь производными от него, второстепенными;—производными, как капитал, приносящий проценты; второстепенными, как капитал в особой функции (которая принадлежит его процессу обращения), как коммерческий капитал; поэтому промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы, и преобразовать их в производные или особые свои функции. Эти более старые формы он застает в эпоху своего возникновения. Он застает их, как предпосылки, не как установленные им предпосылки, не как формы его собственного жизненного процесса. Как он застает вначале товар, но не как его собственный продукт; и как он застает денежное обращение, но не как момент его собственного воспроизводства. Когда капиталистическое производство развито во всех своих формах, и является господствующим способом производства, то капитал, приносящий проценты, подчинен промышленному капиталу, и коммерческий капитал представляет лишь вытекающую из процесса обращения производную форму самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы оба они должны сначала быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть; происходит насильственное понижение размера процента, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства. Настоящим способом подчинения капитала, приносящего проценты, про-

мышленному капиталу является создание его отличительной формы — кредитной системы. Насильственное понижение размера процентов представляет форму, которую промышленный [капитал] сам еще заимствует от методов прежнего способа производства, и которую он отбрасывает, как бесполезную и несоответствующую цели, когда он окреп и завоевал себе положение. Кредитная система представляет его собственное создание; это форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактурой и далее развивается вместе с крупной промышленностью. Кредитная система представляет вначале полемическую форму против старомодного ростовщика (золотых дел мастеров в Англии, евреев, ломбардов и т. д.). Произведения, которые в семнадцатом столетии впервые раскрыли его тайны, все написаны в этой полемической форме.

* * *

О проценте Джильбэрт (Дж. В.) говорит: *The History and Principles of Banking*. Лондон, 1834¹⁾:

„Что человек, который берет займы деньги с целью получить на них прибыль, должен дать заимодавцу часть прибыли, это само собой подразумевающийся принцип естественной справедливости. Человек получает прибыль обычно путем торговли. Но в средние века население было чисто земледельческое; тогда как при феодальном режиме возможна лишь незначительная торговля, и потому прибыли было мало. Поэтому законы против ростовщичества были в средние века уместны. Кроме того, в земледельческой стране человеку редко приходится брать займы, разве если он очутился в нужде по несчастному случаю“ (стр. 187, 188).

„Генрих VIII установил предел в 10 процентов, Яков I — 8, Карл II — 6, Анна — 5 процентов“ (стр. 189).

„В те времена денежные заимодавцы были, если и не легальными, то все же действительными монополистами; поэтому было необходимо установить для них границы так же, как и для других монополистов“ (стр. 189).

„В наше время норма прибыли регулирует норму процента; в те времена норма процента регулировала норму прибыли. Если заимодавец денег обременял купца высокой нормой процента, то купец должен был назначить более высокую норму прибыли на свои товары. Поэтому большая сумма денег извлекалась из кармана покупателей, чтобы переложить ее в карман заимодавца денег. Эта добавочная цена, которая накладывалась на товары, делала публику менее способной и менее склонной их покупать“ (стр. 189, 190).

Джозиа Чайльд, живший в семнадцатом столетии, возражал Томасу Мэнли в своем произведении „*Brief observations concerning Trade and The interest of money*“ (1668). Здесь взят французский перевод, озаглавленный: „*Traité sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interêt de l'argent*“, Амстердам и Берлин, 1754. С приложением „*Traité contre l'usure*“ Томаса Кёльпенера, 1621²⁾.

¹⁾ Страницы указаны здесь по третьему изданию 1837 г., так как издания 1834 г. не удалось получить.

²⁾ Французского перевода у меня не было, и его нельзя было получить также в британском музее. Цитаты сличены с английским оригиналом. К.

Чайльд возражает против произведения Мэнли „Interest of Money mistaken“ и называет Мэнли „передовым бойцом ростовщиков“. Исходным пунктом у него, конечно, служит, как во всех рассуждениях английских экономистов семнадцатого столетия, богатство Голландии, где господствует низкий размер процента. Чайльд считает этот низкий размер процента причиной богатства. Мэнли говорит, что он является лишь следствием этого богатства. „Чтобы знать, богата ли страна или бедна, нужно лишь спросить: Какой размер процента существует для денег?“ (1. с., стр. 9). †

„Как передовой боец трусливой и дрожащей банды ростовщиков, он устремляет свою главную батарею на том пункте, который я назвал самым слабым... Он именно отрицает, что низкий размер процента является причиной богатства, и уверяет, что он является лишь его действием“ (стр. 31).

„Если процент падает, то те, которые требуют обратно своих денег, вынуждены купить имущества (цены которых повышаются при большом числе покупателей) или поместить их в торговле“ (стр. 38).

„Пока процент равняется 6, никто не станет подвергать себя риску морской торговли, чтобы получить только 8—9 процентов,—прибыль, которой очень довольны голландцы, имеющие деньги по 4 и 3 процента“ (стр. 38).

„Низкий процент и высокая цена на имущества заставляя купца всегда оставаться при торговле“ (стр. 40).

„Понижение процента служит причиной бережливости нации“ (стр. 42).

„Если торговля обогащает страну, и если понижение процента расширяет торговлю, то понижение процента или ограничение ростовщичества... несомненно служит главной причиной, увеличивающей богатство нации. Отнюдь нельзя считать нелепым утверждение, что одна и та же вещь может одновременно быть причиной при известных условиях и действием при других условиях“ (стр. 47).

„Яйцо есть причина курицы и курица причина яйца... Сокращение процента может, следовательно, вызвать увеличение богатства и увеличение богатства может вызвать еще большее сокращение процента. Первое может быть достигнуто законом“ (стр. 47, 48).

„Я являюсь защитником, промышленного труда а мой противник защищает лень и безделье“ (стр. 57).

Здесь Чайльд выступает непосредственно, как передовой боец промышленного и коммерческого капитала.

„По мнению Томаса Кельпепера (1641), Джозиа Чайльда (1670), Паттерсона (1699), Локка (1700) богатство зависит даже от насильственного понижения процентной нормы золота и серебра. Такое понижение происходит в Англии в течение почти двух столетий“ (Ганиль).

Когда Юм, в противоположность Локку, объяснил, что размер процента определяется нормой прибыли, он уже имел в виду гораздо более высокое развитие капитала; а еще более Бентам, когда он в конце восемнадцатого столетия выступил в защиту ростовщичества¹⁾.

¹⁾ „Высокая прибыль, которую дает обладание золотом и серебром, так как оно дает возможность выбирать самые благоприятные моменты купли, способствовала развитию банкового дела... Банкир отличается от старого ростовщика тем... что он дает займы богатому и редко или никогда бедному. Он поэтому дает займы с меньшим риском и может это сделать на более дешевых условиях. По обеим этим причинам он избегает ненависти, которую народ питает к ростовщику“. (Ньюман, Ф. В., Lectures on Political Economy. Стр. 44. Лондон, 1851).

4. Прибыль и процент.

Производит ли капиталист со своим или чужим капиталом, или в какой пропорции он производит со своим и чужим капиталом, это само по себе совершенно безразлично. Почему же это деление прибыли на прибыль и процент не является случайным делением? Почему не считается случайным явлением, должен ли капиталист делить с другим или нет; работает ли он со своим или чужим капиталом; почему, наоборот, даже когда он производит только со своим капиталом, он все же раскалывается на собственника капитала и потребителя капитала; получаем капитал вне процесса производства и капитал в процессе производства; капитал, который сам по себе дает процент, и капитал, который дает прибыль в процессе движения.

Это основано на реальном моменте. Деньги (как выражение ценности товара вообще) только потому присваивают себе в процессе прибавочную ценность, как бы она ни называлась, и на какие бы части она ни разлагалась, что уже до процесса производства они предполагаются в виде капитала. В процессе они сохраняются, производятся и воспроизводятся, как капитал, и в постоянно увеличивающихся размерах. Но когда уже имеется капиталистический способ производства; когда работа производится на его основе и в соответствующих ему общественных условиях; когда, следовательно, речь не идет только о процессе образования капитала;—тогда деньги уже до процесса существуют в виде капитала *an sich*, в виде капитала, как такового; хотя это осуществляется лишь в процессе; лишь в самом процессе это действительно имеет место. Если бы деньги не вошли в процесс в виде капитала, то они также не вышли бы из него в виде капитала, то-есть, в виде денег, доставляющих прибыль, в виде самовозрастающей ценности; в виде ценности, создающей прибавочную ценность. Получается то же, что с деньгами. Этот кусок золота, например, есть не что иное, как кусок металла. Деньгами он является лишь благодаря своей функции в процессе обращения. Но при наличности процесса обращения товар кусок золота не только функционирует, как деньги, но он предполагается, как деньги, в каждом отдельном случае процесса обращения, прежде чем он в него входит. Капитал представляет не только результат, но предпосылку капиталистического производства. Деньги, и товар поэтому являются скрытым капиталом, это потенциальный капитал; все товары, поскольку они могут быть превращены в деньги; деньги, поскольку они могут быть превращены в такие товары, которые служат

Принудительное отчуждение феодальной земельной собственности развивается с ростовщичеством и деньгами.

„Когда на деньги можно покупать все вещи, защита интересов займодавца, который дает займы деньги землевладельцу, приводит к необходимости законного отчуждения за ссуду“. (Джон Дэльримпль, *An Essay toward a general history of Feudal Property in Great Britain*. 4 издание, стр. 124. Лондон, 1759).

элементами капиталистического процесса производства. Деньги, следовательно,—как выражение ценности товаров и средств производства—, служат, как капитал, предпосылкой капиталистического производства. Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что его делает капиталом, прежде чем он входит в процесс, так что последний только развивает его имманентный характер? Только определенные общественные отношения делают его капиталом. Живому труду противостоит прошедший труд, действию противостоит продукт, человеку вещь, труду противостоят его собственные вещественные условия, как чужие, самостоятельные, независимые суб'екты, олицетворения; короче, как чужая собственность, и в этом виде как „применяющие“ и „распоряжающиеся“ самим трудом; не он их, а они его присваивают себе. Что ценность—существует ли она в виде денег или товара,—то-есть средства производства противостоят рабочему, как чужая собственность, означает лишь то, что они противостоят ему, как собственность не-рабочего. Или же рабочий противостоит им, поскольку он является капиталистом, не как рабочий, а как собственник ценности и т. д., как суб'ект, где эти вещи имеют свою собственную волю, принадлежат себе самим, и олицетворены, как самостоятельные силы. Капитал, как предпосылка производства; капитал, не как он выходит из процесса производства, а каким он является, прежде чем он в него входит,—есть противоположность, где труд противостоит капиталу, как чужой труд, и где капитал сам противостоит труду, как чужая собственность. В капитале выражается антагонистический характер капиталистического общества; отдельно от процесса производства это выражается в собственности на капитал, как таковой.

Один этот момент, отдельно от самого процесса капиталистического производства, постоянным результатом и также постоянной предпосылкой которого он является—выражается в том, что деньги, товар *an sich*, представляют скрытый капитал; что они могут быть проданы, как капитал; и что в этой форме они представляют только собственность на капитал, капиталиста только как собственника, независимо от его капиталистических функций—[что они] сами по себе представляют власть над чужим трудом, а потому самовозрастающую ценность, и дают право на присвоение чужого труда.

Здесь ясно также, что это именно отношение есть титул и средство присвоения чужого труда, а не какой-либо труд или эквивалент, которые имеются на стороне капиталиста.

Процент является поэтому прибавочной ценностью, вытекающей из капитала, как капитала, из простой собственности на капитал; капитал доставляет эту прибавочную ценность из процесса производства, так как он входит в него, как капитал; она принадлежит капиталу, как таковому, независимо от процесса производства, хотя

она действительно получается лишь в самом процессе производства; это прибавочная ценность, которую он, как капитал, уже содержит в себе в скрытом виде. Промышленная прибыль, наоборот, [является] частью прибавочной ценности, которая принадлежит капиталисту, не как собственнику капитала, а как функционирующему собственнику, как функционирующему капиталу. Как все в этом способе производства представляется в превратном виде, так в конце концов и последнее извращение в отношении процента и прибыли; таким образом часть прибыли, выделенная в особую рубрику, представляется, наоборот, в виде продукта, принадлежащего самому капиталу, а промышленная прибыль в виде простого к ней добавления.

Денежный капиталист на самом деле получает свою часть прибавочной ценности только как собственник капитала, меж тем как сам он остается вне процесса производства; цена капитала—то-есть простого титула собственности на капитал—отмечается на денежном рынке в норме процента, как рыночная цена всякого другого товара; часть прибавочной ценности, которую дает капитал сам по себе, только собственность на капитал представляет таким образом определенную величину, меж тем как норма прибыли колеблется; каждый момент она различна в различных сферах; в каждой сфере она различна среди отдельных капиталистов; ибо отчасти они производят при различных, более или менее благоприятных условиях; отчасти они проявляют различную степень умения и энергии в капиталистической эксплуатации труда; отчасти они надувают покупателей и продавцов с большим или меньшим счастьем и хитростью (*profit upon expropriation, alienation*). Поэтому им кажется, что независимо от того, являются ли они собственниками капитала, находящегося в движении, или нет, процент обязан своим существованием капиталу, как таковому, собственнику капитала; собственнику капитала, безразлично, являются ли таковыми они, или третьи лица; а промышленная прибыль, наоборот, представляется им, как продукт их труда. Они противостоят, как функционирующие капиталисты—настоящие агенты капиталистического производства—себе самим или третьему лицу, как неподвижному бытию капитала только; капиталист, как рабочий, противостоит самому себе, или другому, как собственнику. И так как они во-первых являются рабочими, они на самом деле являются наемными рабочими и благодаря своему особому превосходству лишь лучше оплачиваемыми наемными рабочими, чем они отчасти обязаны тому обстоятельству, что они сами выдают себе плату. Таким образом процент и капитал, как капитал, приносящий проценты, выражает только противоположность вещественного богатства труду, и потому его бытие, как капитала; но в представлении это перевернуто; денежный капиталист *prima facie* не стоит в каком-либо отношении к наемному рабочему; он стоит только в определенном отношении к другому капита-

листу; а этот другой капиталист, вместо того, чтобы противостоять наемному рабочему, сам, наоборот, как рабочий, противопоставляет себе или другим [капиталистам], только как бытию капитала, как собственности только на капитал. Кроме того отдельный капиталист может или отдать займы свои деньги в виде капитала или сам употребить их в виде капитала. Поскольку он получает проценты на него, он получает лишь цену за него, которую он получил бы также, если бы он не функционировал, как капиталист, не „работал“. Поэтому ясно: тем, что он извлекает собственно из процесса производства в виде процента, он обязан только капиталу, не самому процессу производства и не себе, как представителю функционирующего капитала.

Отсюда получается также великолепная фраза некоторых вульгарных экономистов: Если бы индивидуальный капиталист не извлекал никакой прибыли, кроме процента, то он отдавал бы свой капитал на проценты и жил бы, как рантье. Так что все капиталисты перестали бы производить, и весь капитал перестал бы функционировать, как капитал; и все же можно было бы жить от его процентов. Уже Тюрго рассуждал подобным же образом: Если бы капиталист не извлекал процента, то он купил бы землю (капитализированную ренту) и жил бы рентой. Но так как земельная рента у физиократов представляла настоящую прибавочную ценность, то здесь все же процент выводится из прибавочной ценности. Меж тем как в том вульгарном понимании получается обратное отношение.

Нужно также заметить другое обстоятельство: для промышленного капиталиста, который берет займы деньги, процент входит в издержки; издержки здесь берутся в том смысле, что они выражают авансированную ценность. Капитал, например, в 1000 фунт. ст. входит в его производство не как товар ценностью в 1000 фунт. стерл., а как капитал; следовательно, если капитал в 1000 фунт. стерл. дает ежегодно 5 процентов, то он входит в годичный продукт, как ценность в 1050. Здесь, следовательно, ясно видно, что сумма ценности (и товары, в которых она представлена) не становится капиталом только в процессе производства, а служит предпосылкой процесса производства, как капитал, и потому уже содержит в себе прибавочную ценность, которая принадлежит ему, как капиталу только. Что касается промышленника, который работает со взятым займы капиталом, то в его издержки входит процент или капитал, как капитал, и таковым он является только, поскольку он доставляет прибавочную ценность. Поскольку в продукте получался бы только процент, это был бы правда излишек сверх ценности авансированного капитала, только как товара, но не сверх ценности товаров, как капитала; промышленник должен отдать эту прибавочную ценность; она относится к его авансам; к затратам, которые он сделал, чтобы произвести товар. Что касается промышленника, который работает с собственным капиталом, то он должен

самому себе заплатить проценты на капитал и рассматривает их, как аванс. На самом деле, он авансировал не только капитал, например, ценностью в 1000 фунт. стерл., а ценность в 1000 ф. стерл., как капитал, и эта ценность составляет 1050 фунт. стерл., если процент равняется 5. И это не представляет также праздного размышления для него. Ибо эти 1000 фунт. стерл. доставили бы ему, как капитал, 1050, если бы он их отдал займа, вместо того, чтобы потратить их производительно. Поскольку, следовательно, он самому себе авансирует эти 1000 фунт. стерл., как капитал, он себе авансирует 1050 фунт. стерл. Нужно избегать убытков на ком бы то ни было, хотя бы на самом себе!

Совершенно так же, как в проценте часть прибыли, прибавочной ценности, созданной капиталом, представляется авансированной капиталистом, так в сельско-хозяйственном производстве представляется другая часть, земельная рента. Это кажется менее иррациональным, так как рента является годичной ценой земли, которая таким образом входит в производство, как товар. В „цене земли“ заключается правда бóльшая иррациональность, чем в цене капитала, но не в самой форме. Ибо земля здесь выступает, как потребительная ценность, и земельная рента, как цена за эту потребительную ценность.

Иррациональное заключается в том, что то, что не служит продуктом труда—земля—должно иметь цену, следовательно, выраженную в деньгах ценность, то-есть меновую ценность; следовательно, должно рассматриваться, как овеществленный общественный труд.

По внешней форме мы имеем поэтому [в земле], как во всяком товаре, двойное выражение, как потребительной ценности и меновой ценности; и меновая ценность идеально выражается как цена, как нечто, чем абсолютно не может быть товар, как потребительная ценность. Наоборот, в выражении 1.000 ф. стерл. = 1.050 ф. стерл., или 50 ф. стерл. есть годичная цена 1.000 ф. стерл., устанавливается отношение между одинаковыми вещами, отношение меновой ценности к меновой ценности; и меновая ценность должна представлять, как отличная от себя самой, свою собственную цену, т.-е. меновую ценность, выраженную в деньгах.

Здесь, следовательно, две формы прибавочной ценности—процент и рента, результаты капиталистического производства—входят в него, как предпосылки, как авансы, которые делает сам капиталист; которые, следовательно, для него отнюдь не представляют прибавочной ценности, излишка сверх ценности сделанных авансов. Что касается этих форм прибавочной ценности, то отдельному капиталисту самому представляется, что производство прибавочной ценности относится к издержкам производства капиталистического производства; что присвоение чужого труда и излишка сверх ценности потребленных

в процессе товаров (безразлично, входят ли они в постоянный или переменный капитал) является необходимым условием этого способа производства. Это уже проявляется в том, что средняя прибыль составляет элемент цены производства товара, следовательно, условие предложения, производства товара. Но промышленный капиталист справедливо рассматривает все же этот излишек, эту часть прибавочной ценности—хотя она составляет элемент самого производства—для себя, как излишек сверх своих издержек, не относит его, подобно проценту и ренте, к своим авансам. В критические моменты прибыль на самом деле и противостоит ему самому, как условие производства, постольку, поскольку происходит ограничение или прекращение производства вследствие падения цены, которое поглощает или чрезвычайно понижает прибыль. Отсюда видно слабоумие тех, которые рассматривают различные формы прибавочной ценности, как простые формы распределения. Они представляют также формы производства.

5. Отчуждение прибавочной ценности.

Рассмотрим тот путь, который проходит капитал, прежде чем он появляется в форме капитала, приносящего проценты. В непосредственном процессе производства дело обстоит еще очень просто. Прибавочная ценность еще не получила особой формы, кроме формы самой прибавочной ценности, в которой выражается ее отличие от ценности продукта, составляющей эквивалент воспроизведенной в нем ценности. Как ценность вообще сводится к труду, так прибавочная ценность сводится к прибавочному труду, к неоплаченному труду. Поэтому прибавочная ценность измеряется также лишь той частью капитала, которая действительно меняет свою ценность—переменным капиталом; частью капитала, затраченной на заработную плату. Постоянный капитал является только условием для приведения в действие переменной части капитала. Очень просто: когда на 100 ф. стерл., выражающих труд 10 человек, покупается труд 20 человек, и ценность их продукта равна 200 ф. ст., то прибавочная ценность в 100 ф. ст. равна неоплаченному труду 10 человек. Или когда работают 20 человек, каждый работает лишь полдня на себя, полдня на капитал. Получается то же самое, как если бы оплачивался труд 10 человек, а 10 работали бы даром на капиталиста.

Здесь в этом эмбриональном состоянии отношение еще очень понятно, или лучше здесь нет ничего неясного. Трудность заключается здесь лишь в том, чтобы выяснить, как это присвоение труда без эквивалента вытекает из закона товарного обмена—из того, что товары обмениваются соответственно заключенному в них рабочему времени—как прежде всего оно не противоречит этому закону.

Процесс обращения уже стирает, уже затушевывает связь. Так как масса прибавочной ценности здесь определяется также временем обращения капитала, то кажется, что здесь входит чуждый рабочему времени элемент.

Возьмем, наконец, готовый капитал, как целое, как единство процесса обращения и процесса производства, как выражение процесса воспроизводства, как определенную сумму ценности, которая производит в определенный период времени, в определенный период обращения определенную прибыль (прибавочную ценность). В этой форме процесс производства и процесс обращения существуют еще лишь как воспоминание и как моменты, которые одинаково определяют прибавочную ценность, что скрывает ее настоящую природу. Прибавочная ценность выступает теперь в виде прибыли. Эта прибыль: 1) относится к определенному периоду обращения капитала, который отличается от рабочего времени; 2) прибавочная ценность вычисляется и сравнивается не с той частью капитала, из которой она непосредственно получается, а безразлично со всем капиталом; 3) хотя в этой первой форме прибыли сумма прибыли еще количественно тождественна с суммой прибавочной ценности, созданной особым капиталом,— норма прибыли с самого начала отлична от нормы прибавочной ценности; ибо норма прибавочной ценности $= \frac{M}{v}$, а норма прибыли $= \frac{M}{c+v}$; 4) при данной норме прибавочной ценности норма прибыли может возрастать или падать; она даже может двигаться в обратном направлении, чем норма прибавочной ценности. Таким образом прибавочная ценность в первой форме прибыли представляет уже форму, которая не только не обнаруживает непосредственно своего тождества с прибавочной ценностью, прибавочным трудом, но повидимому непосредственно ему противоречит.

Благодаря превращению прибыли в среднюю прибыль, благодаря образованию всеобщей нормы прибыли, и благодаря связанному с этим или обусловленному этим превращению ценностей в цены производства,— прибыль особого капитала не только выражается, как различие нормы прибыли и нормы прибавочной ценности, а по существу, т.-е. здесь по количеству, отличается от той самой прибавочной ценности, которую создал особый капитал в своей особой сфере производства. Если рассматривать отдельный капитал, а также весь капитал в особой сфере, то прибыль не только повидимому, а действительно отличается теперь от прибавочной ценности. Капиталы одинаковой величины доставляют одинаковые прибыли или прибыль соответствует величине капиталов. Или прибыль определяется ценностью авансированного капитала. Во всех этих выражениях отношение прибыли к органическому строению капитала совершенно стерто, его уж нельзя узнать. Наоборот, совершенно ясно то, что равновеликие капиталы, которые приводят в движение совершенно различные количества

труда, следовательно, распоряжаются совершенно различными количествами прибавочного труда, или создают совершенно различные количества прибавочной ценности, доставляют одинаковую прибыль. Таким образом, превращением ценностей в цены производства повидимому разрушено самое основание — определение ценности товаров заключенным в них рабочим временем.

По мере того, как форма прибыли скрывает свое внутреннее ядро, капитал все более и более приобретает вещественную форму; из отношения он все более становится вещью; но это вещь, которая содержит в себе, которая проглотила общественное отношение; вещь с фиктивной жизнью и самостоятельностью, которая вступает в отношение с самой собой, чувственно — сверхчувственное существо. В этой форме капитала и прибыли капитал выступает на поверхности, как готовая предпосылка. Это форма его бытия или лучше форма его действительного существования. И это форма, в которой он живет в сознании своих носителей, капиталистов, отражается в их представлениях.

Эта фиксированная, превращенная (метаморфозированная) форма прибыли (и вместе с тем капитала, как ее творца, ибо капитал есть основание, прибыль следствие; капитал причина, прибыль действие; капитал субстанция, прибыль акциденция; капитал есть капитал лишь как создающий прибыль, как ценность, доставляющая прибыль, прибавочную ценность) упрочивается в своем внешнем проявлении еще тем, что тот же процесс уравнивания капитала, который дает прибыли эту форму средней прибыли, отделяет от нее часть в виде ренты, как существующей самостоятельно и выросшей на другой почве, на земле. Рента выступает, правда, сначала как часть прибыли, которую арендатор платит землевладельцу. Но так как он, арендатор, не кладет себе в карман этой добавочной прибыли; и капитал, который он применяет, ничем не отличается от другого капитала, как капитала (так как добавочная прибыль у него получилась не благодаря капиталу, как капиталу, то он ее отдает землевладельцу), — то сама земля представляется источником этой части ценности товара (его прибавочной ценности), и землевладелец является здесь только представителем земли, как юридическое лицо. Если рента вычисляется на авансированный капитал, то остается еще нить, напоминающая об ее происхождении, как отделенной части прибыли, следовательно, вообще прибавочной ценности.

Конечно, иначе обстоит дело в том обществе, где землевладение эксплуатирует труд непосредственно. Там не трудно узнать происхождение добавочного богатства.

Но рента уплачивается за определенное количество земли; она капитализируется в ценности земли; эта ценность повышается и падает соответственно повышению и падению ренты; рента повышается или падает, когда площадь остается неизменной, в то время как величина

занятого на ней капитала меняется; различие сортов земли выражается в высоте ренты, которая должна быть уплачена за определенную квадратную единицу; вся рента вычисляется на всю площадь, чтобы определить среднюю ренту, например, с квадратного фута; рента, как всякая созданная капиталистическим производством форма ее, является также необходимой, определенной предпосылкой, которая имеется каждый момент и существует для отдельного случая, как самостоятельная форма. Арендатор должен заплатить ренту, и именно за каждую единицу площади сумму, соответствующую качеству земли. Если последнее повышается или падает, то повышается или падает рента, которую он должен заплатить за определенное количество акров; за землю, независимо от капитала, который он там употребляет; совершенно так же, как он должен заплатить процент, независимо от прибыли, которую он получает.

Вычисление ренты на промышленный капитал является еще критической формулой политической экономии; здесь еще имеется внутренняя связь ренты с прибылью, как ее основой, ее почвой. Но в действительности эта связь не проявляется; наоборот, здесь рента измеряется землей,—действительной почвой, и этим самым обрываются все посредствующие звенья и завершается ее отчужденная самостоятельная форма. Самостоятельной формой она является лишь в этом отчуждении, в полной оторванности от ее посредствующих звеньев. Квадратные фута земли дают столько-то ренты. В этом выражении, где часть прибавочной ценности—рента—представлена в отношении к особому элементу природы, независимо от человеческого труда, не только совершенно стирается природа прибавочной ценности, так как скрывается природа самой ценности, но как рента выводится из земли, так и самая прибыль теперь выводится из капитала, как особого вещественного орудия производства. Земля существует, как элемент природы, и дает ренту. Капитал состоит из продуктов, и они дают прибыль. Что одна потребительная ценность, которая производится, дает прибыль, и другая, которая не производится, дает ренту,—это только две различные формы, где вещи создают ценность; одна так же понятна и непонятна, как и другая. Ясно, что когда прибавочная ценность [распадается] на различные, особые [части], которые представлены в отношении к разным, лишь вещественно различным элементам производства—как природа, продукты, труд,—что когда она вообще получает особые формы, равнодушные друг к другу, независимые друг от друга и регулированные различными законами,—тогда их общее единство—прибавочная ценность,—а потому и природа этого общего единства становится все более и более неузнаваемой, она не выступает в явлении, а только должна быть открыта, как скрытая мистерия. Эти особые части получают самостоятельное существование, они противостоят друг другу, как совер-

шенно самостоятельные формы, что находит свое завершение в том, что каждая из этих частей сводится к особому элементу, как своему мерилу и своему особому источнику; или что каждая часть прибавочной ценности представляется, как действие особой причины, как акциденция особой субстанции. Именно: прибыль—капитал, рента—земля, заработная плата—труд.

Определения, вытекающие из процесса обращения, также кристаллизуются, как свойства определенных видов капитала, основного, оборотного и т. д.; и таким образом они представляются, как данные свойства, которые принадлежат вещественно определенным товарам.

И эти готовые отношения и формы являются предпосылками действительного производства, так как капиталистический способ производства движется в созданных им самим формах, и эти последние, его результат, в процессе воспроизводства, противостоят ему так же, как готовые предпосылки. Как таковые они определяют все действия отдельных капиталистов, их мотивы и отражаются в их сознании. Вульгарная экономия только высказывает в доктринерской форме это сознание, ограниченное в своих мотивах и своих представлениях явлением капиталистического способа производства. И чем больше она остается висеть на поверхности и служит лишь ее отголоском, представленным в известном порядке, тем больше она себя считает „согласной с законами природы“ и стоящей далеко от всякого абстрактного мудрствования.

В окончательной форме, в которой представлена прибыль в капиталистическом производстве, как данная предпосылка его, те многочисленные посредствующие звенья, превращения, через которые она проходит, стерты и неузнаваемы; поэтому также неясна и природа капитала; эта форма еще более фиксируется тем, что тот же процесс, в котором она получает свою завершенную форму, противопоставляет ей часть прибыли в виде ренты; делает ее, следовательно, особой формой прибавочной ценности, которая относится к капиталу, как вещественно особому орудию производства; совершенно так же, как рента относится к земле; но эта форма, отделенная массой невидимых членов от своей внутренней сущности, получает еще более отчужденную форму, или лучше форму абсолютного отчуждения в капитале, приносящем проценты, в разделении прибыли и процента; в капитале, приносящем проценты, как простой форме капитала; форме, в которой капитал служит предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства. Во-первых, здесь выражается абсолютная форма капитала $D—D'$. Самовозрастающая ценность. Во-вторых, здесь выпал средний член, который еще существует даже при чистом торговом капитале, $T, D—T—D'$. Это только отношение D к себе самому и измеряемое самим собой. Капитал определенно извлечен, отделен, он находится вне процесса, результатом которого он служит, в котором и благодаря которому он и является капиталом.

Здесь не говорится о тех случаях, когда процент может быть простой передачей денег и не должен выражать действительной прибавочной ценности; когда, например, деньги даются взаймы „расточителю“, то-есть для потребления. Тот же случай может однако получиться, когда они одалживаются для платежа. В обоих случаях они отдаются взаймы, как деньги, а не как капитал; но для их собственника они становятся капиталом благодаря только акту отдачи взаймы. Во втором случае, при дисконтировании или ссуде на товары, непроданные в данный момент, они могут относиться к процессу обращения капитала, необходимому превращению товарного капитала, как денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения—как в настоящем кредите,—ускоряет воспроизводство, следовательно, производство прибавочной ценности, одолженные деньги являются капиталом. Поскольку они, наоборот, служат лишь для уплаты долгов, не ускоряют процесса воспроизводства, быть может, делают его невозможным или сокращают,—они представляют лишь платежное средство, [только] деньги для заемщика, и для займодавца—капитал, на самом деле независимый от процесса капитала. В этом случае процент, как прибыль „иноп expropriation“, является фактом независимым от капиталистического производства, как такового,—от создания прибавочной ценности. Это особые формы денег, как покупательного средства для товара, приобретаемого для потребления, и как платежного средства для долгов, и эта форма процента, совершенно так же как прибыль „иноп expropriation“, представляет форму, которая правда воспроизводится в капиталистическом производстве, но не зависит от него, принадлежит другим способам производства. Однако природа капиталистического производства такова, что деньги (или товар) вне процесса производства могут быть капиталом; могут продаваться, как капитал; это может происходить также в более старых формах, в которых они не превращаются в капитал, а служат лишь деньгами. Третья более старая форма капитала, приносящего проценты, основана на том, что капиталистического производства еще нет, а прибыль получается еще в форме процента, капиталист является только ростовщиком. Это предполагает следующее: 1) Производитель работает еще самостоятельно со своими средствами производства; средства производства еще не работают с ним; даже когда к этим последним принадлежат рабы, которые однако здесь так же не составляют особой экономической категории, как рабочий скот, или представляют лишь вещественное различие. Говорящие орудия в противоположность не говорящим, чувствующим и немым. 2) Средства производства принадлежат производителю лишь номинально; то-есть, он не может по каким-либо причинам воспроизвести их, продав свои товары. Эту форму капитала, приносящего проценты, мы находим поэтому во всех общественных формах, где находятся в обращении товары и деньги,—безразлично, господствует ли в них рабский, крепостной или

свободный труд. В последней форме производитель отдает капиталисту свой прибавочный труд в форме процента, который потому включает прибыль. Здесь имеется капиталистическое производство, без его преимуществ развития общественных форм труда и вырастающих из них производительных сил труда. Форма, которая значительно преобладает у крестьян; последние уже должны покупать часть своих средств существования и орудий производства в виде товара; наряду с ними, следовательно, уже существует отдельно городская промышленность; кроме того они должны платить налоги, ренту деньгами и т. д.

6. Плата за надзор.

Процент выражает именно бытие средств производства, как капитала, в их общественной противоположности и их метаморфозе, как олицетворенных сил, противостоящих труду и стоящих над ним. Он резюмирует отчужденный характер средств производства в отношении к деятельности субъекта. Он представляет владение капиталом или только владение капиталом, как средство присвоения чужого труда, как власть над чужим трудом. Но он выражает этот характер капитала, как нечто, принадлежащее ему самому вне процесса производства и отнюдь не являющееся результатом определенного специфического характера этого процесса производства. Он выражает его не в противоположность труду, а наоборот, вне отношения к труду, и как простое отношение одного капиталиста к другому. Следовательно, как определение внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Распределение прибыли между капиталистами безразлично для рабочего, как такового. В проценте, следовательно, форме прибыли, где специфический характер капитала получает особое выражение, эта противоположность совершенно стерта и определено от него абстрагирована. Процент выражает способность денег, товаров и т. д. увеличивать свою собственную ценность; он представляет прибавочную ценность, как нечто, вырастающее из денег, товаров и т. д., как их естественное свойство; следовательно, он является только выражением мистификации капитала в крайней форме; поскольку он вообще представляет общественное отношение, как таковое, он выражает только отношение между капиталистами, отнюдь не отношение между капиталом и трудом.

С другой стороны, эта форма процента дает другой части прибыли качественную форму промышленной прибыли, заработной платы за труд промышленного капиталиста, не как капиталиста, а как рабочего (промышленника). Особые функции, которые капиталист, как таковой, должен выполнить в процессе труда, и которые принадлежат ему именно в отличие от рабочего, представляются только

как функции рабочего. Он создает прибавочную ценность не потому, что он работает, как капиталист, а потому что он, капиталист, также работает. Совершенно так же, как если бы о короле, который, как король, номинально командует армией, было бы сказано, что он командует ею не потому, что он играет роль главнокомандующего, командует армией, как носитель королевского сана; а он является королем, потому что он командует, выполняет функцию главнокомандующего. Таким образом одна часть прибавочной ценности в проценте совершенно отделяется от процесса эксплуатации, а другая часть—в промышленной прибыли—представлена, как ее прямая противоположность; не как присвоение чужого труда, а как ценность, созданная своим собственным трудом. Эта часть прибавочной ценности, следовательно, уже является не прибавочной ценностью, а ее противоположностью, эквивалентом за выполненный труд. Так как отчужденный характер капитала, его противоположность труду, лежит по ту сторону процесса эксплуатации, действительного действия этого отчуждения,—то антагонистический характер совершенно исключен из этого самого процесса. Поэтому действительная эксплуатация, то, в чем антагонистический характер осуществляется и реально только проявляется, выступает как раз, как его противоположность, как вещественно особый род труда; но как принадлежащий той же определенной общественной форме труда—наемному труду. Той же категории труда. Труд эксплуатации здесь отождествляется с трудом, который эксплуатируется.

Это превращение одной части прибыли в промышленную прибыль вытекает, как мы видим, из превращения другой части в процент. Одна часть выражает общественную форму капитала—что он является собственностью; другая часть выражает экономическую функцию капитала, его функцию в процессе производства, но в виде функции освобожденной, абстрагированной от той общественной формы, от той антагонистической формы, в которой капитал действительно выполняет эту функцию. Как это дальше подтверждается мудрыми доводами, лучше всего видно при апологетском представлении прибыли в виде заработной платы за надзор. Капиталист здесь отождествляется со своим директором, как уже заметил Смит. Во всяком случае часть заработной платы входит в предпринимательскую прибыль там, где директор не получает этой заработной платы. Капитал в процессе производства выступает, как директор труда, как его командир (*Captain of industry*), и таким образом играет активную роль в самом процессе производства. Но поскольку эти функции вытекают из специфической формы капиталистического производства, следовательно, из господства капитала над трудом, как его трудом, и потому над рабочими, как его орудиями; из природы капитала, который выступает, как общественное единство, как субъект общественной формы труда, которая олице-

творяется в нем, как власть над трудом,—этот связанный с эксплуатацией труд, который может быть перенесен также на служащего, есть труд, который во всяком случае входит в ценность продукта так же, как труд наемных рабочих; совершенно также как при рабстве труд надсмотрщика над рабами должен так же оплачиваться, как труд самого рабочего.

Если человек дал своему отношению к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям в религиозной форме самостоятельное существование, так что эти представления властвуют над ним, то ему нужны священники и их труд. Но с исчезновением религиозной формы сознания и его отношений, этот труд священника также перестает входить в процесс общественного производства. Вместе со священником исчезает труд священника, и вместе с капиталистом также исчезает труд, который он выполняет *qua* капиталист или поручает выполнять другому лицу.

Прибыль, также промышленная прибыль, соответствует величине авансированного капитала; наоборот, заработная плата, которую получает промышленный капиталист, стоит в обратном отношении к величине капитала; она значительна при небольших капиталах, так как здесь [существование] капиталиста представляет среднее между эксплуатацией чужого труда и жизнью своим трудом. [„Плата за надзор“] ничтожно мала при большом капитале, или существует совершенно отдельно, если поставлен директор. Часть труда руководства вытекает только из враждебной противоположности между капиталистом и трудом, из антагонистического характера капиталистического производства, относится к его *faux frais de production*, совершенно так же, как девять десятых „труда“, который создается процессом обращения. Директор музыки отнюдь не должен быть собственником инструментов оркестра. Для его функции, как директора, вовсе не требуется, чтобы он спекулировал на издержках по содержанию членов оркестра, чтобы его вообще сколько-нибудь касалась их „плата“. Очень странно, что экономисты, как Джон Стюарт Милль, которые придерживаются формы „процент“, „промышленная прибыль“, чтобы превратить „промышленную прибыль“ в заработную плату за надзор за трудом,—признают вместе со Смитом, Рикардо и всеми более или менее значительными экономистами, что средняя норма процента определяется средней нормой прибыли, которая по Миллю стоит в обратном отношении к норме заработной платы, следовательно, представляет не что иное, как неоплаченный труд, прибавочный труд.

Что плата за надзор вообще совершенно не входит в среднюю норму прибыли, лучше всего доказывается двумя фактами.

1. На кооперативных фабриках, где управляющий получает плату, как на всякой другой фабрике, и выполняет весь труд управления —

мастера сами являются только рабочими,—норма прибыли стоит не ниже, а выше средней нормы прибыли.

2. Тот факт, что прибыли в особых, не монополизированных отраслях производства, как у мелкого лавочника, арендатора и т. д., всегда стоят выше средней нормы прибыли, экономисты справедливо объясняют тем, что эти [люди] сами себе выдают заработную плату. Где [такой мелкий предприниматель] работает один, его прибыль состоит: 1) из процентов на его небольшой капитал; 2) из его заработной платы; 3) из той части прибавочного времени, когда его капитал дает ему возможность работать на самого себя, а не на других; части, которая не выражена уже в проценте. Но если он держит рабочих, то прибавляется их прибавочный труд.

Почтенный Нассау Сеньор превращает естественно также промышленную прибыль в плату за надзор. Но он забывает об этих пустых фразах, когда речь идет не о доктринерских фразах, а о практической борьбе между рабочими и фабрикантами. Тогда он, например, выступает против ограничения рабочего времени, так как при $11\frac{1}{2}$ час., например, рабочие работали на капиталиста лишь 1 час; продукт этого часа составлял его прибыль; не говоря о проценте, для которого они по его расчету также работают час. Здесь, следовательно, промышленная прибыль вдруг равняется не ценности, которую труд капиталиста придает товару в процессе производства; а она равна ценности, которую ей придает неоплаченное рабочее время рабочих. Если бы промышленная прибыль была продуктом собственного труда капиталиста, то Сеньору нечего было бы сетовать по поводу того, что рабочие работают даром только 1 час, вместо 2; и еще меньше он должен был бы говорить, что когда они работают вместо $11\frac{1}{2}$ часов лишь $10\frac{1}{2}$, совсем нет прибыли; он должен был бы сказать, что когда рабочие вместо $11\frac{1}{2}$ часов работают лишь $10\frac{1}{2}$, капиталист получает плату за надзор не за $11\frac{1}{2}$ часов, а за $10\frac{1}{2}$, следовательно, теряет плату за надзор в течение 1 часа. На что рабочие ему ответили бы, что если им достаточно вознаграждения за обычный труд в $10\frac{1}{2}$ часов, то капиталисту должно быть достаточно вознаграждения за высший труд в $10\frac{1}{2}$ часов.

Это непонятно у экономистов, как Дж. Ст. Милль, которые являются рикардianцами. То положение, что прибыль представляет лишь прибавочную ценность, прибавочный труд, они высказывают даже в такой форме, что норма прибыли и заработная плата стоят в обратном отношении друг к другу, и норма заработной платы определяет норму прибыли (что в этой форме ошибочно); потом они вдруг превращают промышленную прибыль, вместо прибавочного труда рабочих, в собственный труд капиталиста; разве только если они функцию эксплуатации чужого труда—называют трудом; тогда на самом деле получается, что плата за этот труд в точности равна количеству при-

своеенного чужого труда, или зависит непосредственно от степени эксплуатации, не от количества труда, созданного для капиталиста этой эксплуатацией.

Поскольку эта функция эксплуатации труда требует действительного труда в капиталистическом производстве, она выражается в жаловании управляющего.

Я говорю, непонятно, что после того, как те экономисты свели, как рикардянцы, прибыль к ее действительному элементу, их может ввести в заблуждение противоположность процента и промышленной прибыли; меж тем как это только замаскированная форма прибыли; если его рассматривают, как самостоятельную форму, то это основано на непонимании сущности прибыли. Одна часть прибыли выступает только, как промышленная прибыль, как часть, вытекающая лишь из деятельности в процессе (собственно из процесса труда, что, однако, включает одновременно деятельность функционирующего капитала), как часть, полагающаяся за труд капиталиста,—так как другая часть, процент, выступает, как часть полагающаяся капиталу, как вещи, самодеятельной, самосоздающей вещи, независимо от процесса. Так как, следовательно, капитал и вытекающая из него прибавочная ценность, в виде процента, считается мистерией. Это понимание, которое непосредственно вытекает из представлений, связанных с самой внешней формой капитала, есть прямая противоположность рикардовскому пониманию и совершенно противоречит его пониманию ценности. Поскольку капитал является ценностью, его ценность определяется заключенным в нем трудом, прежде чем он входит в процесс. Поскольку он входит в процесс, как вещь, он в него входит, как потребительная ценность; и как таковая, каково бы ни было его употребление, он никогда не может создавать прибавочной ценности. Мы видим, как великолепно рикардянцы понимают своего собственного учителя. По отношению к денежному капиталисту промышленник, конечно, совершенно прав в том, что он, представляющий функционирующий капитал, следовательно, действительно, выжимающий прибавочный труд, кладет себе в карман часть этого прибавочного труда. По отношению к денежному капиталисту он является рабочим, но рабочим, как капиталист, т. е. как эксплуататор чужого труда. По отношению к рабочему, наоборот, это комический аргумент, что эксплуатация их труда стоит капиталисту труда, и что поэтому они еще должны ему платить за эту эксплуатацию. Это аргумент рабовладельца по отношению к рабу ¹⁾.

¹⁾ Конечно, мы не можем подробно останавливаться на всех этих глупостях и нелепостях со всеми их противоречиями. Например, промышленная прибыль повышается и падает в обратном отношении к проценту или к земельной ренте. Надзор над трудом, определенное количество труда, которое капиталист на самом деле выполняет, к этому, однако, несколько не относится, так же, как и к падению заработной платы. Этот род заработной платы

Впрочем, эта апология, которая сводит прибыль к заработной плате, как заработную плату за труд надзора, сама может быть обращена против апологетов; так английские социалисты справедливо отвечали: хорошо, в будущем вы должны получать только жалованья обычных директоров. Ваша промышленная прибыль должна быть сведена не по названию, но по существу к заработной плате за надзор или руководство трудом.

И далее социалисты говорят: Труд управления, надзора теперь также может быть куплен на рынке, и его сравнительно также легко произвести и потому купить, как и всякую другую рабочую силу. Само капиталистическое производство привело к тому, что труд руководства, совершенно отделенный от владения капиталом, безразлично своим или чужим, бегаёт по улице. Совершенно не требуется теперь, чтобы этот труд руководства выполнялся капиталистом. Он на самом деле существует отдельно от капитала, но это выражается не в том, что промышленный капиталист существует отдельно от денежного капиталиста, а в том, что промышленные директора и т. д. существуют отдельно от всякого рода капиталистов. Лучшим доказательством этого служат учрежденные самими рабочими кооперативные фабрики. Они доказывают, что капиталист, как функционер производства, оказался таким же излишним для рабочих, как самому капиталисту представляется функция землевладельца излишней для буржуазного производства. Поскольку труд капиталиста не вытекает из процесса, как капиталистического процесса; следовательно, поскольку он не исчезает сам собой вместе с капиталом; поскольку он не является названием для функции эксплуатации чужого труда; поскольку он вытекает из общественной формы труда, кооперации, разделения труда и т. д.,—он также не зависит от капитала, как и самая эта форма, раз она сбрасывает с себя капиталистическую оболочку. Утверждение, что этот труд необходим, будто бы, как капиталистический труд, как функция капиталиста, доказывает только, что вульгарные экономисты не могут себе представить развившейся в недрах капитала общественной произво-

имеет именно ту особенность, что она падает и повышается в обратном отношении к действительной заработной плате, поскольку норма прибыли обусловлена нормой прибавочной ценности: и поскольку все условия производства остаются неизменными, она обусловлена исключительно этим. Но подобного рода „противоположности“ не уничтожают [тождественности] в голове апологетских вульгарных экономистов. Труд, который выполняет капиталист, остается абсолютно таким же, независимо от того, выдает ли он мало или много заработной платы, оплачивается ли труд рабочих выше или ниже. Точно так же, как заработная плата, которая выдается за рабочий день, несколько не изменяет количества самого труда. Еще более. Рабочий работает интенсивнее при лучшей плате. Наоборот, труд капиталиста есть определенная вещь; он определяется качественно и количественно количеством труда, которым он должен управлять, не платой за это количество. Он также не может повысить интенсивность своего труда, как рабочий не может обработать больше хлопчатой бумаги, чем он находит на фабрике.

дательной силы и общественного характера труда отделенным от этой капиталистической формы, от формы отчуждения, от противоположности и антагонизма его моментов; не могут представить себе отдельно от его увеличения и от его *qui pro quo*. И это именно то, что мы утверждаем.

7. Классическая экономия и вульгарная экономия.

В капитале, приносящем проценты—в разделении прибыли на процент и прибыль—капитал таким образом получил свою вещественную форму, свою чисто фетишистическую форму; здесь совершенно исчезает настоящая природа прибавочной ценности. Капитал—как вещь—здесь выступает, как самостоятельный источник ценности; как создающий ценность, таким же образом как земля в ренте, и труд в заработной плате (отчасти в настоящей заработной плате, отчасти в промышленной прибыли). Хотя все еще цена товара должна платить заработную плату, процент, ренту; но она их платит потому, что земля, которая здесь имеется, создает ренту; капитал, который здесь имеется, создает процент; и труд, который содержится в товаре, создает заработную плату; потому что они создают эти части ценности, которые достаются их собственникам или представителям,—землевладельцу, капиталисту и рабочему (наемному рабочему и промышленнику). Следовательно, с этой точки зрения, для теории нет противоречия или, если оно имеется, то это представляет одновременно противоречие, *serge visieux* действительного движения: что с одной стороны цены товаров определяют заработную плату, ренту и процент; с другой стороны, цена процента, ренты и заработной платы определяет цену товара.

Размер процента, правда, колеблется, но только как рыночная цена всякого другого товара, соответственно отношению между спросом и предложением. Это также не уничтожает процента, как чего-то имманентного, присущего капиталу, подобно тому как колебания товарных цен не уничтожают цен, как принадлежащих товарам определенных.

Земля, капитал и труд, поскольку они [выступают], как источники ренты, процента и наемного труда, и последние, как конституирующие элементы товарных цен, являются, таким образом, элементами, создающими ценность; с другой стороны, поскольку они достаются собственнику каждого из этих орудий производства ценности, они доставляют ему созданную ими часть ценности продукта, как источники дохода, и формы ренты, процента и заработной платы, как формы распределения. В этом заключается, как мы увидим ниже, в сравнении с критической экономией, последовательность глупости: именно вульгарные молодцы понимают формы распределения на самом деле лишь как формы производства *sub alia specie*; меж тем как критические экономисты разделяют их и не замечают их тождества.

В капитале, приносящем проценты, капитал является самостоятельным источником ценности или прибавочной ценности. А именно: он является этим источником сам по себе, в своей вещественной форме. Он должен, правда, войти в процесс производства, чтобы реализовать это свойство; но войти в процесс производства должны также земля и труд.

Отсюда понятно, почему вульгарная экономия форму: земля—рента, капитал—процент, труд—заработная плата предпочитает форме, которая имеется у Смита и др. для элементов цены (лучше частей, на которые она распадается); здесь [вместо формы капитал—процент фигурирует форма] капитал—прибыль; и такое выражение капиталистических отношений мы находим вообще у всех классиков экономистов. В прибыли содержится еще противоречащее их теории отношение к процессу, и еще более или менее заметна истинная природа прибавочной ценности и капиталистического производства, в отличие от ее проявления. Это прекращается, когда процент представляется, как настоящий продукт капитала; и вместе с тем другая часть прибавочной ценности, промышленная прибыль, совершенно исчезает и попадает в категорию заработной платы.

Классическая экономия старается свести путем анализа различные, чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству, и снять с них форму, в которой они равнодушно стоят друг возле друга. Она хочет понять внутреннюю связь в отличие от многообразия форм проявления. Она сводит поэтому ренту к сверх-прибыли, вследствие чего рента перестает быть особой, самостоятельной формой и отделяется от своего мнимого источника, земли. Она срывает также с процента его самостоятельную форму и доказывает, что он является частью прибыли. Таким образом она свела все формы дохода и все самостоятельные формы, титулы, под которыми не-рабочий получает часть ценности товаров, к одной форме прибыли. Но последняя сводится к прибавочной ценности, так как ценность всего товара сводится к труду; оплаченное количество заключенного в нем труда сводится к заработной плате, следовательно излишек сверх этого—к неоплаченному труду, к присвоенному под различными названиями, но обусловленному капиталом прибавочному труду. Классическая экономия в этом анализе иногда впадает в противоречие; часто она пытается непосредственно, без посредствующих звеньев, все это свести к единству, и доказать тождество источников различных форм. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода, с чего должна начинаться критика и объяснение. Она заинтересована не в том, чтобы генетически развить различные формы, а в том, чтобы путем анализа свести их к их единству, так как она исходит из них, как из данных предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его раз-

личных фазах. Классическая экономия впадает в конце-концов в ошибку, заблуждается, рассматривая основную форму капитала, производство, с целью присвоения чужого труда, не как историческую форму, а как естественную форму общественного производства; это такое понимание, для устранения которого она сама, однако, прокладывает путь своим анализом.

Совершенно иначе обстоит дело с вульгарной экономией, которая торжественно выступает также тогда, когда экономия сама своим анализом распатала, разрушила свои собственные предпосылки; когда, следовательно, уже существует опровержение экономии в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме. Ибо развитие политической экономии и из нее же самой вытекающего противоречия идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбы. Лишь когда политическая экономия достигает значительного развития—следовательно, после А. Смита—и когда она выработала себе определенные формы, от нее отделяется тот элемент, который представляет только воспроизводство явления, как представление о нем, ее вульгарный элемент, как особый вид экономии. Так [у] Сэя выделение вульгарных представлений, которые встречаются у А. Смита, продолжается, как особая кристаллизация их. С Рикардо, который своим анализом способствовал дальнейшему развитию экономии, и вульгарный экономист получает новую пищу (так как он ничего не производит сам); и чем больше экономия достигает своего завершения, чем больше она идет, следовательно, вглубь, и развивается, как система противоположности,—тем более противостоит ей самостоятельно ее собственный вульгарный элемент, обогащенный материалом, которым он по-своему пользуется; и, наконец, лучшим выражением его служит учено-синкретическая и бессистемная классическая компиляция. По мере того как экономия идет вглубь, она не только выражает сама противоречия; а ей противостоит ее противоположность, как таковая, одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная экономия становится сознательно более апологетической и старается всеми силами отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых содержатся противоречия. Сэй поэтому является еще критиком и беспартийным—ибо противоречия, как он их находит у Смита, еще относительно не развиты—в сравнении, например, с Баэтиа, проповедником гармонии и апологетом по профессии, который мог найти выяснение этих противоречий в Рикардовской экономии; они тогда выяснились так же в социализме и в происходившей тогда борьбе. К тому же вульгарная экономия вначале находит материал еще не совсем обработанным, следовательно, сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения экономии; как, например, Сэй; меж тем как Баэтиа только

является плагиатором и старается путем резонирования устранить неприятные стороны классической экономики. Но Бастия не представляет еще последней ступени. Он еще выделяется отсутствием учености и совершенно поверхностным знакомством с наукой, которую он раскрашивает в интересах господствующего класса. У него апологетика является еще страстной и представляет его настоящую работу, так как содержание экономики он берет у других, как оно ему подходит. Последняя форма это профессорская форма, которая приступает к делу „исторически“ и с мудрой умеренностью собирает везде „лучшее“; дело не в противоречиях, а в полноте. Все системы обездушены; во всех системах отломано острие; и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологетики здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в виде курьезов позволяет им плавать в своей умеренной размазне. Так как подобного рода труды появляются так же лишь тогда, когда политическая экономика, как наука, уже закончила свой путь, то они являются в то же время могилой этой науки.

Что они так же неизмеримо выше фантазий социалистов, об этом не приходится говорить.

Даже правильные мысли Смита, Рикардо и др. — не только их собственный вульгарный элемент — здесь оказываются бессмысленными и получают вульгарный характер. Такого рода мастером является господин профессор Рошер, который скромно объявил себя Фукидидом политической экономики. Его тождество с Фукидидом вероятно основано на представлении, которое он имеет о Фукидиде; именно, что последний всегда будто бы смешивал причину и действие.

* * *

Именно в форме капитала, приносящего проценты, ясно видно, что капитал без труда присваивает себе плоды чужого труда. Он здесь является в форме, в которой он отделен от процесса производства, как процесса. Только в этой форме он это делает без труда, так как он на самом деле сам, без труда, входит в процесс труда, как элемент, который сам создает себе ценность, является источником ценности. Если он присваивает часть ценности продукта без труда, то он создал ее так же без труда, из самого себя, ex proprio sinu.

В то время, как классические и потому критические экономисты останавливаются перед формой отчуждения и пытаются путем анализа сорвать ее — вульгарная экономика, наоборот, именно в отчужденности, в которой противостоят друг другу различные части ценности, чувствует себя вполне хорошо; как схоластик в форме: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой, так же чувствует себя вульгарный

экономист в форме: земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата. Именно в этой форме эти отношения, невидимому, непосредственно соединены в явлении; следовательно, в этой именно форме они живут также в представлениях и в сознании ограниченного горизонтом капиталистического производства агента его. Вульгарная экономия считает себя тем более простой, тем более естественной и общепольной, тем более удаленной от всех теоретических хитросплетений — чем более она на самом деле занята лишь тем, что переводит ординарные представления на доктринерский язык. Поэтому чем более она понимает формации капиталистического производства в отчужденной форме, тем ближе она обычному представлению, следовательно, тем более она плавает в своей настоящей стихии. Кроме того это очень выгодно для апологетики. Ибо, например, в форме земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата различные формы прибавочной ценности и различные категории капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденные; а чужие и равнодушные, как совершенно различные, без противоположности. Различные доходы вытекают из совершенно различных источников, один из земли, другой из капитала, третий из труда. Они, следовательно, не стоят во враждебной связи, так как между ними нет никакой внутренней связи. Если они все же в производстве действуют вместе, то это гармоническое действие, выражение гармонии; как например, крестьянин, быки, плуг и земля в земледелии, в действительном процессе труда, несмотря на их различие, гармонически работают вместе. Поскольку между ними имеется противоречие, оно вытекает лишь из конкуренции: кто из агентов должен себе присвоить больше от продукта, от ценности, которую они создали вместе. И если при этом иногда дело доходит до борьбы, то все же тогда в конечном результате этой конкуренции между землей, капиталом и трудом оказывается, что, в то время как они спорили между собой о распределении, они своим соревнованием так увеличили ценность продукта, что каждый получает больший кусок; так что даже их конкуренция оказывается стимулирующим выражением их гармонии.

* * *

А. Смит, как мы видели, сначала сводит ценность к заработной плате, прибыли (проценту), ренте; потом, наоборот, он рассматривает их, как самостоятельные конституирующие элементы товарных цен. В первом выражении у него указана скрытая связь, во втором — явление. Если еще больше держаться поверхности явления, то, кроме средней нормы прибыли, можно процент и даже ренту рассматривать, как конституирующие элементы товарных цен (именно рыночных цен). Процент — непосредственно, так как он входит в издержки. Рента — как цена земли — не определяет непосредственно цены продукта; но она опре-

делает способ производства: сконцентрировано ли много капитала на небольшом участке земли, или же, наоборот, на большом участке земли затрачено мало капитала; производится ли тот или другой род продукта, разводятся ли скот или производится хлеб, рыночная цена которого лучше всего покрывает цену ренты; ибо рента должна уплачиваться до истечения срока, назначенного арендатору. Чтобы она, следовательно, не составляла вычета из промышленной прибыли, пастбище превращается в пашню, пашня в пастбище и т. д. Таким образом она определяет рыночную цену отдельного продукта не непосредственно, а косвенным образом: она устанавливает такое отношение отдельных родов продукта, чтобы при данном спросе и предложении получалась самая высокая цена, которая могла бы давать ренту. И если рента таким образом не определяет непосредственно рыночной цены, например, хлеба, то она определяет непосредственно рыночную цену скота и т. д.; короче тех сфер, где рента не определяется рыночной ценой собственного продукта, а рыночная цена продукта определяется нормой ренты, доставляемой хлебной страной. Мясо, например, продается в странах с развитой промышленностью всегда слишком дорого, т.-е. гораздо выше не только его цены производства, но и его ценности. Ибо его цена должна не только покрыть его издержки производства, но ренту, которую давала бы земля, если бы на ней был засеян хлеб. Иначе мясо при крупном скотоводстве могло бы давать лишь очень незначительную или совсем не давало бы абсолютной ренты, так как там органическое строение капитала стоит гораздо ближе к [среднему], или в ней постоянный капитал превышает переменный капитал еще больше [среднего]. Но рента, которую оно платит, и которая непосредственно входит в его цену, определяется абсолютной рентой + дифференциальная, которую давала бы земля, как пахотная земля. И этой дифференциальной ренты здесь нет большей частью. Лучшее доказательство того, что мясо дает ренту с земли, где хлеб не дает ренты. Если, следовательно, прибыль входит, как определяющий момент, в цену производства, то можно сказать, что заработная плата, процент и до известной степени рента входят в рыночную цену, как определяющие моменты, и несомненно в цену производства. Конечно, как вообще движение процента определяется прибылью, так с другой стороны опять-таки хлебная рента определяется отчасти нормой прибыли, отчасти ценностью продукта и уравниванием различных ценностей на различных участках до рыночной ценности. Но норма прибыли определяется отчасти заработной платой, отчасти производительностью труда в сферах производства, производящих постоянный капитал, следовательно, в конце концов, высотой заработной платы и производительностью труда. Заработная плата сводится к эквиваленту части товара. Т.-е., она равна определенной части заключенного в товаре оплаченного труда; прибыль равна заключенной в нем части неоплаченного труда. Наконец, производительность

труда может двояким образом влиять на цену товаров: на их ценность, уменьшая ее; на их прибавочную ценность, повышая ее. Таким образом все в конце концов сводится к ценности, определяемой рабочим временем. Цена производства есть не что иное, как ценность авансированных капиталов + созданная ими прибавочная ценность, распределенная между отдельными сферами соответственно той доле, какую они составляют во всем капитале. Таким образом цена производства сводится к ценности, если рассматривать не отдельные сферы, а весь капитал.

С другой стороны, рыночные цены каждой сферы благодаря конкуренции капиталов различных сфер постоянно сводятся к цене производства. Конкуренция капиталистов в каждой особой сфере старается уравнивать рыночную цену товара с его рыночной ценностью. Конкуренция капиталистов различных сфер уравнивает рыночные ценности с ценами производства.

Рикардо высказывается против смитовского конституирования ценности частями ее, которые определяются ею самой. Но непоследовательно. Иначе он не мог бы спорить со Смитом относительно того, входят ли в ценность, то-есть, входят ли, как конституирующие, определяющие моменты, прибыль, заработная плата и рента, или, как он говорит, лишь прибыль и заработная плата. Аналитически они входят, раз они уплачиваются. Он должен был бы скорее сказать таким образом: Цена каждого товара может быть разложена на прибыль и заработную плату; цена некоторых товаров (и очень многих в осевенным образом) разлагается на прибыль, ренту и заработную плату. Но цена товара никогда не определяется ими, так как они не составляют, как самостоятельные и *de propriis fontibus* действующие потенции определенной величины, ценности товаров; когда ценность дана, она может быть разложена на те части в очень различных отношениях. Прибыль, заработная плата и рента—это не данные потенции, сложение или соединение которых определяет величину ценности; а определенная величина ценности, данная величина ценности разлагается на заработную плату, прибыль, ренту и при различных условиях очень различно распределяется между этими тремя категориями.

. Предположим, процесс производства постоянно повторяется при одних и тех же условиях, то-есть воспроизводство происходит при тех же условиях, как производство; что предполагает неизменную производительность труда, или по крайней мере предполагает, что изменения производительности не изменяют отношений агентов производства; когда, следовательно, самые ценности товаров вследствие изменений производительности повышаются или падают, распределение ценности товара между агентами производства осталось бы то же; в этом случае хотя теоретически было бы неверно, если бы мы ска-

зали, что различные части ценности определяют ценность или цену целого; но было бы практично и верно, если бы мы сказали, что они ее конституируют, поскольку под конституированьем понимается образование целого посредством сложения частей. Ценность постоянно делилась бы одинаково на ценность и прибавочную ценность; и ценность разлагалась бы одинаково на заработную плату и прибыль; прибыль одинаково распадалась бы на процент, промышленную прибыль и ренту. Можно было бы, следовательно, сказать: во-первых, цена товара распадается на заработную плату, прибыль (процент) и ренту; и, с другой стороны, заработная плата, прибыль (процент), рента конституируют ценность или лучше цену. Этой равномерности или равенства воспроизводства—повторения производства при тех же условиях—не существует. Производительность изменяется и изменяет условия [производства]. Условия с своей стороны изменяют производительность. Но отклонения обнаруживаются отчасти в поверхностных колебаниях, которые в течение короткого периода уравниваются; отчасти в постепенном накоплении отклонений (*divergences*), которые или приводят к кризису, насильственному, кажущемуся возвращению к старым отношениям; или же лишь очень постепенно признаются и укрепляются, как изменение условий. В форме процента и ренты, представляющих антиципированную прибавочную ценность, предполагается, что общий характер воспроизводства остается тот же. И это имеет место, пока продолжается капиталистический способ производства. Во-вторых, предполагается даже, что в большей или меньшей степени также происходит на самом деле, что для определенного времени определенные отношения этого способа производства остаются такими же. Таким образом результат производства фиксируется, как определенное, потому предполагающееся условие его, и именно как определенное свойство вещественных условий производства. Этой видимости самостоятельности различных элементов, на которые постоянно распадается цена производства, и которые она постоянно воспроизводит, кладут конец кризисы.

Приложение.

I. Прудон о проценте.

Полемика Прудона с Бастиа о проценте характерна, во-первых, для того способа, как вульгарный экономист защищает категории политической экономии; и, во-вторых, как поверхностный социализм (полемика Прудона едва ли заслуживает этого названия) критикует их. Мы к этому возвращаемся в главе о вульгарных экономистах. Здесь сделаем лишь несколько предварительных замечаний.

Обратное движение не должно было бы поражать Прудона, как своеобразное явление, если он вообще что-нибудь понимал в движении капитала. Также и прибавочная ценность возвращаемой суммы. Это характеризует капиталистическое производство.

Но у него, как мы увидим, прибавочная ценность представляет прибавку. Он вообще выступает в своей критике по-школьничьи и отнюдь не усвоил первых элементов науки, которую он хочет критиковать. Так, например, он никогда не представлял себе денег, как необходимой формы товара. (См. первую часть). Здесь он даже смешивает деньги и капитал, так как одалживаемый капитал является, как денежный капитал, в форме денег.

Что могло его поразить, это был не излишек, за который не уплачивался эквивалент, ибо прибавочная ценность—и на ней основано капиталистическое производство—есть ценность, которая не стоила эквивалента. Здесь нет ничего характерного для капитала, приносящего проценты. Характерным является только—поскольку мы рассматриваем форму движения—первый момент, как раз обратное тому, что думает Прудон; именно, что заимодавец отдает деньги, не получая с самого начала эквивалента за них; и что таким образом возвращение капитала с процентом, поскольку сделка происходит между заимодавцем и заемщиком, [представляет нечто другое, чем] метаморфозы, которые претерпевает капитал, и которые, поскольку они представляют лишь метаморфозы экономических форм, выражаются, как ряд меновых актов: превращение товара в деньги, превращение денег в товар;

поскольку они представляют реальные метаморфозы или процесс производства, они совпадают с промышленным потреблением. Потребление образует таким образом момент движения экономической формы.

Но чего деньги не делают в руках заимодавца, то они делают в руках заемщика, который действительно употребляет их, в виде капитала. Свое реальное движение, как капитал, они проделывают в руках заемщика. К нему они возвращаются, как деньги + прибыль, деньги + $\frac{1}{x}$ денег. Движение между заимодавцем и заемщиком выражает только начальный и исходный пункт капитала. Как деньги, они переходят из рук *A* в руки *B*. В руках *B* они становятся капиталом, и, таким образом, после известного оборота возвращаются с прибылью. Этот промежуточный акт, действительный процесс, который включает как процесс обращения, так и процесс производства, нисколько не касается сделки между заемщиком и заимодавцем. Она снова наступает лишь после того, как деньги уже реализованы, как капитал. Теперь деньги возвращаются в руки заимодавца, с излишком, который представляет лишь часть реализованного заемщиком излишка. Часть этого излишка, которая остается заемщику, представляет промышленную прибыль, которую он получил лишь благодаря одолженным деньгам. Все это незаметно в сделке между заемщиком и заимодавцем. Она ограничивается двумя актами. Переход из рук *A* в руки *B*. Пауза, когда деньги [функционируют] в руках *B*. Возвращение денег с процентами после паузы в руки *A*. Таким образом если рассматривать лишь эту форму—эту сделку между *A* и *B*,—то имеем только форму капитала без ее посредствующих звеньев—деньги, которые затрачиваются в виде суммы *A* и через определенный период времени возвращаются в виде суммы $A + \frac{1}{x}A$; здесь нет никаких посредствующих звеньев, за исключением того периода времени, которое протекает между отливом суммы *A* и ее возвращением в виде суммы $A + \frac{1}{x}A$. И эту иррациональную форму, эту форму, которая во всяком случае, как самостоятельное движение, имеется наряду с действительным движением капитала, форму, которой это последнее отщипывается и завершается, господин Прудон кладет в основу своего анализа; тогда все ему должно быть непонятно. Если бы прекратилась эта форма займа, [если бы еще только покупалось и продавалось], то, полагает он, излишек исчез бы. [На самом деле] исчезло бы лишь распределение излишка между двумя группами капиталистов. Но это распределение может и должно постоянно снова повторяться, раз товар или деньги могут превращаться в капитал; и это всегда возможно на основе наемного труда. Если бы товар и деньги не становились капиталом—и потому не могли бы также одалживаться в виде потенциального капитала, то они не должны были бы противостоять наемному труду. Если они таким образом не противо-

стоят ему, как товар и деньги, и труд, следовательно, сам не становится товаром, то это означает не что иное, как возвращение к способам производства, предшествующим капиталистическому производству, где они не превращаются в товар, но масса труда является в виде крепостного или рабского труда. Со свободным трудом, как основой, это возможно лишь тогда, когда рабочие являются собственниками условий своего производства. Свободный труд развивается внутри капиталистического производства, как общественный труд. Что рабочие становятся собственниками условий производства, означает, следовательно, что последние принадлежат об'единенным рабочим; рабочие производят, как таковые, и подчиняют себе свое собственное производство, как об'единенное производство. Но если мы хотим, подобно Прудону, уничтожить наемный труд и таким образом основу капитала, и связанное с ним „зло“, путем отрицания производной формы капитала, то это выходит по-школьничьи.:

[Его воззрения развиты в произведении, которое содержит в четырнадцать письмах дискуссию между Бастиа и Прудонем от 1849 г. Первое письмо принадлежит Шеве, одному из редакторов „Voix du peuple“. Шесть писем написаны Прудонем, семь Бастиа. Оно озаглавлено: „Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Bastiat et M. Proudon“. Париж 1850].

Ссуда кажется Прудону злом потому, что это не продажа. Отдавать на проценты „есть возможность всегда снова продавать тот же самый предмет и постоянно снова требовать его цены, никогда не отказываясь от собственности на собственность, которую продают“ (1 письмо, стр. 9). Что его сбивает с толку, это то, что „предмет“ (например, деньги или дом) не меняет собственника, как при купле и продаже. Но он не видит, что при отдаче денег не получают обратно эквивалента; что, наоборот, в действительном процессе, в форме и на основе процессов обмена получается не только эквивалент, но и неоплаченный излишек; поскольку происходит обмен предметов, нет изменения ценности; тот же [индивидуум] является по-прежнему владельцем той же ценности. И поскольку получается прибавочная ценность, нет обмена. Когда снова начинаются процессы обмена товара и денег, излишек уже поглощен в товаре. Прудон не понимает, как из закона обмена ценностей вытекает прибыль, следовательно, также процент. „Дом“, „деньги“ и т. д. должны поэтому обмениваться не как „капитал“, а как „товар по цене издержек“ (à prix de revient). (3 письмо, стр. 44).

„На самом деле, шляпочник, который продает шляпы..., получает их ценность, не больше, не меньше. Но капиталист, отдающий займы, не только получает обратно целиком свой капитал; он получает больше, чем капитал; больше, чем он дает в обмен; он получает сверх капитала процент“ (5 письмо, стр. 69).

Шляпочники господина Прудона, невидимому, являются не капиталистами, а ремесленниками.

„Так как процент на капитал в торговле прибавляется к заработной плате, и вместе с последней образует цену товара, то рабочий не может купить того, что он сам произвел. Жить работая (*arbeiten, vivre en travaillant*)—это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие“ (7 письмо, стр. 105).

В девятом письме (стр. 144—152) доблестный Прудон смешивает деньги, как средство обращения, с деньгами в виде капитала, и заключает поэтому, что существующий во Франции „капитал“ дает 160 процентов. Именно 1600 миллионов годовых процентов в государственных долгах, ипотеках и т. д. на капитал в миллиард, „сумму наличных денег (*numéraire*)“, которые обращаются во Франции“.

Далее:

„Так как при накоплении процентов денежный капитал от одного обмена до другого постоянно снова возвращается к своему первоисточнику, то отсюда следует, что повторная ссуда, которая всегда исходит из одних и тех же рук, постоянно вновь доставляет прибыль тому же лицу“ (стр. 150).

Так как капитал ссужается в форме денег, то он думает, что денежный капитал, то-есть наличные деньги обладают этим специфическим свойством. Все должно продаваться, не одалживаться. Другими словами: как он хотел иметь товар, но не хотел, чтобы он стал „деньгами“, так он здесь хочет иметь товар, деньги, но чтобы они не развились в капитал. Если снять все фантастические формы, это означает лишь то, что от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства не следует переходить к крупной промышленности.

Так как ценность есть не что иное, как отношение, и все продукты необходимо стоят в отношении друг к другу, то отсюда следует, что с общественной точки зрения продукты всегда представляют ценности и верные ценности (*valeurs faites*)¹⁾. Разницы между капиталом и продуктом для общества не существует. Это различие совершенно субъективно; оно существует только для индивидуумов“ (13 письмо, стр. 250).

Какое несчастье, когда такие немецко-философские фразы, как „субъективно“, случайно попадают в руки какого-нибудь Прудона. Социальные, общественные формы для него „субъективны“. Субъективная и к тому же ошибочная абстракция,—что так как меновая ценность товара выражает отношение между товарами, то она выражает любое отношение между товарами, а не третье, к которому товары стоят в известном отношении—эта ошибочная „субъективная“ абстракция есть „общественная точка зрения“; с этой точки зрения таким образом

¹⁾ Прудон замечает, что во французской торговле „*valeur faite*“ называется очень верная ценность, например вексель известной платежеспособной фирмы, который принят и переведен на столь же известные и платежеспособные фирмы. Больше всего, думает он, деньги представляют „*valeur faite*“, так как они содержат в себе свое собственное обеспечение и утверждены государством. К.

не только товар и деньги тождественны, но также товар, деньги и капитал. Так на самом деле с этой „общественной точки зрения“ все коровы серы.

Наконец прибавочная ценность появляется также в форме морали: „Каждый труд должен доставлять излишек“ (стр. 155). С этой моралью получается, конечно, великолепное определение прибавочной ценности.

II. Лютер о ростовщичестве.

Лютер, живший в эпоху разложения средневекового мелко-буржуазного общества на элементы современного общества—процесс этот был ускорен мировой торговлей и открытиями золотых россыпей—знает капитал естественно лишь в двух его архаических [формах] капитала, приносящего проценты, и купеческого капитала. Окрепшее уже капиталистическое производство в эпоху своего младенчества старается насильственно подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу.—Сначала мы это наблюдаем в Голландии, где прежде всего [расцветает] капиталистическое производство в форме мануфактуры и крупной торговли. В Англии в семнадцатом столетии это было провозглашено, отчасти в очень наивных формах, первым условием капиталистического производства. При переходе к капиталистическому способу производства, наоборот, признание „ростовщичества“, старомодной формы капитала, приносящего проценты, как условия производства, как необходимого производственного отношения, составляет первый шаг; потом, когда промышленный капитал подчинил себе капитал, приносящий проценты (восемнадцатое столетие, Бентам), он даже признает его права, рассматривает его как плоть от плоти своей.

Лютер стоит выше Прудона. Различие между „одолживанием“ и „куплей“ его не сбивает с толку; как одно, так и другое представляет, по его мнению, ростовщичество. Главным пунктом его нападения является то, что процент вырастает в капитал, и это очень ясно выражено в его полемике.

Первое произведение, на котором здесь нужно остановиться, это его „*Bücher von Kauffshandel und Wucher*“, 1524 года, 6 часть сочинений Лютера. Виттенберг 1589. (Это было написано накануне крестьянской войны).

Там он говорит о торговле (купеческом капитале):

„Купцы очень жалуются теперь на дворян или разбойников (понятно, почему купцы идут с князьями против крестьян и рыцарей. М.); какой опасности они подвергаются в торговле; к тому же их захватывают, бьют, обременяют податями, грабят и т. д. Но если бы они это претерпевали в интересах справедливости, то, конечно, купцы были бы святыми людьми... Однако, великое беззаконие, противохристианское воровство и разбойничество совершается по всему миру купцами, даже по отношению друг к другу; что же удивительного в том,

что бог устраивает так, чтобы то большое богатство, которое нечестно приобретено, было потеряно или ограблено, и чтобы кроме того их били или захватывали. И князья должны надлежащей властью наказывать за такую неправедную торговлю и принимать меры к тому, чтобы купцы не обирали так ужасно его подданных. Так как они этого не делают, то бог посылает рыцарей и разбойников, и через них он наказывает купцов за их бесчестие; это его диаволы; подобно тому как он наказывает Египет и весь мир дьяволами, или посылает врагов. Таким образом он счеет одного негодяя другим, и не дает при этом понять, что рыцари являются меньшими разбойниками, чем купцы: ибо купцы ежедневно грабят весь мир, а рыцарь грабит один или два раза в год одного или двоих" (стр. 296)

"...Все идет по изречению Исаии: Твои князья стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, которые украли гульден или пол-гульдена; и ведут дела с теми, которые грабят весь мир, и воруют спокойнее, чем все другие; так что остается правильной пословица: Крупные воры вешают мелких воров; и как говорил римский сенатор Катон: Простые воры валяются в тюрьмах и в оковах, а общественных воры ходят в золоте и шелку. Но что наконец скажет на это бог? Он сделает, как он говорит устами Езекииля: князей и купцов, одного вора с другим он будет плавить вместе, как свинец и медь; как бывает, когда сгорает город, и нет ни князей, ни купцов; я опасаясь, что это уже стоит у двери" (стр. 296).

Интересна также „проповедь на притчу о богаче и бедном Лазаре и т. д.“. Виттенберг 1523.

„О богатом человеке мы не должны судить по его внешнему поведению, ибо он облекся в овечью шкуру; и его жизнь блестит и сияет красиво, и искусно скрывает волка. Ибо евангелие не бранит его за то, что он совершил предубодеяние, убийство, грабеж, святотатство или что-либо такое, что мог бы порицать мир или разум. Он вел такую примерную жизнь, как тот фарисей, который постился два раза в неделю и был не таким, как другие люди.

Третье произведение, которое нас здесь интересует, это „An die Pfarrrherrn, wider den Wucher zu predigen usw“. Виттенберг 1540 (без нумерации страниц); здесь говорится о торговле (купле, продаже) и ссуде. Лютера не сбивает с толку это различие форм, как Прудона.

„Я писал пятнадцать лет тому назад против ростовщичества, так как оно так глубоко вкоренилось уже, что я не видел надежды на улучшение? С тех пор оно так подняло голову, что уж не хочет быть пороком, грехом или позором, а величается добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Как помочь беде, когда позор стал честью и порок добродетелью? Сенека говорит от естественного разума. Deest remediū locus, ubi, quae vitia fuerunt, mores fiunt. Германия стала такой, какой она должна стать, гнусная алчность и ростовщичество погубили ее до основания... Прежде всего о ссуде и займе. Если дают займы деньги и требуют или берут за это больше или лучшее, то это ростовщичество, осуждаемое во всех законах. Поэтому все те, которые, ссужая деньги, берут таким образом пять, шесть или больше на сто, те являются ростовщиками; они умеют устраниваться; они называются идолопоклонниками, слугами алчности или мамоны... Следовательно, то же должно быть сказано о хлебе, ячмене и других товарах; если за это требуют больше или лучшее, то это ростовщичество, украденное и награбленное богатство. Ибо давать займы означает, что, если я кому-либо даю мой деньги, имущество или орудия, чтобы он этим пользовался, пока ему нужно, или пока я могу и хочу,—он мне своевременно возвращает то же самое, в таком же виде, в каком я это одолжил ему. Как сосед одалживает другому миски, кружки, кровати, платье, следовательно, также деньги и денежную ценность. За это я ничего не должен брать...

„Торговля, следовательно, также превращается в ростовщичество. Но для одного раза это слишком много. О ссуде мы должны теперь сказать то же, что о ростовщичестве; против ростовщичества мы выступали, (недавно. М.); теперь привлечем к ответу и торговое ростовщичество.

„Благородный ростовщик, следовательно, говорит: Милый, как теперь обстоит дело, я оказываю своему ближнему большую услугу тем, что даю займы сто из 5, 6, 7 10 процентов. И он меня благодарит за такой заем, как за особое благодеяние. Даже просит меня об этом, добровольно и непринужденно сам предлагает мне давать пять, шесть, десять гульденов на сто. Разве я не должен этого брать без ростовщичества, с чистой совестью?... Можешь хватать, наряжаться, украшаться, если хочешь; не изворачивайся, придерживайся твердо текста: При одалживании нельзя брать большего или чего-либо лучшего. Но если кто берет больше или лучшее, то это ростовщичество; и это означает, что ближнему оказана не услуга, а вред, подобно воровству и грабежу.

„Не все то является услугой и благодеянием по отношению к ближнему, что называют услугой и благодеянием. Ибо прелюбодейка и прелюбодей оказывают друг другу большую услугу и доставляют друг другу удовольствие. Рейтар (кавалерийский солдат) оказывает поджигателю большую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах, нападать на страны и людей. Паписты оказывают нашим большую услугу тем, что они не всех топят, сжигают, убивают, гноят в тюрьме, а оставляют некоторых в живых и высылают их или отбирают у них то, что они имеют. Сам дьявол оказывает своим служителям великую, неоценимую услугу, помогает им и дает совет, делает их богатыми, великими, сильными господами. Итак, мир полон великих, прекрасных, ежедневных услуг и благодеяний... Поэты пишут о циклопе Полифеме, что он обещал Улиссе оказать ему милость: сожрать сначала его товарищей, а его после всех. Да, это тоже была услуга и большое благодеяние.

„В таких услугах и благодеяниях усердно упражняются теперь благородные и неблагородные, крестьяне и мещане: они закупают, сохраняют, создают дороговизну, повышают цену на хлеб, ямень и все, что необходимо, умывают руки и говорят: Да, что нужно иметь, то нужно иметь, я это предоставляю людям, но я мог бы это оставить у себя. Так, следовательно, бог тонко обманут и одурачен... Так люди стали даже святыми, как дети... Следовательно никто, уж не занимается ростовщичеством, нет алчных и злых; мир состоит исключительно из святых; каждый услуживает другому, никто не причиняет другому вреда...

„Поэтому, если кто-либо дает займы и берет больше или лучшее, тот грешит против бога, как ростовщик. Если же он этим оказывает услугу, то это услуга проклятому дьяволу, хотя бедному, нуждающемуся человеку эта услуга нужна, и он должен считать услугой и благодеянием, что его еще не совсем сожрали... Он тебе оказывает и должен тебе оказывать такую услугу (заниматься ростовщичеством. М.), если он хочет иметь больше денег“.

Отсюда мы видим, что ко времени Лютера ростовщичество очень усилилось, мы уже имеем апологию его, как „услуги“ (Сэй-Бастиа). Уже имеется теория конкуренции или гармонии: „Каждый услуживает другому“.

В лучшую эпоху древнего мира ростовщичество было запрещено, то-есть запрещен был всякий процент. Потом [оно было разрешено] законом. Оно широко распространяется. Теоретически всегда [господствовал] тот взгляд (как у Аристотеля), что оно само по себе дурно. В христианские средние века оно является грехом и запрещено „канонами“.

У Лютера мы видим еще католически-языческий взгляд на [ростовщичество]. Ростовщичество широко распространяется, отчасти благодаря тому, что правительство нуждается в деньгах; отчасти благодаря развитию торговли и мануфактуры; благодаря необходимости превращения продукта в деньги. И уже утверждается его гражданская правомерность.

Голландия первая дает апологию ростовщичества. Там оно впервые выступает в новом виде; оно уже подчинено производительному или коммерческому капиталу.

В Англии в семнадцатом столетии предметом полемики служит уже не ростовщичество само по себе, а только лишь величина процента; его доминирующее отношение к кредиту. [Возникает] потребность в создании формы кредита. Насильственные определения.

Восемнадцатое столетие. Бентам. Свободное ростовщичество признано элементом капиталистического производства.

Процент, как возмещение убытка.

Лютер продолжает:

„Может случиться, и часто так бывает, что я, Иван, одалживаю тебе, Балтазару, сто гульденов, которые мне необходимо получить обратно ко дню св. Михаила; а если ты опоздаешь, то я от этого пострадаю. День св. Михаила настает, ты мне не возвращаешь этих ста гульденов. Тогда судья хватает меня за горло, заключает в тюрьму, или на меня обрушивается другое несчастье, пока я не заплачу. Я сижу в тюрьме, мое питание, мое здоровье сильно страдает. До этого ты меня доводишь своим опаздыванием и таким образом оплачиваешь мне злом за мое благодеяние. Что мне тогда делать? Я продолжаю страдать, ибо ты медлишь и спишь, и каждый день, пока ты медлишь и спишь, проходит с ущербом и вредом для меня. Кто должен нести или дать удовлетворение за этот ущерб? Ибо ущерб наконец становится невыносимым гостем в моем доме, пока я не погибну.

„Хорошо, это дело мирское и юридическое (теологию мы пока должны оставить в стороне); таким образом ты, Балтазар, должен мне дать сверх этих ста гульденов все, что я потерял, и покрыть все убытки. Ибо это твоя вина; ты меня довел до этого; это то же самое, как если бы ты взял у меня преступно. Поэтому справедливо, чтобы ты мне все вернул, как основную сумму, так и убыток; так говорит разум и естественное право... Такой ущерб в юридических книгах называется по-латыни интерес. И такое одалживание конечно не является ростовщичеством; это доброе дело, настоящая, похвальная, честная услуга, оказанная ближнему... Здесь еще возможен другой ущерб. Если ты, Балтазар, не возвращаешь мне этих ста гульденов, ко дню св. Михаила, и мне предстоит покупка; если я мог купить сад, землю, дом, или что-нибудь такое, из чего я мог бы извлечь большую пользу или имел бы пропитание для себя и своих детей, то я должен от этого отказаться; из-за тебя я терплю убыток и из-за твоего опаздыванья и сна уж никогда не смогу этого купить и т. д. Но если бы я тебе не одолжил своих ста гульденов, а оставил их у себя, то я мог бы половину уплатить судье, а на другую половину купить сад. Я тебе их одолжил, и потому получил двойной ущерб: здесь я не могу уплатить, а там не могу купить; и таким образом я должен страдать вдвойне; это называют *duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis*... Такого одалживанья, в котором заключается ущерб или интерес, теперь нет в торговле. Здесь все является лишь ростовщичеством. Ибо после того как они услышали, что Ганс потерпел ущерб, одолжив сто гульденов, и требует справедливого возмещения своего убытка, они моментально делают то же самое, и на каждые сто гульденов накидывают возмещение за двойной ущерб, именно за ущерб из-за несвоевременного платежа и вследствие невозможности купить сад; как будто такой двойной ущерб естественно прирос к этим ста гульденам; когда они дают займа сто гульденов, то они насчитывают на них двойной ущерб, которого они, однако, не имели... Потому ты ростовщик, так как ты возмещаешь деньгами твоего ближнего свой вымышленный убыток, которого тебе никто ведь не причинил, и ты его не можешь ни доказать, ни вычислить. Такой убыток юристы называют *non verum, sed phantasticum interesse*. Убыток, который человек сам выдумывает... Нельзя следовательно говорить, что мог бы получиться тот ущерб, что я не мог бы ни уплатить, ни купить... Это называется *Ex contingenta necessarium*; то чего не было, превратить в то, что должно было бы быть; то, что сомнительно, превратить в нечто, безусловно достоверное. Не должно ли такое ростовщичество в короткое время проглотить весь мир... У заимодавца случайно, помимо его воли может полу-

читься несчастье, и он должен оправиться, но в торговых сделках этого нет; здесь имеем противоположное явление; здесь ищут и измышляют ущерб, с ближнего, живущего в нужде; хотя таким образом нажиться и разбогатеть, лентяйничать, бездельничать, кутить и щеголять, благодаря труду других людей, которые несут заботы, опасности и убытки; я сию за печкой и даю мои сто гульденов, чтобы работали на меня, и так как это одолженные деньги, то я их несомненно буду иметь в кошельке, без всякой опасности и заботы; милый, кто бы этого не хотел?

„И что сказано об одолженных деньгах, то должно быть отнесено также к одолженному хлебу, вину и подобным товарам; здесь также возможен такой двойной ущерб. Но этот двойной ущерб но приос естественно к товару, а может получиться случайно, и потому его нельзя считать раньше, чем он случился и доказан. Если же этого нет, и все же требуют и берут возмещение, то мы должны знать, что это ростовщичество и несправедливость... Мир не может существовать без ростовщичества, алчности, высокомерия, без разврата, прелюбодеяния, убийства, без воровства, без богоухуства и различных грехов... Ростовщичество должно быть, но горе ростовщикам...“

„Все мудрые, разумные язычники также всегда порицали ростовщичество, как зло. Так Аристотель Полит. 1 говорит, что ростовщичество противоречит природе, по следующей причине: ростовщик всегда берет больше, чем дает. А добродетель, наоборот, требует: равное за равное, *aequalitas arithmetica* и т. д... Но это значит позорно наживаться, если берут у других людей, воруют или грабят; такие люди называются, с позволения сказать, ворами и разбойниками, для которых существует виселица; между тем ростовщик является благородным вором и разбойником и сидит в кресле; потому их называют благородными разбойниками. Язычники могли определить от чистого разума, что ростовщик четырежды вор и разбойник. Но мы христиане держим их в таком почете, что благовоеем перед ними из-за их денег... Кто высасывает у другого его пищу, грабит и ворует, тот совершает такое же страшное убийство (поскольку он в этом виновен), как тот, который морит другого голодом и замучивает его до смерти. Но это делает ростовщик и сидит себе спокойно в своем кресле; хотя было бы более справедливо, если бы он висел на виселице, и был бы пожирал столькоми воронами, сколько он украл гульденов. Как бы на нем было столько мяса, чтобы столько воронов могли бы на нем поживиться...“

О ростовщичестве, о капитале, приносящем проценты, он говорит ¹⁾:

„Мне говорят, что теперь на каждую лейпцигскую марку взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто; некоторые присоединяют еще сюда нейенбергскую марку, так что получается 40 на 100; я не знаю, так это или нет. Стыдитесь, куда же к чорту это в конце концов приведет? Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40,—это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1000 фл., то получает ежегодно 400,—это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10.000, то получает ежегодно 4.000,—это значит пожрать богатого графа. Если он имеет 100.000, как это случается у богатых торговцев, он взимает ежегодно 40.000; это значит пожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1.000.000, то он получает 400.000—это значит пожрать за один год крупного короля. И не грозит ему никакая опасность, ни жизни его, ни имущества; ничего не работает, сидит себе за печкой и печет яблоки, и этот благородный разбойник мог бы сидеть дома и в десять лет сожрать целый мир“.

Лютер говорит нам здесь, как возникает ростовщический капитал, благодаря разорению мелкой буржуазии, крестьян, рыцарей, дворянства,

¹⁾ Следующее место цитируется в манускрипте из „*Bücher von Kauffshandel und Wucher*“ (см. стр. 399). Также в 3 томе „Капитала“, 2 часть, стр. 150 (Рус. пер. изд. 1923 г. стр. 151—152). Это неверно, оно имеется в произведении: „*An die Pfaffen etc.*“ Поэтому мне пришлось его вместе с относящимся сюда комментарием здесь переставить, не придерживаясь того порядка, который имеется в манускрипте. К.

князей. Во-первых он получает прибавочный труд и также средства производства посадского жителя, крестьянина, цехового, короче, мелкого товаропроизводителя, которому нужны деньги, например, чтобы платить до того, как он превратит свой товар в деньги, когда некоторые из своих средств производства он уже сам покупает и т. д. Во-вторых, он получает от владельцев ренты, которую он себе присваивает; следовательно, от расточительного, кутящего богатства. Ростовщичество способствует, во-первых, образованию самостоятельного денежного капитала: далее оно присваивает себе средства производства, то-есть разоряет собственников старых средств производства; поскольку оно приводит к этим двум результатам, оно является могучим средством в образовании предпосылок промышленного капитала—могучим агентом в отделении средств производства от производителя. Совершенно аналогично купцу. И оба они имеют то общее, что образуют самостоятельный денежный капитал, то-есть сосредоточивают в своих руках часть годового прибавочного труда, средства производства, накопленный годовой труд, в форме денежных знаков. Действительно имеющиеся у них в наличности деньги составляют лишь незначительную часть, как ежегодно накапливаемых сокровищ, так и оборотного капитала. Они накаплиют денежное богатство, так как им достается значительная часть как годового производства, так и годовых доходов, и достается именно не *in natura*, а в превращенной форме денег. Поэтому поскольку деньги не обращаются активно, как наличные деньги, не находятся в движении,—они сосредоточены в их руках: отчасти в их руках находятся также резервуары обращающихся денег; и еще более находится и накапливается в их руках титулы на производство, но как титулы на товар, превращенный в деньги, как титулы на деньги. Ростовщичество во-первых является разрушителем феодального богатства и собственности. Во-вторых, разрушителем мелко-буржуазного, мелко-крестьянского производства; короче всех форм, где производитель еще является собственником своих средств производства.

В капиталистическом производстве рабочий не является собственником условий производства, ни земли, которую он возделывает, ни инструмента, с которым он работает. Но этому отчуждению условий производства соответствует здесь реальное изменение самого способа производства. Орудие становится машиной; рабочий работает [на фабрике] п т. д. Самый способ производства делает уж невозможным связанное с мелкой собственностью расщепление орудий производства, так же как и расщепление самих рабочих. В капиталистическом производстве ростовщичество уж не может отделить условий производства от рабочего, от производителя, так как они уже отделены.

Ростовщичество централизует богатство, специально в форме денежного богатства, лишь там, где средства производства расщеплены; где, следовательно, рабочий производит более или менее самостоятельно,

как мелкий крестьянин, цеховой, (мелкий купец) и т. д., как крестьянин или ремесленник, безразлично, является ли этот крестьянин крепостным или нет, является ли этот ремесленник цеховым или нет. Он присваивает себе здесь не только ту часть прибавочного труда, которая находится в распоряжении самого крепостного, или весь прибавочный труд, где он имеет дело со свободными крестьянами и т. д.; он присваивает себе орудия производства, номинальным собственником которых остается крестьянин и т. д.; он к ним относится в самом производстве, как собственник. Ростовщичество покоится на этой основе, на этом способе производства; оно не изменяет его, а как паразит садится на него и доводит его до жалкого состояния. Он высасывает его, истощает его, и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более и более ужасных условиях. Отсюда народная ненависть против ростовщичества, даже при древних отношениях, когда определенные производственные отношения—собственность производителя на средства своего производства—служили также основой политических отношений, основой самостоятельности граждан. Это прекращается, когда рабочий уж не имеет средств производства. Вместе с тем прекращается также могущество ростовщичества. С другой стороны, пока господствует рабство, или прибавочный труд съедается феодалами и их челядью, и они попадают под власть ростовщичества, способ производства остается тот же; только он становится более суровым. Впавший в долги рабовладелец или феодал высасывает больше, так как из него самого высасывают; или он в конце концов уступает место ростовщику, который сам становится землевладельцем и т. д., как рыцарь и т. д. в древнем Риме. Вместо древнего эксплуататора, эксплуатация которого была более или менее орудием политической власти, появляется суровый, алчный выскочка. Но самый способ производства не меняется.

Революционно действует ростовщик при всех докапиталистических способах производства лишь политически, разрушая и уничтожая формы собственности, которые постоянно воспроизводились и служили основой политических группировок. Оно способствует также централизации; но централизации на основе старого способа производства, благодаря чему общество, кроме рабов, крепостных и т. д., и их новых господ, превращается в простой народ. При азиатских формах ростовщичество может долго существовать, не вызывая ничего, кроме экономического и политического упадка, но не производя реального разложения. Только в такую эпоху, когда имеются остальные условия капиталистического производства—свободный труд, мировой рынок, разложение старых общественных отношений, развитие труда до известной ступени; развитие наук и т. д.,—ростовщичество является одним из моментов, способствующих возникновению нового способа производства; а также разорению феодалов, столпов антибуржуазного

элемента; и разрушению мелкой индустрии, сельского хозяйства и т. д.; короче централизации условий труда в виде капитала.

Что ростовщики, купцы и т. д. владеют „денежным капиталом“, означает лишь то, что капитал нации, поскольку он, выражен в товаре и деньгах, концентрируется в их руках.

Капиталистическое производство сначала борется с ростовщицеством, поскольку сам ростовщик не становится производителем. Когда капиталистическое производство окрепло, власть ростовщичества над прибавочным трудом, которая связана была со старым способом производства, уже прекратилась. Промышленный капиталист непосредственно кладет себе в карман излишек в виде прибыли; он уже также отчасти завладел условиями производства, и часть годового накопления присваивается им непосредственно. С этого момента, именно с развитием промышленного и коммерческого капитала, ростовщик, то-есть займодавец, получающий проценты, является лишь лицом, которое отделено от промышленного капиталиста вследствие разделения труда, но подчинено промышленному капиталу.

[В своем осуждении ростовщичества Лютер продолжает таким образом]:

„Барышники и ростовщики будут здесь кричать, что необходимо письменное обязательство. На это юристы тотчас же давали хороший ответ: *In malis promissis*. Теологи говорят: письменное обязательство, данное дьяволу, ничего не значит, если оно написано и запечатано кровью. Ибо что противно богу, праву и природе, то равняется нулю. Поэтому князь, и кто только может это сделать, должен тотчас же взять этот документ и разорвать его, не опасаясь, что его будут ругать за то, что он потерял честь и веру.

„Таким образом, нет большего врага человечества на земле, после дьявола, чем скряга и ростовщик, ибо он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воины, тираны тоже дурные люди, но они должны давать людям жить и сознают, что они дурные люди и враги; они могут, даже должны иногда сжалиться над другими. Но ростовщик и скряга хотел бы, чтобы весь мир погиб от голода, жажды, горя и нужды; он хотел бы, чтобы все принадлежало ему одному, и чтобы все получали от него, как от бога, и вечно были его крепостными. Тогда душа его радуется, это освежает его кровь. В то же время он носит куньи плащи, золотые цепи, кольца, платья; он утирает себе рот; он хочет казаться и слыть хорошим благочестивым человеком, который гораздо милосерднее самого бога, гораздо добрее, чем мать божья и все святые...

„Школьные учителя должны стремиться к тому, чтобы мальчики и молодежь научились и привыкли пугаться и отплевываться при названии ростовщика, как самого страшного дьявола. Для этого они имеют очень много прекрасных мифов, где язычники жаловались на скряжничество и ростовщичество; подобно Церберу, собаке у входа в тартар, оно имеет три рта, которых нельзя насытить; там говорится о великих подвигах Геркулеса, о многочисленных чудовищах, об ужасных страшилищах, от которых он спасает страну и людей. Ибо ростовщик это ужасное чудовище, подобное оборотню, который все опустошает, больше Какуса, Герiona, Антуса и т. д. Но он наряжается и хочет казаться благочестивым, чтобы не видели, куда деваются быки (которых он тащит за дом в свою пещеру). Но Геркулес слышит рев быков и крики пленников; этот жалобный крик теперь обращен ко всем князьям и государям; нужно искать Какуса среди скал и ущелий, чтобы освободить быков от злодея. Ибо Какус это злодей в образе благочестивого ростовщика; он ворует, грабит, все пожирает и хочет, чтобы думали, что он этого не делал; и чтобы никто не нашел его; он это делает подобно Какусу, который таскал в свою пещеру быков за хвост, так что по следам, можно было думать, что они оттуда выпущены. Ростовщик также хочет дурачить мир, чтобы все думали,

что он полезен и дает миру быков, меж тем как он только тянет их к себе и пожирает их ¹⁾...

„Поэтому ростовщик и скряга на самом деле не является настоящим человеком; он и грешит не по-человечески; он должен быть обратнем; он превосходит всех тиранов, убийц, разбойников; он зол, как сам черт; и он живет не как враг, а как друг и гражданин, пользуясь благами мира и под защитой законов страны; но он грабит и убивает ужаснее всякого врага и поджигателя. И если колесуют и обезглавливают грабителей с большой дороги, убийц, то сколько следовало бы колесовать ростовщиков, какое кровопусканье нужно было бы им устроить; всех скряг нужно было бы изгнать, предать проклятию и обезглавить“...

Какая живописная [картина]! Характер старомодного ростовщичества, так же как и капитала вообще, изображен очень метко, с этим „Interesse Phantasticum“, с этим „ущербом, от природы приросшим“ к деньгам и товару, с этой фразой об общепольности; с благочестивым видом ростовщика, который не похож на „других людей“; который делает вид, что дает, меж тем как он берет; что он выпускает, меж тем как он тащит к себе и т. д.!

¹⁾ Прекрасная иллюстрация вообще для капиталиста, который представляет дело так, как будто от него исходит то, что он тащит в свою пещеру от других; он устраивает так, чтобы оно двигалось задом, и чтобы казалось, что оно из нее вышло.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

(Если автору посвящается особая глава, то начало ее указано числом, напечатанным жирным шрифтом).

- Anderson 34, 52.
 Aristoteles 401, 402.
 Bailey, Samuel, 25, 94, **105** и след., 143, 149, 158, 215, 246.
 Barton 200 и след.
 Bastiat 80, 389, 390, 395 и след., 401.
 Bentham 369, 399, 401.
 Buchanan 313.
 Büsch 200.
 Cairns 201.
 Carey 154, 211.
 Cazenove 13, 14, 22, 28, 29, 32.
 Chalmers 49, 256.
 Cherbuliez **292** и след.
 Child 366, 368, 369.
 Constanancio 195.
 Corbet 238, 239, 288.
 Culpoper 366, 368, 369.
 Dalrymple 370.
 Destutt de Tracy 117, 153.
 Fourier 197.
 Galiani 221.
 Ganilh 369.
 Gilbart 368.
 Godwin 52.
 Hodgskin 216, **218** и след., 348.
 Hopkins 219, 313.
 Hume 369.
 Inquiry, автор **52** и след., **99** след., 257 след., 339.
 Jones, R. **309** след.
 Labour, John, 218.
 Laing 243.
 Lalor 239.
 Locke 369.
 Luther **399** след.
 Mac Culloch 27, 75, 76, 80, 88, 89, **142** след., 197, 222.
 Malthus, Thomas Robert, **13** след., 61, 66, 68, 69, 71, 92, 93, 99, 101, 102, 103, 127, 130, 132, 142, 144, 149, 156, 215, 221, 334.
 Manley 368, 369.
 Mill, James, 27, 28, 50, 65, **73** след., 139, 140, 142, 145, 146, 150 след., 154, 156, 221, 267, 307.
 Mill, John Stuart 72, 158, **160** след., 383, 384.
 Morton 348.
 Mullion, Mordesai, 157.
 Newman, F. W. 369.
 Outlines, автор 13, **54** след., 142.
 Owen, R. 197, 217.
 Pamphletist **197** след., 214 след., 221, 250, 257.
 Patterson 369.
 Prévost, G., 88, **89** след., 157.
 Proudhon **395** след., 399, 400.
 Quincey **104** след.
 Ramsay, G. **263** след., 292, 293, 297, 334.
 Rayenstone, Percy **214** след., 221, 254.
 Ricardo 14, 15, 16, 23, 27—31, 46, 47, 48, 59—61, 63, 68, 69, 73, 74, 76, 78—85, 89—95, 97, 98, 101—106, 111, 117, 118, 125, 126, 129, 130, 135, 138—140, 142, 144, 145, 149, 152—157, 160, 162, 171, 195, 200, 211, 213—215, 219—221, 268, 269, 272, 284, 305—308, 311—313, 315, 318, 335, 345, 383, 389, 390, 393.
 Roscher 145, 154, 157, 234, 353, 390.
 Rousseau 52.
 St. Simon 197, 367.
 Say, I. B. 68, 80, 82, 100—102, 104, 145, 152—6, 195, 389, 401.
 Senior, Nassau 28, 284, 384.
 Sismondi 46, 48, 49, 52, 215, 217, 239, 292, 305, 306, 308, 313.
 Smith, Adam 5, 13, 15, 19, 24, 26, 29, 49, 52, 59, 60, 63, 90, 93, 98, 101, 102, 104, 145, 146, 153, 171, 211, 219, 221, 224, 235, 272, 332, 337, 349, 382, 383, 388, 389, 390, 391, 393.
 Spence, Thomas 54.
 Steuart, James 164, 201, 309.
 Stirling, P. I. **159** след.
 Storch 286.
 Torrens, R. 22, **59** след., 66, 68, 76, 139, 140, 149, 215, 221.
 Townsend 34, 52.
 Turgot 224, 339, 373.
 Ure 346.
 Verbal Observer **93** след., 105 след., 122, 137, 140, 246.
 Wakefield 82, **158** след.
 West 54.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	3
I. Томас Роберт Мальтус.	
1. Ценность и прибавочная ценность	13
2. Переменный капитал и накопление	31
3. Перепроизводство и чрезмерное потребление	35
4. Автор „Inquiry“	52
5. Автор труда „Outlines“	54
II. Разложение Рикврданской школы.	
1. Р. Торренс	59
2. Джемс Милль	73
a) Прибавочная ценность и прибыль	76
b) Заработная плата	84
c) Спрос, предложение, перепроизводство	89
d) Прево	93
3. Polemические произведения	—
a) „Verbal Observer“	99
b) Еще раз автор „Inquiry“	104
c) Томас де Квинси	105
d) Вэли	—
α) Ценность	125
β) Ценность труда	135
λ) Ценность и цена	142
4. Мак Каллок	158
5. Уэксфилд и Стирлинг	160
6. Джон Стюарт Милль	—
a) Прибыль и издержки производства	180
b) Повышение прибыли, благодаря собственному производству постоянного капитала	184
c) Прибыль и изменение ценности постоянного капитала	193
d) Прибавочная ценность и изменение ценности постоянного капитала	—
III. Опровержение экономистов на основе Рикардовой теории.	
1. Памфлетист	197
a) Прибавочный труд и проценты на проценты	204
b) Обмен между доходом и капиталом	209
c) Внешняя торговля и богатство	214
2. Перси Равенстон	218
3. Томас Годекин	219
a) Labour defended etc	221
b) Сосуществующий труд	247
c) Проценты на проценты	259
d) Popular Political Economy	—

IV. Джордж Рамзэй.

1. Капитал—историческая категория	263
2. Ценность и цена производства	266
3. Постоянный капитал и норма прибыли	272
4. Процент и предпринимательская прибыль	284

V. Шербулье.

1. Постоянный и переменный капитал	292
2. Машина и рабочий	294
3. Норма прибыли	297
4. Отголоски Рикардо и Сисмонди	305

VI. Ричард Джонс.

1. An Essay on the Distribution of Wealth. Земельная рента	309
2. An Introductory Lecture. Рабочий фонд и норма прибыли	321
3. Textbook	326
a) Доход и капитал	—
b) Исторический характер капиталистического способа производства	332
c) Способ производства и производительные силы	338
d) Накопление и норма прибыли	348

VII. Прибыль, процент и вульгарная экономия.

1. Капитал - фетиш	353
2. Размер процента	362
3. Борьба против капитала, приносящего проценты	365
4. Прибыль и процент	370
5. Отчуждение прибавочной ценности	375
6. Плата за надзор	381
7. Классическая экономия и вульгарная экономия	387

Приложение.

1. Прудон о проценте	395
2. Лютер о ростовщичестве	399
Указатель имен	406

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „П Р И Б О Й“

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 52, телефон 5-45-77.
Отделение в МОСКВЕ: Петровские-лин., 1-й под'езд, телеф. 2-24-09.

Вышли из печати:

- Е. Маркс.** Теории прибавочной ценности. Т. I и II (часть 1-ая).
Г. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли XIX в.
Е. Каутский. Экономическое учение Карла Маркса.
Е. Каутский. Возникновение семьи и брака.
Л. Ленин. Аграрный вопрос в России в конце XIX века.
П. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. (3-е изд.).
П. Бухарин. Пролетарская революция и культура.
Н. Батурич. Очерки по истории соц.-дем. в России. (6-ое изд.).
Е. Шелавин. 1 мая в России.
Е. Шелавин. Рабочий класс и его партия (история РКП).
Е. Шелавин. Очерки истории Русской революции 1917 г. Февраль-июльские дни.
А. Сперков. Классовые противоречия в I Гос. Думе.
С. Дубровский. Столыпинская реформа.
Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие.
Г. Сафаров. Тактика большевизма. (2-ое изд.).
Г. Зиновьев. Полоса великих битв.
Татьяна Гришоревичи. Теория ценности Маркса и Лассаля.
М. Покровский. Очерки по истории русской культуры. Часть I и II.
М. Покровский. Франция до и после войны. (3-е изд.).
М. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература.
Адам Смит. Исследование о богатстве народов.
К. Витфогель. Наука в буржуазном обществе.
Н. Андреев. История первобытной культуры.
Н. Лященко. Очерки аграрной революции в России.
П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси.
А. Тюменев. История труда. (5-ое издание).
А. Тюменев. Теория исторического материализма.
А. Тюменев. Капитализм в древней Греции.
А. Тюменев. Очерки социальной и экономич. истории древней Греции. Том I.
Э. Толлер. Эуген несчастный. Драма.
А. Герасимович. У истоков религии.
Уиттон Сикклер. Деньги. (Роман).
А. Струн. История одной бомбы.
Д. Бударянский. Как жили люди в старину.
Флотский день в клубе К. С. М. (Сборник).
Г. Носке. Исповедь кровавой собаки.
В. Северный. Тысяча Либкхнехтов.
Джон Рид. Штурм отжившего мира.
Львов-Рогачевский. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. „Звенья“. — Альманах.
А. Аросев. На перекрестке. Драма.
А. Аросев. Никита Шорнев и другие рассказы.
Хрестоматия классовой борьбы. Ч. I, 3-е издание. „Крестьянство и пролетариат“.
Хрестоматия классовой борьбы. Ч. II, 2-е издание. „Революция на Западе“.
Хрестоматия классовой борьбы. Ч. III, 2-е издание. „Революция в России“.
Хрестоматия материализма. Ч. I-я. „Французский материализм в XVIII в.“.
Красная хрестоматия. Книга для чтения в паршколах и политкружках.
Путь к Коммунистическому Интернационалу. — Сборник статей и документов.
Р. Арский. Рур—могила капитализма.

- С. Ковалев.* Курс всеобщей истории. Т. 1-й.
Я. Захер. История великой французской Революции.
В. Буштетт, А. Покровский и А. Харнас. Древний Восток.
В. Сорокин. Юные пионеры. (Популярное руководство).
С. Вознесенский. Экономическое развитие и классовая борьба в истории России XIX в.

- „Спутник рабочего“*—календарь на 1924 г.
Смычка с деревней.—Сборник материалов по работе в деревне. (3-е изд.).
Венюк на могилу Ильича. (Сборник статей, характеристик, воспоминаний).
О. Барабацев. Чему учил Владимир Ильич молодежь?
А. Гильбо. Ленин.
М. Ольгинский. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“.
С. Пионтковский. 9-ое января.
С. Пионтковский. Февральская революция.
Граунт-Аллен. Эволюция понятия о боге.
Я. Захер. Промышленный переворот в Англии и его последствия для Европы.
И. Книжник. Что читать по общественным наукам? (2-е изд.).
И. Книжник. Что и как читать начинающим?
Деревенский театр.—Сборник пьес.
Берженцев. Как вести собрания? (5-е изд.).
К. Паллон. Приключения боцмана Бирке.
К. Эвальд. История двуногого.
Я. Пикнулович. Как и почему мы победили. (Очерки и воспоминания).
В. Вьязев. Ржаные апостолы.
С. Драницын. Конституция С. С. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р. в ответах и вопросах.
Проф. А. Большанов. Экономика и быт советской деревни 1917—24 г.г.
Проф. А. Пиневич. Основные проблемы современной школы.
Спутник антирелигиозника.

Находятся в печати:

- И. Лепешинский.* На повороте. (2-ое изд.).
К. Маркс. Теории прибавочной ценности. Т. II, ч. 2-я.
В. Невский. Очерки по истории Р. К. П. Т. I.
Протоколы 2 Сезда Р. С. Д. Р. П. со вступительной статьей и комментариями *Лепешинского.*
К. Тахтарев. Петербургское рабочее движение 90-х годов с приложением воспоминаний о В. И. Ленине.
Де-Лион. Две страницы из Римской истории.
А. Сленков. Аграрный вопрос перед революцией 1905 года.
Англия и Франция на исходе XVIII в.
Ю. Липперт. История культуры.
М. Ракоши. Фашизм.
Султан Заде. Уголь и нефть.
И. Лященко. Очерки аграрной революции в России. (3-е издание).
Д. Рикардо. Начала политической экономии и налоги.
Философия техники—сборник статей и материалов.
К. Мейер. Экономическое развитие древнего мира. (3-е издание).
К. Мейер. Рабство в древности. (3-е издание).
Н. Андреев. Рим.
Хоз». Инженерос Принципы биологической психологии, с пред. Л. Аксельрод.
Методологическое пособие для пропагандистов и лекторов. (2-е издание).
Ян Корчак. Несчастья короля Матюша.
Катерла (Жеромский). Роза. (Драма).
В. Беренштам. В тисках ссылки.
К. Лоеле. Цюллинггер и сверхгерманцы.
Спутник спортсмена. (Под ред. Собецкого).
Д-р Бакалейников. К здоровью и силе.
Витфогель. Кто самый глупый. Пьеса.
И. Беннер. Газета и ее работники.
Д. Боголепов. Деньги в Советской России.
Л. Фробениус. Детство человечества.
А. Покровский. Православие и язычество.
И. Лященко. История экономических учений.
М. Оленев. О „кризисе“ марксизма.
Гобсон. Империализм.
Г. Майерс. История великих американских богатств.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
4	7 снизу	Прилив и отлив	Обратные движения
7	30 сверху	июньского сражения	июньской бойни
24	32 "	покупаемого	покупающего их
27	13 "	тем, что	там, где
—	3 снизу	ценность	цену
30	19 сверху	первые	основные
31	20 "	ценой	ценностью
48	18 "	работе	труде
65	15 "	действительный	действительно
69	20 "	капитал., товар	товар., капитал
72	24 "	Джемс	Дж. Ст.
74	26 "	так как, напр. вино, должно	так как он, напр. вино, должен
84	3 "	от	свободный от
97	2 снизу	превращение	извращение
108	20 сверху	соразмерными	соизмеримыми
114	4 снизу	деньгах	золоте
120	7 сверху	„Способность обмени- ваться“	„Способность обмени- ваться, покупатель- ная сила“
123	6 снизу	денег; приводит	денег приводит
—	3 "	определением	определение
129	17 сверху	$\frac{1}{3}$	$\frac{2}{3}$
157	3 снизу	страна	земля
162	9 сверху	их	ее
164	12 снизу	Джемс	Дж. Ст.
174	25 сверху	$3\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{3}$
220	11 снизу	общим	обычным
225	1 сверху	известной массы	известная масса
229	6 снизу	значение ценности	ценность
261	23 "	удобное существование	более приятную жизнь
—	27 "	денежные деньги	бумажные деньги
264	20 "	осуществленный	овеществленный
288	8 сверху	торговые	торговцы